

ЮЛИЯ СИДУР – КАРЛ АЙМЕРМАХЕР

*“Время новых
надежд...”*

Переписка 1986–1992

Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО-XXI)

СЕРИЯ «АИРО – ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ»
под редакцией Г.А. Бордюгова

Прощание с Вадимом Сидуром, 1986. Слева направо: Эльфи Зигль, Петер Бауэр, Борис Биргер, Юлия, Рената фон Майдель, Владимир Воловников, Лариса Воловникова. Фото: Э. Гладков

Юлия Сидур – Карл Аймермахер
«Время новых надежд...»

Переписка 1986–1992

Обработка текста
Владимира Воловникова

Москва
2014

СЕРИЯ «АИРО – ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ»
ОСНОВАНА В 1995 ГОДУ

Переписка публикуется в связи с 90-летием
Вадима Сидура

На первой странице обложки:
Вадим Сидур. «Портрет жены» (1969, гипс, металл).

Дизайн и вёрстка: *Сергей Щербина*

Юлия Сидур – Карл Аймермахер. «Время новых надежд...». Переписка 1986–1992 / Обработка текста Владимира Воловникова. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 512 с., илл. – (Серия «АИРО – первая публикация в России» / под ред. Г.А. Бордюгова).– ISBN 978-5-91022-258-2.

Переписка между Юлией Нельской (Сидур) и Карлом Аймермахером, начавшаяся в 1986 г. (год смерти Вадима Сидура) и продолжавшаяся до 1992 г., является во многих смыслах примечательным историческим источником по эпохе перестройки. Она показывает, как произведения интереснейшего советского скульптора, остававшиеся на протяжении сорока лет практически неизвестными на родине, постепенно выходили к зрителю, и получили вдруг широкую известность. Это происходило в ходе противоречивых событий в стране, на фоне процесса распада старых партийных и государственных органов власти. Переписка касается формирования новой повседневности, основополагающих изменений в культурных и эстетических ценностях, а также колоссальных сдвигов в экономической и политической системе страны.

© Нельская Юлия, 2014
© Аймермахер Карл, 2014
© Воловников Владимир, 2014
© Авторы фотографий, 2014
© АИРО-XXI, 2014

ISBN 978-5-91022-258-2

Светлой памяти незабвенной Юлии Сидур.

С любовью,

Андреа фон Кнооп

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Владимир Воловников</i> Переписка Юлии Нельской (Сидур) и Карла Аймермахера. 1986–1992 гг.....	7
<i>Карл Аймермахер, Гизела Рифф</i> Юлия Сидур	10
Переписка	
1986	21
1987	118
1988	263
1989	364
1990	402
1991	440
1992	474
<i>Георгий Геннис, Наталья Нольде</i> «Нам вдвоем никогда не бывает скучно...».....	483
Выражение благодарности	487
Краткие биографические сведения	488
Указатель имен	502

Юлия, 1956

ПЕРЕПИСКА
ЮЛИИ НЕЛЬСКОЙ (СИДУР)
И КАРЛА АЙМЕРМАХЕРА
. 1986–1992 гг.

Со смертью московского скульптора Вадима Сидура летом 1986 г. прекратилась его переписка с немецким славистом Карлом Аймермахером, ведшаяся с 1971 г. (опубликована на 1200 страницах издательством РОССПЭН в 2004 г.). В. Сидур говорил, что его письма являются своего рода дневником, потому что в них рассказывалось не только о планах и организации выставок, публикациях, но также об атмосфере в культуре брежневской и ранней горбачевской эпохи, о многих семейных событиях.

Однако продолжением этой переписки стали – по преимуществу – письма Юлии Нельской (Сидур) 1986–1992 годов. Они тоже несут функции дневника, касаются дел семейных, рассказывают о событиях в стране, затрагивают разных людей в Москве, среди прочего – тех, кто играл роль в немецко-российских отношениях.

Ценность информации, содержащейся в переписке между Москвой и Бохумом (местом работы Карла Аймермахера и его жены Гизелы Рифф в то время), многогранна. Помимо очень актуальной – быстро развивавшейся в 1986–1987 гг. перестройки и последующего затем развала Советского Союза, она затрагивает ситуацию в культурной политике – многих волнующих событий, накладывавших отпечаток как на жизнь целой страны, так и привносящих перемены в жизнь каждого отдельного человека. Тогда происходил процесс коренной трансформации, затронувший не только средства массовой информации, но также социально-политические структуры: внутрипартийные и государственные органы. Это было время, когда, с одной стороны, речь шла о сохранении старой системы, а с другой – о мобилизации инициатив по построению новой, альтернативной формации культуры.

*Карл Аймермахер, Андрея фон Кнооп, Ренате Аллардт, Юлия, 1982.
Фото: Александр Аллардт*

Процесс такого переформирования можно наглядно представить в зафиксированных Юлией Нельской подробных дневниках-письмах. Главными темами в них в то время стояли, помимо прочих семейных дел, проблемы, по которым очень хорошо прослеживается «закулисная борьба за продолжение старого курса и нового начала» в 1986–1992 гг. Это: 1. Борьба за сохранение скульптурной мастерской Вадима Сидура, заполненной более чем 500 скульптурами и многочисленной графикой, выполненной начиная с 1950-х гг. и известной лишь на Западе. Главным при этом было противостояние с Союзом советских художников и с Худфондом. 2. Первый документальный фильм о Сидуре, снятый Марком Ляховецким, который приходилось с трудом проталкивать в Союзе кинематографистов. 3. Открытие первых выставок произведений Сидура в Москве: в Советском Комитете защиты мира, затем других местах, что вызывало весьма противоречивый интерес со стороны Министерства культуры, Управления культуры, властей Перовского района и привело в итоге к созданию Музея Вадима Сидура. 4. Признание завещания Сидура, согласно которому двадцать четыре его скульптурных объекта

(среди которых вещи из цикла «Гроб-арт») наследовал Карл Аймермахер. Сам факт наследования иностранцем такого большого собрания произведений советского скульптора поставил Министерство культуры и Союз художников в совершенно незнакомую ситуацию. К этому прибавился вопрос и о том, можно ли их вывезти, и если можно – то при каких условиях.

Все перечисленные проблемы занимали Юлию в 1986–1992 гг. Ее высокая ангажированность и ответственность за сохранение произведений Вадима Сидура, отраженные в письмах, являются впечатляющим документом ее личности и всей эпохи перестройки.

Владимир Воловников

Памятник воинам-афганцам (Памятник оставшимся без погребения). Москва. Фото: К. Аймермахер

Карл Аймермахер, Гизела Рифф

ЮЛИЯ СИДУР

Переписка между Юлией Нельской-Сидур и нами явилась продолжением регулярного обмена письмами с Вадимом Сидуром, происходившего вплоть до его смерти в июне 1986 г. Она начинается с подробного сообщения Юлии о последних днях Сидура и заканчивается в 1992 г., когда обмен письмами сменился частыми телефонными разговорами, а также взаимными визитами в Москву, Бохум, а затем и в Берлин. Как и Вадим Сидур, так и Юлия относилась к своим письмам как к своего рода дневниковым записям, в которых находило отражение всё самое важное из жизни и творчества скульптора Сидура, а также рассказывалось о его сыновьях и многих близких друзьях и знакомых. Помимо всего, письма Юлии воспроизводят во многом противоречивую панораму эпохи трудного развития перестройки. Напряженность между лишенным единства руководством культурной политикой «сверху» и самоорганизация культуры «снизу» отразились в истории со спасением произведений Вадима Сидура и его мастерской, а также с организацией его постоянно действующей выставки и с основанием его музея. Обо всем этом подробнее, детально рассказывается в письмах Юлии, поэтому можно сказать, что письма являются сегодня ценным источником не только для истории Вадима Сидура, но также и о трудных, полных противоречий и драматизма процессов непрерывности, разложения и нового начала идеологии (художественной доктрины) и управления.

Мы, адресаты этих писем, находились в совершенно другой ситуации, были погружены, с одной стороны, в собственные повседневные заботы, а с другой стороны, должны были исполнять профессиональные обязанности. Хроническая нехватка времени оставляла мало возможности для составления

равноценных писем. Этим объясняется, что количество писем из Германии существенно меньше, чем писем из Москвы. Но не ослабевало наше сострадание той ситуации, в которой оказалась Юлия после смерти мужа. Мы разделяли её беспокойство о сидуровском «наследстве» и возникшую вместе с «гласностью» надежду на устройство выставок его произведений на родине. Часто наше общение осуществлялось по телефону.

И то и другое – письма Юлии к нам и наши письменные и телефонные ответы ей – являются проявлением глубокой дружбы, длившейся с 1970 г., и существовавшей по обе стороны границы, разделявшей Запад и Восток. Это еще раз доказывает, что прямой личный контакт ничем невозможно заменить. Поэтому-то, по нашему мнению, на протяжении почти всего двадцатого века властями были подключены всевозможные средства для затруднения, минимирования или устранения межчеловеческих контактов.

Мы и Юлия Сидур чувствовали себя после смерти ее мужа еще более ответственными, чем прежде, чтобы вместе сохранить его художественное наследие. Это относилось как к его скульптурам, так и к поэтическим и беллетристическим произведениям. Прежде всего, необходимо было позаботиться о хрупких скульптурах из керамики, гипса, цемента, а также о 24-х металлических ассамбляжах семидесятых годов («Гробы», «Пророки» и т. п.), стоявшие в его мастерской на Комсомольском проспекте, 5. Если находящуюся там же мелкую пластику – модели монументальных скульптур, графические и письменные произведения, включая дневники, было относительно легко перевезти к Юлии домой, то крупным вещам грозила опасность разрушения. Согласно правилам Худфонда Союза художников, арендованная художником мастерская в случае его смерти должна была быть возвращена Союзу два месяца спустя. Так как лишь немногие из 500 скульптур, выполненных Сидуром начиная с 1950-х годов, покинули стены мастерской, и она в буквальном смысле слова трещала по швам и не могла «по-быстренькому» быть освобождена по окончании срока аренды. Какой-либо другой свободной мастерской или склада в Москве не было.

Находящиеся здесь произведения – результат дела всей жизни – создавали в мастерской специфическую атмосферу.

Кроме того, за почти тридцать лет она стала одним из важных культурных пунктов, накопивших разнообразные воспоминания. Московская интеллигенция – люди искусства, музыки, театра, науки, а также иностранцы (журналисты, художники, ученые), искавшие с начала 1960-х гг. в Москве неформальные сцены культуры, встречались здесь затем, чтобы обменяться мнениями об искусстве, политике, короче – о культуре в Советском Союзе и за границей. Мастерская исполняла роль увлекательной информационной биржи, на которой по возможности получали информацию и оценки об актуальных событиях в Москве и иностранные журналисты.

В конце концов была еще одна причина сохранить мастерскую: в случае быстрого ухода из нее, оказались бы рассредоточенными по Москве произведения Сидура и стало бы крайне тяжело представить его творчество на выставках. Возможность сделать их доступными привлекала на протяжении многих лет, хотя многие из произведений уже были представлены начиная с 1971 г. на выставках за рубежом и были известны благодаря вышедшим там каталогам и книгам. Таким образом, положение казалось всем драматичным и запутанным.

В 1986–1987 гг. с избранием Горбачева Генеральным секретарем еще не казалось, что что-то изменится. Также и ставшая с весны 1987 г. более открытой в области информации и культуры политика, благодаря которой смогли осуществиться первые большие выставки Сидура в Москве – в Советском Комитете защиты мира и редакции «Комсомольской правды» – не решали проблему мастерской. Выставки, с одной стороны, и мастерская – с другой, находились в совершенно разных плоскостях интересов и компетенции.

Еще при жизни Сидур опасался, что после смерти его произведения окажутся в опасности. Поэтому после очередного инфаркта, случившегося у него в 1985 г., он составил и нотариально заверил завещание Карлу Аймермахеру на 24 своих объекта из металла. И, таким образом, в случае если Министерство культуры дает разрешение на получение завещанных произведений, скульптуры получают за границей новую для себя родину, а если нет – то вновь окажутся там, откуда и появились – на свалке.

После смерти Сидура Юлия и мы по отдельности, но с одной целью, активизировали нашу деятельность. Она боролась за то, чтобы сохранить мастерскую, мы – за нотариальное признание нашего права на наследство и за его вывоз. Помимо того, по окончании гайдельбергской выставки Сидура мы составили петицию Горбачеву с просьбой защитить мастерскую Сидура. Юлия же обратилась за помощью к академику Лихачеву, председателю тогда возникшего Фонда культуры, а кроме того – также лично к Горбачеву.

В случае с наследством мне предложил помощь посол Германии в Москве, ведь речь шла о необычном случае – иностранец, гражданин ФРГ получил в наследство значительное количество произведений искусства от советского гражданина. Это было более чем необычно. Помимо всего прочего, послу было известно, что в Германии (в Констанце, Касселе, Оффенбурге, Берлине, Гамбурге, Бохуме, Бонне, Вецларе, Тюбингене, Дортмунде и т. д.) к этому времени было устроено почти 20 персональных выставок произведений В. Сидура, в разных городах установлены скульптуры его работы. Это можно было расценивать как наглядный пример взаимного советско-германского культурного обмена. Журналистские и искусствоведческие публикации об этом, а также сообщения по радио и на телевидении – играли дополнительную роль.

В случае с сохранением мастерской Юлия Сидур и сын Михаил боролись за то, чтобы произведения Вадима Сидура были признаны «национальным достоянием» и сохранялись бы в его мастерской. В этой борьбе им помогали письма-просьбы и письма-воззвания известных советских ученых и писателей, таких, как Виталий Гинзбург, Евгений Велихов, Роальд Сагдеев, Владимир Бураковский, Юрий Левитанский, Юнна Мориц и др. В своих письмах к нам Юлия детально задокументировала этот почти безнадежный процесс. При этом стало известно, что именно бывшие товарищи Сидура по Строгановскому училищу, занявшие со временем высокие должности в Союзе художников, абсолютно не оказывали никакой помощи. В своей принципиальной позиции они находились далеко от перестроечной политики и оставались вдали от того, чтобы перестроить свою политику в Союзе советских художников.

К этому добавилась еще одна проблема. Как раз в начале перестройки, весной–летом 1987 года, была открыта первая большая персональная выставка В. Сидура в Москве в Советском Комитете защиты мира. Ей последовало несколько других подобных, а в 1991 г. был открыт музей Сидура в московском районе Перово. Но и подобное воплощение всегдашней мечты Сидура – представить свои произведения перед публикой на постоянной выставке на родине – сопровождалось непрекращающейся борьбой между разнообразными заинтересованными группами в Министерстве культуры и на уровне перовских районных властей. Это были годы противоречивой информации и принятия решений на фоне борьбы за власть между консерваторами и либеральными реформаторами. Одни – стояли на продолжении существующей не одно десятилетие политики контроля и диктата в области культуры под руководством Министерства культуры и художественных союзов, другие – хотели большей открытости в культуре и удовлетворения любопытства людей на широкой художественной палитре, которая не была основана на существующей официальной доктрине. В этом конфликте аппаратчики Министерства культуры ни в коем случае не хотели отказываться от своих прав контроля над искусством и от своего эстетического понимания искусства. Одновременно они оказывались под давлением общественности, отказавшейся от цензуры представителями «старого режима» и заявили о своем праве голоса (о чем недвусмысленно свидетельствуют высказывания в книге отзывов выставки и видеокадры с её открытия).

Вопрос перевозки завещанных скульптур в Германию, спасение мастерской и создание музея, связанные с этим успехи и поражения – все это Юлия очень тщательно описывает в своих письмах. Информационное богатство писем выходит за рамки дневниковых записей. Посредством этих оценок сегодня можно судить о том, как развивался перестроечный процесс на уровне Министерства культуры и власти московского района Перово. Переписка является захватывающим документом переода рубежа 1990-х годов и важным источником для реконструирования культурной атмосферы этих лет. А Юлия Сидур – их летописцем. При этом она охвачена той же потребностью, что и Вадим Сидур, отражавший в своих дневниках собственное развитие – дневники 1940–1941 гг., учебные

записи во время обучения в Строгановке, совместные дневники Силиса-Лемпорта-Сидура 1960–1961 гг., дневники шестидесятых и семидесятых-восьмидесятых годов, вошедшие частично в его роман «Миф» (издан в Москве в 2002 г.), сюда же относится переписка с нами, ведшаяся параллельно с февраля 1971 г. по июнь 1986 г., которую он сам называл «хроникой-дневником». Также и свою жену Юлию сумел уговорить Сидур в конце 60-х регулярно вести дневник, записывая в него происходящее в мастерской – встречи, дискуссии и т. п. Этот дневник Юлия вела в 1968–1973 гг. Таким образом, мы имеем сегодня важные документы, наполненные подробностями, относящиеся к интеллектуальной атмосфере тех лет – речь в них идет о литературе, искусстве, музыке. Таковую многообразную картину о культурной жизни в Советском Союзе составляют для нас Вадим и Юлия вместе с их многочисленными собеседниками. К обычаю жизни тех лет относится попытка получения новой информации из передач зарубежного радио и её последующее обсуждение, сохранившаяся вплоть до перестройки. С середины 1986 г. письма Юлии свидетельствуют, что советская пресса стала значительно свободнее и интеллектуалы уже не настолько зависимы от информации «извне». Она уже играла второстепенную роль и в переписке больше не отражалась.

Вскоре после возобновления аренды мастерской, частично-го разрешения на вывоз наследства (около половины из него осталось в Москве для выставочных целей) и открытия музея Вадима Сидура, мы предприняли попытку классифицировать архив Сидура (рукописи, фотографии, графику и скульптуры) и привести его в порядок. Без активной и бескорыстной помощи со стороны Юлии это было бы невозможно. Тогда как мы в Германии занимались сбором публикаций, радио- и телевизионных интервью и подготовкой их к изданию в двухтомнике «Скрытые диалоги во время холодной войны. Материалы к восприятию московского скульптора Вадима Сидура на Западе» (Бохум, 1997 г., публикация Карла Аймермахера, редакция Беате Яспер-Воловниковой). Юлия, со своей стороны, взялась за обработку «московской части» архива. Так, ею были подготовлены роман В. Сидура «Миф», а также большая часть его писем ко мне, которые она перепечатала и составила указатель. Остальные письма, т. е. мои письма к Сидуру, были

обработаны Владимиром Воловниковым – бывшим Юлиным учеником и другом нашей семьи. Он же взял на себя редактирование, комментирование и подготовку к изданию сборника нашей переписки (Вадим Сидур – Карл Аймермахер «О деталях поговорим при свидании...»). Москва. 2004). Работу по обработке представленной здесь переписки – уже после смерти В. Сидура, в 1986–1992 гг. – также поделили между собой Юлия и Владимир Воловников (в настоящее время им готовятся к изданию дневники Юлии 1968–1973 годов).

Помимо всех этих, требующих большого времени, забот по собиранию художественного наследия В. Сидура, в жизни Юлии были моменты, заслуживающие быть подчеркнутыми особо, потому что они показывают её ответственность и характеризуют её личность. Для непосвященного Юлия может показаться прежде всего лишь помощницей и спутницей скульптора В. Сидура. Она заботилась о быте дома и в мастерской, вела его частную и официальную переписку и старалась гостеприимно встретить всех друзей и знакомых в мастерской. При всех заботах и хлопотах о родителях, детях и ближайших друзьях, учениках и родственниках при жизни Вадима Сидура на первом месте оставались заботы Юлии о муже и его творчестве, являясь для нее частью жизни.

Вадим Сидур был на шестнадцать лет старше Юлии, а то, что он был фронтовик, инвалид войны, был тяжело болен – делало его еще старше. Когда она познакомилась с ним в конце пятидесятых, он был уже созревшим скульптором и личностью с большой силой влияния, под которое она как молодая девушка попала. Он настоял на том, чтобы она оставила свою работу в универмаге и начала учебу в вузе. Так она стала учителем французского языка и осуществляла деятельность соответствующую таланту. Вплоть до смерти В. Сидура Юлия оставалась для него не только музой, но и одновременно его секретарем и помощницей. Как автор дневников она стала и летописцем их совместной жизни и жизни московской богемы конца шестидесятых – начала семидесятых годов. А после смерти Сидура она стала, как говорилось выше, важнейшим защитником всего его наследия, для обнародования и признания которого приняла на себя невероятно тяжелую нагрузку.

Параллельно с жизнью с Сидуром и вокруг Сидура – жизнью в мастерской, перепиской с границей (прежде всего –

Германией, где была осуществлена установка десяти монументальных скульптур), незаметно для окружающих, обычно по ночам, Юлия занималась для себя литературным творчеством. Эти произведения были поначалу очень автобиографичны и связаны с миром В. Сидура («Адам Иеговый», 1979, 37 с.; «Гробмастер и старая учительница», 1980, 151 с.; «Самый», 1982, 89 с.), а также проблем её ближайшего окружения («Райская жизнь начинается в коридоре», 1982, 91 с.). За этими произведениями еще при жизни В. Сидура последовали: «Двое на черной лужайке» (1983, 262 с.), «Призрак бродит в сверхдержаве» (1985, 157 с.). В 1996 г. состоялась первая публикация – в журнале «Октябрь» (№№ 4, 5) была напечатана повесть «Пастораль на грязной воде». То, что для нее было в начале 1980-х гг. делом «помимо прочего», к началу 1990-х превратилось в серьезную писательскую деятельность. В последующие годы в московском издательстве «Время» вышли её книги: «Пришелец и пенсионерка» (2001, 256 с.), «Роза Террестриэл. Роман о запретном счастье или любовная драма чужого мира» (2003, 480 с.) и незадолго до её смерти – «Человек прозрачный – Homo translucidus» (2006, 206 с.). Таким образом, под непосредственным влиянием В. Сидура Юлия Сидур выросла в «Юлию Нельскую» (Нельская – её настоящая фамилия). Причем издатели её книг настаивали именно на знаменитой фамилии Сидур – ибо это обеспечивало бы большой тираж для книг. Юлия же Нельская была скорее этим предложением огорчена, чем рада, потому что уже выработала собственную творческую уверенность, независимую больше от имени художника Сидура.

В заключение еще некоторые аспекты жизни Юлии Нельской-Сидур, которые создали у нее новое мироощущение.

Помимо всего прочего, гласность и перестройка дали свободу журналистам и историкам. Газеты и журналы, книги, а также радио и телевидение принесли в дом заинтересованной и ангажированной женщины невероятное количество новой информации, которую она на протяжении ряда лет собирала в виде вырезок и видеозаписей для своих «бохумских друзей». Позже все эти материалы «чемоданами» были подарены Институту русской и советской культуры им. Ю.М. Лотмана Рурского университета, за что мы были ей глубоко благодарны. Юлия Нельская превратилась тогда в тонкого аналитика

происходящих общественных процессов того времени и даже очень ценилась своей аргументированностью у политологов и журналистов-международников.

Перестройка также открыла нашему другу новые, ранее неизвестные возможности путешествовать, чем она регулярно пользовалась начиная с 1989 г. Западноевропейские страны, которые она посетила (Германия, Франция, Бельгия, Голландия, Швеция и Испания) открыли ей мир, который ранее был знаком лишь по рассказам посетителей мастерской и по нашей переписке. В Германии она смогла наконец увидеть своим глазами установленные скульптуры В. Сидура в их монументальной величине. Также она принимала участие в вернисажах мужа и смогла на них выступить. При этом она смогла познакомиться с людьми, активно помогавшими в середине 1970-х гг. процессу советского альтернативного искусства и бывшими для Сидуров всегда в «специфической близости», несмотря на разделенность. Все принадлежали между тем в широком смысле слова к «семье», которая образовалась в тишине, вдали от официальных культурных контактов, и постепенно становилась все более прочной.

Это была «семья», благоговейная перед Сидуром как художником, но также наполненная симпатией к Юлии. Во время наших встреч оказывалось, что вопреки пропаганде, стремившейся посеять отчужденность на фоне предрассудков времен Второй мировой войны, стало возможным завязать и поддерживать контакты, в которых идеология не стояла на первом месте.

Юлия Нельская-Сидур любила путешествовать, наслаждалась за границей добрым к себе отношением, но всегда охотно возвращалась в Москву, где всегда её ждал большой, разросшийся с годами, дружеский круг. Здесь были бывшие ученики, родственники и многие старые и новые друзья и знакомые. И само собой разумеется, все поддерживали ее после смерти мужа. К ближайшему кругу принадлежали, конечно, Михаил Сидур и его жена Галина, а также Дмитрий Сидур.

Михаилу и Галине Сидур удалось с большими усилиями создать в московском районе Перово не просто государственный музей Вадима Сидура, но и до недавнего прошлого руководить им. К сожалению, Галина в 2009 г. и Михаил в 2010 г. преждевременно скончались. Среди учеников кроме упомяну-

того выше Владимира Воловникова к этому кругу принадлежали Георгий Геннис и Наталия Нольде. Вместе с ними, а также с Ривой и Владимиром Бродскими, врачами, и давним другом фотографом Эдуардом Гладковым Юлия на протяжении многих лет имела поддержку во всех жизненных ситуациях, например, при сохранении Сидуровского наследия. Но и Юлия со своей стороны всегда готова была придти, если необходимо, к ним на помощь, чему существуют многочисленные примеры. Все это относится и к Олегу Киселеву, вместе с В. Сидуром снявшему в 1974 г. фильм «Памятник современному состоянию». И к украинской крестьянке Александре Васильевне Толкачевой (Сане), еще молоденькой девушкой подбравшей после боя тяжело раненного офицера Сидура и спасшей ему жизнь в 1944 году. Юлия регулярно переписывалась с ней на протяжении лет и помогала в тяжелые времена. Но, как видно из нашей переписки, было еще много «союзников», которых мы здесь не упоминаем.

Наряду с Юлиными поездками в Германию, в Москву в начале 1990-х гг. приезжали с целью изучения языка и наши дети – Катя Аймермахер и Давид Рифф, они всегда находили Юлину заботу и опеку.

Дружба между Давидом Риффом и Дмитрием (Митей) Сидуром началась еще во время нашего приезда в Москву в 1985 г. и получила продолжение. В первые перестроечные годы нам стало возможным пригласить Митю к нам в Бохум, затем – на открытие выставки в Бремене и даже вместе с ним провести отпуск в Голландии. Позже, когда Карлу Аймермахеру приходилось бывать по работе в Москве и встречаться у Юлии со своими коллегами, он встречался и с Митей, в то время студентом юрфака, который жил у Юлии. Тесный контакт с Митей никогда не прерывался и теперь распространился также и на Светлану – Митину жену, и на их сыновей Вадима и Василия.

Так развивались и крепились связи, возникшие благодаря общим задачам, общим несчастьям, еще более упрочившиеся во время взаимных визитов и открывшие новые жизненные перспективы для всей нашей «семьи». Наши взаимные визиты и возможность контакта уже на месте, а не только в письмах и по телефону, вошли в «нормальный ритм». Это отвечало новому мироощущению, которое невозможно было вообразить до перестройки и до воссоединения Германии.

Но к нашему всеобщему горю, во время своего очередного визита к нам Юлия тяжело заболела и 13 августа 2006 г. умерла в Берлине. Согласно воле Юлии Нельской-Сидур, урна с её прахом была захоронена в семейной могиле в Переделкине рядом с Вадимом Сидуром и его родителями.

Вадим Сидур: Портрет Юлии, 1957

ПЕРЕПИСКА

1986

Москва, 2 июля 1986 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Карлуша, поспеть на похороны для тебя все равно было бы очень сложно, если бы даже вмешательство высокопоставленных лиц имело успех. Поэтому ты не переживай, что не получилось. В конце концов дело не в ритуалах, а в чувствах, которые мы все испытываем.

Дима все равно был уже не жилец на этом свете. Как только у него с 10 апреля начались практически ежедневные приступы по ночам, стало ясно, что конец близок. Можно было бы еще потянуть, но, во-первых, очень недолго, во-вторых, чересчур мучительно. И урология проклятая добавила ему мучений.

Вы, наверное, заметили, что, несмотря на болезнь, жизнь наша была активной до конца. Даже за день до смерти он чувствовал себя вполне приемлемо, конечно, по его меркам, т. к. у него всегда что-нибудь болело и отравляло ему существование. Так вот в этот день он нарисовал четырнадцать рисунков пером и был очень этим доволен. Я тоже обрадовалась – он не рисовал какое-то время, что указывало на слишком уж плохое самочувствие, а тут вдруг снова начал рисовать. Снова стал улыбаться. Стал поговаривать, что пора бы заняться макетом книги о 70-х годах. Но я его убедила, что это может быть слишком утомительным и надо еще немного подождать. В этот последний «хороший» день, 24 июня, во вторник, мы с ним даже постриглись. Причем он постриг и себя и меня. Я очень сильно заросла и попросила его обкорнать меня покороче, чтобы на дольше хватило. Вечером пришли Рената фон Майдель и Вова Воловников. Это было наше последнее свидание с Ренатой, потому что 30-го она должна была уезжать из Москвы

совсем. Дима был оживлен, что-то говорил, с большой нежностью смотрел на Ренаточку. Она действительно замечательная девочка! Мы отправили вам письмо. Ребята где-то около половины десятого ушли, а мы с Димой еще погрели ему спину красной лампой. У него очень часто болела спина. Потом вдруг вернулась Рената, она принесла нам письма от наших молодых немецких друзей: Фабиана и Уте Кепплер. И Дима крикнул Ренате в коридор: «Извини, что я не выхожу, потому что я раздет. Мы греем мне спину». В общем, все было ничего. Но погода менялась. Дима, как всегда, на это изменение среагировал и сказал: «Боюсь, что сегодня ночью меня прихватит». Дело в том, что с 7 мая у него еще не было ни одного сердечного приступа. Были небольшие «прихватывания», к которым он привык, но не ночью, а в течение дня, и они быстро снимались. Он даже сам потихонечку начал зашнуровывать себе ботинки. То, что он не мог этого делать сам, какое-то время, очень его угнетало. Более того, мы с ним сделали лечебную гимнастику, которую ему прописали в ВКНЦ, он нисколько не устал. И вообще самое плохое было то, что приступы у него случались не столько при нагрузке, сколько на пустом месте. А стенокардия покоя – считается самая зловредная.

В эту ночь его прихватило очень здорово. Началось все без пятнадцати три ночи. Приехало три скорых помощи. Они ничего сделать не могли, и все уговаривали его ехать в больницу. Но поскольку больница не тюрьма, он использовал свое право туда не ехать до последней минуты.

Только в 6 утра, когда я позвонила Володе Бродскому (он тут же примчался и гарантировал, что мы поедем именно к нему в 71-ю городскую больницу), Дима начал соглашаться, но не сразу. Вторая скорая уехала, не обругав нас, хотя больной оказался такой упрямый. Они несколько обалдели от его искусства, которого раньше явно никогда не видели. Они даже сказали, что если мы надумаем ехать, то они обязательно приедут повторно. Всё, что они Диме сделали, начало понемногу действовать, и он сказал, что, кажется, ему полегче, и он постарается поспать. Мы с Вовой вышли в соседнюю комнату и начали там тихонечко разговаривать. Прошло где-то около 15–20 минут, когда Дима нас позвал: «Юля, Вова, идите сюда, у меня опять началось!» Я тут же вызвала скорую, и они (уже совсем другие молодые ребята, которые были в курсе) очень

быстро приехали. Володя пообещал им, что в 71-й больнице Диму совершенно точно возьмут, поскольку он там работает. В принципе, они везут не туда, куда больной хочет, а туда, куда их направляет Центральная скорая помощь. А Дима, конечно, никуда бы кроме 71-й не поехал. Тут подъехал наш Миша. Мы Диму кое-как одели и спустили его на лифте на стуле вниз. Шел проливной дождь – та самая перемена погоды, которую Дима предчувствовал и которую, собственно, на этот раз не перенес. Шофер, сволочь такая, не хотел подъехать пяти метров к подъезду, хотя лифтерша открыла ему шлагбаум! Нужно было Диму, слабого, еще тащить под дождем! Мишка сказал, что он записывает его номер и обязательно напишет жалобу. Даже носилки, пока мы занесли их в подъезд, очень сильно промокли. Наконец шофер, скотина, соизволил и подъехал!

В 71-ю мы подъехали примерно в 9 утра. Там Диму поместили в БИТ (Блок интенсивной терапии), то есть реанимацию. Нам сказали, чтобы мы ехали домой и ждали у телефона, потому что в БИТ нас все равно не пустят. Володя остался и сказал, что он все время будет бегать из своей «травмы» к Диме и сообщать нам, как идут дела. Мы с Мишей вернулись домой, и я сказала Мише, что это конец. Я мужа потеряла, а он отца. Приступ у Димы длился больше трех часов, а это всегда неизбежный инфаркт, без всяких сомнений. Мишенька меня утешал и уверял, что еще не все потеряно и т. д. Дома мы с ним то рыдали, то прекращали. Я прилегла и часа на полтора отключилась. Когда я встала, Миша мне сказал, что дело идет лучше, потому что был отек легкого, но его ликвидировали и теперь все хорошо. Тут со мной случилась настоящая истерика, потому что я хорошо знаю, что такое отек легкого, я видела его у Абрама Яковлевича, к тому же об этом почти всегда пишут во всех медицинских заключениях для некрологов. Единственным утешением было то, что Володя клятвенно заверил – это продолжалось очень недолго, потому что Дима похвалил молодую докторшу, он сказал Вова, что она очень умело и ловко все сделала. После этого все было тихо. У Димы не было никаких болей. Он даже поел ложки две какого-то супу и выпил два глотка чаю. Спрашивал, где мы с Мишей. Вова сказал, что завтра, когда стабилизируется его состояние и его переведут в палату, мы с Мишей придем и сможем уже

оставаться с ним все время. Дима спросил: «У меня инфаркт?». Вова сказал: «Нет».

Миша успел позвонить в ВКНЦ Диминому лечащему врачу, и она сказала, что после БИТа, когда наступит стабилизация на восьмой день, они снова заберут его к себе. В этот же день, 25-го, они прислали своего консультанта, и тот тут же подтвердил уже ясный диагноз: острый инфаркт миокарда.

Был еще один обнадеживающий момент – вечером пришла ко мне Рита Бродская и сказала, что звонил их коллега из 71-й и передал для меня Димину просьбу: прислать ему туалетную бумагу, зубные протезы и повязку на глаза. Из этого я заключаю, что настроение у него было не чрезмерно мрачное, раз он думал о таких земных проблемах и, очевидно, надеялся, что еще поживет.

К 12 ночи у него остановилось сердце. Врачи постарались его «завести», но оно, к счастью, не завелось. Потому что если бы это случилось, опять были бы всякие ужасы: отек легкого и т. д. А конец был бы тот же, только бурный и тяжелый.

Вот вам, дорогие мои, полный отчет о последнем дне Вадима Сидура, которого у нас больше нет. Мы с ним все время надеялись на одну цыганку. Это старая и, как Дима рассказывал, очень на вид мудрая цыганка, еще в 45 году в Сталинабаде нагадала ему очень много всего хорошего. Там было много молодых ребят, кому она гадала, но она Диму выделила и сказала, что, во-первых, он уедет в Москву, во-вторых, у него будет трое детей, и он проживет 72 года. Первое сбылось – в Москву он уехал. Второе, трое детей – тоже можно считать осуществившемся, присоединив в третьего ребенка Левочку, а с годами она малость напутала, ошиблась всего на десять лет. Я же думаю, что эта цыганка – такая же жульница и прохиндейка, как все эти гадалки, которые дежурят у нас на Киевском вокзале. Она

Диме все это нагадала еще и по благу, потому что Дима был очень черный, и она приняла его за своего. К нам смолоду часто цеплялись цыгане на улице, заговаривая с Димой по-цыгански, будучи уверенными, что он цыган, который это скрывает.

Карлуша, мне сказали иностранцы, да и сама г-жа Каствль, что они прислали тебе личное приглашение. Она была у меня в воскресенье. У нас с Мишей был такой жуткий бардак и

беспорядок, что мы с трудом уселись с ней за столиком на колесиках, чтобы выпить чашку чаю. Она говорила, что они выслали тебе приглашение, что ты должен приехать, но у них сейчас гостит много людей из ФРГ. Я тут же сказала, что насчет этого нет никаких проблем – уж если ты приедешь, то у нас хватит для тебя места. Дорис говорила, что какое-то участие в твоём приезде якобы принимал г-н Майер-Ландрут. Она позвонила, кажется, в пятницу. Но затем перезвонила и сказала, что только в понедельник наши в Бонне будут обсуждать эту проблему. Сегодня (2 июля) мне позвонила Моника Гр. и сказала, что все отпадает, потому что до 25 июля все заблокировано. Я не совсем поняла, отчего и почему. Ясно одно, что, скорее всего, вы с Гизелой прибудете, как это и было запланировано, когда Дима был еще жив. Я думаю, что это будет очень хорошо, лишь бы вас пустили!

Общая ситуация в культуре у нас непонятная – много разговоров, мало толку. По существу ничего не меняется. А если тебя, например, не пустили, несмотря на личное приглашение посла, по другим каким-нибудь причинам, то вообще, по моему, все очень хреново. Во всяком случае, Кабаков и Штейнберг, которые пришли на похороны Димы, а потом на поминки, говорят, что после статьи в «Московской правде» ничего не только не улучшилось, а наоборот, Илье перестали давать оформлять книги.

Огромное спасибо за каталоги! Бохумских оказалось 66 штук и довольно большое количество гамбургских и саарбрюкенских. Это очень, очень кстати.

Я получила телеграммы от Раи слевой и от Хайндлей. Передай им, пожалуйста, мою благодарность. Все друзья звонили. Всем огромное спасибо за поддержку!

Очень рада детским вещичкам. Чувствует мое сердце, что скоро на меня свалится Левочка. Что-то из вещей пойдет Митюшке, что-то – Левочке. Большое Гизеле спасибо!

2.7.86

Дорогая Юлия!

Только что мне официально сообщили, что я «временно» не получаю визу. Это ответ из Москвы. Теперь мне кажется, что

отказ связан, скорее всего, с вами. Meyer-Landruth собирается поговорить обо всем этом, когда он будет в конце месяца с Genscher'ом в Москве. Обнимаю,

Karl

2.7.86

Дорогая Юля!

Не проходило в последние дни почти ни одной минуты, чтобы мы не были с вами, особенно, разумеется, после того, как мы узнали о Димином третьем инфаркте. Я не должен специально говорить, как мы здесь уже давным-давно волновались о нем и сострадали ему и тебе, потому что мы постоянно читали ваши письма. Мы чувствовали и знали, как сложно общее Димино состояние, его страдания, боязни, надежды... И вопреки инфаркту мы считали, что с Димой, пока он находится в реанимации, ничего серьезного не может случиться. Факт Диминой смерти трудно осознается, хотя и он, и мы были уже давно в какой-то степени к ней подготовлены. Будем надеяться, что после его смерти не последует и катастрофа для его произведений и для всех нас. Всегда и всегда будь уверена, что мы здесь и дальше по возможности постараемся еще больше собрать, сохранить, исследовать и распространить Сидуровское искусство. Юля, будь всегда уверена, что мы теперь и в дальнейшем, что бы ни случилось, всегда будем находить путь остаться с тобой в контакте.

Юля, в последние дни я специально не звонил, потому что возникли затруднения с вопросом получения визы. Все выглядело очень хорошо и у меня были уже билеты на самолет, так что я намеревался прибыть в субботу на гражданскую панихиду. На самом высоком уровне, по личному приглашению Kastl'я и с соответствующим письмом нашего гос. секретаря Meyer-Landruth'a я был в пятницу в сов. посольстве в Бонне. Посольство уже сигнализировало, что я сразу получу визу. Но когда я там появился, мне было сказано, что они мне дать визу не могут, потому что я нахожусь в списке людей, которые не получают визу до 25 июля. Поэтому они должны узнавать в Москве, могут ли они сделать исключение. Так я должен был подождать до понедельника. В понедельник после обеда мне

сказали, что ответа из Москвы еще нет. Во вторник я еще раз обратился к Meyer-Landruth'у, который тотчас же связался с вашим послом в Бонне Квицинским, который подтвердил, что они не в состоянии меня пустить в СССР. Они еще ждут ответа и согласны еще раз попросить ответ из Москвы. Сегодня, в среду, я уже с утра стараюсь связаться с посольством, но без успеха. Мне кажется, что надежда все еще есть, и пока я еще уверен, что пустят, хотя с задержкой. В это время Kastl уже попытался узнать, как обстоит дело с визой. Если до вечера не будет ответа от сов. стороны, то еще раз обращусь к Meyer-Landruth'у.

В промежуточное время у нас постоянно звонит телефон из-за Диминой смерти. Уже в пятницу появились почти во всех центральных и региональных немецких газетах сообщения и даже статьи о нем, даже в Spiegel. Я сам написал статью для Neue Züricher Zeitung, другие еще собираюсь написать. «Немецкая волна» попросила интервью у меня... Очень много ваших друзей и знакомых позвонили и выразили мне (как члену семьи) и тебе через меня свое соболезнование: von Sell, van Meeteren, Schatton, Hofflin, Erbe, графиня и граф Lambsdorff, von Wagner, обербурггомистр города Ульма Ludwig, Annika, Lars, Лева и Рая, Ehlert, Johanna Roos, Саша и Renate, Gottfried, Peschler... Я в постоянном контакте с Klaus'ом Bednarz, с Doris, с Андреей. Все мы стараемся, чтобы появилось еще больше статей, радио- и телепередач. Анника сказала, что они уже начали книгу, макет и т. д. Мы договорились держать тесный контакт, привести их книгу быстро к концу. Я сам надеюсь закончить книгу о 70-х годах в августе–сентябре (по возможности после того, как я побываю у вас в Москве). Постарайтесь передать те фотографии, которые вы уже выбрали, Wilfried'у до его отъезда. Юля, очень надеюсь приехать и лично с тобой поговорить о всех вопросах, которые мы лично должны решить.

Юленька, Гизела и я всегда с тобой, постоянно вспоминаем вас, я лично смотрю жалкими, грустными глазами на все скульптуры, которые нас окружают. В связи с ними и особенно с бесконечно многими фотографиями, которые у нас имеются в распоряжении, постоянно живо возникают в памяти масса ситуаций, целые разговоры и т. д.

Обнимаем, сердечно, и надеемся, что все-таки скоро увидимся.

Gisela и Karl

10.7.1986

Дорогая Юлия!

Я сегодня пишу, как это уже случилось в последнее время, не получив ответного письма. По моей ошибке мне вернули одно письмо, которое ты получила с опозданием, к сожалению. В нем были как раз некоторые ответы на вопросы, которые Дима мне задал в своем письме от 24 июня. А может быть, мы всегда принуждены жить с фактом, что именно последние известия пропадают...

В промежуточное время мы интенсивно жили, особенно в связи с Диминой смертью. Бесперывно звонит у нас телефон или мы сами стараемся связаться с людьми, которые или должны знать об этом горестном и угнетающем событии, или должны быть стимулированы писать или говорить какие-нибудь передачи о нем. Посмотрим, что в конце концов удастся. Так вот, я написал статью для *Neue Züricher Zeitung* (она еще не появилась). Klaus Bednarz хотел написать в *Die Zeit* и показать отрывок из своего фильма *Mein Moskau*. Lars, Jonathan Steele и Debbie Seward тоже хотели писать. Я позвоню и Nijaz Abadzic'у, чтобы он что-то сделал или по TV, или в газете. По возможности я закажу все те вещи, о которых я сам узнаю. К сожалению, пока еще не все поступило.

Несколько дней тому назад позвонил журналист из кельнской газеты *Kölnische Rundschau*, некий госп. Sietz, и спросил, верно ли сообщение в *Kölnische Rundschau* (Uwe Engelbrecht), будто бы Сидур мне передал по наследству все свои произведения. Я уклончиво ему ответил и сказал, что мне о таком завещании пока ничего не известно. Я, правда, не знаю, как ты до сих пор поступала и считаешь ли ты целесообразным теперь идти в прессу с таким сообщением. Я готов ко всему, но характер тактики виднее вам на месте. У нас пока только некоторые, очень близкие друзья и некоторые очень надежные лица (как Meyer-Landruth, Kastl) знают о таком завещании. Напиши, как ты до сих пор поступала и намереваешься посту-

пать в будущем. Мне лично кажется, что слишком много гласности в настоящее время может нам помешать. Поэтому я себя вел более сдержанно. Но и в этом случае тебе на месте виднее. Сомнения нет, что наша пресса сразу подхватила бы такое событие, но в то же самое время факт, что если что-то появляется в прессе, то трудно ее контролировать. Напиши.

Видео я куплю и постараюсь тебе каким-то образом послать.

Удо был весьма шокирован сообщением о Диминой смерти. Он сразу спросил, как тебе помочь. Специально просил держать его в курсе того, как твое положение и сказать ему, если надо тебя чем-то поддержать. В этом отношении все выражают такое желание.

Удо меня просил узнать у тебя, мог бы он отлить со своего экземпляра «Взывающего» три экземпляра исключительно лично для себя, например, чтобы подарить Kaufmann'у на день рождения одну из этих отливок. Я помню, что Дима в то время сказал, что Удо имеет право отлить «Взывающего» в увеличенном виде.

Мне лично кажется, что Удо и Ирмель в настоящее время считают, что повторять «Взывающего» в Германии не стоит, что он должен быть единственным. В связи с этим я лично думаю, что надо дать разрешение Удо отлить модель «Взывающего» в желаемых трех экземплярах. Пока я ему сказал, что окончательное решение зависит от тебя, но что я лично более или менее почти уверен, что ты согласишься с его желанием.

Что касается моей поездки к вам, то окончательный ответ из Москвы следующий: «Пока нет!» Meyer-Landruth собирается еще раз поговорить с советской стороной во время своего пребывания в Москве в связи с поездкой Genscher'a. Очень надеюсь, что в конце концов дадут визу. Но из-за всех этих «затруднений» пока еще неизвестно, когда мы приедем. Вообще неясно, почему меня не пускают. Сперва мне казалось, что запрещение не связано с Диминой смертью, теперь я больше склонен думать, что именно мой постоянный контакт с вами вызвал такой ответ. Ничего неясно, посмотрим, что будет.

Если не приедем после 26 июля к вам, мы собираемся немножко отдохнуть. Где, еще неясно. С 7 августа до 22 августа поедем в Израиль. Потом, если не в Москву, может быть, в Канаду. Но в любом случае, возвратимся в Бохум к 7 сентября.

Все остальные планы еще открыты, потому что неясно, возвратится ли Давид после каникул из Америки. Независимо от этого, нам очень хотелось бы приехать в Москву еще раз на два или даже на три месяца в начале следующего года через организацию, в которой работает Doris. Посмотрим, удастся ли это при нынешних обстоятельствах.

Несколько дней назад я поговорил с обербургомистром города Ульма госп. Ludwig. Мы договорились установить «Эйнштейна» в достойной рамке осенью следующего года. Срок еще не определен. С Hans Gercke из Heidelberg'a мы договорились, что он напишет теперь статью по поводу Диминой смерти и что будет выставка в Heidelberg'e с 5 апреля по 3 мая следующего года. Я очень рад этому. Конечно, хотелось бы иметь до этого еще все «гробы»! Я знаю, что это утопия...

Позвонил Stroetmann, не зная, что случилось. Он был очень поражен и не мог верить в наше сообщение. Он постарается послать остальное... Придумаем, каким образом.

Подарки для Митюшки ко дню рождения пошлем.

Статью из «Совет. культуры» я еще не смог достать. Если можно, пришлите ее, пожалуйста.

Желаем крепкого здоровья и жизненной смелости.

Обнимаем крепко.

Gisela и Karl

17.7.1986

Дорогая Юлия!

В конце концов мы получили твое подробное письмо о Диминых и твоих страданиях. Мы были глубоко тронуты, все переживали до окончательного облегчающего рыдания. Ты себя мужественно вела, мы сочувствуем тебе и очень надеемся встретиться в Москве. Но пока только Бог знает, что будет. Meyer-Landruth мне обещал сразу по возвращении позвонить.

Последняя неделя, как обычно, была переполнена самыми разными обязанностями и в институте, и вне института. Но скоро конец семестра... Завтра готовимся поехать в Вюрцбург к Heindl'ям и к Beckel'ю, у которого в музее при университете все еще находятся экспонаты последней выставки. Я просто не успел их взять и привезти сюда, в Бохум. К тому же мне казалось, что они там лежат лучше, чем у нас, потому что уже

тогда мы знали, что будем переселяться на новую квартиру. В связи с этой поездкой я позвонил в городское управление Вюрцбурга, чтобы узнать, как продвигается проект установки «...от бомб». Мне сказали, что скоро будет решающее заседание. Узнав об этом, я сразу позвонил референту по культуре города Dr. Voll'ю, который довольно уклончиво реагировал и сугубо скептически относился ко всему нашему проекту. Я сразу понял, что шансы на установку очень сомнительные. Так и получилось. На заседании 15 июля окончательно голосовали против первоначально с восхищением ухваченной идеи установки Диминого памятника. Вчера я поговорил и с Heindl'ями и с Dr. Weißkopf, который организовал у себя тогда выставку. Weißkopf теперь попытается (и он настроен оптимистически) через церковь пропагандировать тогдашнюю идею. Поскольку он очень ангажированный священник, можно надеяться, что все-таки это продвигается. [...]

Сегодня мы хотели купить видеорекордер и монитор, чтобы ты могла получить все эти вещи еще в течение августа. К сожалению, мы не смогли достать то, что советовал Klaus. Модель, которую мы собирались купить, оказалась самой, даже слишком, новой. Постараемся дальше.

Несколько дней тому назад позвонила женщина с мюнхенской радиостанции по поводу смерти Сидура. Сегодня я узнал от Игоря Голомштока, что там передали уже эту передачу. Я сам дал интервью для «Нем. волны», а сегодня – для BBC, которое хотело дать короткое сообщение и более обстоятельную передачу чуть позже. Быть может, узнаешь об этом. Вчера позвонила Ute и сказала, что напишет вместе с Ренатой von Maydell статью для студенческой газеты. Моя собственная статья для Neue Züricher Zeitung еще не опубликована. Jonathan Steele тоже хотел писать. Статью Lars'a получишь в приложении. Lars и Annika готовят еще статью в других газетах.

Юля, я себе прекрасно представляю, о скольких вещах ты должна теперь заботиться. И хотя я в последнее время был перегружен всякими делами и даже мысли не было прочесть твою последнюю повесть, меня все-таки преследует все время забота о ваших делах теперь и в будущем. В связи с этим я теперь очень жалею, что не успел в прошлом году переснять еще больше рисунков, чем хотелось (хотя, как ты знаешь, я переснял довольно много). Кроме этого, жаль, что дело с дневниками не закончено. Прошу тебя, не забудь обо всем этом!

Следующее, что я сделаю, это книгу о 70-х годах. Юля, если тебе в настоящее время не трудно, то составь все фотографии, которые сделал в прошлом году Юра. Может быть, еще Дима выбрал какое-то количество фотографий, которые обязательно должны были быть включены в книгу. Но, в принципе, мне ясно, что Дима хотел.

Написал ли я уже, что будут выставки в Ульме и в Heidelberg'e в следующем году?

Юля, пошли нам статью из «Сов. культуры», о которой ты говорила. К сожалению, я ее не смог достать. А может быть, статья уже по пути к нам.

Заверенную нотариусом копию Диминого завещания на меня я пошлю нашему послу Kastl'ю в Москву с просьбой отдать ее через наше посольство в инюротдел. Мне кажется, что в любом случае понадобится помощь с официальной немецкой стороны. Быть может, даже стоит, чтобы кто-то из нашего посольства вошел с тобой в контакт по этому поводу. Очень может быть, что есть круги, которые собираются помешать тебе, мне и нашим.

Юля, не забудь, что мы всегда с тобой. Мы часто вас обоих вспоминаем, много о вас и особенно о тебе, об общей ситуации говорим. Вспоминаем, что мы в последние годы всегда путали, когда твой день рождения. Теперь точно его вспоминаем. В этом году ты будешь проводить этот день без Димы. Ужасно, я себе представить не могу, как это переносить. Очень надеюсь, что будут с тобой самые близкие друзья. Желаем тебе крепкого здоровья, умных решений, мудрости. Я уверен, что будет у тебя и время писать о тех вещах, которые тебя волнуют. Сомнения нет, что, по всей вероятности, к сожалению, предстоит тебе еще необозримо тяжелый жизненный опыт со всякими унижениями и обвинениями, но я глубоко уверен, что всегда будут с тобой хорошие друзья.

Обнимаем тебя крепко, целуем.

Ваши Gisela и Karl

18.7.1986

Дорогая Юля!

Только что мы получили письма №№ 22 и 23. Огромное тебе спасибо. Ты себе не представляешь, как мы хотя бы ежене-

дельно нуждаемся в таких письмах. Они для нас на самом деле как своеобразный туалет, без которого не обойдешься. И только если прибыло письмо, общее настроение повышается. Поэтому я, конечно, прекрасно понимаю ваше огорчение, когда я фактически не успеваю вам писать, особенно в течение последнего периода.

Юленька, мы тебе сочувствуем и сострадаем в отчаянии. Отчаяние и внутреннюю пустоту Дима невероятно убедительно выразил уникально просто в своих надгробных скульптурах. Само выражение таких чувств дает утешение – это естественная реакция души, в конце концов, на непонятность боли после любых экзистенциальных кризисов. Я понимаю такое чувство.

Хорошо, что вы нашли человека, который умеет обрабатывать скульптуру. [...]

Вы мне еще тогда написали, что акварель должна была быть передана Саше. Он ее не получил. Кому вы передали акварель?

К Doris написал бывший посол Wieck и просил передать тебе свое соболезнование. Как только получу копию его письма, я тебе пошлю перевод.

Я очень хотел бы помогать вам разобраться с оставшимися материалами. Может быть, стоило бы разгруппировать все по каким-то определенным принципам. Потом можно все систематизировать. В связи с этим мне очень жаль, что у меня нет копий всех тех рукописных писем, которые вы от меня получили. Надо подумать, каким образом их копировать. А может быть, легче всего их переснять и послать пленки. Если освободитесь от наиболее спешных дел, подумайте об этом. То же самое касается рисунков, которые я не успел переснять во время нашего пребывания в Москве. Я еще помню, что то, что я отснял в то время, Дима положил в нижнюю часть шкафа в «моей» комнате. Очень может быть, что мы с Димой даже специально поместили, что эти папки «отсняты Карлом».

Статья в «Сов. культуре» на самом деле ужасна. Факт, что Диму забыли, объясняется тем, что в процитированной книге (макете книги) Дима не встречается. Мы эту так называемую «книгу» хорошо знаем и, поскольку дело идет не о «макете», а о малотиражном ее издании, к нам тоже попал один экземпляр.

Хорошо, что Миша тебе помогает во всем. Удивительно, что ему удалось освободиться на такое долгое время. Мы ни-

когда не поняли до конца, женится ли он в конце концов на Вере или ограничивалось все лишь планами. Интересно, что Силис и Лемпорт появились. [...]

Юленька, тебя обнимаем, целуем.

Gisela и Karl

26.7.1986

Дорогая Юля!

Вчера мы получили письма №№ 24 и 26 и письмо Аннике (имеется ли письмо № 25?). Спасибо за подробность всей информации. Мне совсем не нравится, что фактически в запасе теперь меньше, чем полгода для сохранения мастерской. Вообще, лучше для нашего общего дела выигрывать время и по возможности перезимовать. Что касается активности Союза художников насчет мастерской, то в первую очередь их интересуется мастерская как таковая, а наследство, пока они его в деталях не знают, имеет для них только второстепенное значение. Комиссия по наследству – нормально. Единственное, что меня интересует в этом отношении, это ее правовые возможности и обычные ее функции. Очень надеюсь, что у нее нет права совать во дела и во все вещи свой нос и что не понадобится открыть ей все папки, дневники, письма и т. д. Поэтому я уже написал в моих предыдущих письмах, что надо заботиться особенно о дневниках и т. д. Теперь я боюсь, что именно после посещения мастерской (и протокола по поводу посещения, который будет обязательно) возникает «желание» более подробно рассматривать Димино наследство. Все это независимо от того, что ты являешься наследницей всех его вещей. Поэтому будь осторожна и в крайнем случае убери кое-какие вещи хотя бы на время.

17 июля я тебе написал, что обращусь к нашему посольству с просьбой помочь в деле завещания. Я сразу это не предпринял, потому что ждал еще твоего письма. Сегодня окончательно напишу Kastl'ю, pošлю копию завещания. Поскольку мне не совсем ясно, куда обратиться с этим завещанием, я попрошу их связаться с тобой. Инюротдел – это общий или при Союзе? Посоветуйся с ними, если позвонят или приедут.

Поскольку мне уже позвонили из одной из Кельнских газет (Kölnische Rundschau, это другая газета, не Kölner Stadtanzeiger,

где публикуется Uwe Engelbrecht) с вопросом о правильности сообщения о том, что мне завещано все Димино наследство, я скажу им, что сообщение было не правильное и было основано на недоразумении. Это, мне кажется, для настоящего момента самый лучший вариант. [...]

В последний викенд мы были в Würzburg'e, встретились с Beckel'ем, с Weißkopf'ом и с Heindl'ями и взяли все произведения, которые находились там. Все вещи в хорошем, нормальном состоянии. По поводу установки «...от бомб» мы договорились, что будем содействовать, совместно агитировать. Помоему, шансы на установку этой скульптуры через церковь есть. Только что мне сказал Weißkopf, что он уже поговорил с заведующим евангелической церкви в Würzburg'e о таком проекте и он полностью принял идею. Мы договорились встретиться в сентябре (т. е. после каникул) с тем, чтобы определить все следующие шаги. Кроме того, я выпросил у них «Книгу отзывов», которую вели во время тогдашней выставки и в которой имеется много положительных откликов именно по вопросу установки «...от бомб». Я пошлю тебе эту книгу.

Сегодня я поговорил и с Удо. Он очень рад твоему решению и согласию. Он даст отлить три экземпляра для Kaufmann'a и для своих дочерей. Я с ним договорился, что отливки должны носить номера экземпляра отливки (или a, b, c или 1, 2, 3). Что касается «помощи» с его стороны на переиздание каталога, то я пока ничего не сказал. Вернусь к этому вопросу в сентябре, когда встретимся с ним. Пока (а он сам вопроса о помощи сегодня не коснулся) я ему сказал, что есть намерение издать книгу со всеми установленными скульптурами... Будь уверена, я общую проблему знаю и сам хочу кое-что сделать в этом отношении. Но в связи с предстоящими огромными усилиями, которые с невероятной быстротой наваливаются на всех нас в ближайшее время, и в связи с возможным «выездом» больших скульптур сюда, я бы советовал поступать чуть сдержанно по отношению к поддержке. Я лично скептически отношусь к тому, что советская сторона может: 1) вообще запретить «выезд», или 2) требовать ужасно высокий налог, или 3) пошлину. В случае 2 или 3 потребуется немало денег и как раз в таком случае мы нуждаемся в помощи Удо. Из таких и еще других соображений советую пока потихонечку следовать идее переиздания каталога, к тому же в лучшем качестве.

Правда, жаль, что каталог разваливается... У меня мечта после книги о 70-х годах издать еще раз более объемную книгу с другими, новыми фотографиями, с обширным разделом графики, с самыми разными документами и т. д. Кроме того, я вам еще тогда написал, что планирую писать по возможности до конца года статьи две-три по разным аспектам Диминых вещей. Все это требует огромных усилий наряду с другими «общими и нормальными» обязанностями и с предстоящей совместной борьбой за мастерскую, «за выезд», за установку «...от бомб», за устройство двух планируемых выставок в Ульме и Гайдельберге (а может быть, еще в других городах), за книгу Ларса и Анники.

Бывший посол Wieck написал Doris: «Сообщение о смерти Вадима Сидура меня очень поразило. Его творчество – втиснутая в форму символика немецко-русской трагедии. Передайте, пожалуйста, госпоже Сидур мое сердечное соболезнование...».

Вырезки из газет еще будут. Неясно, появилась ли статья в Лондоне, Newsweek и в Neue Züricher Zeitung. Ничего не написала Elfie? В университетской газете в Констанце появилось короткое сообщение о смерти, но будет еще более объемная статья в следующем номере.

Юля, очень надеемся, что не сразу все навалится на тебя и что дадут тебе подумать и прийти эмоционально в себя. Очень надеемся, что академики помогут, включая и Кагана, и даже Александрова. Быть может, стоило бы обратиться к Кома, чтобы и он дал советы и вошел в контакт с его друзьями в Академии. Не стесняйся, «хуже не будет», и к тому же нужны, по-видимому, все силы, которые могли бы помочь и о которых ты заранее знаешь, что они не против тебя! Кома мне обязан во многом.

Уедем в Израиль с 7-го по 22-е. До этого, по-видимому, останемся в Бохуме, но если и не останемся (что пока еще неясно), то все-таки пиши регулярно. Мне кажется, что останемся здесь, потому что очень много посылок и вещей все еще не распакованы.

Обнимаем, целуем тебя, милая Юленька. Привет большой Мише.

Карл и Гизела

29.7.86

Дорогая Юля!

Уедем на три-четыре дня на море отдыхать, поэтому спешу. На предыдущее твое письмо я уже ответил.

Сегодня мы купили Video-recorder, самый удобный, маленький, portable – это значительно облегчает работу и пространство съемок. Камеру я заказал, пошлю ее по возможности через Schrameyer'a, который поедет в Москву 8 августа. Всего получите 5 кассет (тоже самые хорошие) BASF. Их лучше всего использовать для камеры. Другие – для рекордера, хотя и они не хуже.

Kastl'ю я написал и послал завещание на меня.

Meyer-Landruth обратится еще раз к советским из-за меня. Будем надеяться и подождем. Обнимаю, твои

Gisela и Karl

Москва, 2 августа 1986 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Очевидно, это письмо уже не застанет вас в Бохуме, и вы прочитаете его только по возвращении из Израиля. Вчера вечером получили некоторые части видео. Сказали, что камера еще прибывает позднее. Очень рада, что с акварелью все прояснилось и просто надо подождать еще какое-то время.

Мне удалось, Карлуша, послать 42 фотографии из тех, что Юра снял в 1985 и зимой 1986 года. Там много последних Диминых портретов вместе с работами 70-х годов. А самые последние – из цикла «Мягкие скульптуры», «Куклы», мы послали вам еще при жизни Димы. Кроме этих фотографий, еще добавила парочку снимков памятника Гельштейну. У вас эти фотографии были, но снятые зимой, в снегу. Сейчас памятник выглядит намного красивее, хотя очень портит портрет Марика, вмонтированный рядом. Этому желанию родителей никак нельзя было воспротивиться. Я думаю, что попрошу ретушера заретушировать этот портрет на некоторых фотографиях – он очень назойливо выглядит и отвлекает на себя внимание от скульптуры. Я даже думаю, что вы сможете получить фотографии еще до отъезда. Что же касается дневников, то я их

тоже уже послала. И с ними же отправила кассету со стихами Димы, которую он начитал сам. Там, конечно, не все стихи, а только некоторые из цикла «Самая счастливая осень» 1983 года. Дневники и кассету вы получите позднее, скорее всего, в сентябре. [...]

На днях мы встретились с художницей Людой Семеновой. Она будет продолжать работу над «Висящим», или «Автопортретом». Я уже писала, что эта композиция вместе с «Сидящей в кресле» будет носить название «Автопортрет с блудной дочерью».

Все, что ты написал насчет твоих разговоров с Удо, я полностью поддерживаю.

Обложка книги Мартина Криле выглядит очень красиво. Я только не поняла, о какой фотографии Францис фон Штехеу идет речь. Очевидно, это Димин портрет? Где он будет опубликован?

Очень приятно, что церковные организации в Вюрцбурге поддерживают нашу идею установки «Памятника погибшим от бомб». Передай от меня большой привет Хайндлям и спасибо за их теплую телеграмму. Г-ну Вику тоже большое спасибо. Ты спросил про Эльфи. Дело в том, что по нашему ТВ выступал убежавший со станции «Свобода» сотрудник Олег Туманов, который назвал Эльфи чуть ли не агентом ЦРУ. Поэтому, я думаю, она решила вообще помалкивать. Ей в Москве очень нравится, и она не хочет никаких неприятностей для себя. Во всяком случае, на похоронах она была, а после – я ее не видела и не слышала. Мое правило такое же, как у Димы – я журналистам не звоню и ни о чем их не прошу. Если им надо, они всегда позвонят и придут сами.

Посылаю вам три вырезки из газет. Одна из «Лит. газеты», где самыми ругательными словами ругают нашего бывшего знакомого Майка, вторая – это о наших кинематографистах, где произошли очень большие и, возможно, боюсь утверждать, положительные перемены, и третья – про спектакль Алика Киселева. Две последних из «Советской культуры».

Теперь основная часть этого письма. Это наша с Мишей борьба за мастерскую. Она очень активно продолжается. Опасный насчет того, что они «отнимут» вещи, нет. Всё это им совершенно не нужно! Им нужна только мастерская как помещение Художественного фонда для того, чтобы по суще-

ствующему порядку передать ее следующему скульптору, обязательно члену Союза художников. То, чего добиваемся мы, это исключение из этого правила. Мы, будучи нечленами Союза художников, хотим оставить ее как хранилище произведений выдающегося художника. Но для них Сидур не является выдающимся, хотя сам факт, что организовали комиссию по наследию, является почетным, т. к. подобные комиссии образуют далеко не каждому умершему художнику. За эту неделю мы увиделись с двумя скульпторами-мосховцами: Леонидом Берлиным и Геннадием Распоповым. С обоими мы общались у нас в мастерской и посетили их мастерские тоже. Берлин – в московских кругах очень известная фигура. Он самый левый, самый современный. С Диминым масштабом его сравнить нельзя, потому что таких скульпторов как Дима в СССР просто нет вообще. Сейчас я в этом окончательно убедилась. А если брать его творчество в целом: скульптура, графика, живопись, стихи, кино, «Миф», то тем более нет ничего и никого похожего. Тем не менее Берлин – интересный художник. Его мастерская находится во Владыкино, где построены специальные скульптурные мастерские, очень высокие и с антресолями, где можно или спать или «принимать гостей». Недостаток в том, что там слишком много скульпторов, и все друг к другу шлятся. Очень похоже на квартиры в кооперативном доме. Возможно, для кого-то это не недостаток, а достоинство. Но то, что Дима был на отшибе, имело громадное положительное значение. Его творческое одиночество после разрыва с Лемпортом и Силисом невероятно ему помогло. Во Владыкине, где много скульпторов, такого одиночества никак быть не может. Берлин делает свои железные композиции (это то, что у него лучшее), которые он сваривает, спаивает, конструирует и т. д. Они у него иногда загораются, позвякивают, а иногда даже стреляют. Но даже без этого развлекательного момента, они сделаны очень кропотливо, иногда даже [сделаны] в течение многих лет. Трудно объяснить, что изображают его металлические конструкции. Это условные человеческие фигуры, иногда довольно выразительные. Две работы мне даже показались очень сильными. Все остальное – это заказные вещи, выполненные в очень добротном реализме. Правда, не все заказные, есть реалистические вещи, хотя и обобщенные, сделанные для себя. Поэтому в его мастерской работ много,

судя по заполненности, но не более пятидесяти, т. к. очень многое у него все-таки уходит, на что, собственно, он и живет. Показал он нам и две живописные работы. На мой взгляд, слабовато, тем более что одна из них, изображающая какой-то корабль в океане, названа «Американская трагедия». Он сказал, что его заставили так назвать, чтобы можно было выставить на выставке. Вторая называется «Парад». Везут реалистическую огромную голую девицу маленькие людишки, очень напоминает знаменитые иллюстрации к Свифту, когда лилипуты везут Гулливера. На фоне зачем-то маячит американский флаг, опять же – это шкурнические интересы у честного человека. Хотел красные флаги, но нельзя, поэтому флаг американский, иначе картину не выставят. Намного интереснее графика. Мы посмотрели примерно сотню черно-белых рисунков, выполненных пером и тушью. Он их, оказывается, тоже выставлял, но называл иллюстрациями к Брехту, иначе бы их не показали. Очень реалистические, очень социальные какие-то коммунальные квартиры, набитые людьми, бесконечные очереди, животные (в основном, собаки), писсуары, семьи, живущие под колесами мчащегося поезда, больницы. Часто повторяющаяся тема: каталка, на которой тащат больного. Много реалистических портретов, но очень профессиональных и выразительных. Он ничего не продает, потому что все у него в одном экземпляре, и ему, как он говорит, жалко расставаться. Я думаю, что когда вы приедете, надо будет обязательно к нему съездить, чтобы увидеть, что осталось лучшего в скульптуре официального советского искусства.

Теперь о том, как он смотрел Димино. Поскольку он наш сосед и живет в доме № 2, Дима часто с ним общался во дворе. У Берлиных было две громадных собаки, которых надо было прогуливать (два эрдельтерьера). Дима, следуя своему постоянному правилу, никого из коллег к себе не пускал и не приглашал, Леню он тоже не приглашал. Сам Леня жаловался, что другие скульптора заходят и, наворовав его идеи, тоже сваривают всякие железки, а потом, все опошлив, выставляют. Дима это прекрасно знал (один Эрнст чего стоит!) и поэтому никого к себе не пускал. Но разговаривали они всегда очень и очень дружески. Когда я предложила Берлину приехать, он немедленно радостно согласился, и еще не видя мастерской, уже предложил свою поддержку. Но когда он приехал и уви-

дел, был совершенно поражен, но поражен по-хорошему, потому что много слышав, он все-таки плохо себе все это представлял. Ему очень все понравилось. Говорил он о Диме с великим почтением. Ему понравилось все, но больше всего такие вещи, как: «Современное распятие», «Автопортрет», «Гробы», то есть все, что завещано тебе. Мы провели с ним весь день, сначала были у нас, потом поехали к нему во Владыкино. Он сказал, что все, что он может сказать, он обязательно скажет в нашу защиту, хотя не является начальником и потому веса особого не имеет. Но я знаю, что его очень уважают и даже побаиваются. Человек он вроде бы мягкий, но на самом деле очень и очень боевой.

У Берлина три года назад умерла жена, театральная художница Вера Зайцева. Он очень одинок (обе собаки тоже умерли), и он рад любому искреннему и дружескому контакту. Тем более что он художник хороший и нам не надо, как говорится, «кривить душой». Что же касается другого мосховца, скульптора Геннадия Распопова, то тут несколько иная картина. Это скульптор «типичный». Мы с Мишей с большим энтузиазмом пытались найти и похвалить у него хоть что-то. Нашли один портрет Свифта, барельеф в бронзовой чеканке. Это у него действительно лучшее, тем более что именно его он поместил на афишу своей выставки в ЦДЛ. Мастерская у него неплохая. Отдельно стоящий домик во дворе в районе Шаболовки, примерно, метров 50, но высокая. Плохо то, что домик этот подлежит сносу и скоро его должны ломать. Нам с Мишей в голову одновременно пришла мысль – не начнет ли он в связи с этим требовать себе подвал Сидура. Но думаем, что теперь у него язык не повернется. Объясню, почему я к нему обратилась. У нас знакомых официальных скульпторов вообще нет. [...]

С Распоповым мы иногда возвращались домой на метро. Он ехал с Октябрьской, а мы с Парка культуры. По дороге разговаривали. Дима разговаривал, а я помалкивала. Распопов много рассказывал о своих поездках в Африку, Камбоджу и т. д. Он, конечно, мосховец до мозга костей, хотя утверждает, что его отовсюду выгнали (из начальства), потому что он всегда у всех «все принимал» и никого не гробил, когда был членом художественного совета. Тем не менее он всех знает и может при желании создать благожелательный климат, хотя, честно признаюсь, по большому счету, я ему не верю.

И есть риск, что он не только не поможет, но даже втихую и повредит. Но делать нечего, приходится рисковать, потому что нет выхода. Мне больше не к кому обратиться. В отличие от Лени Берлина Распопов был не столько поражен, сколько «обалдел». Он тоже много слышал про Сидура, но не видел. Это «обалдение» его как-то немного пришибло. У меня даже появилось ощущение, глядя на его лицо, что у него появились мысли о «напрасно прожитой жизни». Он мне потом сказал: «Может быть, конечно, так и должен жить художник, но если бы Дима при жизни больше показывался, мелькал в МОСХе, нам сейчас было бы легче». Я с ним не согласилась. Если бы Дима занимался устройством своих вещей и «мелькал» в МОСХе, то это бы отняло у него последние силы, он бы намного меньше сделал работ и гораздо раньше умер. Поэтому он сделал другой выбор.

Была еще одна причина, по которой я обратилась к Распопову. Когда жена Гдаля Гельштейна Вита везла памятник Марику из Мытищ со скульптурного комбината, машина заехала к Распопову, чтобы заодно забрать его какую-то работу. Они с Витой разговорились и когда Распопов узнал, что Дима сделал им памятник для сына (скульптура в это время лежала запакванная в машине), он воскликнул: «Сидур?! Как вам это удалось? Это скульптор мирового класса!» Я Распопова встретила случайно во дворе, он тоже живет в доме № 2. Он даже не знал, что Дима умер и был очень потрясен. Немедленно согласился поехать со мной и с Мишей в подвал все посмотреть и уже успел поговорить с неким скульптором Дроновым, членом бюро секции. Тот ему будто бы сказал: «Давай посмотрим. Мы включим тебя в комиссию по наследию».

В общем, Распопов тоже пообещал на словах поддержать, а как будет на деле, не знаю. Итак, сейчас три человека: Никонов, Берлин и Распопов обещали что-то сделать, чтобы оставить подвал «за семьей». Верю я только одному Берлину. Кстати, Распопов спросил: «А как у него было с заработком?» Я сказала: «Нормально. Вот за эти две “Структуры” нам очень хорошо заплатили. Потом на стадионе Динамо он с другом установил “Фанфары победы”. И вот последний памятник сделал, в Востряково. К тому же он пенсию получал. С заработком было прилично». Я, конечно, не сказала, что памятник Гельштейну Дима сделал бесплатно.

Карлуша, вчера (1 августа) мы в мастерской устроили просмотр своего кино. Были все свои: Миша, Юра, Вова Воловников с сестрой и Володя с Ритой Бродские. Бродские и Лариса, Вовкина сестра, видели это уникальное Димино произведение впервые. Им было вообще очень интересно, но и мы тоже давно его не видели и смотрели с огромным интересом. Аппарат наш громыхает, показывает плохо, качество, ты сам знаешь, какое. Мы все еще раз убедились, что это совершенно великолепное произведение искусства (сам фильм), и мы еще раз решили, что надо перевести его на видео и таким образом сохранить. Займись, пожалуйста, этим вопросом при первой же возможности, хотя я прекрасно понимаю, как безумно вы с Гизелой заняты. Миша уже показал те части видео, которые мы получили, каким-то специалистам, и они сказали, что аппаратура очень хорошая. Теперь с нетерпением ждем камеру. А уже телевизор придется добывать здесь каким-нибудь образом. Миша говорит, что это возможно. Главная цель – заснять подвал со всем, что там находится, не только скульптуру, но все закоулки, лестницу, комнатки. Ведь вполне реально, что у нас его отберут, хотя мы сделаем все от себя зависящее, чтобы это случилось, как можно позже.

Что касается Комы Иванова и его подписи под ходатайством, то она не является решающей. Я думаю, что мы сможем собрать подписи очень влиятельных деятелей науки и культуры, но не сейчас. Я говорила с Витей Гинзбургом, он сказал, что сейчас мертвый сезон, поэтому лучше это сделать в сентябре, когда все вернутся в Москву, он сделает все от него зависящее. В любом случае, время у него пока есть. И мне сам Никонов сказал, что спешить не надо.

Теперь, что касается вещей, завещанных тебе Димой. Не знаю, по какой причине мы не оставили список этих вещей. Скорее всего, чтобы просто его не было у нас дома. Но теперь ты обязательно их перечисли мне на листочке прямо по каталогу. Дело в том, что у Миши в Третьяковской галерее есть очень хорошая приятельница, он имел с ней дело по поводу дедушкиной коллекции. Он хочет попросить ее, чтобы она прислала нам специалиста по оценке. Для этого мы должны показать ему все завещанные тебе произведения, чтобы он, как эксперт, сказал, сколько они стоят. Разумеется, мы не станем говорить ни о каком завещании на тебя. Мы просто по-

просим оценить их, сказав, что есть знакомые, которые хотели бы это приобрести. Если нам удастся получить официальную бумагу с оценкой, это будет невероятная удача. Поскольку этот человек будет знакомый, а не чужой, мы постараемся, чтобы это было все оценено подешевле. Но для этого совершенно необходимо, чтобы у вас был список всех твоих вещей. Если мы что-то забудем, потом вставить или повторить подобную акцию не удастся. Может так случиться, что некоторые вещи вообще не будут иметь цены, или же цена будет назначена чисто символическая. Этот список существует на втором подлиннике завещания, находящегося в нотариальной конторе, Миша его видел своими глазами, но в руках не держал. Еще проще, если ты пришлешь ксерокс завещания.

Еще один важный вопрос. Поскольку неясно, когда ты приедешь, пустят ли тебя и когда пустят, если пустят, необходимо составить следующую бумагу. Ты должен написать и заверить у вашего нотариуса следующее заявление:

В Нотариальную контору № 11, Москва, Проспект Калинина, 31.

Я, Карл Эрнст Аймермахер, проживающий ... (адрес), принимаю наследство, завещанное мне Вадимом Абрамовичем Сидуром.

Подпись, дата.

Еще раз повторяю, документ должен быть заверен у вас по всей форме. Пиши, конечно, по-немецки, чтобы все было естественно. Потом пришли это на кого-нибудь в посольстве для передачи мне. Миша пойдет и официально переведет его на русский язык, а затем сам снесет в нотариальную контору № 11. Поскольку он занимается всеми Димиными наследственными делами по моей доверенности, он сделает и это, так ему сказали знающие юристы. Это надо сделать побыстрее, потому что после подачи такого документа уже не страшно, что пройдет шесть месяцев. Дело может спокойно тянуться годами.

6.8.86

Дорогая Юлия!

Спасибо за последние два письма (№ 26+27) и за отличные фотографии! Мы сегодня поедем в Израиль, поэтому очень спешу. [...]

Видеокамеру мы вчера купили и передали Шрамайеру, он готов во всем помочь. Вместе с камерой получишь кассеты и специальный аккумулятор. [...] Weißkopf из Вюрцбурга мне сказал по телефону, что главный священник города Вюрцбурга – за установку «...от бомб» на территории церкви. Но окончательное решение зависит еще от других ведомств. В сентябре посмотрим дальше. Пока я все еще оптимистичен. Дело выглядит неплохо, жалеть пока не надо. Шрамайер тебе принесет и отклики посетителей выставки в прошлом году (Würzburg), которые отозвались в большинстве, за редким исключением, за установку Диминого памятника.

Напишу сразу после 22 августа. Крепко обнимаем. Большой привет Мише.

Твои Gisela и Karl

Москва, 11 августа 1986 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Пишу вам, не прерываясь, хотя знаю, что вас нет на месте. Считаю, что не стоит терять возможности отправить письмо, пока такая возможность существует.

Мы были в понедельник на приеме у г-на Кастря, данного им в честь отъезда Вильфрида и Моник Грубер. Мы были с Мишей. Оказалось, что это не обычный прием, когда много неизвестного народа, а были мы только в малом количестве: Альфред Шнитке с женой и мы с Мишей, больше никого не было. Мы сидели в саду резиденции, как на даче, ужинали на веранде. Было очень приятно, но грустно. Мне теперь всегда грустно. Для меня Димино присутствие всегда все освещало, а теперь как будто что-то померкло. Шнитке выглядит очень худеньким и слабеньким, но очень симпатичным. Груберы говорят, что сейчас он еще ничего по сравнению с тем, каким они его видели после инсульта. Он не знал, что Дима умер, и это его потрясло. Он даже сказал: «Извините», – как будто он в чем-то виноват.

Г-н Кастря не забыл, что тебя, Карлуша, не пустили, несмотря на его личное приглашение. Безусловно, это неслыханное хамство! По-русски это называется «плюнуть в морду». В нашей цивилизованной державе плюнуть в морду кому

угодно ничего не стоит. В то же время я думаю, что этим совершается глубокая ошибка, ведь существует еще одна русская поговорка: «Не плюй в колодец, пригодится водицы напиться». Каждому нормальному человеку ясно, что ничего бы не произошло, если бы ты приехал на похороны друга. Но какие-то темные силы в своем безумном и глупом страхе способны на все!

Еще раз большое тебе спасибо за видео! Если будет камера, то останется еще одна проблема – это приобретение телевизора. Оказывается, это совсем не просто. В.Г. пообещал помочь до своего отъезда 15 сентября. Когда телевизоры появятся, как у нас обещают, после 15 августа, он нам купит. [...] Мы сразу же начнем снимать мастерскую. Хотим облазить ее с камерой по всем работам. Кстати, еще раз напоминаю тебе, что обязательно надо перевести Димин фильм «Памятник современному состоянию» на видео. Мы тут недавно посмотрели его снова в наших условиях. Все трещало, гремело, грохотало, останавливалось, расплывалось, но все равно мы еще раз убедились, что это совершенно великолепное произведение искусства. Но лишний раз посмотреть его, а тем более показать кому-то, с технической точки зрения – это большое мучение.

Надеюсь, что ты получил фотографии. Кое-какие у тебя, наверное, уже были, но все равно хорошо, что мы их послали тебе, если даже это вторые экземпляры. Сейчас Юрочка продолжает снимать. Он снял заново «Саломею». По-моему, очень неплохо получается, особенно фрагменты. Огромная трудность представляется для съемок такой работы, кстати, тебе завещанной, как «Современное распятие», пока что нет ни одного хорошего снимка этой скульптуры. И возможности снять ее тоже почти нет, совсем нет отхода назад, чтобы она смотрелась как крест. Юра постарается сделать все возможное. Даже фрагменты будут очень ценными. Вдруг, представим такое чудо, ты получишь то, что Дима тебе завещал! И тогда собрать «Современное распятие» без фотографий будет попросту невозможно.

Итак, завещание на тебя. Меня посетил г-н Хабер из вашего посольства, хорошо, что при этом присутствовал Миша, он удивительно умен во всем, что касается юридических тонкостей и формальностей. Он моментально понял, что если твое

дело будет вести не инюротдел, а посольство, это будет значительно лучше и дешевле, что, собственно, и пытался объяснить мне г-н Хабер. Оказывается, можно. Можешь не посылать мне копию завещания. Я переписала все завещанные на тебя работы (24 скульптуры) по номерам картотеки и очень пожалела, что мы не завещали тебе также «Победителя», «Еву на венском стуле», «Материнство» из цикла «Препараты», «Пророка-шарманщика» и, конечно, «Барельефы на Библейские темы»! Куда мы все это свалим, когда придется выметаться из подвала, уму непостижимо!

Может быть, и не все столь мрачно, как я предполагаю, потому что выгнать меня сразу же через шесть месяцев будет не так уж легко. Во всяком случае, вчера я встретила еще одного доброжелательно настроенного к Диме художника, это Гоша Рублев. Он тоже мосховец, но монументалист. Сразу же выразил желание войти в комиссию по наследию. Одобрил меня, что я отказалась от Лемпорта и Силиса: «Зачем они? Конечно, их не нужно». Насчет того, что мне нужно сворачиваться через шесть месяцев, воскликнул: «Ну это так не делается! Вы написали заявление?» Я сказала, что как раз нахожусь в стадии составления всех необходимых бумаг. Я спросила, не помешает ли нам то, что Гоша не скульптор, а монументалист. Он сказал, что помешать не должно и что он также занимается скульптурой. Я его пригласила в мастерскую, чтобы он увидел, о чем идет речь. Он сказал, что ему чрезвычайно интересно, но у него нет ни одной минуты времени до конца августа, но в конце сентября он с огромным интересом придет и посмотрит. «Главное, – сказал он, – нужно, чтобы было побольше дружески настроенных людей!»

Миша беседовал по телефону с председателем этой комиссии, избранной по принципу соседства по жилью, Еленой Борисовной Преображенской (слонихой Леной, как называл ее Дима). У него создалось впечатление, что она, почувствовав конфликтную ситуацию, до какой-то степени хочет отделаться от этой миссии. Она сказала: «Я еще не знаю, соглашусь ли я на это. Посмотрим в сентябре, когда все появятся. Вы можете подать нам список людей, кого вы хотите в комиссию. Мы на секции рассмотрим, потому что секция должна этот список утвердить. Пусть Гена Распопов будет председателем». Миша тут же дипломатично стал ей говорить, что мы хотим, чтобы

она осталась в комиссии. Я думаю, что он делал правильно. Я не верю, что она хочет от этого дела отшиться. Во всяком случае, если она останется в комиссии, то хотя бы не будет мешать. А помешать может очень сильно, потому что очень большая деятельница. Что же касается председателя комиссии, то если она откажется, мы будем просить, чтобы председателем стал не Распопов, а Берлин. У Миши есть еще некоторые утопические идеи – он хочет, чтобы в эту комиссию вошли также я, он и его мать, поскольку она единственный среди нас член МОСХа. Не знаю, возможен ли подобный вариант с родственниками. Во всяком случае, Преображенская сказала ему: «Может быть, мы пригласим вас на наше заседание секции».

Итак, комиссия по наследию состоит сейчас из следующих членов МОСХа: Е. Преображенская, скульптор (пока председатель), Л. Берлин, скульптор, Г. Распопов, скульптор, П. Никонов, живописец (член правления), Г. Рублев, монументалист. Пять человек. Если Миша сумеет вставить кого-нибудь из нас троих, включая его мать, и если секция это утвердит, то больше людей и не положено включать. Миша очень хочет войти в эту комиссию сам. Он утверждает, что соображает больше нас всех и поэтому его присутствие в этой комиссии самое полезное. Его мать согласилась не сбиваться с версии о том, что она «первая жена Сидура». [...]

Сегодня вечером Миша встречается со своей знакомой из Третьяковки и поговорит насчет эксперта по оценке. Будет невероятно важно, если мы будем иметь официальную бумагу с оценкой. То же самое сказал г-н Хабер. Когда Миша сказал, что есть форма, когда художественное произведение считается вообще «без цены» (так было с Андреей, она растрогала комиссию из женщин своей действительно трагической историей, и они ей написали «без цены», поэтому ей не пришлось платить пошлину на таможне), г-н Хабер возразил, что «не надо преувеличивать». Я думаю, что он прав, нужно, чтобы все выглядело естественным. Оценка должна быть небольшой, но все-таки вещи должны что-то стоить, иначе будет подозрительно, хотя я знаю, что эти вещи для наших никакой ценности не имеют. В общем, посмотрим, что из всего этого выйдет.

[...] Андрея передала мне роскошный плеймобиль и шоколад, огромное спасибо. Теперь мне не надо ломать голову, что

дарить Митюшке на день рождения. Он, конечно, будет счастлив этому космическому плеймобилю. Он хотел именно такой.

Из вещей, которые прислала Гизела, рубашки, плавки и свитер пошли Левочке, они ему в самый раз. А стеганая жилетка-безрукавка и две пары брюк как раз подойдут Митюшке.

Получила письмо от Готфрида, Бианки из Тюбингена и Збигнева Томаша Шмурло. Один Збигнев не знал, что Дима умер. Он написал Диме письмо, что пишет диплом на тему: «Вадим Сидур, путь к Гроб-Арту». Он написал также, что приедет в Москву и просит о свидании, потому что написал очень много статей о Димином творчестве, и у него есть к нему вопросы. Потом Збышек приехал в Москву в конце июля и узнал от Эдика о Диминой смерти. Он был здесь всего два дня, мне не дозвонился, я как раз общалась с москховцами. И только когда он уехал обратно в Польшу, я получила по нормальной почте его письмо, оно шло так долго, как будто он писал не из Польши, а с Луны. Это лишний раз доказывает, что обычная переписка по нашей почте искусственно затруднена и длится столь же долго, как при Петре Первом. Но в те времена все делалось чтобы ускорить переписку, а у нас – чтобы замедлить. Поэтому я не уверена, что письмо, которое я ему написала, вообще дойдет до него. Но, в принципе, я очень рада, что этот молодой человек занимается серьезно в Польше Диминым творчеством. Карлуша, я знаю, что у тебя есть его координаты, может быть, тебе стоит еще раз войти с ним в контакт? Он очень серьезный и симпатичный молодой человек.

Как всегда посылаю вырезки из газет, представляющие, на мой взгляд, интерес в смысле «культурной политики». Одна – о Глазунове. Ходят слухи, что он так озлел на мягкую критику «Советской культуры», что собирается подавать на нее в суд! Другая статья, из «Правды», интересна тем, что, по-моему, одним из героев, написавшим «новую книгу в советском изобразительном искусстве», является Е. Зайцев. Это тот самый «наш друг» Зайцев, который то ли уже министр культуры, то ли скоро им будет, но уже сейчас выступает как министр. И вообще, вся статья по своему абсолютному нежеланию «перестраиваться», как призывает нас генеральный секретарь, вообще интересна. По этой статье видно, что у художников пока ничего не изменилось и начальство держится за свое с отчаянной силой.

Третья вырезка, из журнала «Знание-сила», интересна тем, что в ней положительно сказано несколько слов о Кабакове. Это любопытно только как противовес ранее появившимся ругательным статьям.

...Только что (13 августа) узнали с Мишей, что оценка произведений искусства производится только через специальную экспертную комиссию министерства культуры, которая состоит из не менее трех человек. Другого пути нет. Их оценка доставляется на подпись Зайцеву и подписывает только он. Любое произведение искусства, которое у нас оценивается, подписывается только им. В нашем случае, ты сам понимаешь, как сильно будет он нам помогать. Сейчас он является замминистра культуры и временно исполняющим обязанности (и.о.) министра культуры. По установившейся практике, и. о. никогда не становятся министрами, непонятно, как будет сейчас. Ясно, что нам он будет мешать особенно вдохновенно и безгранично. Во всяком случае, мы пока не встречали ни одного человека, кто говорил бы о нем хорошо. Сегодня же вечером мы с Мишей сообщим об этом г-ну Хаберу. Мы встречаемся с ним и переводчицей Хайке Рид в мастерской в 8 часов. Г-н Хабер хочет сам лично увидеть вещи, завещанные тебе Димой, он сказал, что напишет тебе письмо, где сообщит, что ты должен предпринимать дальше.

Что касается нас, то мы в борьбе за мастерскую продолжаем искать сторонников. Оказывается, председателем скульптурной секции сейчас является Юрий Орехов. Дима учился с ним в одной группе в Строгановке. Очень преуспевающий официальный скульптор. Дима часто рассказывал о своих товарищах по учебе: Соколовой, Брацуне, Орехове, Дарагане и других, все они моложе Димы. С Соколовой была особая любовная история, чрезвычайно интересная. Дима был тогда комсомольским и профсоюзным вождем, абсолютным лидером и непререкаемым авторитетом, вместе со своими товарищами занимался подготовкой к экзаменам. Никто, например, ничего не понимал в такой марксистской науке, как политическая экономия, Дима же все понимал. Он собирал свою группу и разъяснял, что к чему. Все хорошо сдавали экзамены. Еще Дима ужасно не любил «беспорядка» во время скульптурных занятий: он не допускал курения в аудиториях и пустых разговоров во время работы. Очень многие его уважали, но многие

и не любили, все эти сложные отношения тянутся и до сих пор. Силис тоже учился в Диминой группе, Лемпорт учился на старшем курсе. Именно Дима притащил Силиса в «коллектив», когда был уже в содружестве с Лемпортом. Все это особая, очень интересная и поучительная история... Особенно, как очерк художественных нравов в послевоенный сталинский период нашей истории.

Диминая человеческая и творческая эволюция носит до сих пор совершенно непостижимый характер для тех, кто знал его в Строгановке. Человеком он был безупречно честным, но для всех тогдашних – чересчур «правильным», поэтому многие его считали карьеристом. Тем более они были потрясены происшедшим в нем изменениям. Николая Брацуна, однокашника, ныне покойного (погиб в автомобильной катастрофе) считали слишком бездарным студентом и хотели выгнать. Педагог по скульптуре, профессор Мотовилов, вышедший еще из дореволюционной эпохи, говорил Диме: «Вы этих бездарей отстаиваете, а они потом вас же начнут душить». Тем не менее Дима Брацуна отстоял, тот благополучно кончил училище и потом невероятно процветал на официальных заказах в содружестве с Ореховым. С Ореховым у Димы никогда никаких конфликтов не было. С Брацуном, невероятным шутником (если человек открывал рот, он совал ему туда палец, поворачивал его и немедленно вытаскивал обратно или же Брацун любил человеку, открывшему рот, вставить туда в этот момент спичечный коробок), отношения были вполне хорошими. Александра Казачка хотели выгонять из училища за «аморалку» – он кому-то заделал ребенка, но не хотел жениться. Его Дима тоже отстоял. Этот Казачок пришел в 1974 году отбирать у Димы партбилет. Хотя после изъятия билета пожал ему руку и пожелал всяческих успехов. С профессором Мотовиловым конфликт был посложнее, несмотря на то что в «эпоху космополитизма» Дима открыто заступился за него, заявив, что Мотовилов не космополит. Но во время защиты диплома Мотовилов рассердился на Диму за то, что он сделал дипломную скульптуру в натуральную величину, а не маленькую, как все. И Мотовилов кричал: «Или я или он!» В итоге все остались: и Дима, и Мотовилов. Только студенту Сидуру пришлось сделать еще одну дипломную работу, маленького размера. Таким образом, он сделал две скульптуры. И получил единственную

четверку именно по скульптуре, за гордыню, несмотря на все постоянные самые блестящие результаты по всем предметам и особенно – по самому любимому – скульптуре. О Строгановке существует очень много интереснейших рассказов. К сожалению, Дима их так и не записал, хотя очень хотел. Учеба происходила на фоне жизни в подвальных помещениях, хуже нашего подвала (я видела), или же спанья на столах в аудитории Строгановки до начала занятий утром, когда общежития не было. Еще имела место «борьба со вшивостью» в буквальном смысле. Особенно любил бороться Лемпорт. Именно он, как настоящая ищейка, нашел последнего вшивого студента. Вшивых Лемпорт не любил, зато на Масловке развел мириады клопов! Он из-за своей толстокожести их не ощущал. Когда я там с Димой поселилась, вот это было мученье! Я вывела их с огромным трудом, поскольку это были династии клопов, невиданных, крупных как тараканы и вскормленных упитанным телом Лемпорта...

Мой экскурс в прошлое произошел из-за того, что сейчас Орехов является председателем скульптурной секции МОСХа. Я хочу позвонить ему и попросить о помощи по поводу мастерской. Не знаю, станет ли он помогать активно, но хочу надеяться, что не будет мешать. В этом уже будет его помощь...

Если ничего не произойдет, завтра я это письмо отправлю вам. Может быть, г-н Хабер сегодня вечером сообщит что-то новое. Тогда я припишу.

Продолжение (14 августа). Вчера вечером виделись в мастерской с г-ном Хабером и переводчицей, с которой я была раньше знакома, подругой Сабины Бекк. Осматривали твои вещи и всю мастерскую. Он сказал, что твои вещи самые лучшие в подвале и не жалко ли мне будет с ними расставаться? Я сказала, что не только не жалко, а жалею, что не было завещано еще сорок больших вещей. Он сказал мне, что, во-первых, послал тебе письмо, где пишет, что ты должен написать, что принимаешь завещанное тебе Димой наследство по всей юридической форме. То есть – то же самое, что я написала тебе, когда думали, что твое заявление о принятии наследства отнесет Миша. Но теперь это отпадает, поскольку всем занимается само посольство. И второе, г-н Хабер сказал, что тебе будет дана виза в Москву, когда ты пожелаешь. Последнее известие особенно нас с Мишей обрадовало.

Сегодня я говорила по телефону с председателем нашей скульптурной секции Ореховым. Он нездоров, сидит дома, говорил со мной вполне нормально. Сказал, чтобы я позвонила ему через месяц. Я пригласила его в мастерскую, напомнив, что они с Димой вместе учились, на что он сказал: «Да уж, восемь лет». Согласился поговорить о посещении через месяц, сказал уклончиво: «Посмотрим», но не отказался. Сказал о том, что уже были прецеденты, когда мастерские оставляли, даже назвал фамилии. Я, к сожалению, не запомнила. Но при этом были письма-ходатайства Академии художеств. В общем, он сказал, что такого, чтобы выбросить вещи на улицу, такого вообще не бывало. Хотя напомнил и про полгода и про очередников-скульпторов. Говорил что-то об описи работ, об оценке... В общем, я расцениваю нашу беседу, скорее, как положительную.

Кончаю, обнимаю вас. Привет от Миши.

Юля

Москва, 16 августа 1986 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Очень рада, что до отъезда вы успели получить и письма, и фотографии. Меня очень порадовало письмо г-на Вайскопфа, переведенное Андреей и Кармен. Так что еще не все потеряно. Интересно, что такое у вас «территория, принадлежащая церкви»? У нас это всегда небольшой двор непосредственно около церкви. Девочки объяснили мне, что церкви могут принадлежать какие-то скверы и даже парки. Так ли это?

Андрея и Кармен были в мастерской в четверг без Детлефа, он простыл и поэтому остался дома. Наш Вова теперь ходит с ним в среду на Новодевичье кладбище. [...]

Статья в «Русской мысли» И.Ш. была бы ничего, если бы не два абзаца, без которых вполне можно было бы обойтись. Но, в общем, сейчас, когда Дима умер, это уже не может иметь существенного значения. Те, кто будут нам препятствовать, они все равно будут делать это изо всех возможных сил, а мы изо всех наших сил будем сопротивляться.

Сегодня вечером мы встречаемся с Юрочкой и подберем для тебя еще кое-какие фотографии. Это «Саломея», снимать

ее чрезвычайно трудно, но кое-что получилось, особенно то, что касается фрагментов.

Я уже вкратце написала о своем телефонном разговоре с председателем скульптурной секции МОСХа Ореховым, Диминим однокашником по Строгановке. Он объяснил мне процедуру: секция, жилищная комиссия МОСХа (есть и такая, Берлин говорит, что она самая реакционная) и, наконец, Секретариат МОСХа. Вот все эти инстанции и будут решать. Мое заявление в секцию и ходатайственное письмо от деятелей науки и культуры у нас уже готово вчерне, но окончательно мы будем все это оформлять, когда все вернутся в сентябре. Все эти бумаги, я, конечно, вам пришлю в копиях.

Клаус Шрамайер мне пока не звонил, но думаю, что позвонит. Интересно будет посмотреть на «Книгу отзывов» граждан города Вюрцбурга.

В Переделкино парень, который взялся нам оформлять могилу, сначала сказал, что нет куска янцевского гранита для надгробной Диминой плиты. Вы знаете, что плита с надписью, «тумбочка» (как ее называют работяги) с именами родителей, стоит слева. Дима еще при жизни сказал мне: «Моя тумбочка будет вот здесь, справа». Сейчас вроде бы такой блок нашелся, именно янцевский, то есть светло-серый, и подходящий по размерам. Нам остаются следующие работы в Переделкино: вырубить плиту, в точности такую же, как у родителей, сделать надписи: «Сидур Вадим Абрамович» и пониже «1924–1986», в точности таким же шрифтом, как у родителей. А потом все шрифты на обеих плитах подчеркнуть, потому что их практически не видно. Коля, работяга, предлагал покрыть буквы золотом, но мы категорически отказались. Дима очень не любил шрифт, покрытый золотом. И последнее – это немного привести в порядок дорожку перед могилой. Более-менее там уже кое-что сделали при Диминой жизни и под его руководством. Нам нужно только закончить. В основном все переговоры по этому поводу ведет Миша.

Владимир Романович Келлерман продолжает работать с отливками. Для нас, надо сказать, это большая удача. Он уже обработал более десятка скульптур, в основном – бронзовых. Работает хорошо. Я потом иногда прохожусь по ним шкурочкой.

Позавчера, в четверг, перед приходом Кармен и Андреи мне в мастерскую позвонил Уве Энгельбрехт, сообщил мне,

что из Бонна до него дошли сведения, что тебе дали визу в Москву. Я сделала вид, что слышу об этом впервые и выразила большую радость. Я уже знала от г-на Хабера, что ты получил визу. Потом Энгельбрехт говорил, что они с Хельгой оба гриппуют, но вскоре хотят меня навестить, я сказала, что буду очень рада. Потом он начал спрашивать меня, нет ли у меня каких-нибудь трудностей, каких-нибудь проблем. Я очень твердо ответила: «Пока у меня нет никаких трудностей и никаких проблем, а что дальше будет, я не знаю». Уве сказал: «Там в Бонне есть один, но он ничего не понимает». Я не знаю, что и кого он имел в виду. Я сказала: «Я не ищу никакой помощи ниоткуда, кроме Москвы. Здесь достаточно людей, которые Диму знали, уважали, любили то, что он делает. И среди художников тоже». – «Да, да, в Москве тоже есть умные люди! В любом случае у нас (!) есть еще год!» – «Да нет, Уве, полгода». – «Как полгода?» – «Оказывается, произошли изменения и теперь только полгода. Но я думаю, что это формальность. Каждый здравомыслящий человек понимает, что за полгода подобную проблему не решить». В общем, – я еще раз это с нажимом ему повторила, – пока у меня нет никаких трудностей, никаких проблем. А что дальше будет, не знаю.

Мне уже несколько раз говорили, что Энгельбрехт – человек не совсем понятный. Живет он здесь очень давно, и не всегда ясно, кого и как он информирует. После той моей оплошности на похоронах Димы, я стараюсь быть с ним, насколько это возможно, осторожной. В.Г. рассказал мне, что вскоре после Диминой смерти Уве звонил в посольство и говорил что-то вроде таких слов: «Это провокация! Никогда советские власти не разрешат вывезти из СССР произведения Сидура». На это В.Г. сказал ему: «Нам ничего неизвестно ни о каком завещании. Единственно, что я слышал – это то, что имеются некоторые вещи, вроде бы завещанные Аймермахеру, но там идет речь не о всех работах, а только о некоторых». Опять же именно Энгельбрехт заявил в посольство, что «Аймермахеру отказано в визе», хотя это и без него всем в посольстве было известно.

19 августа, продолжаю... Сейчас ко мне должна прийти Уте Кепплер. Она вчера позвонила, что останется в Москве до воскресенья, и мы договорились встретиться сегодня. У меня сейчас в квартире большой бардак и беспорядок. Меня посе-

тили Гдаль Гельштейн и Володя Бураковский – большая шишка, лауреат, Герой Труда, академик и прочее. Он директор Института сердечно-сосудистой хирургии им. Бакулева. За все годы нашей дружбы, особенно, когда он еще не был директором, и потом, когда им стал, он ни разу не отказался нам помочь. Сейчас он тоже пообещал свою поддержку. Он сразу понял, что надо оставить мастерскую за мной, обещал твердо, хотя вспомнил о Диминном исключении из партии. Я сказала, что дело давнее и покойному художнику нет никакого смысла это припоминать. В общем, он поддержку обещал и даже пообещал в ближайшее время организовать звонок какого-нибудь влиятельного лица в Союз художников. Я же, кроме этого, попросила у него подписать коллективное письмо-ходатайство деятелей науки и культуры. Он тоже пообещал, хотя считает это не столь важным, как звонок влиятельного лица.

Посылаю тебе портрет и сведения о новом нашем министре культуры. На вид этот человек ничем не примечателен. Положительным является только его относительно «молодой» возраст. Все остальное покрыто мраком. Будет нам хуже или лучше, никто не знает. По Москве ходит еще один самиздатский документ – это речь Горбачева перед членами Союза писателей 19 мая 1986 г. Он говорит в ней о том, какое ужасное сопротивление оказывают ему аппаратчики. Попробую выслать тебе этот документ, если он будет не очень тяжелым для этого письма.

Кончаю. Крепко вас с Гизелой обнимаю. Считаю, что если есть виза, откладывать приезд в Москву не стоит. Чем скорее вы приедете, тем лучше. Масса проблем, которые надо обсудить на месте. Ждем вас вместе с Мишей.

Москва, 24 августа 1986 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Несмотря на то, что я очень бодро держусь на людях, и меня вполне можно назвать «веселая вдова», в душе моей полный мрак. Лишний раз, теперь уже на собственном опыте я смогла убедиться, что нельзя подготовиться к трем событиям: к войне, к тюрьме и к смерти. Я всегда знала, что Дима умрет раньше меня. Во-первых, он мне твердил об этом беспрерывно, во-вторых, он действительно был сильно и в общем-то неиз-

лечимо болен. Все равно я оказалась к этому несчастью не готова. Кроме этого, постоянно мучает чувство вины – почему меня не было с ним в его последние минуты. Миша все время уговаривает меня, что нас все равно никто бы не пустил в реанимацию. И это, конечно, так. Вова Бродский говорит то же самое. Несмотря на его связи и возможности, в реанимацию родственников не пускают. Но я до конца своих дней не перестану страдать, что не держала его за руку в тот момент, когда он умер.

Потихонечку дело движется. Мы с Юрочкой разобрали Димины стихи, сложили и допечатали три полных экземпляра. Целиком папка кончается стихами, посвященными Давиду, последними из четырех стихотворений 1985 года. Архивы (стихотворные) я пока не трогала. Еще предстоит отпечатать то, что он написал собственной рукой к «Ежику». Кроме меня никто с этим не справится, даже мне очень тяжело разбирать его почерк. Он просил меня прочесть и записать все его стихи на пленку. Он сам, к сожалению, успел начитать только один цикл – «Самая счастливая осень» 1983 года. Потом не было уже ни сил, ни времени. Он сказал, что я смогу это сделать, потому что знаю его интонацию и вообще часто их слышала. Так что мне предстоит это сделать. В будущем думаю заняться второй частью «Мифа», хотя это очень сложное дело. На мой взгляд, там почти все есть, и надо только составить из тысяч страниц одно более-менее цельное произведение.

Владимир Романович Келлерман работает. Нам всем кажется, что довольно успешно. Конечно, хотелось бы, чтобы дело двигалось побыстрее, но не хочется оказывать на него давления. Именно в его свободном режиме и в удовольствии, с которым он работает, заключается наш с ним договор. Мы рассчитываемся с ним за каждую отдельную вещь. Так удобнее и нам, и ему. Тем более что вещи, которые он обрабатывает, разной сложности. Я чрезвычайно рада, что он обработал, например, две бронзы: № 249 и 250. Обработал довольно прилично, учитывая сложность этих скульптур. При случае хотелось бы отправить их к вам.

В пятницу мы с Мишей, Юрой и Вовкой были в Государственном Литературном музее на Петровке на выставке «Генрих Бёлль: творчество преодолевает границы». Оказывается, эта выставка открылась 28 июня, в тот день, когда мы Диму похоронили. Она должна была закончиться 29 июля, но ее

продлили еще на месяц, поэтому она закрылась только сегодня. Выставка очень приятная, скромная, но сделана с большим вкусом. Мне о ней по телефону сообщила Эльфи Зигль. По городу афиши не висят, только на самом музее. На выставке две фотографии Эдика, хотя его имя как фотографа не указано, написано: «Генрих Бёлль в мастерской Вадима Сидура». Там кроме Бёлля и Димы, жена Бёлля, Дорис, Биргер и еще какие-то люди, пришедшие тогда с Раей Орловой. В маленьком каталоге, выпущенном немецкой стороной (выставка организована тоже немецкой стороной), на последней странице два знакомых имени: «переводчики Елена Варгафтик и Игорь Бурихин». Юра сфотографировал этот стенд, где Бёлль в нашей мастерской, для документации.

Эльфи нас посетила, была она с собачкой. Рассказала, что когда ее наш шпион Туманов назвал агентом ЦРУ, она и ее коллега Гроцкий направили протест в МИД и еще куда-то. Ни он, ни она не получили никакого ответа, оба спокойно работают, никто их не трогает. Она сказала, что написала о смерти Димы в свою газету, но там не поместили, потому что ДПА уже сделало свое сообщение.

Сейчас, когда наши дали тебе визу в Москву, г-н Каствль уехал в отпуск. Может ли это помешать твоему приезду? Надо ли ждать его возвращения?

Меня посетила Уте Кепплер, она находилась в Москве одну неделю по туристической визе. Мы очень сердечно с ней общались. Она привезла мне письмо от Плааса. Плаас каким-то образом через кого-то знаком с Ренатой фон Майдель, Рената прислала перевод этого письма. Плаасы приглашают меня в ФРГ, предлагают деньги, отдых в пансионате и т. д. Я попросила Уте передать им большое спасибо и сказать, что я в ближайшие два года не могу сдвинуться с места. У меня нет ни сил, ни времени, да, честно говоря, и настроения никакого нет отдыхать. Димка совсем не мог отдыхать, а я, наверное, рядом с ним тоже не научилась. Все, кто рядом, тоже не отдыхают. Очевидно, такова специфика нашей жизни. Может быть, от этого они все и развелись: Миша, Юрочка и Вовка. [...]

Во вторник, возможно, захороним урну с Диминым прахом в Переделкино. Потом будем заниматься плитой с надписью. У нас, как всегда, все непросто. Главное – это достать блок янцевского гранита, чтобы он ничем не отличался от плиты с

надписью родителям. Работяга Коля обещает, раньше он нас не подводил, надеемся, что и сейчас не подведет.

Ведрана Маслеша меня посетила. Хотят рисуночек, который им Дима нарисовал в письме, поместить на надгробном камне Свето. Будет очень хорошо, если у них это получится. Она рассказала мне, что им с Месалой было очень тяжело не только из-за ужасного несчастья – смерти Свето, но и из-за других мелких интриг и гадостей, которые им устраивали местные недоброжелатели. Сейчас, кажется, у них все наладилось. Они переехали в новую квартиру. Мы должны увидеться с Ведраной еще на этой неделе. Душко Додор правильно сказал когда-то: «Ведрана знает, почему погиб Свето, но она не скажет». В этот раз Ведрана сказала мне: «Я знаю, почему отец погиб, но я не скажу». Свето оставил какую-то записку. Ведрана сказала: «Есть очень злые люди!» Она сказала, что хочет забрать скульптуру из Белграда, поскольку непонятно вообще, где она находится. Ясно, что памятник никто ставить не будет. Я сказала Ведране, что если ей удастся выручить «Памятник пог. от бомб», то пусть они с Месалой берут его себе, как память о Диме и Свето.

Сегодня виделись с Левочкой, любимым моим внучком. 28-го возвращается из Литвы Митюшка, он написал очень хорошее письмо. Там же, где он, отдыхает его любимая девочка из класса по имени Аля Тиверовская, Митюшка давно в нее влюблен. Мы с Димой видели эту девочку, симпатичная девочка, только для Митюшки несколько здорова. Если эта любовь не угаснет со временем, как это обычно встречается, то, может быть, когда-нибудь Митюшка нагонит ее по росту.

Позвонила Андрея из Франкфурта, она приезжает в Москву 31 августа на две недели для работы на какой-то немецкой выставке. В этот же день вечером придет ко мне в гости.

Крепко вас обнимаю. Всем привет. Привет от Миши.

Юля

28.8.1986

Дорогая Юля!

Благополучно вернулись из весьма интересного Израиля, хотя, правда, мы жить там не хотели бы. Дима ужаснулся бы, как и мы, общей и постоянной агрессивности.

В прошедшее время прибыли твои письма № 28–30. Огромное спасибо за все детали ситуации, за газетные вырезки, которые тоже предоставляют нужную для понимания общей ситуации информацию. Нам написал тоже госп. Kastl и попросил от имени посольства удостоверение, что я принимаю наследство. Я такое удостоверение уже получил от нотариуса и послал его в наше посольство в Москве. Мне лично кажется целесообразным, если не я, как частное лицо, а наше посольство, как учреждение, будет иметь дело с инюротделом. Наше посольство готово всячески помочь. По поводу всей предстоящей процедуры я вчера позвонил Kastl'ю в Мюнхен (он в отпуске) и он еще раз подтвердил, что он ради Димы, тебя и вообще общего интереса к творчеству Сидура намерен изо всех сил помогать. Также обстоит и с нашим министерством иностранных дел. Это уже очень много, хотя, конечно, самую решающую роль будут играть советские учреждения.

Юля, ты уже знаешь, что получаем опять визу. В связи с некоторыми обязанностями здесь на месте и отсутствия самого Kastl'я в Москве, мы планируем приехать вдвоем в середине сентября (Давид вчера позвонил из Нью-Йорка и сказал, что останется там, нам стало очень больно. Никто не знает, что лучше для него, но мы готовы принять это решение).

Фотографии, которые мы получили от тебя, отличны. Кстати говоря, мы раньше таких фотографий не получали, как ты, по-видимому, думала. Но не важно. Хорошо, что они теперь есть и что качество очень хорошее. Мне бы хотелось, чтобы Юра продолжал эту работу, так чтобы мы могли бы опубликовать новые фотографии с новыми ракурсами. Повторение Эдиковых фотографий, конечно, неплохо, но для тех людей, которые их уже знают по другим публикациям, они все-таки остаются повторениями. Книга будет выглядеть более свежей, если хотя бы большинство фотографий будут новыми. [...]

Klaus V., которого ты, наверное, уже видела по его пути в Тифлис, сказал, что получил возможность сделать TV-передачу о Диме.

К сожалению, Neue Züricher Zeitung не опубликовала мой некролог, а только маленькую заметку. Зато было интервью по «Нем. волне» и были две передачи по BBC, которые сделал Игорь. Мне придется еще выяснить, когда они были переданы (для библиографии). Jonathan Steele, с которым я говорил по

телефону, написал очень хитро и здорово о Диме! Сказали, что были и в других газетах в Англии сообщения. не знаю где, постараюсь выяснить.

Написала Luise Rinser. Я приложу ее письмо. Позвонил Brach, собирается тебе еще написать. Сегодня получили письмо и от Rainer и Gudrun Möckelmann, они работают теперь в Белграде. О Диминой смерти они еще ничего не знали.

Юля, держись, как до сих пор. Мы часто вспоминаем о тебе, повторно анализируем твою последнюю информацию, сравниваем ее с другой, много говорим о всех предстоящих делах. Очень забавно было бы, если бы я стал членом комиссии по наследству!

Юля, я должен теперь закончить это письмо, иначе я не успею на почту. Кроме того, прибыл только что Wolfram Egge-ling, который потерял работу учителя. Мне удалось его устроить на два года, а может быть, даже на три, сотрудником. Я очень рад этому.

Карл

Москва, 1 сентября 1986 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Я знаю, что вы уже вернулись в Бохум, но на прошлой неделе письма от вас не было. Может быть, получу завтра, когда отправлю это письмо.

Вчера меня посетила Андрея, она смогла прийти только после приезда в гостиницу «Космос», где-то в десять вчера. Мы с ней обо всем поговорили и вообще очень радостно встретились. Она выглядит неплохо и морально чувствует себя значительно лучше, потому что довольна своей работой в «Дойче банк». Она сказала, что Удо передавал мне сердечный привет и спрашивал, не нужно ли мне чем-нибудь помочь в материальном отношении. Я сказала: большое спасибо, пока у меня все в порядке, но, возможно, что его помощь понадобится, т. к. Карл собирается выпускать новую книгу, и возможны другие нужды. Я не стала говорить, что могут быть сложности материального характера в связи с Диминым завещанием, поэтому не исключено, что Карл от имени моего и своего к Удо обратится. Андрея это одобрила и сказала, что

она тоже при случае с ним и с Ирмель поговорит в принципе, но именно в этом направлении.

Андрея подтвердила, что с твоей визой в Москву якобы все сейчас в полном порядке, и дан, как она выразилась, зеленый свет. Дай бог, чтобы так оно все и было.

Несколько дней назад мы виделись с Клаусом Беднарцем. Он подарил мне две видеокассеты на четыре часа. Он меня очень обрадовал – уже решено, что обязательно будет фильм про Диму где-то в январе–феврале будущего года, начальство уже разрешило. Он собрал здесь в ВДР весь материал, оставшийся от прошлых съемок, материал великолепный и огромный. Мы с Димой его видели, там есть совершенно прекрасные куски очень хорошего качества и вообще можно сделать отличное кино. Клаус сказал, что дают на этот фильм 30 минут. Меня это сообщение очень обрадовало.

Камеры я до сих пор не имею, телевизора тоже. Но надеюсь все-таки, что в итоге все это до меня каким-то образом дойдет, и мы, наконец, заснимем не только мастерскую, но и установленные работы в Москве и под Москвой.

Клаус сказал, что после разговора с тобой о том, кто должен привезти мне камеру, я ее буду долго ждать. Надеюсь все-таки, что дождусь. И Клаус, и Андрея – оба говорили мне, что ты собираешься в Москву и довольно-таки скоро. Если вы приедете, многое, конечно, сразу же упростится.

Позавчера мы с Мишей были у Вити и Нины Гинзбургов. Витя прочитал письмо в Правление МОСХа, сделал кое-какие замечания, очень незначительные, потом сказал, что он его подпишет первый, потом даст нам, чтобы мы собирали другие подписи у писателей, а потом он с ним пойдет к Велихову. Я не уверена, да и он не уверен, что это будет просто, хотя он сам отзывается о Велихове очень хорошо в человеческом плане. Я помню академика Велихова, когда он был лет на двадцать пять моложе, и все этого молодого физика звали тогда Женя Велихов. Он был у нас с американскими физиками. Одному американцу понравилась «Скамейка», Велихов купил ее у Димы для подарка этому американцу, чтобы тот взамен подписал его на какой-то научный журнал. Американца звали Норман Ростокер. У Велихова тогда при себе денег не было, скульптура стоила 150 рублей. Женя Велихов очень долго не отдавал эти деньги, но потом все-таки отдал. Сейчас это такое

высокое начальство, что даже Витя Гинзбург сказал: «Мне трудно будет его поймать, но я это сделаю». Наш генсек всегда берет с собой Велихова как консультанта по науке. Во всяком случае, если Велихов подпишет, то я почти уверена, что мастерскую нам оставят.

Долго разговаривали по телефону с Юрой Левитанским. У него, как всегда, масса личных семейных проблем, и он долго-долго мне о них рассказывал. Его действительно жалко, но в чем-то он сам сильно виноват. После его проблем перешли на мои. Он пообещал мне, что письмо подпишут: Окуджава, Ваншенкин, Искандер, Икрамов, Марк Галлай. Что касается Юнны Мориц, то она мне точно подпишет без помощи Левитанского. Он мне сказал: «Я с Юнкой не дружу». Но поскольку я сама с ней дружу, то я обойдусь без его помощи. Когда письмо будет готово, я обязательно пришлю тебе его копию.

Андрея сказала, что ее родители хотят купить себе место на кладбище навечно и поставить увеличенное Димино надгробие. Об этом они будут совещаться с тобой. Я, конечно, целиком с этим согласна.

Вернулись с каникул ребятишки: Митюшка и Левочка. Вернее, Левочка никуда не уезжал, но все равно сегодня кончилась его вольная жизнь. Он теперь первоклассник. Он очень поумнел, хотя до сих пор не умеет ни читать, ни писать, только немного считает. Мы с Левочкой большие друзья. Митюшка приехал загорелый, но такой же худенький. Вырос не очень намного, так что они с Левочкой одного роста. Съездили мы с Митюшкой в Переделкино, он первый раз увидел Димин памятник в натуре. Димину смерть он уже, по-моему, пережил. Очень интересуется солдатиками, плеймобилями и рыбной ловлей, которой он занимался в Литве. С ним я, как обычно, буду встречаться два раза в неделю, заниматься французским, а с Левочкой только по воскресеньям.

Кое-какие положительные изменения в общественной и хозяйственной жизни в нашей стране тоже имеют место, но насколько это серьезно, а главное – насколько долговечно, пока судить трудно.

Пожалуй, на сегодня все. Крепко вас обнимаю. Привет всем. Жду в Москве.

Юля

Москва, 8 сентября 1986 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Очень с Мишей рады, что вы в скором времени приедете в Москву. То, что Давид решил остаться с отцом навсегда, конечно, очень грустно, и я вам сочувствую. Но мне кажется, что вы правильно сделали, что спокойно отнеслись к его выбору, хотя бы внешне. В конце концов еще неизвестно, как долго все это продлится. Во всяком случае, общаться вы с ним будете, и не исключено, что он снова сможет изменить свое решение. Поэтому, пока вы посвободнее, вам легче будет заняться своими неотложными делами.

Очень хорошо, Карлуша, что ты уже «принял наследство» юридически. Теперь вся эта длинная процедура может длиться бог знает сколько времени. Ты можешь находиться где угодно, а процедура будет тянуться своим чередом. Будет очень забавно, если из этого хоть что-нибудь выйдет.

Юрочка продолжает фотографировать. Он снял «Саломею», «Современное распятие» без фрагментов и «Создателя с Адамом и Евой». Кое-что получилось очень неплохо.

Что нас потрясло, так это камера! Это настоящее чудо. Я представляю, как Дима был бы счастлив, если бы он это увидел. Юрочка уже почти овладел ею. Замечательно, что штекеры все подходят и штатив тоже подошел. Юра сделал пробные съемки в мастерской. Эффект фантастический!

Спасибо, что прислали книгу отзывов из Вюрцбурга. Я пока еще не знаю, что там написано, но хорошо, что такая книга есть.

Завтра мы с К.Ш. и его женой в три часа встречаемся в мастерской. Они пока еще не видели мастерской, и завтра я им ее покажу.

Теперь, как только достанем телевизор, будем равномерно и очень подробно заниматься съемками. Конечно, главное – мастерская. Но завтра, пока Юра в отпуске, он хочет съездить в Алабино, чтобы застать осень во всей своей красе. Они поедут с Мишей, а я завтра не смогу, потому что мы уже договорились с Шрамайером.

Я очень рада, что Клаусу Беднарцу надо будет сделать новый фильм о Диме. Он обещал прислать видеокассету. Хотелось бы, конечно, иметь его другие фильмы: Mein Moskau, о Грузии, о Якутии и другие.

Карлуша, если бы мы могли сделать тебя членом комиссии по наследию, то ты был бы, конечно, председателем. Но, к сожалению, многое на этом свете невозможно. А ведь, по существу, именно ты имеешь на это самое большое право!

Сейчас мы уже имеем подписи таких людей, как: Окуджава, Искандер, Ваншенкин, Икрамов, Галлай. Сегодня Миша встретится с Витей Гинзбургом. Он сказал, что завтра попробует «перехватить» Велихова и попросит его подписать письмо. Если это получится, то, я думаю, многое с подвалом упростится, хотя я не уверена, что все решится окончательно и положительно. Как только письмо будет готово, мы сделаем копию и пошлем вам. А может быть, завершение письма как раз совпадет с вашим приездом. После ученых мы снова обратимся за подписью к писателям: Мориц, Левитанскому и Юлику Крелину. Еще мне хотелось бы, чтобы подписали Шнитке, Денисов и Володя Бураковский. Володя Бураковский в этом плане самый ненадежный. Но если он этого не сделает, я попрошу члена-корреспондента Анатолия Покровского, тоже хирурга-кардиолога. У нас с ним всегда были очень теплые отношения, хотя по влиятельности его, к сожалению, не сравнить с Бураковским.

9 августа 1986 г.

Большая удача! Евгений Павлович Велихов, Герой Социалистического Труда, вице-президент Академии наук СССР подписал наше письмо! Витя Гинзбург с ним встретился в Президиуме Академии в коридоре. Тот все внимательно прочитал, сказал коротко: «Надо помочь» и подписал! Мы оставили место, поэтому его подпись первая. Вторым подписался Виталий Гинзбург, дальше Фазиль и другие писатели. Теперь нам нужны еще две подписи — это академики Сагдеев и Мигдал. С остальными вообще никаких проблем не будет, поскольку они все друзья, хотя и не столь именитые, но друзья, а это в нашей жизни не так уж мало.

Встречались сегодня в подвале с К.Ш. и его женой. Им все невероятно понравилось. Теперь они владельцы алюминиевой № 198. Я, честно говоря, не ожидала, что это произойдет с самого первого раза. Но факт. Я им подарила № 430. Поскольку вещь не подписана, я на отдельном листе бумаги написала

следующий текст, как меня научили знающие в этом деле люди: «“Девушка с большой головой”, бронза, 1980 г. Автор Вадим Сидур. Подлинность подтверждаю. Юлия Сидур. 9 сентября 1986 г.».

Вот и все новости. Крепко вас обнимаю. Большой привет от Миши.

Жду с нетерпением.

Юля

P.S.

10 сент. 86 г.

С утра позвонил Роальд Сагдеев, директор Института космических исследований. На днях ему присвоили звание Героя Соц. Труда. В 5 часов приедут с женой ко мне в гости. Позвонил сам, потому что завтра уезжает. Письмо, конечно, подпишет.

Только что позвонил Петер Бауэр, сказал, что у него есть письмо от фон Зелля для меня. Спрашивает, когда ты приедешь. Сказал также, что хочет делать ТВ-фильм. Не помешает ли это фильму Клауса? Позвони ему, пожалуйста, и спроси. Если Клаусу это помешает, очевидно, придется отказаться.

10.9.1986

Julja 5.

Дорогая Юля!

Получили твое письмо № 31 от 1 сентября (поправь № 32!), когда мы вернулись из Констанца-Крейцлингена, где пришлось принять финансовое решение. По пути туда и обратно мы остановились еще на два дня у Гизелиных родителей, а в самом Констанце мы отдохнули три дня. К сожалению, время было только слишком коротко, потому что чувствуем себя довольно устало от всяких событий и обязанностей во время последнего года. Я просто устал.

Заявление на визу подали 3 сентября. Наше министерство иностранных дел его поддерживает сопроводительным письмом. Если вовремя получим визу, то приедем 18 сентября или чуть позже. Как только я точно узнаю когда приедем, я тебе позвоню. Правда, много упростится, когда будем в Москве, и очень хочется побывать у тебя.

В приложении посылаю тебе письмо Brach'a, статью Büttner'a, Egeland' и интервью с Димой, которое передал Шелковский дальше (я просто требовал, чтобы моя фамилия не упоминалась). Жаль, что в типографии перевернули одну фотографию.

Юля, [...] вообще, стоит всегда подтвердить и число моих писем и полученное. Стараюсь тоже пронумеровать свои письма. Настоящее письмо – «Юлия 5». Исходим из того, что настоящее письмо последнее до нашего приезда!

Крепко тебя обнимаем. Привет тоже Мише и Мите.

Карл

Москва, 17 октября 1986 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Это мое первое письмо к вам после вашего отъезда из Москвы. К сожалению, пока ничего положительного и интересного не произошло. Зато появились некоторые неприятные перспективы. 21-го, во вторник, состоится бюро секции, где будет рассматриваться наш вопрос. Думаю, что нам откажут, и вот почему: Орехов обещал, что нас с Мишей пригласят на заседание. Ничего подобного! О заседании узнали совершенно случайно. Миша позвонил делопроизводителю в МОСХ, которая раньше была с ним чрезвычайно любезна. Теперь же говорила не только нелюбезно, но и с тяжелым осуждающим вздохом. В самой секции Мише сказали: «Ваш вопрос рассматривается 21-го, звоните 22-го, узнаете результаты». Когда Миша спросил, поступила ли резолюция от Савостюка, ответили: «Поступила на рассмотрение секции!». То есть, практически это отказ.

Итак, всё, что Орехов говорил: опись, каталог, наше присутствие – все отменяется. Письмо-ходатайство не произвело никакого впечатления, а может быть, даже вызвало отрицательные эмоции у того же Савостюка. В общем, «вшивая борьба» продолжается.

Несмотря на то, что нас не пригласили, мы хотим явиться туда сами, непростенные. Это будет происходить в таком мерзком заведении, принадлежащем скульптурному комбинату, в Спасо-Наливковском переулке, недалеко от француз-

ского посольства. Мы позвонили Берлину, Распопову и Григорьеву. Берлин сказал, что придет обязательно, Распопов сказал, что ему скрутило поясницу, но если он поправится, то придет. Молодой скульптор Леша Григорьев, может быть, придет, а может быть, и нет. Я говорила с его мамой, и она сказала, что у него занятия на курсах по электросварке во вторник, но, может быть, он на занятия не пойдет, а на секцию придет. Значит, точно пока что обещал только Леня Берлин. Кроме того, я говорила с Левитанским. Он сам высказал идею, чтобы пришел кто-нибудь из подписавших письмо. Поскольку академиком трогать неловко, я попросила, не пойдет ли он сам. Он сказал: «Что я? Я – говно!! Но я пойду, конечно, хотя с меня толку мало». Потом он сказал, что в понедельник будет чинить зубы, а во вторник в 10 утра чтобы я ему позвонила.

Витя Гинзбург пообещал вместе с Сагдеевым пробиться к Александру Яковлеву, заведующему Отделом пропаганды ЦК. Будто бы этот человек может «захотеть» помочь. И Сагдеев говорил, что у него есть основания так считать. Витя Гинзбург сказал, что он может еще раз сходить к Велихову.

Теперь я думаю, что Орехов неспроста отменил так называемую «комиссию по наследию». Эта комиссия кроме описи должна была бы сделать доклад на секции. А так доклад делать некому! И все в руках Орехова.

Вот такие дела на сегодняшний день. Дело с твоим наследством, Карлуша, тоже пока не двигается с места. Все наши попытки организовать оценку наталкиваются на непреодолимые преграды. Поэтому мы с Мишей решили обратиться к Хаберу, с которым мы, очевидно, увидимся на концерте джаза под руководством Игоря Бриля. Хабер скажет Штрембгенсу, чтобы он официально обратился от имени посольства. Отшить посольство будет гораздо сложнее. Концерт джаза на даче посольства в Серебряном бору должен был состояться 11 октября, но не состоялся из-за убийства Браунмюля. Мне позвонила Герда Мэнель и сказала, что концерт в связи с этим печальным событием откладывается, но не отменяется. Пока что они не сообщили, когда он состоится, думаю, что в одну из суббот.

Мне позвонила одна немецкая девушка по имени Анна, она подруга Уте Кепплер. Возможно, я сумею послать это письмо вам через нее.

Вот какие ходят по Москве слухи. Сейчас, если кто-нибудь из-за рубежа хочет купить произведение искусства: музей,

галерея, даже частное лицо, они якобы должны официально обратиться на имя министра культуры, и такие запросы, как правило, удовлетворяются. Будто бы вдова художника Вейсберга оформила дарственную на его картины в ФРГ какому-то немцу, и ей разрешили «без цены»! И немец уже увез картины в ФРГ. В связи с этим я подумала, не стоит ли нам тоже организовать какие-нибудь запросы с Запада на имя министра культуры на предмет покупки кое-каких Диминых скульптур, лучше, конечно, большого размера, за исключением тех, что завещаны тебе. Речь может идти о следующих номерах. [...] Если продажа пойдет через государство, то цена будет более чем приемлемая. Зато кое-что из больших вещей можно будет пристроить. Конечно, все гипсовые модели мы потонируем и приведем в порядок. Они будут хорошо смотреться. Что ты думаешь по этому поводу? Мне сказали, что совсем недавно это было совершенно невозможно, а теперь вполне реально. Наши не только не сопротивляются, а даже приветствуют. Для меня это тоже выход, поскольку рано или поздно они меня все равно выживут из подвала, и тогда большие вещи будет почти невозможно сохранить. Маленькие – другое дело, их можно разместить дома, включая «Победителя», «Еву на венском стуле», «Препараты» («После экспериментов»), а также все старые керамические 50-х годов.

Посылаю тебе статью из «Лит. газеты», где Кухинке заслужил похвалу за свою книгу «Элита». Не зря он перед нашими властями старался!

20 окт. 86 г.

Сегодня говорила по телефону с Ореховым. Он был не только нелюбезен, но даже, скажем, агрессивен. Особенно поначалу, потом малость поуспокоился. «Юрий Григорьевич, – сказала я, – оказывается, завтра наш вопрос будет на секции рассматриваться, а нас не уведомили, не пригласили...» – «Я вам сказал – в одно из заседаний». – «Вы сказали: “мы вас известим”». Нас никто не уведомил. Более того, сын узнал совершенно случайно, что завтра рассматривается наш вопрос». – «Ну, хотите, приходите! У нас столько дел на бюро секции, а вам зачем суетиться-то? Полгода ваши, ну еще полгода... А у нас перевыборы через месяц! И вообще, вокруг этого пошел

нездоровый шум...» – «Мы не шумим, Юрий Григорьевич. Мы хотим сохранить мастерскую тихо и по-хорошему». – «Никто на вашу мастерскую не претендует и не собирается». – «Если вы считаете, что не надо завтра рассматривать наше дело, то можно его и не рассматривать. Это ж не мы решили». – «Давайте не будем рассматривать». – «Давайте не будем, раз вы считаете, что сейчас не время. Ну, а какие у нас надежды?» – «Честно говоря, надежды у вас маленькие. За мастерские художники платят только половину. Есть постановление государства, что вторую половину за аренду доплачивает государство. Так что даже юридически мы переарендовать на вас не можем». – «Хорошо, а если первая жена Сидура – искусствовед, возможно оформить на нее? Хотя дело было давно, в 55 году, но все-таки...» – «Это другое дело. Как ее фамилия?» – «Шункова Елена Викторовна». – «Я что-то слышал, но это неважно. У нее нет мастерской?» – «Нет». – «Ну вот, пускай критики обязуются предоставить нам хоть какую-нибудь комнату, хоть маленькую, но сухую, и это будет зафиксировано в протоколе, тогда можно. Пусть от нее поступит заявление. А нам и маленькие комнатки нужны. Вот, одна женщина пожилая могла бы делать маленькие вещи в комнатке... Так что давайте отложим». На этом наша беседа закончилась.

Никаких комнаток у искусствоведов, конечно, нет. А если есть, то никто ничего задаром никому не даст. Речь может идти только о том, чтобы формально занести в протокол согласие искусствоведческой секции на выделение мастерской скульпторам, тогда есть вариант оформить мастерскую на Мишину маму. В общем, поглядим, что из всего этого получится. Во всяком случае, вы сами видите, как они врут, изворачиваются, к мертвому Сидуру относятся очень плохо, к его искусству – еще хуже, а нас, его наследников, терпят с большим трудом за то, что мы хотим сохранить, что Сидур сделал, а они хотят все это уничтожить. Если не своими руками, то хотя бы создать такие препятствия и трудности, при которых всё само собой пропадет. Как это, собственно, очень часто и случается. Мне на днях рассказала одна искусствоведка, что несколько лет назад рисунки Татлина летали чуть ли не по двору, куда их выбросили нынешние жильцы его квартиры. Теперь жалкие остатки с огромным трудом собирают и хранят совсем чужие люди. Левитанский рассказал, что вчера он беседовал с одним

художником, который тоже поведал, как начальство само совершает акты вандализма. Произведения неизвестных художников, а может быть, и известных, но тех, у кого нет наследников, потихоньку специально уничтожаются. Он как раз хотел говорить об этом, если бы наш вопрос на бюро обсуждался. Это именно сейчас, когда так много речей произносится о сохранении русской культуры!

Теперь насчет завтрашнего заседания. Несмотря на то, что Орехов сказал, будто бы вопрос наш не будет рассматриваться, я ему все равно не верю. Вполне может и рассматриваться, но только без нас, чтобы проще было отказать без лишних волнений и шумных дискуссий. На всякий случай, заявление Мишиной мамы уже готово, и Миша хочет подвезти его завтра к началу заседания.

Я все время радуюсь, что у нас есть письмо-ходатайство. Без него они бы нас запросто выгнали, давили бы, шантажировали и прочее. А теперь Орехов был вынужден сказать исторические слова: «Никто на вашу мастерскую не претендует и не собирается претендовать!» То есть, таким образом он как бы говорит: оформить официально мы не можем, но трогать тоже не будем. Это бы неплохо, если бы не одна опасность — кто-то очень ретивый может начать нас выживать. Этим человеком будет тот, на кого секция оформит мастерскую. Таким образом, секция при желании всегда в состоянии совершить подобную гнусную акцию, чтобы попытаться выжить нас «по праву», но чужими руками. Особенно это начнется после декабря 1987 года, т. к. кончается действие Диминого договора на аренду мастерской. И всю процедуру продления договора надо будет начинать заново. Поэтому вариант с оформлением Мишиной матери более надежен, если он, конечно, пройдет.

Я хочу написать коротенькое письмо Аннике и дослать ей четыре последних Диминых стихотворения, написанных в больнице. Также хочу попросить ее не публиковать ничего из моих сочинений. Уверена, что в данный момент это совершенно не к месту. Попрошу вас переслать ей письмо и стихотворение, не задерживаясь.

Вчера мне позвонил Матиас Хоффман-Вертер. Он находится в Москве с какой-то делегацией и с каким-то министром. Он еще не знает, какая у него программа, но мы завтра или послезавтра договоримся и встретимся. Он сказал, что говорил с Карлом по телефону перед отъездом.

Чувствую я себя фигово, и морально и физически. Люда Семенова слиняла с концами, «Деда» не делает. Напрасно Дима влюбился в нее перед смертью. Недостойна!

Младшие очень хорошие. Митюшка сейчас в больнице. [...] Левочка очень хороший. [...] Он достаточно умен, говорит грамотно, логично, высказывает интересные мысли. [...] Вчера с огромным трудом прочитали заглавие газеты «Правда». Надеюсь, что скоро все наладится и читать ребенок будет нормально.

Крепко вас обнимаю. Хорошо, если бы смогли ответить через Анну.

Огромный привет от Миши.

Юля

Москва, 27 октября 1986 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

[...] Митюшка благополучно выписался из больницы. Чувствует себя хорошо, выглядит тоже очень хорошо. Левочка тырпыр начал читать через пень-колоду. Он читает, как крестьяне после революции в период ликвидации неграмотности. Слушать его чтение очень уморительно, но я, конечно, не смеюсь, а громогласно его хвалю. В основном мы с великими муками читаем заголовки газет или названия книг, написанные крупным шрифтом.

...Ты позвонил только что, как раз, когда я пишу тебе это письмо. Желаю вам обоим провести в Праге хорошие денечки и главное – не болеть!

Главный вопрос с мастерской находится в стадии переговоров. Разрабатывается компромиссный вариант – оформление на Мишину маму. Вроде бы Орехов и председатель секции искусствоведов Морозов должны договориться между собой. Не знаю, что из всего этого выйдет, но Мишина мать пытается что-то сделать. Через месяц в МОСХе перевыборы, и говорят, что Орехов уже отказался заранее от председательства. Значит наше мелкое начальство будет обязательно меняться. Что же касается Савостюка, то, говорят, он сидит довольно-таки крепко и никуда не денется. Нам бы на все на это наплевать, если бы не мастерская...

Заходил ко мне Матиас Хоффман-Вертер. Его министр в основном интересуется футболом, а не искусством, поэтому встреча не состоялась в виду загруженности программы, а также встречи между футболистами СССР и Штутгарта. С Матиасом мы встретились ненадолго у нас дома. Он попросил у меня разрешение увеличить какую-нибудь из скульптур для своего сада у Плааса. Я сказала, что не возражаю. Еще он сказал, что в банке тоже есть какие-то идеи что-то Димино увеличить. Думаю, что эта идея мимолетная и несерьезная, но все-таки, если она будет осуществляться, мы договорились, что тогда они обратятся к тебе и что-то заплатят. Еще он мне рассказал, что у его жены и еще некой Людмилы, советской гражданки, замужем за немцем, были идеи торговать советским искусством. Я сказала, что из этого у них ничего не получится, кроме как официальным путем. Но официальные пути, вроде бы, расширились.

На Диминой могиле мы установили вторую плиту, такую же тумбочку, как у его родителей. На ней пока еще нет надписи, но, может быть, гравер на днях вырубит шрифт, благо, дождя нет и погода стоит великолепная.

Збышек Шмурло прислал мне огромное письмо. По-моему, это очень серьезный парень. Он также выслал мне газету, которую я уже получила с большой статьей про Диму. Еще послал статью для польского искусствоведческого журнала *Sztuka*, но я ее пока не получила и возможно, вообще не получу, потому что она послана по нормальной почте. Он пишет, что газету, выходящую в Гданьске, он тебе тоже выслал. Думаю, что вернувшись из Праги, ты ее обнаружишь, и я очень тебе благодарна за то, что ты выслал ему кое-какие материалы. Он задает мне массу вопросов по поводу Диминой жизни и как художника, и как человека. Его интересует Димино биография, его связь с литературой и поэзией. Мне, конечно, трудно ему отправить что-то почтой из СССР. Поэтому я вот о чем хочу тебя попросить: не мог бы ты выслать ему ксероксы «Мифа» и Димины стихи, включая последние четыре, написанные в больнице? Парень вызывает большое доверие, очень симпатичный и очень серьезный. Раз он пишет дипломную работу, ему, конечно, очень помогут эти вещи. Он собирается делать выставку на уровне материалов: фотографии, возможно, твои каталоги, в маленькой галерее «Уни-Арт». Может

быть, даже будет маленький каталог. Хотя все это выглядит весьма скромно. Но я считаю, что для Польши и это хорошо, особенно, учитывая тот факт, что в Польше русских терпеть не могут, что вполне естественно. Мне кажется, что хорошо было бы послать ему русские тексты твоих с Димой интервью. У меня нет никаких возможностей посылать ему из Москвы какие-либо материалы. Если Збышек приедет в Москву, я подарю ему твою черную книгу. Хотя их у меня не так уж много, для него мне не жалко.

Продолжаю письмо 28 октября. Вчера вечером, когда мы работали в подвале с Юрой и Романычем, позвонила Елена Викторовна, Мишина мама. Она сообщила, что Орехов и Морозов принципиально договорились между собой об обмене подвалами. Теперь 4 ноября должно состояться бюро искусствоведческой секции, где этот вопрос должен положительно решиться! Если это пройдет нормально, то формально мастерская будет числиться за ней фактически до конца ее жизни, как члена Союза художников, а мы будем там практически находиться и работать, как реальные владельцы существующих там вещей. Честно говоря, если это получится, то в общем главные проблемы сохранения подвала будут решены. Я думаю, что в положительном исходе этой эпопеи сыграли свою роль несколько факторов. Главное – это письмо, подписанное невероятно важными и высокопоставленными лицами, второе – известность Сидура на Западе и нежелание именно сейчас, в данный непонятный переходный момент, поднимать по этому поводу шум. Третье – личная дружба Мишиной матери с председателем секции искусствоведения Морозовым, который сходу нашел помещение, несмотря на жуткий кризис с мастерскими во всем МОСХе, и четвертое – это «разумный компромисс», когда мастерскую оставляют члену Союза, не создавая таким образом неприятного прецедента в виде исключения из правила. Все прекрасно знают, что искусствоведу, которому положено двенадцать метров, нечего делать в переполненном чужими скульптурами стометровом подвале. Но главная формальность – членство в Союзе, соблюдена.

Сегодня мы едем в Переделкино на кладбище. Там должна быть готова надпись на Диминой плите.

Леня Берлин оформил брак со своей новой женой Любой. Он сказал мне, что может помочь с отливками. Если подвал

остается, то я начинаю потихонечку отливать дальше то, что пока еще не в материале. Это будет стоить чрезвычайно дорого, но зато по воску, поэтому с обработкой будет значительно легче. Буду отливать по одной, в крайнем случае (маленькие), по две штуки. Большее количество не потяну.

Юрочка продолжает фотографировать «Гробы». Когда все более менее отснимем, перейдем на видео. Телевизора пока не имеем.

Мы сделали одно очень важное дело – пересняли Димин фильм «Памятник современному состоянию» на видео. Потери качества очень большие, но все равно это имело смысл. Поэтому, если ты сделаешь это в хорошем качестве, то будет очень здорово, т. к. даже в нашем варианте фильм производит довольно сильное впечатление.

Посылаю тебе две вырезки из «Правды» и «Советской культуры» для занятий культурной политикой.

Были у меня ребята из вашего посольства – Хабер и Герда Мэннел. Они принесли билеты на концерт 15 ноября на посольской даче. Сказали, что передадут Штрембгенсу, чтобы он обратился в министерство культуры по поводу оценки твоих скульптур.

Пожалуй, пока все. Крепко вас обнимаю. Привет от Миши. И вообще привет от всех наших. Татьяна Крегер сказала, что можно опубликовать Юру и Вову в их геттингенском журнале «Творянин». Уте Кепплер написала там статью про Диму.

Еще раз крепко обнимаю. Главное – не болейте!

Юля

6.11.86

Julja 6.

Дорогая Юлия!

Во время отсутствия прибыли твои письма № 34 и № 35. Мы прекрасно понимаем твое общее и частное жуткое состояние, сочувствуем тебе и часто тебя и московские обстоятельства вспоминаем. Где мы не появляемся, мы почти все время заняты вашими и нашими совместными делами, даже в Праге. Там мы, кстати говоря, узнали у Пивоварова, что в Москве художников больше всего интересуется, разрешат ли вывоз

«моих» скульптур, потому что это было бы, конечно, прецедентом. В самой Праге мы провели неделю, все было очень интересно и приятно. Особенно милы были все старые Гизелины друзья, которых я знал только по рассказам.

Сегодня приезжали Дорис и один из важнейших представителей от DFG, где Дорис работает, госп. Zienicke. Взяли с собой «Портрет Эйнштейна», чтобы его установить у них. Я тебе рассказал в Москве, что я собираюсь отдать эту скульптуру, т. е. третью отливку, туда, чтобы она стояла там на весьма значительном месте. Твоя собственность при этом сохраняется, и они готовы дать скульптуру на выставки, если это надо. Они очень благодарны и хотят устроить в самом начале января праздничное открытие, на котором я должен читать им доклад о Сидуре. Я намерен это сделать и сосредоточиться специально на вопросе о многообразности Сидуровских голов. Потом собираюсь опубликовать доклад как первое детальное исследование поэтики Сидуровских скульптур.

При этом случае я передал Дорис почитать «Гробмастер...» и «Миф». И если она захочет, я готов ей дать почитать еще больше.

Что касается Ульма, то еще неясно, когда они откроют у них «Эйнштейна». Протокол заседания комиссии в Вюрцбурге о желании установить от «...бомб» я тебе посылаю в приложении. Пока там все выглядит нормально и, на мой взгляд, даже хорошо. Не надо терять оптимизма.

Интересна твоя информация о мастерской и о том, будто бы Морозов и Орехов нашли возможность решить этот сложный вопрос. Правда, без ходатайственного письма и без известности Сидура на Западе намного труднее было бы действовать. Самым лучшим вариантом было бы, конечно, если явно (т. е. в документированном виде) было при нынешнем решении, что письмо в каком-то отношении сыграло роль. Самый лучший вариант был бы, если бы МОСХ сделал на самом деле исключение на основании письма. Что касается Мишиной мамы, то все зависит: 1) от ее здоровья, 2) от того, что никто из Союза не поднимет принципиально вопроса нынешнего предполагаемого решения, основой которого является все-таки личная договоренность Морозова и Орехова. Представь себе, что когда-то одного из них по каким-то причинам раскритикуют, тогда начнут пересматривать и все их старые

решения. Формально решение с Мишиной мамой выглядит совсем по норме, но по фактам оно не подходит. Мало ли что могло случиться, чтобы отсюда когда-то возникли опять затруднения. Быть может, стоит все-таки, особенно пока нет ответа на ходатайственное письмо, если несколько лиц, которые подписали это письмо, обратились бы параллельно и независимо от первого (не совсем чистого) решения к самому Яковлеву. [...]

Шмурло мне послал *Dzennik Baltyski* и я готов ему помочь и послать интервью, свое введение (на русском языке) в книгу, стихотворения и «Миф». Не совсем уверен, целесообразно ли послать все по почте или же через кого-то, кто все-таки едет, посмотрим. И мне кажется, что он серьезный и очень ангажированный человек.

Передай Лене Берлину привет от нас и поздравь его с браком. Скажи ему, чтобы он не забыл о тех фотографиях, о которых мы говорили.

Перезапись Диминого кино на VHS я уже заказал, но еще не знаю как запись получилась.

Только сегодня утром мне удалось позвонить Клаусу Беднарцу. Он уже поговорил с Петером Бауером. Проблем между ними нет, хотя и действуют параллельно. Клаус сказал, что подумает над концепцией его передачи о Диме только в декабре. Тогда он придет и возьмет у меня еще нужные ему материалы. У него прекрасная идея – специально снимать уставленные у нас в Германии главные Димины скульптуры. Ему дали 30 минут на передачу.

Сегодня я говорил с госп. *Erasmu* который планирует разговор со мной по телевидению 19 ноября. Он собирается включить в его очень популярную передачу (это серия) кусочек из фильма Клауса *Mein Moskau*, некоторый материал, который он дал снимать во время его посещения подвала и новые снимки «Взывающего».

Новые некрологи о Сидуре я прилагаю. В Шотландии будет тоже еще статья в *Scottish Slavonic Papers*, которую наш друг *Peter Henry* только что написал и которую я имел возможность проверить. Моя статья, которая не появилась в *Neue Züricher Zeitung*, будет в декабрьской книжке журнала *Osteuropa*. Гранки я уже проверил.

Книгу Поповского я заказал для Келлермана, привет ему передай сердечный. Он очень хороший и добросовестный че-

ловек. По возможности я пошлю ему через Кармен те приборы для обработки скульптур, о которых он попросил. Кармен придет, по-видимому, на следующей неделе.

Что касается заказа скульптур через министерство культуры, то я согласен, конечно, сделать то, что надо. Напишите просто детально, как это делать отсюда. К кому точно обратиться, как точно должен выглядеть заказ? Или считаете ли вы возможным поступать как вдова Вейсберга, то есть, дарить скульптуру и оформить это через мин. культуры?

По пути в Прагу мы остановились в Бонне и принимали участие в свадебном акте Кармен и Детлефа. Им дадут большую квартиру в связи с тем, что они ожидают ребенка.

Юля, это пока все. Мы тебя крепко обнимаем, целуем. не забудь, что у тебя очень много друзей и мы все вместе продолжим то, что уже начато!

Твои Гизела и Карл

Москва, 10 ноября 1986 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Вчера мне позвонила Андрея. Она сказала, что несколько минут тому назад она говорила с вами по телефону. Сказала, что вы были сильно простужены после возвращения из Праги, но сейчас уже чувствуете себя лучше, с чем я вас и поздравляю.

В Москве свирепствует грипп. И все мы, кто в большей, кто в меньшей степени, уже этим гриппом переболели.

Вчера же после разговора с Андреей, я направилась в мастерскую и возле своего дома столкнулась с Детлефом. Он, оказывается, шел ко мне наугад. Если бы он пришел на несколько минут позднее, он бы, как у нас говорят, «поцеловал замок» и удалился. На всех знакомых нам с ним языках мы пообщались вполне успешно. А после он даже отвез меня в мастерскую на своем «Опеле». [...]

Детлеф передал мне от вас два приемничка: JVC и Siemens. Оба очень хорошие, и замечательно, что у них растянутые диапазоны, поэтому ими очень легко управляться. Огромное спасибо!

У меня к вам еще одна весьма серьезная просьба. Самая лучшая немецкая машина «Бош» для обработки металла начи-

нает интенсивно выходить из строя. Романыч говорит, что она до такой степени греется, что ею почти невозможно работать. Он этим страшно опечален, т. к. не уверен, что сумеет ее квалифицированно починить. Без нее же работа невероятно сильно затруднится и замедлится. Поэтому, Карлуша, я обращаюсь с очень серьезной просьбой – необходима вторая такая машина. Я помню, что Дима считал ее самой лучшей из всех. Поработала она хорошо, но сейчас, очевидно, пришло время для новой, хотя мы, конечно, сделаем все, что в наших силах, чтобы починить старую. Пока что обработано 32 отливки, а осталось еще в три раза больше. И без «Боша» нам будет очень трудно. Я знаю, что Дорис собирается на Рождество в Москву, может быть, ты прийдешь с ней? Если будет возможность прислать пораньше, то будет еще лучше. К несчастью, я еще подевала куда-то инструкцию. Но боюсь, что дело не в инструкции, а в том, что вещь отработала свое, как любой механизм, и ремонтом делу не поможешь.

Посетил меня граф Ламбсдорф. Он принес два номера Westerman's. Сказал, что слышал про письмо-ходатайство на счет мастерской от Шнитке, попросил почитать. Потом был в таком восторге, что попросил у меня копию. Я ему дала, но мы с ним договорились, что без твоей консультации он ничего с этой бумагой не делает, то есть не публикует, никому не дает и т. д. Он клятвенно пообещал. Его потрясли подписи. Я подумала, что этот документ не содержит в себе ничего секретного, поэтому вполне можно ему дать.

Телевизора-видео у меня до сих пор нет, хотя я думаю, что он уже прибыл в Москву. Детлеф сказал, что он спросит у К.Ш., и если телевизор здесь, то он мне его принесет.

Я уже, кажется, писала вам, что в Переделкино мы поставили камень с надписью, где указаны Димино имя, отчество, фамилия и даты жизни. Выглядит вполне хорошо.

Хаген Ламбсдорф сказал, что он в хороших отношениях с Штрембгенсом и напомнит ему о твоём наследстве. Теперь дело за ним. Пока он не обратится с официальной просьбой по поводу оценки, дело с места не сдвинется. Я ему пару раз звонила, но безуспешно. Или никто не подходит, или его нет дома.

Объявился неожиданно Энгельбрехт. Спросил, как ты побывал в Москве. Я сказала, что замечательно! Выразил сожаление, что его в это время не было в Москве, а то бы он обяза-

тельно с тобой встретился. Спросил, какие у меня проблемы. Я сказала, что проблемы у меня обычные, но в общем все идет потихоньку. Он сказал, что обязательно хочет со мной увидеться и позвонит. Но уже прошло много времени, он не звонит. И я думаю, что это к лучшему. Человек он, как у нас говорят, весьма «хитрожопый» и веет от него некоторой опасностью. Многие нечетко понимают, кого и как он информирует.

Ко мне приходили молодые скульпторы из Ленинграда. Ребята очень хорошие. Ничего подобного не видели, поэтому сходу обалдевают и даже несколько теряются от впечатлений. Они профессионалы, поэтому на них все это действует очень сильно. Все они видели у кого-то немецкие каталоги, но когда видишь в натуре, впечатление намного сильнее.

В эту среду, если ничего не изменится, мы встречаемся с Альфредом Шнитке. Чувствует он себя неважно, но работает. Он у нас ни разу не был. С Димиными работами знаком тоже по твоим каталогам. Я хочу попытаться осуществить Димино желание – заказать ему «Реквием по Вадиму Сидуру», не знаю, согласится ли он, сколько это будет стоить и, вообще, у нас это случай беспрецедентный, поэтому я не уверена, что из этого что-то получится. Но тем не менее я хочу попытаться. Может быть, тогда мы могли бы озвучить Димин фильм музыкой Шнитке.

Итак, сегодня (11 ноября) у нас наступает новая фаза в борьбе за мастерскую. В 4 часа мы встречаемся на Беговой с Еленой Викторовной у искусствоведов. Потом по плану, если, конечно, ничего не изменится в последний момент, она получит бумагу, где написано, что искусствоведы отдают мастерскую (подвал), в обмен на нашу, скульпторам. С этой бумагой мы едем в Спасоналивковский переулок, где состоится бюро скульптурной секции в 6 часов. Я вчера созвонилась с Ореховым. Он сказал, чтобы мы с этой бумагой приезжали, но только, если есть помещение. Я сказала, что помещение есть, хотя не удивлюсь, если в последний момент окажется, что помещения нет, и все вообще лопнет. Орехов напомнил мне, чтобы я взяла с собой толстый каталог: «Обязательно захватите с собой, у нас там молодые, им будет интересно...». Говорил менее агрессивно, чем в последний раз. Вообще, он что-то крутит, а что именно, я не совсем понимаю. Каталог вполне пристойный, показывать его можно, несмотря на две «криминальные» личности там опубликованные: Копелев и Любимов.

[...] Примерно в двадцатых числах в Москву приезжает Уте Кепплер. Может быть, ты с ней передашь «Бош»? Это сейчас невероятно актуально! Уте и Татьяна – близкие подруги, они вместе выпускают в Геттингене славистский журнал «Творянин».

Оба наши младшие, Митюшка и Левочка, болеют. Миша уже переболел. Я тоже все еще кашляю, но, думаю, что скоро оклемаюсь. Нервничаю в связи с сегодняшними предстоящими событиями. На Беговую поедем с Володей Бродским, а потом в Спасо-Наливковский на моей машине.

Больше новостей нет. Крепко вас обнимаю и, как всегда, жду ответа. Привет от Миши.

Юля

14.11.1986

Julja 7.

Дорогая Юля!

Сегодня прибыло твое письмо № 36 и мы очень надеемся, что вопрос мастерской уже окончательно решен. По возможности я тебе завтра позвоню, чтобы узнать, как обстоят дела. Правда, Андрея мне позвонила и сказала, что, в принципе, все уладилось, хотя трудно верить в это. Андрея иногда чуть-чуть упрощает сложности ситуации, а может быть, такое ощущение связано с характером именно телефонного контакта.

Постараюсь завтра купить Bosch и послать при первой возможности. [...] Фрез мы сразу не могли достать, потому что их очень много и выбрать неправильные не хочется. Они довольно дороги, по 25 DM за одну. Та же самая проблема с теми шайбами, которые Романыч заказал. Но будьте уверены, мы стараемся послать все по возможности быстрее.

Я очень рад, что у тебя были молодые скульпторы. Статья Морозова на самом деле интересна. Надеемся, что диапазон художественных возможностей хотя бы внутри определенных рамок расширяется. Пора бы было.

19-го будет телепередача с Erasmus, исходя из съемок Петера в Подвале и пересъемки «Взывающего» в Дюссельдорфе. Позже мы тебе пошлем запись передачи и почти все другие передачи, которые у нас были в последние годы. Еще

не знаю, как получилась перезапись «Памятника современному состоянию», Диминого кино.

Юля, у нас все в порядке. Мы не заболели и не грипповали, и не простудились, возвращаемся домой из Чехословакии. Другая информация была неправильная.

Давид все еще не написал. Мы не знаем, как у него дела. Только надеемся, что все нормально. [...]

Юля, очень спешим. Надеемся, что это письмо отправится еще вовремя и ты его получишь без задержки.

Обнимаем. Держись!

Твои Гизела и Карл

Москва, 17 ноября 1986 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

С большим удовольствием получила от вас письмо и материалы на прошлой неделе. Надеюсь, что завтра смогу отправить вам это письмо с ответом. Я получила: статью Уте и Ренаты для «Творянина», письмо Ларса Карлу по-английски, статью Анники в ШТ на шведском языке, протокол из Вюрцбурга по поводу «Пам. пог. от бомб», две статьи из Констанца с «Пам. совр. сост.» на обложке, сообщение о Диминой смерти DPA во «Франкфуртер рундшау», ксерокс из Who is who, письмо от Удо и Ирмель (передайте им большое спасибо и сердечный привет). [...]

Вчера утром мне позвонила Дорис. У нее был очень веселый бодрый голос. Ее русский язык совершенно потрясающий, практически без акцента, и мне все время было трудно осознать, что я говорю с ФРГ, а не с Москвой. Я уже знала от Андреи, что Дорис будет в Москве в конце декабря. Она придет со своей племянницей. У Дорис были какие-то особенно дружеские интонации. Из этого я заключаю, что то, что ты дал ей прочитать, не произвело на нее отрицательного впечатления. Я этому очень рада, поскольку немного по этому поводу беспокоилась.

Сегодня в 6 вечера я встречаюсь в мастерской с Клаусом Шрамайером. Мы виделись в субботу на приеме на посольской даче в Серебряном Бору. Вечер устроили молодые дипломаты из посольства. Многие из них – те, которые тогда

были на твоей экскурсии. Они мне дали целую пачку билетов-приглашений, поэтому моих было четырнадцать человек, да еще пятеро не смогли прийти. Играл советский джазовый оркестрик под руководством Игоря Бриля. При свечах слушали музыку, ели всякие вкусные вещи и фланировали в разных направлениях по небольшому, но уютному помещению. Я, честно говоря, немного утомляюсь от этих «посиделок», но все мои были невероятно довольны. Там мы встретили многих знакомых: Кабакова, Чуйкова, Колодзей, Брусиловского, Сапгира и еще каких-то, чьи имена я не помню.

Встретились мы и с Штрембгенсом. Он пока ничего не делал по твоему наследству. Мы с Мишей старались изо всех сил втолковать ему, что если он не обратится с официальным запросом в министерство культуры, чтобы те прислали эксперта по оценке завещанных тебе вещей, дело с места не сдвинется. Очень советую тебе написать ему то же самое. Он является твоим представителем и пока не обратится с подобным запросом, ничего не произойдет! Это по пословице: «Дитя не плачет, мать не понимает». Мы дали ему телефоны обеих нотариальных контор, № 1 и № 11. Он должен туда позвонить и попросить, чтобы они сказали ему, каким образом он должен обратиться в министерство культуры за оценкой. Я думаю, что они ему все скажут, потому что они мне звонили и требовали, чтобы он этим занимался, поскольку «заявка у них висит» и надо что-то делать. Ты знаешь, что наши попытки с Мишей обойти министерство культуры ни к чему не привели.

Не знаю, как пройдет моя сегодняшняя встреча с Клаусом Шрам. Надо сказать, что выглядит он очень неважно. У него очень страдающее лицо. Мне кажется, что он довольно сильно болен. Тем не менее у меня теплится надежда, что он принесет мне телевизор. Вот будет здорово!

Теперь эпопея с мастерской. Она продолжается в несколько сюрреалистическом духе. Ведутся серьезные разговоры об обмене воздухом. Оказывается, первоначально я была права – никаких мастерских у искусствоведов нет! Мы приехали во вторник на Беговую. Там был шум и гам, поскольку шли перевыборы у монументалистов. Тем не менее мы трое: Елена Викторовна, Миша и я ввалились в маленькую комнатку, где сидел Морозов, человек на вид весьма скромный, и его секретарь Баркова. Они нам дали филькину грамоту, какую-то странную

бумагу, где было написано, что бюро секции критики и искусствования согласно по договоренности обменять мастерскую скульптора Сидура, предоставив ее Шунковой Е.В. на хранение произведений Сидура В.А. Я робко сказала Морозову, что сегодня утром говорила с Ореховым, и он мне сказал, что им нужно конкретное помещение. На что Морозов мне очень решительно заявил: «Да ну их! Чего они там выдумывают! Вы что, смеетесь, откуда у нас помещения, да еще сто метров!» – «Он говорит, хотя бы комнатку». – «Какие комнатки! У нас ничего нет! Берите нашу бумагу, отдайте им, и пусть кончают. Арендная мастерская, вообще, о чем разговор!»

Мы взяли эту вшивую бумажку, сели в Мишину машину и поехали к нам на Брянскую, чтобы отпечатать ее, придав ей, таким образом, более приличный вид, поскольку на этом мятом жутком клочке стояло внизу: слушали, постановили и т. д. Текст помещался на другом клочке бумаги, с которого мы перепечатали его в подписанный листок.

Потом мы снова сели в Мишину машину и поехали в Спасо-Наливковский переулок, где должна была заседать скульптурная секция, вернее, ее бюро. Было только 5 часов, когда мы туда приехали, но несмотря на то, что заседания начинаются в 6 часов, все начальство было уже на месте. Из этого я поняла, что они специально собираются пораньше, чтобы решить все, что им надо, заранее. По дороге долго обсуждали, стоит показывать бохумский каталог или не стоит. Я сказала, что если Орехов попросит, я не смогу отказать, потому что я уже пообещала, и он может рассердиться. Миша и Елена Викторовна уверяли меня, что ничего показывать не надо, а надо сказать, что каталог забыли впопыхах и привезем его в другой раз. Елена Викторовна привела пример, как Янкилевский показал где-то западный каталог, где были помещены его работы, и это у присутствующих вызвало большую злобу. Когда мы приехали, я удивилась, что это мерзкое помещенье привели в божеский вид, отремонтировали, почистили и расположили там какую-то ужасную скульптурную выставку некоего Губкова. В одном из залов на втором этаже стоял длинный стол. За ним сидели люди с абсолютно размытыми незапоминающимися чиновничьими лицами. Во главе стола сидел нарядно разодетый Орехов и рылся в бумажках. Он сильно отличался от прочих. Миша, тут же сказал: «Похож на сутенера!». Я смотрю, и правда, похож на сутенера!

При первом знакомстве он мне таким не показался. Личико мелкое, хитрое и золотые фиксы во рту по бокам.

Елена Викторовна прямо к нему, а за ней мы с Мишей. Она ему очень невинно громко говорит: «Вот, Юрий Григорьевич, наша секция постановила передать мне мастерскую Сидура на хранение. Вот выписка». Он на нас на всех внимательно смотрит, берет эту вшивоту в руки и читает. Ну думаю, сейчас он мне скажет: «Я ж вам говорил, что речь должна идти о конкретном помещении, а тут ничего не написано». Мы напряженно ждем. Он внимательно читает и вдруг произносит: «Ну, в общем, все нормально. Скоро придет Кожина, она как раз из жилищной комиссии. Мы сегодня же и примем решение, а вы завтра ей позвоните, вам даже не обязательно ждать еще целый час. Я думаю, что проблем не будет». Тут же секретарша пишет телефон некоей Татьяны Николаевны Кожиной и передает Елене Викторовне. Мы любезно прощаемся. Орехов и секретарша, которая была с ним у нас в подвале, оба любезны чрезвычайно. Мы уходим. Все довольны, что он даже ни на минуточку не вспомнил о каталоге, который сам так упорно просил принести. На другой день Мишина мама позвонила Кожиной и опять происходит несколько странный разговор. «Да, – говорит Кожина, – все в порядке. Бюро секции утвердило вашу просьбу. А скажите, пожалуйста, а что вы нам даете взамен?» И тут Елена Викторовна говорит: «А этого я не знаю. Наш Морозов договаривался с вашим Юрием Григорьевичем. Чего они там обсуждали, я не знаю, Я знаю только, что мне нужно взять на хранение мастерскую и все». – «А-а, – говорит Кожина, – понятно. Теперь звоните нам только в конце месяца, больше вам пока ничего делать не надо». И так, сейчас мы находимся именно на этой стадии.

Кстати, на днях разговаривала я по этому поводу с Леной Берлиным. Он сказал про Кожину: «Бездарь и сволота!» Она, оказывается, очень ему вредила, когда он расширял свою мастерскую. Твой привет я ему передала, про фотографии тоже напомнила. Он сказал, что все сделает. Рисует Димиными рапидографами и счастлив безмерно: «Надо же, – говорит, – прямо делать ничего не надо, сиди и рисуй!» Это меня так умилило, что я ему еще подобрала несколько рапидографов других размеров. Пусть рисует. У него есть забавное прозвище в московских кругах – «Владыкинский Чаплин».

Не опасайся, Карлуша, что если нам утвердят мастерскую на Мишину маму, а потом переизберут Орехова и Морозова, то что-то будет меняться в смысле их прежних решений. У нас так не бывает. Во-первых, они никогда ничего не предпринимают лично. Они только лично решают, а оформляют все по форме «демократическим и коллегиальным» образом. Во-вторых, наша мастерская настолько не является ни для кого лакомым куском, что «достойных» претендентов на нее не имеется, а на прочих они плевали. Особенно, если учесть тот факт, что из-за гнилого, постоянно заливаемого подвала, переполненного скульптурами Сидура, может подняться настоящий шум. Им это сейчас совсем ни к чему. В данном случае нам повезло, что мы имеем плохой подвал.

Что касается здоровья Мишиной мамы, то ее шансы и мои в этом смысле совершенно одинаковы. Во всяком случае, в данный момент. Хотя я моложе ее на десять лет, но, по-моему, нисколько не здоровее. Поэтому здесь все от Бога.

18 ноября 1986 г.

Вчера в мастерской мы встретились с Клаусом и Сабиной Шрамайер. Клаус, по сравнению с субботой, выглядел замечательно. Очевидно, он просто был необыкновенно усталым. Мы хорошо посидели вчетвером, потому что через некоторое время приехал с работы Миша. Сабина хочет заниматься русским языком у Инны Давыдовны. Клаус невероятно информирован о нашей культурной жизни, особенно о театре. В результате этой встречи мы теперь смотрим изумительный телевизор «Грундик»! Качество потрясающее. Вчера Миша с Юрой долго с ним возились, пока настроили на наши программы. Сегодня привезут от Миши видео, и вскоре у нас не останется никаких причин, чтобы не начать очень серьезно заниматься съемками в мастерской и дома. Благодарю безмерно!

Очень обрадовалась, что Димин фильм «Пам. совр. сост.» переписывается на VHS! Ужасно хочется посмотреть его в хорошем качестве и без постоянных мучений с проектором, которые вам хорошо знакомы. Жду кассету.

В прошлую среду нас посетил Шнитке с женой. Дело в том, что мы с ним общались, когда Дима был жив, довольно часто, но, в основном, в гостях и на приемах. Обменялись пластин-

ками и каталогами, беспрерывно договаривались увидаться у нас, но поскольку Дима был постоянно болен, а потом и Альфреда хватил инсульт, наше свидание не состоялось. Теперь мы, наконец, встретились в мастерской. Шнитке производит совершенно удивительное впечатление. Бывают такие тихие гениальные люди. От своего инсульта он пока что не оклемался. Ходит плохо, с трудом, пишет медленно. Надпись на пластинке: «Памяти Вадима Сидура», всего три этих слова, писал ужасно долго, потому что правая рука его еле двигается. Его жена, Ира, сказала, что он жутко вкалывает, поэтому может надорваться. Но я, вспоминая Диму, прекрасно понимаю, что только в этом его спасение. Он тоже спешит, тоже боится не успеть. Ему было чрезвычайно интересно, и он не хотел уходить. Он сказал, что хочет прийти еще. Спросил, что для Димы было главным: скульптура или графика. Я сказала, что скульптура. Он, в принципе, очень молчаливый человек. Сколько раз мы виделись на людях, и он всегда молчал. В этот раз он говорил много, хотя речь его тоже немного заторможена. Увидев, что он в таком состоянии, я не стала заводить разговор о реквиеме. Я только сказала: «У Вадима всегда было желание заказать вам реквием». Он спросил: «Реквием по кому?» – «По себе». Он был чрезвычайно удивлен: «У меня есть реквием, но это связано с кончиной моей матери».

Потом он сказал, что перепишет нам на кассету этот реквием. Я дала ему несколько каталогов, у него были только бохумский и гамбургский, подаренные Димой. Все мы: Юра, Миша и я до сих пор находимся под впечатлением его личности. 29 октября идем на его концерт – это оратория на стихи армянского поэта Нарекаци, который жил 1000 лет назад. Если состояние его здоровья не ухудшится, может быть, увидимся еще у нас дома. Его очень интересуется Димина графика и живопись.

Меня посетила Луиза Брансон, подруга Дэбби Сьюард, с которой вы так до сих пор и не смогли пообщаться. Луиза сказала, что статью в *Straits Times* поместили также в какой-то австралийской газете, и она мне ее принесет, а *Sunday Times* не поместили, хотя, в основном, она писала для них. Луиза Брансон близкая подруга Душко Додера. Он скоро разводится со своей женой, а потом они с Луизой собираются пожениться и вместе ехать в Китай. Она рассказала мне, что Душко закон-

чил свою книгу о Советском Союзе. Книга политическая, но он туда приплел что-то про Диму, во всяком случае, как сказала Луиза, там написано, что Сидур лучший скульптор в СССР. Она не смогла толком объяснить, в каком это написано контексте, но обещала подарить книгу, которая должна на днях выйти из печати. Я попросила ее, чтобы она для вас тоже оставила книжку и вам бы ее переслала. Она пообещала.

Возможно, мы будем делать памятник Льву Асламазову, брату Тамары Бреус, той самой подруги Кепплера, которой ты, Карлуша, присылал лекарства. Лева Асламазов, ее брат, сорока двух лет, очень талантливый ученый-физик, доктор, зам. редактора физического журнала «Квант», был убит у себя дома несовершеннолетними грабителями в апреле этого года. Я долго отказывалась заниматься этим делом, хотя очень люблю Тамару, очень любила Леву. Почти невозможно найти скульпторов для увеличения и для рубки в камне. Ко мне сейчас ходит довольно много молодых скульпторов. Я к некоторым обращалась с подобным предложением, но или они не вызывали у меня доверия, или же им не хотелось возиться, или же не было места, камня и т. д. И вдруг недели две тому назад мне снова позвонили молодые скульпторы из Ленинграда, муж и жена. Я ихпустила, и они мне очень понравились, это Саша Позин и Марина Спивак. В общем, они менее избалованы, чем москвичи. Им невероятно понравилось все Димино, они даже несколько обалдели (это, кстати, я наблюдаю у очень многих), и когда я спросила, не хотели бы они сделать памятник в граните, они с радостью согласились. Я впервые за долгое время услышала приятные слова: «Камень рубить – одна радость!» Речь идет о варианте надгробия Гельштейну на стр. 107 бо-хумского каталога. Фигура должна быть двухметровой, сначала вылеплена в глине, затем отформована в гипсе и вырублена в сером граните. Естественно, что эскиз я даю бесплатно, т. к. Тамара и Лева – это друзья. Но самой Тамаре и ее двоюродному брату это будет стоить 4,5 т. рублей. Это более чем недорого, потому что с гонораром скульптору стоило бы минимум 10 т. Теперь все уперлось в Тамариного кузена, поскольку он жлоб, в искусстве ни черта не понимает, но финансы в большой степени зависят от него. В общем, посмотрим, что из всего этого выйдет.

Обращаться к члену ЦК, завотделом пропаганды Яковлеву стоит только в крайнем случае. Пока этот случай еще не наступил.

Невероятно обрадовали известия об «Эйнштейне» в DFG и тот факт, что в Вюрцбурге еще не все потеряно. Дорис тоже мне сказала, что ты у них будешь выступать.

Также радует, что Петер и Клаус дружески обговорили свои ТВ-передачи. Клаус, когда был в Москве, сказал, что они снимут все скульптуры, установленные в ФРГ. У меня к тебе огромная просьба – все материалы о Диме записывать на видео и по возможности посылать нам. Это же касается и передачи с г-ном Эразми.

Надеюсь, что вы пришлете мне статью в Osteuropa.

Романыч будет чрезвычайно счастлив и приветам, и книге, и приборам, особенно «Бошу». Он должен сегодня приехать из Калининграда, где у него умер 80-летний дядя, полковник в отставке.

Большой привет от Миши и от всех наших. Крепко вас обнимаю.

Юля

Москва, 21 ноября 1986 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Я получила ваше письмо «Юлия 7», и на другой день позвонил Карл. Испытала большую радость. Свое же письмо мне отправить не удалось. [...]

Карлуша, постарайся еще раз убедить Аннику и Ларса, что пока я не хотела бы выступать в роли писателя. В той книге, которую они хотят сделать про Диму, вполне достаточно материалов и без моих текстов. Более того, я убеждена, что даже с художественной точки зрения это было бы нескромно и неуместно, не говоря уж о прочих причинах. Мне пока что выступать в роли литератора совершенно ни к чему. Мне главное сейчас – это сохранить мастерскую. А я еще не до конца уверена, что это удастся.

Сегодня позвонила Елена Викторовна, она сообщила весьма неутешительные новости. Она поговорила с Кожиной из жилищной комиссии, она же член бюро скульптурной секции.

Кожина сказала, что секретарша секции не выдает выписку ей, потому что было «не так понято». Елена Викторовна сказала: «Но ведь было же принципиальное решение секции!» Кожина: «Да было, но вы пока ничего не предпринимайте. 26-го у скульпторов перевыборы, все очень заняты, а у вас есть еще время». – «Как же не предпринимать, когда декабрь, уже последний месяц!» – «Да что вы, не волнуйтесь, можно еще потянуть». В общем, после этого звонка я тут же позвонила Орехову и сказала, что секретарша не дает выписку.

«Понимаете, у нас сейчас перевыборы, огромное количество всяких вопросов». – «Но ведь наш вопрос такой мелкий, к тому же решенный». – «Правильно, ваш вопрос мелкий, а знаете, сколько у нас еще вопросов перед выборами! Хотя выписка должна выдаваться на другой же день после решения, там вышло некоторое недоразумение в связи с тем, что нет помещения». – «Но раз есть договоренность, когда помещение будет, его предоставят. Вы разрешите, Юрий Григорьевич, сослаться на вас, когда я буду говорить с Надей насчет выписки?» – «Пожалуйста, только сегодня у нее творческий день, поэтому ее нет на месте. Звоните в понедельник».

Он говорил со мной довольно благосклонно, хотя я почти уверена, что выписка не дается без его ведома. Может быть, он сам и интригует. Дело в том, что сегодня перевыборы у искусствоведов, а 26-го – у скульпторов. Уже точно известно, что Орехов не будет председателем секции. Он отказался сам, но, кажется, поговаривают, что он пойдет на повышение. Что будет с Морозовым, тоже неизвестно, хотя Елена Викторовна говорит, что он держится довольно крепко. Я боюсь, что Орехов хочет специально протянуть наше дело, чтобы потом им занимался кто-нибудь другой. У меня почти нет сомнений, что в итоге мы наше дело выиграем, но нервы они нам помочают.

Кстати, вышла недавно книга «Московские скульпторы», о ней мне рассказал Эдик. Книга очень похожа на справочник. Про Диму там нет ни одного слова, зато много про Орехова и прочих. Я попросила Вовку постараться достать эту книгу для тебя.

Татьяна Крегер, одна из редакторов журнала «Творянин», перевела нам статью про Диму, написанную Утей и Ренатой. По-моему, девочки очень хорошо все написали. И фотографии вполне приличные. Уте написала мне письмо, где пишет, что

они с удовольствием поместят один рассказ Володи и три стихотворения Юры. Володин рассказ они переведут на немецкий язык, а Юрины стихи дадут параллельно по-русски и по-немецки. Рената и Уте должны уже быть в Москве, но они почему-то пока мне не позвонили.

Еще одно небольшое огорчение. Перестал работать красавец «Грундик». Мы наслаждались им ровно два денечка, потом он замолк, и вот сегодня, если один парень, специалист-электронщик придет, то постараемся разобраться, в чем дело. Уже сейчас ясно, что там полетели предохранители. Олег-электронщик телевизор видел, когда настраивал, но внутрь не залезал. Он сказал, что если это случайность, то ничего страшного, а если там сгорел какой-нибудь элемент, то надо будет или доставать его в Москве или же, если это будет невозможно, доставать у вас. Я по этому поводу не огорчаюсь, столько времени ждали, подождем еще.

Очень вам сочувствую из-за Давида. Когда я сказала Митюшке, что Давид совсем не пишет писем, он воскликнул: «Это же надо, как его настроили!» Я думаю, что Майк нарочно не пишет, зная, что Гизела очень переживает. Поэтому я бы и не стала с ним переписываться. А Давиду я бы писала как можно чаще, даже не получая от него ответа. Во-первых, для ребенка написать письмо – это всегда огромный труд, во-вторых, его действительно «настроили», в-третьих, в итоге он не выдержит и обязательно напишет или позвонит, рано или поздно это случится. Главное – это чтобы Гизела не прекращала ему писать как можно чаще. Это мое мнение, но вы, конечно, может быть, сами лучше знаете свою ситуацию.

23 ноября 1986 г.

Олег-электронщик смотрел «Грундик», подозревает, что подгорели контакты у выключателя, поэтому летят предохранители. Сегодня придет и постарается починить, если это действительно выключатель. Он говорит, что если это выключатель, то никаких проблем не будет, но если что-то другое, то мы здесь не сможем его починить, каждая деталь уникальна. Заказать ее практически невозможно, поскольку она состоит в блоке. Выход один – увозить и менять на новый телевизор, если у нас есть гарантийный талон. Он у нас есть, я проверила. Но

можете представить, какая это волынка – возить туда и обратно телевизоры! Наверно, если бы мы купили здесь, в «Березке», как это сделал Мишка, с починкой было бы просто. Но здесь «Грундиков» нет. Здесь есть «Паназоники». Олег долго хвалил телевизор и сказал, что его поломка – просто досадная случайность, но от этого, сами понимаете, мне не легче. Завтра ко мне в гости приходят Уте и Рената.

Отправила в Ленинград отливку (стр. 107, бох. каталога) и 1 тыс. рублей для начала работы над памятником Льву Асламазову.

Сегодня вечером Тамара Бреус приходит ко мне в гости домой с западногерманскими физиками. Некоторые из них, кажется, были у нас в мастерской.

25 ноября 1986 г.

[...] Поломка телевизора окончательно проявилась. Олег сказал, что вышел из строя один транзистор. Я спросила, не могли ли мы сами испортить телевизор каким-нибудь своим неправильным обращением. Он сказал, что ни в коем случае. Я спросила, не мог ли телевизор испортиться по дороге? Он сказал, что это тоже исключено, тогда от удара испортилось бы что-нибудь другое, а здесь сгорела некачественная деталь, которая является заводским дефектом. Мы с Юрой Геннисом обратили внимание, что за полтора дня работы телевизор издавал какой-то специфический запах. Запах был легкий и потом прекратился. Олег подтвердил, что действительно там, где деталь сгорела виден черный след от прогорания, поэтому пахло лаком и канифолью. Он меня утешил, что деталь эта, к счастью, недорогая, хотя и уникальная, поэтому ее невозможно достать здесь. Можно было бы даже поискать эквиваленты, но это уже сложности. Поэтому лучше всего заказать ее у фирмы «Грундик», тем более что это их брак.

К сожалению, я обнаружила, что кое-какие документы (кроме гарантийного талона) есть только на видео Nordmende, к телевизору же есть только одна инструкция и больше ничего. Поэтому, если у тебя гарантийного талона не сохранилось, надо будет заказать эту деталь у фирмы за свои деньги. Олег говорит, что на рубли такая деталька стоила бы не больше десяти. Я думаю, что если даже у вас она стоит в десять раз

больше, то мы как-нибудь это осилим и купим. Прошу тебя, Карлуша, не тянуть с этим делом и обратиться к фирме сразу же, тем более что это их вина. А если у тебя сохранилась гарантия, то пусть присылают деталь бесплатно! Я написала, что у меня есть гарантия на ТВ, но потом проверила и оказалось, есть только Geretepass для Nordmende.

Следующая не особенно приятная новость – это выписка из скульптурной секции. Вот ее текст:

«ВЫПИСКА из протокола № 11 совместного заседания бюро и партийного бюро Секции скульптуры МОСХ от 11 ноября 1986 г.

СЛУШАЛИ: Выписку из протокола бюро секции критики и искусствознания о мастерской скульптора В.А. Сидура.

ПОСТАНОВИЛИ: Принципиально согласиться на обмен. Обмен состоится после предоставления мастерской. Келле.

П.п. председатель – Ю.Г. Орехов».

Эта сволочь Орехов лично продиктовал при Мише и его маме последнюю фразу: «Обмен состоится после предоставления мастерской». Эта фраза почти сводит на нет все наши усилия. То есть она дает мне передышку до конца ныне существующего договора с Димой, который кончается в декабре 1987 года. Это не так уж плохо. Все-таки год наш! Но дальше, как только истечет срок этого договора, меня начнут теснить не только наши из Союза художников, но и местные власти, кому принадлежит помещение, то есть ДЭЗ, у кого Союз художников арендует мастерскую. Конечно, если бы искусствоведы нашли хоть какое-нибудь помещенье, то дело бы упростилось, но это практически нереально. К тому же сейчас переборы. Неизвестно, останется ли Морозов председателем искусствоведов, а наш – точно не будет. И хотя я несколько не сожалею, что это говно Орехов станет кем-то еще, в любом случае, придется иметь дело с каким-то другим председателем, и нет никаких причин считать, что следующий будет лучше Орехова.

Вчера я говорила с Гинзбургом. Он снова посоветовал обратиться к Сагдееву, чтобы тот поговорил с Яковлевым. О Яковлеве ходят всякие невероятные слухи – считается великим либералом! Будто бы лично по его приказу дублируется на русский язык знаменитый грузинский фильм «Покаяние». Одновременно ходят другие слухи, что КГБ запретил этот фильм

для показа. Я этот фильм посмотрела – это действительно прекрасный фильм, не только с точки зрения политической, хотя она невероятно важна, но и художественно сделано великолепно.

Вчера мы виделись с Ренатой и Утей. Я послала с ними фотографии Юры со скульптурами, которые принадлежат тебе. Увидишь сам.

Узнай, пожалуйста, нельзя ли послать «Бош», фрезы и деталь для «Грундика» [...] с оказией с кем-нибудь?

Посылаю еще одну вырезку из сегодняшней «Советской культуры». По-моему, очень прогрессивная статья Соломонова. Очень хорошие статьи, но в нашем деле с мастерской очень много сложностей и неизвестно, чем все это кончится.

Перешли, пожалуйста, мое письмо Аннике.

Крепко вас обнимаю. Привет от всех наших. Пишите, не забывайте.

Юля

30.11.1986

Julja 8.

Дорогая Юля!

Как ни странно, хотя у меня «свободный год», я не менее спешу, чем обычно. Факт, что я не написал до сих пор, был связан с тем, что я не успел на почту, а на следующей неделе повторилось то же самое. И сегодня я еле успею.

Прибыли твои письма № 37 и 38. Спасибо за все подробности. Они нам помогают разобраться в общей атмосфере всех ваших гадостей и среди всех этих сволочей. Теперь окончательно ясно, что только влияние сверху может привести к доброму концу. Я считаю крайне необходимым и, может быть, единственным выходом из теперешнего положения, если вы войдете в контакт с Яковлевым. Ситуация – полный скандал. Подумай, может быть, и стоит восстановить еще раз контакт по этому поводу с Петером Бауером. Я ему сегодня напишу, чтобы он тебе позвонил.

Позвонила Ute, она мне уже переслала фотографии. Они отличного качества. Передай это Юре и скажи, чтобы он продолжил работу. Книгу о семидесятых годах я надеюсь напи-

сать к концу декабря – началу января. Позднее всего – в январе – начале февраля закончу макет. Я собираюсь по возможности включить в книгу, как мы договорились с Юрой, именно его фотографии (за исключением канонических Эдиковых фотографий).

Юля, Bosch и фрезы я завтра куплю и пошлю эти вещи через Детлефа. Деталь для Grundig тоже достану на этой неделе. Может быть, она будет у вас уже на следующей неделе.

Сегодня посылаю тебе статью нашего друга Peter'a Henry из Глазго, которую он написал для Scott. Slav. Papers. Этот номер выйдет из печати в течение декабря. Статья, которую ты получишь – предварительный экземпляр. Жаль, что в нем две ошибки.

Телепередача с Erasmus была очень хорошая, хотя сами вопросы Erasmus были глупы и невежественны. Выступил и Клаус [Bednarz]. Показаны были: «Взывающий», снимки из подвала, которые Erasmus дал сделать, кусочек из фильма Клауса. Все было очень здорово и много людей смотрели передачу. Позже пошлю вам копии этой передачи вместе со всеми другими передачами, которые я уже дал переписать (включая и мое выступление на TV Сараева два года тому назад). Все эти переписки сложны, потому что они сделаны с разных TV-систем на VHS.

Книга для Романыча прибыла. Пошлю ее при первой возможности.

Отец Давида написал длинное письмо и просил список всех баллов. Оказывается, что Давиду хорошо, что он по некоторым предметам даже отличник (например, в английском!). В первые месяцы были проблемы, потому что Давид не делал домашние работы (хитрый он!). Мы теперь спокойны и Гизела меньше переживает. Вообще надо сказать, что мы живем теперь фактически без детей.

Värbel больше всего у своего друга, а Катя, которая сегодня как раз у нас, живет у Ренате (Ренате, кстати говоря, вышла замуж за Берндта в конце октября).

На прошлой неделе мы были у Гизелиных родителей на дне рождения ее матери. Отец ее все чувствует себя неважно, все время «на грани». Живет он осторожно, тихо. Сердце слабое, почки плохо работают, кровь не в порядке, от самых разных лекарств и печень не самая лучшая... А если «химия»

выходит из строя, то это моментально отражается во всех других сферах тела... А у моей мамы все как было. Она не говорит, не двигается, почти нет реакции, даже губы эмоционально не реагируют. Она все время лежит, и это уже почти уже два года. Она только смотрит, смотрит, смотрит...

В Гайдельберге мы осмотрели помещение для предстоящей выставки в апреле-мае. Все там очень хорошо выглядит. Gercke был уже у нас в Бохуме и мы поговорили о всех технических подробностях. Нового каталога не будет. Но будет буклет, как в Wetzlar'e и Дортмунде. Но, конечно, новые фотографии. Юля, пошли мне эскизы для скульптур и книжки с эскизами. Я хочу их использовать именно для этой выставки, чтобы подчеркнуть, что на ней в отличие от предыдущих выставок новые интересные вещи, которые до сих пор еще не были показаны. У меня уже определенные представления, как их включить в эту выставку. Попроси наших, чтобы они эти вещи послали мне. На Рождество многие из них бывают на родине. [...]

Написал мне и Kastl, которому я послал все отзывы о смерти. Он, по-видимому, удивился тому, что их было так много. Он себе не представлял, что Сидур был так известен у нас...

Напишу и Schroembgens'у.

Спасибо за все вырезки, которые мне очень помогают разобраться в вашей культурной атмосфере.

Юля, очень спешу. Извини, если в последнее время я не всегда успевал вовремя тебе писать. Мы очень часто говорим о тебе, вспоминаем и заняты вашими делами, хотя вы это не всегда чувствуете. Завтра как раз поедем к Груберам.

Сердечно, обнимаем. Привет всем нашим знакомым и друзьям.

Карл

Москва, 1 декабря 1986 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Жизнь несется очень стремительно, вот и наступил последний месяц этого несчастного для нас года. И некуда измученной душе приткнуться...

Всякие события, напоминающие рецидивы «оттепели», продолжают довольно интенсивно, хотя и на фоне дикого радиоглушения на русском языке. Одновременно очень демонстративные плохие отношения с ФРГ, поводом для чего послужила глупая фраза вашего нынешнего канцлера. Несмотря на глупость и неуместность замечания, уверена, что это является лишь поводом для ухудшения отношений.

Были у меня Уте и Рената. Мне было приятно узнать, что тебе понравилась их статья в «Творянине». Они тоже чрезвычайно довольны. Вообще, это их дитя, «Творянин», очень симпатично выглядит, но, конечно, рискует скоро умереть, если их не поддержать финансово, как это всегда бывает у вас в «свободном мире». И хотя это печально, что хорошее дело так сильно зависит от денег, все равно это лучше, чем у нас, когда можно что-то сделать только подпольно, то есть, рискуя здоровьем и жизнью. Одна из редакторов, Таня Крегер, мечтающая стать профессиональным журналистом, сказала, что за третий номер у них уже долг 600 ДМ. В то же время они журнал не продают, а раздают бесплатно, и он успешно «бесплатно» расходуется тиражом в 2 т. экз. Татьяна сказала, что если они будут его продавать, им перестанут помогать всякие благотворительные организации. В общем, я хочу написать через какое-то время Копелевым и попросить их распространить этот журнальчик среди тех, кто желает улучшения отношений между Востоком и Западом и особенно, конечно, среди славистов. Может быть, среди этих людей будут более-менее обеспеченные граждане, которые по сколько-нибудь пожертвуют из своих сбережений. Вас я об этом не прошу, думаю, что вы и сами все понимаете. Если вы с Гизелой считаете, что «Творянин» достоин того, чтобы его читали слависты, то его появление в Бохуме, где славистов так много, было бы чрезвычайно полезно. Я думаю, Карлуша, что у тебя могут появиться какие-то соображения насчет Констанца, где Юра Шатон, или Фрибурга, где Рольф Фигут, или где-нибудь еще...

Я посылаю вам любопытные вырезки из газет, весьма прогрессивные. Но все равно сейчас странная ситуация у нас в Москве. Почему-то во времена Хрущева царил оптимизм, а сейчас черное неверие. Почти каждый говорит: «У нас не может быть ничего хорошего. Все изгадят, все испохабят». К сожалению, это очень похоже на правду, потому что нет ника-

ких гарантий. Да и какие могут быть гарантии в тоталитарной системе, где одна партия, и состояние всей огромной страны зависит от настроения ныне царствующего диктатора. Современный царь обязательно является порождением системы, в которой он пресмыкался, пробивался, одобрял, соучаствовал, молчал и поддакивал, а потом, придя к власти, рассказывает, как раньше было плохо, а теперь надо перестраиваться для того, чтобы все было хорошо. Но система осталась прежней, власть единоличной, следовательно, суть осталась та же... Короче говоря, огромное большинство не верит. Народ, в принципе, недоверчив, несмотря на мифы о его простодушии, и живет, как говорится, сегодняшним днем, стараясь урвать хоть какие-нибудь представившиеся на данный момент возможности, а интеллигенция не верит сознательно, то есть очень реалистически размышляет и анализирует. Все результаты ведут к знаку минус. Но один оптимистический момент все-таки есть – это факт начинания перемен, потому что если не начинать, то точно ничего хорошего не будет, а если все-таки начать, то появляется минимальный шанс.

Если успею перепечатать, пришлю вам полемику (в личной переписке) между писателем Астафьевым и писателем-историком Эйдельманом. Это самиздатский материал. Он будет интересен и вам, и особенно Копелевым, если они, конечно, еще не имеют этого текста. Астафьев всегда считался приличным писателем и честным человеком. Однако невежество и неумение преодолеть предрассудки, свойственные подданным империалистических сверхдержав, обязательно вылезут наружу. Так и Астафьев наконец нашел «корень зла» в нерусских: в торгующих фруктами и цветами грузинах, в «косомордых», и, безусловно, не обошлось без «еврейского интеллектуального высокомерия». Вот и «приличный» писатель Астафьев обнаружил свою приверженность «обыкновенному фашизму».

Збышек Шмурло прислал мне маленький каталог Диминой выставки, прошедшей в документах в Эльблонге 8.11.1986–30.11.1986. В конце я напишу от руки, как это пишется польски.

Пытаемся починить «Грундик» здесь. У Бродских есть блат среди их больных. Может быть, что-нибудь и получится. Но, может, и не получится, потому что в этой мастерской чинят те аппараты, которые продаются советским гражданам в «Берез-

ках», то есть «Паназоники». В этой мастерской царит атмосфера мафии и ажиотажа. Тем не менее врачи у нас – каста престижная (хотя и нищая), поэтому у них есть возможности что-то достать или, например, починить. В общем, поглядим, что из этого выйдет. Ты деталь все равно доставай!

Начинаем искать мастерскую для обмена со скульпторами. Завтра окончательно станет ясно, останется ли Морозов председателем секции искусствоведения, а у скульпторов тоже пока ясности нет, но Леня Берлин считает, что сенсаций быть не должно. В любом случае, Орехов будет каким-либо начальством.

Завтра, 2 декабря, у Дорис день рождения. Перешлите ей, пожалуйста, маленький Димин рисуночек как поздравление.

В субботу, 29 ноября, мы были в консерватории, слушали новое произведение Шнитке для смешанного хора, посвященное дирижеру этого камерного хора Валерию Полянскому. Хор на слова Грегора Нарекаци, армянского монаха-поэта, жившего в X веке. Это совершенно гениальное произведение! Я не помню ничего подобного не только в советской, но даже в мировой современной музыке. С улыбкой можно вспомнить, когда Альфред у нас в мастерской сказал: «Это очень длинно, пятьдесят четыре минуты». Эти пятьдесят четыре минуты показались нам одним мгновением! Мы все: Юра, Вовка, Миша и я, могли бы слушать такую музыку целый день! Шнитке сидел среди публики, поднялся на сцену с трудом, но тем не менее поднялся. Потом выходил кланяться, потому что публика бесновалась совершенно неистово. Будем надеяться, что все-таки 52 года – это еще возраст, когда можно ожидать, хоть и неполного, но хотя бы стабильно приличного состояния. На фоне этих великих произведений, так жалко выглядят убогие рассуждения Астафьева о том, что мы – «русский народ большой...» Русские – действительно, народ большой, хотя Астафьев является всего лишь его мелким представителем. Армянин Грегор Нарекаци, тоже принадлежит большому народу, несмотря на его количественную немногочисленность по сравнению с русским, также, как и полунемец-полуеврей Шнитке и т. д. Смешно рассуждать на данную тему в наше время, когда давным-давно все ясно. Правильно наш Юрочка сказал про Астафьева: «Он просто болван!» И Белов – болван, которого аэробика шокирует своей «порнографией». И вообще,

поражаешься, как много идиотов даже среди талантливых, хотя бы относительно, людей.

Кажется, дорогие мои, я написала вам все самое основное и завтра это письмо вам отправлю, с надеждой получить что-нибудь от вас. Привет от всех. Крепко обнимаю.

Юля

4.12.1986

Julja 9.

Дорогая Юля!

Спешу тебе писать, иначе опять не успею на почту. Ужасно занят, но что делать. Слишком много людей связано со мной... Поэтому пишу сегодня быстро и очень вкратце.

[...]

Grundig. Деталь я заказал, надеюсь послать скоро. [...] По-видимому, она недорого стоит. Гарантия должна быть у нас, но я ее еще не нашел. Но независимо от этого, она действительна только тогда, когда и Grundig, и сломанная деталь тут.

Bosh я купил, а также и так называемые Schruppscheiben, о которых просил Романыч. Пришлю и некоторые фрезы, хотя надо знать число оборотов у Metabo, который он, по-видимому, использует. Напиши, сколько у Metabo оборотов (6000? 24000?). Или – для какой машины он их употребляет?

«Памятник Льву Асламазову» меня особенно радует. Я очень люблю эту скульптуру. [...]

Книга «Московские скульпторы» меня страшно интересует. Если вы смогли бы ее купить, было бы очень здорово.

Debbi Sjuart, к сожалению, никогда не звонила и до сих пор не приехала. Даже не успела написать про Диму, хотя она это в связи с его смертью хотела.

Посещение Шнитке нас очень тронуло. Передай ему привет, хотя он нас наверняка не помнит. Скажи ему, что мы дружим и с Juan Aliende-Blin, которого он знает и который живет недалеко от нас, в Эссене.

Юля, успел ли Миша передать Успенскому мою книгу?

Это на сегодня все. Надеюсь, что Сагдеев поговорит с Яковлевым. [...]

Карл

Москва, 7 декабря 1986 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Получила ваше письмо «Юлия 8» и статью Петера Хенри. Всегда очень приятно получать от вас письма. Обратила я внимание на то, что ваше последнее письмо было почему-то без марки на конверте и без печати. Тем не менее оно до меня дошло, и я этому очень рада.

Самое главное – эскизы уже готовы! Вполне возможно, что мне удастся их вам выслать. Останутся только три больших папки, с которыми будет не так-то просто расстаться. Но я думаю, что со временем мы эту проблему тоже решим. Мы тут с Юрой и Вовкой рассматривали еще раз все, что ты отложил, увидели, как все это интересно и решили обратиться к тебе с просьбой. Когда-нибудь хорошо было бы, если бы ты вернул их обратно, конечно, если представится okazия. Вдруг и в нашей стране найдется искусствовед, который заинтересуется творчеством

Сидура, поймет, что оно все-таки представляет некоторую ценность и для нашей сверхдержавы. И хотя, как говорил Пушкин, «я презираю отечество мое с головы до ног...», но все-таки оно же мое, это отечество.

Вместе с Шрамайером меня посетили г-н Петерс, директор Художественного музея в Дюссельдорфе и г-жа Мария Крейцер, искусствовед. Она сказала, что знает тебя через каких-то общих знакомых. Что же касается Петерса, то это вообще очень интересно. Он дружен с Удо и сказал мне, что они часто общаются по «делам музея». Из этого я заключаю, что Удо помогает им финансово. Поскольку они профессионалы, я, конечно, уделила им максимум внимания. Они, надо сказать, тоже всячески подчеркивали, хотя и весьма деликатно, что они в мире искусства далеко не новички, и от них тоже кое-что зависит. У меня получилась одна маленькая накладка, которая в итоге разрешилась более чем благополучно. Дело в том, что они очень внимательно осмотрели мастерскую, выпили водочки, принесенной Шрамайером, уютно посидели, и я сказала, что подарю им по одному черно-белому рисуночку на память о Диме. Потом оказалось, что папки с рисунками в мастерской нет, а я думала, что есть. Мы с Димой в итоге всю графику унесли домой. Мне стало очень неловко, и я сказала

Шрамайеру, что раз я пообещала это сделать, надо заехать к нам домой. Ему не хотелось, потому что он устал и мечтал добраться до дома, т. к. надо было еще всех развозить по отелям. Но мы с Юрой убедили его, и он согласился. Поскольку Шрамайер позвонил неожиданно вечером и встречаться надо было в девять, мне пришлось еще попросить Вовку подстраховать меня дома. [...] В общем, Вовка встречался с Татьяной без меня, мы с Юрой в мастерской с искусствоведами, а потом опять все вместе приехали домой, где нас снова встретил Вовка уже без Татьяны. Все были очень довольны, даже замученный Шрамайер. Ему я тоже подарила рисунок. Петерс, несмотря на свою «профессиональную» сдержанность, тем не менее высоко оценил «Эйнштейна» и даже начал о чем-то задумываться (при следующей встрече уже у Шрамайера дома он меня долго и хитро выпытывал о ценах), но, в принципе, они были очень довольны, что осмотрели квартиру тоже. Им невероятно понравились шкафы.

На другой день, 4 декабря, у Шрам. был прием, где мы встретились опять же с ними и еще с г-ном Дикманом, который много лет назад, оказывается, был у нас в подвале с Дюссельдорфским театром, а также с обербургомистром Бунгертом. Его физиономия очень часто встречалась на фотографиях по поводу открытия «Взывающего». Там же были русские: Кабаков, Биргеры, искусствовед Пацюков с женой («А-Я»), мы с Мишей и еще несколько немцев, включая Кармен и Детлефа. Кстати, говорили на французском языке.

На следующий день, 5 декабря, состоялось открытие выставки Дюссельдорфского художественного музея – живопись конца XIX века: пейзажи, жанровые сцены, портреты и т. д. Перед открытием долго говорили и наши, и ваши. Среди наших – директор Третьяковки Королев. Выставка состоялась в филиале, на Крымской набережной. Потом, когда речи кончились, стали осматривать выставку, и тут я узнала интересные новости. Первым мне рассказал об этом Петер Бауэр, а потом подтвердило еще человека четыре. Оказывается, утром этого дня была пресс-конференция в связи с открытием выставки в Москве. Все было банально и привычно, пока Петерсу не задали вопрос, а где он был в Москве еще, и что видел интересного. Он сказал, что был в мастерской Вадима Сидура, который очень широко известен в ФРГ, а его скульптура стоит

в центре Дюссельдорфа. Среди начальства возникло некоторое замешательство, а журналистка, не поняв, переспросила: «Как, как? Сидоров, Сидоренко?» Г-н Петерс очень внятно повторил: «Вадим Сидур!» Начальство неодобрительно загнуло дело, и разговор этот был прекращен. Тем не менее я глубоко благодарна г-ну Петерсу за это высказывание, которое в наших условиях выглядит почти героически. Вспомним всех ваших культурных чиновников: Людвиг, Зальцмана, Рурберга и даже эту мелочь Шиллинга. Все они, осведомившись о неблагожелательности наших к Сидуру, моментально прекращали всякие попытки и послушно делали то, что им было навязано. Даже самые доброжелательные, такие, как Зальцман и Рурберг! Петерс первый, кто не побоялся при них при всех сказать то, что он сказал. Он не сказал ничего особенного, но тем не менее произвел маленькую сенсацию. Молодчина!

Карлуша, не нервничай насчет мастерской. Все будет в порядке. То, что мы имеем эти бумаги – очень положительный факт, и никто меня не тронет. За какой-то срок мы найдем какое-нибудь помещение и все оформим. Сейчас времена весьма благоприятные, поэтому никто со мной связываться не будет. У нашего самоуверенного начальства земля под ногами весьма пошатнулась, поэтому им дал бы бог самим удержаться на плаву. Хотя это мафия крепкая, все-таки не все у них идет так, как им хочется. Я думаю, что еще нас ждут какие-то интересные события. Я до сих пор не знаю, кто в бюро у скульпторов, кто у искусствоведов. И, кажется, никто не знает. Но скоро все узнаем. В начале будущего года приближается съезд художников и, говорят очень уверенно, что Пономарев и Салахов должны слететь.

Произошло еще одно интересное и беспрецедентное событие. На Кузнечком мосту прошла очередная Выставка молодых советских художников. У нас молодые – это члены Союза до 35 лет. Поначалу, пока не расчихали, там все было тихо, потому что думали, что все это обычная буза. Но оказалось, что все совсем не так. И теперь там стоит очередь. Невероятно гордится Савостюк. Он так выступал по программе «Время», как будто все, что там выставлено, он нарисовал собственными руками. Выставка действительно необычная – очень похоже на начало деятельности нонконформистов в 70-х годах. Шедевров мало, но очень свежо, своеобразно, разнообразно,

иногда смело, а главное – не мертво и не скучно. Экспозиция сделана явно наспех, чтобы не отстать от времени, поэтому художников огромное количество, даже не все имена написаны, некоторые накарябаны карандашом. Смотреть тяжело, потому что совсем нет обзора, т. к. вещей понатыкано тьма. Даже маленькую картинку трудно рассмотреть, не говоря уж о больших картинах, которые можно смотреть, только находясь буквально в двух шагах от картины. Освещение ужасное. Тем не менее я нашла там два шедевра: Алексей Сундуков «Очередь» и Сергей Волков «Танец». Если бы я была коллекционером, я бы обязательно приобрела эти две картины. Тем более что тоже новое – это возможность купить вещь прямо с выставки. И на многих миниатюрках уже висит записочка «Продано». Ложной скромностью наша молодежь не страдает. Я не поленилась, поинтересовалась ценами. Одна картина Сундукова стоит 3200, вторая 2600. Еще один молодой парень, Лев Табенкин (его отец, художник Илья Табенкин, живет на 10 этаже в нашем доме и мечтает продаваться за весьма скромные деньги), оценил свое творение в 4000 и т. д.

Удручает скульптура, слабо до тошноты! И все-таки парочка неплохих тоже отыскалась: Миронов и Суровцева. Оказалось, что Лена Суровцева приходила к нам в подвал вместе с ленинградскими ребятами-скульпторами. Очень внимательно смотрела. Кстати, опять мне звонили из Ленинграда. На сей раз человек назвал себя Алексей Бойко, искусствовед по скульптуре. Встречаюсь с ним во вторник.

Карлуша, можете с Гизелой нас поздравить – починили «Грундик». По этому поводу Вова Бродский, который занимался организацией починки, сочинил экспромт в стихах и подписал его: И. Бродский. Починка стоила 150 р., и все мы рады до смерти, что это получилось. Поломался он солидно: не запаян конденсатор (возможно, все с этого и началось), транзистор сгорел, какой-то резистор полетел и микросхема тоже полетела. Сейчас все пока работает. Если деталь у тебя, то присылай, если нет, то черт с ней!

Следующую страницу начну со стиха, посвященного «Грундику».

Телевизор «Грундик», сука!
Мы включаем, он молчит.

Знал бы Карл, как эту штуку
Здесь в совдепе починить!

И. Бродский

Надеюсь переслать вам очень показательное интервью с академиком Лихачевым в иллюстрированном журнале «Огонёк», где он очень хвалебно отзывается об авангардистах. Хвалит Кандинского, Шагала, кого-то еще и называет «типичным авангардистом» знаменитого раскольника XVII века протопопы Аввакума. Этот академик Лихачев Дмитрий Сергеевич – совершенно уникальная, странная личность, 80 лет, Герой Соц. Труда, когда-то сидел, специалист по древнерусской литературе и изобразительному искусству. Сейчас он председатель нашего нового Культурного фонда. [...]

Очень рада, что все выяснилось с Давидом. Слава богу, что он здоров. Несмотря на то, что Майкл ответил, я бы все равно писала Давиду письма достаточно часто, хотя он и не отвечает. Если будете ему писать, передайте привет от нас: от Мити, Миши и от меня.

Статья Петера Хенри, по-моему, вполне хорошая, несмотря на ошибки. Спасибо, что прислали.

У нашего друга Олега Киселева вдруг пошли большие успехи. Даже идут разговоры, что ему дадут свой театр. Я в это не верю, потому что Киселев – человек абсолютно негибкий. Он обязательно вступит в серьезный конфликт до того, как получит театр, а после конфликта он уже ничего не получит. Тем не менее сейчас он занял на фестивале пантомимы три первых места: за спектакль, за актерское мастерство, третье – выиграл конкурс зрительских симпатий. Наш Клаус Шрамайер, которого я сосватала к нему на спектакль, в диком восторге, и теперь посылает к нему на спектакль 10 декабря посла и еще треть посольства. Алик все время преобразовывает свой спектакль «Каникулы Пизанской башни». Последнее его новшество – появление в финале его собаки-дворняжки Лизы, которая вместе с ним поет, и совершенно «убивает» публику.

По «Голосу Америки» слушала в передаче «Искусство сегодня» о выставке Кабакова в Париже в художественном музее Ротшильда. Видела я его каталог, изданный в Берне. Честно говоря, меня этот каталог разочаровал. Публикация в «А-Я» выглядела, на мой взгляд, интереснее. Каталог выгля-

дит солидно, роскошно, но скучно. А может быть, я ничего не понимаю.

Эдик в своем репертуаре. Принес несколько фотографий похорон Димы. Ни одной лишней. Договорились, что раз у него нет времени печатать, он даст нам на время негативы, чтобы Юрочка сам напечатал. Тогда я смогу прислать вам для архива. [...]

Дорогие мои, если до завтрашнего вечера произойдет что-нибудь еще, то я вам об этом обязательно сообщу. Крепко, крепко вас обнимаю.

Юля

Москва, 14 декабря 1986 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Отвечаю на письмо «Юлия 9». Очень рада, что вы наконец встретились с Вильфридом и со всей его семьей. Если будете созваниваться, передайте им мой сердечный привет. Я постараюсь написать им письмо, как только у меня будет побольше времени.

Большинство эскизов я уже отдала, осталось еще немного. После них останутся только большие размеры, с которыми будет сложновато расстаться из-за их размера, но постараемся...

Миша несколько раз звонил Успенскому, но неудачно. Потом забывали и он, и я. Но сегодня Миша уже очень твердо пообещал его найти. Так что извини, что мы проковырялись с этим делом, но мы все-таки все сделаем.

«Грундик» пока работает, магнитофон тоже. Юрочка закончит скоро фотосъемки, а потом перейдет на видео. Кстати, Карлуша, как там наш фильм «Пам. совр. сост.» на VHS?

Насчет либерализации в нашей сверхдержаве все только и говорят: «Скоро это дело прикроют». Одновременно идут всевозможные слухи: будто бы четыре советских писателя, среди которых так называемый «либерал» брежневской эпохи Чаковский из «ЛГ» и трое еще каких-то, написали в правительство письмо с просьбой остановить «либерализацию». Хотят остановить то, что еще практически и не началось. Радиоголоса сообщают, что против Горбачева сколачивается коалиция из Алиева, Рыжкова и Лигачева.

Ко мне зачастили советские искусствоведы. Началось с ленинградцев, а теперь и москвичи просятся. Вчера приехал скульптор из Ленинграда Саша Позин, с которым мы договорились сделать памятник Льву Асламазову. Очень толковый, интеллигентный парень. Мы с ним и с Мишей съездили в Востряково и в Переделкино. Ему больше всего понравился памятник родителям. Он уже купил в Ленинграде камень, блок серого гранита 2.45 м. Вчера мы с ним вроде бы распрощались, но сегодня он снова позвонил и сказал, что еще шесть ленинградских скульпторов очень хотят прийти. Сам он уезжает сегодня в Ленинград после часу ночи. Одновременно позвонил искусствовед Юра Тамойко. Он только что защитил диплом в МГУ. Он уже был в мастерской вместе с ленинградскими искусствоведами, а теперь просится снова с другим искусствоведом из Москвы. Он очень просит, чтобы я пустила искусствоведку Яблонскую, которая в МГУ преподает на искусствоведческом факультете и водит молодых по мастерским художников. Я, конечно, согласилась. Алексей Бойко, искусствовед из Ленинграда, сказал, что меня хотят посетить из Русского музея в Ленинграде.

В общем, все это очень хорошо, но пока я не буду иметь твердых гарантий насчет сохранности подвала, душе моей покоя не будет.

Звонила мне Татьяна Жукова. Будто бы Любимов прислал в театр инструкции, что им делать, как поступать, куда сходить, кому что сказать и т. д. Вроде бы он собирается возвращаться, но просит тех, кто будет дальше с ним работать, чтобы они узнали, как насчет театра, будет у Любимова театр или нет. Во всяком случае, они восстанавливают «Мастера и Маргариту», а «Дом на набережной» уже идет. А главное – они, кажется, получили возможность показать Любимовский спектакль о Высоцком. Эфрос ходит любезный, но удрученный. Это все со слов Татьяны, но ее информация очень часто неточна, поскольку она принимает желаемое за действительное, поэтому все, что она говорит, надо принимать со скидкой.

Что такое «Метабо»? Мы такого слова не знаем. Романычу я твое письмо передала вместе с фотографиями шарошек. Знаю только, что для всех наших немецких машин нужны шарошки с хвостиком, 6 мм. Романыч исхитрился все-таки кое-как починить «Бош». Она работает, но не в полную силу. Ее

первоначальная мощь была 26000. Поэтому новый «Бош» не-обходим.

Мы с г-ном и г-жой Каствль были на спектакле у Киселева. Им очень понравилось. Вообще, успех был потрясающий. Сейчас Киселев уехал на гастроли в Ленинград до 21 декабря. Ходят слухи, что ему даже собираются дать собственный театр. Сейчас будет ряд передач по ТВ, где он участвует.

Насчет «одной немки», которая может помогать вывозить скульптуру, мне, честно говоря, не все понятно. Вернее, совсем непонятно. Я думаю, что прежде надо попробовать сделать то, что нам положено по закону, то есть попытаться вывезти завещанные тебе скульптуры. А для этого хорошо было бы, чтобы Штрембгенс пошевелился. Нам нужна оценка, и он должен ее добиться. Что касается «одной немки», то все выглядит, как ты пишешь, весьма «темновато»!

Посетил меня Петер Кауфман. Что-то приглядывался, что-то размышлял, кажется, чего-то хотел [купить], но так ничего и не сказал. Я подарила ему на память черно-белый рисунок-чек. [...]

17-я выставка молодых художников, членов Союза, приобретает все большую известность, уже стоит громадная очередь и народ туда ломится. В общем, все боятся, что «скоро все это прикроют».

Крепко вас обнимаю
Юля

P.S. Сегодня, 15 декабря, у меня побывало человек семь скульпторов из Ленинграда. Они из училища им. Мухиной, друзья Саши Позина. С ними была молодая преподавательница по скульптуре. Также была одна скульпторша-москвичка – Оля Карелиц. Она сказала мне, что в бюро прошли три молодых: Леша Григорьев, Лена Суровцева и Игорь Козлов. Сказала, что постарается привести ко мне Козлова он как раз будет заниматься жилищными проблемами (то есть мастерскими) в секции. Сказала, что оформить обмен с искусствоведами вполне реально!

[...] Думаю, что все эскизы скоро будут у тебя. Романыч сказал, что напишет тебе письмо.

P.P.S. Деталь для «Грундика» прибыла! Спасибо! Все маленькие эскизы отправила.

18.12.1986

Julja 10.

Дорогая Юлия!

Бесконечно мы рады твоим подробным и живым письмам. Мы все переживаем и представляем себе конкретно всю ситуацию, в которую вы попадаете. Как и в предыдущие недели, опять получилось, что у меня времени мало, а обязанностей много. Пишу опять очень вкратце.

Вы молодцы, что удалось починить Grundig и даже сочинить смелое стихотворение. Советские электронщики – очень хитрые! Поздравляю! Может быть, прибыл к вам уже маленький оригинальный транзистор, который здесь стоит всего-навсего 15 DM.

Очень хорошо, что Петерс выступил так смело и вел себя не так обидно, как все эти Salzman'ы и Schilling'и. Юлия, как ты думаешь, обратиться ли к Петерсу?

События на Кузнецком мосту интересны. То же и все приложенные вырезки из газет. Они мне очень, очень важны. На днях мы были приглашены к Ingrid Gibbels, которая недавно развелась. У нее опять были советские художники, которые являются гостями города Дуйсбурга. Некоторых мы уже знали. Они очень откровенно говорили о всех событиях в области искусства и делали вид, как будто все теперь зависит от степени важности разных газетных статей. Они сказали, что пока идет очень интересное и важное время. Они установили, что пока имеется равновесие в области искусства. На любую тенденцию возникает тотчас же антитенденция и наоборот. Я очень удивился тому, что дальнейшее развитие меньше зависит от них, т. е. самих художников, а от каких-то газетных статей. Но мне лично кажется, что независимо от них и от окончательного исхода публицистической полемики, факт как таковой, что публикуются разнообразные мнения – уже очень значителен как отражение изменения общей атмосферы.

Юлия, хорошо, что ты бросила курить. Пусть Миша следит за тобой.

Переснимите Эдиковы фотографии похорон! И не забудьте, если это не трудно, переснять для меня Гроссмановскую фотографию Треблинки. Мы уже часто говорили об этом.

Мне сказали, что Эдик Штейнберг сделал мне картину по поводу смерти Сидура. Странно, что он тебе ничего об этом

не сказал. Я узнал об этом через одного общего с ним знакомого.

Лихачева хорошо знаю по его книгам о древнерусской литературе. Его дочка живет в Мюнхене и поэтому несколько лет назад у него были довольно неприятные затруднения в Ленинграде.

Романычу я сегодня послал книгу Поповского. Bosch уже в пути. Коричневые «тарелки» для алюминия, черные – для бронзы.

На Рождество (24–26 декабря) поедем к Гизелиному отцу, который опять в больнице и состояние которого не очень хорошее. Сердце хуже, вода в легких, печень работает из-за массы лекарств не очень хорошо, одна почка совсем не работает, другая, по-видимому, только на треть. Все, как кажется, очень нестабильно. Хотя он прожил примерно в таком (но все же лучшем) состоянии целый год, мы теперь можем только надеяться, что ему еще раз удастся возвратиться домой.

Написал Монц, который только теперь случайно узнал о смерти Сидура. Он тебе еще напишет.

Газетная статья Hans Gercke была перепечатана в одном церковном журнале. Пошлю тебе копию, а попозже – целый журнал, который идет почти исключительно об Израиле.

Юля, само собой разумеется, что я тебе возвращу эскизы. Можно даже подумать, чтобы переснять их в Москве и послать только пленку, если вы это хотите. Для выставки и для исследования, конечно, подлинники лучше. Другая возможность, что я их вам пересниму. Важны мне, конечно, и книжки с эскизами. не менее важно, если это вообще осуществимо, переписи Диминых дневников. Я знаю, что это особенный труд, но, может быть, ты, Юля, единственный человек, который смог бы расшифровать его почерк. Переписала ли ты уже «Ежик» и т. д.?

Скоро начну с книги о 70-х годах.

Завтра со Шпильманом будем основывать «Общество по восточноевропейской культуре», о котором я уже давным-давно вам говорил.

Будут: Беднарц, Аллардт, von Sell, наш ректор, министр культуры земли Северный Рейн-Вестфалия, Дорис и т. д. Посмотрим, что выйдет из этой инициативы...

Всем вам привет. Обнимаем. И напиши нам как обычно!
Карл

Москва, 18 декабря 1986 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

[...] Самым интересным событием в нашей жизни было вчерашнее посещение подвала Петрой Келли и Гертом Бастианом. Огромное впечатление! Когда Петра Келли сказала: «Мы всегда хотим быть неудобными», я сразу же вспомнила, как ты написал про Диму – «неудобный художник». Трудно описать наше двухчасовое свидание. Сначала разговоры об искусстве, о Диме, потом о политике на немецком, английском, русском языках. Ее потрясение нашей информированностью. Наше очарование столь необычными депутатами Бундестага, то есть членами правительства, и непрерывный беспрерывный диалог. Если бы у нас было время, мы могли бы говорить еще несколько часов подряд. На прощание горячо обнимались и договаривались увидеться снова. Я подарила им по рисуночку. А теперь хочу послать им маленькие Димины рисуночки из оставшихся поздравлений. Никому из старых друзей я не могу послать эти картиночки, потому что они у всех уже есть. А новым друзьям и знакомым можно. Поэтому я прошу тебя переслать четыре поздравления: Петре Келли, Герту Бастиану, г-ну Петерсу, директору Художественного музея в Дюссельдорфе и Марии Крейцер оттуда же.

Заодно, Карлуша, я поздравляю тебя с днем рождения и чтобы не нарушать добрых традиций, прошу тебя выбрать себе в подарок какую-нибудь отливку.

Во время свидания с Петрой Келли и Гертом Бастианом присутствовали: Юрочка, Наталья Нольде (Димина ученица, печатала гравюры тоже из моей школы), Хабер (он позднее ушел на службу), жена Хабера, очень симпатичная беременная, рыженькая, и еще одна молодая женщина, жена какого-то дипломата из вашего посольства.

Сейчас меня усиленно посещают скульпторы и искусствоведы. Искусствовед Юра Тамойко звонит мне почти ежедневно и задает всякие вопросы. Был еще один молодой человек с женой, искусствовед по скульптуре, Саша Шумов. Он отвечал

за оформление скульптурного отдела на 17-й выставке молодых художников.

Еще раз поздравляю. Крепко, крепко обнимаю. Не забудьте переслать мое письмо Копелевым. Пишите!

Юля

Москва, 27 декабря 1986 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Пишу вам последнее письмо в этом году. Мне этот год принес большое горе, и я расстанусь с ним без сожаления. Мне все время хочется рассказать Диме о том, что происходит, что творится вокруг, а его нет...

[...] Вы, конечно, в курсе потрясающих событий, происходящих в нашей стране – возвращения в Москву Андрея Дмитриевича Сахарова и освобождения некоторых других диссидентов. У нас, у многих, впервые появилась надежда. Может быть, наш нынешний лидер действительно войдет в историю как первое светлое явление за весь кровавый и мутный период семидесятилетнего существования. Все равно при нынешней государственной системе нельзя предаваться чрезмерной эйфории, но надеяться на лучшее можно с большим основанием, чем раньше.

Наши дела с мастерской застыли на мертвой точке. В этом нет ничего удивительного, т. к. сейчас под Новый год вообще всё замерло. К тому же прошли перевыборы по секциям, и многое еще не отстоялось. Репутация у нашего Союза художников самая плохая. Позвонил мне Кабаков и рассказал, как происходили перевыборы в секции графиков. Всего в секции около тысячи художников, явилось триста пятьдесят. Как только начались речи, при первых же словах оратора: «Наши творческие успехи в прошлом году ознаменовались...» – тут же огромное количество графиков стало покидать собрание. Оставшимся только этого и надо было. Остались две группировки мафии и стали выяснять свои дела. Дела эти нисколько не касались никакого творчества, а исключительно дележки пирога. Одни обвиняли других в том, что у тех большая зарплата, а у них маленькая, у этих хорошие мастерские, а у них плохие и т. д. Ни о какой «перестройке» и «новаторстве» речи

не было. Речь была только о хлебе насущном. В итоге все мафиози разделили между собой места и должности, и на этом перевыборы закончились. То же самое произошло у живописцев. Речь шла о заработках и мастерских, больше ни о чем. Молодых, которые между собой не объединились и не договорились, старая опытная гвардия, монолитная и объединенная, никуда не выбрала, и все места оставила за собой. Все это рассказал Кабаков, начав с того, что ему звонил Слепышев, муж Мишиной мамы, который сказал, что хорошо, если бы «какой-нибудь важный гусь», как он выразился, повлиял бы на Орехова, потому что Морозов больше ничем помочь не может: во-первых, у него действительно нет мастерских, во-вторых, какие-то наши недоброжелатели ему что-то объяснили. Это предположение высказала Елена Викторовна, у которой с Морозовым всегда были очень простые и дружеские отношения. А тут он с ней был непривычно вежлив, чем-то смущен и даже предупредителен. Он сказал, что нам надо писать в горком партии в Отдел культуры, и там в письме обязательно подчеркивать, что мастерскую надо оставить только для хранения (потому что иначе будут ходить иностранцы, а это ни к чему) и т. д. Я абсолютно уверена, что нам не надо обращаться в горком партии, в Отдел культуры. Там сидят одни сволочи и недруги. Там, например, находится некий Набатчиков, который когда-то требовал, чтобы Диму исключили из МОСХа. Это именно он сказал Игорю Попову, тогдашнему председателю МОСХа: «А разве у нас нет преступников инвалидов войны!» Леня Берлин тоже говорил, что этот Набатчиков все еще в большой силе.

Скоро, я надеюсь, мы увидимся с Роликом Сагдеевым и посоветуемся с ним насчет обращения к Яковлеву. Одновременно я очень надеюсь на помощь Петры Келли и Герта Бастиана. Наши действительно сейчас прислушиваются к западному общественному мнению. Сейчас это уже бесспорный факт! Меня немного пугает, что первым заместителем заведующего Отделом культуры ЦК КПСС является «наш друг» Е.В. Зайцев, но думаю, что не все целиком зависит от этой inferнальной фигуры.

Сейчас занимаюсь тем, что пишу письмо академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. И каждое слово рождается мною в больших муках. Пишу ему, потому что многие советуют ему

написать как председателю Советского фонда культуры. Не знаю, дойдет ли до него это письмо, а если и дойдет, то поможет ли мне чем-либо, но все-таки пишу, потому что самого Лихачева очень уважаю. Считаю, что даже если это бесполезное письмо будет написано, хуже не будет.

Слухи и разговоры о том, что Любимов возвращается, становятся все упорнее.

29-го у старых «нонконформистов» открывается выставка на Малой Грузинской. Участвуют все те же «зубры»: Немухин, Кабаков и прочие. Хотя сам Илья сказал, что работу ему не дают, сделанную уже работу не подписывают...

Юрочка продолжает снимать на видео. Пока что он пробует. Получается неплохо, но самые большие проблемы связаны со светом, то есть с правильным освещением.

Я очень жду от вас: передачи про Диму на видео, фильм «Пам. совр. сост.» на VHS, машину «Бош», шарошки, которые просил Романыч.

Была у меня Бригитта Шухман со своими туристами из разных немецких городов. Она видела передачу, в которой ты участвовал на ТВ. Ей не очень понравилось. Она сказала, что много было разговоров о наследстве и мало об искусстве. Я считаю, что у каждого может быть свое мнение, но хорошо, что эта передача все-таки состоялась. А если Клаус не раздумал сделать фильм про Диму, как он хотел, то будет очень здорово!

Прошу тебя, Карлуша, передай всем друзьям привет и наилучшие пожелания от меня. Я не могу их поздравлять так, как Дима. Осталось некоторое количество рисунков для поздравлений, но у всех друзей они уже есть. То, что осталось, я могу дарить только людям, которые познакомились со мной уже после Диминой смерти.

Ты обязательно просматривай вырезки из газет, которые я тебе посылаю. Они содержат в себе почти всегда полезную информацию. Искусствовед Саша Шумов уже начал писать некролог про Диму. Другой искусствовед, Юра Тамойко, сказал, что Саша, несмотря на молодость, человек опытный, и постарается поместить свою статеечку куда-нибудь в хорошее место. Посмотрим, что из этого всего выйдет. Старые темные силы очень сильны и без боя свои позиции не сдадут. Их ненависть к Сидуру несколько не утихла с его смертью. Саша

сказал, что на ул. Вавилова должна была состояться персональная выставка Лемпорта и Силиса, но почему-то пока не состоялась. Лемпорт и Силис когда-то посадили в тюрьму одного взяточника из скульптурного комбината, и многие не могут им этого забыть. Одно время по инерции говорили: «Лемпорт, Сидур и Силис посадили человека». И нам надо было долго отбрехиваться, что «мы никого не сажали».

Книгу «Московские скульпторы» сейчас достать почему-то трудно. Но по возможности достанем. Успенскому твою книгу передали.

Еще раз поздравляю вас с Новым годом и желаю здоровья! Тебя, Карлушенька, тоже еще раз поздравляю с днем рождения. [...]

Большой привет от всех наших. Крепко вас обнимаю, очень хочу повидаться.

Юля

Памятник жертвам Холокоста (Формула скорби). г. Пушкин. Фото: К. Аймермахер

Абрам Яковлевич Сидур, Юлия, Зинаида Ивановна Сидур. Рисунок Вадима Сидура. Конец 1950-х годов

В Алабино. Лева (сын Михаила), Юлия, Вадим Сидур, Георгий Геннис, Надежда Устинова (первая жена Михаила), начало 1980-х годов

Юлия. Рисунок Вадима Сидура. Вторая половина 1950-х годов

1987

2.1.1987

Дорогая Юлия!

Огромное тебе спасибо за твои поздравления с днем рождения и за отливку, которую я смог себе выбрать. Я выбрал № 215, «Ученый», который все время стоит передо мной на подоконнике и который связан с рисунком, который я дал на обложку своей последней антологии по семиотике. Еще раз большое спасибо!

Karl

Москва, 3 января 1987 г.

№ 1

Дорогие Карлуша и Гизела!

Еще раз поздравляю вас с Новым годом!

Отвечаю на письмо «Юлия 10» и пишу кое-какие другие новости. Спасибо за подарочки детям и большим и малым. Вы, наверное, уже поняли, что я послала вам все эскизы. Из больших папок тоже. По-моему, то, что послано – самое главное. Остальное Карл еще раз сможет проверить сам, когда приедет в Москву.

Одна из самых приятных новостей – это то, что я смогла посмотреть ТВ-фильм, где увидела вас обоих, Клауса и г-на Эразми. Дело в том, что Урсула Шиллер-Хеегер, которая гостила в Москве с Рождества со своими детьми, принесла кассету, на которую она записала эту передачу. Во-первых, меня потрясло качество записи! Карлуша выглядит абсолютной кинозвездой. И вообще, вся передача небольшая, но очень симпатичная. С удовольствием увидела кусочек из фильма Клауса «Майн Москау». Жаль только, что Урсула забрала кассету обратно. У них там было еще кое-что записано свое. Поэтому еще раз, Карлуша, прошу тебя прислать мне

кассету со всеми ТВ-материалами. Клаус Беднарц тоже обещал при случае прислать свои фильмы, которые он делал в Москве. Я уверена, что это совершенно замечательные фильмы о нашей стране, и здесь люди с удовольствием бы их смотрели. И, конечно, очень важно, чтобы Димин фильм «Памятник современному состоянию» был записан на VHS и прислан нам.

Большую радость доставило свидание с Дорис. Она приехала с двумя замечательными девочками: своей племянницей и ее подругой. Мы общались два раза: один раз дома, другой – в мастерской. Дорис рассказала, что она не присутствовала на совещании, о котором ты писал, и поэтому не знает, что там происходило, но говорит, что у Шпильмана будет выставка Бориса Биргера, а может быть, я перепутала и еще где-то будет его выставка 50-ти картин. Он, кажется, больше не хочет уезжать насовсем, а хочет только поехать в ФРГ один месяца на полтора. Я думаю, что сейчас это вполне может у него получиться. Дорис, к сожалению, не будет работать в Москве. Это уже точно, но возможно, в апреле она приедет в СССР с делегацией на две недели. В Москве будет всего несколько дней, но мы, конечно, все сделаем, чтобы повидаться. Она говорит, что у Войновичей все хорошо, у Володи успех, т. к. он живет на писательские гонорары. Вчера она встречалась на обеде с господином Каствлем и госпожой Каствль. Я подарила им Димин рисунок к Новому году и попросила Дорис сказать г-ну Каствлю, чтобы он разрешил еще прислать бохумские каталоги на Шрамайера, например. У тебя там тысячи, а у меня каждый каталог на вес золота. Сегодня утром г-н Каствль позвонил мне и поблагодарил за рисунок. Надеюсь, что мы с ним увидимся в этом году.

Позвонил мне также Петер Бауэр. Я сказала ему, что мне удалось посмотреть фильм, который они тогда снимали с тобой, и что мне очень понравилось. Он спрашивал, как у меня дела с мастерской. Я рассказала все, как есть. Он сказал, что через некоторое время, если ничего не изменится, он сделает по этому поводу еще одну передачу.

Сегодня мне позвонил Леня Штутман и рассказал, что ходят упорные слухи, что Раиса Максимовна Горбачева собирается устраивать Музей современного искусства. Я думаю, что если даже это и будет, то Дима туда не попадет, поскольку его

имя до сих пор находится под запретом. Опять же я уверена, что если даже такой музей откроется, то присутствовать там будут все те же мафиози от «современного искусства». Но надеяться на лучшее всегда стоит. Мне лично нужен не музей, которого нет, а подвал Сидура, который необходимо сохранить и из которого в итоге можно создать музей. Говорят даже, что она сама будет ходить по мастерским. Если даже это так, то всякие Зайцевы и Ореховы все сделают, чтобы в наш подвал она не пришла.

Вчера мы общались с Эдиком.

4 января.

Карлуша, до сих пор нахожусь под впечатлением твоего звонка. Я очень благодарна Петре Келли за ее письмо Горбачеву. И, конечно, хорошо, что тебе в голову пришла идея написать Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. В любом случае, если даже из этого ничего не получится, хуже не будет. Я тоже нахожусь в процессе письма Лихачеву, но писать мне его невероятно тяжело. Все время прерываюсь, плачу, потом снова что-то пишу. Но никак не могу эту письмо закончить. За сегодня или за завтра думаю все-таки его закончить.

Еще одна новость – умер художник Анатолий Зверев. Допился наконец до смерти, и умер от инсульта.

Итак, общалась с Эдиком. Мы съездили в его новую мастерскую. Это очень приятный подвальчик в районе Метро-строевской улицы, ныне имеющей новое название, вернее, вернули старое – Остоженка. Там он мне дал все негативы, сделанные на похоронах у Димы. Юрочка постарается их поскорей отпечатать, и тогда я пошлю их тебе. После мастерской поехали к нему домой в новую квартиру на Усачевке. Квартира просторная, они почти привели ее в порядок, но кое-что еще надо закончить. В общем, с Эдиком наши отношения восстановлены полностью. Со своей новой женой Женей и ее детьми он, кажется, абсолютно счастлив.

Оказывается, Вова Бродский тоже знал, что дочка Лихачева живет в Мюнхене. Она вышла замуж за еврея и эмигрировала несколько лет назад. Для меня это была абсолютная неожиданность, хотя к делу сохранения Диминой мастерской это, в общем, не имеет никакого отношения. Первый, кто по-

советовал написать письмо Лихачеву, был Юрочка. Он очень упорно мне это советовал, и вот теперь я этим занимаюсь с большими муками.

Чрезвычайно жаль, что заместителем Александра Яковлева является мракобес Зайцев. Можно представить себе, что наше дело попадет именно в руки Зайцева, минуя Яковлева, и тогда тов. Зайцев из всех сил постарается нам «помочь». Поэтому то, что Петра Келли написала именно Горбачеву, наверное, намного лучше, чем кому-то еще. Потому что, если даже предположить, что от Горбачева это снова попадет к Яковлеву, то все-таки Зайцев будет уже не на первом решающем месте.

Завтра вечером ко мне домой снова придут искусствоведы. Двое по скульптуре: Саша Шумов и Алеша Бойко (он из Ленинграда), а также Сашина жена, которая работает в Кремле экскурсоводом в кремлевских соборах, и с ними искусствовед, с которым я перезваниваюсь чуть ли не каждый день, Юра Тамойко. Это именно он всех ко мне и привел. Все они уже были в мастерской и теперь придут домой, чтобы познакомиться со второй стороной Диминого творчества. У всех у них есть каталоги, тексты на русском языке и, может быть, в итоге я подарю им твою книгу. Это очень серьезные, умные ребята. Что касается русских текстов из каталога, у меня осталось только два комплекта. Если будешь посылать каталоги еще, то не забудь, пожалуйста, и про тексты.

Фотографию, подаренную нам вдовой Василия Гроссмана, я обязательно найду, попрошу Лапина сделать репродукцию и пошлю тебе. А может быть, для быстроты я пошлю ее тебе, и ты уже у себя сделаешь репродукцию, а мне потом ее перешлешь.

Первый раз слышу о картине Штейнберга, связанной и с тобой, и с Димой. Если он ничего об этом нам не сообщал, значит у него для этого есть какие-то основания.

До «Ежика» у меня не доходят руки. Дима задумал это довольно широко, но успел совсем немного. Из того, что успел, почти все отпечатано, в остальном надо разбираться. То же самое с дневниками. Здесь я очень надеюсь на помощь Юрочки и Вовки. Может быть, даже Вовка больше сумеет раскапываться, у него большой опыт работы с архивами. А Юрочка занят съемками фотографий и на видео.

Обрадовалась, что Давид написал письма! Раз связь не утеряна, значит все нормально. Мои младшие тоже замечатель-

ные. Митюшка, как всегда, потрясающе умен, а Левочка становится все умнее и любит разговаривать со мной по телефону. Мы с Мишей хотели взять его на каникулы, но мамочка решительно воспротивилась, чем очень облегчила нашу жизнь, т. к. Левочка, да и любой ребенок, требует невероятно много времени.

Пока, кажется, это все. Если до среды будет что-то новое, я припишу. Крепко вас обнимаю. Жду писем. Привет всем друзьям.

Юля

P.S. Вышла книга: Duško Doder. *Shadows and Whispers Power Politics Inside the Kremlin from Brezhnev to Gorbachev*, Random House, New-York, 1986. Луиза Брансон из Sunday Times, подруга и, возможно, в скором времени жена Dusta, пообещала мне, что они пришлют вам эту книгу. Там написано, что Дима – «лучший скульптор в СССР» и еще что-то довольно поверхностно. Но книга, по-моему, любопытная.

4.1.1987

1 Jul.

Дорогая Юля!

Вчера мы говорили по телефону. Всегда очень, очень приятно слышать тебя. Я тебе рассказал, что у меня по ошибке пропали все данные на компьютере, т. е. на самом деле длинное, очень подробное письмо. Потеря данных была ужасна, но еще страшнее было, что под конец нового длинного письма случилось то же самое, по другой непростительной ошибке! Поэтому я сегодня еще раз займусь делом, опять с надеждой, что на этот раз получится более удачно. Постараюсь ограничиться стенографическим образом самыми важными сообщениями.

Письмо Келли и Бастиана получишь в копии. Я им написал и послал два каталога. Письмо Лихачеву я тоже вложу. Я ему послал тоже каталог и некрологи, за исключением тех вещей, которые появились в R.M. Имей в виду, что Иванов и Топоров его хорошо лично знают. Я тоже обратился к Монцу, который располагает хорошими отношениями с Marte и с другими видными лицами в австрийском правительстве, чтобы и оттуда обратиться и к Союзу художников, и к вашему правительству. С той же просьбой я обратился к Эрбе в Берлине. Копия

в приложении. Может быть, я еще напишу и Горбачеву. В любом случае, крайне необходимо обратиться к Яковлеву, обойдя Зайцева, который ничего не понимает в искусстве. Отсюда мне кажется, что он получил свое место, как противовес Яковлеву...

Позвонил Готфрид Бютнер и осведомился о твоём положении и о ситуации с мастерской, он передает тебе привет. Он говорил по телефону с Beckel'em из Вюрцбурга и узнал, что там церковь предложила очень хорошее место для «...от бомб». Это очень хорошее известие. Фактически это значит, что несомненно установят и эту скульптуру. Наши друзья основали даже уже общество, чтобы легче собрать деньги на увеличение этого произведения. Вот какие дела! Поздравляю!

Были Кармен и Д., принесли три папки и комплект рисунков разного размера. Я очень вам благодарен. К.S. звонил и объявил, что книжки с эскизами по пути и скоро будут. Слава богу!

Кармен тебе принесет видеокассету с Диминым кино. Качество не самое лучшее, но приемлемо, если его смотришь при полной темноте. Дело в том, что это не профессиональная перезапись. Кино только переснято с большого экрана, при этом потеря качества неизбежна. Профессиональная копия стоит приблизительно 5000 DM. Попытки переписать все у знакомого привели фактически к тем же результатам, т. е. к записи с качественными недостатками. Теперь Клаус предложил сделать хорошую копию у них «налево», т. е. бесплатно для нас. Посмотрим. Кстати говоря, Клаус обязательно сделает телепередачу, как обещал. Согласие со стороны радиостанции уже давно есть.

Я написал письмо Лещинскому в Берлине, он занят реставрацией «Треблинки». Помнишь, еще летом, при жизни Димы (он уже лежал в больнице), я спросил у вас совет, как реставрировать эту скульптуру. Я ему теперь предложил разные возможности, делая вид, как будто Дима мне еще ответил. Но я уверен, что то, что я ему советовал, соответствует полностью тому, что Дима предложил бы. [...]

Не беспокойся из-за новогодних поздравлений. Гизела подготовила самодельные открытки, которые мы разослали нашим с вами общим друзьям. Они получились довольно симпатичные. Пример я вложу в этот же конверт. Другие примеры получишь со временем.

Выбор примеров (их около 150) для доклада в DFG по случаю установки «Портрета Эйнштейна» я уже сделал, теперь придется все переснять на слайды и вставить их в рамки. Это еще длинная процедура. Но что делать? Кроме того, надо еще придумать сам доклад. Но, в принципе, я уже знаю, о чем я буду говорить и что надо подчеркнуть. В то же самое время я уже начал переснимать те же самые примеры на черно-белую пленку (негативную), чтобы потом иметь материалы для публикации доклада.

Я в конце концов успел написать и Шмурло в Гданьске. Я ему обещал послать «Миф» и Димины стихотворения. Кроме того, я предложил ему всяческую помощь во всех его начинаниях.

Хорошо, что начинают появляться у тебя и советские искусствоведы. С большим любопытством жду их работ про Сидура.

Передай Романычу сердечный привет от нас. Bosch уже в пути, то же и шлифовальные круги. Коричневые для алюминия, если не ошибаюсь. Добавочные привезет Детлеф, их хватит на долгое время. Заказанные фрезы я закажу завтра. Книга Поповского про св. Луку уже в Москве, это наш подарок Романычу. Он просто золото, его руки, его любовь к искусству, к людям, его честность... Посылаем и журнал про Израиль, где перепечатана статья Gercke. После наших разговоров об Израиле, журнал всем будет интересен.

Юля, надеюсь успеть на почту. Я знаю, что опять поздно из-за «потери данных». Но все-таки постараюсь успеть. Обнимаем, всем привет от нас!

P.S. Если можно, пошлите мне фотографию из Треблинки, которую Дима получил от Гроссмана. Это общая могила с молодыми женщинами.

Карл

Москва, 10 января 1987 г.

№ 2

Дорогие Карлуша и Гизела!

Первая моя большая радость в этом году поступила от вас. Это то, что Димин «Памятник погибшим от бомб» будет установлен в Вюрцбурге. Для меня это самое приятное событие,

связанное с Диминой памятью. Я невероятно благодарна г-ну Беккелю и обязательно напишу ему письмо.

Очень рада, Карлуша, что ты выбрал себе в подарок «Ученого», скульптура очень хорошая. К тому же ты у нас тоже ученый, она как раз тебе подходит.

Надеюсь, что ваш компьютер больше не будет барахлить, а вам придется помнить, что с умной машиной надо по-умному обращаться.

Вы прислали мне интереснейшие документы! Я их все, включая телеграмму Петры Келли и Герта Бастиана, передала Юрочке, чтобы его папа их перевел. Я наконец тоже закончила письмо Дмитрию Сергеевичу Лихачеву и уже его отослала. Мне помогла Татьяна Жукова. У них в любимовском, сейчас восстановленном спектакле играет в эпизоде одна актриса из Ленинграда, Татьяна Николаевна Журавлева. Она знает лично Дмитрия Сергеевича и сказала, что вручить ему мое письмо ей будет совсем нетрудно. Позавчера, вернее даже это было 7 января, я наконец его закончила под давлением обстоятельств, т. к. Татьяна Николаевна уезжала в Ленинград этим же вечером, даже ночью, в 11.55. И мы с Мишкой и Вовкой подвезли ей письмо прямо к поезду. Пока я заканчивала, Вовка печатал. В общем, мы едва успели. Очень боялись, что из-за мороза Мишина машина будет глохнуть и не заводиться, как это уже случалось. Но все прошло благополучно. К своему письму я приложила оффенбургский каталог, советский буклет, ходатайство академиков, благодарность Академии наук за дар «Эйнштейна» в Фермилаб и т. д. Я не знала, что у Монца существуют контакты на правительственном уровне. Но мне кажется, что до сих пор австрийские художественные круги относились к Диминому творчеству не очень-то хорошо. Хотя ты знаешь, когда однажды у нас был Марте с Хрдличкой и кем-то еще, они хватали скульптуры, громоздили их на столе и требовали, чтобы мы запаковали их в ящик и отправили прямо в Австрию на выставку «Антропос». Конечно, из этого ничего не получилось. После этого случая у нас никаких встреч с австрийцами не было.

Если бы ты знал, как нелегко увидеться с Сагдеевым! Чем выше он поднимается в своей карьере, тем труднее нам с ним встретиться, что совершенно естественно. Тем не менее его жена Тэма сказала Мише, что они непременно хотят пригласить нас к себе, а не приходиться к нам, как мы им предложили

для простоты дела. Витя Гинзбург сказал: «Если Сагдеев будет тянуть, то я сам это сделаю, хотя у меня нет таких возможностей, как у него». В общем, мы решили еще подождать, поэтому обращение к Яковлеву несколько задерживается. [...]

Карлушенька, Димино кино «Памятник современному состоянию» нужно обязательно в хорошем качестве, в плохом мы его уже имеем. Мы тоже поставили камеру и сняли все с экрана, это не то. Я считаю, что если у Клауса не получится бесплатно, то надо заплатить 5 т. и сделать все хорошо. Это очень важно. Этот фильм – одно из важнейших Диминых произведений. Он его очень любил, он сам его сочинил и сам в нем снимался. В общем, этот фильм можно приравнять к важнейшим Диминым произведениям, и надо сделать все, чтобы технически он был выполнен на самом лучшем уровне.

Я сейчас занимаюсь тем, что ищу фотографию Василия Гроссмана и никак не могу ее найти! Меня это очень огорчает, такое ощущение, как будто она пропала, хотя я уверена, что это не так. Буду продолжать искать дальше. Ты молодчина, что добиваешься реставрации «Треблинки»! И все, что ты написал Лещинскому, очень правильно.

Уверена, что Клаус Беднарц сделает замечательный фильм, как он всегда делал, когда жил в Москве.

Дорис мне уже рассказывала об «Эйнштейне» и твоём докладе в ДФГ. Конечно, это требует много сил и времени. Но я рада, что это произойдет. К тому же Дорис сказала, что она выставит там все свои скульптуры. Кстати, как дела в Ульме?

Поздравления Гизелы – приятные и симпатичные картиночки. Я вижу такую уже вторую. Первая фотография с Диминой картины «Встреча» была вложена в Митюшкину подарочную книжку про Робина Гуда. Гизела, большое тебе спасибо!

Хорошо, что написали Збышеку Шмурло. Если все материалы действительно до него дойдут, из этого будет толк. Он парень вполне хороший и достойный.

Ужасно, что я не могу найти фотографию убитых во рву женщин и детей. Никак не могу понять, куда мы с Димой ее спрятали!

Спасибо за вещи, присланные Романьчу. Пока что мы получили только абразивные круги, но надеюсь, что на этой неделе получим все остальное.

Я посылаю вам копию своего письма Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Не знаю, поможет мне это или нет, но считаю, что все равно хорошо, что я это письмо написала.

Сейчас мы находимся все в стадии подготовки к завтрашнему визиту дамы по имени Елена Константиновна Николина. Она назвала себя «из районной пожарной инспекции». Это весьма странно, потому что мы прекрасно знаем своего пожарного, старшего лейтенанта Есина. Она была необыкновенно вежлива. В мастерской в это время находился Юра, он печатал контрольки Эдиковых негативов. Он дал ей мой домашний телефон, где мы в это время находились с Мишей. Она сказала мне, что, конечно, произошло «большое несчастье». Я ей немедленно рассказала всю ситуацию, происходящую в МОСХе, то есть об обмене скульпторов с искусствоведами и что на руках мы имеем готовое решение об этом обмене.

И сейчас находимся в стадии поиска мастерской. Она слушала так, как будто ей это все давно известно. Потом она спросила, кто такой Юрий Гельмутович. Я сказала, что это друг нашей семьи, который помогает разбираться и присматривать за мастерской. Очевидно, наткнувшись на Юру, она сразу заинтересовалась, кто это такой. Потом она спросила, не является ли сын Сидура, Михаил Вадимович, членом Союза художников. Я сказала, что, к сожалению, нет. Затем она выразила желание посмотреть мастерскую с пожарной точки зрения. Я тут же сказала, что мы с удовольствием это сделаем и что здесь сейчас как раз находится сын Сидура, который всегда выполняет все предписания пожарной инспекции. Миша взял трубку и они договорились о визите на завтра. Я завтра тоже туда приду. Мы все решили, что эта дама такой же пожарный инспектор, как мы с вами. Но ей дано задание зайти к нам в подвал и посмотреть, что это такое. Наилучшим образом это можно сделать под видом пожарных, потому что можно рыскать по всему помещению. Несколько дней мы наводили порядок и сегодня надеемся закончить. О завтрашнем визите, если он состоится (стоят жуткие морозы), я вам сообщу особо. Искусствовед Юра Тамойко рассказал забавный случай. Мой новый знакомый, искусствовед по скульптуре Саша Шумов, присутствовал в ЦДХ на Крымском валу на лекции искусствоведа по фамилии Соколов, который недавно прибыл из Франции и ФРГ. Он рассказывал о скульптуре во Франции и ФРГ. После его лекции Саша Шумов задал странно

закрученный вопрос: «Какое влияние на современную скульптуру ФРГ оказывают скульпторы Советского Союза?» Лектор вопроса не понял. В публике начали говорить, что наша традиционная скульптура не может ни на кого влиять в ФРГ. «Как же, – сказал Саша, – а вот, например, советский скульптор Вадим Сидур установил в ФРГ девять своих скульптур. Вы их видели?» Лектор очень смешался, сказал, что он слышал это имя, но скульптур в ФРГ не видел. «Вадим Сидур уже умер, – сказал Саша, – а его вдова сейчас находится в мастерской переполненной его работами». – «Как умер? Какая вдова? – сказал лектор. – Я ничего об этом не знаю». На этом разговор был закончен. Еще Юра Тамойко сказал, что он, Саша Шумов и еще несколько искусствоведов хотят написать что-то вроде некролога в московскую газету «Советский художник», коллективно подписаться, потому что тогда эта статья скорее сможет пройти, чем подписанная одним человеком. Посмотрим, что из этого выйдет.

Посылаю две статьи из «Советской культуры»: Симонова, где он в письмах хорошо пишет о Малевиче и Татлине; Нагибина, где тот упоминает о бульдозерной выставке. Невероятно интересно.

Идет невероятная шурня вокруг «возвращения Любимова». Партбюро театра общалось с тем самым Зайцевым. Он сказал, что возвращение Любимова находится в его руках: он должен написать письмо в Президиум Верховного Совета с просьбой вернуть ему гражданство, а также высказать другие свои условия. Все ждут. Татьяна Жукова сказала, что в телефонном разговоре с артистами театра, он якобы на это согласился. Опять же посмотрим. Сейчас все ждут очередного пленума ЦК, который уже несколько раз откладывался из-за разногласий в Политбюро. Кажется, 15-го он все-таки откроется.

Вроде бы, пока все. Крепко вас обнимаю. Всем привет.

Юля

15.1.1987

2 Jul.

Дорогая Юля!

Мы получили № 1/87 и видим, что вы там живете не менее интенсивно, чем мы здесь. Единственная разница в том, что

некоторые занятия и заботы чуть-чуть отличаются. Но как ни странно, независимо от огромного расстояния между Москвой Великой и Бохумом Ничтожным, очень много ваших и наших с вами, и чисто ваших проблем сосредоточиваются именно на письменном столе Карла Аймермахера, похоже, как у главного диспетчера. Ежедневно я ощущаю связанную с этим ответственность и стараюсь выполнить все нужные в такой должности обязанности. Надеюсь, что все наше общее напряжение приведет в конце концов к желаемой цели. Пока еще совершенно утопическим является тайное мое желание, чтобы и вы, и мы могли получить когда-то возможность путешествовать в любое время в любую сторону на нашей, к сожалению, умирающей планете.

На последней неделе я хотел тебе писать, но получилось, что я не успел на почту. Со среды до воскресения у нас была конференция по культурным отношениям Советского Союза и ГДР, начиная с послевоенного периода до наших дней. И поскольку я был одним из организаторов, я фактически был занят только этим.

Вчера Георг защитил с большим успехом докторскую диссертацию. Это было не только для меня, как для научного оппонента в этой игре, но и для него огромное событие. Я очень рад, что именно он, как и Петер, работают у меня.

В субботу приедет к вам на два-три месяца Michael Fleischer. Я только вчера узнал об этом. Он будет работать у Иванова.

В ближайшее время пошлю вам примерно 100 каталогов и русское введение в свою книгу. К сожалению, я не смог найти те русские тексты каталога, которые я вам уже передал. Повидимому, у меня не осталось никакого лишнего экземпляра. Если вам не трудно, то пошлите мне один из оставшихся у вас экземпляров. А я со своей стороны постараюсь на всякий случай найти кое-какие «археологические остатки» от них.

Я решил написать письмо Горбачеву, хотя мне заранее ясно, что он крайне занят «своими делами». Но хуже не будет. Я буду писать ему не только о мастерской. Письмо я пошлю через Denninghaus'a, с которым Клаус Вашик старался поместить Димино произведение на обложку двухтомного издания «Европа на пороге III тысячелетия» (к сожалению, это не удалось, подробности напишу в следующем письме). Говорят, что

Горбачев будто бы будет принимать Denninghaus'a, и при этом случае тот готов передать это письмо. Надеюсь, что Denninghaus, который является моим коллегой на факультете, придет к тебе. Его имя Friedhelm, он говорит по-русски. Он со мной организовал тогда в Дортмунде выставку и очень смело высказывался во время приема советской делегации о Сидуре. Он мне сказал, что для него и для некоторых других советских журналистов и ученых, по-видимому, устроят телеразговор в середине февраля в Москве...

Хорошо, что все-таки уладились отношения с Эдиком, я очень рад этому. При всех разногласиях (а может быть, только недоразумениях) с ним в последнее время перед Диминой смертью, хочешь не хочешь, а он был наш спутник в течение многих лет.

Целый последний викенд я переснимал около 150 слайдов Диминых скульптур для доклада в DFG по поводу установки «Эйнштейна». Доклад состоится 18 февраля в Бонне перед большой аудиторией. 13 февраля у меня будет конференция об Иванове и Топорове, 19–20 – конференция о Гаспарове, 22-го мы собираемся улететь до 10 марта в США. А до всех этих конференций и путешествий у нас еще 20-го встреча с Сашей и Ренатой в Бонне (это Гизелин день рождения), 21-го отборочная комиссия для студентов, желающих заниматься в СССР (DAAD). Потом поедем, по всей вероятности, в Мюнхен и в Берлин, но это пока еще не точно. Вот видите, какие у меня будут дела. Постараемся все-таки в это время писать.

Ответил очень любезно Петерс из Дюссельдорфа. Он будет в Москве с 23 по 26 февраля и постарается тебя навестить. Картина (вещь ???) Штейнберга, которая связана с Димой и со мной, уже находится в Цюрихе у Пешлера. Он мне только что написал об этом. Я пока не знаю, что это такое.

Юля, чтобы успеть на почту, я кончаю. Продолжение следует. Обнимаем.

2 Jul. (Продолжение). 15.1.1987

Юля, я должен был прервать письмо, потому что Гизела уже была по пути к почтовому ящику и я не был уверен, успею ли я. Вообще надо сказать, что все время спешу успеть в самые разные сроки. Все спрашивают. масса контактов

и начатых дел требуют свое. А физические и умственные возможности более чем ограничены. Так вот, я закончу 2 Jul. письмо. [...]

Написали Möckelmann'ы из Белграда. Они очень были огорчены смертью Сидура. Все время хотели вас навестить. Не успели. Письмо, которое они вам написали в сентябре, как я тебе сказал, я им вернул в то время. Они тебе еще напишут. Им, конечно, как всем нам, очень тяжело писать. Другое – это язык. Но Райнер скоро тебе пошлет письмо.

Я забыл написать, что мы собираемся приехать в Москву с 10 мая по 10 июня.

Выставка Deutsche Bank и Союза художников [Künstler Sehen Frieden und Krieg / Мир и война глазами художников] (Салахов и др.): после долгих разговоров в этой комиссии, в которых я интенсивно принимал участие, вышло так, что немецкая делегация договорилась в прошлое лето согласиться фактически с официальным советским предложением, которое, конечно, не предусмотрело Сидура, хотя именно у него даже скульптура с названием «Война и мир», т. е. с девизом самой выставки. Еще в сентябре я написал в Deutsche Bank обстоятельный комментарий о концепции, о выборе и т. д. Но ответа я никогда не получил. В связи с Рождеством я еще раз написал Кристиансу по этому поводу. Но до сих пор тоже еще ответа нет. В своем комментарии я указал на центральную военную тематику у Сидура и что его исключение было бы тождественно тому, как, например, не включить Otto Dix'a в немецкую часть этой выставки. Любопытно, будет ли еще ответ или нет. Я от себя был настолько недоволен выбором, что я голосовал против него.

Юля, я не забыл о перезаписи всех TV-материалов для тебя. Они лежат у меня уже некоторое время. Просто было некогда их еще раз переписать. Я тебя не забуду и надеюсь, что скоро смогу их вам послать. Я уже давным давно хотел их переслать вам. Некоторые вещи я сам недавно видел в первый раз.

Теперь о книге «Европа на пороге.» и об истории обложки. Вашик и Denninghaus на самом деле предложили в то время советской делегации поместить на обложку «...от бомб». Вроде бы делегация хотела обдумать это предложение. Кажется, что Палиевский был против, Кудрявцева была «без мнения». Насчет других не знаю. Как уверяют, сам Феликс Кузнецов

в присутствии представителей нашей делегации позвонил самому Болдину и сказал, что «они», т. е. немцы «настоятельно просят». Болдин – сегодня один из теперешних советников Горбачева по художественным вопросам. Сам Болдин считается прагматичным человеком говорят, что он открыл путь и Гумилеву. В конце концов вопрос обложки не был решен Болдиным, а Беляевым, зам. заведующего отдела литературно-художественных организаций при ЦК (заведующим был в то время Шауро, друг Барабаша Шауро и Беляев теперь на пенсии и больше повредить не могут, место Беляева получил некий Степанов). Беляев был против Сидура (неясно, посоветовался ли он с Союзом художников). Вариантом является информация, что в процессе разговоров об обложке обратились и к самому Яковлеву, который будто бы спросил, кто этот Сидур. Если мои информанты не ошиблись и к тому же и сам я все правильно понял, то Яковлеву понравилась военная судьба Сидура. Мне лично кажется, что вопрос обложки не сыграл сильную роль при публикации книги (важнее было все-таки ее содержание) и что поэтому более, чем естественным было, что ни Яковлев, ни Болдин не занимались этим вопросом, а оставили у Беляева его решение. Теперь на обложку дали «Мыслителя» Родена. Книгу я вам пошлю как документ, который только внешне не связан с вами! Ясно только одно: надо войти в контакт с Яковлевым при помощи Сагдеева или даже Велихова.

Приложу свой некролог, который только что появился в журнале *Osteuropa*.

Юля, я не успел исправить 2 часть, извини. Крепко тебя обнимаем. Передай сердечный привет и Мише, и Мите, и Юре, и Рите и Вове, и, конечно, Романчычу.

Самые нежные пожелания, милая Юля, от нас!

Gisela i Karl

Москва, 19 января 1987 г.

№ 3

Дорогие Карлуша и Гизела!

В этом году уже был в Подвале первый потоп. Наверху в беседе прорвало батарею и на нас текло двое суток. Потоп совпал с визитом пожарного инспектора. В основном текло около

двери, поэтому мы принимали Елену Константиновну Николину, можно сказать, «под дождем». Это оказалась очень милая женщина, примерно Мишиного возраста. Она пришла одна! Этот факт уже важен, потому что она действительно из пожарной инспекции, иначе обязательно были бы сопровождающие лица. Она не придиралась. Все посмотрела и сказала, у нас вполне хорошая мастерская и меры пожарной безопасности, в принципе, выполнены, за исключением некоторых мелочей. Но потребовала к 1 июня сделать одну наружную решетку открывающейся для запасного выхода, оборудовать специальное место для курения, чтобы рядом обязательно стояла урна с водой и вывесить таблички: «Запасной выход» и «Инструкцию по пожарной безопасности». Мы с Мишей пообещали все выполнить, подарили ей Димин буклет и натравили ее на собес, который нас беспрерывно заливает. От нас она прямо отправилась к ним. Проанализировав ее посещение, мы с Мишей пришли к выводу, что она пришла все-таки «по чьей-то просьбе», т. к. никогда еще пожарные не появлялись таким вот образом. Но эта «просьба» состояла в объективной оценке помещения как такового. Если бы Подвал был бы опасен в пожарном отношении, надо было принимать меры, то есть каким-то образом к нам придирались. Я сама ей сказала: «Вы, наверное, понимаете, что мы больше всех заинтересованы в пожарной безопасности». Она согласилась. Достала бланк со стандартным «Предписанием» и спросила, может ли она в графе «директору» поставить мое имя. Я сказала, что вполне может, потому что если договор изменится, то предписание можно будет всегда переписать. Итак, для пожарных я теперь «директор мастерской совместно с Сидуром Михаилом Вадимовичем».

К сожалению, последствия потопа более плохие, чем визит пожарницы. Вода в основном довольно сильным потоком лилась на входные двери. При морозе они обледенели. Мы приехали в Подвал вчетвером: Володя Бродский, Юрочка, Вовка и я. Позднее приехал Миша. Одна я бы, конечно, никогда не справилась. Пришлось топором скалывать лед, потом жечь газеты, чтобы разогреть лед в замке и растапливать лед по всему периметру двери. Наконец, худо-бедно в подвал мы вошли, потратив на это времени больше часа. Внизу перед самой дверью вода тоже заледенела, пришлось ее тоже раскалывать

и чистить всю лестницу. Пришли местные умельцы-слесаря, стали сразу же предлагать откручивать у нас какой-то столетней давности кран и спускать воду в подвал, чтобы потом она ушла под землю, то есть сделать у нас потоп уже не только в одном месте, а по всему помещению. Я сказала им, что за тридцать лет уже доказано, что все поломки в отопительной системе надо искать не у нас, а в другом месте. Тем не менее, один незлой варвар все-таки потребовал снять «Хула-хуп», потом взял в свои неосторожные руки скульптуру «Он». Скульптура в керамике, поэтому он тут же ненарочно отломил у нее ногу.

Теперь надо ее реставрировать, а еще лучше отлить в металле. Это событие еще раз доказывает необходимость отливок.

В итоге пришел еще один слесарь, и вместе они убедились, что действительно поломку надо ликвидировать не у нас, а на восьмом этаже. Они ушли и через несколько часов аварию устранили. Нам это стоило одной поломанной скульптуры и до сих пор у нас все плохо с дверями. Внутренняя дверь открывается с большим трудом, а наружная вообще не открывается и не закрывается. Поэтому сейчас мастерская закрыта только на одну дверь. Наружную надо основательно чинить. Я уже созвонилась с плотником, и если ничего не изменится, в субботу он придет и постарается что-то сделать. Наружную дверь мы подпираем доской. Каждый день туда ходим и проверяем, все ли в порядке.

Только что меня посетил Клаус Шр. Он просил меня достать ему билеты на фильм «Покаяние». Мне удалось это сделать. Он сказал, что твое письмо Д.С. Лихачеву и каталог все еще находятся у него. Он от меня узнал, что, в принципе, Лихачев живет в Ленинграде, а не в Москве. Так что еще неизвестно, когда твое письмо попадет Д.С. Лихачеву в руки. Сегодня я может быть узнаю, удалось ли передать Лихачеву мое письмо. Сегодня опять на Таганке идет спектакль «Дом на набережной» и актриса Т.Н. Журавлева должна приехать из Ленинграда.

Где-то в начале февраля я тоже дня на два должна буду съездить в Ленинград с Мишей и родственниками Левы Асламова. Позвонил скульптор Саша Позин и сказал, что модель почти готова. Если мы примем рабочую модель, то можно будет уже рубить скульптуру в камне.

Твое письмо Лихачеву очень хорошее, мне его перевели, также и телеграмму Петры Келли и Герта Бастиана. Не знаю, поможет ли нам это или нет, но уже сам факт, что они ее написали, мне очень приятен. Мы, сидя у нас в подвале, как раз много говорили о том, что многие депутаты Бундестага и вообще других правительств, имея большие возможности помогать людям, ничего не делают. Говорят, что Петра Келли и Герт Бастиан снова будут в Москве с 10 по 16 февраля. Они будут очень заняты на каком-то симпозиуме, но Хабер сказал, что он обязательно скажет им, что я очень хотела бы снова их увидеть. Я бы с удовольствием показала им нашу квартиру.

Очень теплое письмо мне написали Бютнеры. Приглашают к себе. Я им обязательно отвечу. Пока не решится вопрос с мастерской, я никуда не могу отлучаться, не имею права! [...]

Пленум ЦК КПСС отложили снова до середины февраля. Явно идет очень серьезная борьба. Надеюсь, что Горбачев победит. Во всяком случае, я ему этого желаю.

16-го был прием в вашем посольстве. Была масса народу. Теперь Алика Киселева после того, как г-жа и г-н Каствль посетили его спектакль, приглашают на приемы через меня. Были все те же лица: Кабаков, Брусиловский, Сапгир и прочие. Огромное количество всяких официальных лиц. Вознесенский мне сказал, что если будут какие-то заявления от Велихова, Мигдала и прочих по поводу наших дел с мастерской, чтобы я смело его вписывала, без предварительных консультаций. Я сказала, что такое письмо уже было. Он меня поразил своей информированностью. Он не только знал, что Дима умер, но и был знаком с иностранной прессой по этому поводу. Тем не менее я ему не верю ни на грош, я имею в виду, что он пальцем не пошевелит ради того, что ему лично не принесет конкретной выгоды. И вообще, не люблю «обслужу» при власти. Он и Евтушенко всегда были «обслужой слева» при всех царях. Еще один интересный факт – все иностранцы знают, что Дима умер, а советские многие узнали только на этом приеме. Марик Розовский, Виктор Славкин, Ольга Трифонова – все узнали только на этом приеме и тут же спросили: «А как с мастерской?».

Большие волнения происходят в связи со смертью Эфроса. Я считаю, что ничего другого с ним произойти не могло после того, как он, в принципе, очень хворый человек, влез в Театр

на Таганке со всеми драматическими событиями, которые там произошли. Влез, надо сказать, в сговоре с властями. Мне, честно говоря, удивительно, что он не умер раньше от всего, что там за эти три года произошло. Любимов крутит изо всех сил: то он возвращается, то не возвращается. Я считаю, что ему 70 лет, он тоже не так здоров и возвращаться ему не надо. А то приедет и загнется! Так считают очень многие, кроме Татьяны Жуковой, которая все время твердит: «Мастер должен умереть на родной земле!».

Киселев, которого сейчас хвалят и ласкают со всех сторон, находится в диком конфликте со своим собственным коллективом. На днях пришел ко мне черный, страшный, сказал, что ему необходимо «поделиться», а не с кем. Сказал, что артисты его обнаглели, не слушаются, не делают то, что он требует. Его жена Раса устраивает ему истерики и тоже не слушается. У них на репетиции был дикий скандал. В итоге он дал по морде Расе, а еще одному сказал, чтобы тот больше не приходил вообще. Почти принял решение, что он отказывается от своего театра и будет работать только с двумя девочками: то есть с Расой, с которой, как он сказал, все будет в порядке, и с Аэлитой, – это молоденькая, очень симпатичная девочка с Кавказа. Это, по-моему, единственная актриса, к которой он не имеет никаких претензий. Действительно, я видела ее в начале и сейчас. Она невероятно выросла в актерском плане. Я долго Алика успокаивала, отпаивала чаем, убеждала не делать поспешных выводов, а главное, не довести себя до инфаркта, приведя в пример смерть Эфроса. В это время в подвале его ждали Раса и Аэлита. На другой день мы ходили все вместе на прием. Я шутя сказала Расе: «Вы бы поаккуратнее, а то угробите вашего режиссера и все кончится». Раса была в очень хорошем настроении. Она мне сказала: «Актер тоже человек, а Олег этого не понимает».

Карлушенька, копия Диминого фильма на кассете очень хорошая. Качество вполне приличное. Наше качество ужасное! Поэтому я ожидала, что и ваша кассета будет плохая, но все получилось отлично. Ее вполне можно показывать людям, что мы и делаем. Очень приятно было смотреть на другой материал, записанный после фильма. Там «Памятник погибшим от насилия», но только сбоку, потом какая-то выставка, очевидно в Касселе (?), потом скульптуры, рисунки, фотографии

Димы с кошкой и интервью с тобой. Качество изумительное. Жалко, что мало. С нетерпением ждем других материалов по ТВ.

Ты прислал очень хорошую машину «Бош», но не ту! Романыч говорит, что машина замечательная, и нам безусловно пригодится. Но сломалась другая «Бош», это дрель. Кармен сказала, что у вас она называется «бормашина». Именно такой машиной была у нас «Бош» и именно она сломалась! Романыч ее сумел каким-то образом починить через какие-то свои связи с летчиками, то ли вертолетчиками. Они нашли ему необходимую деталь. Но «Бош» несколько потеряла в своем качестве, а главное, в любой момент может снова сломаться. Другая машина с абразивными кругами, АЕГ, пока работает прилично, но та, которую ты прислал, ни в коем случае не помешает, а поможет. Романыч сказал: «Ведь Карл видел нашу “Бош”, я был уверен, что он понимает, о чем идет речь». Я, честно говоря, тоже была уверена, что «Бош» у нас единственная, ты же нам ее и покупал, поэтому ты знаешь, о чем идет речь. Короче говоря, то, что ты нам прислал, очень хорошо и полезно, но «Бош»-дрель для обработки металла с шарошками нужна по-прежнему.

Еще одна просьба: очень хороший адвокат, который нам безотказно и всегда помогает во всех трудных ситуациях (тоже когда-то учился в моей школе), нуждается в западно-германском лекарстве Штайнамид (препарат, дробящий камни в печени). Мы непрерывно обращаемся к нему за консультацией, и он всегда помогает. Очень прошу прислать этого лекарства на курс. [...]

Все чаще появляются статьи об открытии Новодевичьего кладбища. Это единственное в мире кладбище, закрытое для посетителей, потому что «маршала» там захоронены, а их родня не хочет, чтобы народ туда ходил и любовался кошмарными созданиями на их могилах: огромными головами, бюстами, орденами и прочее.

Романыч очень благодарен за книгу.

Позавчера в Москву прибыла Анника. Мы с ней провели целый день. Скоро она опять придет, после шести часов. Она сказала, что читала у себя в Швеции Димины стихи, и их очень хорошо приняли. Макет книги про Диму у них готов. Теперь речь идет об издательстве, и, конечно, встанут финан-

совые проблемы. Я сказала, что по этому поводу они с Ларсом, как всегда, должны быть в контакте с вами.

Фотографию Гроссмана найти не могу. Посмотри, Карлуша, не лежит она где-нибудь у тебя? Хотя, скорее всего, она дома, но найти я ее не могу.

Посылаю, как всегда, всякие любопытные газетные вырезки.

Почти решено, что мы едем в Ленинград 29 января и возвращаемся обратно 31-го.

Крепко вас обнимаю. Привет всем и от всех.

Юля

PS. Карлуша, пожалуйста, переведи и отошли письма Петре Келли и Герту Бастиану, а также г-ну Беккелю. Бютнеры, я думаю, сами сумеют перевести.

22.1.87

Дорогая Юля!

Мы были у Саши с Ренатой и миленькой Алис. Она, т. е. Алис, такая миленькая, спокойная и умная, просто невероятно. Жаль, что ты не можешь ее видеть. Дни в Бонне и работа в выборочной комиссии были, как обычно, невероятно спрессованы. При этом случае я передал Doris примерно 100 каталогов и договорился насчет своего доклада в DFG и насчет нашего пребывания с 10 мая по 10 июня в Москве. Обо всем остальном я напишу тебе на следующей неделе. Обнимаем крепко, твои

Gisela и Karl

Москва, 24 января 1987 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

[...] Позвонил Михаил Фляйшер. Мы с ним встретимся после моего приезда из Ленинграда и он мне передаст книгу (очевидно, «Европа на пороге третьего тысячелетия»). Я уже имею такую книгу по-русски с «Мыслителем» на обложке.

Очень интересно все, что ты написал о слайдах для ДФГ, и вообще я прекрасно понимаю, как вы заняты, сколько вам

приходится вкалывать! Ваши имена все время витают между нами, так что можно подумать, что вы находитесь не в другой стране, а постоянно присутствуете где-то рядом.

У нас большая радость – мы починили двери! Таким образом, смогли ликвидировать неприятные последствия последнего потопа.

Романыч обработал уже 46 отливок. Новая машина оказалась весьма кстати. АЕГ как раз начала работать хуже, а тут без всякого перерыва подоспела новая «Бош». «Бош» старого типа, то есть дрель, необходима чрезвычайно.

29-го едем с Тамарой Бреус в Ленинград принимать модель Льву Асламазову, возвращаемся 31-го. Я уже целую вечность никуда не ездила, поэтому для меня это кроме дела еще и непривычное путешествие.

Карлуша, я постараюсь переслать [...] еще один экземпляр Диминых стихов. Оказывается, Анника всех стихов не имеет. Она получила от тебя только последние Димины стихотворения, написанные в больнице. Я была уверена, что у нее есть стихи, потому что она написала, что перевела все стихи, читала их на каких-то конференциях и они произвели большое впечатление и кто-то даже потерял сознание. Но потом выяснилось, что она перевела только те стихи, которые она выудила из моей последней повести «Призрак бродит в сверхдержаве». Там в одной главе я использую около десятка Диминых стихов из его цикла «Самая счастливая осень» 1983 года. В этих стихах я даже допустила небольшие изменения, так как это было мне необходимо для моего текста. Я очень прошу тебя отправить Аннике ксероксы всех Диминых стихотворений. Если же мне удастся отправить еще один экземпляр (я еще пока в этом не уверена), то ты можешь просто оставить его себе.

Мы сейчас с Анникой часто, почти ежедневно, общаемся, она уезжает из Москвы 1 февраля. Мы с ней договорились, что она переведет все Димины стихи и начнет потихонечку переводить «Миф».

От всей души поздравляю Гизелу с днем рождения и очень хочу, чтобы она выбрала себе какой-нибудь рисунок: черно-белый, цветной или акварель в подарок. Мне это будет очень приятно!

Если ты напишешь письмо Горбачеву, то, разумеется, хуже не будет. Будет так, как есть, или лучше. Если же г-н Ден-

нингхаус сумеет его передать лично, то это будет прекрасно! Я с удовольствием с ним встречусь, когда у него в Москве появится такая возможность.

Очень любопытно все, что ты написал об обложке книги «Европа на пороге...». Сами видите, на каком высочайшем уровне решается судьба всего лишь одной картинки! Вся наша деятельность сейчас в борьбе за мастерскую упирается еще и в снятие запрета с самого имени Сидура. Первый шаг, робкий, но все-таки, уже сделан с появлением буклета. Теперь мы делаем следующие шаги. Что же меня действительно потрясает – это продажная суть некоторых ваших деятелей, несмотря на то, что они проживают в условиях «свободного мира». Впервые мы столкнулись с этим явлением в случае с Людвигом, а теперь Кристианс. Оба они были у нас в мастерской, оба восхищались работами Сидура, оба имеют эти работы в своих личных коллекциях, и оба продали его сначала при жизни, а теперь попирают его память. Их беспринципность и бессовестность удручает меня больше, чем наши привычные хамство, пренебрежение и ненависть. Итак, как это ни прискорбно, «рука Москвы» все-таки существует, а ваши некоторые миллионеры, воображающие себя меценатами и желающие остаться в истории как положительные персонажи, ведут себя, к сожалению, безобразно. Будь готов, Карлуша, что они могут начать вредить и тебе, потому что ты мешаешь им в их бизнесе. В данном случае ваша мафия замечательно блокируется с нашей, и тех, кто им мешает, они общими усилиями стараются спихнуть со своего пути. Скорее всего, они постараются выгнать тебя из своей комиссии по искусству. Но ты плюнь! Мы и без них переживем. Есть много других людей и даже других «миллионеров», таких, например, как Удо ван Метерен или погибший Йорген Понто.

У нас большая радость – перестали глушить Би-би-си! Надеюсь, что скоро перестанут глушить «Голос Америки» и «Немецкую волну». Кстати, если вы едете в США, то, во-первых, передайте большой привет Давиду, а, во-вторых, в русской секции «Голоса Америки» существует рубрика «Искусство сегодня», ведут эту рубрику Вера Спаская и Александр Бочан. Было бы неплохо, если бы они кое-что рассказали о Диме. Если бы у них в Вашингтоне была какая-нибудь информация о нем, они бы, я думаю, рассказали бы о Сидуре также, как они делают это о других русских художниках.

Например, я слышала передачу о Кабакове, переданную из Парижа.

Искусствоведы Юрий Тамойко и Александр Шумов попробовали протолкнуть статеечку в виде некролога в нашу московскую газетенку «Московский художник». Они взяли текст письма-ходатайства академиков и прочих, немного добавили своего (несколько фраз) и, вопреки ожиданию, главный редактор, человек по фамилии Бычков, сказал, что, возможно, материал пойдет «в следующем номере». Если это действительно состоится, то это будет еще один факт снятия «запрета с имени».

И теперь самое главное событие! Виталий Гинзбург написал собственное, очень, на мой взгляд, сильное письмо в «Литгазету» про Диму, и в основном все, что он там написал, сводилось к тому, чтобы нам оставили подвал. Через «Литгазету» он написал открытое письмо с обращением в Советский фонд культуры. Сегодня утром мы с Мишей были у него, он хотел взять несколько фотографий установленных на Западе, то есть в ФРГ, работ, и уточнить кое-какие детали. Он, конечно, ссылается и на письмо-ходатайство академиков и писателей. Пересказать это письмо трудно, поэтому я его вам вышлю, как только оно будет готово. Вите идея написать собственное письмо пришла на даче в субботу. Он уже оттуда позвонил мне и сказал, что проснулся в пять часов утра, потому что идея не давала ему возможности заснуть. В воскресенье он сказал, что счастлив вернуться домой, потому что подвернулась машина с okazji, возвращающаяся в Москву уже днем, а не вечером, и тут же предложил мне приехать к нему домой слушать, что он написал. Для меня это было неожиданно, потому что мы всей нашей компанией, а главное с Анникой, должны были идти в Театр на Таганке смотреть восстановленный любимовский спектакль «Дом на набережной». Тогда Витя тут же прочитал мне письмо по телефону. Мне очень понравилось, и он пригласил нас с Мишей на сегодняшнее утро. Сегодня мы все более или менее уточнили. Вполне возможно, что это письмо не будет напечатано в «Литгазете», хотя к Вите там очень хорошо относятся. Но мы все решили, что сам факт письма – очень важен. Вы обязательно будете его иметь.

Театр на Таганке вызывает очень грустные чувства. Он в полном упадке. Спектакль хороший, но потускневший. Нет

трех великолепных актеров: двое ушли (Смехов, Филатов), Антипов впал в запой и не явился. Две замечательных актрисы: Жукова и Селютина не смогли его весь удержать на себе. Одним словом – дом без хозяина, сирота!

Володя Бродский лежит с флебитом на ноге. Это человек, который совершенно не бережет свое здоровье. У него уже с ногой было плохо, но он пошел в сауну и сделал себе настоящее воспаление.

Алик Киселев, что называется, «допрыгался». Я все время ждала, что с ним что-нибудь произойдет. Никто не может постоянно выдерживать такое дикое напряжение. Вчера его увезли по скорой с острым приступом то ли панкреатита, то ли колик в желчном пузыре. Ждем звонка от Расы. Это произошло именно сейчас, когда у него идут спектакли, дают помещение и т. д. В общем, берегите здоровье, мои дорогие!

Некролог в «Остевропа» получила, открыточку с «Таммом» с обратной стороны – тоже. Спасибо!

Крепко вас обнимаю. Привет всем и от всех.

Юля

29.1.1987

Дорогая Юля!

Опять спешу. Позвонил Г. Бастиан. Приедет с Петрой 10 февраля. Оба собираются передать М.С.Г. специальное письмо по поводу мастерской.

Фрезы для металла еще следуют. Лекарство уже по пути, к тому же и 100 каталогов.

Привет большой, обнимаем.

Гизела и Карл

P.S. Как прошла поездка в Ленинград?

Москва, 4 февраля 1987 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

[...]

1). Я ошиблась. AEG работает прилично. Сломалась Fein. Поэтому Романыч счастлив, что есть новая Bosch!

2). Поездка в Ленинград оказалась необходимой. В рабочей модели памятника Леве Асламазову пришлось вносить очень много исправлений.

Но скульптор – хороший симпатичный парень и, я надеюсь, все сделает хорошо.

3). Посылаю вам два важнейших документа: статью «Памяти Вадима Сидура» в «Московском художнике» и статью Виталия Гинзбурга для «Литгазеты». Мы все очень сомневаемся, что она будет опубликована даже в подверженном цензуре варианте. Тем не менее, я очень рада, что такая статья есть. Мы посмотрим, как будут развиваться события. Может быть, она тебе пригодится когда-нибудь для публикации.

Когда будет возможность для регулярной переписки, напишу подробнее. Крепко вас обнимаю. Большой привет от всех.

Юля

Москва, 9 февраля 1987 г.

№ 5

Дорогие Карлуша и Гизела!

[...] У нас сейчас происходит очень бурная жизнь. На первый взгляд, выглядит все это довольно приятно, но недоверие, осторожность, пессимизм все-таки еще велики среди всех слоев общества. Бюрократы сопротивляются отчаянно, но разница уже состоит в том, что их сопротивление показывается по ТВ. Правда, показывается не самый высокий уровень и даже не средний, но все равно интересно за всем этим наблюдать. Столица переполнена слухами: Астафьев якобы написал письмо Лигачеву в Политбюро о своем недовольстве новыми порядками. Когда его спросили, почему он не в партии, он вроде бы ответил, что он не в ней потому, что ее создали евреи. Некая искусствоведка из МОСХа по фамилии Брюсова написала письмо в ЦК, где требует создать новый союз художников специально для евреев, т. к. они не дают расцветать истинно русской культуре. Есть сведения, что Раиса Максимовна Горбачева на самом деле имеет отчество Максудовна, что указывает на мусульманское происхождение, скорее всего, татарское. Самый идиотский раньше журнал «Огонёк» стал очень прогрессивным. Газета «Московские новости» читается без

подтекста, как самая настоящая свободная неподцензурная пресса. На этом фоне бывшая либеральная «Литгазета» сейчас выглядит более чем умеренной, за исключением статей Аркадия Ваксберга о нашем правосудии, от которого волосы становятся дыбом. Например, чего стоит одна только цитатка женщины-судьи: «Если подсудимого не побить, разве ж он признается!».

Позавчера у меня в гостях были Эльфи Зигль и Кабаков. Эльфи сказала, что она дружит с Петрой Келли и Гертом Бастианом. Они рассказали ей о посещении Диминого подвала и если смогут, то вновь придут вместе с ней ко мне домой. Я, конечно, буду счастлива с ними увидеться, тем более что они, как вы пишете, собираются передать письмо Горбачеву насчет подвала. Эльфи сказала, что она виделась с Велиховым и что тот будто бы сказал, что все в порядке у нас. Я сказала Эльфи, что Велихов, к сожалению, ошибается. У нас все как было, так и осталось. У него или неправильная информация, или же он принимает желаемое за действительность. У нас пока что ничего не изменилось. Алик Киселев помог нам связаться с одним своим другом, который является начальником ЖЭК или ДЭЗа. Он устроил Алику подвал, за который Алик ничего не платит, т. к. живет там по благу. Это было совершенно ужасное помещение, загаженное и захламленное. Алик со своими артистами привели его в порядок. Теперь это очень уютное помещеньице, полуподвал, где Алик живет, репетирует и беседует по телефону. Но арендовать его Алик не может, т. к. не имеет на это права, он не является членом никакого творческого союза. Но теперь его положение изменилось и ему дают изумительное помещение в Перовском районе под театр-студию.

У нас другая проблема – нам нужна аренда! Именно она дает гарантии на сохранение мастерской на законном основании, постоянно продлевая договор с Худфондом. Если формально выполнять указание бюро скульптурной секции, то мы взамен нашего подвала должны дать что-то в таком же духе от искусствоведов. Аликов друг сказал, что у него помещение есть, но оформить аренду с художником очень трудно, т. к. невыгодно. В общем, Миша этим занимается.

Статья Гинзбурга в «Литгазету» не безнадежна. Она может пойти, если Витя согласится на сокращение и небольшие из-

менения. Он человек принципиальный, но сказал, что за одно-два слова стоять не будет, хотя всему есть пределы.

Мы виделись с Клаусом Шрамайером на даче в Серебряном Бору на концерте советского джазового ансамбля. Он передал мне тексты твоей книги на русском языке, три журнала «Вестерман С». Они начали наконец заниматься твоим наследством. [...] Нам удалось заверить твою копию «завещания». Теперь им остается только добиться у министерства культуры экспертов по оценке, и тогда мы сдвинемся с мертвой точки.

Твое письмо Лихачеву все еще находится у Шрамайера. Лично он не сумел его передать, но разговаривал с чиновником из Советского фонда культуры Мясниковым, и тот якобы пообещал передать это письмо и каталог академику Лихачеву. Этого Мясникова я видела по телевизору и слышала его неинтересные высказывания. Основное качество таких людей – бюрократическая непроницаемость. Кабаков рассказал про выставку, которая сейчас происходит в новом выставочном зале на Каширке. Эту выставку, где участвуют 60 человек, все они члены Союза, практически уже закрыли за все грехи, какие только возможны. Савостюк лично сказал, что он никогда эту выставку не откроет. К тому же в последний день пришла некая маленькая противная дама из МК (мы потом с Эдиком вычислили, что это та самая дама, которая на его фотовыставке запретила все, что связано с именем Сидура), возмутилась увиденным и сказала, что она ничего не подпишет. Такие дамы или комиссии из двух-трех человек появляются в самый последний момент после всех невыносимых кастраций и выхаживают уже то, что они сами тут же и придумывают. Оттого любые выставки наши официальные столь невыносимо убогие. Итак, судьба выставки была уже решена и вдруг на каком-то совещании происходит заседание во главе с министром культуры Захаровым. Он громит всю нашу культуру, говорит, что не дают житья молодежи, что откроются выставки-продажи и салоны по всей Москве и вообще очень прогрессивно все говорит. Ситуация немедленно меняется – на выставку приезжает все тот же Савостюк и парторг МОСХа Лушников (вспоминаете – ровно год назад они были у нас, именно эти двое, и «проводили беседу» с Димой?) и предлагают свою помощь. Выставка тут же открывается. Если нас ничего не задержит, мы с Эльфи хотим посетить ее в четверг.

Кабаков выглядит совершенно великолепно. Очень нарядно одет, привез большую кипу отзывов французской прессы на свою выставку в Париже. Сказал очень интересную вещь – оказывается его выставка в Париже в Музее Ротшильда состоялась под эгидой нашего министерства культуры!

Большое вам спасибо за новый «Бош», журнал со статьей Герке, письма Флиднера и Копелевых, а также отрывок из новой Раиной книги, где она пишет об Искандере и немного о дружбе Димы и Карла. Мне вся эта глава очень понравилась и хотелось бы прочитать всю книгу.

Если будете общаться с Аллардтами, передайте им от меня большой привет, я уже видела на фотографиях их очаровательную дочку Алису-Софию.

Романыч говорит, что новый «Бош» – отличная машина, такая же замечательная, как и недавно посланная.

В нашей районной нотариальной конторе начальница уже привыкла к Мише, встречает его как хорошего знакомого и без труда заверила ксерокопию Диминого завещания на тебя. Если Шрембгенс договорится насчет оценки через министерство культуры, то, бог даст, мы пройдем еще один этап в этом деле!

Саша Шумов пытается пробить статью про Диму в журнале «Творчество». Поглядим, что из всего этого выйдет.

Не раздумали ли в Вюрцбурге ставить «Памятник погибшим от бомб» и «Эйнштейна» в Ульме? Ребята-искусствоведы перепутали, и в «Московском художнике» опубликовано, что как будто «...от бомб» уже стоит.

Не забудьте передать привет Дорис, а также Андрею и Еве, если они вам позвонят.

У меня накапливаются открытки Гизелы, которые замечательно выглядят. Очень благодарна за сто каталогов! Я их еще не получила, но слышала, что они уже прибыли.

Крепко вас обнимаю. Мы все ждем вас в мае.

Юля

11.2.87

Юленька!

Предстоят два-три события: 1) Конференция об Иванове и Гопорове (13 февраля). 2) Доклад в DFG. 3) Конференция журнала Osteuropa по поводу Горбачева. Я страшно занят.

Вчера я узнал о слухах в Чехословакии, будто бы Шевард-надзе сказал там, что оккупация 1968 года была большой ошибкой. Трудно поверить.

Напиши подробно, как у вас ситуация, как атмосфера внутри Союза художников и т. д. Всё страшно интересно для нас.

Обнимаю, всем привет от нас. Ваши/твои
Гизела и Карл

P.S. Хочу закончить подготовку для книги о 70-х. Будут ли еще фотографии от Юры? По-моему, да. Хорошо было бы иметь их к концу марта – началу апреля. Раньше я не успею. Слишком много дел подряд.

Книжки с эскизами уже в Германии, по-видимому, только 18-го я их получу (в связи с докладом). Со временем я их пересниму и пошлю вам контрольки. Я уже начал с составления специальной картотеки для эскизов и рисунков. Иначе не разберешься.

Обнимаю еще раз! Carl

Москва, 15 февраля 1987 г.

№ 6

Дорогие Карлуша и Гизела!

После твоего звонка, Карлуша, произошли еще кое-какие события. Во-первых, я два раза встречалась с Петрой Келли и Гертом Бастианом. Это были очень сердечные и дружеские встречи. Помогла во всем и организовала их Эльфи Зигль. Мы виделись 11 февраля дома и 14-го в мастерской с еще довольно большим количеством людей, прибывших на форум из ФРГ, Австрии и Швейцарии. У нас дома, благодаря видео, я смогла показать маленький сюжетик, записанный после Диминого фильма на выставке в Касселе. Я, конечно, не собиралась утомлять их большим и серьезным Диминым фильмом, но на вопрос, как выглядит Карл Аймермахер, они получили вполне удовлетворительный ответ, включая фотографии, где ты изображен.

Они очень восхищались всем, что увидели. Шкафы их потрясли своей Райской жизнью в коридоре. Все, что происходило у нас дома, Юрочка заснял на видео. Петра и Герт пода-

рили мне много интересных материалов: подборку материалов о смерти Марченко, очень много о деятельности их самих как партийных деятелей зеленых, наконец, Петра подарила коллаж, который она сама сделала. Коллаж очень приятный – фотографии, снятые в мастерской, где все мы находимся среди Диминых работ, портрет Бойса и обложку Берлинского каталога, где Дима лежит в траве среди своих скульптур. Еще Петра подарила свою книжку на английском языке

«Файтинг фор хоуп». Были у нас в это время еще Бродские и двое Эльфиных знакомых из ГДР, которые боялись, чтобы мы их не снимали, поэтому их в кадре нет. Фильм получился очень интересный, хотя иногда не хватало света и цвет несколько тускловат. Я думаю, что мы сделаем для вас копию этого фильма. (Кассетки понемногу заполняются и скоро будут нужны новые пустые кассеты ПАЛ ВХС). Я давно уже не встречалась с людьми, которые бы вызвали такое полное взаимопонимание и такую огромную симпатию, как Петра и Герт. Я впервые вижу настоящих идеалистов в лице политических деятелей. Даже очень симпатичные политики всегда прагматики. Эти – нет. Может быть, это хорошо, что они никогда не придут к власти. Обычно к власти приходят люди хоть чем-нибудь «запачканные» – это могут быть безобидные компромиссы (на первый взгляд) или же мелкие или крупные преступления. Именно эти зеленые (вполне возможно, что существуют другие) не способны ни на какую грязь! Лично для меня это открытие. Хорошо, что они пришли домой и увидели живопись и графику. Петра – человек непосредственный, она тут же сказала, что Дима художник гениальный, и спросила, почему его работ нет в музее Гугенхайма в Нью-Йорке. К сожалению, не все гениальные быстро попадают в музеи, хотя в итоге как-то так случается, что действительно значительные художники по происшествии времени попадают в музеи. Я очень рада, что Димины работы есть в Бохумском музее и немного в Касселе. Это очень неплохое начало, принимая во внимание еще и тот факт, что у него много установленных работ.

Второе интересное событие – это то, что Эльфи, Герт и Петра встретились с Д.С. Лихачевым. Они все сказали ему про Сидура, что могли, и были удивлены, когда Лихачев вдруг сказал: «Я в курсе дела. Во вторник состоится заседание на-

шего фонда, и мы этот вопрос рассмотрим». Кстати, Петре и Герту я подарила «Загорающую» на память о Диме.

Еще одна встреча у нас произошла в мастерской. Было много людей, которые у вас, говорят, очень известны. Про Гюнтера Вальрафа я тоже читала. У него была камера видео нового типа, совсем маленькая, с такой же кассеткой, как на обычном магнитофоне. Еще были: психиатр Рихтер, который сказал, что обязательно тебе напишет, чтобы ты прислал ему каталог, какие-то швейцарцы и австрийцы. Все очень симпатичные и все утром (14-го) присутствовали на форуме. Один хитрый человек по имени Фридрих Хицер отлично говорил по-русски и сказал, что знает очень хорошо твое имя. И, конечно, были мои любимые Петра Келли и Герт Бастиан. Я, когда смотрю на них, мне плакать хочется. Почему-то они напоминают мне нас с Димой. Все очень хорошо все посмотрели и сказали, что обязательно помогут, когда будут встречаться с нашими. На прощание я подарила каждому один Димин рисунок черно-белый 1984 года. В общем, от этих встреч и у всех, кто присутствовал из наших (Юра, Миша, Володя с Ритой) остались самые замечательные воспоминания. [...]

Юрочка сейчас много снимает и на фото, и особенно на видео. Кое-что получается просто очень здорово. Мы сейчас решаем всякие технические проблемы – как можно монтировать видеофильмы. Потому что материала очень много и монтаж совершенно необходим. Это будет авторский Юрочкин фильм и, по-моему, он должен быть хорошим.

Послала вам книгу «Московские скульпторы» и журнал «Творчество», где опубликованы статьи о скульптуре моих новых молодых друзей: Саши Шумова и его жены Татьяны Сукоян.

Получила от Збышека Шмурло журнальчик «Галерея Эль». Качество плохонькое, но материал большой про Диму. Все взято из каталога выставки в Бохуме.

Еще до поездки в Ленинград мне позвонил Михаил Фляйшер. Я взяла у него телефон с тем, чтобы позвонить ему по приезду, но потом его потеряла. Напиши ему, пожалуйста, чтобы он позвонил мне снова.

Теперь наследство. Шрембгенс сейчас старается изо всех сил, но его, как говорится, отовсюду «отфутболивают». Я, наконец, добилась, телефона человека, от которого зависит

охрана памятников и т. д., некий Попов Генрих Павлович. Именно он главный начальник по оценке. Чувствует мое сердце, что получать тебе «Гробы» и «Пророков» будет нелегко. Но будем потихонечку что-то делать.

17 февраля. Только что мне позвонила Нина Гинзбург. Вити не было дома, и она сама говорила с редактором из «Литгазеты». Их начальство требует изъять из статьи Гинзбурга любые упоминания о памятниках в ФРГ. Если Гинзбург на это согласится, то материал уже подписан в печать. Я не совсем уверена, что Гинзбург на это согласится.

Вчера слушала и смотрела по ТВ речь Горбачева на международном форуме. Все звучало очень приятно. А главное – обрати внимание на статеечку из «Правды», где написано, что Горбачев встретился с «депутатами Бундестага от партии зеленых П. Келли (ФРГ) генерал-майором в отставке Г. Бастианом (ФРГ)».

Новые сплетни из МОСХа. Будет какая-то конференция художников. Упорные слухи о том, что слетят Пономарев, Савостюк, Салахов и кое-кто еще. Во всяком случае, Королева, вроде, отовсюду поперли, оставили только в Третьяковке. Еще одна интересная новость. Мишин отчим, художник Слепышев, написал весьма любопытную книгу о московских неофициальных художниках. Несмотря на наши давние с ним нелады, я имею в виду в основном 71-й год, когда Миша убежал из своей семьи к нам, с годами все эти неприязни сгладились, а что касается Мишиной матери, то с ней отношения просто идеальные. Со Слепышевым тоже весьма терпимые, хотя и на расстоянии. Но как бы там ни было, книгу он написал чрезвычайно интересную, хотя и не лишённую недостатков. В основном то, о чем всегда говорил Дима: «Грязно, сыро, раздуто» и т. д. Главный герой книги – Кабаков, но масса интереснейших сведений о других: Шварцмане, Вейсберге, Янкилевском, кое-что становится известным о самом авторе, не столько как художнике (его довольно хорошо знают в ГДР), как о личности. Невероятна его эволюция с начала 70-х годов. [...] Сейчас все изменилось. Слепышев принимает самое активное положительное участие в нашем деле, помогает советами, чрезвычайно вежлив и доброжелателен с Мишей.

Короче говоря, он написал книгу интересную, информативную и полезную. Я считаю, что для Карла она была бы невероятно ценной.

Дорогие мои, я крепко вас обнимаю. Передаю привет от всех. По возможности жду ответа. Присылайте почтовые марки и пустые видеокассеты. С нетерпением ждем в Москве. Крепко, крепко обнимаю!

Юля

21.2.87

Дорогая Юля!

О нашем новом Обществе по восточноевропейской культуре, председателем которого я стал, были еще другие газетные статьи. К сожалению, пока у меня нет копии. Пошлю их для вас позже. [...]

Крепко обнимаю.

Karl

21.2.1987

3 Jul.

Юленька!

Уже поздно, фактически мы перед отъездом. Спешу. Мы получили: №№ 5 и 6, «Творчество», «Московские скульпторы», много газетных вырезок, письмо Гинзбурга и другие материалы. Огромное спасибо за всё. Постараемся и от себя послать всё, что надо.

Письмо Гинзбурга просто отлично, прямо в точку. Надеемся, что оно, в принципе, пройдет. Видно, что у Шумова точное знание, жаль просто, что то, о чем он пишет, часто, по видимому, очень убого, совсем неинтересно. Но более чем очевидно, что у него чувство и солидное знание. Хорошо бы было ему развивать точный анализ отдельных произведений и, исходя отсюда, развивать т. н. «науку об искусстве», о которой начали писать.

Юля, «Портрет Альберта Эйнштейна» стоит в DFG! Отлично выглядит. Мой доклад имел, как мне кажется, полный успех. Извини, что так о себе говорю. При подготовке я переснял около 500 слайдов. Теперь и в этом отношении уже солидная коллекция. Жаль, что ты не читаешь по-немецки. Во

время доклада я показал 200 слайдов и разобрал Сидуровские головы не только исторически, но и типологически. Даже мне самому было интересно снова тщательно заниматься вопросами детального анализа. При этом мне опять приходили и еще теперь приходят новые идеи. Постараюсь в ближайшем будущем переписать доклад в статью. Потом следуют еще другие статьи о рисунках, об эскизах и их связи со скульптурами и т. д. У меня возникла масса новых идей. Планирую по возможности книгу о семидесятых годах до лета. Если и Юра сделает еще новые фотографии, то хорошо было бы их включить туда. У него удивительный глаз, чувство ракурса и понимание скульптуры. Мне кажется, что это стоит в любом случае, пока он не закончил свои последние снимки. Уже теперь знаю, что очень даже надо расширить до сих пор предполагаемый объем этой книги. Надо еще раз и с самого начала вдуматься в самые разные виды и оттенки Диминого творчества. Я разболтался, времени нет.

По поводу доклада было интервью со мной по «Нем. волне». По возможности пошлю еще кассету. Но это только в апреле. [...]

Прибыли теперь все книжки с эскизами. Огромное тебе спасибо. В течение апреля постараюсь их переснять и систематизировать.

Леве скоро исполнится 75 лет. Мы ему написали, и от тебя с Димой включили «Куклы-лесбиянки» вместе с Диминым стихотворением о них. Нам казалось, что мы до какой-то степени срослись как семья и поэтому мы выступаем вроде все вместе. Надеемся, что ты согласна с нашим поступком.

У меня записано, что я переслал Аннике летом прошлого года все Димины стихотворения. По-видимому, она их не получила. Я теперь снова все отправил. Шмурло, которому я переслал ксероксы через поляка, который был у нас, по-видимому, тоже не получил эти вещи. Поэтому я еще раз все ксерокопировал и послал и стихотворения, и «Миф» по почте.

Выставку в Гайдельберге я только что подготовил. Оформил афишу, выбрал фотографии для четырехстраничника (как в Дортмунде и Ветцлере), переснял 12 черно-белых пленок большого размера (144 кадра), исходя из самых лучших фотографий скульптур. Всё это является материалом для прессы (они, конечно, выберут определенное количество, чтобы с них

отпечатали). Мне просто не хотелось отдать единственные качественные фотографии. С журналом Art я договорился, чтобы они дали две страницы с фотографиями и текстом. Постараюсь их уговорить дать еще больше.

Я знаю, что Юра страшно занят разными снимками. Но если вдруг у него получится, то было бы очень важно переснять на цветную пленку цветные скульптуры из дерева. К сожалению, мы до сих пор никогда не занимались этими хорошими вещами. Для дальнейших публикаций они, может быть, будут интересны.

Оффенбуржцы напишут письмо по поводу мастерской. Надеюсь, что будет и письмо из Берлина. Монцу удалось убедить Marte помочь. Marte заказал теперь для Museum für moderne Kunst (Вена) через министерство иностранных дел Австрии и вашего министерства культуры 2–3 скульптуры и просит сохранить мастерскую и показать Димины вещи! (Смотри приложенное письмо). Я написал Marte письмо с благодарностью.

Юленька, хочется еще остановиться на других вопросах, но времени мало. Не забудь нам писать и в то время, когда нас тут, в Бохуме, нет. Мы вернемся точно 16 марта сюда на один день. 17 марта у меня доклад в Кельне, потом собираемся поехать к Гизелиным родителям. Ее отец все время себя неважно чувствует.

Крепко, крепко тебя обнимаем, привет всем нашим общим друзьям.

Карл

Москва, 22 февраля 1987 г.

№ 7

Дорогие Карлуша и Гизела!

Большое вам спасибо за письмецо и лекарство. Если завтра сумею получить каталоги, то все мы будем просто счастливы. Мне перевели твою копию письма Горбачеву. Я считаю, что это совершенно замечательное письмо. Жаль только, что все твои письма пока никак не могут дойти до своих адресатов. Звонил Шрамайер, который не может добиться свидания с Лихачевым. Следовательно, твое письмо пока все еще у него на руках. Он также говорил что-то о Деннингхаусе. Я не со-

всем поняла, куда и к кому Деннингхаус обращался, кажется, тоже к Лихачеву. Во всяком случае, мне Деннингхаус так и не позвонил. Тем не менее я очень рада, что ты написал оба этих письма. Мне нравится, как они написаны, к тому же это очень важные документы.

Была у меня Эльфи (не забудь записать, что я ей тоже подарила «Загорающую»). Она рассказала, что все эти люди, которые находились в мастерской 14 февраля в день открытия Форума, а также кто-то еще под руководством Петры Келли и Герта Бастиана, написали какое-то совместное письмо по поводу мастерской и кому-то его вручили.

Наш генеральный секретарь продолжает произносить много хороших слов наряду с очевидной и привычной демагогией. Нельзя сказать, что в стране ничего не происходит. Происходит довольно много положительного. Но что касается правды, то это смешно утверждать, что она имеет место. Только полуправда и в основном на экспорт. Появилась такая газетка «Московские новости», она выходит раз в неделю. Газетка напоминает чем-то филиал радиостанции Би-би-си. Там этой самой «правды» больше всего. Подписаться на газетку нельзя, и она касается только тех, кто проживает в Москве, встает в 7 утра и покупает ее в киосках. Думаю, что это тоже скоро кончится. Радио глушится, кроме Би-би-си, а именно: «Дойче велле», «Голос Америки» и «Голос Израиля». К тому же очень четко начальство заявило, что глушило и дальше будет глушить. Подобные заявления в демократию самого обычного, а не высшего типа, не помещаются. Своему собственному народу многие важнейшие факты вообще не сообщаются, считается, что «народу это не нужно». Неуважение и пренебрежение к собственному народу наблюдались в России и до советской эпохи. Имя Сахарова упоминается вскользь, иногда и в основном о том, что он выступает против гонки вооружения. Кроме этих его оригинальных заявлений, не печатается ничего. Ничего не сообщалось, что он продолжает бороться за права человека, за вывод советских войск из Афганистана, за свободу эмиграции и т. д. Обо всем этом мы узнаем по заглушенному или частично разрешенному (Би-би-си, Франция, Швеция, Канада) радио.

И все-таки изменения есть, не видеть их было бы тоже неправдой. В магазинах стало лучше. Не бог весть что, но

получше. А это один из значительнейших факторов данного периода. Обещают, что будет еще лучше. Скоро мы на все на это поглядим, будет или не будет. Вчера по случаю праздника Советской армии, который неофициально стал «мужским праздником» в противовес «женскому дню» 8 марта, было потрясающе много пьяных. Одно время их стало поменьше, но зато вчера все московские пьяницы вывалили на улицу.

Из МОСХа тоже постоянно просачиваются всякие слухи. Обстановка «в верхах» снова изменилась. Орехова опять прощупают на место Савостюка в председатели МОСХа. Я лично считаю, что Орехов хуже Савостюка. Павел Никонов тоже, вроде бы, хочет занять какой-то важный пост. Вот, кто хитер, так он! В скульптурной секции хотят сделать председателем скульптора Клыкова, главу самой что ни на есть черной сотни. Вы, наверно, знаете что за многие годы впервые происходит конкурс памятника Победы на Поклонной горе. Все, что там выставлялось, было одно хуже другого. Наконец скульптора Чернова от этого дела освободили и устроили конкурс. Этот конкурс показал все убожество и ничтожество того, что выставили. Поэтому снова конкурс отложили, и теперь выдвигают какие-то новые условия. Но на предыдущем конкурсе был один проект под № 206, это произведение Клыкова. Стоящая женская фигура с двумя веточками в руках. Сам Клыков организуя партию своих сторонников, которые ходят по Манежу и «разоблачают евреев», выискивают в проектах шестиконечные звезды и прочее. Саша Шумов, который там работал, говорит, что шовинисты и черносотенцы специально провоцируют что-то вроде дискуссий, где в основном ругают евреев и хвалят Клыкова. Еще один «запрещенный прием» нанес Распутин. Он через прессу похвалил клыковский проект, и этим сразу же создал некоторое общественное мнение. В общем, страсти там кипели вовсю, и в итоге жюри решило по требованию многих посетителей конкурс продолжить. Уверена, что ничего хорошего там не будет. Если люди у себя дома делают ерунду, то почему они на конкурс сделают что-нибудь стоящее. Так бывает, но крайне редко. Я лично считаю, что лучшим антивоенным памятником именно Победы должен быть Димин «Победитель». Вот тогда каждый поймет, что такое Победа и какой ценой она достается.

В связи с перестановками и возможными изменениями в московском руководстве мы можем надеяться только на то, что под давлением новое или старое начальство все-таки оформит подвал на Мишину мать. На мою аренду шансов мало. Грядущее руководство не лучше старого, но время изменилось, поэтому возможны небольшие послабления. Я имею в виду наш конкретный случай. Снято клеймо запрета с имени Сидура, хотя бы частично. (Кстати, можешь сообщить об этом трусливой московской редакции «Гутен тага»). Вчера Володя Бродский говорил с редакторшей из «Литгазеты» Лидой Польской. Дело в том, что она жена писателя-хирурга Юлия Крелина и занимается статьей Виталия Гинзбурга. В прошлом письме моя информация была не совсем правильной. Потребовали выкинуть отрывок не про памятники в ФРГ, а про писателей, которые сначала печатались на Западе, но при этом не были антисоветчиками, хотя их таковыми считали. Лида сказала, что она боится загадывать, но, кажется, дело идет неплохо и вроде бы статью уже набирают! Если статья появится, нам, конечно, это очень поможет. К тому же «Литературка», хотя и стала намного хуже, но все-таки у нее большой тираж (более 4 млн.) и она всесоюзная.

Очень хорошо, что вы мне прислали фотографию скульптуры «Глашатая» в Ахене. Интересно, кто автор, какой материал (бронза?), когда установлена?

Позвонил из Ленинграда Саша Позин. Он закончил увеличенную рабочую модель и теперь будет формовать ее в гипсе. После формовки останется только вырубить в камне. Он хочет закончить где-то к 20 марта. Если все пойдет нормально, то Тамара хочет установить памятник к годовщине смерти Левы 23 апреля.

Карлуша, мы очень удачно и интересно снимаем на видео. Напиши, что именно еще поснимать Юре для книги о 70-х годах. Какие фотографии ты считаешь необходимыми снять снова и впервые. Посмотри, что у тебя есть и чего нет, но обязательно надо иметь.

Ура! Вчера (23-го) получили каталоги. Благодарю от всей души! [...]

В Москве находится Грета. Обижается, что ты не сообщил ей о Диминой смерти. Она узнала случайно, т. к. все время занята своим бизнесом и газет не читает, радио не слушает,

телевидение не смотрит. Каталог увидела впервые. В четверг она уезжает. Пришли ей, пожалуйста, каталог.

У меня была экскурсия студентов-искусствоведов из МГУ во главе со своей преподавательницей Мюдой Наумовной Яблонской. Очевидно, это хорошая женщина. Она ходит по мастерским со своими студентами. Они ее очень уважают. Но несмотря на это, именно в них я увидела все пороки советского искусствоведения. Мало знают, некоторые очень плохо смотрят, предпочитают слушать, слушают раскрыв рот. Из пятнадцати примерно человек пятеро смотрели с огромным интересом и даже с восторгом. Остальные тоже восторгались, но, по моему, ничего не понимали или же понимали мало. Молодые симпатичные ребята, но есть в них какая-то необъяснимая серость. Этим они сильно отличаются от своих западных сверстников, которые тоже не всегда понимают, но намного живее, подготовленнее. Мои друзья-искусствоведы Юра Тамойко и Саша Шумов очень выгодно отличаются от своих коллег. Но человек пять из новеньких были очень хорошие. Хотят прийти еще, привести друзей и посмотреть графику.

Еще одно интересное событие – выставка членов Союза на Каширке. По сравнению с молодежной 17-й выставкой она меня разочаровала. Понравилась только Берлин (он выставил свои лучшие пять вещей, которые мы с вами видели у него в мастерской), молодой скульптор Миронов и картины молодого Табенкина. Остальные «зубры»: Штейнберг, Янкилевский, Пригов, Чуйков, Васильев – никакого впечатления не произвели. Кабаков немного повеселил белым холстом, рядом с которым висит описание, что картина изображает летний приятный вечер. Не понравились Богатырь и Брускин – друзья Пешлера. Вообще, я думаю, что при свободе обстоятельства у нас очень изменятся, и критерии ажиотажа, запретности, всякие прочие слухи потеряют свою привлекательность. Необходимо будет выдавать и высокий уровень и высокое качество. Особенно меня огорчил молодой Сундуков. Насколько он мне понравился на Кузнецком мосту, настолько же не понравился здесь. Чувствуется халтура и желание продаться. Сюжеты не спасают: фотореалистический человек читает «Правду», стоя спиной к зрителю, а второй такой же читает «Труд». Сделано сухо, наспех, одним словом – халтурно.

С Гретой мы договорились, что она купит нам для «Нордменде» недостающий адаптер, при помощи которого мы смо-

жем не только записывать с советского телевидения, что не так важно (к тому же это получается только в черно-белом варианте и нужно крайне редко – например, завтра будут показывать Герта Бастиана в фильме «Генералы», о том, как западные генералы борются за мир), а необходимо нам для монтажа нашего фильма про Диминову работу и лучшего качества при перезаписи с одной кассеты на другую.

Збышек Шмурло прислал мне еще кое-какие документы: несколько каталогов фотовыставки про Диму, потом фотографии с самой выставки и письмо, где он меня очень удивил, написав, что выставку посетило около тысячи человек. Он пишет, что находится с тобой в контакте, что ты пришлешь ему стихи, а он тебе, кажется, тоже уже послал все документы. Диплом его продвигается очень хорошо.

Посылаю вам также некоторые вырезки из газет и фотографии неважного качества, снятые у нас дома и в мастерской 11 и 14 февраля, где вы увидите Петру Келли, Герта Бастиана, проф. Рихтера, Гюнтера Вальрафа и других.

Надеюсь, что ты не забыл послать Аннике все Димины стихи.

Юрочка продолжает писать все лучше и лучше.

Крепко вас обнимаю. Жду писем. Привет всем друзьям, и привет от всех моих.

Юля

P.S. Были у меня Михаил Фляйшер с женой, смотрели фильм «Пам. соврем. сост.». Им очень и очень понравилось. Оказывается, они занимаются кино. Теперь встречаемся в четверг в мастерской.

5.3.87

(Почтовая карточка из Канады)

*Сидур Мите В-у с/о Нельская Юля Брянская 4, кв. 47
Moscow USSR USSR*

Best wishes and regards to dear Митюшке from the highest falls in the world. Обнимаем очень, большой привет Юле, Мише и всем другим нашим друзьям.

Гизела и Карл

Москва, 9 марта 1987 г.

№ 8

Дорогие Карлуша и Гизела!

Узнала от Кармен, что вы уже в США. Вчера же позвонила Дорис. Она сказала, что на следующей неделе уже возвращаетесь обратно. Я пока что не имею от вас писем. [...] Отдельно очень благодарю и Дорис за каталоги! Конечно, на некоторое время мне хватит, но потом, если представится возможность, не мешало бы получить еще любое количество. У вас они лежат, и надобность в них возникает только от времени до времени. А здесь они нужны постоянно! В любом случае большое спасибо за то, что я получила сейчас. Сходу у меня ушло десять штук.

Саша Позин из Ленинграда позвонил, что уже начинает рубить памятник Льву Асламазову в граните. Очень надеемся, что сумеем поставить его на месте к годовщине Левиной смерти 23 апреля.

В нашей ситуации с мастерской, ни с твоим наследством никаких изменений нет. Будем надеяться, что просто время не пришло и подобные дела быстро не делаются.

Позвонил мне академик Сагдеев, поздравлял с 8 марта. Он тоже дружит с Петрой Келли и Гертом Бастианом. Правда не знаю, в какой степени их встречу можно назвать дружбой. Во всяком случае он сожалел, что его не было в Москве в феврале, когда он находился в Америке. Он сказал, что в США он тоже познакомился с одной парой пацифистов: он генерал из бывших, а она довольно молодая по сравнению с ним женщина. Тоже любят искусство, и Ролик попросил их принять, когда они приедут в СССР. Я сказала, что в этом у нас проблем не будет. Потом он спросил меня, как наши дела с мастерской. На что я ответила, что никак, то есть все на прежнем месте. Тогда он сказал, что знаком с Фалиным, который очень любит искусство и который в разговоре с Сагдеевым якобы предложил ему как-нибудь посмотреть. Я, конечно, не стала рассказывать Сагдееву о том, что у Фалина, так же, как и у следующего посла в ФРГ Семенова, было огромное количество возможностей познакомиться с творчеством Сидура и на родине и за границей. Но они, ни один, ни другой, никогда этого не делали. Надо еще было быть благодарными за то, что оба

сохраняли (с трудом) хотя бы нейтральную позицию как к творчеству Сидура, так и к самому автору. Лично я не имею к ним претензий. Они – высокопоставленные партийные чиновники, не имеющие права проявлять никакой инициативы даже в собственных вкусах на искусство, литературу и т. д. Вот теперь им разрешили и даже порекомендовали сверху иметь свое собственное мнение. Генеральная линия партии вильнула в сторону в очередной раз и они обязаны влиять вместе с ней. Фалин сейчас у нас чрезвычайно большое начальство, я даже толком не знаю, какое именно. Конечно, если бы Сагдееву удалось попросить его нам помочь, вернее, если бы сам Сагдеев это попытался сделать (он теперь тоже очень большое начальство), я думаю, проблема с нашим подвалом уладилась бы чрезвычайно быстро.

Посылаю тебе вырезку из «Литгазеты» о 17-й молодежной выставке. По-моему, очень хорошая статья. Кстати, Савостюк остался на прежнем месте, Орехов – на прежнем. Это говорит о том, что господа из МОСХа, если и будут «перестраиваться», то только для вида, то есть: саботировать, мешать, чинить всевозможные препятствия. Эти люди знают, что при настоящей, а не на словах, «перестройке», им есть, что терять.

Посетил меня Юра Шатон с двумя студентками. Выглядит великолепно.

Наше ТВ, особенно публицистика, невероятно полевело. Впервые стало интересно смотреть и слушать. Появился прямой и полупрямой эфир. Так я увидела, как выглядит главный редактор «Московских новостей» Егор Яковлев. Надо сказать, что выглядит он вполне хорошо во всех смыслах. Это цивилизованный человек и внешне, и по убеждениям. Будучи редактором партийной печати (у нас вся пресса партийная), он сказал такие слова, что «свобода печати в том и состоит, что есть несогласные с тем, что пишется в газетах». Я цитирую вольно, но смысл был именно таков. Безусловно, он говорит так, потому что товарищ Горбачев позволил. Ведь все те, кто говорили то же самое при Лелике, то есть открыто и гласно, сидели в концлагерях, тюрьмах, психушках, некоторые умерли.

Мы на всякий случай записали на видео гедезровский фильм «Генералы» о восьми генералах-пацифистах, вышедших из НАТО. В фильме есть интересные моменты. Но во второй части становится несколько монотонным и нудным, так что публика начинает зевать и откровенно скучать, не-

смотря на то, что речь идет о судьбе человечества. Чем серьезнее и значительнее тема, тем тяжелее ее подать так, чтобы она действительно трогала людей. Это умел Дима своим искусством. В фильме «Генералы» все генералы в основном рассказывают о том, какие плохие американцы. Я представляю, что бы наговорили восточноевропейские военные про советских генералов из Варшавского пакта, если бы им дали такую возможность. Но дело не в этом. А в том, что наш друг Герт Бастиан был самый лучший во всем этом огромном и в итоге скучном фильме. Он выглядел самым симпатичным, самым честным, самым интеллигентным, ну и, естественно, самым молодым. После него всем понравился норвежский генерал Кристи.

Романыч обработал 57 отливок, так что дело идет.

Алик Киселев имел уже три приступа желчно-каменной болезни. Если будет еще один приступ с «механической желтухой», когда камень закрывает желчные протоки, то придется ему оперироваться.

Крепко вас обнимаю. 17 марта идем с Мишей на прощальный прием к г-ну Кастью в его резиденцию. Огромный привет всем.

Юля

Москва, 16 марта 1987 г.

№ 9

Дорогие Карлуша и Гизела!

Думаю, что это письмо вы получите уже вернувшись не только из США, но и от родителей Гизелы. Только что я по нормальной почте получила письмо от обербургомистра Оффенбурга г-на Грюбера. Он пишет, что обратился по поводу нашей мастерской с письмом к академику Лихачеву. Я предполагаю, что он так же, как и ко мне, обратился к Лихачеву по обычной почте. В связи с этим у меня возникли следующие предположения. Очевидно, тебе стоило рискнуть и послать подлинники твоих писем Горбачеву и Лихачеву официальным путем, а копии – Шрамайеру, Деннингхаусу и т. д. с тем, чтобы они по возможности продублировали их доставку. Как бы там ни было, но официальный путь хотя бы регистрируется,

хотя и может остаться без ответа. Во всяком случае пока что Шрамайеру не удалось передать твоего письма Лихачеву, а что получилось у Деннингхауса – тоже неизвестно. Я лично все равно рада, что ты эти письма написал, они находятся у меня. И, может быть, они в конце концов дойдут до тех, кому они предназначались.

В феврале во время форума в Москве Эльфи рассказывала, что Петра Келли и Герт Бастиан общались с Лихачевым в гостинице «Космос». Они говорили ему о нашей мастерской. На это Лихачев им ответил: «Я в курсе этого дела». Таким образом, я поняла, что мое личное письмо к нему дошло. Тогда же он сказал, по словам Эльфи, что 17 февраля на совещании Советского фонда культуры они будут рассматривать наш вопрос. Теперь я точно знаю, что этот вопрос не рассматривался. Одна знакомая молодая искусствоведка, очень толковая девушка, а главное – очень активная, позвонила члену президиума Савелию Ямщикову. Тот вообще имя Сидура услышал впервые в жизни, сам на этом заседании 17 февраля не был, но дал ей телефон фонда (справочный). Там тоже имя Сидура слышали впервые и сказали, что никакой вопрос не рассматривался. Поэтому пока у нас все по-прежнему, но мы нисколько не унываем.

Ко мне приходила студентка-искусствоведка из МГУ Людмила Лунина. Она учится на третьем курсе у Морозова. Им дали задание взять одну скульптуру или живописное произведение, расхвалить его или обругать. Речь идет о советском искусстве. Люда решила «расхвалить» «Взывающего». Я попросила ее отпечатать для нас одну копию ее доклада, который состоится в среду. Мне очень любопытно, как будет реагировать на это ее педагог Морозов. Эта девочка пришла после того, как они вместе со своей преподавательницей Мюдой Наумовной Яблонской приходили к нам на экскурсию. Я вам об этом уже писала.

Еще одно любопытное посещение произошло у меня на днях, 11 марта. Днем приходили ученые из Дома ученых. В основном это были пожилые женщины. Я так и не поняла, сами они ученые или мужья у них ученые, но они произвели на меня очень приятное впечатление. Восприятие живое, непосредственное, а главное – ничего их не пугает и не шокирует: ни «Гроб-Арт», ни эротика. Одна женщина сказала с большим

удовлетворением: «В искусстве Вадима Сидура очень много сексуальных моментов». Тем не менее твою черную книгу я им показать побоялась. Для некоторых зрелище «Мутаций», «Олимпийских игр», «Идеологических битв» является совершенно непереносимым. В этот же вечер меня посетила искусствоведка-дипломница Наташа Брилинг, очень толковая, знающая современное неофициальное искусство. Ей я книгу показала, даже подарила. Она сейчас занимается тем, что пишет письмо и собирает подписи у искусствоведов и художников в защиту нашей мастерской. Она вдруг сказала, что у нас во дворе живет один молодой человек, аспирант, преподаватель на кафедре МГУ, занимающийся средневековьем и Возрождением, по имени Алексей Расторгуев. В общем, она попросила, чтобы я разрешила ей пригласить его сюда, хотя он совершенно не воспринимает и не любит современное искусство. Мне не хотелось ей отказывать, тем более что она о нем чрезвычайно высокого мнения. Когда пришел этот парень, сразу стало видно, что он из тех, кто «знает себе цену». В итоге они вышли с Наташей смотреть, там у них разгорелся какой-то короткий спор, после чего он ушел, тем более что у него двое маленьких детей, которых надо было купать. Бедная Наташа была необычайно огорчена. Расторгуеву все не понравилось, он сказал ей, что в искусстве хочет «дышать воздухом», а здесь, у Сидура, ему приходится «дышать метаном». Нас с Юрочкой его заявления повеселили, а Наташа, которая считала его «выдающимся искусствоведом», по-моему, перестала так считать. Но я лично вижу, что пока Расторгуев будет вырастать в начальство, а он очень по всем параметрам подходит под начальство, ничего хорошего советское современное искусство со стороны руководящих художественных органов не ждет. Они обязательно будут «дышать своим воздухом» там, где ему удобнее и легче дышится. Я не могу сказать, что это неприятный или неумный человек, скорее наоборот. Но то, что он косный, догматичный и ограниченный – это абсолютный факт. К сожалению, эти качества иногда соседствуют рядом с некоторой незаурядностью. Вот такие два совершенно противоположных события произошли в нашей мастерской в один и тот же день. «Старые» Сидура поняли и приняли, а молодое подрастающее начальство безоговорочно отвергло.

Получила я письмо № 3. [...] Большое спасибо.

Поздравляю всех нас с тем, что «Эйнштейн» в ДФГ. Ты очень подробно описал, как все происходило, и мне действительно жаль, что я не могу читать по-немецки. Ты все-таки пришли по возможности свои доклады. Может быть, их кто-нибудь переведет. Сейчас Юра перестал временно снимать на видео и по твоему желанию делает слайды цветных скульптур. Дело это оказалось довольно кропотливое. Примерно нужно сделать около пятидесяти слайдов. Хотим делать в трех экземплярах: два тебе, один нам.

Мне позвонила Дорис, она тоже сказала, что «Эйнштейн» уже в ДФГ, что твой доклад был потрясающе интересным и что небольшая выставочка из ее работ и, кажется, Евиных тоже выглядела замечательно! Дорис приедет в Москву в апреле на три дня, и мы с ней хотя бы ненадолго увидимся.

Когда примерно состоится выставка в Гайдельберге?

Большое спасибо Монцу и Марте за их попытку помочь нам. Может быть, я напишу им письма и поблагодарю за их усилия.

Я согласна на любой подарок Леве Копелеву к его 75-летию, но не понимаю, о каких «куклах-лесбиянках» идет речь? Что это такое: скульптура, рисунок, фотография? Объясните.

В журнале «Гутен таг» № 3 помещена статеечка с рисунком о Кабакове – это информация о его выставках в Берне и Дюссельдорфе. Как ты считаешь, Карлуша, не стоит ли снова к ним обратиться по поводу Диминого творчества? Запрет на его имя частично снят, а такая публикация была бы чрезвычайно важна, поскольку журнал на русском языке. Постоянно радуюсь, что есть Бохумские каталоги!

Кепплер прислал письмо с тремя фотографиями: практически последняя Димины фотография, две своих скульптуры: «Игр. на балалайке» и «Пог. от насилия» и последнюю акварель, совершенно роскошно окантованную. Чувствуется, что очень красиво, но фотография немного темновата.

Большое спасибо, что выслал Димины тексты Аннике и Збышеку!

Я абсолютно уверена, что ты сделаешь великолепную книгу о 70-х годах. Конечно, стоит только учесть качество фотографий и чтобы не рассыпалась на отдельные листочки.

Карлуша, каким образом тебе удалось договориться с журналом «Арт», ведь там запрашивает Кухинке и К^о?

Очень приятно, что ты стал председателем восточноевропейского общества по культуре.

Интересно, получил кто-нибудь 50 марок за то, что он знает кое-что о скульптуре «Взывающий»?

Напишите, как там дела у Давида.

Огромный привет всем друзьям. Крепко вас обнимаю. Привет от всех наших.

Юля

22.3.1987

4 Jul.

Дорогая Юля!

В конце концов мы вернулись из Штатов благополучно, со смешанным чувством. Все было бесконечно интересно, но не настолько, что можно было бы сказать: «Хочу жить там!» Социальные противоречия, агрессивность жизни по сравнению с нашей, с одной стороны, и бесконечное богатство, отличное положение музеев, с другой стороны. С Давидом и его отцом мы общались очень дружно. Давид говорил все время с нами исключительно по-английски. У нас ощущение, что он там останется. Еще неясно, приедет ли он к нам летом или нет. Гизела только что ему позвонила. В школе у него фактически нет никаких проблем с языком, его даже включили сразу в группу особо даровитых детей.

Кроме Нью-Йорка, мы были недалеко от Вашингтона у Norton Dodge, у которого самое большое количество современного неофициального русского искусства. У него мы видели и три маленьких Диминых рисунка, которые он купил у Кадилиса. Я не хотел спрашивать, за какие цены. Быть может, он купит со временем кое-какие вещи у меня. Один день мы были у Нусберга, который живет на севере от Нью-Йорка в роскошной усадьбе американского типа. В Нью-Йорке мы виделись и с Эрнстом. Он никак не изменился. Он все еще о себе самого высокого мнения. Кроме того, что он художник, у которого уже теперь цены, как у Цадкина, он теперь и «академик», который регулярно читает лекции в американских уни-

верситетах. Он принадлежит к тем очень немногим людям, у которых даже и при жизни есть музей (он имеет в виду тот перестроенный сарай в Швеции, который принадлежит его шведскому меценату) и т. д. и т. п. Более подробное описание последует, когда мы будем у вас.

Потом мы поехали в Канаду к Гизелиному дяде и провели там несколько дней. Оттуда, по пути в Бостон-Кембридж, мы остановились на два дня в Итаке (Ithaca) у Майкла Скэммела, который недавно развелся, живет теперь вместе с молодой американкой и только что получил профессию в Итаке. Дела у него, по-видимому, неплохие. Свою большую биографию Солжа он окончил, за нее ему даже присудили известную премию. До него дошли слухи, что Дима и его бывшие знакомые и друзья ужаснулись его поведению в 1973 г. Я ему все объяснил, он сказал, что ему все это очень жаль, что он все время хотел Диме писать, но в конце концов не успел. Потом мы провели 3–4 дня у Striedter'a, моего бывшего шефа в Берлине и Констанце. Впечатлений много, трудно по-настоящему разобраться в многогранной американской жизни. В конце концов мы были рады вернуться домой.

Кстати говоря, в Нью-Йорке мы позвонили Sims в музей Метрополитен. Она «приняла» нас только по телефону, холодно с нами общалась, даже удивилась, что мы ее включили в каталог и сказала, что каталог был бы для нее «хорошим сувениром». После такого сугубо странного и «отчужденного» с нею разговора и некультурного ее поведения мы решили не посылать ей этот «сувенир».

Юля, большое спасибо за подробные и очень живые письма №№ 7, 8, 9 и за все очень интересные приложения. Прибыли и Димины стихотворения. Я за все очень благодарен, потому что иначе я не смог бы следить за всей этой информацией о вашей бурной жизни, хотя очень даже чувствуется, как противоречив процесс нового начала (если он вообще возможен).

Теперь, как обычно, по большей части вкратце:

– В «Штерне» появилась очень хорошая фотография в мастерской с Аликовыми девицами. Фотография производит сильное впечатление. В самом тексте (см. там) Алик упоминает Диму.

– Публикация в Art выйдет в апрельском номере журнала.

– Письмо обербургомистра города Оффенбурга получишь в приложении. Полагаю, что тебе не послали само письмо Лихачеву.

– Мое письмо Лихачеву, по-видимому, Schrameyer все еще не смог передать лично.

– Мое письмо Горбачеву Denninghaus тоже не смог лично передать. В конце концов он его передал Кузнецову. Кроме того, он мне обещал заниматься этим делом. Он делал вид, что не надо беспокоиться «о вашем скульпторе» (помнишь, и Кузнецов тогда был на выставке в Дортмунде, когда Denninghaus принял и приветствовал советскую делегацию именно в самом помещении выставки, кроме того, он через четверть года после этого интересовался у Юнны, откуда Димины скульптуры в ФРГ). Во вторник я его встречу у Helen von Sachno, которая годами уже пишет о современной русской литературе. Там будут Огнев, Распутин, Белов, Черниченко, Кудрявцева, Михайлов и другие. Смешанная компания! Посмотрим. Все они выступали на конференции в Дортмунде. Я раз там был. Выступил Михайлов, распространялся о «более демографических проблемах» в наши дни. Он привел примеры: уменьшение рождаемости у европейских народов, например, что даже в Германии работают азиаты и т. д. В России меньше детей, чем раньше. В заключение он твердил, что надо сохранить европейскую культуру. Я сразу выступил против него и спросил, не выглядят ли его примеры и весь контекст его выступления как культурный шовинизм? Откуда мы все знаем, что другие, неевропейские, культуры опасны и т. д. В ответном его выступлении он начал с того, что он «интернационалист», что он, как другие, любит прежде всего свою культуру и т. д. Стараясь оправдаться, он фактически скрытым образом подтвердил мое предположение. К сожалению, я не слышал доклады Белова и Распутина, но выступления других были беспомощны, убоги и очень провинциальны.

Насчет мастерской я еще во вторник обращусь к Кузнецову. Что касается моего письма к Горбачеву, то я его послал еще через вашего посла в ФРГ Квицинского. Оно дойдет или этим, или другим путем.

– После моего доклада в DFG у меня взяли интервью по поводу Сидура для «Нем. волны», боюсь, что вы его не слышали. Постараюсь получить кассету.

– Для Юры: фотография «Войны» отлична. В принципе, для книги фотографий достаточно. Если не трудно, то понадобился бы хороший отпечаток (или даже новая фотография) «Слепых» (головы). Кроме того, нет хорошей фотографии «Нике после третьей мировой войны». Хорош был бы и фрагмент головы этой скульптуры. Если не слишком трудно, то отдельные фрагменты «Железной леди» были бы приятны. [...] Попроси Юру, чтобы он занимался этим. Ему особый привет и спасибо за все его незаменимые усилия. У него удивительный глаз.

– Любая инициатива Сагдеева была бы приятна. Хорошо было бы, если он на самом деле заикнулся бы о мастерской у Яковлева или если он привел бы Фалина туда. Что касается Фалина, то он был приглашен профессором Herzog'ом из Касселя на открытие «...от насилия» (1974), он тогда даже не ответил, но и не мешал. Сам Семенов не только сам был на выставке в Дортмунде, как вы знаете, но я ему послал и наш каталог, и отрывки нашего введения в книгу после моего с ним разговора на Дуйсбургском фестивале о русских реалистах. Кстати говоря, еще в ноябре-декабре я послал один экземпляр нашего каталога в Ленинскую библиотеку с просьбой получить за нее по линии обмена материал. Я им предложил тогда послать и другие каталоги о Сидуре. Но ответа пока нет. Подождем еще. А если не будет ответа, то я обращусь к ним лично, когда нас опять пустят в Москву.

– В витринах DFG выставлены скульптуры из Сашиной и Дорисовой коллекций.

– Выставка в Гайдельберге откроется 8 апреля и будет до начала мая. Для афиши я выбрал «Гроб-автопортрет», хотя он не выставлен. Но зато будет «Гроб-дитя». Надеюсь, что будет и маленький буклет, для которого мы еще до нашего отъезда выбрали материал. Теперь уже придется подготовиться к этой выставке, составить списки для страховки и т. д. и т. п.

– Открытие «Эйнштейна» в Ульме будет 14 апреля. Я им предложил прочесть еще раз тот же самый доклад о Сидуровских головах на открытии, который я прочел и в DFG и который всем так понравился. Юля, я еще хочу окончательно закончить (дописать) этот доклад для его дальнейшей публикации. По-моему, стоит еще подождать немножко. Потом получишь окончательную версию.

– На Левин день рождения мы составили три страницы с разными материалами, с поздравлениями, с фотографией «Сидящие куклы» (я, правда, не знаю, как их название это тот вариант «Сестер», у которого их руки взаимно дотрагиваются их «треугольника», поэтому я их назвал «Куклы-лесбиянки») и Димино стихотворение «Кукла Люда.» (сб. его стихотворений, стр. 93).

– Я только что позвонил господину Weißkopf'у и спросил о последнем и окончательном решении вопроса установки «...от бомб». Он мне сказал, что оба главных священника протестантской церкви в Вюрцбурге «за» и что он совсем не сомневается в удачном окончательном решении. На мой вопрос, почему церковный совет не принял раньше это решение, он сказал, что этот совет состоится только раз в три-четыре месяца, а иногда, т. е. если нет проблем (удивительно, что есть в Германии учреждения, у которых нет проблем!), даже только раз в полгода. Совет должен состояться еще в марте. Он мне тогда сразу позвонит.

Юля, это пока все. Новые фрезы (т. е. те, что для обработки металла) прибыли. Я их завтра или послезавтра отправлю.

Привет всем. Крепко обнимаем. Очень хочется приехать.

P.S. Я еще раз написал Schroembgens'у по поводу оценки. Быть может, вы узнали у него последние новости на приеме у Kastl'a.

Гизела очень благодарит за рисунок, который она должна была себе выбрать как подарок на день рождения. Она (скорее всего, мы оба) давным-давно влюблены в рисунок, который помещен в Бохумском каталоге на стр. XIV. Он висит у нас на стене с 1984 года.

Москва, 23 марта 1987 г.

№ 10

Дорогие Карлуша и Гизела!

Наша бурная жизнь продолжается. Вчера у меня в мастерской было более тридцати советских искусствоведов и художников. Все это друзья искусствоведки-дипломницы Наташи Брилинг. Очень толковая и энергичная девушка из МГУ, которая, по моему, одна из официального советского студенчества, вер-

нее, из тех, кто еще учится, так страстно и постоянно занимается советским современным неофициальным искусством. Она является дипломницей Мюды Наумовны Яблонской, той самой, которая, как я вам уже писала, приходила ко мне со своими студентами «с подачи» ее бывшего дипломника Юры Тамойко. Мюда, безусловно, может гордиться такой студенткой, но конфликты неизбежны. Наташа на семинаре у Мюды попыталась легализовать термин «неофициальное советское искусство», которое реально существовало и существует с начала шестидесятых годов, но упорно игнорируется художественным начальством. В своем докладе Наташа неосторожно обругала левое крыло МОСХа. И уже в конце она сообщила, что в воскресенье (то есть вчера) все желающие помочь сохранить мастерскую Вадима Сидура могут прийти в мастерскую, все посмотреть и потом подписать письмо в Советский фонд культуры. В своем докладе о неофициальном искусстве самого Сидура Наташа задела только краем, но в итоге главная часть пришлось как раз на него, потому что она стала зачитывать коллективное письмо в Фонд культуры. Тут Мюда ее прервала, сказала, что отказывается от нее как руководитель по диплому, потому что Наташа занимается протестами и митингами вместо того, чтобы защищать диплом. Наташина тема «Краснопевцев в контексте советского современного искусства». Мюда сказала, что Наташа уже два года ничего не делает по диплому, а занимается митингами и болтовней. В общем, все это меня не касалось бы, если бы в пятницу мне не позвонила сама Мюда совершенно неожиданно. Она сказала мне, что в воскресенье прийти не сможет, но что она сказала, что письма не подпишет на семинаре, но на самом деле она, конечно, все подпишет и всей душой за Сидура, но она больше не может выносить «Натальино камлание», как она выразилась. Честно говоря, я не сразу «врубилась». Мне же не известно, о чем там искусствоведы ведут беседы у себя в МГУ, а Наташа мне еще не успела позвонить и прояснить ситуацию. В общем, я сказала, что как педагог бывший и школьный, а не институтский, но старшеклассники, в общем-то, мало чем отличаются от студентов, я прекрасно понимаю, что молодежь иногда «заносит» и что это вполне естественное дело. Тем не менее я сказала, что таких замечательных, способных, знающих, энергичных студентов, как Наташа, не так уж много. У них

есть чувство гражданственности, а главное – смелости. В общем, я всячески хвалила Наташу, Юру Тамойко и Сашу Шумова – это все дипломники Мюды. В итоге мы договорились, что Мюда придет ко мне сама, без студентов, потому что она даже хочет что-то написать, поскольку интересуется скульптурой, а что касается Натальи, то она ее очень ценит, но ей надоело «камлание». Я не знаю точно, что означает это слово, но думаю, что это что-то вроде кликушества.

В итоге в мастерскую в воскресенье пришло какое-то огромное количество искусствоведов и художников, на вид весьма пестрых и оригинальных. У некоторых вид несколько «шизоватый», но ни у одного не было агрессивности. Поскольку это были люди, все являвшиеся профессионалами, они практически не задавали никаких вопросов, им и так все было ясно. У Наташи совершенно фантастическая пробивная сила. Она всю эту толпу знает и сумела всех собрать в одно мгновение. На Западе, я думаю, она была бы успешным политическим деятелем.

С удивлением встретила среди прочих моего еще одного школьного ученика из параллельного класса. Это Олег Логинов, он теперь тоже около искусства. Сейчас создается какое-то художественное объединение на хозрасчете и самоокупаемости под названием «Эрмитаж». Им дают выставочный зал, какие-то мастерские и прочие возможности. Алик Логинов в этом «Эрмитаже» будет правой рукой искусствоведа Бажанова. Кстати, именно Леонид Бажанов произвел на меня очень серьезное и хорошее впечатление. Планы у этого «Эрмитажа» такие: сначала устраивать выставки «покойников» – Вейсберга, Сидура, Зверева и прочих, потом уже живых.

Алик Логинов сказал, что он сможет узнать и помочь нам установить контакты насчет твоего наследства, то есть насчет оценки. Кстати, он мне сказал: «Юлия Львовна, времена, когда у нас говорили, что, например, “гроб” Сидура – это не искусство, уже прошли. Поэтому надежда на то, что ценить будут незаинтересованные, очень мала».

Это бурное свидание с художественной общественностью закончилась тем, что Наташина петиция в Советский фонд культуры была подписана всеми присутствовавшими и вчера уже отправлена по адресу. Я сказала Наташе, что, может быть, и само все обойдется, потому что должна появиться статья

Гинзбурга в «Литературной газете» и мне уже звонили из Советского фонда культуры (об этом ниже). Но Наташа сказала: «Наше послание не повредит. Немного подольем масла в огонь». Накануне еще произошел с ней любопытный разговор по телефону. Есть такой искусствовед Виталий Пацюков, который распространяет слухи, что все произведения Сидура завещаны в Бохум, а здесь ничего не останется, и получится так же, как у Вейсберга, у которого скоро будет выставка, но очень плохая, потому что все ушло на Запад. «Он меня очень напугал, – сказала Наташа, – мне лично очень не хотелось бы, чтобы Сидур исчез из нашей страны». Я сказала: «Наташа, плюнь Пацюкову в глаза за брехню. Завещано 24 работы профессору Аймермахеру. Это касается “Гробов”, “Железных Пророков”, “Железной леди” и некоторых других таких же. Это работы, которые ни при какой “перестройке” у нас выставлены не будут и обязательно пропадут, потому что некоторые даже не скреплены. Именно поэтому Сидур завещал их своему другу, который о них позаботится. Уверяю тебя, если бы эти произведения имели у нас хоть какую-нибудь возможность на существование, профессор Аймермахер, столько сделавший для пропаганды и знания на Западе советского современного искусства, спокойно отказался бы от них».

Теперь о другом. 17 марта состоялся прощальный прием у г-на Кастря. Никто не знает, кто будет новым послом. Но все мы очень любим Кастря и сожалеем, что они уезжают. Приглашены были в основном советские и немного немцев. Все те же лица: Биргер, Шнитке, Кабаков, Денисов, актриса Демидова. Был также наш известный официальный драматург Розов, забавный мужичок. Колодзей на костылях в сопровождении актера Тетра на Таганке Юры Медведева. Колодзей поломала себе ногу. Юра Медведев, которого Эфрос сходу выгнал из театра за то, что тот выступил против него, когда уехал Любимов, очень много и горячо говорил о том, что Эфроса погубили две женщины: Крымова (жена) и актриса Яковлева (любовница), что ему позвонил новый режиссер Коля Губенко и пригласил в театр. А главное, он рассказывал о том, что он «зеленый» по своим убеждениям и против атомной энергии в мирных целях.

Счастливый Биргер, которому дали разрешение на поездку в ФРГ, он уезжает 20 апреля, крепко напился по этому поводу.

Он сказал, что у него состоится четыре выставки – одна из них в Бохуме у Шпильмана.

Шнитке как всегда был прекрасен. Выглядит очень одухотворенно, но плохо. У нас это называется: «краше в гроб кладут». Такое впечатление, что он не жилец, и дай бог, чтобы я ошиблась. Из всех присутствовавших этот человек духовно мне ближе всех. Сказал, что уже замучился в работе над своим балетом. И что никогда в жизни не отдыхал, а один раз поехал «отдохнуть» и тут же заработал инсульт.

Был у нас в подвале Эдисон Денисов. Получились очень красивые фотографии. Мне очень жаль, что Юрочка не сумел заснять Шнитке, когда он у нас был. Денисов тоже едет в ФРГ в апреле. Он говорил, что именно он пробил дорогу Шнитке и Губайдуллиной, взяв на себя все трудности. Денисов очень симпатичный человек. Мы собирались увидеться в мастерской еще при жизни Димы, но не получилось.

Шрембгенс рассказывал, как его отовсюду отшивают с твоим наследством. Мы с Мишей посоветовали ему сделать письменный запрос, на который он может добиваться письменного ответа, причем любого, хотя бы отрицательного. Это все же лучше, чем абсолютное молчание, потому что, таким образом, мы сразу же можем начать «качать права», то есть требовать ответа, почему нам не дают то, что положено по закону!

Из «Литературной газеты» мне позвонил человек по имени Егоров Александр Алексеевич. В первый раз он позвонил и сказал, что статья академика Гинзбурга идет, но, он употребил какое-то странное слово «тарханули» фотографии, это что-то вроде «стырили», то есть украли и как, мол, быть? Я сказала, что с удовольствием подберу ему другие две фотографии. Гинзбург приложил «Пог. от насилия» и «Взывающего». Надо сказать, качество фотографий плохое. Хороших фотографий установленных в ФРГ скульптур у нас практически нет. В крайнем случае я сказала этому Егорову, что их газета не художественный журнал, поэтому важна публикация, а не фотографии. Он тем не менее сказал, что подьедет, чтобы взять у меня другие фотографии. Я подобрала ему какое-то количество для выбора, но взяла уже не только установленные, а те, которые были получше. Среди них вложила твоего «Раненого». Но на другой день Егоров позвонил и сказал, что обе фо-

тографии нашлись, общаться нам не обязательно, и статья, скорее всего, появится 8 апреля. Он сказал: «Мы все “за!”». Поглядим, появится или нет.

Шли разговоры о публикации в газете «Московские новости», где главным редактором является Егор Яковлев. У меня есть старый приятель, журналист Владимир Война. Он уже написал несколько статей не только про Диму, но и про других, где главной темой является «Нет пророка в своем отечестве». Он рассовал эти статьи в разные газеты и везде их завернули, то есть отвергли. Тем не менее, он был у меня на днях и сказал, что Егор Яковлев пригласил его к себе работать. В общем, Володя Война уже написал статью про Диму, но что там произошло дальше, мы не знаем. Он пока не звонил.

Люда Лунина из МГУ тоже не звонила о том, как у нее прошел доклад про «Взывающего» у Морозова.

Еще был один интересный разговор в прошлую пятницу с человеком, позвонившим из Советского фонда культуры. Человек назвал себя: Кампанеец Анатолий Яковлевич. Из этого разговора я поняла, что это реакция на обращение к Лихачеву, а может быть, и выше. Кампанеец спрашивал, какие у меня цели. Когда я сказала, что главная цель – это сохранить подвал и начала объяснять, что происходит в МОСХе, он сказал: «Это мы знаем». Он говорил со мной около часа. Вернее, он задавал вопросы, на которые я старалась как можно более точно ответить. Я приглашала его прийти, т. к. многие вопросы просто бы отпали. На это он сказал: «Мы обязательно придем, но нам нужно обязательно кое-что у вас уточнить». Я рассказала ему и о «Гроб-Арте» и даже о том, что эти скульптуры и некоторые другие завещаны тебе. Я не назвала твоего имени. Но когда я сказала, что это «искусство эпохи равновесия страха», то есть гробы с остатками нашей цивилизации, если «равновесие страха» нарушится, он сказал: «Очень интересно». Он спрашивал, что установлено в СССР, что в ФРГ. Спросил, например, как вы можете объяснить, что такое «Памятник погибшим от любви»? Я сказала, что на пальцах очень трудно объяснять, как устроена современная скульптура, но все-таки попыталась. Мне кажется, что он был вполне удовлетворен. Еще он спросил, что бы я хотела сделать с работами Вадима Сидура. Это был очень осторожный вопрос, во всяком случае, по тону. Я сказала, что лучшее место для произведений ху-

дожника – это музей. Но я сказала, что мне хотелось бы гарантий сохранности вещей, потому что я слышала очень много плохого о том, что делается в наших музеях. Он спросил, действительно ли все пятьсот работ закончены. Я сказала, что да, те, которые не закончены, я сейчас заканчиваю. Впечатление от этого разговора у меня осталось очень хорошее, хотя, может быть, оно и неправильное. Может быть, все это какие-нибудь хитрости? Но думаю, что нет. В итоге мы расстались на том, что они из фонда будут мне звонить и, конечно, придут в подвал.

Юра Тамойко рассказал мне, что он беседовал со скульптором Игорем Козловым, новым членом бюро скульптурной секции из молодых, который как раз занимается мастерскими. У этого Козлова очень хорошая репутация и художественная, и человеческая. Я с ним не знакома, хотя он многим говорил, что собирается прийти. Во всяком случае, он сказал Юре: «Мне все уши прожужжали с мастерской Сидура, но все дело в искусствоведах. Мы сейчас создаем комиссию по наследию». Итак, опять пошла бодяга с комиссией по наследию! Но теперь, когда вещи официально мои и твои, мы уже тоже можем диктовать свои условия.

В четверг в пять мы встречаемся с Эльфи у нас в подвале. Она придет с кем-то со шведского ТВ. Это люди, которые хотят снимать телефильм о советском искусстве в мае, но сейчас приехали специально, чтобы ознакомиться со своими «героями».

Кажется, в последнем номере «Штерна» есть большой разворот, где показана Димина мастерская, а в ней Олег Киселев со своими артистами. Это получилось недавно, когда я была у своей матери. Алик принимал журналистов и фотографа из «Штерна» у себя в подвале. Когда зашел разговор об учителях, он назвал Сидура. И тут же все решили сняться у Сидура в мастерской, поскольку Сидур в ФРГ очень известен. Алик позвонил мне, но нарвался на Мишу. Тот толком не понял, чего Алик хочет, но пустил их всех в мастерскую. Когда я приехала, у нас был полный подвал артистов с Аликом во главе. Все снимались среди скульптур. И самым недовольным был Миша, потому что он вспомнил, что отец подобные шоу не любил. Но все мы были любезны, пили чай, я подарила для Марио (корреспондента) кое-какие каталоги. Ну вот, а теперь есть эта публикация, которую я пока еще не видела и не ду-

маю, что это что-то хорошее. Единственно, что сделали паблисити для Алика.

Еще меня посетили муж и жена Арлет и Ульрих Майстер. Он корреспондент «Нойе Цюрхер Цайтунг», а она – «Журналь де Женев». Что-то говорили про публикацию, но пока неясно, что и где.

Сейчас спешим с Мишей в ваше посольство, где будут показывать фильм о Йозефе Бойсе. Наш искусствовед Бажанов будет делать перед фильмом доклад о его творчестве.

Привет от всех наших. Крепко вас обнимаю.

Юля

Москва, 30 марта 1987 г.

№ 11

Дорогие Карлуша и Гизела!

Давно не было от вас писем. Из этого я заключаю, что вы необыкновенно заняты. Тем более Уте Кепплер сказала, что 5-го числа открывается Димина выставка в Гайдельберге. Для меня это оказалось несколько неожиданным. Я знала, что такая выставка состоится, потому что ты мне писал, но ты ни разу не написал, когда это будет. Поэтому новость была особенно приятной.

Уте из боязни таможни (напрасной) привезла вырванные из «Штерна» листы со статьей Марио Дидерихса о современной культурной жизни в Москве № 3, 1987). Дима такого участия в общей куче не любил, но я считаю, что теперь мы можем себе такое позволить. В последнее время он тоже так думал. После того, как у него создалось собственное определенное, довольно известное имя, уже не важно, где, с кем и в каком контексте его будут упоминать. Согласился же он участвовать в общей книжке датского искусствоведа Йорна Гульдберга. В «Штерне» речь шла не о Сидуре, а о Киселеве. Разворот был бы неплохой, если бы актриса Аэлита не стояла в центре в такой глупой позе. Это Алик ее так поставил. В то же время Алик принес мне еще парочку фотографий, сделанных фотографом Каллаи (он словак). На одной из них все выглядит намного лучше: и скульптура лучше, и актеры расположены лучше, во всяком случае, с большим вкусом. Кстати, Алик приобретает

все больший успех – билеты на его спектакль спрашивают очень далеко от самого театра, уже на улице Горького. Но сам он недоволен. Он хочет заниматься «наукой» в своей собственной студии. Ему дают помещение, но его актеры не хотят быть педагогами. К тому же он все время говорит о своем методе, который должен затмить систему Станиславского. Для этого ему нужны психологи, неврологи и актеры. А его актеры хотят быть актерами и зарабатывать деньги, больше они ничего не хотят. Алик опять начал поговаривать об отъезде на Запад или хотя бы о возможности двойной работы на Западе и в СССР. Эти разговоры он ведет последние двадцать лет. Недавно в связи с его успехом эти его идеи несколько поутихли, а сейчас, когда власти говорят о контактах, культурном обмене и прочее, прежние желания, но уже на новых условиях, вспыхнули у него с новой силой.

В связи с Аликовыми прожектками любопытна наша встреча на днях с композитором Эдисоном Денисовым. Мы знакомы с ним очень давно, но при жизни Димы он у нас в мастерской так и не был. Сейчас, когда мы встретились 17 марта на прощальном ужине у г-на Кастря, мы договорились увидаться у нас в подвале и дома. Денисов очень симпатичный, милый, но, на мой взгляд, немного легкомысленный человек. Он и Шнитке считаются самыми современными советскими композиторами. Я немного знаю музыку Денисова. Я не знаток, но, по-моему, это неплохая музыка. Что касается Шнитке, то он бесспорный гений. И Дима так считал, и все мы так считаем. Короче говоря, Денисов пришел со своей подружкой, студенткой первого курса Гнесинского училища девушкой Катей. Очень хорошая девушка из Свердловска, которой не больше 20 лет. [...] У нас ему все очень понравилось, также, как и его невесте. [...] После нашего такого теплого контакта, Эдик предложил прокрутить на нашем видео его оперу «Пена дней» по роману французского писателя Бориса Вьяна, недавно поставленную в Париже и прошедшую там с большим успехом. Дорис, позвонившая вчера, сказала, что у вас тоже была рецензия на этот парижский спектакль. Позавчера мы просмотрели и прослушали эту оперу. Успех в Париже совершенно очевидный, много аплодисментов, криков «Браво!», вызовов автора и т. д. Нам, всем смотревшим: Юре, Вовке, Бродским опера понравилась, но, как всегда, появились претензии и к

музыке, которая местами была великолепной, местами – слабой, а иногда – скучной. Но самые большие претензии у нас появились к постановке. Мало сюрреализма, который есть у Бориса Вьяна, банальность первого и второго акта. В третьем акте становится все получше, поживее, пострашнее, потрагичнее и подинамичнее. Но хотелось бы большего. Когда начали обсуждать все это с Денисовым, оказалось, что актриса должна была раздеться, но не разделась, отказалась. Актеры должны были танцевать, но не захотели и отказались. В итоге современного оперного шедевра не получилось. Более того, я уверена, что тот же Киселев при хорошем либретто сделал бы постановку совершенно блестящей. То есть я хочу сказать, что Париж показался мне не в меру целомудренным и даже провинциальным, а в современном искусстве, да еще в Париже, такое удивляет. Уверена, что у нас сделали бы лучше! Опять же я снова подумала об Алике и его постоянном недовольстве своими ребятами-актерами. Они поразительно дисциплинированы! Аликовы репетиции и физически и психически выдержать очень тяжело. Представляю, если бы у него актриса не захотела бы раздеваться, а кто-то отказался бы танцевать, да его тут же на сцене хватил бы инфаркт от возмущения. [...]

Наташа Брилинг уже послала «петицию» с подписями в Советский фонд культуры.

Мы встретились с Греточкой, о чем я вам уже писала. Она прислала нам с Утей Кепплер совершенно необходимые для видеофильма недостающие предметы. [...] Кроме того она посоветовалась со специалистом, и тот сказал, что для улучшения качества необходим еще усилитель под названием *Überspielverstärker*. Я думаю, что мы вполне можем осилить подобную трату в размере 400 DM. Еще ей сказали, что для идеального профессионального качества нужен еще один рекордер, который стоит 2400. С ним пока подождем. Дело не только в деньгах, но и в трудностях доставки. Что же касается усилителя, то я прошу вас, чтобы Греточка сама его купила, а потом вы уж каким-нибудь образом его нам доставили.

Еще у меня просьба, если это не трудно. Нина Гинзбург очень увлекается вязанием. Она сама вяжет и на руках и на машине. Ее интересуют журналы по вязанию, но только, конечно, свежие журналы. Если сможете купить такой журнал, то передать его можно с любым человеком, это не сложно.

У меня был журналист Володя Война. Кажется, в «Московских новостях» будет публикация. Он говорил и с Егором Яковлевым и с заведомом публицистики Шевелевым, который слышал про Сидура и когда-то дружил с писателем Зверевым. Володя прочитал мне свою статеечку, она вполне хорошая. Мы поправили кое-какие неточности, и он ее отдал. Не знаю, что из всего этого выйдет. Но если будет опубликовано, то где-то публикации в «Литгазете» и в «Московских новостях» могут совпасть по времени. Могут даже выйти одновременно 8 апреля, так как обе газеты выходят по средам.

Недавно мы были в вашем посольстве на вечере, посвященном творчеству Бойса. Там я видела практически всех художников-авангардистов. Фильм про Бойса был бы нам намного интереснее, если бы мы понимали по-немецки. Русским было интересно, а немцы помаленьку один за другим выходили из зала. Лично на меня авангард Бойса не производит никакого значительного впечатления, но его личность очень симпатична. Он в своей неизменной шляпе сам собою представляет любопытное произведение искусства. И мне жаль, что он умер.

По ТВ показывали сюжет о выставке на Каширке в общей передаче «Мир и молодежь». Также по Московской программе показывали клуб «Авангард», который обосновался в доме культуры Пролетарского района на Автозаводской. По ТВ теперь часто мелькает разнообразная «абстракция». Сам факт приятен, но качества хорошего я практически не видела, за исключением Берлина.

Была у меня искусствоведка, студентка 3-го курса МГУ у Морозова Людмила Лунина. Она сделала доклад о «Взывающем». На мой взгляд, сделано совершенно блестяще. К тому же Люда живет рядом с нами, около кафе «Хрустальное». Она сказала, что студенты были очень довольны, а Морозов скуп похвалил, сказал, что у нее есть задатки «настоящего критика». Обычно же Морозов всех ругает. Но он сказал, когда Люда процитировала Димины слова о том, что мы живем в «равновесии страха», что это не Сидур сказал, а Черчилль сказал в 1945 году. Ни Дима, ни Люда, естественно, не знали, что Черчилль говорил такие правильные слова еще в 1945 году. Люда пообещала напечатать для меня один экземпляр своего доклада, и я его тут же пошлю тебе. Еще Морозов

сказал: «Сейчас все помешались на Сидуре, везде разговоры о его подвале и монография о нем готовится». Я сказала Люде, что насчет монографии Морозов соврал для красного словца. Но все-таки я попросила Люду узнать у Морозова, кто готовит монографию о Сидуре. Я бы этому человеку с удовольствием помогла.

Я прочла Саше Шумову то, что ты написал о его статье в «Творчестве». Он тут же все старательно записал в большую тетрадь. Невероятно умилительно.

В воскресенье ко мне приехали прощаться г-н и г-жа Кастль. У меня как раз был Левочка. К счастью, он нам не мешал. Они у меня немного посидели. Сказали, что новым послом будет снова Майер-Ландрут. Это, конечно, очень хорошо, потому что мы знакомы. Но мне жаль, что Кастли уезжают, они удивительно дружественные и симпатичные люди. Они рассказали мне любопытную вещь – какой-то человек из ЦК, который знал Диму и знаком со мной, сказал, что Фалин и кто-то еще якобы занимаются нашей мастерской, точнее, знают об этой проблеме. Но разговор об этом начал сам г-н Кастль. Этого человека зовут Крамер, он, как выразился г-н Кастль, «симпатичный еврей» и он был у Димы на похоронах. Сколько я не напрягала свою память, я его так и не вспомнила. Тем более я знаю, что у меня нет знакомых ни в ЦК, ни в КГБ, ни в Политбюро. Но уже позднее я вспомнила этого человека. Это Илья Семенович Кремер. Он был в нашей мастерской один раз, и один раз он мне звонил по телефону. Он, кажется, поздравил меня с 8 марта и при этом сказал, что если бы мы могли обратиться к Яковлеву, то это было бы хорошо. Я не придала его словам большого значения, потому что совет обратиться к такому большому начальнику как Яковлев очень хорош, но для меня он недоступен. Тем более что Р. Сагдеев, пообещавший это сделать, надолго исчез, а других путей у нас не было. Сам Кремер не работает в ЦК, а где-то рядом, по моему, в ВПШ (Высшая партийная школа) и познакомились мы с ним, потому что он муж Мишиной начальницы и покровительницы Инессы Александровны. Инесса Александровна любит Мишу из-за доброй памяти о его дедушке Викторе Ивановиче Шункове, который сделал многим людям много добра в самые черные сталинские дни во времена «борьбы с космополитизмом и преклонением перед Западом». Вот таким

образом история со «знакомым из ЦК» наконец для меня прояснилась.

Видела г-на Деннингхауса по ТВ. Шли разговоры о том, как хорошо, что появилась такая замечательная совместная книжка, как «Европа на пороге...» Мне сразу же стало ясно, что Деннингхаусу некогда было прийти в мастерскую к Сидуру.

Сегодня в ЦДХ на Крымском валу у Слепышева выставка-однодневка. Мне неохота идти, но надо, Мишина мать специально пригласила через Мишу.

Были у меня представители Финляндского ТВ. Две женщины, одна постоянный представитель в Москве, другая – в Хельсинки. В мае будут снимать фильм о советском современном искусстве. Уже есть договоренность с Гостелерадио. Это Эльфи их пригласила ко мне. Эти финки сказали, что наши пообещали им не только не мешать, но даже помогать. Вчера мне звонил человек с советского ТВ, Викторов Виктор Львович. Хочет со мной пообщаться, посмотреть. Он видел твою книгу и каталог у Лени Штутмана, очень заинтересовался. Посылаю всякие интересные газетные вырезки. Удивишься, прочитав в «Московских новостях», что Неизвестный хотел делать памятник Марксу.

Огромный привет от всех. Крепко вас обнимаю.

Юля

P.S. Была на однодневном вернисаже у Слепышева. Вполне хороший художник. Особенно приятно видеть хорошую живопись сейчас на фоне сверхмодного авангарда, который мне лично жутко надоел. А у Слепышева есть и цвет, и состояние, и мастерство. Но сам он на вид человек неприятный, необаятельный. Я думаю, что это от очень большого комплекса неполноценности.

3.4.87

6 Jul.

Юленька!

Только что мы получили твое 11 письмо. Огромное спасибо за все подробности и газетные статьи. Отвечу только коротко, потому что скоро еще раз поедем на юг и, как я уже написал, вернемся только около 16-го. Время очень ограничено.

Я еще в прошлом году написал, когда будет Гайдельбергская выставка.

Мне кажется, что Алики вел себя прилично. На фоне Диминого кино Аликовы «игры» совсем возможны и где-то даже допустимы. Нам всем очень даже понравился разворот, и на немецкого зрителя, скорее всего, мастерская как таковая произвела впечатление. Успокойся, эффект грандиозный, и сам Алики хорошо отозвался в самом тексте (интервью) о Сидуре. Не жалей о публикации. Будут еще лучше. Кроме того, имя Сидур – это уже памятник, который стоит, и любые «малыши» или так называемые «прочие мастера» ему нигде и никогда не будут мешать. Жаль, что Дима не смог испытать с каждым днем возрастающего интереса к его творчеству.

Очень интересно, что ты написала о Денисове. Мы надеемся встретиться с ним и со Шнитке в Виттене, маленьком соседнем с Бохумом городке, где время от времени организуется музыкальный фестиваль и куда приглашены как раз и Денисов, и Шнитке. Мы хорошо знаем организатора этого фестиваля Dr. Brenneske, который дружит с обоими и который фактически распространил их имена на Западе.

Аликовы мечты и иллюзии о Западе нормальны, но это иллюзии. Они возможны, потому что у него и вообще почти у каждого из вас исключительно и бесконечно фрагментарная, очень случайная информация о жизни на Западе. На Западе, как и повсюду, имеется большое разнообразие всяческих возможностей. Поэтому высказывание: там так или иначе – просто недопустимо. Я знаю столько много русских художников-эмигрантов, которые лично старались бы в его случае убедить его остаться в Москве. Там его корни, его культурная и социальная почва, не здесь. В этом вопросе Дима был удивительным реалистом, умным. Первое, что Алику надо – это практическая работа и дальнейшее накапливание опыта. Второе – письменное обобщение этого опыта в профессиональных журналах (а до этого – кропотливое исследование теории и истории эстетики. Очень многое в этой области уже давным-давно сделано, продумано и додумано). И только на основе первой и второй предпосылки он может выступать опытным профессиональным учителем нового поколения актеров. Все остальное не может быть ничем иным, чем незрелым «старанием». Запад пока не является для него будущим. Вся его почва – в Москве, в России.

Греточке я уже написал письмо. Конечно, расплачусь. Каталог я ей переслал.

«Творянин» мы поддержали и послали им деньги. Кроме того, я им дал совет, к кому обратиться. Журнал Art и журналы для вязания я постараюсь тебе послать через Дорис, которая скоро будет в Москве.

Сегодня я поговорил с Denninghaus'ом. Он стесняется позвонить. Мое письмо Горбачеву он передал Феликсу Кузнецову, чтобы тот его передал в ЦК или даже дальше. Кроме того, он послал копию этого письма по московской почте Горбачеву.

Юленька, крепко вас всех обнимаем, целуем.

Карл

P.S. Написал сегодня и Schroembgens о всех его начинаниях. Он надеется, что при нашем присутствии в Москве мы кое-что продвинем.

4.4.87

Дорогая Юля!

Мы практически уже по дороге в Heidelberg. Вчера мы были у моей матери. Она все в таком же «немом» состоянии, только смотрит. Неясно, что она понимает. По-видимому, ничего. Ужасно, если от любимого человека нет никакой реакции.

Всем из сов. делегации в Dortmund'е мы подарили Бох. каталог. Все были очень довольны, хвалили Димино творчество. Вчера вечером мы просидели с кавказоведом профессором Гурамом Рамашвили из Тбилиси до 2-х часов ночи и тоже подарили ему Бох. каталог. Он был в восторге от скульптур.

Привет, обнимаем.

Гизела и Карл

4.4.1987

5 Jul.

Дорогая Юля!

На прошлой неделе мы были в Гайдельберге и начали подготавливать предстоящую выставку. Поэтому мы получили твое 10-е письмо этого года позже и не смогли вовремя ответить.

Жаль! Я сам уже настолько привык к твоим письмам, что мне даже плохо, если их нет за какое-то время. Но иногда так и бывает.

Как обычно, мне и в этот раз казалось, что подготовить эту выставку (она, по-моему, уже 18-я!) легче, чем все остальные, но увы, все время то же самое – переговоры, поездки, осмотры, дискуссии, планы, идеи, осложнения, новые обязанности и т. д. и т. п. Упаковки, составление списков для страховки, объяснения, переговоры с радиостанциями. На прошлой неделе мы уже увезли все рисунки в Гайдельберг, и в конце концов приехали устроители из Гайдельберга и увезли все скульптуры, все афиши всех предыдущих выставок и копии эскизов, которые я выбрал специально для этой выставки. Я им передал и все видеокассеты, которые они будут переписывать себе и тебе. Там имеется и мой фильм с Peschler'ом, и передача Pleitgen'a, фильм Беднарца, и другие передачи о Диминых выставках (Бохум, Кассель, Гамбург). Хотя качество не будет великолепно из-за повторной перезаписи, все-таки все эти передачи создадут впечатление и дадут кое-какое представление об организации хотя бы некоторых выставок. На афише поместили очень удачно «Автопортрет» (лопата), тот же самый мотив имеется и на пригласительном билете. TV Südwestfunk (Baden-Baden) передаст телепередачу. Клаус Беднарц тоже приедет, чтобы снимать для своего 30-минутного фильма, которым он будет занят в мае. Он собирается снять и все главные установленные у нас скульптуры.

После открытия выставки остановимся в южной Германии, поедем к Peschler'у в Цюрих, пробудем наверняка один день в Мюнхене. 14-го будем в Ульме, откроем там «Эйнштейна» (там я прочту тот же самый доклад, что и в DFG). 15-го я прочту этот самый доклад еще раз в Гайдельберге. 16–17-го вернемся в Бохум. 3 мая просмотрим в Гайдельберге Димино кино с Гизелиным введением. Вот какие у нас планы на ближайшее время.

Публикация в «Штерне» совсем отлична. Очень много людей ее видели, позвонили и поздравляли. Алик хорошо и тоже прилично отозвался о своем искусстве (см. текст). Верно, такие шоу Дима не любил, но исходя из его кино, они совсем допустимы. Миша не должен упрекать себя. По-моему, публикация в рамках всей публикации (я имею в виду разворот) очень важна.

Статья в Art тоже совсем прилична. Много людей ее уже видели, тоже понравилось. Например, Franzis von Stechow, которая тебе написала письмо после Диминой смерти, но потом его не отослала. Стыдилась, как она говорит, не нашла те слова. Она через Art узнала о выставке в Гайдельберге и предложила диашоу из тех слайдов, которые она тогда сделала (она их уже показала на прошлой выставке в Констанце). Оригинальный номер Art я тебе пошлю отдельно.

Выставка у Логинова была бы прекрасна. Интересно, что позвонили из Фонда культуры. Очень надеюсь, что будет статья Гинзбурга, как факт истории и дополнительный нажим на власти и на Союз художников. Пацюков, может быть, не дурак, а просто информирован слухами, которые некоторые художники распускают, сами не зная в чем заключается истина. Художники, кстати говоря, ждут, как закончится прецедент завещания иностранцу. Мне сказал Schrameyer, что Пацюков написал книгу про нонконформистов и примитивистов. Мне кажется, что при случае надо просто пригласить его в мастерскую, чтобы он собственными глазами увидел, в чем дело и чтобы непосредственно поговорить с ним.

Только что позвонил Beckel из Вюрцбурга сообщил, что окончательное решение будет 7 апреля, сказал, что священник Weißkopf подготовил скромную документацию для этого заседания, попросил афишу Гайдельбергской выставки. Я со своей стороны указал на публикацию в Stern и в Art и на предстоящую телепередачу.

Очень надеюсь, что Majster из Neue Züricher Zeitung что-то напишет, хотя тогда, когда Дима умер и я им срочно послал некролог, редактор по культуре сказал: «Пятистрочника для него хватит» (прошу тебя не передавать дальше эту информацию, потому что я уверял, что я никому об этом не буду говорить).

В день открытия выставки в Гайдельберге (или на другой день) пошлем тебе телеграмму и напишем коллективное письмо Горбачеву. Копию тебе пошлем через меня.

Schroembgens мне до сих никогда не написал, т. е. не ответил на мои письма ему. Он, по-видимому, очень ленивый человек. Только надеюсь, что он вообще уже был активен. Я его теперь спросил, считает ли он нужным послать письмо от меня в 1-й нотариат.

Юля, само собой разумеется, что если ты считаешь нужным, чтобы так называемые «мои» скульптуры остались у вас, я, конечно, сразу откажусь от наследства. Мне лично вообще кажется, что скульптуры лучше всего оставить в самой мастерской. Именно они дают мастерской специфическую атмосферу. Но самое важное, чтобы у тебя (и/или у Миши, или у другого ответственного для наследования лица) осталась мастерская.

Хотя я лично очень надеюсь на успех Горбачевских реформ, все же будущее очень неопределенно, неясно. Надо иметь конструктивную концепцию и программу на дальнейшие хотя бы десять лет. Пока открываются главным образом недостатки и промахи. До какой-то степени ломают частичные обветшалые структуры. Люди не подготовлены к подлинной демократизации, большинство никогда реально не носило подлинную ответственность (люди только были ответственны за то, что от них требовали другие). Надо провести полностью автономию решений у индивидуальных людей и учреждений, надо проверять и все биографии, и ставить вопрос о правильном поведении каждого в прошлом. Очень важен и вопрос гарантий права и бескорыстного правосудия. Все эти вопросы открыты, противники просто ждут и надеются на неудачу, на «хаос» перестройки. К тому же вопросы и эмоциональные, и идеологические, как вопрос «русского народа и русской культуры» и отношение к другим «нерусским народам и культурам» (на мой взгляд, даже перестали говорить о так называемой «многонациональной культуре»), тоже не продуманы и поэтому открыты и в этом смысле опасны. Будущее очень ненадежно. Все эти вопросы надо иметь в виду, если речь идет о месте хранения наследства.

Вот это все на сегодня. Крепко обнимаем. Надеемся, что скоро увидимся в Москве.

Карл

Москва, 6 апреля 1987 г.

№ 12

Дорогие Карлуша и Гизела!

Очень вы обрадовали меня своим письмом «Юл. 4». В приложении я получила: публикацию из «Штерна», афишу ДФГ,

письмо г-на Грюбера из Оффенбурга, адресованное Д.С. Лихачеву, и письмо Петры Келли, Герта Бастиана и других Горбачеву. Спасибо за все! Еще сегодня получила вашу открытку из США.

Все, что вы написали о своей поездке, очень интересно. Самое главное – все знакомые эмигранты процветают, не говоря уже о Скамейкине, который не эмигрант, но тоже процветает. То, что вы с ним дружите, это ваше личное дело, но для меня его разговоры о том, что он хотел Диме написать, но «не успел», просто смехотворны. О чем он мог написать Диме? О том, что он его продал? О том, что он обманул Эдика? О том, что он засунул записку, вернее, расписку Лидии Корнеевны в коробку с чаем? О том, что он просил такую же расписку у Димы для издательства «Посев»? Какое трогательное письмо он написал нам после того, как у него на таможне «проверили каждую шву» его одежды! И что мы можем надеяться на его помощь, на его поддержку, если с нами что-нибудь случится. При всей тогдашней дружбе Дима все-таки не дал ему расписку для получения денег в «Посеве» за портрет Солженицына. Дима никогда не собирался торговать этим портретом. Но другие, такие как Скамейкин, этим портретом торговали. Что же случилось в 1974 году, когда опубликовали статью «Миша Скамейкин из Лондона»? Где оказалась его поддержка, его помощь? Помощь журналиста из «свободного мира», то есть человека, непосредственно связанного с прессой? Он сообщил, что он ни в чем не виноват. И как аргумент привел тот факт, что если бы он был виноват, то его бы не выпустили. Ну, конечно, он не виноват, а мы все виноваты! Он не сказал ни одного доброго слова ни об одном из тех, кто оказался «героем» этой статьи: ни о Леве Копелеве, ни о Лидии Корнеевне, ни о Вадиме Сидуре, своем лучшим друге тогда. Я уже не говорю об Эдике и Кларочке, которые в статье не были названы, хотя имели не меньшие неприятности. Репрессии последовали бы в любом случае, но то, что Скамейкин за нас не заступился, потрясло нас всех больше, чем сами репрессии. Уж больно он оказался хитрым и лживым. Он, безусловно, совсем не прост, если сумел втиснуться в доверие нашему замечательному «главе правительства в изгнании» г-ну Солженицыну, который позволил ему писать статьи о своей величественной персоне. Но тогда, когда Солж узнал

о, мягко говоря, «странном» поведении Скамейкина, и при том, что тогда еще Кларочка его всячески выгораживала, он сказал довольно сурово: «Дурак ваш Скамейкин!» Но поскольку они сейчас так проникновенно сотрудничают и один получает престижные премии за писания о другом, очевидно, отношения там вполне любовные. У нас здесь все по-другому. С годами все прояснилось. [...]

Меня очень радует выставка в Гайдельберге, открывающаяся 8 апреля. В этот же день должна была появиться в «Литературной газете» статья Гинзбурга о Диме и о его мастерской. Но эта статья не появилась 8-го. Они говорят, что ее вынули в последний момент, потому что пошел срочный материал о Тарковском, из которого сейчас изо всех сил делают выдающегося советского кинорежиссера. Они сказали, что статья, скорее всего, появится через неделю, 15 апреля. Но мы привыкли им не верить, поэтому считаем, что 15 апреля тоже не факт, что статья эта появится. Одновременно вроде бы идет работа над статьей журналиста Владимира Война в «Московских новостях». Когда она появится, тоже пока неизвестно.

Дело с мастерской понемногу продвигается. Пока ничего не изменилось, но движение есть. Мне позвонили из Ленинграда. Звонившая женщина, Лариса Александровна Алексеева, является референтом Лихачева. Она разговаривала со мной не просто любезно, а даже, можно сказать, сердечно. Дала мне телефон члена президиума фонда Мясникова Георга Васильевича, сказав, что он в курсе дела. Если же что-то получится, то она сказала, чтобы я снова обязательно позвонила им (она оставила свой телефон), и они будут действовать дальше. Но начать надо с москвичей, поскольку это проще. Я уже дважды беседовала с Мясниковым. От этих разговоров у меня осталось несколько подозрительное впечатление. В первом разговоре он сказал: «Что же вы от нас-то хотите, ведь мы же фонд, накопление, так сказать!» Когда я начала объяснять, он мне сказал, что он все знает, и нам надо повидаться. Сегодня ровно в одиннадцать, как он назначил, я ему позвонила, и он снова начал говорить: «А причем тут фонд? Вам надо обратиться в Союз художников». Я терпеливо объясняла ему, что в Союз художников уже обращалась и т. д. В итоге он назначил мне встречу на завтра в 5 часов вечера в помещении министерства культуры, Арбат, 35. Я некоторое время уговаривала его при-

нять нас с Мишей вместе, а он никак не мог понять, зачем нужен Миша. Только один раз он удовлетворительно хмыкнул, когда на очередной вопрос «зачем и почему» я ответила: «Чтобы сохранить и сберечь». Впечатление от разговора осталось скорее неприятное. В его словах чувствуется, с одной стороны, непонимание, вернее недостаточное понимание проблемы, с другой стороны – некоторая тенденция к шантажу и торгашеству. Это было бы совсем точным моим ощущением, если бы Саша Шумов не выдал мне кое-какую интересную информацию. Этот Мясников, партийный чиновник из Пензы, считается очень прогрессивным деятелем. Он у себя там в Пензе устроил музей Мейерхольда и выставил какие-то произведения Лентулова. По телефонному разговору с ним подобное предположить трудно. Когда я видела его по ТВ, то то же самое впечатление – хорошо, если бы кто-нибудь другой занимался бы нашим делом. Но впечатления внешние могут быть поверхностными и обманчивыми, поэтому я надеюсь на лучшее и на минимальное, то есть – на разрешение аренды Мишиной матери.

Услышала по Би-би-си, что Горбачев не поедет в Прагу из-за «легкой простуды». Немного испугалась, потому что они намекнули, что и у нас внутри не все благополучно. А в Праге он якобы собирается встретиться с Дубчеком. Если сейчас у нас опять произойдет переворот, скинут Горбачева. Представляете, что тут начнется!

Посетили меня Кунце. Очень хорошо поговорили, подарила им Димин черно-белый рисуночек на память.

Посетил меня Штр-н. [...] Он рассказывал об установке «Эйнштейна» в ДФГ (он был там со своей семьей) и как там все было интересно: твой доклад, скульптура, маленькая выставочка... Очень хвалил «Взывающего» в Дюссельдорфе. Подарила ему «Рыбку».

Юрочке осталось отснять еще три скульптуры из тех, которые ты попросил сделать: «Слепых», мужчину из «Бабьего Яра» и «Узника». Потом он начнет печатать. Все остальные по твоему списку он уже отснял в разных ракурсах, с разных сторон.

Мой бывший ученик Алик Логинов узнал, что надо делать для оценки твоих вещей: куда обращаться, как составить опись, какие фотографии и т. д. Я уже договорилась с Эдиком,

а он договорился с Лапиным, и тот уже начал делать фотографии 13418 завещанных тебе вещей, каждую по две штуки. Когда будут готовы фотографии, мы составим опись и обратимся в нотариальную контору, чтобы те направили запрос об оценке в комиссию по вывозу культурных ценностей за границу. Вот тут понадобится Шрембгенс, как непосредственный твой представитель. Мы с Мишей уже поняли, что сам он ничего не добьется. Скорее всего дело дойдет до реальности, когда ты появишься в Москве сам.

Вышел журнал «Театральная жизнь» № 6, где физиономия Олега Киселева целиком занимает всю обложку. В журнале напечатано интервью с ним, где он, отвечая на вопрос, говорит: «...мой учитель, скульптор Вадим Седур». Не могли, сволочи, напечатать без ошибки!

То, что у Неизвестного есть «сарай», превращенный в музей в Швеции – это его очень большая удача. Если из сараев делают музеи – это всегда лучше, чем наоборот.

Я считаю, на некультурное поведение г-жи Симс, куратора музея Метрополитен, надо наплевать, а послать ей Бохумский каталог для дела обязательно стоит! На кой нам нужна ее дружба? Но наличие Бохумского каталога в музее ни в коем случае не может помешать. Мы с вами прекрасно знаем, как часто ведут себя музейные работники – и европейские и американские. Они знают свою силу и всегда ею пользуются, потому что многие и многие художники от них зависят. Мы же ни в коем случае не будем зависеть от г-жи Симс, но каталог послать стоит.

Нортон Додж. Я помню только, что Кадилис прислал нам с огромным опозданием (вернее, вам, а не нам) 200 дол. Я помню, что разговор был такой – если Янис что-то продаст, то две трети Диме, а треть ему. Я так толком и не могу понять, за сколько он продал Доджу Димины рисунки.

Очень интересно, что получится публикация в «Арт». Интересно, это в цвете или черно-белое? Обязательно пришли по возможности.

Очень любопытно знать, о чем у вас рассказывают Белов и Распутин, наши великие русские патриоты, истинно русские, несмотря на очевидные следы азиатского происхождения в лице самого Распутина. Распутин хотя бы талантлив до сих пор. Что же касается Белова, то этот потерял все, что имел от бога. А когда-то очень неплохо писал.

Хорошо бы иметь кассетку с передачей на «Немецкой волне». У нас дикое глушение, и мы практически никогда ее не слышим. Опять же напоминаю тебе, Карлуша, о видеокассете про Димино творчество. Мы все ее с нетерпением ждем. Кажется, Клаус Беднарц собирался делать фильм про Диму еще зимой. Сейчас уже апрель. Что-то передумали или же проект остается в силе?

Если пришлешь новые шарошки, все мы, и особенно Романыч, будем рады.

Я очень рада, что «Эйнштейн» будет установлен в Ульме, на родине самого Эйнштейна. Жаль, что не могу присутствовать в Гайдельберге, где проходит Диминова выставка. И очень, очень счастлива, что будет установлен «Памятник пог. от бомб» в Вюрцбурге. Таким образом, получится, что все лучшие Димины памятники 60-х годов будут установлены, и все – в Германии!

В эту среду, 9-го, ко мне придет режиссер с советского ТВ Виктор Львович Викторов с оператором. Это не для съемки, а для знакомства. Эта встреча носит чисто случайный характер. Никто пока не знает, что из этого выйдет. Викторов познакомился с Диминым творчеством у Лени Штутмана через твою книгу и Бохумский каталог. Это произвело на него сильнейшее впечатление. У него, как он сказал, есть час экранного времени. К тому же у него в кино будет фигурировать академик Мигдал, с которым мы очень хорошо знакомы. Но есть некоторые трудности: Мигдал сам занимается самостоятельной скульптурой, ювелирными поделками и гордится этим чуть ли не больше, чем своими успехами в физике. Я никогда не забуду, с какой гордостью он показывал нам с Димой свои перстни, красиво уложенные в коробочку с шелковой подкладкой, и с огромным счастьем сообщил, что один перстень он продал за 40 рублей! Он кропает какие-то скульптурки из гипса. Все это весьма самостоятельно, но его отношение к этому делу у него невероятно серьезное. Еще один момент – Витя Гинзбург очень не любит Мигдала за его постоянный «выпендрейж». Мигдал всегда появляется с какими-то модными бабами: манекенщицами, актрисами, художницами, балеринами и т. д. При этом делались всякие намеки, что с ними есть интимные отношения, чего на самом деле было или мало, или совсем не было. К тому же Мигдал довольно-таки старый хрен, а ведет

себя до сих пор как тинэйджер. Все это не мешает тому, что Мигдал – личность значительная, интересная, интеллигентная, в высшей степени образованная и культурная. Он опубликовал когда-то в журнале «Наука и жизнь» свои мысли об искусстве, в частности, о Муре. Да и сейчас, когда он выступает по ТВ, все выглядит очень умно, смело и прогрессивно. Тем не менее я сказала Викторову, что мне не хотелось бы, чтобы Мигдал выступал в фильме как художник и проводились хотя бы зрительные сравнения его самодеятельности с искусством Сидура. Это будет вредно для обоих: для Мигдала, потому что видна будет его абсолютная художественная беспомощность, и для Сидура, потому что его настоящее искусство всерьез будет сосуществовать рядом с самодеятельностью, чем обязательно в какой-то степени будет обесцениваться. Я высказала все эти соображения Викторову. Он сказал, что я напрасно беспокоюсь, потому что если что-то выйдет, то Мигдал будет фигурировать в фильме не своими произведениями, а своими умными мыслями, и в то же время попросил меня ни о чем с Мигдалом не говорить. Я сказала, что и не собираюсь, зная, что кроме всего прочего Кадя очень хвастлив, самолюбив и ревнив. Но я всегда помню, что когда-то он помог в переговорах насчет отправки «Эйнштейна» в США и немедленно согласился подписать письмо насчет мастерской, в тот же самый момент, как я к нему обратилась. В общем, поглядим, что из всего этого выйдет.

В эту субботу у нас, по словам Романыча, «общий сбор». Будем укреплять «Победителя». Главные специалисты – это врачи Романыч и Володя Бродский, а мы, все остальные: Вовка, Юрочка, Наталья и я (Миши не будет, он не терпит коллективных действий, как ярко выраженный индивидуалист) будем в подмоганнях. Следующее важнейшее событие – это привоз памятника Льву Асламазову в Москву. Он уже вырублен в граните. К сожалению, Тамара заболела в последний момент, и поехал брат Левы Саша Асламазов. В искусстве он понимает слабо, но памятник ему очень понравился. Скульптор Саша Позин мне позвонил из Ленинграда, сказал, что Асламазову все понравилось, он сам с ним расплатился и даже они вместе договорились о тумбочке. Все это очень кстати, потому что в Москве все труднее и дороже во много раз. Коротко говоря, Саша Позин уже договорился с шофером о транс-

порте. Они привезут памятник, модель в натуру (гипсовую), тумбочку и, конечно, мою бронзовую отливку примерно 16 апреля. Теперь мы все ломаем голову, куда ставить модель в мастерской. Места совсем нет. Решили выкинуть находящиеся справа от входной двери известняковые блоки, предварительно разрубив их на куски. Жалко выбрасывать модель, она все-таки очень хорошая. Но здорова, 238 см!

Последняя новость на данную минуту – это Левитанский. [...] Он сейчас в невероятном почете. Повсюду устраиваются его вечера, концерты, и публика ломится на него почти как на Аллу Пугачеву. Он сказал, что скоро приведет свою любовь мне показывать, а сейчас просил никому не давать его новый телефон, потому что 14-го у него развод в суде. И он хочет вести себя пока как можно тише. [...]

Кончаю это бесконечное письмо. Если успею сообщить, как прошла наша беседа с Мясниковым, то напишу. Если нет, то в следующий раз.

Привет от всех, крепко вас обнимаю. Очень хорошо, что вы дружелюбно пообщались с отцом Давида, а главное – видели его самого!

Крепко обнимаю.

Юля

Москва, 13 апреля 1987 г.

№ 13

Дорогие Карлуша и Гизела!

Только я успела ответить вам на письмо № 4, как появились письма №№ 5 и 6 с приложениями: ксерокс журнала «Арт», афиша Гайдельбергской выставки, письмо обербургомистра города Ульма об установке «Эйнштейна» 14 апреля и материалы «Галереи Эль» Збышека Шмурло, еще одна афишка (уже у меня вторая, из ДФГ, «Головы современников»), а также несколько фотографий. На одной из фотографий я увидела Гизелу почему-то очень маленького роста и удивилась. Но оказалось, что я не одна попалась. Все, кто знает Гизелу, спрашивали, почему Гизела такого маленького роста. Потом все поражались и улыбались, поняв, наконец, что это не Гизела, а Давид со своим отцом. Вот такое у них поразительное сходство на этой фотографии.

Твой звонок, Карлуша, как всегда очень обрадовал. Поздравляю нас всех с уже прошедшим Диминым вернисажем! Пригласительный билет стоит передо мной за стеклом на полке, и я на него люблюсь. Фотография «Автопортрета» на нем получше, чем на афише, афиша несколько темновата.

Позавчера у нас состоялось знаменательное событие – мы укрепили и подреставрировали «Победителя». Дима все время нервничал, что скульптура неустойчива, хрупкая и очень уязвима для разрушения. Один посетитель толкнул ее нечаянно и она тут же дала трещину под сапогом. Дима очень переживал и считал, что в этом месте она непременно сломается. Надо было срочно что-то делать. Главным был Романыч, потом Вова Бродский, а мы все: Вовка, Юрочка, Наталья и я были в помощниках. Романыч заготовил инструменты. Интересно, что это те же самые инструменты, которые хирурги используют в травматологии на больных. Например, у моей матери в бедре с 75 года находится длинный металлический штифт из нержавеющей стали. Поскольку голень у «Победителя» была самым опасным местом, с нее и начали. Через икроножную мышцу вогнали длинный металлический стержень, дошедший до середины сапога, затем все это сморозили гипсом. Потом так же укрепили костыль, сам сапог снизу и весь плинт целиком, прикрепив к нему тяжелую свинцовую чушку. В общем, «Победитель», как у нас говорят, теперь «никуда не денется». То есть его нельзя поломать при неосторожном прикосновении, почти невозможно уронить, если не делать это специально с очень большими усилиями, но поскольку он стоит только на двух точках, он может слегка покачиваться, т. к. у него смещен центр тяжести. Может быть, если бы он был отлит в бронзе, он бы держался совсем «железно» благодаря своему весу, но и сейчас все нормально. Всю эту процедуру Юрочка снял на видео. Есть некоторые очень интересные моменты. Когда Юрочка будет монтировать свой фильм, кое-что из этого эпизода тоже в него войдет.

Кстати, Карлуша, ты порадовал меня тем, что Клаус Беднарц делает свой фильм про Диму, как это он задумывал.

Очень интересно прошла наша встреча с сотрудниками Советского фонда культуры, который расположен рядом с моим домом, Арбат, 35. Самого Мясникова сначала не было, но он поручил двум заведомо: юридическим и финансовым,

с нами заняться. Люди были умные, тонкие, особенно старший финансист. Снова спрашивали о наших целях и желаниях. Я сказала, что моя утопическая мечта – создать музей Сидура, ну в крайнем случае зал (хотя бы), но поскольку я понимаю всю нереальность подобных свершений в данный момент, мы хотим сохранить подвал в том виде, в каком он существует в настоящее время. Были разговоры и о том, чтобы взять все под охрану государства, и чтобы Союз художников дал свою «объективную» оценку творчества Сидура. Я сказала, что Союз и МОСХ не могут дать объективной оценки творчеству Сидура, потому что они относятся к нему плохо. Если бы было иначе, нам не пришлось бы обращаться в Советский фонд культуры за помощью. Вопрос с мастерской мог быть решен в течение двух минут, учитывая тот факт, что огромное количество работ некуда девать и лучше всего, чтобы до поры до времени они оставались там, где сейчас находятся (оба из фонда согласно кивали головами, у них у самих нет помещения). Во-вторых, аренду можно как исключение сделать на меня, т. к. Сидур был инвалидом Отечественной войны, а я вынуждена была работать с ним в течение последних 15-ти лет из-за его постоянно ухудшающегося здоровья, и я имею право на льготы, установленные нашим государством еще в 75-м году, к тому же надо кое-что заканчивать, а потом постепенно приводить в порядок незаконченные вещи и отлить в металле то, что может разрушиться. В-третьих, у нас есть запасной вариант, это Мишина мать, которая является членом Союза, хотя мне лично хотелось бы, чтобы аренда была на меня, т. к. я все-таки предпочитаю сама отвечать за эту мастерскую не только морально, но и юридически. Старший, Юрий Владимирович Никольский, сказал: «Но не получится ли это так, что там откроется, скажем, салон мадам Нельской, где будет демонстрироваться какой-нибудь “Секс-Арт”?» Я, безусловно, поняла на что он намекает: бесконтрольное посещение подвала теми, кого мы пускаем, встречи с иностранцами, возможную продажу вещей и т. д. Также он показал свою некоторую осведомленность, очевидно, слышал что-то про «Гроб-Арт» и про сексуальные мотивы некоторых Диминых вещей. Я им сказала: «Именно я и говорю о музее Сидура, а что касается его творчества, вы можете сами прийти и ознакомиться». – «Мы не эксперты». – «Во всяком случае, я не

враг своему мужу. К вам мы обратились только потому, что цели Советского фонда культуры – это не только накопление, но еще и сохранность того, что Сидуром было сделано. И в этом наши цели совпадают». – «А чьи это вещи?» – «Мои». – «По завещанию?» – «Да, по завещанию».

Это их сразу же в чем-то убедило. Скорее всего, в том, что насильственно отобрать у меня что-то будет совсем непросто. К тому же помещения у них нет и неизвестно, когда оно будет. Молодой еще ранее в разговоре заметил, что запасники переполнены, а желающих устроить свои вещи даже в запасники, больше, чем возможностей для этого. Они прочитали буклет МОСХа и письмо-копию академиков, писателей и т. д.

«Хорошая компания», – сказал Юрий Владимирович. «Почему-то наших из фонда тут нет», – сказал Мельников. «Вы недавно образовались», – сказал Миша. – Мы просим оставить мастерскую, потому что мы за ней смотрим, содержим ее в порядке. Сейчас к нам ходят искусствоведы, музейщики, ученые. К тому же это место, где художник проработал тридцать лет и существует особая, неповторимая атмосфера.»

Мишины слова почему-то их убедили окончательно. «Ладно, Миша, – сказал Юрий Владимирович, – мы напишем письмо в МОСХ с просьбой оставить мастерскую за вами. Но вы должны знать, что мы – организация общественная и не можем оказывать давления на творческие союзы. Мы можем просить, но положительных результатов мы вам не обещаем. Мясников это письмо подпишет». – «Но вы все-таки достаточно авторитетная организация, чтобы никак не реагировать или реагировать негативно на ваши просьбы», – сказала я. – Большое вам спасибо».

Информированность Ю.В. Никольского сказала еще в том, что он сказал: «Кажется, Сидур и Орехов учились вместе». – «Да, в течение восьми лет». – «Ну, и как он отнесся?» – «Внешне, вроде бы, сочувственно, а по существу – формально, то есть плохо».

В общем итоге мы расстались очень хорошо, я бы даже не побоялась сказать, что сердечно, хотя это определение несколько и неуместно для подобной встречи. Старший даже пошутил, что Миша очень похож на Диму, глядя на его портрет в буклете.

С самим Мясниковым мы тоже пообщались, но очень коротко. Он объяснил, что его задержали корреспонденты, а потом

мы уже ушли из его кабинета и беседовали в одном из холлов министерства культуры. Мельников по этому поводу извинился, но я сказала, что нам здесь вполне уютно и хорошо.

Мясников выглядит сильно пожилым, значительно старше, чем по ТВ. Как мне объяснила референт Лихачева, его зовут Георг, а не Георгий, потому что он из какого-то старинного рода Мясникянов. Я, честно говоря, в его европейском лице не увидела никаких следов восточного происхождения.

Итак, резюмируя итоги этой встречи, можно сказать, что она прошла неплохо, хотя они нам ничего конкретно не обещали, кроме письма в нашу поддержку в МОСХ. МОСХ, конечно, может нам отказать в просьбе, но для этого нужны будут очень сильные аргументы. Отсутствие у нас «прав» – это слишком мало и неубедительно. Остается только Димина биография, то есть его досье из КГБ, то, что он был исключен из партии, статьи «Миша Скамейкин...» и «Путешествие от “А” до “Я”...». Но думаю, что по нынешним временам это не должно быть решающим, если, конечно, не произойдет какого-нибудь военного или прочего переворота, чего у нас очень многие боятся. Старые кадры немного очухались и переходят в наступление. Ю. Бондарев в «Литературной газете» говорит о том, что обстановка сейчас такая же, как в 41-м году и пора устраивать второй «Сталинград» против так называемых «демократов». Ругают «Московские новости», «Огонёк». Черная сотня – это Грибачев, Бондарев, Белов, Астафьев, Михалков, Проскурин, Верченко, Марков и какие-то еще помельче. Но «обслуга слева»: Евтушенко, Вознесенский и другие пока еще огрызаются, хотя общая ситуация очень неясная и неустойчивая. Был у меня на днях Левитанский, который сейчас разводится и приходил знакомить с новой своей невестой Ирой. [...] Левитанский, можно сказать, молится на Горбачева. Как раз когда они у меня сидели, ко мне зашли Ульрих и Арлетт Майстер (они мои соседи). Они зашли вернуть статью Ю. Афанасьева «С позиций правды и реализма» из «Советской культуры», приготовленную для тебя. Ульрих сказал, что он, к сожалению, не читал этой статьи, но она ему очень нужна. Я им эту статью дала, но с тем, чтобы обязательно вернули, т. к. для тебя статья совершенно необходима. И вот они зашли, а тут Левитанский поддатый и вещает. Ульрих и Арлетт были чрезвычайно довольны, потому что они задали Левитанскому

множество вопросов, на которые тот с удовольствием отвечал. Так вот Левитанский тоже очень боится, как бы все это не кончилось, поскольку у нашего генсека слишком слаба поддержка наверху. Зато черная сотня очень уповаает на Лигачева и цитирует его саратовское выступление.

Мы договорились с Ульрихом и Арлетт («Журналь де Женев») Майстер, что встретимся вместе с вами. Они в пятницу уезжают и должны приехать тоже где-то в середине мая. Возможно, что тогда, поговорив с тобой и т. д., они что-то напишут в «НЦЦ». Во всяком случае, они этого хотят.

Спасибо за телеграмму из Гайдельберга. Передайте привет Гансу Герке!

Приходили ко мне два человека с советского ТВ, режиссер и оператор. До мастерской мы не дошли. Им было все так интересно, что они пока «исследовали» то, что дома. Они собираются делать фильм на час о генной инженерии. Поскольку сейчас все слова об опасности уничтожения человечества как вида уже сказаны и не действуют, нужно каким-то образом влиять на чувства людей и на их эмоции. Для этого необходим язык искусства. Это должен быть фильм о физике, химии, биологии и об искусстве тоже. Их заинтересовали Димины «Мутации». Они обратили внимание на рисунки 62 года (три рисунка черно-белых, где инвалиды). Я показала им твою книгу и альбом с «Мутациями» тоже. Они тут же начали думать о том, как показать кое-что фрагментами, без сексуальных атрибутов, потому что иначе не пройдет. Кроме того они решили снять «Памятник погибшим от бомб». В общем, я решила согласиться, потому что если даже все это не пройдет, то останется в архивах. Я подарила им каталоги и дала кое-какие тексты. Режиссера невероятно заинтересовали Димины тексты, где он говорит о равновесии страха, об эвтаназии, о загрязнении окружающей среды и т. д. В следующий раз мы будем встречаться в мастерской.

Меня посетил Карл Штретман, он был в восторге от Диминых акварелей. Выбрал себе три штуки. Но на другое утро позвонил и сказал, что хочет добавить еще две акварели к выбранным. Несмотря на то, что я была спросонья и говорили мы по-английски, я все-таки поняла, какие именно две акварельные оранжевые девушки он хочет добавить. Я все поняла, и вот теперь ломаю голову, каким образом все это ему отправить. [...]

Очень хорошо, что вам с Гизелой понравился «Штерн». А то нам не понравился, мы убедили в этом Алика, и ему тоже не понравился. А теперь после твоих рассуждений мы с Мишей малость поуспокоились.

Кстати, я сказала, что не возражаю, чтобы Штретман увеличивал «Взывающего».

Все, что ты пишешь про Киселева, очень интересно, и я прочитаю ему, когда он вернется из Ленинграда.

17 апреля, если не произойдет ничего непредвиденного, мы устанавливаем «Памятник Асламазову» на Митинском кладбище. Завтра опять под руководством Володи Бродского и Романыча трубим «общий сбор», чтобы расчистить место под модель (238 см). Хотим установить ее сразу у входа справа. Для этого надо кое-какие камни выкинуть, а кое-какие подвинуть.

Спасибо за помощь «Творянину». Журнал очень симпатичный. Мои ребята и я тоже ждем с нетерпением публикаций Юрочки, Вовки и Натальиных иллюстраций. Хотелось бы иметь побольше номеров, когда их всех опубликуют. Для них это впервые и, конечно, очень важно. А мне тоже приятно: они и Димины ученики и мои! Сейчас они ходят в какую-то библиотеку на Академической, где выступают «новые» поэты. Сегодня придут и расскажут. Говорят, что в прошлый раз было мало интересного, а вчера было совсем интересно.

Нина Гинзбург будет очень довольна журналу по вязанию, мерси!

Статьи Гинзбурга и Войны в «Литгазете» и в «Московских новостях» пока не появились и неизвестно, когда появятся. А вот ксерокс из «Арт» выглядит неплохо и приятен своим появлением хотя бы как факт. «Немецкая писательница Гизела Рифф», о которой упоминается в статье, должна подарить нам свои произведения с автографом!

Твое наследство. В том, что оно твое, не должно быть никаких сомнений. Безусловно, такие произведения, как «Гроб-Арт», «Железные пророки», «Железная леда», «Обезглавленные монархи» и другие намного лучше смотрятся в музее, чем в семейном доме в гостиной. Естественно, ты будешь их призраивать, что совсем не так просто. Но здесь, в нашей стране, у этих работ нет будущего в ближайшие пятьдесят лет, а то и больше. За это время они вряд ли уцелеют, учитывая их нескрепленность, неуверенность нашего нахождения в мастер-

ской и т. д. Именно исходя из этих причин, мы все трое: Дима, я и ты решили сделать на тебя такое завещание. В любом случае у тебя они сохранятся лучше. Если пристроишь в музей, совсем идеально, если нет, то можно будет подождать благоприятного момента, когда это будет возможно. Но я была бы спокойнее за эти вещи, если бы они находились у вас, а не у нас. Перестройка перестройкой, а пока что заправляют Никонов и Орехов. С обоими я знакома, обоих видела у себя в подвале, и от обоих не жду ничего хорошего. Во всяком случае, для тех работ, которые тебе завещаны. Для меня эти люди хуже чиновников! Те хотя бы без претензий – нравится, не нравится. А эти хитрые и страшные тайные завистники. Причем завидуют по-черному. Это из тех мафиози, которые никогда ничего не делают своими руками, зато чужими, наемными могут сделать какое угодно грязное дело. Все это лишний раз убеждает меня, что постараться оформить наследство совершенно необходимо. Во всяком случае, сделать все, что от нас зависит. Я уже заказала фотографии Лапину. Потом сделаем опись и попросим, как раз, когда вы будете в Москве, чтобы Нотариальная контора № 1 сделала запрос в Комиссию по вывозу культурных ценностей за границу по поводу оценки завещанных тебе вещей. А там поглядим, как все пойдет дальше.

Представляю, сколько вам пришлось вкалывать, чтобы сделать выставку в Гайдельберге! Ужас! Представляю, если бы мне предложили сейчас приготовить Диминову выставку!

Очень ждем видеокассеты. Сами тоже снимаем потихонечку. Юрочка хочет сделать настоящий фильм. Думаем, как решить проблемы с монтажом, чтобы сохранить более или менее приличное качество. Юра думает одновременно и о сценарии, и о техническом воплощении. Надеемся, что усилитель нам в этом поможет.

Карлуша, мы сделали больше 70 отливок. Алюминиевые почти все обработаны. Осталась бронза. Много мелких вещей, для которых необходима шарошка, которую ты получишь с этим письмом. Она очень эксплуатируется Романычем и уже начала выходить из строя. Нужно еще как минимум штук пять!

Посетил меня журналист Стиг Фредриксон в связи с визитом Шульца в Москву. Он знает про деятельность Ларса и Анники.

Пешлеру большой привет.

Очень рада, что в Ульме открывают «Эйнштейна». Что за школа, где он будет находиться? Пришли свой доклад «Головы современников». Я попрошу Марика Харитонову его перевести.

Очень рада и благодарна Гизеле за то, что она занялась Диминым фильмом. Это сложное кино. Но Дима очень любил его, и я знаю, что он был бы чрезвычайно доволен, если бы знал, что Гизела им занимается.

Если бы 7 апреля решили ставить «Памятник погибшим от бомб», это было бы самым ценным подарком Диминой памяти. Для меня это невероятно важно!

Дорогие мои, я вас крепко обнимаю. Привет всем. Пишите по возможности. Жду в Москве.

Юля

15.4.87

Юленька!

Я только что возвратился из Ульма, где мы передали «Эйнштейна». Открытие выставки было полным успехом, присутствовало более 100 человек, что считается здесь много. Сегодня я прочту доклад. Тематика та же самая, как в DFG и в Ульме, поэтому не нуждается в новой подготовке.

ТВ передало 8-минутный репортаж. Появились первые газетные статьи и в Heidelberg'e, и в Ульме. Шлю сегодня только одну, другие следуют на след. неделе. Следует тоже обстоятельное письмо.

Гизелин отец очень серьезно болен. Мы ежедневно в больнице. Сердце весьма слабое, вода в нижней части тела, печень повреждена, из почек работает только правая, но только в треть силы.

Обнимаем крепко. Привет нашим друзьям!

Гизела и Карл

Москва, 18 апреля 1987 г.

№ 14

Дорогие Карлуша и Гизела!

За это время произошло два приятных события: посещение Дорис и установка «Памятника Льву Асламазову».

Памятник выглядит совершенно великолепно. Высота 240 см. Я еще когда увидела модель, сразу поняла, что памятник должен быть хорошим. Обычно гипсовая модель выглядит самым невыигрышным вариантом, поскольку она является промежуточным моментом между рабочей моделью в глине или пластилине и окончательным вариантом в камне или в металле. Мы недаром потратили целый день, чтобы очистить место для гипсовой модели в мастерской. Такую хорошую модель жалко было бы выбрасывать, и Саша Позин привез ее в Москву вместе с памятником. Теперь модель стоит сразу у входа в мастерскую направо. Громадная, выглядит очень величественно. Невероятно благодарна Александру Позину! Если бы не этот молодой скульптор, я думаю, что мы никогда бы не сделали такого памятника. По деньгам это стоило совсем дешево. Такая здоровая скульптура должна стоять минимум 10 тысяч, а на самом деле еще дороже. Но мы сделали ее за 5. Из них Саша Позин получил себе лично не больше 2,5. В работу входило: увеличение рабочей модели, формовка в гипсе, рубка в камне, перевоз в Москву. Естественно, он не мог всего этого делать один, и за все ему приходилось платить. Только установку на кладбище уже осуществлял брат Асламазова. В общем, если бы не Тамара, Левина сестра, которая меня буквально изнасиловала, чтобы мы поставили именно Димин памятник, и если бы не случай, пославший к нам в мастерскую Александра Позина с женой, согласившегося делать Димин памятник, мы бы его никогда не поставили. Вчера мы все: Миша, Юрочка, Вовка, искусствовед Юра Тамойко поехали на Кузьминское кладбище. Все мы были потрясены его красотой. Юрочка снял на видео, поэтому после поездки мы еще дома несколько раз просматривали пленку дома. Приехала Тамара с мужем и с двумя друзьями, и самым последним пришел Вова Бродский, который отвез Виталика в Ногинск, где он служит в армии. И опять смотрели пленку и восхищались.

Я думаю, что Дима был бы доволен. Не прошло года после его смерти, а мы уже поставили двух «Эйнштейнов» в ФРГ, «Памятник Асламазову», сейчас проходит выставка в Гайдельберге и можно надеяться на будущую установку «Памятника погибшим от бомб» в Вюрцбурге. Я думаю, что все идет неплохо. Если же мы отвоюем мастерскую, то я считаю, что «программа-минимум» у нас выполнена.

Думаю уже начинать потихонечку отливать по воску то, что не отлито. Это будет дорого стоить, но пора начинать. Если финансы позволят, кое-что отолью в двух, а может быть, даже и в трех экземплярах.

С Дорис общались замечательно. В первый раз она пришла 15 апреля в подвал сразу же после приезда. Мы только-только кончили очищать место для асламазовской модели. Вынуждены были разбить совершенно отличный известняковый блок на шесть кусков и выбросить их на улицу. Конечно, если бы Дима увидел эти камни, он сразу же начал бы что-то из них делать. Во всяком случае, при помощи Романыча он обязательно бы вырубил несколько отличных вещей. Теперь эти замечательные камни валяются на улице, вернее, в нашем дворе. Мы говорили по телефону с Леней Штутманом, и он сказал, что предложит какому-нибудь знакомому скульптору забрать их себе. Тем более что самое тяжелое мы сделали – вытащили их из подвала. Дорис сидела в нашей русской компании «такелажников» и мы прекрасно провели время. Она привезла: «Арт» (два), письмо президента ДФГ Маркля, много писем для Копелевской семьи, фотографии, которые сделала в декабре прошлого года ее племянница в нашей мастерской, и журналы по вязанию для Нины Гинзбург. Она очень счастлива и самим журналом и тому, что они свежие. Дорис много рассказала интересного про вашу жизнь. Андрея теперь тоже будет близко, в Дюссельдорфе, часто будет ездить в СССР. Публикация в «Арте» очень неплохая. Наш профессионал Эдик очень одобрил.

Второй раз мы встретились с Дорис, а также с президентом ДФГ проф. Марклем и вице-президентом проф. Тауэром и с их женами в пятницу у нас дома. Все были чрезвычайно довольны. Маркль рассказал, что он очень хорошо тебя знает еще по Констанцу и любит Димино искусство еще с тех времен. Дорис очень хотелось, чтобы пришел Сагдеев. Я созвонилась с его женой Тэмой. Но оказалось, что сам Сагдеев очень занят, поскольку он теперь правая рука Горбачева и изо всех сил общается с американскими конгрессменами, и сама Тэма видит его чрезвычайно редко. Люди из ДФГ невероятно милые. Мы благодарили друг друга за установку «Эйнштейна». Мне жаль только было, что они не были тогда в подвале и не видели того, что сам Дима считал главным в своей работе.

Всем мы с Мишей подарили по Диминому рисуночку 86 года, а также президенту и вице-президенту – по матрешке, а Дорис такую же яркую, как матрешка, кошку. Эта встреча у нас прошла замечательно. Теперь они поехали в Ленинград и в Киев, потом в субботу вернутся в Москву утром и в этот же день уезжают в ФРГ.

Погода у нас плохая. Холодно, то снег, то дождь. Все время преследует ощущение бесконечной зимы. [...]

Принимаюсь за опись твоего наследства, поскольку фотографии уже готовы. Потом Миша отвезет все это в Нот. контору № 1 и попросит их сделать официальный запрос на ул. Чехова, 29 с просьбой назначить экспертов для оценки. Дорис пыталась выяснить подробности вашего пребывания в Москве на ул. Губкина, но, кажется, нужных людей не оказалось на месте. В принципе, она не сомневается, что вы приедете. Что касается Еревана и Тбилиси, они уже подтвердили свое согласие.

На всякий случай в этом письме я приложу новый адрес Греты. Она живет то ли совсем близко со своим домом (старым), то ли чуть ли не в нем, но на другом этаже. Я не совсем поняла, но адрес немного отличается.

Интересная информация от Слепышева через Мишу. Кабаков продал свою картину «Жук» через салон, где руководит «подруга» Людвиг Бакулева, за 15 тыс. рублей.

Дорис рассказала, как будет проходить путешествие Биргера по ФРГ. Любопытно было бы и от вас получить кое-какую информацию, особенно в связи с тем, что Биргер будет выставляться в Бохуме у Шпильмана.

Посылаю вам кое-какие любопытные вырезки из газет для Карловой «культурной политики» и текст студентки-искусствоведки Людмилы Луниной про Диминого «Взывающего».

Не удивлюсь, если Шемякин и Неизвестный прибудут в Москву и будут здесь рассказывать (особенно Неизвестный) о «тяжелой судьбе художника на Западе». Во всяком случае, торговля в этом направлении идет со страшной силой. Вчера совершенно случайно впервые за долгое время услышала передачу «Немецкой волны» где-то около часу ночи. Как раз наткнулась на интервью с Неизвестным. Глушили сильно, но все-таки было слышно. Говорит солидным голосом мэтра. Намекает, что мог бы приехать в Москву, а потом уехать, например, в свой музей в Швеции. Сказал, что какой-то извест-

ный американец пишет о нем книгу. Оказывается, он когда-то выиграл конкурс памятника Победы на Поклонной горе. Правда, в итоге сказал, что он там был не один, а в коллективе со скульптором Фивейским и с другими, но из-за бандитизма, царящего у нас в искусстве, их выгнали, а другие всякие бездарности, «расташив идеи», оказались в выигрыше. Не совсем понятно, кого именно он имел в виду, т. к. памятника Победы нет до сих пор и непонятно, когда он будет. Во всяком случае, Неизвестный изо всех сил намекает, что он бы не прочь. Говорил о своем «Древе жизни». Сказал, что в мире существует только две страны, которым под силу подобные проекты – это Россия и Америка. Остальные, как он сказал, «маленькие страны», и им не потянуть.

Мои выводы следующие: главная суть Эрнста, это предательство. На «встрече с интеллигенцией» у Хрущева он продал вместе с Глазуновым своих товарищей: Никонова, Андронova и других. Я не люблю ни Никонова, ни Андронova, но тогда все говорили: «сука Неизвестный», и это было справедливо. Потом все его игры с властями, в частности с КГБ, не принесли ему того, чего он желал, а именно – его не выбрали в Академию и не дали осуществиться в «масштабе Вучетича». Он уехал и примкнул к активной антисоветской эмиграции. Очевидно, теперь его это тоже не устраивает, и он с чрезвычайной легкостью продает Максимова, Буковского и т. д. в надежде, что за это его пригласят в Москву делать памятник на Поклонной горе, лепить бюст Горбачева (когда-то он хотел сделать бюст Брежнева, но оказалось много других желающих) и, наконец, «Древо жизни». Мания величия при нем осталась, как и была, а самым известным произведением остается памятник Хрущеву на Новодевичьем кладбище. Что будет дальше, скоро посмотрим. Дима всегда повторял слова Стендаля: «Интересно жить из политического любопытства».

Сегодня Нина Гинзбург с утра разговаривала с редактором из «Литгазеты». Вроде бы статья Гинзбурга уже набрана и должна быть опубликована 29 апреля, если не случится что-нибудь непредвиденного в последний момент.

Если будете общаться с Копелевыми, им огромный привет. Я напишу им, как только раскручусь. Их письма я уже отдала.

Крепко обнимаю.

Юля

23.4.87

Юля, я очень рад был нашему вчерашнему телефонному разговору. Страшно спешу, поэтому снова должен отложить подробное письмо о Гайдельберге и Ульме. Статья 11 апреля в *Südwest Presse* – кошмар и обязательно требует объяснения.

Привет, обнимаю... всего...

Гизела и Карл

Москва, 1 мая 1987 г.

№ 15

Дорогие Карлуша и Гизела!

Вчера поговорили по телефону, а сегодня пишу ответ. Прежде всего я согласна не упоминать о нашей переписке. Ты абсолютно прав! Но я скрупулезно пишу каждую неделю, и мне хотелось объяснить, что письма не будет.

Самая главная новость – это статья в «Литгазете» Виталия Гинзбурга «Скульптуры, которых мы не видим. О судьбе работ Вадима Сидура». Подобная статья была бы немыслима еще год назад, но на данный момент это реальность. Надо сказать, что она вызвала некоторый ажиотаж. В течение двух дней мне с самого утра до поздней ночи звонили разные люди – знакомые и незнакомые! Некоторые предлагали помочь. Один молодой человек сказал, что он форматор и может мне что-то отлить в гипсе. Еще одна семья сказала, что у них есть в квартире собственный чердак 30 метров и, если понадобится, они могут отдать его под склад Диминых работ. Бывший наш литейщик предлагал себя в качестве «рабсилы». Все поздравляли, и только фронтовичка Шура Двейрина (была на фронте шофером), Димина одноклассница, сказала, что она расстроилась, т. к. мастерскую не оставили до сих пор.

Сам Витя Гинзбург позвонил из Сочи, где он сейчас отдыхает с Ниной, и спросил, вышла ли статья и как она выглядит. Я сказала, что она выглядит нормально и даже очень хорошо. Сокращения, которые были произведены, нисколько не помешали. Фотография «Взывающего» выглядит скромно, но тоже очень неплохо. Витя сказал: «Обязательно оставь мне две штуки. Одну я pošлю академику Лихачеву».

Была и первая официальная реакция. Мне позвонили из Художественного фонда: «Это квартира Сидур?» – «Да». – «Ваш муж был ветеран, а вы нет. Вы должны платить за второй квартал больше. Вы нам должны еще 37 р. 51 коп. А за третий квартал будете платить 63 р. 87 коп.» – «Хорошо, я заплачу». – «Нет, вы давайте нам договор». – «У меня нет договора, скульптурная секция никак не решит этот вопрос. Куда мне платить?» – «А мне какое дело до вашей секции! Мне какое дело до МОСХа и до министерства культуры! Платите хоть в ЦК, хоть в Кремль, мне это неважно!» – «Вы так говорите, как будто находитесь в безвоздушном пространстве». Голос перешел на визг: «Я вообще снимаю мастерскую с учета! Будем вас выселять!» – «Давайте выселяйте! Вы, наверное, так рассердились, потому что статью прочитали» – «Я газет не читаю! Мне некогда газеты читать! Я работаю! Будем выселять!» – «Давайте, давайте, выселяйте!».

Трубку взяла другая женщина: «Вам надо позвонить в правление МГОФ, в Московскую организацию Художественного фонда СССР». Она дала мне телефон, и я тут же туда позвонила. Там уже хамства не было. Женщина, по имени Ирина Сергеевна, сказала после того, как я в тысячный раз повторила историю, включая вариант с искусствоведами: «Знаете что, я работаю в жилкомиссии и точно знаю, что у искусствоведов никаких мастерских нет. Они должны пролонгировать договор на вас, а с искусствоведами ничего не выйдет». – «Значит это будет исключение, потому что я не являюсь членом Союза». – «Ну и что?» – «Они говорят, что нельзя, они не могут делать для меня исключения». – «Могут, могут! И пока не будет договора, вы по истечении шести месяцев со дня смерти мужа вообще ничего не должны платить. Вам даже должны назад деньги вернуть. Требуйте от них договор на себя! Скульптурная секция должна это сделать».

Я позвонила в скульптурную секцию. Секретарша, Надежда Николаевна Мозгова, все внимательно выслушала и сделала вид, что возмущена поведением договорного отдела Худфонда: «А что же искусствоведы?» – «У них нет мастерских. Они считали, что достаточно устной договоренности. Но при случае они бы предоставили мастерскую». – «Это надо же, какие искусствоведы! Значит они заранее знали, что у них ничего нет!» – «Ирина Сергеевна из жилкомиссии сказала, что

секция должна оформить договор на меня как исключение». – Молчание. – «Так что же делать?» – «Понимаете, у нас были перевыборы. Будем рассматривать этот вопрос на бюро». Я сказала: «Наверное, в фонде так разъярились из-за статьи». – «Из-за какой статьи?» – «В “Литературной газете”». – «Как называется?» – «“Скульптуры, которых мы не видим. О судьбе работ Вадима Сидура”». Автор академик Гинзбург». – Молчание. – Я: «Нам с Мишей, наверное, надо прийти на бюро?» – «А я откуда знаю, хотите приходите, хотите не приходите!». На этом мы расстались.

28-го, накануне, мне позвонил человек, он представился: «Я из министерства культуры, мое имя Григорий Александрович Козлов. Лили Львовна.» – «Юлия Львовна». – «Да, Юлия Львовна, вы знаете такого Аймермахера?» – «Конечно, профессор Аймермахер – это очень близкий друг. Он открыл Сидура как художника на Западе. Он вообще очень любит русское искусство и литературу, и все делает для того, чтобы в ФРГ лучше и больше о нас знали». – «Понимаете, письмо Аймермахера через ЦК (!) поступило к нам. Начальство просило меня поговорить с вами и доложить». Я снова рассказала всю эпопею с мастерской. – «А чьи это вещи?» – «Мои, но 24 работы принадлежит профессору Аймермахеру тоже по завещанию Сидура». Осторожный вопрос: «Ну и что теперь?» – «Теперь он подал все документы, а процедура тянется своим чередом». – «Он собирается их забирать?» – «Видите ли, профессор Аймермахер очень много сделал для распространения и изучения русского искусства на Западе, он его очень любит и ценит. Если бы вещам Сидура не грозило уничтожение, он бы от них отказался. Он, конечно, заберет их, поскольку здесь они никому не нужны. Если же будут твердые гарантии, что они будут сохранены, хотя бы в мастерской Сидура для начала, может быть, он изменит свое решение». В голосе глубокое удовлетворение: «Ну и что же МОСХ? Они что, вам письменно отказали?» – «Нет, мы в основном ведем устные переговоры. Лежат два заявления: мое и матери сына Сидура, искусствоведа Шунковой Елены Викторовны. Поскольку я не имею никаких прав, мы нашли вот такой компромиссный вариант, т. к. она член Союза». – «Так, ну и в чем же дело?» – «Теперь скульптурная секция требует от искусствоведов другое помещение взамен, а у них его нет. И у нас, конечно, нет». Здесь он рассмеялся.

Сегодня (2 мая 87 г.) позвонил мне скульптор Алексей Григорьев. Теперь он тоже член бюро секции. Читал статью, интересовался, как дела. Он был в командировке в Риге, приехал, прочитал статью и позвонил мне. Обещал поговорить с Ореховым на ближайшем бюро. Итак, дорогие мои, вы сами видите, что проблема, которую поднял сволочь Орехов, не стоила выеденного яйца. Ее можно было решить за пять минут на одном из рабочих заседаний бюро скульптурной секции. Но из зависти, из подлости, скорее всего, из-за старой какой-то неприязни, которая тянется, очевидно, еще со Строгановки, он решил надо мной поиздеваться, а заодно и над Диминой памятью. Есть исключения, когда вдовы, не члены Союза, оставляют себе мастерские, об этом все прекрасно знают. Но Дима – это особое явление, он слишком хорош, за него заступаются слишком высокие представители нашего общества: академики, писатели и прочие.

Включились иностранцы: интеллигенция и политические деятели. А кто он такой? Он раздражал их при жизни, потому что никогда ничего не просил, ни в чем с ними не участвовал, и в то же время с голоду не подыхал, да еще стал на весь мир известным. Тридцать лет в подвале, еле дышал, а вкалывал как грузчик, даже если исключить талант. Из партии исключили, статьи лживые писали, все время приближали к горлу свои щупальца, а все-таки не сумели уничтожить! Сам умер, своей смертью! Вот и хорошо – подвал заберем, все будет тихо, шито-крыто! Ан нет! Не выходит – жена, сын, какая-то искусствоведка Шункова...

Статья В. Гинзбурга беспрецедентна. Она впервые рассказывает о личных негосударственных контактах художника с Западом и о том, что эти контакты успешно осуществлялись. Но каждый советский человек прекрасно знает, что за это могло быть! Скульптор Сидур действительно непрерывно был на грани очень серьезных репрессий, но его спасала известность на Западе, военное прошлое, и, конечно, абсолютная аполитичность. Было очень важно, что свою «борьбу», если можно так выразится, он вел только своим искусством, и он эту борьбу выиграл!

Обстановка в стране и сейчас очень неясная. Интеллигенция расколота. Черная сотня злобствует, национал-фашизм, антисемитизм рвутся вперед изо всех сил. По пропорциям

черносотенцев в Союзе писателей примерно 70 % к 30. Реакция ищет опору в Лигачеве. Горбачев пока не имеет очень твердой и абсолютной поддержки, с уверенностью можно сказать, что в Политбюро его поддерживает только Шеварднадзе, а из кандидатов в члены

Политбюро – только Ельцин и Яковлев. Остальные или против по-тихому или ждут, как пойдет дело, чтобы точнее определить свою позицию. Газета «Московские новости», как я ее назвала, «филиал Би-би-си в Москве», подверглась очень основательному давлению, и сразу стала хуже. Теперь ее лично курирует Фалин, начальник АПН: одно снимает, другое вставляет. Совсем недавно журналист Владимир Война говорил, что его статью про Диму приняли очень хорошо, и она должна была пойти в ближайшее время. Ею должен был заниматься Шевелев, заведующий публицистического отдела, который, оказывается, еще дружил с Изольдом Зверевым. Но после того, как Егора Яковлева вызвали к начальству, где было решено, что теперь Фалин лично будет просматривать все материалы, связанные с публикацией, тот же Шевелев сказал Войне, что дела сильно изменились. Володя должен или ждать, или же может взять свой материал и отдать его в другое место, «МН» не будет в обиде. Таким образом, «Литературка» снова вышла в передовые, как и в брежневские времена. Очень хочу обратить ваше внимание на другую статью, напечатанную в этом же номере «Литгазеты» под названием «Нетерпение». Это совершенно отличная, великолепная, умная статья одной женщины-историка. Материал про Диму ее несколько затмил, поскольку он очень эффектен и непривычен для советского читателя (масса отзывов от совершенно незнакомых и непричастных к искусству людей). Но по существу, это замечательная статья, затрагивающая самую суть происходящих у нас сейчас процессов. Я посылаю ее вам и очень рекомендую прочитать.

Еще один интересный факт, недавно имевший место. У нас с Димой был такой старый-престарый друг – юрист, писатель и журналист Аркадий Ваксберг. Он многолетний автор «Литгазеты», пишет прекрасные статьи, иногда по фактам это потрясающие статьи. Познакомились мы с ним и подружились еще в старые времена совместного существования с Лемпортом и Силисом. Но случилось так, что все знакомые сами

собой разделились, и Аркадий, который женат на болгарке, часто отсутствовал в Москве, ездил в Париж, в Италию и еще бог знает куда, в итоге все-таки остался нашим с Димой другом. Виделись мы редко, но всегда очень сердечно. Очевидно, поэтому меня несколько задело, что именно Аркадий не позвонил мне после Диминой смерти. Я несколько раз говорила с его старенькой, но очень боевой мамой, которая тоже юрист. Аркадий всегда был в отъезде, но однажды его мама сказала мне: «Аркадий сказал, что мастерскую вам не оставят». Это, конечно, было слишком оригинальное послание через маму, поэтому я попросила ее передать Аркадию, что на этот раз он ошибся и мастерскую мне непременно оставят. После этого я перестала ему звонить, хотя лишний раз пожалела о том, что Аркадий, к которому мы с Димой всегда очень хорошо относились, такой по своей сути конформист и трус. Но произошло так, что мы с Аркадием все-таки увиделись и, можно сказать, восстановили отношения. Произошло это следующим образом. Театр на Таганке возобновил свой старый спектакль «Послушайте». По этому поводу собралось какое-то невероятное сборище вместе со всем советским бомондом. Нас пригласила Татьяна, и я поняла, что если мы не пойдем, это будет расценено как оскорбление. Тем более что выступал их новый шеф Николай Губенко. После отъезда Любимова и смерти Эфроса они как бы возрождались для новой жизни, поэтому царил атмосфера праздника. Громадное количество людей толпилось около театра, спрашивали лишние билеты. В общем, все было как в старые добрые времена, тем более что это было 23 апреля, день рождения театра, и в этот день им исполнилось 23 года. Иду с билетами со служебного входа и вижу – появляется Ваксберг в модной кепочке. Сначала подумала, что не буду к нему подходить, черт с ним! Потом подумала: лучше все-таки подойду, нас связывало много хорошего и вообще, лучше быть снисходительным к людям, даже если они совершают мелкие неприятные поступки. Я говорю: «Привет, привет, Аркадий Ваксберг!» Он совершенно опешил. Потом бросился обнимать и причитать: «Ах, ах, Юля!» – «Ты бы, – говорю, – мог бы выразить мне соболезнование, мог бы мне позвонить и посочувствовать». – «Что ты! Ты знаешь, что со мной было, когда я узнал! Меня не было в Москве, но когда я узнал, мне как-будто дали под дых! Ну как,

тебе оставили мастерскую?» – «Пока еще не оставили, но думаю, что оставят». – «А ты знаешь, что произошло вчера?» – «Нет, не знаю». – «Ну что ты! Юнна Мориц такую речь про Диму произнесла. Потрясающую!» – «Где это?» – «Было заседание Советского Комитета защиты мира. Она там говорила: вот мы боремся за мир, а в прошлом году умер человек, который всю жизнь боролся за мир. Сам был участником войны, знал, что такое “борьба за мир” по опыту. Раненый, оклеветанный, оболганный! Во всем мире его знают, ставят его скульптуры. Он гениальный скульптор. В общем, она минут пятнадцать о нем говорила. Сидели там рядом с Боровиком Антонова из Музея Пушкина и какой-то человек из вашего Союза, явно начальство. Юнна говорит, везде о нем знают, только у нас не знают. Боровик шу-шу-шу с вашим, ему явно имя Сидур ничего не говорит, а эти двое – Антонова и ваш из Союза так одобрительно кивают головами и что-то пишут в блокнотики.» В это время подошли все наши: Бродские и Юрочка с Вовкой.

Напоследок Аркадий сказал, что приедет 11 мая из очередной командировки и на другой день позвонит и придет. «Обманешь, – говорю, – Аркадий, не позвонишь и не придешь». – «Вот, при свидетелях обещаю!» Вот так посмеялись и разошлись.

После этого я говорила с Юнной по телефону. Аркадий рассказал неточно. Он говорил, скорее, о своем ощущении, чем о том, что действительно было сказано. Юнна не говорила «оклеветанный, оболганный». Но она действительно сказала, что нам нужны контакты с Западом, и что все должно быть весело, непринужденно, неформально. А вот человек, участник войны, который сам тридцать лет конкретно боролся за мир своим талантом, своей личностью и борьба которого использовалась во всем мире всеми в других странах, известен везде, кроме своей собственной страны. Юнна говорит, что примерно восемь минут не называла Диминого имени. Но зал совершенно замер. Сначала ей прямо в нос тыкала телекамера, но по мере того, как она говорила, камера прекратила свою работу, свет потух и наступила полная тишина. И еще до того, как она назвала Димино имя, по залу стали шушукать: «Сидур, Сидур!» Она наконец сказала: «Его имя – Вадим Сидур!» Потом она пошла придумывать: «Его произведения стоят во всем

мире, во многих американских музеях находятся его произведения, во всех городах мира стоят его скульптуры. Весь мир считает его гениальным художником, кроме собственной страны». Про ФРГ, по-моему, она позабыла и вообще ничего не сказала. Говорит, что следом за ней выступал Аркадий Ваксберг и снова говорил, что нам надо ездить, и всем дружно доказывать, какая у нас миролюбивая страна, и как все мы хотим мира и дружбы. Но ни слова не сказал о Диме. А в конце выступил Боровик. Он тоже говорил о мире и дружбе и что надо устраивать выставки. «Я, конечно, говорю не только конкретно о Сидуре, – сказал Боровик, – а вообще. Если надо устроить СКЗМ выставку, то почему бы и не устроить. Вот у нас помещение, давайте устроим выставку». Юнна сказала, что после выступления к ней подходили какие-то люди: артисты, режиссеры и кто-то еще, очень взволнованные, и все поздравляли ее с замечательным выступлением.

Сегодня, 4 мая, опять позвонила какая-то Маша с ТВ, которая одно время была знакома с Мишей. Сказала, что на московской программе «Говорит и показывает Москва» ей заказали сюжет на несколько минут про Вадима Сидура, как отклик на статью Гинзбурга. Мы с ней встречаемся в мастерской в 7 часов.

Вчера звонила еще одна редакторша с ТВ по имени Ольга Свиблова. Она занимается авангардом. Я ей сказала, что Сидур ни по возрасту, ни по своему творчеству не авангардист, а классик. Она сказала, что прекрасно все понимает, но сейчас у них на ТВ готовится рубрика «Неизвестные шестидесятые». Они уже раскопали то, что осталось от Соостера и теперь, после статьи Гинзбурга заинтересовались Сидуром. Встречаемся с ней 6 мая.

Я ошиблась, когда написала, что Кабаков продал картину «Жук» через салон Бакулевой. Он продал картину через другое место – «Центр им. Вучетича», который является конкурирующей организацией по отношению к Бакулевскому салону.

Кто-то сказал Эдику Гладкову, что слышал по «Немецкой волне» сообщение об открытии выставки в Гайдельберге. Я, к сожалению, не могу в последнее время пробиться сквозь глушилки. Удалось только один раз, когда передавали интервью с Неизвестным, о чем я вам уже написала.

Я заказала одному мужику-литейщику № 324 по воску, две штуки – это очень хорошее надгробие в керамике, все поломанное. Если не отлить, то обязательно погибнет. Обещает к 20-му сделать. Обе отливки будут стоить 300 рублей. Взял «авансик» 50 р.

Я очень благодарна за письмо, которое послали Петра Келли, Герт Бастиан и другие. Несмотря на безликий и зыбкий ответ вашего культурного атташе, я абсолютно уверена, что свою положительную роль их письмо сыграло, и немалую!

Огромное спасибо за коллажик Вернера Браха, даже в ксерксе он хорошо выглядит. Очень любопытно произведение Эдуарда Штейнберга. Понять в нем что-нибудь трудно, но сам факт трогателен.

На днях, как раз 29 мая, у Шрамайера был прием. Там были Кабаковы, Штейнберги, Свешниковы, отказник пианист Владимир Фельцман с женой (он когда-то покупал у Димы гравиоры на тему «Мутации»!), какой-то профессор-юрист из ФРГ, культурный атташе Кристоф Вайль и еще какой-то дипломат. Штейнберг очень прилично выпил, хотя его жена Галя из-за этого нервничала, но ничего не могла поделать, т. к. они сидели в разных местах. В итоге Штейнберг совсем хорошо накачался и требовал у нас с Мишей, чтобы мы обязательно привезли на выставку «Объект» на Малой Грузинской, которая состоится 19 мая, «гробы и туфельки». У нас уже появились некоторые разногласия с Немухиным. Я так поняла, что Немухин будет главным «приемщиком» на этой выставке, другой цензуры вроде бы быть не должно. Я сказала, что мы с Мишей хотим выставить «Победителя», «Автопортрет» (лопату), и «Эйнштейна». Немухин стал выступать против «Победителя»: «Юля, понимаете, так уж очень виден член! Опять же – “Победитель”... » – «Володя, это не член, а скульптура, изображающая обнаженного инвалида. Берлин выставил своего Высоцкого обнаженного и с гитарой, и ничего, советская власть не рухнула!» – «Вы можете и гроб выставить!» – «Гробы нельзя выставлять, во-первых, они не скрепленные, во-вторых, там пенисы побольше, чем у “Победителя”». – «Я-то что! Я буду драться как лев. Но ведь сами понимаете, какой народ!» – «У “Победителя” есть второе название – “Виктор”, мы можем снять название “Победитель”, чтобы оно не шокировало начальственные уши. Но выставить я хочу обязательно! Оно

вполне подходит под название “объект”. Вы пишете об использовании в искусстве нетрадиционных материалов. Вот вам, пожалуйста, настоящие сапог и костыль – это нетрадиционные материалы».

В общем итоге договорились встретиться 6-го в мастерской и все еще обсудить. Немухин даже сказал, что можно выставить еще несколько вещей: «Пророк», № 301, «Портрет жены», № 292, «Красавица», № 293, «Сговор», № 485. Всего семь работ, из них три твоих. Тем не менее Немухин еще «подослал» поговорить по телефону Наташу Брилинг. Она начала говорить о том, что выставка «Объект» будет чем-то вроде балагана и такая серьезная, трагическая вещь, как «Победитель» не подходит. Я сказала: «Наташа, остальной балаган нас не касается. Я очень рада, что работа Сидура будет именно серьезной, трагической и антивоенной. Если они отказываются выставлять “Победителя”, мы можем вообще не выставляться. Дима тридцать лет не выставлялся, можно подождать еще тридцать лет. Но именно сейчас, после статьи Гинзбурга, где он говорит об очень серьезных проблемах, связанных с творчеством Сидура, нам не хочется больше идти на уступки. И мы с Мишей решили, что если они не выставят “Победителя” (мы готовы на то, чтобы она называлась “Виктор”), мы не будем участвовать в выставке». В общем, все должно решиться 6 мая после разговора с Немухиным.

Еще один положительный, интересный весьма факт: 1 мая показывали по ТВ фильм о форуме «За безъядерный мир». Там во весь экран показали академика Сахарова, который сейчас убежал в Горький отдохнуть от всемирной славы. Он говорил, вернее читал по бумажке о необходимости открытости и либерализации общества в своей стране и в международных делах, а также высказывался против программы СОИ в США. Такой скромный седенький человечек в зеленой кофточке, с галстучком, ушастенький и похожий на куколку. Картавый до ужаса! Более картавый, чем товарищ Ленин.

Еще раз о Немухине. У этих нонконформистов очень двойственная позиция. С одной стороны, они хотят, чтобы Сидур выставился вместе с ними, а с другой, они хотят, чтобы его произведения выглядели бы не очень ярко и интересно.

Невероятно обрадовали материалы о решении евангелистов установить в Вюрцбурге «Памятник погибшим от бомб».

Я очень благодарна господам Беккелю и Вайскопфу за их письма и за их усилия. Теперь поглядим, как будет решаться финансовая программа. Надеюсь, что все будет в порядке. Письмо Вайскопфа – действительно, очень интересный и сильный документ. Его идея примирения на основе христианских принципов должна быть близка всем: русским, американцам, немцам, евреям. В одном месте он даже назвал Сидура украинцем, что, в общем-то, обоснованно, потому что Дима родился на Украине, он очень любил украинский язык и украинский народ. Русские стихи он знал плохо, зато украинские декламировал наизусть с упоением: Шевченко, Панаса Мирного и других. Я всегда удивлялась, когда родившиеся на Украине интеллигенты: Юнна, Изольд Зверев, Владик Бахнов вдруг начинали как ненормальные читать по-украински стихи, которые они учили в школе. Это отношение к Украине разделяется далеко не всеми. Русские многие, очень многие, не любят Украину из-за шовинизма, евреи не могут простить того факта, что многие украинцы были во время войны полицаями.

Отличный перевод статьи Петры Келли, Герта Бастиана и других. Обязательно всем напишу благодарственные письма. Письмо совершенно точно сыграло свою чрезвычайно важную роль. Тот факт, что ЦК занимается подвалом скульптора Сидура – не сам по себе. Их письмо, так же как твое, не могло не остаться незамеченным и проигнорированным. То, что культурный атташе Поленов ответил – потрясающе важно! Он ответил так, как надо, по-другому он не мог ответить. Но не ответить вообще они уже не могли. И это самое важное. Поэтому все в порядке! Очень люблю Перту Келли и Герта Бастиана!

Огорчают ваши родители: твоя мать, Карлуша, и отец Гизелы. Твоя мать хотя бы старенькая, а отец Гизелы мог бы еще жить и жить. Но, как говорится, не дано!

«Эйнштейн» в Ульме. Я глубоко благодарна г-ну Людвигу, обербургомистру города за то, что он поставил эту скульптуру. Что же касается журналиста (имя внизу отрезано, непонятно мужчина или женщина), то его право думать по этому поводу все, что угодно. Но интересно, что журналист довольно точно описывает, как устроен «Эйнштейн». По его описаниям понимаешь, что скульптура эта необычная, небанальная, читателю становится очень интересно, рядом помещается фото-

графия. Эта фотография до какой-то степени уже объяснена текстом, но журналист после всего этого делает вывод, что скульптура эта очень плохая, качество низкое, скульптор эпигон и т. д. Получается довольно сильное противоречие с тем, что автор сам написал, а зритель увидел. Я считаю, что если произведение показывают, выставляют и каждый может сам его увидеть, а также составить собственное мнение, любой автор статьи может высказываться в любом духе, разумеется, кроме клеветы и доноса. Этот журналист в основном продемонстрировал свой собственный вкус, не приемлющий то, что ему лично не близко, а одновременно – свое глубокое незнание и невежество, во всяком случае в том, что касается современного неофициального советского искусства. Свободная страна, к счастью, отличается от несвободной тем, что можно показывать то, что кому-то не нравится, а также тем, что есть другие мнения и их тоже можно высказывать вслух. В этом смысле в вашей стране пока что дело обстоит лучше, чем в нашей. Будем надеяться, что вскоре у нас тоже победит демократия, к которой нас призывает нынешний генсек.

До чего же было приятно, что на первомайской демонстрации не было его огромных портретов. Все мы это отметили с большим удовлетворением. Нового безобразного культа пока, к счастью, еще не началось.

Вы, наверное, подумали, что это письмо никогда не кончится. Но вы ошибаетесь, мои милые, я его кончаю. Мне только что позвонил еще один человек с ТВ по имени Марк Ляховецкий. Сказал, что делает документальный фильм под названием «Группа товарищей». Его тоже интересует Сидур. Сейчас поеду в мастерскую, где буду встречаться с Машей и с Марком.

Думаю, что это последнее письмо до вашего приезда. Поэтому ждем с нетерпением! Крепко вас обнимаю.

Юля

12.5.87

Дорогая Юля!

Приеду только один 18 мая. Вот последние материалы. Кстати, камлание – это непонятное другим бормотание (до экстаза)

шамана в качестве подготовки связи со сверхъестественными силами!

Очень хочется тебя обнять на месте!

Привет от Гизелы и Карла

7.6.87

Крайне интересна вся информация в письме № 15 и вырезки из газет. Как всегда, мы очень благодарны. Пишу сегодня кратко. По всей вероятности, приедем 18-го. Надеемся, что Гизелин отец еще держится, иначе придется отложить поездку на некоторое время.

Письмо Горбачеву по поводу Гайдельбергской выставки пошлю на след. неделе. По-видимому, будут еще письма из Ульма, Вюрцбурга и Берлина. На выставке Биргера я попросил Egon Вагн (Эгон Бар) помочь в ЦК (Фалин и т. д.). Он готов и будет в Москве в конце месяца.

Я очень рад письму Гинзбурга и выступлению Юнны.

Приборы для ТУ я купил (так я решил с Греточкой). Они будут или очень скоро, или только в июне–июле.

Обнимаем. Gisela и Karl

Москва, 23 июня 1987 г.

№ 16

Дорогие Карлуша и Гизела!

Знаю от Карла, что отец Гизелы все в том же тяжелом положении. Сочувствую вам всей душой. Все время вспоминаю Димины слова: «Право на достойную смерть». Но никто нам этого права пока не обеспечивает. Поскольку вы уехали очень внезапно, были некоторые люди, которые об этом не знали и звонили Карлу, желая с ним пообщаться. Я всем говорила, что осенью вы, возможно, опять приедете.

А здесь у нас жизнь продолжается очень интенсивно и бурно. Выставка закрылась 15 июня. Так товарищи из СКЗМ не выдержали месяц, хотя поначалу обещали два и даже три месяца. Очень трудно было нам перевозить «Победителя» и «После экспериментов». В итоге не обошлось без потерь.

У «Экспериментов» оторвался еще один палец, который Романыч, конечно, приклеит. У «Виктора» тоже появились несколько лишних трещин. И Вова Бродский с Романычем опять обдумывают, как его еще получше подреставрировать. Наша жуткая подвальная лестница – это огромное препятствие для вноса и выноса больших скульптур. [...]

Марк Ляховецкий обрадовался перспективе поехать в ФРГ снимать скульптуру Сидура, и теперь хочет это провести каким-то образом через свой Союз кинематографистов. Он говорит, что его жена Ира Марголина, мультипликатор, пишет какие-то очень интересные рассказы на тему о женщинах. Я еще не читала, но потом пришло вам. Если вы найдете это интересным, то, может быть, стоит послать эти рассказы в Бремен, о чем мне рассказывал Карл.

Олег Киселев очень серьезно собирается устраивать «Театральную лабораторию им. Сидура». 1 июля он дает показательный спектакль в Перовском районе Москвы во дворце культуры «Прожектор». Цель – выбить деньги на благоустройство здания, то есть на его перестройку. Наш Миша уже согласился стать у него главным администратором и собирается уходить с работы. Я это решение поддерживаю, хотя мы, конечно, идем на риск. Вся эта затея может с треском провалиться, но зная, как Миша не любит свою работу, а здесь он взялся за дело очень серьезно, тем более что Алику везде подчеркивает, что он ученик Вадима Сидура, я согласилась. Юрочка и Миша видели здание, которое дают Алику. Миша считает, что кроме театра там может быть комната для постоянной Диминой экспозиции. Кроме того, Миша считает, что первую выставку Сидура, большую, с живописью и графикой, надо делать там. Поглядим, что из всего этого выйдет. Во всяком случае, Юрочка, Вовка и Наталья готовы подключиться.

Снимало у нас польское ТВ. Это началось, когда вы были еще в Москве, а потом продолжалось на улице и дома. У них не хватило пленки, поэтому они сняли две «Структуры», дома и в мастерской.

Звонила искусствоведка из Советского Комитета защиты мира. Завтра встречаюсь с ней по поводу статьи с журнале СКЗМ «XX век и мы». Саша Шумов сказал, что в «Творчестве» наконец заказали ему статью с Эдиковыми фотографиями. У Юнны идет статья в «Огоньке», в № 30. Это где-то в конце

июля – начале августа. Эдиковы фотографии и слайды пошли уже в набор.

С твоим наследством дело тянется. Некая Марц из Третьяковки всю интригует. Нам рассказала Катя Лебедева, которая там, в Третьяковке, работает, что эта Марц очень возбужденно бегаёт и где только может ругает Сидура. Говорит, что в начале у него было что-то неплохое, а потом он сошел с ума, стал делать поп-арт. Все это металлолом, поэтому они дадут заключение, что нет у них специалистов, чтобы оценивать подобное искусство. Может быть, это к лучшему, потому что в таком случае оценивать обязан нотариус. Скорее всего, нотариус тоже откажется. Тогда есть еще один запасной вариант. На днях ко мне приходила искусствоведка Лена Олихейко с одним англичанином по имени Антони Барнет. Он писатель, писал большие статьи о Муре и о политике. Узнал о выставке Сидура в «Москоу ньюс», пришел на выставку, а она уже закрылась. Лена Олихейко одновременно является работником отдела экспорта Всесоюзного объединения им. Вучетича при Минкульте СССР. Она говорит, что там у них есть экспертно-оценочная комиссия, которая может оценить такие вещи, как твое наследство. Но она сказала, что скульпторы, там работающие, очень неплохо понимают, поэтому дешево не оценят. Она говорит, что Клауке и другие купцы очень жалуются на художников за то, что те много хвастают тем, что у них иностранцы закупают за большие деньги. Это всем портит торговлю. Тем более что сейчас приедет человек тринадцать из Америки закупать советский авангард, среди них будет Нахамкин. Во-первых, это конкуренция для европейцев, а во-вторых, никто не может заткнуть рот Кабакову и Булатову, а также другим. Дочка Костаки тоже закупает, но по дешевке. И вообще Лена говорит, что поведение художников скоро приведет к тому, что их продажу вообще прикроют. Антони Барнет был очень восхищен. Сказал, что обязательно будет писать. Я дала ему ваш адрес, и он сказал, что обязательно с вами свяжется. Сказал, что он впервые видит художника ни на кого не похожего вообще.

Я сказала тебе по телефону, что мы дали шесть скульптур на закупку в мин. культуры: «Пог. от насилия», «Пог. от бомб», «Раненого», «Формулу скорби», «Взывающего» и «Треблинку». «Концлагерь» не дали, потому что у нас больше

нет отливок. Сегодня у них закупка, и Миша сказал, что если цены будут смехотворные, то мы заберем свои вещи обратно. Пожалуй, он прав, Сидура они обязаны ценить не по расценкам для обычного художника, а индивидуально, так, как они ценят своего кошмарного Королева.

Романыч сказал, что нарисует тебе необходимую ему шарошку. Сегодня он опять сказал, как она ему необходима.

На рисунке-поздравлении я написала благодарственное письмо Дмитрию Сергеевичу Лихачеву и передала его таким же путем, как и в первый раз. Дала Наташе Брилинг все телефоны редакторов советского ТВ, чтобы она познакомила их с Муравьевым. Знаю, что Пешлер уже был у Муравьева вместе с Наташей. Белов пока не проявился со своими отпечатками, но Наташа об этом не забыла. [...] Выставку Урсулы Шиллер-Хеегер мы с Юрочкой сняли на видео. По ТВ ее или не показывали, или же никто из наших не видел. У Юрочки получилось все очень хорошо, но сама она пока не появилась.

Посетила я выставку Лемпорта и Силиса на Вавилова. Очень разочаровали. Искусство коммерческое, облегченное и инфантильное. Зато замечательно можно оформлять кафе, рестораны и бары. Оба вокруг меня очень суетились и демонстрировали свое расположение. Нашла одну приличную вещь у Лемпорта и «Дон-Кихота» неплохого у Силиса. В ранних вещах у Лемпорта увидела какие-то чувства, особенно в его «головах». Потом, как правильно сказала Сабина Шрамайер: «Такое ощущение, как-будто они остановились в своем развитии». Лишний раз порадовалась, что разошлись вовремя, что остались в подвале. У Димы в самой маленькой штучке есть сила, тяжесть, скульптурность. У них – огромное значение имеет поверхность: лакировка, полировка и прочее.

Была у меня делегация Дойче банк с Йоханной Росс. [...] Их было трое. Кроме Йоханны – г-н Эгертли и еще кто-то, кажется австриец. Они были вместе со Шрамайерами. Пришли на полчаса, просидели до половины первого ночи. Йоханна объяснила мне, пытаясь оправдаться, что они Сидура очень хотят и будут изо всех сил добиваться, что сейчас ситуация совсем не такая, какая была полгода тому назад, Сидур будет обязательно.

Эгертли и второй были в полном восторге. Я подарила ему каталог и он был счастлив. На следующий день, в субботу,

они должны были общаться с нашим художественным начальством. У нее не было сомнений, что Сидур обязательно на выставку попадет. Она очень мягко говорила о противоречиях, которые возникли у членов комиссии под руководством проф. Гоффмана и тобой. По ее словам, твоя научная концепция не была принята всеми членами комиссии, даже не принимая во внимание сопротивление советской стороны. Но сейчас все изменилось, у Дойче банка больше возможностей. Я сказала, что Карл всегда хочет представить на Западе лучших советских художников, а западные всегда уступают советской стороне и идут у нее на поводу. Советские же мафиози везде пишают только своих. В итоге, на другой день все из Дойче банка пошли на спектакль к Киселеву, у него был огромный триумф. Йоханна после спектакля повела всю делегацию за кулисы. Алик был мокрый как мышь, но все его поздравляли и с ним фотографировались.

Человек по имени Берндт Грюнвельд, который занимается туризмом по обмену, культурой и спортом, пришел на выставку, когда ее демонтировали, потом пришел к нам домой и купил два черно-белых рисунка (один – поздравление) на 500 р.

Крепко вас обнимаю.

Юля

11.7.87

Карлуша!

Очень нужны такие шарошки, по пять штук каждая. Предыдущая (10 штук) тоже очень нужна.

Юля

P.S. Одна фотография тебе, другая – Петре Келли и Герту Бастиану. Статья из «МН» для них.

Москва, 24 июля 87 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Пользуюсь неожиданной возможностью послать вам письмецо.

1) Главным образом, рада послать вам статью Володи Война из «Известий».

2) Не поняли, куда надо присоединять два шнура Video – ни к моему, ни к Мишиному магнитофону они не подходят.

3) Отправь, пожалуйста, письмо Алика по адресу.

Обнимаю вас обоих. Привет от Миши

Юля

31.7.87

7 Jul.

Юленька!

Всегда очень приятно слышать твой голос, хотя редко и ограничено несколькими минутами. Надеемся на более приятные времена, когда можно будет путешествовать более или менее свободно. Я знаю, что это еще в далеком будущем.

У моего тестя все по-прежнему. Он медленно умирает, сильно чувствует этот процесс. Теперь надеется, как последнее желание, еще увидеть Давида (дожить до этого), который приедет 9 августа и останется у нас до 26-го. Сердце его совсем «растоптано», как выражаются врачи (80:60, 80:50).

Внутренне готовлюсь написать введение в книгу о 70-х годах этим летом. Но до этого я должен еще отдать две другие статьи по семиотике. Опять (и постоянно) нахожусь под ударом со всех сторон.

Кстати говоря, позвонил Шапиро из Нью-Йорка и попросил каталоги и т. п., хотя я послал все еще 24 июня. С любопытством жду (положительного) ответа.

Журналу PAN не понравились те слайды и фотографии, которые я хотел опубликовать там. Теперь у меня заказ из журнала Osteuropa. Жду также с любопытством ответа из «Гутен таг».

Саша теперь гостит у нас (4 недели). Он занимается русским в Бохуме и готовится к своей деятельности в Москве.

Привет Наташе и большое ей спасибо за упорство, с которым она продолжает дело с фотографиями. Я ей очень признателен за такую помощь. Я с удовольствием бы стал профессором МГУ!

Ляховецкого с оператором мы пригласили через наш институт. Насчет расходов – так, как мы договорились с тобой. Думаю, что все обозримо.

В начале октября будет основано общество для сбора денег на «Памятник погибшим от бомб» (Würzburg). Копию последнего протокола я прилагаю. Дело движется.

Надеюсь, что скоро получишь шарошки и что они Романыча удовлетворят.

Мы хотим пригласить Бродских, но нам нужны их точные координаты, напости им. Олег получит приглашение из Берлина, как Удо нам сказал. [...]

С нетерпением ждем «Книги отзывов» и статью Юнны в «Огоньке». Статья Войны нам очень понравилась. Спасибо ему!

Крепко обнимаем. Привет всем ребятам, Мише, Мите и т. д. Gisela и Karl

Москва, 21 сентября 1987 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Давным-давно мы друг другу не писали. Не было ни времени, ни возможности. За это время произошло много всяких событий, хотя и приятных, но чрезвычайно утомительных. Мы сумели сделать оценку твоего наследства и устроить довольно большую выставку Димы позавчера на Новогиреевской улице, 37 в Перовском районе г. Москвы. Это совершенно великолепное здание в относительно приличном состоянии, но требует еще очень много доделок, которые можно осуществить только постепенно. До нас там находилась организация под названием ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту). Организация эта состоит в основном из деятельных бездельников. Во всяком случае, это прекрасное здание они запустили до ужасающего беспорядка.

При очень благосклонном отношении местных властей нам удалось в невероятно короткие сроки устроить выставку. Но выставка пока может работать только по субботам и воскресеньям, т. к. все мы заняты другими делами в течение недели и можем уделить ей время лишь в выходные дни. Позднее, когда будут ставки (а председатель райисполкома и заведомо культуры обещают это), Юра, Наташа и наш новый друг Олег Айбазов, ну и, конечно, Миша смогут получать там хоть какую-нибудь мизерную зарплату и уйти со своей основной работы. Как вы знаете, Миша ушел из ИНИОН еще в июле. Все

пока что весьма зыбко и неопределенно, т. к. кроме нового динамичного, молодого и толкового начальства существуют еще высшие органы на уровне райкома. А это уже совсем другие люди, их позиция пока неясна.

Теперь Киселев. С ним огромные трудности. Он вовлек нас в это Перово. Кажется, это было еще при тебе. Но в итоге оказалось так, что сам он не захотел там оставаться, потому что ему не подошло здание. Действительно, это не Большой театр. Для театра это здание требует длительной и серьезной реконструкции. Первоначально мы договорились так, что мы все вместе: Киселев как худрук и мы как организаторы музея Сидура работаем вместе. То есть наверху мы устраиваем выставку Димы как постоянную экспозицию, а внизу – зрительный зал, в котором и сейчас, до серьезной реконструкции, вполне можно давать спектакли. Киселев выбирается из своего подвала, переезжает сюда, обживает свой новый дом. Мы ему в этом помогаем. В общем, тянем весь этот воз вместе. Но получилось все по-другому. Алик с огромными нашими увещеваниями и уговариваниями, наконец, приехал. Привез свой реквизит, посидел в роскошных креслах, выбитых Мишей через райисполком при помощи отдела культуры, немного порепетировал. Потом сказал, что там ему все не нравится, что двое артистов заболели, что кресла ужасные, и вообще, у него есть имя, он должен дороже себя продавать, что Перово это далеко и неудобно и т. д. Короче говоря, он начал приводить те доводы, которые приводила ему я, когда боялась туда ехать. Киселев бросил это здание, он стал пытаться устроиться на работу в Театр им. Пушкина, куда его не взяли, сказали, что его очень хотели взять, но так как он сообщил, что собирается открывать свой театр, поэтому пусть его и открывает. Тогда он стал говорить, что будет устраиваться во МХАТ. В общем, везде ему дали от ворот поворот, т. к. всем надоело такое отношение. Поняли это и перовские власти, они увидели, что люди Сидура там вкалывают из последних сил, а Киселев – нет. Он там не появляется, ничего не делает и делать не собирается. Единственно только, он хочет использовать марку Перовского района, чтобы от его имени прокатывать свои спектакли и получать деньги через счет в банке, с огромным трудом пробитый Мишей в Перовском районе. Одновременно власти увидели, что мы сделали выставку Сидура и открылись в День

города, 19 сентября. Выставка прошла с потрясающим успехом. В книге отзывов идут сплошные восторженные записи. Власти гордятся, публика довольна, а главное – все ждали Киселева, про Сидура знать не знали. Теперь получилось все наоборот. Сидур умер, но он есть, а живой Киселев гуляет, как киплинговская кошка, сам по себе.

Дело в том, что в Перовском районе все равно собирались открывать свой собственный районный выставочный зал. И Марта Шабушкина, завотделом культуры при райисполкоме, видя, как Миша работает, предложила ему стать директором этого выставочного зала, чтобы на Новогиреевской улице была постоянная экспозиция Сидура как музей. Новое здание должно строиться на Саянской улице, но все прекрасно знают, как долго и необязательно у нас все строится, поэтому сейчас уже решили делать выставочный зал здесь, на Новогиреевской. Нам, конечно, очень понравилась эта идея, хотя с Диминной выставкой пришлось бы потесниться. Но нам не хотелось принимать подобное решение за спиной у Киселева, мы его вызвали к нам домой, при этом присутствовали Юра и Наташа. Я сказала, что у Марты есть такое предложение, но если он против, мы отказываемся, т. к. формально мы все являемся хозрасчетным объединением «Лаборатория театра и пластики» на базе нашего здания. Киселев тут же сказал, что он не против. Была красивая идея сделать «Лабораторию театра и пластики имени Сидура», но если для музея здание подходит, а для театра нет, то он согласен. Но он хочет, чтобы Миша в таком случае не был бы директором объединения и чтобы отдал ему расчетный счет и печать. Все мы, скрепя сердце, согласились, потому что Миша мог бы подписывать его договора на прокаты выступлений до того, как выставочный зал получит свои ставки, хоть и маленькие, но все-таки будет находиться на дотации у государства.

Но на другой день произошел очень крупный разговор у Марты в кабинете. Она наотрез отказалась снимать Мишу с должности директора объединения до января. Произошел разговор, на котором Киселев очень громко орал, кричал, что Миша не справляется как директор, а Марта говорила, что Киселев ничего не делает для района и требовала, чтобы Миша до января оставался директором, т. к. ей вообще надоела чехарда в несуществующем Киселевском театре. Она не разре-

шила Мише отдавать печать. [...] Тут Киселев сразу же получил подтверждение в том, чтобы обвинить Мишу в предательстве, что он теперь и делает с большим удовольствием.

А еще у нас дома, когда присутствовали Юра и Наташа, Олег с большим удовольствием отказался с нами сотрудничать в здании, тем более что из него можно сделать выставочный зал и ему не надо туда ехать. Он все время говорил: «Мне нужна площадка в центре. Я еду в Италию. Я вообще не знаю, вернусь ли я. Вот только думаю, кому бы оставить свое дело». Теперь все мы находимся в состоянии вражды. Киселев беседует только со мной. Мишу он ненавидит лютой ненавистью. До января сотрудничать отказывается. Райисполком посылает к черту. И хочет, чтобы я добыла ему расчетный счет и печать, чего ни я, ни Миша сделать не можем, поскольку печать зарегистрирована в милиции и выдать ее может только райисполком, сняв старого директора, выбрав нового, и т. д. (даже не выбрав, а утвердив) т. к. теперь у нас демократия и директора выбирают, а не назначают. Членами совета являемся мы: Киселев, художник Юра Соболев, Миша, Юра, Наташа, Ира Успенская и я. Киселев этот протокол подписал. Сам же он на работу в райисполкоме не устроился, хотя требовал, чтобы Миша как директор брал на работу его актеров без него. Таким образом, это было бы очень большим финансовым нарушением, т. к. можно нанимать актеров, если на счету есть хотя бы двухмесячный фонд заработной платы, у нас же нет ни копейки. Поэтому Киселев хотел свалить артистов на Мишу, не устроившись сам. Миша естественно отказался. В общем, надоело обо всем об этом писать. Но факт один – мы разошлись полностью и боюсь, что бесповоротно. А вот с Музеем Сидура пока еще не все потеряно. Но посмотрим, что из всего этого выйдет.

30 сентября 1987 г.

Карлуша и Гизела, я прекращаю эту нудную бодягу о наших отношениях с Олегом Киселевым. Я искренне желаю ему счастья, тем более что уверена в его большом таланте. Когда Карл позвонил, я как раз с его актером передала письма для Удо.

Из прессы посылаю только то, что у меня есть. К сожалению, не имею газеты «Советской Россия» за 3 окт., где очень

ругают «Эрмитаж», не называя их местонахождения. Газетку дали почитать посетители нашей выставки, и мы им сказали адрес: Профсоюзная, 100. Они были очень благодарны и сказали, что теперь поедут туда.

По «Немецкой волне» была, оказывается, информация о выставке Димы, позавчера, но я ее не слышала, хотя знала, что она будет, потому что делал передачу журналист-отказник Владимир Пименов, друг Фимы Шухмана. «Немецкую волну» слышно хуже, ее подслушают. К тому же в пятницу у нас в мастерской снимали документалисты целый день. Это другая редакция по искусству. Режиссер Юзеф Пастернак, друг Марка Ляховецкого. Он и пришел ко мне с подачи Марка. Они земляки из Киева. Вечером они снимали Юнну у нас в подвале. Она говорила очень здорово и была довольно-таки величественна.

5 окт. Только что позвонил Саша Шумов. Он сказал, что его статью в «Творчестве» про Диму завернули под предлогом, что они печатают интервью Аймермахера с Сидуром. Я сказала, что его труд не пропадет ни в коем случае и чтобы он не огорчался.

Посылаю тебе кое-какие газетные вырезки – это то, что я имею. К сожалению, я имею не все. Посылаю адрес и все данные Риты и Вовы Бродских. Очень прошу купить лекарство для Тамары, этикетку прилагаю. Крепко вас обнимаю, скупаю, несмотря на большую занятость. Всем друзьям привет. Если будете говорить по телефону с Петрой и Гертом, им тоже огромный привет. Завтра отсылаю это письмо.

Юля

Москва, 13 октября 1987 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Прежде всего поздравляю вас с тем, что Карл Эрнст Аймермахер становится владельцем 24-х скульптур Вадима Сидура, завещанных ему автором! «Свидетельство о наследстве» уже в руках у Миши. Я его пока еще не видела, но если Миша его принесет, то я его пошлю с этим же письмом. У Миши останется заверенная копия. Вторая часть эпопеи – ВЫВОЗ – еще предстоит. К тому же у нас с Мишей есть просьба к Карлу:

в связи с тем, что кое-что из его наследства мы уже выставляем, и советский зритель вполне неплохо это принимает, может быть, Карлуша поделится с нами своим добром, то есть что-то заберет, а что-то оставит. Во всяком случае, я думаю, что эту проблему мы будем решать вместе, когда вы приедете в Москву.

Мы уже говорили по телефону о полном успехе нашей выставки, которая существует лишь благодаря «цыганской информации», то есть практически нет никаких объявлений, за исключением маленькой статейки в газете «Московский комсомолец» от 3 октября 1987 г. и второй там же с извинениями за ошибку. Народу очень много. В эту пятницу, субботу и воскресенье было более тысячи человек в день. Выставка у нас бесплатная. Но не из-за того, что мы такие добрые, а потому что по бюрократическим причинам нет билетов. Билеты надо организовывать через финансовый отдел райисполкома, а на это надо время. По нормативам билеты стоят гроши: 20 копеек, 10 копеек для студентов и 5 копеек для школьников. Когда билеты будут, то мы сможем точнее определить, сколько людей у нас проходит за день. К тому же вырученные деньги поступят в отдел культуры райисполкома и проще будет организовывать ремонт, в котором чрезвычайно нуждается наше здание. Народ очень требует, чтобы были билеты.

Теперь разговоры о музее. Этого бы очень хотелось, но сделать чрезвычайно трудно. Поэтому наши желания пока что не совпадают с действительностью. Во всяком случае, наша главная благодетельница завотделом Перовского райисполкома Марта Шабушкина сейчас в отпуске и зампредисполкома Валерий Каменев тоже в отпуске. Но именно сейчас в отдел культуры поступил запрос из горкома партии и райкома, следовательно, от самого высокого начальства с требованием предоставить о выставке всю информацию. С одной стороны, это понятно – выставка проходит почти уже месяц, и слухи о ней распространяются все шире, а вышестоящие органы о ней ничего не знают. С другой стороны, мы с Мишей совершенно не уверены в хорошем отношении к искусству Вадима Сидура на верхнем уровне. Тем не менее решили уже и, кажется, даже завизировали афишу. Это будет обычная шрифтовая афиша, которая должна появиться 5 ноября. Поглядим, как будут развиваться события дальше. Пока что мы абсолютно свободны.

Невероятно праздничная, взволнованная атмосфера, полная благодарности и любви к художнику. Совершенно потрясающий документ – книга отзывов! И я только лишний раз думаю о том, как власти с пренебрежением и презрением относятся к собственному народу. Ведь самый наш главный враг – Зайцев – и сейчас занимает весьма ответственный пост замзавотделом культуры при ЦК КПСС, а бывший министр культуры Демичев является заместителем Громыко. И никто ни за что не отвечает, ни за то, что давили, травили, дышать не давали до самой смерти. В общем, если все будет в порядке, мы хотим сохранить выставку до Нового года, тем более что после афиши народу обязательно прибавится. А потом поглядим, что будет. Юра и Наташа ушли с работы, они теперь сотрудники выставочного зала, где Миша директор. Идеальный вариант – мы хотим, чтобы здание на Саянской улице, которое строилось под выставочный зал, было бы выставочным залом, как это и предполагалось, а наше здание на Новогиреевской улице, 37 – стало бы Музеем Вадима Сидура, то есть филиалом этого выставочного зала. Это то, что мы хотим, но совершенно не уверены, что так оно и будет. [...]

У эрмитажников были всякие неприятности из-за того, что они выставили эмигрантов. Потом на них стали оказывать всякое давление, они испугались и закрылись. Устраивают беспрерывные междусобойчики для самих себя. Зрителей не пускают, чтобы не сердить начальство. Зато публика обижается, пока они там сами для себя устраивают всякие шоу и лекции. На выставке мы были. У них был снова выходной, но я сказала, что если они родственников Сидура не пустят на выставку, то мы, во-первых, не пустим их к себе, а во-вторых, вообще некрасиво так поступать. В общем, я там устроила небольшой скандал, и они нас пустили: Мишу, Иру с Христиной, Олю (архитектора) с ребенком и меня. Выставка напоминает кашу. Огромное количество вещей: и хороших, и слабых, все рядом. Делали профессионалы, а ощущение такое, как будто сплошная самодеятельность. Я еще раз убедилась в Диминой правоте – нельзя участвовать в такой сборной солянке. Впечатление размывается, смотреть трудно. Мир того или иного художника определить невозможно. Один художник убивает другого. Из скульпторов выставлены: Сидур, Неизвестный, Берлин, Лемпорт-Силис и Колейчук, 41 г. рождения –

кинетист. Теперь они будут менять экспозицию и выставлять себя уже без покойников и эмигрантов. Вторая выставка, в основном графическая, продлится еще до завтра на Петровских линиях. Она тоже была почему-то постоянно закрыта: то водой заливало, то начальство не разрешало. Вся эта информация исходит от Наташи Брилинг. Она сказала, что Белов вернулся из отпуска, и она дальше займется твоими отпечатками и прочим.

Карлуша, отказала вторая замечательная дрель, которой работает Романыч, на этот раз – АЕГ. Это очень хорошая дрель, которая делает массу всяких операций и без нее Романычу тяжело. Она хорошо и много поработала. Мы попробуем ее починить, но я уверена, что нужна новая. Прошу тебя купить эту дрель АЕГ и прислать или же привезти самим. Также нужны видеокассеты на 240 минут!

Завтра мы идем на прием к Хорсту и надеемся забрать у него усилитель. Тогда мы получим возможность делать для вас копии наших видеофильмов. У Хорста будут Ламбсдорфы и Биргеры.

Я была на студии ЦСДФ у Марка Ляховецкого. Он показал мне эпизод своего фильма, где снято то, что касается Димы. Все очень здорово. Ты говоришь и выглядишь великолепно!

Крепко вас обнимаю. Жду письма.

Юля

Москва, 20 октября 1987 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Пишу после вчерашнего Карлушиного звонка. Все у нас в общем-то неплохо, хотя и появились первые неприятности. Чиновница из Главного управления культуры, кажется, из отдела выставок, сказала Мише, когда он приехал туда по поводу билетов (все посетители единодушно требуют, чтобы выставка была платной и жаждут заплатить свои 20 коп.). Некая Керушова, сказала Мише, что наша выставка незаконная, «вы партизаните», пора ее закрывать, т. к. по положению выставки продолжают не больше трех недель, а у нас она работает уже месяц, поэтому мы должны выставку закрывать, устраивать другую выставку, посвященную 70-летию Октябрьской

революции и, естественно, других художников. Когда Миша сказал, что люди постоянно идут и требуют музей Сидура, она сказала, что «государственные интересы важнее». Миша возразил, что нельзя советских граждан отделять от государственных интересов и хорошо было бы, что бы товарищ Керушова приехала лично на выставку, ознакомилась с творчеством Сидура и почитала книгу отзывов, где огромное количество посетителей требуют устроить в этом здании музей Сидура, а его произведения установить на площадях советских городов. Она сказала, что ей это совершенно не нужно, ходить ей не нужно и читать тоже ничего не нужно. В этом же главке работает Углева С.В., та самая, которая является искусствоведом-экспертом, и которая нам так много гадила, когда речь шла о твоём наследстве. Это она говорила, что завещанные тебе произведения никакого отношения к искусству не имеют.

В итоге самое худшее, что нас ожидает, что выставку придется закрыть, а все шишки будут падать на Марту Васильевну Шабушкину за ее смелость и самостоятельность. Ведь именно она санкционировала нашу выставку, приурочив ее открытие ко Дню города, 19 сентября этого года. Марта является завотделом культуры Перовского райисполкома. Марта сейчас в отпуске до 26 октября, тем не менее Миша поддерживает с ней связь по домашнему телефону. Пока Марта держится молодцом. Она сказала, что нам нужна поддержка общественности, но не только книга отзывов, которая, конечно, важна, но не достаточна. Короче говоря, если у нас будут еще какие-либо отклики со стороны прессы, то она со всем этим материалом составит специальную докладную записку, где объяснит значение скульптора Сидура в советском изобразительном искусстве. Безусловно, ей это будет нелегко, т. к. давление на нее будет оказываться очень большое.

Одновременно вышла передовая статья в журнале «Коммунист» в последнем номере, посвященная искусству. Там сказано о том, что советское искусство захирело, потому что его не пускали, травили, запрещали и теперь надо с этим покончить раз и навсегда. Хорошие статьи появляются, а эти сволочи, как сидели, душителы, на своих местах, так и сидят! Они абсолютно не хотят перестраиваться, а хотят давить, как и раньше.

В общем, борьба идет серьезная и, конечно, время работает не на Керушову и ей подобных, но крови они у нас попьют.

А пока что на выставке у нас все отлично. Вчера, несмотря на выходные (понедельник, вторник), Миша провел экскурсию, где было около 80 школьников и учителей. Их специально привезли на автобусе. А потом еще Марта пришла с какими-то болгарами. Болгары сказали, что они дадут информацию на болгарское радио.

Была у меня финская журналистка. Она сама сходила на выставку в Перово, сказала мне, что Сидур – это гений. В Финляндии уже вышел телефильм, который оказался очень хорошим, и теперь она у меня взяла интервью и собирается писать статью в какой-то газете в Хельсинки.

Кстати, о том, что Сидур гений, беспрерывно пишут в нашей книге отзывов. Таня Жукова сказала, что ей беспрерывно звонят какие-то люди, не знающие, что она наша подруга и спрашивают, сходила ли она уже на «скульптора века»!

Несмотря на все неприятности, Юра и Наташа готовят каталог, делают макет и т. д. Поглядим, что из всего этого выйдет.

Сегодня Сергей Давыдов, совершенно замечательный мастер, принес мне потрясающий портрет Юнны Мориц в меди. Замечательно! Хотя стоит очень дорого – 600 рублей. Второй Юнна заказала для себя, и он уже начал над ним работать. Я уже отдала ему «Саксофониста» из цикла «Джаз», который будет стоит 500 рублей. И мы договорились, что он мне отливает «Эйнштейна» за 1000 рублей. Он абсолютно не портит модели. После этого мне, очевидно, придется на время с отливками приостановиться, иначе разорюсь.

Не знаю, писала я уже или нет о том, что в Третьяковке зреет скандал, вернее, он уже идет со страшной силой. Королев и ведающая отделом скульптуры Марц, та самая, которая приходила к нам, чтобы брать на закупку скульптуры, то ли попросту проворовались, то ли еще что-то натворили, но их собираются снимать и выгонять. А может быть, и все обойдется. Эта мафия невероятно сильна. Но по последним слухам, Королев уже собирается быть директором художественного училища им. Сурикова. Если это произойдет, то это будет очевидное для всех понижение в должности. В связи со всем этим, а может быть, просто по обычному разгильдяйству и наплевательству, закупочной комиссии еще не было, наши вещи там лежат без всякого движения. Там же, в комбинате им. Вучетича, куда Миша отвез 15 скульптур, тоже ничего не происходит. В продажу они вещи не дают, зато требуют еще!

Вот, дорогие мои, какие у нас новости. Большой привет от Миши и от всех наших. Привет всем друзьям. Крепко вас обнимаю.

Юля

21.10.1987

8 Jul.

Юленька!

Это первое письмо после долгого молчания. Очень надеюсь, что ты не забыла, как читать этот странный для русских шрифт. Я очень люблю с тобой говорить по телефону, жаль просто, что расстояние все-таки большое и что это, конечно, стоит денег. Извини, если я иногда просто стараюсь через какое-то время ограничить наш разговор. Кроме того, мне хотелось тебе сказать, что ты в последнее время ведешь себя по телефону, как очень много эмигрантов, которые потеряли чувство осторожности. Хотелось бы думать, что времена уже настолько изменились, что можно говорить, как у нас, обо всем без всякой боязни. Пока еще сомневаюсь в этом, особенно что касается международных телефонных разговоров. Прошу тебя, будь более осторожна насчет писем, посылок, т. е. насчет наших с тобой связей. Как ни странно, политических разговоров я меньше боюсь, их разнообразие стало более или менее нормальным. А разговоры о начальстве как таковые оставь для писем.

Сегодня только вкратце. Я, как обычно, очень даже спешу. Кроме того, хочется успеть на почту.

Ursula и Bernd в Москве до начала ноября. Stroetmann'у еще позвоню. Я прекрасно понял, в чем дело! Для фотографий (Nat/Bel [Наташа Брилинг, фотограф Белов]) пошлю 4 тебе (до Рождества), 10 штук видеокассет в пути. Также AEG, он даже сильнее предыдущего, другого не было в наличии. Все через Сашину Ренату. У нее еще многое другое для Миши, тебя, Мити и Левы. Надеемся, что все подойдет. Штанов, которые ты заказала, нет. Они здесь «не в моде», поэтому они не бывают. Единственное – купи ткань и шей себе такие. Мы решили купить другие, которые по качеству, модности и элегантности не хуже заказанных.

Что касается моего наследства, то вы просто молодцы, что так пробили. Решите сами на месте, или решим вопрос вывоза вместе, когда мы приедем. На расстоянии мне кажется, что, может быть, стоит, чтобы часть находилась у нас, а часть у вас. Но, конечно, если считаете целесообразным, все может остаться и у вас.

В Вюрцбург я еще раз написал письма Heindl'ям, Beckel и Weißkopf. Жду ответа. В Вене должна выйти из печати моя статья о теперешней ситуации в области искусства в Москве. Разные слайды я отдал туда. Но я еще не могу сказать, сколько их будет напечатано.

Peschler получил от меня очень хорошие слайды. Он, кстати говоря, теперь в Москве.

Статью о «Головах современников» я dokonчу до конца октября. Уже для печати, она выйдет в следующем году. Я рад.

Книгой о 70-х займусь потом. Пока просто времени не было. Но, в принципе, мне все более или менее ясно. Единственное, хотелось бы для окончательной версии прочесть дневники тех лет, когда скульптуры были сделаны. Юля, не сомневайся, но тут у меня изо дня в день появляются все новые непредвиденные обязанности. С одной стороны, мне жаль, что у тебя теперь столько забот, с другой – только такой опыт тебе позволяет понять, сколько времени в последние годы я потратил на дело Сидура. За эти годы я фактически оставил очень много своих дел и планов, не окончил их. Но будь уверена, я об этом не жалею никак. Я рад этому опыту. Хорошо, что знают теперь Сидура получше хотя бы в Германии и что люди довольны и что его скульптуры стоят у нас.

Nannen в конце концов ответил! Копия письма в приложении. Он, в принципе, отказался от старого суждения, хотя до сих пор и считает, что произведения с сексуальными признаками для него лично не являются искусством. Это, конечно, его дело.

Очень надеюсь, что не возникнут новые проблемы с начальством в связи с выставкой. Мне кажется, Музей Сидура – пока не принципиальный вопрос. Сидур вообще больше не исчезнет из вашей истории. И я уверен, что ему в конце концов дадут что-то вроде музея. Лучше всего было бы, если существовал бы подвал как исторический памятник. Но без потопов!

Мне очень жаль, что получилось так, что Саше Шумову отказали из-за моего интервью. Мне этого, конечно, не хотелось. Скажи ему об этом. [...]

Обнимаем, всем привет!

Гизела и Карл

Москва, 26 октября 1987 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Сегодня мне позвонил Клаус Беднарц. Он сказал, что не смог приехать из-за тумана и волокиты с визой, и теперь, скорее всего, прибудет на неделю в конце декабря. Так что, наверное, мы все вместе встретимся в Москве. Но он предупредил, что мне позвонит какая-то женщина с WDR, которая сделает репортаж с перовской выставки. Она постоянно работает в Москве. Мне очень жаль, что Клаус не приехал. Всегда лучше иметь дело с друзьями, которых хорошо знаешь.

Выставка наша продолжается со все большим успехом. Слухи распространяются не только по Москве, но и по другим городам. Уже были люди из Ленинграда (особенно много), Днепропетровска, Свердловска, Минска, Вильнюса, Одессы, Новокузнецка и других городов. Днепропетровские все время спрашивают меня, где Дима жил, на какой улице, в какой школе учился. Один человек, оказывается, окончил ту же школу, что и Дима. Написал: «Горжусь, что он мой земляк». Собирается устанавливать мемориальную доску на школе. У нас уже начала заполняться третья книга отзывов. Экскурсии водим мы все: Миша, Юра, я и даже Олег Айбазов. Некоторые коллективы, особенно школьники с учителями или же из Дома пионеров, записываются заранее на экскурсии. Некоторые не записываются, а приходят с учителями. Но тут уже я, когда вижу группу детей, сразу же подхожу сама, спрашиваю, из какой школы, и начинаю проводить экскурсию. Здесь у меня срабатывает мой педагогический рефлекс. В эту субботу привели детей совсем уж с такими пролетарскими и простецкими лицами, что я сразу поняла, что это была не их инициатива, а учительская и что ребят этих, шестиклассников (12–13 лет) привели насильно. Это очень походило на «мероприятие». Ребята еще не вошли, а уже начали зевать и смотреть на часы.

Потом, приглядевшись, начались у них «хи-хи, ха-ха». Но тут я немедленно подключилась, и на глазах совершилось маленькое чудо – «хи-хи, ха-ха» прекратились, глаза стали более осмысленными, живыми. Стали мы друг другу задавать вопросы, завязалась беседа. И в итоге все были довольны, и ученики, и учительница. Иногда под вечер, когда народу становится поменьше, появляются местные подростки, в духовном плане люди полупещерные. Они приходят небольшими группками и тут же обычные «хи-хи, ха-ха». Я внимательно за ними наблюдаю, и с удивлением вижу те же самые изменения, но уже без моей помощи. Постепенно у них меняется выражение лица. Они делаются серьезнее и меньше размахивают руками. Уходя, один у меня спросил: «А этот, как его, Вадим Сидур, он русский?» Я сказала: «Да, Вадим Сидур – советский художник». Этот юноша удивился и ушел в недоумении. Но в общем, люди все идут и идут, несмотря на полное отсутствие какой-либо информации. У нас не взяли объявление в еженедельник «Досуг в Москве», т. к. Главное управление культуры Моссовета, так называемый главк, где одним из заведомо является некая тов. Кирюшова, оказалось его завизировать. По этой же самой причине у нас, очевидно, не будет каталога, т. к. ничто не может пройти в печать без их разрешения. Это, конечно, нас огорчает. Уж больно понравилась нам идея устроить в этом здании Музей Вадима Сидура, тем более что таковы были воля и желание Марты. Дело в том, что сейчас, при перестройке, райисполкомы действительно получили большую самостоятельность. От министерства культуры они никак не зависят, во всяком случае, юридически. От художественных властей тоже не зависят. Но от главка Мосгорисполкома они очень зависят. У них в руках и власть, и деньги. Музей Сидура, как Марта объяснила Мише, в этом здании не является чем-то утопическим. В районе на Саянской улице действительно достраивается районный выставочный зал, где можно будет, как и планировалось, проводить выставки районных, московских или других художников. Тогда здание на Новогиреевской, 37 вполне безболезненно может оставаться постоянной экспозицией Сидура. Этого же требует огромное количество наших посетителей. Но пока здание не построено, главк, не желая говорить, что им неприятен Сидур, поскольку это сейчас не актуально, начинает давить нас «положениями».

Поскольку пока нового здания нет, наше помещение временно является районным выставочным залом. Значит, по положению мы должны делать выставки сроком не более чем на три недели. Мы же существуем уже больше месяца. Средства на это выделил районный отдел культуры из так называемого КСК (культурно-спортивного комплекса), опять же благодаря Марте и Каменеву.

Но уже их городское начальство начинает «катить на них бочку». Во-первых, не дают опубликовать объявление, напечатать каталог. Во-вторых, объявляет нас «незаконно существующими», хотя это ложь. Мы открылись в День города, вполне официально, во главе с районными властями. В общем, мы все это рассказываем нашим посетителям. И многие говорят, что они обязательно напишут и будут нам помогать. Посмотрим, что из всего этого выйдет. Если Марта выдержит наскоки главка, то она будет герой. Тем более что для других выставок, пока нет выставочного зала на Саянской улице, существуют еще два помещения: музыкальная школа и библиотека. Но уже сейчас, благодаря выставке Сидура, наше место считается престижным, и многие хотят выставиться именно у нас. Очень часто звонят художники с подобными предложениями. Вот такие у нас дела на сегодняшний день.

[...] Карлушенька, отправь, пожалуйста, прилагаемое письмо по адресу на конверте. Крепко вас обнимаю. Привет всем друзьям.

Юля

Москва, 3 ноября 1987 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Спасибо вам за все посылки, которые я, очевидно, вскоре получу. Очень рада, что ты послал дрель АЕГ взамен поломанной. Самая наша главная работа по обработке отливок продолжается. Жаль, конечно, что у вас не продается немодных штанов, но модные, к сожалению, не по моей фигуре. Я надеюсь, что в итоге смогу достать ткань из более-менее плотного бархата с синтетической ниткой и пошить себе штаны, которые послужат мне несколько лет, как предыдущие, которые были очень хорошие, но сейчас, бедные, разорвались вдрызг.

Хочу иметь такие же, и проблема моей «выходной» одежды будет решена на ближайшую пятилетку.

Выставку нашу, несмотря на огромный успех, хотят закрывать, причем очень хитрым способом. Оставить две комнатки на втором этаже, а главный, нижний, зал отдать под выставку плакатов. Это будет неприятным прецедентом для того, чтобы потом закрыть всю выставку. Праздники юбилейные мы еще поработаем, а там уже чиновники из Главного управления культуры и горкома партии сделают все, чтобы нас прикрыть. Но как всегда, у нас сейчас, особенно в период перестройки, царит некоторая неразбериха. Вот только что, например, Миша позвонил, сказал, что ему велено ехать за афишами о Диминой выставке. С одной стороны, собираются закрывать, с другой, – выпускают афишу и разрешили печатать каталог выставки без цензуры, то есть только с разрешения Марты Шабушкиной, завотделом культуры райисполкома. Марта у нас войдет в историю как человек, не побоявшийся своей властью и под свою ответственность сделать то, на что не мог осмелиться никто. Она первая из советских властей показала искусство Сидура советскому народу. Я ни в коем случае не забываю о Генрихе Боровике, который тоже устроил выставку и тоже был фактически первым. Но та выставка носила характер политического мероприятия. Иначе Боровик не стал бы ее и делать. Мероприятие было полезным и важным, но куцым и урезанным. Информация о выставке появилась только в тот момент, когда выставка должна была закрыться. Афиш не было. Неприятные лица вахтеров отпугивали посетителей. Выставка работала только по рабочим дням и только до 18 часов. В Перово совсем другое дело. На выставке царила полная и абсолютная свобода. Мы открыты ежедневно, кроме понедельника и вторника до 8 вечера. Люди собираются группами, что-то обсуждают, пишут, не хотят уходить.

Речь Горбачева многих разочаровала. Расплывчатость, половинчатость, двойственность – очевидны. Сказана правда только о Сталине, во всем остальном продолжает царить полуправда, которая иногда хуже лжи. В экономике царит большой хаос. Стали появляться кое-какие товары, продовольствие, но по совершенно безумным ценам. Очереди несколько не уменьшились, пожалуй, их стало еще больше. Я лично прекрасно понимаю, что в переходный период подобные явления

неизбежны. Но как всегда, одно тянет за собой другое. В эти юбилейные дни газеты стало так же, как и раньше, противно читать. Опять слышен пустой треск и славословие. И будет очень плохо, если по инерции вся эта брехня покатится дальше и после юбилея. [...]

Я получила: письмо Анники (пошли, пожалуйста, ей ответ), газету, где Шемякин (и Шемякин, и Неизвестный – оба подлые люди, это давно известно), письмо фон Зеллю, Беккелю, Шапиро, переписку по поводу «Треблинки», ответ Наннена, статью Анджея Дравича. Насчет твоего наследства обязательно разберемся в Москве. Мы с Мишей абсолютно уверены, что ты обязательно должен большинство вещей забрать, а некоторые оставить. Конкретно все обсудим в Москве.

Из письма Уте Кепплер к Володе мы узнали, что ты не против опубликования стихов Юры и прозы Володи. Меня это очень обрадовало, их тоже. Кажется, «Творянин» снова собирается их переводить и публиковать.

Насчет Саши Шумова не беспокойся. Он отдаст мне свою статью, и я перешлю ее тебе. Будет замечательно, если в «Творчестве» будет опубликовано твое интервью с Димой. Перешли, пожалуйста, письма Аннике и Дорис. Судя по письму Анники, в Швеции пробиваться не менее тяжело, чем в Советском Союзе. Это только у Неизвестного хорошо получается. Он очень часто говорит по радио: «Я был у себя в музее в Швеции». И чуть ли не благодаря ему дали Нобелевскую премию по литературе Иосифу Бродскому.

Посылаю всякие любопытные вырезки из газет. Пока все. Крепко вас обнимаю.

Юля

Москва, 10 ноября 1987 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Выставка наша продолжает работать, и пока опять некоторая «оттепель». Очень важен тот факт, что нас не прикрыли на юбилейные праздники. Порадовала «Советская культура» – в самый что ни на есть юбилейный праздник опубликовала вполне приличную статью Евтушенко. Я его не люблю за хитрожопость и конформизм во все времена, хотя и «слева», но

сейчас его «левая служба» совпадает с лучшим, а не с худшим, что происходит в стране. В общем, идет борьба такая, что летят перья во все стороны. К счастью, не летят головы.

Сегодня должен состояться пленум, где будет разбираться заявление Ельцина об уходе. От того, что решат на пленуме, будет многое зависеть в нашей дальнейшей жизни. Ведь Ельцин открыто обвинил Лигачева в злостном торможении перестройки. В позавчерашней «Правде» три «правдолюбца»: Бондарев, Белов и Распутин изо всех сил борются с рок-н-роллом и засильем западного влияния. Наконец и Распутин примкнул, куда надо.

Сильнейшее впечатление произвел фильм Марка Ляховецкого «Группа товарищей». Вчера он показал нам его на студии. Это пока рабочая копия, вся состоящая из частей, грязная и т. д. Но мы с Юрой пришли с камерой и тайком сняли ее прямо с экрана в просмотровом зале, где находились втроем с Мариком. У фильма уже есть сильная оппозиция. Я не уверена, что этот фильм увидит свет. Там начинается с выступления Гранина, где он называет наше недавнее прошлое «брежневщина». Много колючей проволоки, тюрем и сияющего Брежнева вместе с Кунаевым. Огромные собрание на фоне портрета Ленина. Брежнев трясет орденами, едет в открытой машине, толпы рукоплещут. На этом фоне гибнут советские гении: один из них – экономист Иван Худенко, погибший в тюрьме в 1974 году. Зато сейчас бригадный подряд вводится чуть ли не силой. Первая часть посвящена Сидуру. Очень здорово снята мастерская. Ты в Переделкино на Диминой могиле, твой текст, он идет довольно долго, ты очень похож на Диму. Несколько кадров из нашего фильма, снятого Олегом Киселевым. Мастерская снята очень хорошо, выдержан колорит нашего фильма, есть и панорама, и отдельные работы. Затем Дима на кладбище с лопатой. Дима, прислоняющий медаль со Сталиным к груди «Раненого», один кадр с «Победителем» в СКЗМ, звучит стихотворение «Взывающий», дикторский текст за кадрами. Димины надгробная плита.

Вторая часть вся посвящена Худенко. Сказано о колоссальных выгодах, которые сулил его эксперимент и уже начал давать результаты, то есть практически была решена Продовольственная программа. Но, что бы все это не осуществилось, его посадили якобы за хищения в крупных масштабах

в тюрьму, где он просидел четыре года и умер. Показано его «Дело заключенного»: «Начато VIII 1970 г. Закончено – “Умер” 1974 г.». Говорится о замминистре по сельскому хозяйству Рогинце, который все это и устроил. Главный криминал был в том, что люди Худенко в те времена получали за свою работу по 300 р. в месяц, а сельские партаппаратчики получали по 250–370 р. Счет в банке Худенко был арестован, а ему самому предъявлено уголовное дело. Прямо говорится, что вина лежит на Брежнев, чьим фаворитом был Рогинец. На этом фоне идут жуткие цирковые номера. Человек скачет на свинье, человек берет препятствие (прыгает через балку) вместе с коровой, человек танцует с козой. Огромные ножницы подстригают траву как символ, запрещающий высовываться, колонны заключенных маршируют за колючей проволокой. Мелькают Димины работы в секундных кадрах: «Люди из толпы» и «Сговор».

Третья часть – текст Гранина о том, что не живут у нас гении, переключка с первой частью, где Дима и твой текст. Целая галерея советских покойников: Ахматова, Цветаева, Эфрос, Пастернак, Мандельштам, Маяковский. В перебивку показаны похороны Эфроса и Маяковского, сильнейшая хроника, особенно Маяковский в гробу. У гроба Эфроса знаменитые советские актеры: Ефремов, Калягин, Ульянов и другие. Куски из спектаклей Эфроса: «На дне», «Женитьба», какие-то ораторы произносят речи. Все время звучит музыка: «Реквием» Моцарта и двух каких-то старых русских композиторов. Иногда звучат слова дирижера, дирижирующего церковным хором: «Здесь вступает группа товарищей». На секунду показаны некрологи газет с подписями «группа товарищей». Под конец показан старый Тарковский, Арсений. Очень выразителен. Читается его стихотворение о том, что «наилучшие люди» «с царской щедростью лгали в глаза». Тут же идут фотографии Андрея Тарковского, его самого и кадры из «Андрея Рублева». Показан некрасивый, очень старый Габрилович, который говорит о том, что будущим администраторам надо беречь таланты, и читается текст письма Андрея Тарковского отцу из Рима 1983 г. Оно звучит очень сильно, особенно конец: «Твой несчастный и замученный сын Андрей Тарковский». В конце потрясающая сцена свидания молодого бритого заключенного с безногим отцом. Парень бежит к нему,

опускается на колени и они обнимаются. Конец – снова церковный хор, звучит мельком «группа товарищей». Постоянно в тексте речь идет о милосердии, сострадании и о том, что некоторые руководители были убийцами, даже того не желая, т. к. доводили творцов до инфарктов и инсультов.

Уже на первом коротком просмотре киношный начальник Коновалов сказал, что все это очернительство, потому что наша страна показана как тюрьма, вся опутанная колючей проволокой. Съемочная группа Марка, названная в конце фильма: «над фильмом работала группа товарищей», тут же обозвала Коновалова фашистом, и он убежал с обсуждения. Остальные немногочисленные зрители плакали и молчали. Теперь об этом фильме знает уже вся Москва, особенно киношный мир, и собирается расширенный худсовет, где судьба фильма будет решаться. В любом случае, я очень рада, что мы уже сняли его на видео. При первой же возможности сделаем для тебя копию, хотя потери качества будут очень чувствительны.

Ты, наверное, знаешь, что Киселев в Италии. Мы позвонили ему на другой день после твоего отъезда и узнали, что он убыл, предварительно поговорив по телефону с ФРГ.

За это время я побывала на спектакле Анатолия Васильева «Шесть персонажей в поисках автора» Пиранделло. Он сейчас работает в подвале на ул. Воровского. Я считаю, что это совершенно потрясающий режиссер. [...] До сих пор нахожусь под впечатлением высочайшего мастерства. Это современное искусство, в котором есть все – от Шекспира до Чехова и Беккета. Мне кажется, что этот человек в театре может делать все. Из плохой пьесы тоже может сделать гениальное произведение, так мне кажется.

Позвонила Дорис. Она была на приеме в советском посольстве в Бонне по случаю 70-летия и встретила там с Петрой и Гертом. Они говорили обо мне и на этой почве подружились. В четверг встречаюсь с Ренатой и ее ребеночком Алисой-Софией. Колодзей была у нас в Перово, едет на два месяца в Швецию без дочки. [...] Урсула передаст тебе часть книги отзывов, фотографии открытия в Перово и, кажется, афишу. Мы подготовили макет каталога перовской выставки. Теперь нужен ретушер. Уже договорились с типографией. Если культурная политика не переменится, то через два месяца отпечатают 15 тыс. тираж. 5 ноября снимало у нас WDR для Клауса

перовскую выставку. Оператор Манфред Ромбой. Интервью у посетителей брал наш советский парень, который теперь там работает. Его зовут Игорь, он у меня тоже взял интервью. Это был четверг, довольно спокойный день. Посетителей за весь день было не больше 300 человек. Зато 8 ноября было фор-менное нашествие. Количество людей перешло далеко за тысячу. Если бы у нас были билеты, мы бы смогли знать точно.

Крепко вас обнимаю. Всем привет.

Юля

Москва, 15 ноября 1987 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Вы уже знаете о наших последних событиях. Ничего хорошего в них нет. То, что сожрали Ельцина, его покаяние после выступлений «товарищей», производит очень сильное впечатление. Не знаю, что будет дальше, но по опыту – сейчас наша замечательная перестройка должна вновь скатиться на «застойные» позиции и «негативные явления». И будет чудо, если этого не произойдет. Почему-то так случается, что Дима даже с того света продолжает бороться с темными силами. Казалось бы, так далеко от политики, а оказываешься всегда в первых рядах. Вот она сила искусства! Нам было приказано закрыть выставку в среду, на следующий день после пленума. Правда, в конец расстроенная Марта разрешила поработать еще четверг и пятницу, а в субботу закрыться и повесить объявление: «Смена экспозиции». Мы так и сделали. Приказ шел не от райисполкома и не от райкома, а с самого верха, причем приказ, как всегда, устный. На выставке какие-то люди собирают подписи, петиции, пишут в газеты и журналы, пишут в главк. Огромное большинство наших зрителей просит или требует сделать эту выставку постоянной. На сотни восторженных записей меньше десяти негативных. К концу в книге отзывов страсти нарастают. Люди уже пишут: «Не закрывайте выставку, сволочи!» Но кто-то пишет: «Выставку необходимо закрыть». Все пришло в движение: ненависть верхов, зависть бездарных художников, невежество и глупость низов. Сейчас у нас полная неясность, что будет дальше. Есть предложения со стороны других выставочных залов делать выставку у них.

Очевидно, инерция свободы еще срабатывает, но телевидение, которое очень бодро сказало накануне снятия Ельцина, что оно будет у нас снимать и расскажет о том, кто мешает, и после смерти показывать народу искусство Сидура, позвонило на другой день и извинилось, сказав, что начальство не позволяет. Мы пока не принимаем ничьи предложения, т. к. Марта сказала, ничего не трогать и выжидать. Сама она должна встретиться во вторник с представителем Всесоюзного радио. Встреча произойдет в Перово на закрытой выставке. К тому же мы точно знаем, если мы уйдем сейчас из Перово, мы туда никогда больше не вернемся, а у нас еще теплится слабая надежда закрепиться там навсегда, хотя надежда эта с каждым днем становится все слабее.

Итак, этот огромный обаятельный скиф Ельцин стал первой жертвой новой диктатуры. Он был «свой» и изгнан своими же. Вот чем оборачиваются призывы говорить правду, когда они поняты в буквальном смысле. Кстати, внучка Ельцина учится во втором классе в моей школе, где я работала, на улице Достоевского.

Шпильман очень симпатичный мужик. Ему понравилась наша выставка. Он был у нас в подвале с Сабиной Шрамайер. Потом поехал на нашу выставку на метро. По дороге запутался, но Миша подъехал и довез его до места. Очень забавно – когда он был у нас в подвале, я ему рассказывала радужные истории о том, что у нас, возможно, будет музей, а Миша, скорее всего, будет директором. И как хорошо, что молодой директор Миша встретился с опытным директором Петером Шпильманом. Через день мы встречаемся уже у нас дома. У всех похоронное настроение и саркастические шуточки по этому поводу. А Шпильман, проникнутый воспоминаниями о погубленной Пражской весне, убеждает нас в том, что перестройка продолжается. Но в то же время, противореча сам себе, рассказывает, что в Чехословакии сейчас хуже, чем у нас.

Последние сведения о Коротиче. Он выступал в Доме кино. Все отметили его мрачный юмор. Он сказал: «Думал идти сюда или не идти. Но в итоге решил прийти, хотя в душе у меня Лаврентий Павлович» (Берия). Таким образом, если он к вам прибудет, то тональность беседы, очевидно, будет уже другая.

19 ноября Миша договорился встретиться с Кутузовой из мин. культуры.

Есть странные слухи от наших почитателей, что может выйти в «Московской правде» репортаж о выставке. Я в это не верю. Ходят слухи опять же, что генсек будет собирать на этой неделе редакторов центральных газет и журналов. Ходят слухи, что масса людей пишут письма с требованием опубликовать речь самого Ельцина, за которую его сняли. Ходят слухи о готовящейся демонстрации в его защиту.

Саша и Рената были как раз на выставке в пятницу вечером перед закрытием. В тот же вечер ты им позвонил и все узнал.

Вот такие дела! Крепко вас обнимаю. Пошлите, пожалуйста, прилагаемое письмо по адресу.

Юля

Москва, 23 ноября 1987 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Наше нестабильное существование продолжается. Сегодня Марта поехала в райком на совещание. Обязательно будут говорить и о нашей выставке тоже. Не знаем, каковы будут результаты. Но на днях Миша принимал у себя дома все районное начальство во главе с Мартой. Все были очень довольны, и Марта сказала Мише, что она уже переговорила лишний раз с секретарем райкома Трофимовой, которая тоже за нас, но против главка бороться тяжело. Поэтому Трофимова сказала: «Делайте, только официально». Вполне естественно, потому что неофициально у нас ничего сделать нельзя. За это время появились две публикации: в журнале «Век XX и мир», 10/87 и «Новое время», № 47, 20.11.87 (обе прилагаю). Статьи неплохие, но жаль, что в «Новом времени», где материал взят с перовской выставки, ничего не сказано о том, что выставка прошла в Перово. Если б выставку не закрыли, то это необыкновенно важное указание было бы сделано. Возможно, завтра появится статья в «Московской правде», на этот раз именно о выставке. Поскольку это газета Мосгорисполкома, то наши позиции укрепятся. Но еще нет полной уверенности в том, что статья появится.

Заменивший Ельцина «умеренный» Зайков пока не выглядит кровожадным реакционером (см. «Забота о людях – передний край перестройки. Семинар секретарей райкомов партии Москвы»).

Итак, у нас остались кое-какие надежды. С фильмом Марка гораздо хуже. Я думаю, что это кино никогда, во всяком случае, в обозримом будущем, не увидит свет. Марк рассказал мне о бурном собрании, которое происходило после показа этого фильма. После первого просмотра на студии, о котором я вам писала, состоялся второй. На этот раз был расширенный худсовет, но в маленьком зале набилось больше ста человек. Сначала все молчали в некотором обалдении. Потом стали высказываться. Некоторые говорили, что ничего подобного не видели на экранах советского кино, некоторые очень хвалили, но не в них суть. Суть в тех, кто был резко против. Некий Карпов, придворный документалист и член общества «Память». Он тут же начал говорить, что это антисоветский фильм, который очень хорошо подтверждает теорию Рейгана о нашей стране как «империи зла», и в таком духе постоянно показывают на Западе фильмы из серии «Черная волна». Многие ругали весь эпизод с Сидуром. Один сказал, что он бывал «у этого художника в Лианозове, который потом уехал». Таким образом, Сидура спутали с Рабиным. Кто-то из зала крикнул: «Марик, дай ему подписку о невыезде!» Марк сказал: «Какое вы имеете право оскорблять инвалида Отечественной войны!» Потом говорили, что Пастернак сам хорош! Сам писал, что виноват в смерти Цветаевой. Марк сказал: «Вы можете говорить обо мне, что хотите, но не имеете права плохо говорить о погибших!».

Потом из «Памяти» говорили, что у Сидура сплошные мажорские символы, что «этот немец» не имеет права поучать нас, как жить. Марк сказал, что «этого немца» он хорошо знает, и «он мне гораздо ближе, чем вы». В итоге, когда стали голосовать, получилось – восемь голосов за, пять против. Казалось бы, фильм формально худсоветом принят. Но потом, уже без Марка, этот фильм крутили снова и снова. Юзеф Пастернак, который сейчас делает фильм о современном советском искусстве, говорит, что был так возбужден, что не мог уснуть до четырех часов ночи. Он говорит, что можно было бы снять еще один фильм о худсовете и собрании после просмотра. Голосовать могли только члены худсовета, и они проголосовали в пользу фильма. Но потом началась «работа». Результаты сфальсифицировали, кое на кого надавили, кое-кто забрал свой голос «за» и перенес его в «против». Последний итог –

семь «за», восемь «против». Все это голосование ничего не стоит, т. к. решение выносит дирекция, а она все равно не пустила бы фильм ни на каком основании. Теперь завтра должна состояться конфликтная комиссия, где этот фильм будет разбираться. Надеяться на то, что этот фильм пустят на экран, не приходится. Вся киностудия ЦСДФ (Центральная студия документальных фильмов) бурлит, у нас, действительно, ничего подобного не бывало. Были предложения показать фильм в редакции «Правды». Марк сказал: «А почему бы не показать в редакции “Огонька”?» Я посылаю вам кассету с этим фильмом и с другими материалами, которые мы отсняли с Юрой. К сожалению, «Группа товарищей» выглядит по качеству совершенно ужасно. Усилитель не помог, т. к. изначально наша копия была тоже достаточно плохая. По ней вы сможете иметь только общее представление.

Надеюсь, что скоро вы будете иметь всю книгу отзывов. Очень интересный и эмоциональный документ.

Огромное спасибо за посылки. Вл. Нем[ухину] я уже передала, с Сашей Шумовым договарюсь и на днях встречусь. Спасибо огромное за посылки и для меня, и для детей. Все отличное! Только обувь оказалась маленькой. Пойдет детям. Мне нужно на два номера больше! Я не знаю, почему так получилось. Когда прикладываю к ноге, то это мой размер, выглядит чуть больше, но когда надеваю всего лишь на колготки, то сильно жмет, а если на носок, то и совсем не лезет. Большое спасибо за лекарства и за журналы для Нины. Она очень довольна. Ей кто-то еще достал журналы, но все это не то, а ваши – как раз те, которые ей нужны! Она очень благодарна.

На днях Миша с одним нашим помощником-общественником был на приеме у Кутузовой. Она была очень и очень доброжелательна. Сказала, что министерство культуры не против. Главк с министерством культуры находится во вражде. Самая жуткая персона в главке – это Григорьева. Я вспомнила, что это та самая тетка, которая закрыла Эдику тему «Скульптор Вадим Сидур» в 1985 году. Григорьева продолжает в том же духе, а Кирюшова ее главный помощник. Кутузова сказала, что надо добиваться статуса выставочного зала, а потом уже, будучи самостоятельными, район может устраивать в этом зале что угодно: музей, выставки и т. д. Району уже ни-

кто не сможет помешать. Она, пожалуй, права, т. к. помещения для выставок других художников в районе имеются! Она сказала, что Григорьева, Углева, Кирюшова и прочие чиновницы из главка особенно обозлены на Сидура за то, что он оставил тебе наследство. Зато мы очень довольны этим замечательным Диминым поступком.

Еще одним положительным фактом нашего времени является открывающаяся выставка Штейнберга. Так что все продолжается.

Еще один интересный феномен – это финансовый бум. Советское современное искусство резко подскочило в цене. В Париже продали Кабакова за 200 т. франков. Здесь эта картина, «Чистку прошла», продавалась в салоне за 50 т. рублей. Обратите внимание на маленькую заметочку в «Известиях» (прилагаю) «5000 картин», где упоминаются несколько имен, среди которых главные: Кабаков и Слепышев.

Пока я еще не получила дрель АЕГ, но надеюсь скоро получить.

Очень порадовал вчерашний звонок Карла. Приятно, что дело с «Пог. от бомб» движется и Клаус делает свое кино про Диму.

Крепко вас обнимаю. Спасибо за все. Напиши пару строк!

Юля

г. Москва, 1 декабря 1987

Дорогие Карлуша и Гизела!

На этот раз особых новостей нет, но кое-что все-таки в нашей жизни происходит.

С фильмом «Группа товарищей» не до конца еще покончено. Фальсификация с голосами на худсовете дошла до того, что в результате фильм не был принят девятью голосами «против» и семью «за». Но после этого, когда его должно было навсегда зарубить Госкино, он попал на конфликтную комиссию в Союз кинематографистов. В Союзе была совсем другая картина. Фильм был принят единогласно! Даже составлено заключение, в котором говорится, что фильм честный, правдивый, нужный и что пока еще ничего подобного не было создано на ЦСДФ. Картину называли очень талантливой

и первопродходческой. Выразили сожаление, что худсовет ЦСДФ не понял ценности, которую представляет эта лента, показывающая годы застоя, когда по вине чиновников от искусства трагически гибли такие большие таланты, как Сидур, Эфрос, Тарковский и другие. Одновременно в экономике бюрократы и догматики губили таких замечательных деятелей, как Худенко и других. Я, к сожалению, не видела этот документ, но Марик обещал его достать, поэтому излагаю вольно со слов Марка. Марк сказал, что там, на конфликтной комиссии, присутствовал Коновалов, назвавший во время худсовета картину очернительской и клеветнической. Когда Марк сказал, что здесь присутствует товарищ Коновалов, объявивший его картину антисоветской, тот тут же заявил, что он этого не говорил. И самые последние сведения – фильм был просмотрен кем-то из ЦК, из отдела пропаганды, и, как Марк сказал, был принят до последней запятой. Тем не менее я не верю, что это кино будет показано зрителю.

Начальство к нам на выставку в понедельник не приехало, хотя мы очень подготовились. Теперь ожидаем их в среду.

«Московская правда» со статьей про выставку так и не появилась. И думаю, что еще долго не появится, этот печатный орган целиком зависит от главка и от горкома.

Посылаю тебе статью из «Советской культуры» за сегодняшнее число «Счищая накипь?». Это о публикациях Лемпорта в «Московском художнике». Статья противная. К сожалению, я не знаю, что именно писал Лемпорт в «Московском художнике», несмотря на приведенные здесь цитаты. Но я, в принципе, хорошо знаю стиль, а главное – характер Лемпорта – завистливый и мелкий. Такие, как он, сейчас чувствуют конъюнктуру и начинают с удовольствием «разоблачать». Эти разоблачения выглядят поверхностными и провокаторскими. Какие бы ни были недостатки у Маяковского, он все равно гений, хотя и «наступил на горло собственной песне», за что заплатил собственной жизнью. Обвинять Маяковского в сталинских преступлениях абсурдно и даже подло. Можно подумать, что если бы Маяковский не «приравнял к штыку перо», то не было бы сталинских репрессий. Разница между такими, как Маяковский, и такими, как Лемпорт, в том, что первые очень талантливы и обязательно гибнут от собственной веры в ложную, но казавшуюся святой идею, вторые – второсортны, за-

вистливы, обязательно достигают благополучия и коммерческого процветания! Пользуются второсортной популярностью в своей профессии. Всю жизнь молодятся. Есть такие шестидесятипятiletние старые мальчики, безудержные конформисты. Но они все-таки очень хорошо знают себе истинную цену и оттого страдают неизбежным комплексом неполноценности. Поэтому, когда появляется возможность, они начинают пинать умерших: «Сидур не сумел вписать свой индивидуализм в коллектив», у Маяковского «диспропорция его фигуры» и т. д. Как всегда у таких, как Лемпорт, кажущаяся правдой полуправда, на деле оборачивается большой ложью, зато дает повод лишний раз выпятить свою второсортную личность на фоне временного периода «гласности».

Сделал мне Сергей Давыдов «Саксофониста», № 154. Сделал тоже в гальванопластике, очень хорошо. Теперь я дала ему «Узника», № 179, и «Музыканта с виолончелью», № 190. «Эйнштейна» он пока брать не хочет. Говорит, что трудно делать, нет у него металла и т. д. Надеюсь, что в конце концов я его уговорю сделать даже две. Сейчас на выставке в Перово стоит гипс. Это не то. Отдавать туда керамический – страшно. Если бы у меня было два в гальванике, то можно было бы один дать в Третьяковку на закупку, а второй поставить в Перово (если, конечно, мы там останемся) и не дрожать все время, что гипсовую скульптуру вот-вот расколотят, когда много народу.

Саше Шумову я отдала все, что ему прислано. С Наташей пока не виделась, она уезжала в Ленинград, и я не знаю, когда она вернется. Но есть много интересных каталогов, которые мы с Мишей хотели бы оставить себе.

Дорогие мои, у меня к вам еще одна просьба. Дело в том, что Митюшка играет в какую-то им самим придуманную страну под названием Мерикуляндия. В этой стране общественный строй похож на смесь нашего с Латинской Америкой: непрерывные войны, восстания, перевороты, гражданская война, предательства, испытания нового оружия и т. д. Главные персонажи взяты из «Лего» и «Плеймобиля». Но сейчас ему не хватает обыкновенных солдатиков для создания всяких армий. Поэтому, если вам не трудно, купите для него маленьких солдатиков побольше, лучше всего – современных. Я уверена, что весь этот милитаризм у него обязательно пройдет, но

сейчас он должен этим «переболеть», тем более что у него в стране действуют не только силы зла, но и добро изредка побеждает.

Пока все. Крепко вас обнимаю. Позвоните, пожалуйста, Дорис и поздравьте ее с завтрашним днем рождения. Привет всем друзьям.

Юля

Москва, 8 декабря 1987 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Вчера мы демонтировали нашу замечательную выставку, а сейчас я пишу вам письмо в то время как все наши ребята сидят в Перово и ждут пока привезут какие-то плакаты. Мы понятия не имеем, что за плакаты, какие плакаты. Но цель достигнута – надо выставить по-быстрому что угодно, лишь бы закрыть выставку Сидура. Никого не интересует ни суть, ни качество экспонатов, никого не волнует, будут ходить на эту выставку люди или не будут, но главное сделано – Сидура прикрыли! Причем прикрыли руками района, то есть руками людей, которые на всех уровнях все это время поддерживали нас и морально, и материально, оформив наших сотрудников на небольшую зарплату. И райисполком, и райком были на нашей стороне до самого конца, но противостоят начальству с самого верха они были не в силах.

Наше закрытие произошло в этот четверг. Это событие было очень похоже на анекдот про Сталина и Пушкина. Сталин вызвал к себе Пушкина, участливо спрашивал его о здоровье, о творческих планах, хвалил его, называл гением и отпустил, ободренного и обласканного. Как только Пушкин покинул его кабинет, Сталин снял телефонную трубку и сказал: «Дантес! Пушкин вышел».

У нас произошло то же самое, но с поправками. В четверг приехала комиссия во главе с заместителем начальника главка Беликовым. Его сопровождала небезызвестная Григорьева. Беликову выставка понравилась. К тому же он совершенно точно не мог приехать, не посоветовавшись с вышестоящими товарищами, и не определив свою позицию заранее, у нас иначе не бывает. Комиссия приехала еще и потому, что был

запрос из ЦК, т. к. мы точно знаем, что люди писали члену Политбюро А.Н. Яковлеву. Григорьева пыталась злобно что-то верещать по поводу того, что на выставке не все ровно (естественно, она имела в виду «объекты»), но тем не менее выдавила из себя, что «выставка хорошая». Беликов смотрел внимательно и молча. Почитал книгу отзывов, сказал: «Ну, я вижу тут все написано “гениально” и “потрясающе”, в общем, все ясно». Меня не было при этом, я все пересказываю со слов Миши. Потом пили чай. Григорьева почти кричала на Марту: «Кто дал информацию на иностранное радио, что работник министерства культуры Григорьева закрыла выставку? Это ты, Шабушкина, распространяешь такие слухи! И ему скажи (показала на Мишу), чтобы он забыл мою фамилию!». Мы, к сожалению, этой передачи по радио не слышали. Никакой информации никуда не давали. Миша попытался сказать, что он в первый раз об этом слышит. Но Григорьеву трудно было остановиться. Поэтому ее остановил Беликов: «Так, подведем итоги. Люди сделали хорошую выставку. Конечно, решает район, но наша позиция ясна – открывайте выставку в субботу и работайте!» Потом они попили чайку, Григорьева больше супротив начальства не выступала. Они сели в свою черную «Волгу» и отбыли. Счастью нашему не было предела. Миша позвонил мне, а я успела позвонить Гинзбургам, Юнне и Левитанскому. Но уже через час позвонила совершенно убитая Марта и сказала, что мы должны делать выставку плакатов. У нас выставочный зал, поэтому должны проходить сменные выставки. Это приказ от Трофимовой сверху, которой в свою очередь даны очень четкие и жесткие указания сверху. Из всей этой истории мы заключаем – на самом верху идет такая борьба и с таким переменным успехом, что даже Беликов, такой большой начальник, не смог противостоять тем, кто закрыл нашу выставку. Он очень хорошо относится к Марте, поэтому не стал бы ломать комедию. Поэтому, когда он сказал, чтобы мы открылись в субботу – это было очень серьезно и его даже кто-то направлял из ЦК. Но кто-то посильнее, из того же ЦК, но из другой группировки, все это дело поломал. На данный момент. Опять же, по словам Марты, Григорьева попыталась получить политические дивиденды на твоём наследстве. На одном из совещаний в главке она пустила по кругу фотографии завещанных тебе работ. Они дошли до Белико-

ва, но он отнесся к ним совершенно спокойно и абсолютно нейтрально. Тем не менее нас закрыли.

Вчера мы с Мишей были в гостях у одних друзей, где находились также Гинзбурги и Крелины. Жена Юлия Крелина, писателя-хирурга, Лидия Польская, работает в «Литгазете». Это она довела статью Гинзбурга до публикации в «Литгазете». Она сказала, что Чаковский очень гордится тем, что сфотографировался около «Взывающего» в Дюссельдорфе. Лида предложила написать письмо за подписью Гинзбурга, Мориц и кого-то третьего из писателей. Она считает, что будет реально опубликовать это письмо в «Литгазете». «Теперь Сидур уже наш, – сказала Лидия, – и мы держим его дело под контролем».

Нам прислали из Швейцарии листок Who is who. Послано 7 сентября этого года. Люди посылавшие даже не знали, что человек умер уже больше года. Прислано по нормальной почте, поэтому шло долго. Мы сняли ксерокс и пошлем этот листок вам, т. к. подлинник оставим себе. Ты сам, Карлуша, решай, что с этим делать. Во всяком случае, можно им позвонить и все выяснить.

Позавчера в подвале произошел очередной потоп. На этот раз с ним боролась Наталья. Плата за прочистку колодцев увеличилась ровно в два раза, раньше это стоило пять рублей, теперь десять.

Фильм «Группа товарищей». Сегодня или завтра будет просмотр на пленуме Союза кинематографистов. Карлуша, фильм не принят. Очень прошу его никому не давать, а если и показывать, то ни в коем случае официальным русским. Мы с Юрой сняли его на видео тайком! Это совершенно другое дело – когда мы снимали фильм с Киселевым. То был наш фильм, а «Группа товарищей» – официальный советский фильм, снятый на государственной киностудии. Марк не имеет на него никаких прав. Я не хочу тебя пугать, но лучше быть осторожным. У Марка нет копии. Даже для просмотра в Доме кино 1 декабря секретариат Союза кинематографистов обращался с просьбой на студию ЦСДФ и писал гарантийное письмо на немедленный возврат после показа. Было полутора-часовое собрание секретариата Союза, где решались многие проблемы от творческих до бытовых, например, почему проститутки ходят в ресторан Дома кино, а для членов Союза

мест нет. Марик пригласил нас с Мишей, а мы еще прихватили Марту. Зал был забит битком. Климов сказал, что надо кончать с записками, потому что предстоит еще посмотреть «очень интересный спорный» фильм «Группа товарищей» и польский фильм. «Группа товарищей» на киношников произвел большое впечатление. Фильм прерывался аплодисментами, а в конце аплодисменты стали даже бурными. После этого фильма люди стали десятками покидать зал, потому что польская фантастика показалась сущей ерундой по сравнению с нашей фантастической реальностью. Я не верю, что этот фильм выйдет на советский экран в настоящее время, и дай бог, чтобы я ошиблась!

Урсула сказала мне, что в статье Шмидт-Хойера в «Цайте» написано, что нашу выставку закрыли. Хорошо бы иметь эту статью.

Марк Харитонов написал о Диме эссе, страниц 45 на машинке. Я пока еще не читала.

Саша Шумов сообщил сведения из министерства культуры, исходящие от молодого симпатичного сотрудника Козлова. Там долго думали о твоём наследстве: то ли вообще не оценивать его при вывозе, то ли оценить так дорого, чтобы ты не мог его оплатить. И в итоге, кажется, пришли к выводу: ценить как можно дороже. Поглядим, какова будет их цена! Очень интересно.

Меня огорчило, что вы болеете. Желаю вам здоровья, тем более что предстоит поездка в Москву, которая будет довольно-таки утомительной. Многие хотят тебя видеть в Москве: и немцы и русские. Крепко вас обнимаю. Жду письма

Юля

10.12.87

Юленька, только несколько слов. Извини сумбур изложения.

Кино Марка – очень здорово, поразительно, удивительно, нужно. Я уверен, что пустят его в течение полугода. [...]

«Треблинка» в Берлине выглядит очень хорошо.

Для «Гутен таг» напишу о Сидуре. Для Sowjetunion heute («Сов. Союз сегодня») я передал фотографии для январского номера. См. и «Наше наследие» № 1, 1988. Скоро передам

временно Spielmann'у в музей те скульптуры, о которых мы говорили (список следует). Статья Шумова хорошая. Поздравляю его в связи с Малевичем.

О концепции Бернской выставки поговорим в Москве. Книга Пешлера продвигается. «Книга отзывов» поразительна. Playmobil привезем к концу года (28.12).

Привет всем, обнимаем.

Gisela + Karl

Москва, 15 декабря 1987 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

После вчерашнего звонка с удовольствием думаю о том, что вы хотя бы частично излечились от своего гриппа.

На мой взгляд, после падения Ельцина перестройка дала очень сильный сбой. Димино искусство почему-то самым первым попало под удар. Такая уж у него судьба. Но тем не менее изменения очень серьезные уже произошли и, пожалуй, действительно носят необратимый характер. Я имею в виду изменения в лучшую сторону.

Марк Харитонов написал про Диму очень интересный текст. Возможно, пока это у нас самый неповерхностный взгляд и на личность, и на творчество. Мне не хватает только одного – все пишут правильно (я говорю о советских), но ни один не может рассказать, какой Дима был хороший. Я пишу об этом примитивно, как маленькая девочка. Художник он был выдающийся, а человек, несмотря на свои грехи (плотские влечения к «женскому началу»), был положительный, чистый, в чем-то наивный (как это ни странно) и очень, очень хороший. И еще один смешной факт – очень советский! Самое поразительное явление – это неожиданное отношение зрителя. Вот, казалось бы, человек делал для себя, а получилось для всех! Ведь эта вся кутерьма с музеем затеяна нами и райисполкомом Перовского района действительно только из-за такого горячего желания публики. Если бы отношение было ровным, спокойным и в меру доброжелательным, как это бывает со многими художниками, то мы бы спокойно выставились и ушли. Но вышло по-другому. Людям это необходимо! Оно делает их лучше и чище. Это искусство, которое лечит и воспитывает «добрые

чувства». Я больше всего на свете не люблю морализаторства, поучения и назидательности в искусстве. У Димы этого нет, но, очевидно, именно поэтому оно действует на людей так сильно своим неназойливым, но предельно честным и сильным существом.

Уже точно известно, что нас закрыл небезызвестный Зайцев, тот самый! Многие при перестройке полетели, но такие, как Зайцев – в полном порядке. Демичев, душитель и губитель, под крылышком у Громыки, а его зам. – первый заместитель при завотдела культуры ЦК Воронове. Влияние Зайцева и его отрицательная сила очень велики. Иначе, как могло случиться, что 3 декабря приезжает комиссия, специально посланная по запросу ЦК при главном управлении культуры и дает указание открыть выставку в субботу, то есть через день, но через два часа уже руками райкома по звонку сверху дан приказ немедленно выставку закрыть! Конечно, мы могли бы не послушаться и открыться в субботу, ссылаясь на решение главного управления в лице Беликова. Но мы не могли подвести райисполком, в первую очередь Марту, от которой мы видели только одно хорошее, не могли подставить ее под удар, и мы закрылись. Теперь там в субботу состоится открытие «эпохальной» выставки «История плаката». Эта выставка, никому в данном случае не нужная, делается халтурно и наплевательски, с одной только целью – не сделать выставку, а закрыть

Сидура. Нас намеренно устранили от ее устройства только для того, чтобы показать свое пренебрежение. Но когда дошло до дела, то оказалось, что делать ее некому, и Юра с Олегом, пожалев ни в чем не повинного строителя, привезшего эти плакаты по заданию райкома, помогли ему все развесить.

Перовский зальчик удивительно хорош для Диминого музея, как будто специально создан для его работ. Сейчас он весь протекает и понемногу, если нас там не будет, опять будет приходиться в запущенное состояние.

Только что пришла Рената. Она в четверг уезжает лечить зубы. Принесла мне роскошного вида АЕГ и еще кое-что. Очень благодарю вас! Если Рената договорится со своей няней Люсей, то Новый год мы будем справлять у нас. Это было бы очень хорошо. Ляховецкие тоже хотят справлять с нами, тем более что у Марика день рождения первого января. А у тебя –

второго, я об этом всегда помню. Марку стукнет 47 лет. У них с фильмом пока ясности нет. Вернее, ясно, что фильм на полке. Это не так уж плохо. Хуже всего, когда что-то уничтожается.

Вчера замечательно пообщались с Дорис и с Бродскими. Дорис очень обижена на Биргера, и я думаю, что у нее есть для этого все основания. Чем-то Биргер – хам и дурак. Оказывает почтение только тем, кто в данный момент чем-то может быть для него полезен. В этом его большая человеческая и даже тактическая ошибка. Забывает важнейшую русскую поговорку: «Не плюй в колодец». А он часто плюет. Например, в данный момент он очень любит графиню Ламбсдорф, потому что она что-то для него делает, но он ее обязательно разлюбит, когда она перестанет быть для него полезной, хотя, скорее всего, он будет пресмыкаться перед ней за то, что она графиня. Дорис права, так ведут себя многие плебеи. Это смешно, но даже с нашим Мишей он тюлюлюкает неспроста – он наслышан, что у Миши была перспектива стать директором выставочного зала.

Петра и Герт не приехали. Если они не приехали потому, что им не дали визу, то это очень печально, и лишний раз свидетельствует о шаткости нашей перестройки. Если будешь с ними общаться по телефону или еще как-нибудь, передай мои самые нежные чувства. Я же обязательно им напишу. После завтра встречаюсь с советскими архитекторами, которые хотят у меня взять несколько вещей на советскую выставку в Индию. [...]

Вот, дорогие мои, на сегодня все. Очень хочу вас увидеть и услышать. С нетерпением жду в Москве. Крепко обнимаю. Хочу еще написать Копелевым.

Юля

Москва, 27 декабря 1987 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Пишу вам последнее письмо 1987 года. Поздравляю вас, желаю счастья и здоровья. Здоровья желаю больше, чем счастья, потому что считаю, что вы уже счастливы.

Возможно, что вы приедете в Москву прежде, чем получите это письмо. Но я думаю, что все равно надо писать, пока есть такая оказия.

1. В новом году наш генеральный секретарь поедет, если не произойдет ничего непредвиденного, в ФРГ. Для подготовки его визита прибудет Шеварднадзе. Мне кажется, что будет очень уместно рассказать представителям нашего руководства о совершенно беспрецедентном в истории советского государства явлении, когда одиннадцать скульптур московского скульптора установлены на земле Германии. Главный упор нужно сделать на «Памятник погибшим от насилия» в Касселе, «Треблинку» в Западном Берлине, «Взывающего» в Дюссельдорфе и «Эйнштейна». И особенно подчеркнуть тот факт, что «Портрет Эйнштейна» был установлен в Ульме, где Эйнштейн родился. На наших людей очень действуют подобные важные детали. Мне кажется, что по этому поводу стоит посоветоваться с Клаусом Беднарцем, т. к. он ближе всех стоит к общественному мнению.

2. Юнна Мориц только что вернулась из США. Там к ней подошел Майкл Скэммел и сказал, что он мой лучший друг. Поэтому Юнна была с ним очень любезна. Я объяснила Юнне, что Майкл Скэммел перестал быть Диминым другом и, естественно, моим тринадцать лет назад. Меня очень возмутило, что он якобы сказал Юнне, что из-за нас «пострадал»!

3. Очень обрадовало письмо Мясникова. Там написаны невероятно важные слова: «Мастерская открыта для посещения». Это очень кстати, особенно сейчас, когда нам надо пролонгировать договор на подвал.

4. В Перово мы сложили Димины вещи по разным комнатам очень аккуратно, так что даже можно кое-кому своим показать при необходимости. Главное помещение занято выставкой плакатов. Тупость, безвкусица и халтура. Никто на выставку не приходит. Некоторые радостно залетают в дверь: «Что, Сидура открыли?!», потом разочарованные поворачиваются и уходят.

5. Составлено новое письмо в «Литгазету» по поводу закрытия нашей выставки (3 декабря), уже подписанное Гинзбургом, Велиховым, Сагдеевым, Окуджавой, Мориц. Еще нужны две подписи: Вознесенского и Бураковского. Но даже без этого уже достаточно.

6. Все вокруг говорят о непрочности нашей перестройки, особенно в экономике. Наша система хозяйствования настолько губительна, что полумерами обойтись нельзя. А поломать

ее болезненно для всех: и для привилегированных бездельников и для тех, кто что-то делает.

7. Посылаю вырезку из «Огонька» с письмом художников, хорошо вам знакомым. «Герои», вернее, в большинстве своем «героини» гадили нам, как могли, до 3 декабря 1987 г. Не исключено, что Григорьева и после разрешения Беликова открыть нашу выставку успела куда-то позвонить и все-таки выставку закрыть. Это мои предположения.

8. Посылаю вам продиктованное мне по телефону Марком решение конфликтной комиссии по поводу его фильма «Группа товарищей». Но судьба фильма пока совершенно неясна. Я не верю, что он выйдет на экраны в обозримом будущем.

9. Как там дела, Карлуша, с книгой о 70-х годах?

10. Очень рада, что Димины вещи будут у Шпильмана в музее.

11. Спасибо за фотографии «Греблинки» и «Взывающего». Все выглядит очень красиво.

12. Митюшка очень просил солдатиков любых, но лучше всего современных.

13. Очень прошу привезти Bronchicum, пузырьков пять. Витя Гинзбург в постоянном бронхите, а лекарство бережет. Я ему сказала, чтобы он на своем здоровье не экономил, потому что Карл достанет нам этого Бронхикума столько, сколько надо. Если привезете в таком же духе журналов по вязанию для Нины, будет большая радость.

В дополнение к библиографии посылаю вам два сведения о публикациях в СССР.

Крепко вас обнимаю. Ждем вас с нетерпением в Москве.

Юля

Алабино, 1978. Фото: Г. Геннис

Алабино, 1978. Фото: Г. Геннис

1988

Москва, 17 января 1988 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Пишу это короткое письмо, чтобы использовать имеющуюся возможность.

1. Очень рада, что Карл выбрал себе в подарок «Праздник». Поздравляю Гизелу с днем рождения! Желая здоровья, и мне было бы приятно, чтобы она выбрала себе в подарок любой Димин рисунок.

Карлуша, поскорее выздоравливай! У тебя по телефону был очень простуженный голос.

2. Наверное, тебе стоит уже сейчас обратиться в экспедиционную фирму и поговорить с ними о всех сложностях транспортировки скульптур.

3. Очень счастлива, что движется дело с установкой «Памятника погибшим от бомб» в Вюрцбурге.

4. Посылаю интересные вырезки из газет. Особенно «Комсомольская правда» – о фильме «Группа товарищей». Во вторник соберется коллегия Союза кино, где, вроде бы, окончательно решится судьба фильма. Еще одна интересная вырезка: Горбачев встречается с руководством Международного фонда за выживание и развитие человечества. На фотографии пятеро знакомых. Двое заочно: Лихачев (дело о подвале), Сахаров (заступился за Диму в 1977 г. после статьи «Миша Скамейкин.») трое лично: Сагдеев, Рихтер, Велихов.

Кстати, статья в «Лит. газете» должна появиться или 20, или 27 января. Но может и не появиться. Дела с нашей выставкой пока застопорились, т. к. дошли до «верха», где, скорее всего, Зайцев или кто-либо еще тормозит наши усилия со страшной силой. Тем не менее районные власти будут обсуждать «наше дело» во вторник или в среду. [...] Димино имя упоминается также в «МН» (прилагаю) в статье «Одевать ли Венеру?»

6. Отправь, пожалуйста, прилагаемое письмо по адресу.

7. Слухи: Бажанов пошел в министерство культуры и пожаловался, что за границу уплывают великие ценности через салоны-продажи. Будто бы из-за этого запретили продавать Янкилевского, Кабакова, Слепышева. Жутовский пожаловался Вове Бродскому (они друзья), что художники из-за наживы и коммерции перегрызлись. Хотят продаваться сами и «не рекомендуют» иностранцам покупать других. Сами говорят – кого покупать, кого нет. Главный босс – Кабаков. Якобы принято постановление о закрытии «Березок», для своих – точно, а для иностранцев – неясно.

8. Наташа Брилинг звонила. Живет как во сне, удивилась, что вы уехали. Я сказала ей, надо поговорить с Талочкиным. Если он дает список, я подберу ему все каталоги о Сидуре. Его как коллекционера это может заинтересовать. Попросила ее энергичнее теребить Белова, чтобы он закончил печатать репродукции. Пообещала.

9. Приходила одна тележурналистка, заканчивающая Высшие режиссерские курсы. Сказала, что хочет делать большой серьезный фильм о Сидуре.

10. Теперь просьба, касающаяся Ноэми Гребневой. Ее муж, Наум Гребнев, умер как раз тогда, когда вы были в Москве. Мима – почти слепой человек. Один глаз у нее мертвый, второй практически ничего не видит. Она не читает, не смотрит телевизор. Вы знаете, что она очень хорошо знает немецкий язык. Жила ребенком с родителями в Германии, ходила в немецкую школу в самом начале прихода к власти Третьего рейха. Говорят, что в Европе есть магазины, где продают книги с очень крупным шрифтом для людей с сильно ослабленным зрением. Мне бы хотелось подарить ей такие книги. Ее интересуют: Ветхий завет (не обязательно сама Библия, можно даже пересказанные на немецком языке отрывки), Sagen, старые баллады и даже детские книжки, как она сказала, «отвлекающие и успокаивающие душу». Мне бы очень хотелось, чтобы вы узнали, возможно ли это, и если да, прислать с кем-нибудь. Для классики на немецком языке не будет никаких препятствий с транспортом, это может взять с собой любой человек!

11. Не забудьте, пожалуйста, прислать текст Марка Харитонова.

Привет всем друзьям. Крепко вас обнимаю. Желаю не болеть (у нас тоже свирепствует грипп, и врачи уже надели намордники в больницах). Все сожалеют, что вы уехали.

Юля

P.S. Это письмо пишу от руки, чтобы не стучать ночью на машинке, а завтра не будет времени его написать. [...]

Москва, 26 января 1988 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

На другой день после Карлушиного звонка позвонил Марк Ляховецкий и рассказал приятные новости: будто бы фильм «Группа товарищей» принят окончательно и даже «наверху». Никаких официальных подтверждений у нас нет. Но на пресс-конференции Госкино председатель Камшалов сказал, что у нас есть сейчас очень интересная картина, снятая на ЦСДФ, и очень жаль, что студия так плохо к ней отнеслась. Это очень важная информация, т. к. Камшалов – человек осторожный. Он видел картину уже давно, но молчал, никак не высказывая своего мнения. То, что он сейчас высказался столь откровенно, свидетельствует о том, что он кем-то «прикрылся», и довольно-таки высокопоставленным. Марку сообщил об этом кинематографист Анатолий Гребнев, популярный драматург, вхожий в секретариат Госкино.

Эдик принес и подарил два журнала АПН типа Sowjetunion heute на французском и португальском языках. Весь материал, помещенный в центре журнала, выглядит роскошно. Статья Юнны Мориц с цветными и черно-белыми иллюстрациями вышла всего на восьми языках в странах Западной Европы. Есть некоторые различия только в количестве фотографий. Например, во французском Etudes sovietiques есть страница с черно-белыми фотографиями скульптур, а в португальском – только цветные и т. д. Звонили из Советского Комитета защиты мира, попросили фотографии Диминых скульптур на антивоенную тему для показа на Генеральной сессии ООН в Нью-Йорке. Эдик обещал привезти завтра. Он отдал их печатать очень классному печатнику. Размер, примерно, такой, как в саарбрюкенском и оффенбургском каталогах.

Дела с нашим музеем в Перове совсем не так хороши, как хотелось бы. Чиновники в главке и райком под их давлением ни за что не хотят делать

Мишу директором. Устная аргументация такова: «Если мы его назначим, то художники и в других районах будут делать, что хотят. Зачем нам это надо? К тому же Сидур беспартийный. Лучше назначить своего проверенного товарища». В связи с этим хотят назначить одну тетку, которая терпеть не может «формалистов». Ясно, что, таким образом, вся наша затея срывается, никакого музея не будет. Мы понемногу свыкаемся с этой мыслью, и, скорее всего, после выставки, если она все-таки состоится, придется нам из Перова сваливать. Очень печально, но ничего не поделаешь. Наша система гранитно-монолитная и сделать с ней что-нибудь хорошее можно только десятилетиями и ценой собственной жизни. Хотя маленький шансик еще остается.

По ТВ передача, отснятая еще в сентябре, до сих пор не проходит. После политической «смерти» Ельцина очень многое покатило назад. Откровенные черносотенцы Куняев и Проскурин получили правительственные награды и частично «правят бал». Это совершенно не значит, что все потеряно, но потеряно много – это факт.

В воскресенье состоялось грандиозное шоу, посвященное пятидесятилетию Высоцкого. На стадионе в Лужниках было столпотворение – более двенадцати тысяч человек. Огромные очереди стояли за пластинками, книгами, портретами и буклетами Высоцкого. Само представление было режиссерски очень хаотичным и непрофессиональным, а также спекулятивным и откровенно рекламным. Многим иностранцам было интересно. Главенствовала «обслуга слева»: Евтушенко, Вознесенский, Рождественский. Наша Юнна тоже попала в эту обойму, прочла стишок. Ахмадулина больна, Окуджава на гастролях в Израиле. Объявление об этом вызвало в публике дружный смех. Говорят, что в ложе инкогнито присутствовала г-жа Горбачева. У меня от этого вечера осталось ощущение убогости и дешевки. К Высоцкому у нас с Димой отношение всегда было более чем сдержанное, хотя некоторые его очень хорошие песни нравились и сейчас нравятся. А в народе он, конечно, чрезвычайно популярен, включая блатных уголовников.

Беата Яспер все-таки вынуждена уехать в ФРГ, и она до сих пор не уверена, что вернется 9 февраля. Я попрошу ее вам

позвонить. Поэтому думаю, что до середины февраля писать вам не смогу.

Крепко обнимаю. Всем привет.

Юля

2.2.1988

Julia 2.88.

Дорогая Юля!

Мы все еще вблизи Гайдельберга у Гизелиных родителей. Отец ее в жутко слабом состоянии. Он не пускает. Почки перестали работать, печень не обновляет кровь. Сегодня после обеда он всех нас пригласил к себе и простился с нами. Полагаю, что на самом деле скоро умрет. Тяжело дышит, бесконечно слаб, даже руку подать ему трудно. Жалко переживать, когда человек умирает совсем в своем сознании. Единственное – предельная усталость. Он не дает умирать, всегда говоря, что он в жизни много начинал, а не закончил до конца. Так он говорил весь последний год, так он говорит и ежедневно. Маловероятно, что я из-за ситуации здесь завтра поеду в Вюрцбург. [...]

Как только вернемся в Бохум, я обращусь к той фирме, которая должна перебросить сюда наши скульптуры. Посмотрим, что они вообще скажут.

Насчет Наташи Брилинг. Я тебя прошу еще раз связаться с ней. Скажи ей, что весь комплект фотографий мне нужен до начала апреля. Прошел почти уже год. В случае, если Белов эту работу не докончит или откажется от нее, то я не готов принять те фотографии, которые уже сделаны, а ему придется вернуть мне деньги. Кроме того, ты в этом совершенно права, без списка фотографий, которые находятся у Талочкина, весь комплект почти бессмысленен.

Телепередача о Рае Орловой сделана так, что она показывает ее жизнь, как она складывалась у вас и у нас: встречи. встречи. встречи. ее заботы о родных, о знакомых, о друзьях. об их проблемах. о проблемах ее страны, взаимных наших отношениях. о надеждах и т. д. В связи со всем этим она встречается с разными людьми, ведет разговоры, например, и со мной. В этот раз рядом с «Взывающим», об этой скульптуре,

о Сидуре, но и о том, что есть удивительные случаи, связанные с художниками и их произведениями, когда, как и в этом случае, скульптура была сделана в каком-то подвале, где-то в Москве, потом попала в другую культуру, начинает тут действовать («жить»), радует людей и оттуда действует обратно в культуру, в атмосферу, в которой она появилась. Вот какие были наши разговоры. К сожалению, мы не успели включить в этот же разговор и «Группу товарищей», которой именно Рая была особенно заинтересована (я ей подробно рассказал об этой ленте).

К сожалению, я не получил «Московские новости» за январь. По-видимому, по ошибке. Но «Огонёк» я получаю регулярно.

Доклад в Вене прошел благополучно. Все были очень довольны. Поскольку доклад был прочитан в связи с конкурсом о свободной там профессуре в славистике, комиссия выбрала меня (всего из 15 кандидатов) на первое место. Это еще не окончательное решение университета и министерства, но обычно все другие инстанции следуют предложению комиссии. Я тебе пишу обо всем этом, чтобы ты была в курсе дела. Но очень тебя прошу никому об этом не говорить. Кроме нескольких людей в Вене, здесь знают об этом только Гизела и я. Пока еще маловероятно, что я пойду туда. Но в конце концов все зависит от общих и специальных условий, о которых пока еще не шла речь.

3.2.88

Сегодня в час ночи Гизелин отец мирно и в нашем присутствии умер. И он, и мы были рады.

11.2.88

Юля, как ты знаешь, мы уже вернулись в Бохум. Гизелина мать осталась еще со своей сестрой, которая приехала из Восточного Берлина. [...]

Из Вюрцбурга позвонили и сообщили, что мое присутствие там обязательно для основания общества «Памятника погибшим от бомб». Так вот, на следующей неделе поеду туда.

Тут все в общем нормально. Приедет Георг и привезет каталог для Саши Шумова, который ему крайне необходим.

Трудно было достать, потому что его больше нет в продаже. Я его получил только по личным связям с директором Дюссельдорфского музея, где состоялась выставка, даже бесплатно.

Московский представитель фирмы Interdean позвонит тебе только в конце февраля, когда возвратится из отпуска. Кубический метр стоит у них, включая упаковочный материал и упаковку, 500 DM.

Что касается моего приезда в связи с открытием немецко-советской выставки, я пока отказался, потому что поездка тогда дала бы мне только три дня для того, чтобы я смог заниматься вывозом скульптур. Такой весьма короткий срок был бы слишком рискован для перевозки вещей. Поэтому я решил приехать независимо от мероприятия открытия выставки и спокойно упаковать и вывезти все вещи.

Кино Клауса Беднарца будет показано 19 февраля в 20.15 по 3-й программе. С любопытством ждем этой передачи.

Юленька, это на сегодня все. Обнимаем, сердечно. Привет всем нашим общим друзьям.

Karl

Москва, 16 февраля 1988 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Получила ваше письмо от 28 января и письмо Анники только вчера. Многие сведения, в них изложенные, мне были уже известны, т. к. Карл позвонил раньше и многое рассказал.

Хорошо, что отец Гизелы, так сильно измучившийся, уже умер, но тем не менее перенести смерть близкого человека очень и очень тяжело, особенно, если этот человек был действительно дорог. Поэтому еще раз выражаю вам свое понимание и сочувствие.

У Марка Харитонова тоже умер отец. Об этом мне сообщила его жена Галя Эдельман, когда я позвонила ему по поводу вашего приглашения в ФРГ. Галя не могла мне подозвать Марка, но выразила очень радостное удовлетворение в связи с этим приглашением. Если, конечно, Марик сумеет съездить к вам, это будет очень здорово. Я получила обратно его текст про Диму «Заложник вечности», перечитала еще раз, и, по моему, он замечательно написан.

У другого Марка, у Ляховецкого, не так все радужно, хотя известию о фестивале в Нионе он обрадовался чрезвычайно. Его фильм, вроде бы, прошел все инстанции, но в прокате не появляется, а директор ЦСДФ Новиков открыто выражает ему свою неприязнь и говорит, что Ляховецкий никогда больше не будет работать на ЦСДФ. Сегодня Марик показывает свой фильм в министерстве культуры. Разрешительного удостоверения на показ он не имеет, хотя говорили, что такое удостоверение есть.

Еще про кино. Очень приятно, что Клаус сделал свое кино про Диму. Я с нетерпением его жду. Также хотелось бы иметь кассету с твоим интервью с Раей Орловой.

У меня дома состоялся просмотр нового фильма Пешлера о современных советских художниках: Кабакове, Янкилевском, Штейнберге. На просмотре были супруги Брускины, Аркадий Петров, Юрий Желтов, секретарша Эрика Марина Румянцева, моя новая знакомая киношница Олеся Фокина, которая жаждет сделать фильм про Диму, наш Юра Геннис, и еще Бродские и Вова Воловников. Это очень приятный фильм. Красивый, изумительный по качеству. Сытые, благополучные художники цветут после перестройки. Мастерские выглядят роскошно. Говорят художники умные и правильные вещи о том, что возможности для выставок имеются только для мертвых, для живых существуют те же трудности, что и раньше. Искусство всех трех художников показано плохо. Нет мира, есть только поверхностный и мимолетный взгляд. Зато показана деревня Погорелка, где художники отдыхают: гуляют, собирают грибы, катаются на лодках, едят необыкновенно аппетитные пышки. Все это выглядит пасторально, лубочно, бесппроблемно. На самом же деле эта деревня отрезана от мира бездорожьем, что, возможно, и приятно в наше время, но живут там несколько алкашей, за исключением одной нормальной тетки, которая как раз принесла пышки. За многие километры там нельзя купить даже таких продуктов, как соль или сахар. Оттого народ оттуда бежит. Но к приезду Пешлера со съемочной группой там устроили потемкинскую деревню, что все равно хорошо, т. к. не каждый день швейцарцев пускают в глубь России, 700 км от Москвы, в Горьковскую область. Перестройка видна и в том, что Дом колхозника, где жили иностранцы, лишней раз вымыли и почистили. Несмотря на все недостатки, все равно

этот фильм является необходимым и нужным документом. Я бы хотела его иметь и показывать людям. Очень прошу не говорить Эрику о моей критике. Он хотел сделать хорошо, а сделал, как умел. Самая его большая мечта – отдать этот фильм советскому ТВ даже бесплатно. Эрик сказал после просмотра этого фильма: «Я тоже делал когда-то фильм про Вадима, но очень давно». Публика, вежливо похвалившая фильм об искусстве перестройки, сразу же заинтересовалась: «А где он?» Я сказала, что у меня есть, и я могу показать. Все стали очень просить. Эрик не возражал. Я показала ваш фильм 1975 года с материалами Олега Киселева, снятыми под Диминым руководством и с фрагментами из «Пам. совр. состоянию». Фильм вызвал совершенно потрясающую реакцию. Эрик все говорил, что материалы сняты любителем, качество плохое и т. д. Но всем жутко понравилось. И народ начал говорить, что этот фильм настоящий, а про перестройку гораздо хуже. В общем, Эрику лучше было бы не вспоминать про ваш фильм, т. к. тут же начались сравнения. В итоге все новый фильм обругали, а за Сидура все Эрика хвалили и поздравляли. Видела я фильм Кухинке о церквях. Тоже хорошо сделанная коммерческая клюква. Вот, кажется, и все о кино. Передачу во «Взгляде» запретило начальство.

Ходят слухи, что наш генсек якобы подал в отставку и его заявление пролежало четыре дня, а потом не было принято. Была какая-то статья против Коротича, где его называли дезертиром за то, что он уехал из Киева после Чернобыля. Марта утверждает, что она читала то ли в «Правде», то ли в «Известиях», но мне почему-то это не попадалось. В общем, борьба продолжается очень и очень острая. Во вчерашней «Правде» статья против пьесы Шатрова о Ленине.

Не мог бы ты узнать, какая передача про Диму была на «Немецкой волне» примерно 8 февраля? «Немецкую волну» очень упорно глушат, а «Голос Америки» и Би-би-си – нет.

Тебе виднее, но мы с Мишей огорчились, узнав, что ты не приедешь на открытие выставки «Мир и война глазами художников» по приглашению министерства культуры. Мне кажется, что это ошибка. Твое влияние в официальных художественных кругах возрастает, и твое присутствие на таком мероприятии было бы полезно для связей по культуре между ФРГ и СССР, а также, может быть, помогло бы и в нашей перовской эпопее.

Никакие немцы от тебя не звонили. Вчера был Саша. Он принес текст М.Х. и два Sowjetunion heute. [...]

Только что позвонил Веня Смехов. Он виделся с очень крупным чиновником Карабасовым в своем театре. Тот сказал, что выставка в Перове, возможно, откроется на два месяца, но против постоянной экспозиции могут начать протестовать художники из Союза художников (я думаю, что они уже протестуют). Еще Карабасов сказал, что он слышал: «Это очень хороший художник и была очень хорошая выставка в Перовском районе». Веня сказал, что в «ЛГ» лежит письмо физиков и писателей по поводу этой выставки, подписанное Велиховым, Сагдеевым, Вознесенским и т. д. На что помощник Карабасова спросил: «А Гинзбург Виталий Лазаревич?» – «Ну, конечно», – воскликнул Веня. «Значит, вся наша ведущая физика», – констатировал Карабасов. В итоге он пообещал дать ответ на этой неделе. Мишин знакомый из ЦК заручился якобы поддержкой Бурлацкого. Тот обещал проконтролировать наше дело.

Пришли, пожалуйста, еще Бронхикум. Гинзбург специально спрашивал.

Новая тенденция художественных властей – продавать как можно больше за границу. Особенно тех художников, которых они считают «ненужными» советскому народу. Ко мне приходил галерист из Швеции, некий Борис, в сопровождении двух скульпторов из МОСХа. Это молодой относительно человек, со всеми повадками миллионера. Он сказал, что хочет покупать Сидура, скульптуру и графику в большом количестве, через официальные каналы. Пообещал устроить выставку в Стокгольме и в Нью-Йорке. Видел Димины скульптуры у Миро и Шпайцмана. Я сказала, что у Сидура большое имя и теперь. Раз это делается через официальные каналы, цены будут большие. Он сказал, что его официальная сторона не волнует. Я, конечно, не буду продавать ему уникальную скульптуру. А графику и живопись за хорошие деньги можно кое-что и продать. Во всяком случае, я дала ему твои координаты и попросила с тобой связаться. Он с удовольствием это воспринял. Посмотрим, обратится он к тебе или нет. Обещает приехать в начале марта и заняться покупками.

С Брилинг очень тяжело, она неуловима. Обещала позвонить и все сделать, но не появляется. [...] 17 ч. 25 мин. Только

что позвонила Наташа Брилинг. [...] Дала мне телефон Белова. Я звоню, но его нет ни дома, ни у матери. Наташа всей душой хочет сделать все хорошо, но Белов сказал, что ему нужна аппаратура, и когда ты приедешь, он хочет договориться с тобой о работе за аппаратуру. Это значит, что после тех впечатков он ничего больше не сделал. Надо выручать хотя бы то, за что уже заплачено. У меня взяли 11 скульптур на выставку в Союз архитекторов.

Крепко вас обнимаю.

Юля

17.2.1988

Дорогая Юля!

Хорошо, что восстановилась наша переписка. Саша пока, т. е. до 21-го, в Германии. По-видимому, встретимся 20-го вечером. У него хорошие дела в связи с завещанием отца в Мюнхене. У Ренаты зуб еще раз открыли, чистили и т. д. Кажется, все улучшается. Московский врач много не увидел, не предугадал, кое-где погрешил. Алиса заболела, у нее высокая температура. Еще неясно, что случилось с ней. Вот видишь, всякие дела, надеемся, что пустяки. Очень надеемся, что у тебя здоровье опять лучше. Не кури! Осторожно живи! Я всегда грешу.

В промежуточное время я вошел в контакт еще с человеком из другой фирмы, которая тоже постоянно производит перевозки из Москвы сюда. Эта фирма называется Klingenberg, их представитель в Москве: Wilkening, гостиница «Международная», комн. 326, тел. 253-17-64. Теперь он в Германии, а возвратится 22-го. Он тебе позвонит 23-го и должен с тобой договориться в мастерской. Он потом мне сообщит, сколько все будет стоить. Независимо от него у тебя появится в конце месяца представитель фирмы Interdean и определит со своей стороны цену переправки. Посмотрим, кто дешевле. Ты всем им скажи, что некоторые скульптуры можно полностью разложить и упаковать. Они не требуют много места в сложенном виде. «Гробы» и «Пророки», в принципе, тоже не представляют проблему. По-видимому, каждый из них будет спрашивать, на какую цену их застраховать. Я не уверен, что

сказать, потому что у нас разные официальные оценки. А поскольку ни та, ни другая цена не соответствует истине, мы сами можем до какой-то степени решить этот вопрос. Для ввоза вещей сюда, в Германию, лучше всего исходить из более низкой цены, а может быть, как раз той, из которой исходил нотариус. И поскольку скульптуры, по всей вероятности, не рухнут при переправке, не надо их особенно высоко страховать.

Юля, пришли мне еще раз список тех вещей, которые мы выбрали. Я могу тогда уже здесь составить список для нашей таможни.

Вчера мы были у Левы и Раи. Было очень приятно. Мы смотрели «Группу товарищей». Им все очень понравилось. Был и Клаус Беднарц, его фильм про Диму будет 19-го в 20.15 по третьей программе. Время очень хорошее, хотя только по 3-й программе, т. е. не все в Германии смогут смотреть ее. Только те, которые живут на севере и те, у которых есть кабельное телевидение. Но я уверен, что попозже покажут его фильм и по другим третьим программам.

В пятницу поеду в Вюрцбург. Будем основывать Общество.

Сегодня или завтра пошлем официальной почтой приглашение Бродским. Второй экземпляр – через тебя. Надеемся, что ты позднее всего приедешь на открытие памятника в Вюрцбурге.

Юленька, это пока все. И мы здесь ждем новостей из Москвы, лучше всего, конечно, если они хорошие.

Мы постараемся приехать (а может быть, только я приеду) 9–10 марта и останемся по крайней мере до 20 марта. В это же время мы должны упаковать все и отправить.

Karl

Москва, 22 февраля 1988 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Общая обстановка в стране – это совершенно жуткая борьба за власть, почти ничем не прикрытая. Отражение этой борьбы видно в двух речах последнего пленума, посвященного образованию. Само по себе образование выглядит второстепенным, т. к. никаких конкретных решений не принято, да никто этих решений и не ожидал. Зато общая политика проступает

очень выпукло: Горбачев за перестройку, Лигачев против, хотя говорит, что тоже за перестройку. Внешне, кажется, Горбачев победил, но сопротивление, торможение и откровенный саботаж – ужасающе!

Наконец я добилась телефонного разговора с Беловым. Он долго говорил мне, что сделал огромную работу за очень дешево, но рубли ему не так важны, а важна аппаратура, хотя бы подержанная, которая у вас стоит якобы недорого, а у нас это немислимые деньги. В итоге мы договорились, что он доделает то, что должен, до конца недели и принесет все мне. Я заплачу ему еще оставшиеся 600 р., а с Наташей он разберется сам. Затем Наташа уже у меня дома сделает разбор отпечатков, то есть, возьмет свои. Потом она обещала, что если ничего не получится с Талочкиным, каким-либо образом раздобыть сведения к этим отпечаткам через самих художников. А может быть, и Талочкин поможет. Оказывается, у него списка нет, есть только картотека. Твои отпечатки надо будет искать по его картотеке и списывать нужные данные.

Георг передал мне книгу Малевича для Саши Шумова. [...]

Ходят слухи, что Проскурин, недавно награжденный орденом Ленина, написал письмо Лигачеву, где ругал наше телевидение, рок-музыку и вообще все, что сейчас происходит в стране прогрессивного и лучшего. После творческого вечера Вознесенского по ТВ идут погромные антисемитские письма о том, что везде «одни евреи», которые «заняли все места».

«Литературная газета» опубликовала наконец статью «Разве он такой как же, как все?» Статья вполне хорошая, а главное – очень замечательные имена. Вся борьба против нас сведена теперь к тому, чтобы выпереть нас из Перова и таким образом не дать возможности там укрепиться и устроить постоянную экспозицию, а на ее базе – музей Сидура. Главк уже пошел на огромные уступки – предлагают нам выставляться в любом районе города Москвы, за исключением центральных. Нам уже звонили из Красногвардейского района, Севастопольского, Кунцевского, Бабушкинского и постоянно из подмосковного города Троицка. Мы отвергаем все предложения. Мы хотим Перово, то есть хотим того же, чего хотел район. А власти прекрасно понимают, что нас надо оттуда выжить, потому что мы ни за что не хотим уходить. На этом и держится вся наша борьба. Как только мы закрепимся в Перово, я тут

же даю согласие на другие выставки. Ведь работ у Димы очень много, и каждая новая выставка только дополнит то, что находится в Перово. Но такую прекрасную базу можно покинуть лишь от полной безнадёги, которая пока еще не наступила. К тому же мы должны думать о работе для Юры, Натальи, Олега, Надежды Васильевны, не говоря уж о Мише. В общем, борьба продолжается!

По ЦТ прошел фильм в рубрике «Действующие лица» о Загорском детском доме для слепоглухонемых детей. Фильм очень хороший, Юрочка заснял на видео, как Александр Суворов и Юрий Лернер вместе с учеными-психологами посетили нашу мастерскую. Потом автор фильма, режиссер Альгис Арлаускас попросил у меня кассету и вставил маленький кусок в свой фильм. Так, совершенно неожиданно Димины скульптура появилась еще раз на ТВ. Суворов и Лернер, особенно Суворов, люди потрясающего интеллекта. Теперь в их детском доме находятся четыре Диминых скульптуры: «Формула скорби», «Мать и дитя» (ребеночек между ног), «Мадонна с младенцем» из «Женского начала» (1968 г.) и «Отчаяние» — все в алюминии. Александр Суворов построил на столе композицию из скульптур: «Формулу скорби» с одной стороны, «Отчаяние» с другой, между ними поставил «Мать и дитя», где ребенок между грудей, и сказал: «Материнство находится между отчаянием и скорбью».

Еще он говорил, что у Сидура есть в творчестве педагогика и медицина в философском понятии этих явлений. Еще он говорил, что мы до сих пор, несмотря на перестройку, не вышли из старой эпохи и для того, чтобы из нее выйти, необходим взрыв, равный по силе Октябрю. Я с ним не согласилась: «Не надо Октября! Насилие порождает насилие». Он сказал: «Не надо насилия, но должен быть общественный взрыв, который по силе будет равен Октябрю».

На этом мы с ним согласились. Он закончил МГУ, факультет психологии, пишет стихи. Но главная его забота — это слепоглухонемые дети в Загорске. Фильм показывали 16-го, с повторением утром 17-го первой части и 18-го утром второй части.

Ты очень порадовал меня двумя новостями, вернее, тремя: фильмом Клауса, решением ставить памятник в Вюрцбурге и вашим с Гизелой приездом в марте. Фотография Вюрцбурга

с макетом «Пог. от бомб» – несколько непонятная. Но где бы она не стояла, все равно будет хорошо. Твое решение написать Боровику – очень своевременное.

Бродские рады, что вы прислали приглашение. Спрашивают, отослал ли ты письмо Ритиным родственникам.

С этим письмом я посылаю цветной рисуночек Димы на 65-летие Герта Бастиана.

Получила с последним письмом статью в FAZ (Марк Харитонов обещал перевести), «Автобиографию» А. Зверева для Иры, письмо какого-то кинематографиста для Ляховецких и письмо Петры Келли.

Саша навестит меня сегодня. Завтра придут немецкие девочки: Беата, Рената и Уте.

Отдала на выставку «Современная советская архитектура» в Индию 12 скульптур: «Пулеметчик», «Отчаяние», «Раненый», «Лопнувшая», «Пог. от бомб», «Пог. от насилия», «Пог. от любви», «Оставшимся без погребения», «Взывающий», «Голова молодого человека», «Человек без челюсти», «Семья» (№ 259). Сначала думала: зачем мне в Индии участвовать? Но архитекторы очень просили. А потом мне женщина оттуда сказала, что г-жа Горбачева якобы будет открывать. В общем, хуже не будет, лишь бы не сперли! Выставка откроется в конце марта в городах Дели, Бомбей, Бенгалор.

Перешлите мое письмо Аннике.

Крепко вас обнимаю. Жду в Москве.

Юля

Москва, 29 февраля 1988 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Белов не появляется, а Талочкин в разговоре с Наташей Брилинг бросил трубку со словами: «Я двадцать лет вместе с отцом Белова делал работу, которую кто-то хочет где-то публиковать без моего имени и задаром!» Думаю, что придется разбираться хотя бы с Беловым еще какое-то время. А может быть, стоит вообще плюнуть, чтобы с такими людьми не тратить нервы и время. В общем, если до вашего приезда ничего не изменится, будем решать эту проблему все вместе.

Вот список отправляемых к вам работ. [...] Человек по имени Йорг Вилькенен приходил и все обмерил. Он не гово-

рил ни о какой страховке и ни о каких ценах. Другого представителя экспедиторской фирмы пока не было.

Нашими делами в Перово занялся один из работников журнала «Коммунист», тот самый, который написал совершенно отличную передовую (я вам ее посылала), Игорь Александрович Дедков. Сами же перовские райкомовские власти после письма в «ЛГ» были очень довольны, но через пару дней, поговорив, «посоветовавшись» в горкоме, снова все застопорилось. Мы как в романе Кафки «Замок», все время обрастаем новыми именами чиновников, интригующими, путающими, врущими напропалую одним одно, другим другое и так же, как у Кафки, мы бьемся, пытаюсь проникнуть в «Замок», но дистанция становится все длиннее, а препятствия иногда кажутся непреодолимыми. Самое абсурдное в этой борьбе, что она настолько захватывает разум и душу, что постепенно цель борьбы становится неясной, размытой. И уже сама по себе изнуряющая борьба делается самоцелью. Общая ситуация в стране тоже напряженная. Нет полной уверенности, что Горбачев крепко держит власть в своих руках. Ему приходится очищаться от сталинско-брежневской грязи, но нет у него для этого необходимой поддержки среди народа, ради которого, вроде бы, он старается. Общественное самосознание у большинства людей совершенно не развито, многих демократия пугает, т. к. кажется анархией и вседозволенностью. С продовольствием лучше не стало. В кооперативах слишком дорого, их мало, их ругают за то, что кооперативщики много зарабатывают. Бюрократы во всех буквально областях чинят невыносимые препятствия, прикрываясь идеологией, которую никто не отменял. В самом Политбюро ощущается такое густое противодействие, что его почти что можно пощупать руками. Нигде ничего не написано, но тот мрак, который царил на праздновании 70-летия Советской армии, очень показателен. Все наши вожди торчали на трибуне с непривычно хмурым и даже зловещим видом. Злые уроды слушали бессмысленные казенные речи застойного периода. Так это выглядело по ТВ. Но по существу все намного сложнее и, тем более, исторически оправдано. Не может быть благоденствия и свободы без подобного переходного периода. Не может быть демократии без легальной оппозиции и настоящей избирательной системы. А у нас пока ничем подобным не пахнет. Поэтому выступления фашиствующих деятелей из «Памяти»

пугают многих людей до потери пульса. Люди не понимают, что при настоящей свободе слова «Память» не страшна – им можно достойно отвечать и достаточно эффективно с ними бороться, как, например, борются с Ле Пенем во Франции. У нас же другое дело – «Память» сразу вызывает воспоминания о погромах, газовых печах и крематориях. И тени Сталина в обнимку с Гитлером встают из гробов!

Тем не менее хочется верить, что время работает на нас, а не на них. Пресса интересна, журналы толстые печатают чрезвычайно важные, иногда талантливые вещи. Много выставок, меньше бытового страха. И, наконец, самое тяжелое сталинское наследие – национальный вопрос, несмотря на всю свою огромную сложность, кажется, понемногу начинает решаться. Вернее, хочется в это верить. Необходимость образования действительно настоящей не на словах, а на деле «советской нации» настоятельно стучится в дверь. Советская нация должна быть в чем-то такой же, как американская нация, иначе Советский Союз перестанет существовать. Русский великодержавный шовинизм так же страшен, как любой шовинизм одной нации в многонациональной стране.

Хватит рассуждать, перехожу к следующей информации. Получила по нормальной почте интереснейшие документы о том, как не пустили в Москву Петру Келли и Герта Бастиана в декабре. Хочу познакомить с ними знакомых журналистов, хотя наши журналисты подневольные и вряд ли смогут как-то эти документы использовать. Но хотя бы будут знать. Самое интересное, что я получила все это по почте с уведомлением о вручении и расписалась за получение.

Саша Шумов и Таня были буквально счастливы книге Малевича. Сказали, что обязательно переведут Карлов доклад о перестройке. Спасибо большое Копелевым за письмо. Рая хочет, чтобы я писала им письма о нашей жизни. Но я боюсь, что мои суждения слишком субъективны. А их многочисленная гуманитарная родня почему не пишет? В их писательской среде, наверное, больше информации, чем у меня.

Инна Бернштейн согласна поехать в ФРГ, ее состояние это позволяет.

Марк Ляховецкий имеет на руках удостоверение, разрешающее показывать «Группу товарищей». Он и показывает. То есть, он имеет копию и ездит с ней по клубам и домам культуры. Официальной премьеры пока нет. Это уже зависит

от проката. А там бюрократизм и прочее царят, как и прежде. Я была в среду на просмотре в ЦДРИ, принимали с аплодисментами, очень и очень хорошо. Теперь 3-го он показывает в Институте проблем управления, а 5 марта – на заводе «Серп и молот», это уже наш Перовский район. Интересно, как на это среагируют райкомовские власти, а именно Трофимова. Именно от нее зависит вся культурная жизнь в районе, а не от Марты. Марта беспрерывно повторяет, что к Сидуру и к его творчеству у нее отношение хорошее, но от нее ничего не зависит, потому что диктат сверху пробить невозможно.

Потрясающе интересная статья А. Нуйкина в «Новом мире» №№ 1 и 2 «Идеалы и интересы?»

Марк собирается делать новый фильм – про Шолом Алейхема. Он уже утвердил заявку. Он очень хочет связаться с его внучкой, американской писательницей Бел Кауфман. Просил вас помочь войти с ней в контакт.

Привет вам от всех. Спасибо Вернеру Браху.

Крепко вас обнимаю, жду в Москве.

Юля

Москва, 8 марта 88 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Никаких особых новостей пока нет, только ужас охватывает от грядущего ремонта в подвале. Позвонил искусствовед Юрий Петрович Маркин, автор монографии о Барлахе. Он более-менее успешно договаривается насчет книги о Диме. Я очень хочу, чтобы вы с ним познакомились в этот приезд.

Наташа Бр. вышла из больницы. Звонила Андрея. Хочет с кем-то прийти 12-го, в субботу.

Крепко вас обнимаю. Привет от всех и всем. Ждем в Москве.

Юля

Москва, 22 марта 1988 г.

Дорогие мои Карлуша и Гизела!

После звонка Карла я почему-то почувствовала новый прилив сил и решила написать несколько необходимых писем. Одно

из них пишу вам. А вот стучать на машинке нет у меня сил, да и поздно уже.

Очень приятно было познакомиться с Катенькой, прелестная девушка, сильно похожая на Карлушу. И довольно-таки толковая, потеряв адреса и телефоны, нашла ко мне дорогу в таком безумном городе, как наша столица.

Все мне находимся под впечатлением вашего визита. С вами было очень и очень хорошо, потому что ваше присутствие объединяло людей, которые не просто общались, но еще и чувствовали радость от этого общения. А имея опыт многочисленных приемов, все мы прекрасно знаем, что так бывает далеко не всегда.

Теперь мы все думаем над новой экспозицией в мастерской. Главным образом, над тем, чтобы раздвинуть то, что есть, и таким образом смотреть скульптуру не только спереди (чаще всего), но и с других сторон (по возможности).

Пишу вам еще и потому, что жалко не использовать возможность, когда она имеется, хотя особой информации со вчерашнего дня не прибавилось, за исключением приезда Кати.

Крепко вас обоих обнимаем. Привет, Гизела, твоей маме.

Юля

Москва, 28 марта 1988 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Сейчас такой период, когда мне легче писать от руки, чем стучать на машинке. Все время смотрю, одна или в компании, фильм Клауса и кассету, где Юра заснял упаковку твоего наследства. И грустно, с одной стороны, и в то же время понимание необходимости и правильности подобного шага. На Мишу вдруг вообще нашла некоторая бесшабашность – он сам поначалу хотел отправлять не все, а теперь часто произносит: «Надо было все отправить к Карлу». Слишком велико наше разочарование с Перовым. Тем не менее я считаю, что наш раздел был правильным и то, что осталось, должно отражать тут этот период Диминого творчества.

Была у меня Андрея. Мы с ней очень долго просидели, о многом поговорили. Я ей подарила из цикла «Мой гарем» № 298. [...]

Пресса в стране по-прежнему чрезвычайно интересная и насыщенная фактами. Не стихает (к счастью) поток разоблачений прошлых и настоящих преступлений. Но инерция застоя и страха мало что меняет в практической жизни людей. В духовном плане жизнь значительно интереснее и разнообразнее, в экономике намного хуже, хотя было бы несправедливо, что ничего не меняется. Кое-что все-таки меняется: кооперативные шашлыки (25 р. кг!), пирожки, чебуреки, вафельные трубочки, сладости, а также кое-какая одежда бойко предлагаются во многих местах. Но никто из торгующих не верит пока в стабильность своего положения, поэтому чувствуется их большое желание любым путем обогатиться как можно скорее. Полного доверия власти нет. Все ждут, что каждую минуту могут «прикрыть». Это понимают как интеллектуалы, так и простые частники. У очень многих людей очень много «пустых» бумажных рублей, с которыми они не знают, что делать. При дефиците, реальная цена та, которая требуется на черном рынке. «Жигули», которых в продаже нет по гос. цене 9300, на рынке стоят 15 тыс., «Волга» по цене 24 т. стоит 35 т. и т. д.

Не забудьте, пожалуйста, про дрель для мастера по гальванике. Он у меня один, и я очень им дорожу.

Фильм Пешлера сейчас у Шрамайеров, они его переписывают.

Если Бродские к вам приедут, дайте им, пожалуйста, из моих 1 т. DM. Им здесь поменяют еще 600. Надеюсь, что им хватит. А если не хватит, надо будет добавить.

Ребятки, я зашиваюсь с Димиными архивами. Давайте подумаем о компьютере с принтером и о том, как его переслать в Москву. Я обещала все документы собрать для вас в наилучшем виде.

Карлуша, спасибо, что только что позвонил. Ужасно рада приезду «наследства» в Бонн. Всех вас обнимаю.

Юля

Москва, 11 апреля 1988 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Вместе с чувством радости из-за приезда «гробов» и других скульптур к вам в Бохум, примешалось опасение, чтобы эти

произведения кого-нибудь не пришибли. Я помню, как Дима конструировал огромного, под потолок, «Пророка», как канализационные трубы развалились, к счастью никого не покалечило, но зато побило в двух местах «Хула-хуп», которая до сих пор не починена. Дима долго мучился с «Железной леди», она никак не желала фиксироваться на гинекологическом кресле. Однажды развалились «Обезглавленные монархи». В общем, я считаю, что эти вещи теперь, когда они находятся в музее, совершенно необходимо закрепить самым тщательным образом. Если у Шпильмана нет денег, нужно это сделать за свой счет.

Получила калькуляции для установки «Погибшим от бомб» в Вюрцбурге. В общем, мне ясно, что вся процедура должна стоить примерно около ста тысяч марок. Только до сих пор непонятно, кто будет это дело оплачивать.

Сейчас уезжает Шрамайер. Он не во всем разбирается, но все равно мы к ним привыкли, в принципе – они с Сабиной очень приятные люди. В последнее время мы виделись с ним дважды: 7-го числа в посольстве, где было огромное количество народу, и вчера в театре на спектакле Анатолия Васильева Dumas.

На приеме 7 апреля кроме художников были писатели, чиновники и артисты. Я уже второй раз вижу на приемах главного редактора «Знамени» Григория Бакланова. Юзеф Пастернак и Ольга Свиблова сделали свой фильм о современном советском искусстве. Юзеф позвонил и обещал пригласить меня на просмотр (тайком), после которого состоится обсуждение. В эпизоде про Диму участвует Юнна Мориц.

Ты уже знаешь, что Марк Ляховецкий виделся с Юрием Афанасьевым и передал ему просьбу Копелева. Тот сказал, что не может послать приглашения людям, которых он не знает, тем более что Копелев ничего об этом не говорил, когда Афанасьев был в ФРГ.

Марк виделся также с Коротичем, отдал ему письмо. Тот был очень доволен. Очень хорошо отзывался о вас обоих. Будет содействовать Марику в его фильме о Федоре Раскольникове. Другой Марк, Харитонов, только позавчера получил официальное приглашение из ФРГ по нормальной почте. Очень хорошо, что ты послал копию заранее, т. к. оформляться надо невероятно срочно. Наш Митюшка тоже получил вме-

сте со своей матерью разрешение на поездку в ФРГ. Приглашение им прислал Хальстенберг, у которого они, вроде бы, проживут одну неделю, а потом будут жить у Варгафтиков. Бродские очень довольны письмом, пересланным вами из Америки, очень благодарят.

Отдала Янкилевскому и Инфанте то, что ты им оставил. На днях встречаюсь с Некрасовым и Толстым.

В «Огоньке» № 15 опубликовали письмо Шрамайера о том, что немецкие проектировщики и инженеры готовы построить у нас концертные залы, т. к. в Москве сейчас почему-то все закрыто на ремонт.

От Анники приезжал знакомый, который привез пластинку со шведской народной музыкой, где на конверте рисунок по тканям, сделанным их дочкой Астрид (рисунок приятный), и письмо Анники, где она снова пишет, что читала стихи наших великих: Пастернака, Цветаеву, Бродского, а заодно и Сидура. И будто бы на другой день ей кто-то позвонил и сказал, что Сидур произвел самое большое впечатление. Это очень лестно слышать, но мне хотелось бы, чтобы Анника уже перевела бы Димин «Миф», как она это обещала, и чтобы хоть что-то сдвинулось с книгой, где главным образом «Мутации», «Гроб-Арт» и т. д. Шведские замыслы похожи на советские официальные долгострой. В отличие от нас, шведские граждане уверены, что впереди у них много времени, они успеют сделать то, что задумали, а мы, советские, наоборот считаем, что завтра может все кончиться, поэтому осуществлять свои планы надо немедленно, иначе вообще ничего не будет. Я думаю, что все упирается в финансы, хотя, что это чрезвычайно важно – я не думаю, потому что еще при жизни Димы мы договорились, что финансовый вопрос будем решать вместе.

Я послала тебе вырезку из московского еженедельника «Досуг в Москве», где сообщается о показе в кинотеатре «Стрела» трех документальных фильмов под общей рубрикой «Антология застоя». «Группа товарищей» идет вторым фильмом. После него начинается в зале заметное оживление. Третий фильм, «Хор в одиночку», тоже неплохой, хотя немного напоминает «Легко ли быть молодым». В общем, наш фильм самый лучший. Когда мы его смотрели в 21.40 вечера, народу было совсем немного, но уже на приеме у Шрамайера ко мне подошло человек пять и все спрашивали, правда ли, что

«Группа товарищей» вышла на экран. Информацию об этом фильме в «Московских новостях» ты сам увидишь. И, главное, помещена фотография «Сговора», названная «Группа товарищей».

В основном я перечислила все новости нашей текущей жизни. Они все очень важны, но самое главное следует ниже. Итак, продолжается ужасающая борьба в нашем государстве. Если вы уже ознакомились со статьей Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами» в «Советской России», то увидели, как «группа товарищей», прикрывшись именем этой дамы, страстно стремится вернуть в наше общество прелестное сталинское время. Многие этой статье обрадовались. Противники перестройки немедленно приняли ее за директивную и стали изучать в партийных ячейках на предприятиях. Лигачевская партия попыталась, таким образом, «повернуть историю вспять». Статья «Советской России» была столь отвратительна и возмутительна, что мне очень захотелось написать ответ. Впервые в жизни мне захотелось обратиться в советскую прессу. Но, к счастью, нашлись профессионалы, которые сделали это гораздо лучше меня. Уже во вторник, 5 апреля, появился достойный ответ в «Правде» без подписи, что означает «редакционная». Называется статья «Принципы перестройки, революционность мышления и действий». Совершенно очевидно, что написано Яковлевым, я уже без труда различаю его стиль. Особенно поражает сходство с нашими убеждениями. Написано так, как мы говорим между собой у себя дома или в подвале. Поскольку статья напечатана в «Правде», то ее уже с большим основанием можно считать директивной. Одновременно каждый день в других газетах появляется постоянная критика на «Совраску», как теперь называют «Советскую Россию». Это означает, что на этот раз Горбачев победил. Но окончательно все более или менее установится и определится летом на 19-й партийной конференции.

Все это я пишу вам еще и потому, что политические события, совершающиеся на самом высшем уровне в нашей стране, почему-то сходу начинают отражаться на нашей личной судьбе, как это уже случалось не раз. Мы уже совсем собрались покидать Перово, потому что с каждым днем угасали надежды на восстановление Диминой выставки, как вдруг именно 4 апреля, накануне появления статьи в «Правде», мне домой по-

звонила некая Ирина Борисовна Ефимович. Миша, оказывается, был уже с ней знаком – она искусствовед из ВХПО им. Вучетича, где лежат наших 15 скульптур, которые ты там видел. Я никого там не знаю. Эта Ирина Борисовна позвонила в пятнадцать минут третьего. Она сказала: «Юлия Львовна, мы собираем сейчас коллекцию для продажи в Музей Людвига. Речь идет о 60-х годах». Я: «Вы знаете, этот Людвиг очень продажный, нехороший человек. Он нас с Сидуром обнимал, восхищался. А потом наше начальство ему объяснило, что Сидуром заниматься не рекомендуется, и он не только согласился, но даже стал врагом Сидура». Она: «Сейчас всё по-другому. Это совсем другой совет и вообще все другое. У нас ведь уже есть работы Сидура». Я: «Я знаю, пятнадцать штук». Она: «Правильно, но это не шестидесятые годы. А у вас есть работы на антивоенную тему? Из тех, что у нас, только две могут подойти под эту тематику». Я: «Конечно, у меня есть скульптуры на антивоенную тему. Но среди тех пятнадцати, которые у вас, ничего нет. Это другие работы, они у меня находятся – или в мастерской или дома». Она: «А вы не могли бы нам дать две-три работы?» Я: «А зачем?». Она: «Для одного очень важного дела». Я: «А какого дела?» Она: «К сожалению, я не могу вам этого сказать по телефону». (Кому-то рядом: «Я не могу так работать! Оставьте меня в покое!») Я: «Ну, хорошо, раз это так важно, давайте на днях с вами встретимся и поговорим». Она: «Понимаете, необходимо представить скульптуры на худсовет». Я: «А когда у вас совет?» Она: «В четыре часа сегодня». Я: «Это невозможно. Мишу я найти так быстро не могу, а сейчас уже половина третьего». Она: «У меня машина, я сейчас могу к вам подъехать». Я: «У меня вещи и здесь, и в мастерской». Она: «А где ваша мастерская? Далеко?» Я: «На машине шесть минут от дома на Брянской». Она: «Всё! Я еду, скажите адрес. Я знаю эти дома на Брянской, и в 3 часа буду у вас, а потом поедem в мастерскую».

Пока она ехала, я все думала и никак не могла придумать, отчего такая спешка и столь неслыханная расторопность. Но кое-какие скульптуры подобрала дома, так что можно было и не ехать в мастерскую. Она еще в разговоре по телефону спрашивала, подлинные ли вещи или же свежие отливки. Я ей сказала, что все подлинники, только, к сожалению, не все Сидур успел подписать. А что касается моделей, то она может на них

посмотреть, какие они лежат поломанные и грязные. Она слушала это с большим удовлетворением.

Действительно, приехала эта тетка довольно быстро, в три часа. В разговоре выяснилось, что швед Борис, показавшийся мне миллионером из-за «Мерседеса» и шубы, на самом деле не миллионер, а родственник скульптора Исаака Бродского, женатый на сестре Ирины Борисовны и имеющий галерею в Швеции. Поэтому вся «миллионерская» выходка была сделана для понта, для набивания себе цены. Но это было не главным в нашей беседе. Я: «А почему вдруг такая пожарная обстановка?» Она: «Понимаете, я прошу вас никому не говорить, но Горбачев должен подарить Рейгану скульптуру Сидура на антивоенную тему». Я: «Ё-моё! Союз не пропустит, они не позволят!» Она: «Причем здесь Союз? Это наше дело! Паша очень хороший человек». Я: «Паша Никонов? Я ему ни на грош не верю!» Она: «Да нет, Паша Хорошилов. И всё будет в порядке, уверяю вас!» Я: «Ну, если так, давайте смотреть по максимуму. Я считаю, что надо давать “Взывающего”, “Пог. от насилия”, “Пог. от бомб”».

В итоге она выбрала четыре: «Пог. от бомб», «Взывающего», «Оставшимся без погребения», «Формулу скорби». Спросила меня, какие цены. Я сказала: ««Взывающий» 10 т., «Оставш. без погребения» 9 т., «Пог. от бомб» 7 т., «Формула скорби» 6 т.» Она сказала, что это дорого, потому что за памятник Лермонтову в Москве какой-то скульптор получил гонорар 7 тысяч. Я: «Ну и что! За Лермонтова дали столько, а вещи Сидура не могут стоить дешевле. Если нашему государству дорого, я могу подарить тов. Горбачеву, чтобы он в свою очередь подарил Рейгану для укрепления дружбы и сотрудничества между СССР и США. А цена именно такая, и то она заниженная».

В общем, она сказала, что все скажет на худсовете и уже завтра будет известен результат. Она предложила мне поехать с ней в ВХПО, чтобы взять акты о приемке скульптур на закупку, но я не могла, меня ждали в подвале, и я сказала, что Миша подъедет к ним завтра. На другой день Миша подъехал, взял акт и получил известие, что были выбраны две работы, обе по нашим ценам: «Пам. пог. от бомб» для подарка Рейгану в США и «Пам. оставш. без погребения» для подарка в Польшу (?). Второе приобретение нас удивило, но, поразмыслив,

Миша вспомнил, что его друг из Высшей партшколы Илья Семенович Кремер, занимается делом, связанным с расстрелом НКВД польских офицеров в 1940 году. Ходят слухи, что наши собираются признавать это зверское сталинское преступление и в знак примирения подарить Димину скульптуру. Тем более там фигуры с крестами, что худсовет счел подходящим для католической Польши. Они еще не уверены, что отдадут нам обратно «Взывающего» и «Формулу скорби». Хотя мне бы очень хотелось вернуть эти скульптуры. Думая, что «Взывающий» может пойти для Рейгана, я отдала самую лучшую Димочкину отливку, которую он сам считал канонической. И если она вернется обратно, я буду счастлива.

Как только я приехала в мастерскую, мне взволнованным голосом позвонила Марта. Она срочно разыскивала Мишу в связи с возможностью открытия выставки. Марта сказала, что секретарь райкома Трофимова тоже срочно разыскивает Мишу, чтобы с ним поговорить. Через 15 минут Миша появился в мастерской. Марта сказала, что Трофимова явится к нему в Перово в зал, и спросила, что Миша думает об открытии выставки совместно с художником Константином Васильевым. Таково было предложение Трофимовой в разговоре с Мартой.

Итак, вам для информации, кто такой Константин Васильев. На мой взгляд, это не просто плохой художник, но очень плохой, я бы даже сказала – он ужасен. Это ответвление Глазунова и Шилова, но гораздо хуже. Тем не менее он чрезвычайно популярен у населения. На его выставках стоят толпы, очереди поклонников не уменьшаются. Он умер больше десяти лет назад в возрасте 31 года. Официальные его не любили по своим причинам, им вполне хватало Глазунова и Шилова. Но очень активны родственники, поддержанные «простым народом», а также группирующимся вокруг этого наследия обществом «Память». У Васильева много сказочных сюжетов, русские богатыри, красивые женщины со светящимися глазами и т. д. Этого художника любят дети – очень доходчиво. Художественные власти чинят препятствия его признанию также, как и Сидуру. Но все-таки организаторы катают его выставки по всей Москве по выставочным залам, где общественники дежурят с красными повязками на рукаве. Когда работала наша выставка в Перово, подходили некоторые посетители и говорили, что у нас «так же интересно, как у Васильева».

Меня невероятно удивляла эта оценка. Но лишний раз можно порадоваться терпимости и широте убеждений и вкусов у обыкновенных людей. Люди готовы смотреть и принимать все! Во всяком случае, любое, что сильно выделяется. И все-таки Сидур и Васильев – явления несовместимые. Миша тут же сказал Марте об этом. Но она не настаивала, а сообщила только, что это идея Трофимовой. На другой день при свидании с Трофимовой в нашем зале, Миша сказал ей, что выставлять таких художников вместе невозможно. Она не настаивала. Мы, кстати, уже знали, что для Васильева вот-вот должны открыть музей в Коломне, где он родился, и даже для этого дела существует счет в сберкассе. Сейчас уже два месяца идет его выставка на Речном вокзале в Химках.

Изменения в позиции секретаря райкома Трофимовой произошли, скорее всего, не по собственному желанию, т. к. она ничего не имеет против музея Сидура в Перовском районе. Ее поведение и отношение ярко иллюстрируют все время меняющуюся «культурную политику», которой ты, Карл, занимаешься. Трофимова села у Миши в кабинете на стол, трогательно говорила, как ей нравится Сидур, как она восхищена «Сговором» («Смотрю, такие жлобы!»). Но что сейчас надо подумать о том, как бы заново открыть Сидура, но так, чтобы это было чем-то разбавлено (отсюда Васильев), завуалировано, выглядело бы поскромнее, тематически, с поправкой экспозиции (намек на удаление «объектов»). В общем, Миша правильно понял, надо сделать все так, чтобы выставка не переросла в постоянную экспозицию, что, в принципе, равносильно открытию музея. Все это она аргументировала тем, что в районе один выставочный зал и надо делать сменные выставки разных художников. То есть чувствовалось, что, с одной стороны, кто-то дал указание открыть Сидура, а с другой стороны, сделать это событие как можно хуже. И явно указания «открыть» шли сверху, а указание «снизить эффект» шло откуда-то из руководящей середины. Бедная исполнительница Трофимова должна была исполнять столь противоречивые приказы. На другой день она официально вызвала Мишу и Марту к себе в райком. Вся ее сердечность и фамильярность улетучились. Она уже отдавала приказы. В нашем зале сделать выставку двух художников: Сидура и Васильева. То, что зал не подходит для живописи, ей было неважно. Чувствова-

лось, что она уже проконсультировалась с горкомом и знала, что надо говорить. Мишу директором делать не будут, денег у района нет. Если Миша не хочет выставляться на Новогиреевской, может брать помещение на ул. Аносова, д. 3 при библиотеке и делать там, что хочет, на общественных началах. Место это неудобное, от метро далековато и в одном помещении с общим вестибюлем в библиотеке. «Ты что, прикипел к этому зданию?» – сказала товарищ Трофимова. «Прикипел, – сказал Миша, – вы можете дать нам гарантии, что мы уйдем на Аносова, начнем с нуля, все там сделаем, а потом вы нас оттуда не попросите так же, как с Новогиреевской?» – «Нет, таких гарантий мы дать не можем». – «Я подумаю», – сказал Миша. Мы подумали и решили отказаться, хотя Марта долго Мишу уговаривала согласиться, говоря, что поначалу будет временно, а потом Миша организует там культурный центр и все останется навсегда. Но больше нам рисковать неохота. Решением райисполкома помещение на Аносова является филиалом выставочного зала на Новогиреевской. С июля, когда там будут [неразборчиво], мы полностью попадаем под начало назначенного туда директора. Миша справедливо требует гарантий для Музея Сидура хотя бы в глуши, на Аносова. Если мы там хозяева, то можно и центр делать даже бесплатно, действительно на общественных началах. Мы больше не верим Трофимовой. Она слишком внимательно слушает телефонные указания из «Замка», все время разные, потом начинает выполнять их с одинаковым рвением. Опять же идея совместной выставки с Васильевым выглядит как провокация, чего Трофимова понять сама не может. Сторонники Васильева, вернее, многие из них, шовинисты и могут вызвать на совместной выставке в маленьком зале очень неприятные эксцессы. Вполне возможно, что кто-то сверху добивается именно этого, чтобы всех закрыть и запретить под самым что ни на есть благовидным предлогом.

Сегодня позвонили в ВХПО им. Вучетича, чтобы забрать «Взывающего» и «Формулу скорби». Ефимович умоляла не забирать, хотя для закупки в США и в Польшу взяли «Погибшим от бомб» и «Оставшимся без погребения».

Главное управление культуры распущено! Об этом сообщено во вчерашней (10 апреля) «Московской правде». Вместо них создаются комитеты по снабжению. Вся власть в матери-

альном плане переходит в руки министерства культуры, а идеологическая и практическая деятельность – в руки райсоветов, то есть: это Марта, Каменев, Трофимова. Таким образом, упразднено еще одно сугубо запретительное и бюрократическое звено между министерством и районом. Посмотрим, что будет в реальности. Но в любом случае приятно, что до какой-то степени утратили свои огромные удушающие возможности такие чиновники, как Григорьева, Кирюшова, Колупаев, Углева и Пыхтунов (оба мешали с твоим наследством). Также должны быть смещены и куда-то быть переведены начальники главка – Бугаев и Беликов. Беликов как раз был лучше других.

Наконец, последний пункт этого письма. (Снова перейду на пишущую машинку, а то слишком длинные письма получаются). Беседа Вениамина Смехова с министром культуры Василием Георгиевичем Захаровым. Веня и Татьяна давно говорили, что они будут за Диму бороться. Сейчас, когда таганцы под руководством Губенко добились приезда Любимова в мае, и триумфально съездили в Мадрид, где опять же к ним присоединился Любимов, они снова несколько на взлете. У Вени вообще очень большие связи, он много добивается. Сейчас он опубликовал огромную статью о всех перипетиях Театра на Таганке в журнале «Театр» № 2. Я считаю, что это совершенно отличная статья. Смелая, правдивая, умная, великолепно написана. Там о Любимове, о чиновниках, об Эфросе. Он называет Эфроса «выдающимся советским режиссером», но тем не менее ясно, что Эфрос и те, кто его толкнул в Театр на Таганке после отъезда Любимова, совершили роковую и непростительную ошибку, закончившуюся смертью Эфроса. Сейчас в «Советской культуре» появилось письмо «В защиту художника». Ругают Смехова, но бездоказательно и неконкретно. Подписи весьма внушительные, среди которых Товстоногов, Абуладзе, Някрошюс, Герман, Юрский и другие. Так что шуму много.

Веня встречался с министром культуры не столько по своему поводу, сколько по нашему, то есть по поводу закрытия выставки Сидура. Захаров был удивлен, что выставка закрыта. Он был уверен, что она до сих пор функционирует. Он сказал Вене, что министерство закупило Сидура, и «за хорошую цену». Веня сказал, что Юлия Сидур готова, если наше государ-

ство не имеет денег, подарить тов. Горбачеву скульптуру для подарка Рейгану. На это министр сделал паузу, потом сказал: «Нет, мы все-таки закупим».

Веня говорил, что выставка была так горячо и с такой благодарностью принята советским зрителем. «Мы все перед ним виноваты», – сказал Веня. «Вы хотите постоянную экспозицию?» – спросил министр. «Это хотят очень многие, – сказал Веня, – но я знаю, что Союз художников против, потому что у маститых нет музеев». Министр согласился. «Однако, – сказал Веня, – именно эту выставку хотят видеть люди, именно этого скульптора, просят сделать музей, именно о нем звонят и пишут нашему правительству, именно его скульптуры покупаются для подарков Рейгану и в Польшу, именно его памятники стоят в ФРГ и США». – «Я уверен, – сказал министр, – все будет в порядке». Он начал быстро записывать имена чиновников, которых называл Веня. «Я ложусь на три дня в больницу с бронхитом, а потом лично приеду в Перовский район и буду там разбираться».

Перед этим министр мягко пожурил Веню за статью в «Театре»: «Ко мне тут заборами ходят жаловаться по поводу вашей статьи». Веня сказал, что надо было написать правду. Театр на Таганке обвиняли в убийстве Эфроса, и они должны были наконец в первый раз получить возможность для ответа. Министр сказал: «Статья ваша неплохая, но только немного рано. А вообще-то, дамы его погубили». В разговоре про Диму Веня сказал, что его пихают в совместную выставку Васильева. Министр был поражен: «Это же совершенно несовместимые художники. Мы занимаемся Васильевым. Он идет у нас по своим каналам». – «А вы знаете, что около Васильева “Память”?» – спросил Веня. Министр молча кивнул.

Итак, в среду Миша должен беседовать с Игорем Дедковым из журнала «Коммунист», а потом будем ждать министра в Перово.

Карлуша и Гизела, еще возникла у меня идея, которая весьма деликатного свойства, но все-таки я ее выскажу. Удован Метерен снова говорил через Андрею, что он хотел бы чем-нибудь мне помочь. Я думаю, что если бы он обратился в министерство культуры СССР с письмом, где написал бы, что он готов пожертвовать какую-либо сумму на музей Сидура в Москве, это произвело бы огромное психологическое воздей-

стве. Во-первых, это беспрецедентный случай. Какие-то пожертвования уже бывали, но со стороны эмигрантов – русских, армян, прибалтов. Хаммер, американский миллиардер, знакомый с Лениным, подарил, кажется, одну картину. Но иностранцы никогда ничего не дарили ни на какие музеи или картинные галереи. В случае с Удо это очень уместно, так как он поставил «Взывающего». И он был с Димой знаком и поступил как настоящий меценат. В наше прагматическое время такой жест был бы оценен по достоинству. В любом случае, если бы даже наши отказались или проигнорировали подобный факт, он все равно имел бы громадное значение, все бы поняли – несмотря на перестройку, чиновники от культуры мыслят категориями застоя! Копию следовало бы послать в Советский фонд культуры на имя Д.С. Лихачева. Еще раз повторяю, что это очень щепетильное дело, и я обращаюсь к вам только в форме совета. Что вы об этом думаете?

Искусствовед Юрий Петрович Маркин уже послал свою заявку в правление Союза художников, и те без комментариев переслали ее в издательство, кажется, «Московский художник». В среду уточню. Мы начинаем встречаться и собирать материал для его монографии. Он хочет совершить один эксперимент: послать заявки на монографию во все искусствоведческие издательства, потом собрать все отказы, а потом со всеми этими документами выступить на страницах нашей прессы. По-моему, замечательная затея.

Я, кажется, кончаю это письмо. Крепко вас обнимаю.

Юля

Москва, 18 апреля 1988 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Опять перехожу на печатание на машинке, т. к. устала писать от руки. Дело в том, что мой письменный стол завален Димиными письмами, вернее, общей перепиской с ним и к нему, начиная с 1942 года. Разобраться в этом мне одной не под силу, да и времени не хватает. Поэтому я ушла со своего письменного стола в большую комнату, оставив там здоровую машинку. Эта машинка маленькая, ее можно таскать куда угодно.

1. Наши перовские дела опять временно застыли на мертвой точке. Хотя кое-какие события после разговора Вени с замминистром происходили. Замминистра звонил Беликову из главка. Несмотря на то, что все главки упразднили, они пока еще функционируют. После этого разговора Беликов позвонил Марте и сказал, что о постоянной экспозиции выставки Сидура не может быть и речи, а открыть ее примерно на месяц можно. Но тут мы уже имеем противодействие в лице Трофимовой, которая боится открыть выставку, т. к. из-за протестов общественности ее невозможно будет закрыть. В настоящее время мы находимся снова в таком подвешенном состоянии. Мишин друг из ЦК сказал, чтобы Миша от себя написал письмо нашему генсеку. Мы с Мишей сочинили, как могли, это послание, но Илья Семенович многое почеркал, выкинул, и окончательный вариант я тебе пошлю в этом письме. Очень прошу не разглашать! К этому письму он приложит саарбрюкенский каталог, советский буклет и отдаст его одному из референтов М.Г. Не знаем, что из всего этого получится.

Миша общался с Игорем Дедковым из журнала «Коммунист». Тот уже давно следит за нашим делом и настроен весьма оптимистически. В письме ученых и писателей в «Литгазете» мы цитировали его статью, опубликованную сначала в журнале «Коммунист», потом перепечатанную в «Советской культуре».

Есть слухи, что Лигачев, который держал ТВ в своем кулаке, не имеет там больше своей власти. Тем не менее антиперестройщики и сталинисты невероятно сильны.

Иногда происходят какие-то странные вещи. Сейчас, например, в Софрино, где находится дом отдыха работников Гостелерадио, открыта фотовыставка работ Сидура. Это уже второй раз, уже была подобная выставка в Радиокomiteе, теперь в Софрино. Мы не знаем, кто ее устроил, и по чьей инициативе. Факт, что Эдик не имеет к этому никакого отношения. Он узнал об этом от меня. Я сейчас тесно общаюсь с одной сценаристкой, заканчивающей Высшие кинокурсы, которая проработала на ТВ десять лет, Олесей Фокиной. Она пишет сценарий про Диму для своего авторского фильма. У нее отец высокопоставленный журналист-международник, поэтому она многое знает.

В телепередаче «Взгляд» материала про «Группу товарищей» не было. И вообще, «Взгляд», поначалу такой симпатичный, сильно потускнел и ухудшился.

Мне позвонил Марк Харитонов. Он изо всех сил готовится к поездке в ФРГ. Он попросил, не может ли кто из ваших ребят перевести на немецкий язык в его статье «Заложник вечности» кусок со стр. 5 по 11, или же с 14 по 18. Дело в том, что ему положено прочесть что-то из своих сочинений, а его собственная книга пока не вышла. Перевести на немецкий сам он боится, т. к. это не будет выглядеть квалифицированно, поэтому он в некоторой панике. Он спросил, можно ли будет прочитать на русском языке кусок из «Заложника вечности», тогда все проблемы мигом устраниются. [...]

Только что мне позвонил Илья Семенович, разыскивающий Мишу. Он сообщил, что письмо М.С.Г. ушло «наверх». Он попросил устроить у них в Институте общественных наук выставку Сидура на неделю с 25 апреля по 1 мая. Ее посмотрит их ректорат, а также большая зарубежная делегация. Говорит он все это бодрым и веселым голосом. Я чувствую, что это чрезвычайно важное событие. Выставка должна быть такая же примерно, как у Боровика в СКЗМ.

«Портрет Гинзбурга» уже стоит у меня в двух экземплярах, выполненный в гальванике. Выглядит красиво и мощно!

Искусствовед Маркин, с которым ты познакомился у нас в мастерской, получил ответ от издательства «Советский художник», что они согласны делать, как называет Юрий Петрович, «альбошку» с маленьким текстом и штук 60 иллюстраций. Маркин очень недоволен. «Советский художник» заранее планирует это как убыточное издание, давая тираж 10 тыс. экз. Для нас это, конечно, мизер, учитывая огромный интерес публики к Сидуру, не только как к художнику, но и как к личности. В общем, решили с Юрием Петровичем идти в издательство вместе с фотографиями скульптур и с примерами из графики и начать торговаться. Конечно, огромной монографии, как о скульпторе Матвееве, мы не добьемся, но может быть, что-нибудь получится вроде книги о Барлахе, тиражом не менее 25 тыс. экз. Стоить такая книга должна где-то около червонца. Это вполне реальная цена. В нашей стране она разойдется легко и убытка быть не должно.

Сейчас пойду на встречу в подвал с какими-то людьми из Днепропетровского художественного музея. Наконец-то про-

резались Димины земляки-профессионалы. Кстати, не помню, писала ли я вам, что у нас взяли графику на закупку из ленинградского Русского музея.

Ремонта всё не делают, только нервы портят тем, что он должен быть. Всем привет. Крепко вас обнимаю. Если успею, напишу письмо Аннике.

Юля

21.4.88

Дорогая Юля!

Мы всегда с большим нетерпением ждем твоих писем и прекрасно себе представляем, как и ты их ждешь, но опять от нас ничего не прибыло. Тороплюсь успеть.

Твое длинное и очень подробное письмо было бесконечно интересно и хочется надеяться, что на самом деле кое-что сбудется из вещей, о которых ты нам написала.

Правильно ты сделала, что еще оставила скульптуру на Полянке. Но дешевле не продавай. Кроме того, всегда оставляй себе скульптуры, которые Дима считал лучшими. Только если кто-то собирается установить скульптуру, тогда отдавай лучший экземпляр на время скульптору, который должен ее увеличить.

Насчет помощи в связи с Музеем Сидура в Москве, я поговорил с Андреей и советовал, чтобы было открытое предложение с немецкой стороны финансово помочь при организации такого музея, но с тем, что советская сторона предоставит помещение и т. д. По-видимому, кое-что в этом роде будет в каком-то письме от имени Deutsche Bank по поводу проходящей в Москве выставки. Но обязательно еще придется проконсультироваться с Udo, а может быть, поговорить еще с другими влиятельными людьми.

Андрея мне сказала, что кое-кто хочет купить «Взывающего». [...] Гребневу мы не забыли. По возможности пошлем тебе тексты в ближайшее время. То же самое касается дрели, очков для Романыча и т. д.

К 30 апреля приедет в Германию Булатов. Надеемся с ним встретиться, хотя на открытие его выставки я, по-видимому, не успею из-за занятий с нашими студентами.

Из Вены все еще ничего неясно, хотя хотят, чтобы я преподавал уже с октября у них. С большим любопытством жду переговоров.

Юля, очень спешу. Постараюсь еще связаться с тобой по телефону для более общего разговора. Извини, если разговоры иногда короткие, но они и дорогие.

Будь здорова и передай всем привет.

P.S. В Берне я буду читать лекцию о Сидуре и мы покажем его кино! (С введением Гизелы).

Юрины и Вовины вещи полностью прибыли. Займусь и этим.
Карл

Москва, 26 апреля 1988 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Вчера мы открыли выставку из 27 скульптур и акварелей, графюр, монотипий, черно-белых рисунков в Институте общественных наук при ЦК КПСС. Сделали все очень красиво, но удовлетворения настоящего нет. Это не выставка, а «полезное мероприятие». Но очень высокопоставленные люди, которые нам покровительствуют и помогают, настоятельно советовали это сделать. Опять же важным был факт присутствия наших перовских руководителей: Каменева и Марты. Вот, надо сказать, симпатичные люди! На них этот институт произвел большое впечатление. Как всегда, мы потратили очень много сил и денег, чтобы сделать эту выставку на несколько дней. 30 апреля она уже закрывается. Несмотря на

то, что организация солидная и богатая, нет у них станков, нет у них одного, другого, третьего. Есть только транспорт. На открытии выступил проректор института, человек по фамилии Галкин. Оказывается, он написал какую-то книгу о Великой Отечественной войне, и там на обложке помещен «Памятник погибшим от насилия». На днях эта книга должна выйти из печати, и он обещал ее нам подарить. В этом институте я встретила трех знакомых еще с начала 60-х годов. Один, например, муж учительницы, моей бывшей коллеги, работает в институте парторгом. Можно считать, что это головокружительная карьера. Я думаю, что облик нашего государства не-

избежно изменится. Этот партаппаратчик при всем желании уже никогда не будет таким, как Громыко или прочие из сталинского поколения. Это новый тип бюрократа из либералов и прагматиков.

Только я решила, что следующие подобные мероприятия будем делать только в Кремле, никак не меньше, мне позвонил редактор из «Комсомольской правды» и начал уговаривать делать выставку у них в редакции. Я начала отказываться, но он купил меня обещанием публикации: «У нас тираж 18 миллионов!» Посоветовались с Мишей, Юрой и Наташей, и все решили, что стоит «для дела». Поэтому прямо из ИОН поедем в «Комсомолку». Он обещал дать бригаду ребят для помощи. Они хотят приурочить эту выставку к Дню Победы, 9 мая. [...]

Забавные дела рассказал Мише Слепышев. Его посетили Хорошилов и Людвиг на предмет закупки живописи. Людвиг отобрал самые лучшие работы. Но Слепышев будто бы назначил за каждую по 30 и 40 тысяч рублей. Людвиг сказал, что это несерьезно, а Хорошилов уговаривал продать за три-четыре тысячи каждую. Якобы, Слепышев отказался. Слухи такие, что Людвиг в прошлом году сделал закупки на 160 тысяч, из которых 70 тысяч ушло только на одного Жилинского, а остальное на множество других художников. Из скульпторов он, вроде бы, закупает жену Жилинского. Во всяком случае, я очень рада, что мы можем с большим удовольствием плевать и на Людвига, и на Наннена – на этих продажных подлых маршанов. Но, возможно, объективно они и сделают кое-какое полезное дело.

Сегодня, если ничего не изменится, должен быть решен «на самом верху» вопрос о подарках в США и Польшу. Илья Семенович сказал, что совет о том, чтобы дарить именно Сидура, исходил не от министерства культуры, а от кого-то другого. Мы не знаем, кто посоветовал, и можем только строить догадки. Возможно, это Боровик. Может быть, ничего из этого не выйдет. На днях мы все узнаем.

Секретарь министра культуры после очередного разговора с Веней Смеховым сказала, что министр в командировке, но все помнит и будет заниматься нашим делом после праздников. То же самое она сказала нашему Мише. В главк, который не упраздняется, а лишь претерпевает «структурные изменения», звонил замминистра Казенин. После чего Беликов по-

звонил Марте и говорил, что о постоянной экспозиции не может быть и речи, а выставку «на месяц» можно и открыть. Но Трофимова боится открывать выставку, потому что потом ее трудно будет закрыть и вопрос о постоянной экспозиции может решиться сам собой.

Посылаю копию письма из Института радиоэлектроники. Очень сердитое письмо ученых о том, что выставку Сидура закрыли, пообещали открыть и не открыли, хотя прислали письменные ответы, что выставка будет открыта в первом квартале 88 года. Как злостные бюрократы упоминаются наши Марта и Трофимова. Самое смешное, что это письмо, направленное в ЦК на имя Яковлева, в виде копии пришло в «Литературку», где его тут же послали в набор. Лида Польская, редактор, тут же передала нам, что бочку катят на район, с которым у нас, вроде бы, по слухам, хорошие отношения. Миша забрал письмо из «Литературки», вернее, его ксерокс. Мы, конечно, не хотим, чтобы оно появилось в печати. Ни Марта, ни даже Трофимова, которая подчиняется вышестоящим начальникам, не виноваты. А по фактам получается так, что виноваты именно они. Лидия сказала, что письмо является документом, и что она будет вынуждена сказать, что вернула его по просьбе Михаила Сидура. Так что нам самим придется объясняться с народом, почему мы мешаем (!) открытию выставки Сидура. Такие интриги ведутся, что дело не идет, а виноватыми будут хорошие люди, которые не в состоянии не выполнять приказы (устные!) начальства.

В Манеже проходит очередной конкурс памятника Победы. Говорят, что общество «Память» снова устраивает там антисемитские провокации. Все проекты неинтересные, зато свары, которые затевает там «Память», чрезвычайно интересны. Все время идут разговоры о «масонах», о «засилье евреев», ругают Коротича за то, что у него в «Огоньке» «одни евреи». Называют евреями Бухарина, Сталина и вообще всех, кто делал революцию, и что именно они «погубили Россию». Поскольку этот бред столь очевиден по своей дикости и бессмысленности, на него очень тяжело реагировать. Люди, которые там в Манеже отбрехиваются, выглядят недостаточно убедительно. У черносотенцев их злобный, переполненный ненавистью напор намного сильнее. Но самое интересное, мне передали, что кто-то повесил там в одном из залов плакат с

нарисованным от руки «Взывающим», рядом чьи-то стихи про «Русь» и надпись: «Просим считать скульптуру Вадима Сидура “Взывающий” одним из проектов».

Вот, кажется, это все злободневные новости за последнюю неделю. Крепко вас обнимаю. [...]

Юля

Москва, 3 мая 1988 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

В пятницу, 29 апреля, в передаче «Взгляд» был показан сюжет про Диму, снятый в сентябре прошлого года. Вообще, вся передача в целом была очень хорошая, но наш материал считается из наиболее интересных, потому что его дали практически в конце передачи около часу ночи. В связи

с этим сильно возросла моя популярность у народа, включая лифтеров и дворников в нашем доме. Люди просят в мастерскую посмотреть Димины работы. Вот какой огромной силой обладает телевидение. Сюжет длился шесть минут. В него были включены: интервью со мной дома, показано несколько скульптур и рисунков, затем кадры из вашего с Эриком фильма, куда вошли снятые Киселевым кадры: спуск по лестнице, Дима в приемке, фотографии некоторых скульптур, Дима работает над моделью «Памятника родителям», а я сижу напротив, потом опять квартира и кончается «Памятником оставшимся без погребения».

Сейчас мы очень активно работаем над сценарием нового фильма с Олесей Фокиной. Она пришла с оператором Ильей Фрэзом. По-моему, судя по его фильму о современных духоборах, вернее, тех, кто еще доживает свой век где-то в Закавказье, это очень талантливый человек.

Миша доканчивает ремонт в Алабино. Я там пока еще ни разу не была. Грядут еще два ремонта: в мастерской, который должен начаться в середине июля, и в квартире, где это тоже совершенно необходимо, потому что, как Дима написал в своем стихотворении: «Кожа клочьями облезает со стен, издает паркет стон». Для меня ремонт – это что-то вроде катастрофы – землетрясение или какое-либо другое стихийное бедствие. Подвал страшнее квартиры. Там собираются начать в сере-

дине июля, должны менять всю сантехнику, отопление, затем штукатурка и побелка. Я предпочитаю на этом не фиксироваться, а то мне плохо становится.

Закрытая выставочка в ИОНе работает завтра последний день. Ее посещают иностранные студенты-учащиеся и еще какие-то зарубежные делегации. Я не люблю подобные мероприятия, и Дима их не любил. Но мы не могли отказать Илье Семеновичу, хотя бы потому, что его коллега-проректор, осмотрев эту выставку, взялся передать Мишино письмо нашему генеральному секретарю. Теперь следующую выставку, к сожалению, тоже закрывую, мы устраиваем с 5 мая в редакции «Комсомольская правда». Журналист, ответственный за ее организацию, пообещал публикацию в газете, где тираж 18 миллионов, и мы согласились.

Пока еще нет ответа, будет ли дарить Горбачев Димины скульптуры Рейгану и Ярузельскому. Ответ должен быть на днях. Если это произойдет, я надеюсь, что наши шансы с музеем в Перове сильно улучшатся, а может быть, и нет. Теперь я хочу немного объяснить перовскую ситуацию. Мы сейчас ничего специально не предпринимаем для того, чтобы там удержаться, хотя нам очень этого хочется. Но дело в том, что обстоятельства разворачиваются таким образом, когда все происходит само собой. Мы не уходим из Перова только потому, что нас оттуда никто не выгоняет. Если бы нам местные власти сказали освободить помещение, мы бы его, конечно, освободили. Но никто нам этого не говорит. Наоборот, Марта и Каменев присутствовали на открытии в ИОНе, где их обхаживали высокопоставленные партийные функционеры. Секретарь райкома Трофимова тоже, в принципе, не против, но не может пойти на конфронтацию с горкомом, Союзом художников и с ЦК, где сидит наш старый «друг» Зайцев. Поэтому все выжидают.

Перестройка продолжается. Наша пресса практически свободная, такая же, как на Западе. Оттого я, страстный любитель информации, редко слушаю зарубежное радио. Не успеваю читать все интересное, что пишут наши газеты и журналы. Речь уже идет об открытой и настоящей избирательной системе, моей давней мечте. Одновременно, можете себе представить, какая жуткая оппозиция всему этому со стороны бюрократов и аппаратчиков. Наша демократия слабенькая, как

недоношенный младенец, и каждый из нас ощущает ее хрупкость. Тем не менее борьба за жизнь этого драгоценного младенца продолжается. Кажется, именно на сегодняшний день мы одержали победу. Теперь хотелось бы закрепиться на достигнутом, а это не так-то просто.

Очень хорошо, что вы понимаете необходимость для меня иметь компьютер с принтером. Большое вам спасибо.

Я все еще никак не оклемаюсь от последствий своей сильнейшей простуды.

Марк Харитонов вам позвонит перед отъездом из Москвы.

Крепко вас обнимаю, привет от всех.

Юля

13.5.88

Дорогая Юля!

Хотя я уже в состоянии писать и печатать русским шрифтом, я еще не успел тренироваться автоматически по-русски. Надеюсь, что скоро и это будет возможно. Иначе я потеряю слишком много времени, чтобы искать русские буквы. Только что появилась в печати книга Пешлера. Она выглядит превосходно. Все художники превосходно представлены. Кроме портретов, которые все черно-белые, все остальное в цвете. Просто отлично. Поскольку Дима единственный скульптор, и фотографии его вещей получились, на мой взгляд, очень хорошие, то именно его произведения особенно выделяются. Как только у меня будут добавочные экземпляры, я тебе pošлю через Ренату. Показаны: «Раненый», «Отчаяние», «Операция на сердце», «Праздник», «Раздевающаяся» и еще какая-то скульптура (у меня пока нет экземпляра, первый я должен был сразу подарить кому-то, я уже выписал другие экземпляры). Одновременно в новейшем номере Stern появилась большая статья о современном московском искусстве, где каждый художник представлен одним произведением. От Димы дали мою фотографию «Раздевающейся» из книги Пешлера. Сама публикация некоего Dederichs и, может быть, подсказана Nannen'ом, который покупал, по-видимому, в последнее время довольно много в Москве и собирается организовать осенью (1988 или 1989?) выставку. Вообще, надо сказать, что дея-

тельность коммерциализующих искусство галеристов заметно возросла. 10 июня откроется выставка в Берне, в то же самое время выставка московского официального или полуофициального искусства в Кельне, которую организует Людвиг и т. д. Почти все газеты и некоторые журналы освещают эти события. Особенно теперь славятся Булатов, Кабаков, но в связи с книгой Пешлера и предстоящей публикацией каталога Бернской выставки, будут показаны почти все важные и знаменитые художники. Но самое странное, что бедные эмигранты опять под цензурой, но теперь уже западных директоров музеев, редакторов журналов и галерейщиков, которые боятся представителей советских учреждений по культуре и проблем при вывозе искусства. Вот, такие дела! Разве это смешно? Я очень рад, что Дима уже классик, который остался в Москве.

Последние две недели были переполнены разными встречами в связи с «докладчиками», которые смогли путешествовать благодаря перестройке: Сарнов, Харитонов, Иванов, выставки Булатова, Янкилевского, Немухина и т. д. Все очень интересно, но отнимает, конечно, время. И обычно эти люди и гостят у нас, мы устраиваем приемы. Наряду с этим, все время телефонные разговоры с Веной, потом по поводу печатания статей.

Марк отлично выступил. Показ Диминых «Мутаций», «Гробов» и «Пророков» вызвал у некоторых людей большие впечатления, чем кино «Письма мертвого человека». Марк теперь в Мюнхене, ему продлили визу.

Карл

15.5.88

Дорогая Юлия!

Это будет первое письмо по-русски, которое написано русским шрифтом. Я очень рад, что в конце концов это получилось.

Особенных событий у нас нет. Был у нас журналист Dr. Belde из WDR, который взял у меня интервью о Сидуре. Оно предназначено для передачи в июне. Мы говорили всего-навсего около четырех часов, а передаче предоставляется только около 5 минут.

Марк себя чувствовал, по-видимому, у нас хорошо. Со временем он расслабился и потерял неуверенность в себе.

Известия о том, что не подтвердились наши надежды насчет закупок скульптур, очень жаль. Надеемся на другое светлое будущее!

В журнале Osteuropa появилась документация о Сидуре: тексты Гинзбурга, Юнны, Войны с комментариями. Как только получу экземпляры книги Пешлера, я тебе пошлю.

Сердечно обнимаем

Карл

Москва, 17 мая 1988 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Небольшой перерыв в нашей переписке из-за отъезда Беаты в Ялту сегодня кончается.

Пока все идет ничего, демократизация расширяется, но настоящей демократии пока нет. И неизвестно появится ли она после 19-й партконференции. Но зато – совершенно очевидные очень хорошие отношения с ФРГ. Всем нам, кто связан с вашей страной, это особенно приятно.

Поклонники Диминого искусства не утихают. Они пишут и пишут на самый верх. Некоторые начали получать ответы. В Институте радиоэлектроники получили так называемую телефонограмму. Чиновник из Московского горкома партии Музанов говорил с замдиректора института. Он сказал, что все за выставку Сидура, кроме МОСХа и Союза художников. Выставка будет открыта на общественных началах, как сообщили в Главном управлении культуры. Курирует этот вопрос третий секретарь РК Перовского района Трофимова. Будто бы они говорили со мной, но что я ни в какую не соглашалась на открытие выставки. Во всей этой сумбурной телефонограмме масса хитростей и бюрократических выкрутасов. МОСХ и Союз действительно, скорее всего, против. Но юридически они не могут запретить району открывать какие-либо выставки. Запретить может главк, но он, оказывается, не против. Со мной никогда ни разу не говорил ни один человек. И вообще абсурдное заявление, что я не хочу выставок Сидура. Я только и мечтаю об открытии выставки в Перове. Очевидно, это ас-

социации от разговора с Мишей, когда он отказался от предложения Трофимовой уезжать на улицу Аносова, т. к. она сказала, что никаких гарантий, что мы там останемся, нет. Зато теперь Трофимова может говорить: «Мы им предлагали, они отказались». Тем не менее борьба продолжается до какой-то степени сама собой. Мы с Мишей уже сейчас участвуем в ней по инерции. Мы готовы в любой момент уехать из Перова, но нас почему-то именно сейчас никто оттуда не выгоняет.

Наступает новое стихийное бедствие – ремонт в подвале. Я немного порадовалась, думая, что это произойдет не раньше 15 июля. Но вчера пришел прораб, неандерталец в галстучке, и начал мне полоскать мозги: «Здесь будем долбить, там долбить, все освободить...» и т. д. Я думаю, что если бы Дима был жив, его необходимо было бы уберечь от подобных контактов. В общем, поторговавшись, мы договорились все освободить в маленькой комнате, в следующей и в Мишиной к 1 июня.

С 5 по 12 мая у нас проходила маленькая выставка из 27 скульптур, графики с акварелями (с десятков) в редакции «Комсомольская правда». Журналист Андрей Амлинский уже написал, по-моему, очень хорошую статью. Он говорит, что она уже прошла по начальству и скоро выйдет в печать. Все-таки 18 миллионов тираж – это большая аудитория.

Меня посетили Рената с Алисой. Я очень рада была с ними увидеться.

Сергей Давыдов взял у меня для отливки в гальванопластике: «Нике после третьей мировой войны», № 264, и «Снятие с креста», № 279. А дедок, который должен был по бронзе отливать «Эйнштейна», захворал и никак не может справиться с работой, хотя уговаривал меня ужасно. Интуиция меня не подвела: не надо было мне давать ему «Эйнштейна» и, как он сам назвал, «авансик» в 200 рублей, не по годам ему это дело. Но он сильно меня уговаривал, и я согласилась. «Авансик» – бог с ним, но теперь думаю, как мне выручить гипсовую модель. Ведь он уверяет, что обязательно сделает. Еще подождем немного, а потом обязательно пошлем Мишу за моделью.

В этот раз не смогу послать вам тексты Юнны и Маркина. Постараюсь в следующий раз.

Вся моя команда во главе с Мишей сделали в Переделкино решетку над оврагом напротив нашей могилы. Я еще не видела, но говорят, что хорошо получилось.

Молодой чиновник из министерства культуры, Григорий Козлов, теперь работает замдиректора в Музее личных коллекций при Музее им. Пушкина. Хочет прийти в этот четверг со своими директором к нам в подвал.

Только что позвонил Джонатан Стил. Завтра они с женой придут в гости. С августа они приезжают надолго с младшим сыном, который будет учиться в советской школе.

Рената сказала, что у вас насчет Вены пока нет ясности. Это также, как у нас с подарками Горбачева Рейгану. Я даже думаю, что у нас уже ясность есть, что никаких подарков не будет. А с Веной, надеюсь, дело обстоит получше, особенно, если вам туда хочется. Мне звонила Андрея. Она будет со своей мамой в Москве с 4 июня. Она будет жить у Ренаты с Сашей, а ее мама – у Хорста. Она меня спросила, что мне нужно привезти, я сказала, что ничего не нужно. Но мне, конечно, нужны пустые кассеты. Позвоните ей, пожалуйста, и скажите, чтобы она привезла несколько штук.

Интересно поглядеть на «Штерн» и на книгу Пешлера. Представляю, какая у вас сейчас дикая жизнь, особенно с наплывом русских. А впереди еще Митюшка и Бродские. Но с Бродскими вам будет очень легко, знаю это по собственному опыту. Кажется, на сегодня все. Крепко вас обнимаю. Всем привет.

Юля

Москва, 29 мая 1988 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Пишу вам в день приезда Рейгана в Москву. Если даже не будет быстрых положительных результатов от этой встречи, все равно хорошо, что они приехали, он и его супруга. Я не успела написать вам на той неделе, поэтому событий накопилось чрезвычайно много. Самое тяжелое – это разруха в подвале. Несмотря на то, что можно себе представить весь этот кошмар умозрительно, наяву все в тысячу раз хуже. Нам с Мишей повезло, что есть близкие люди, которые нам помогают, т. к. без них подобное было бы просто невозможно. А у нас власть, как известно, ничего никогда не делает, хотя это не наш ремонт, а ее. Мы могли бы жить в подвальной грязи и в протечках еще

тридцать лет, т. к. в подземной романтической атмосфере была своя прелесть и Димин великий дух. Участвуют в подготовке к ремонту семь человек, все друзья. Недрузья ничего подобного сделать бы не могли. Тот тяжкий физический труд, который ребята вынуждены вкладывать в работу, не мог бы быть осуществлен людьми равнодушными и чуждыми. Тем не менее даже мы при всей осторожности поломали еще две керамических скульптуры. И я только мечтаю о литейщиках, но они ко мне не бегут, поскольку они так же дефицитны в нашей стране, как, например, в данный момент сахар, скупленный самогонщиками. Работают ежедневно: Юрочка, Вовка, Наталья, Олег, по вечерам почти ежедневно приезжают после работы Вова Бродский и Романыч. Миша оглашенно ездит по Москве и решает различные административные вопросы. Я со своими слабыми силами хожу среди подвальной разрухи и нервничаю, а все меня только утешают. Новые трубы должны пройти по всему периметру подвала, это водопровод и отопление. Сюда не входит замена ужасающей и угрожающей ржавой сантехники, т. к. мы «учреждение», а не квартира. Они не обязаны заменять нам ветхие до невозможности трубы в туалете и предбаннике, хотя их вот-вот прорвет. Если хотим, можем делать это за свой счет. Они не обязаны также чинить полы. Вы помните наши шаткие полы в маленькой комнате, когда все скульптуры падали со столов от нормальной походки. «Боюсь, они вас обдерут», – сказала мне начальница ДЭЗа, когда я сказала ей, что заодно надо бы и полы поправить, хотя бы частично. Что же касается полов в следующей комнате и в Мишиной крайней – там вообще ужас. Цементный пол провалился сантиметров на 60 и надо быть очень осторожным, чтобы не поломать себе ноги. Кроме того, обнаружилось, когда мы сняли полки, что стена в Натальиной комнатке, смежной с Мишиной, выдала огромную трещину и скоро завалится. Поправлять ее бессмысленно. Мы уже неделю выбрасываем Димино добро: материалы в дереве и в металле. Мы даже выбрасываем глину, в том числе драгоценную шамотную. Нелыханное дело, чтобы скульптор выбросил глину! Но у нас нет выхода. Если мы не выбросим горы Диминого добра, мы погубим его творения. Мы можем оставить только как реликвии канализационные детали и очень хорошие доски. Тоже хорошие доски, но чуть похуже, мы вынуждены выбрасывать.

Та же участь ожидает камни: мрамор, гранит, а также замечательные бревна, с такой любовью Димой ошкуренные и приготовленные для работы. Единственно утешает, что не все пропадает. Возле мусорника нас все время поджидают какие-то люди они быстро утаскивают к себе что получше. Кому-то это принесет пользу, а не будет сожжено на свалках, как об этом все время пишут. То, что происходит сейчас в подвале — это катастрофа, которую нужно мужественно перенести, ибо меня постоянно охватывает отчаяние. Иногда мне хочется лечь и умереть. Я не вижу ни конца, ни краю этому ремонту, а вижу только дальнейшие немыслимые трудности. Мне даже приходит в голову кощунственная мысль: «Дима вовремя умер, он никогда не перенес бы этого ремонта!».

Я получила от вас материалы из «Остоеропа», а вам посылаю гранки статьи Андрея Амлинского для «Комсомольской правды». Он говорит, что его статья обязательно пойдет, но в сокращенном виде из-за нехватки места. Нам всем кажется, что он написал замечательную статью. Олеся Фокина закончила сценарий. Он понравился необыкновенно на режиссерских курсах. Он единственный из всех остальных был рекомендован для публикации в специальном киноальманахе. Олеся использовала Димин «Миф» очень удачно, а также его письма, начиная с фронта, и позже. Способная девка! Теперь речь идет о постановке фильма, но я чувствую, что это произойдет еще весьма нескоро.

Ю.П. Маркин отдал материал в «Декоративное искусство». Завтра он подъедет ко мне за фотографиями. Я не посылаю вам его текста и Юнниного про «Группу товарищей» только потому, что еще не готовы их ксероксы. С Марком Харитоновым успели пообщаться только по телефону. Он очень доволен поездкой, передал мне массу приветов, но мы пока не виделись.

Насчет подарков Рейгану для меня ничего удивительного не произошло. Не знаю, чья это была инициатива, но пока Зайцев ведает культурой в ЦК, Сидура на этом уровне будут так же отпихивать мертвого, как и живого. Сейчас существует тенденция отдать все выставочные московские залы под начало МОСХа. То есть лишить районы какой-либо самостоятельности. МОСХ будет контролировать всю выставочную деятельность в Москве и «спускать выставки художников по

плану», то есть существует большое желание вернуться к застойным временам. Руководит всем этим мой сосед Никонов, представитель новой мафии в официальном искусстве. Он теперь член правления и зам. Савостюка. Тем не менее какая-то странная тенденция. Нашего Мишу почему-то приглашают на какие-то идиотские совещания в МОСХе вместе с другими директорами выставочных залов, хотя нет статуса зала, нет должности директора, нет ставок. Это инициатива главка. Почему-то из враждебного (Григорьева) главк стал благосклонным. Опять же другая дама из главка, заведующая кадрами, привела к Мише в Перово в маленькую комнатку, где собраны Димины вещи, около сорока заведующих районными отделами культуры. Мне не совсем понятно, что происходит в бюрократических коридорах наших чиновников по культуре, но Миша очень успешно «делился опытом» к большому удовольствию тов. Кулешовой и нашей Марты. Миша был на приеме у замминистра Казенина, который сказал, что будет разбираться с вопросом о нашей выставке и все время спрашивал, что думает МОСХ. Когда Миша сказал, что МОСХ ничего хорошего не думает, он сказал: «Как же так, они должны Сидуром заняться. Чего же это они?».

Митя едет в ФРГ 31 мая. Обрато будет в первой половине июля.

Очень прошу вас прислать лекарства для Тамары, она, бедняга, опять мучается с обострением.

При случае пришлю кассету с интереснейшей конференцией, где писатели выступают совместно с историками.

Мне очень нужны пустые кассеты – как видео, так и аудио.

Книги отзывов с маленькими выставочками в ИОНе и в «Комсомольской правде» посылали в прошлый раз.

Вышел материал про Диму в АПН на польском языке. Очень много цветных фотографий Эдика. Два разворота и «Автопортрет» (лопата) на последней обложке.

В Алабино Миша закончил ремонт. Говорит, что там все очень хорошо, но я еще не видела. Без Димы у меня почти никакого желания нет там находиться. Я даже любопытства особого не испытываю, как там теперь все выглядит. Мишкина Ирка поедет туда в начале июня. А я, может быть, съезжу за лето разок из любопытства, но ненадолго, тем более что ремонт в подвале не даст такой возможности все равно.

Марк Ляховецкий приходил со своим приятелем, бывшим диссидентом-отказником Кимом Фридманом из Киева. В августе он собирается уезжать в Израиль и хочет там ставить Диминову скульптуру. Я сказала, что не возражаю, хотя понимаю – все это фантазии. Не удивляйтесь, если он вам позвонит. Мужик симпатичный.

Карлуша, русский шрифт в твоём компьютере замечателен, письмо написано прекрасно!

Дорогие мои, я хочу вернуться к идее перевода Диминого фильма «Памятник совр. сост.» на видео в профессиональном качестве. Чем дальше, тем больше я убеждаюсь в этой необходимости. Сейчас этот фильм смотрят профессионалы, они в полном восторге. Хорошее качество необходимо для работы!

В «Огоньке» № 22, 1988 г. есть упоминание о Диме в письме некой Ерофеевой.

За последнее время у меня состоялось два важных визита. Один накануне ремонта в мастерской, а другой дома. Кристианс, Аксель Лебан, Эгмонт Ритих и, разумеется, Андрея были у нас дома 25 мая. По-моему, этот прием прошел хорошо. Кристианс не уходил с 19.30 до 23.30, хотя Андрея сказала, что он ложится спать в половине десятого. Этот милый банкир рассказывал, как он любит Россию, как хорошо относится к Вадиму Сидуру и вообще много произносил дружелюбных речей. Он сказал, что помогал устанавливать «Взывающего», но тут Андрея деликатно возразила, что Удо ван Метерен сделал это один. Я сказала, что «Дойче банк» помогал выпускать каталог, и я за это его благодарю. В итоге я подарила ему маленькую бронзу, надгробие Игорю Тамму. По-моему, он хотел что-то покупать, но обстановка была такая, что не соответствовала торговле в данный момент, а подарок выглядел, как очень дружеский и красивый жест. Для купли-продажи было слишком много народу: Татьяна, Рита Бродская, Олеся Фокина, а потом еще народу понабежало. Г-н Кристианс тут же под влиянием Андрея пообещал поговорить с нашим министром культуры. Он решил сказать ему следующее: «Вот, приехал я в Москву, хотел выставку Сидура посмотреть, а ее нет!». Я поняла, что это невероятный подвиг для г-на Кристианса, хотя и не уверена, что он его совершит. Но думаю, на будущее он может быть в чем-нибудь и поможет. Хотя эти миллиардеры не больно-то щедрые. Когда-то он купил у Димы бронзовое

надгробие Габаю и, поторговавшись, как чрезвычайно бедный человек, был доволен, что Дима скостил ему 300 рублей. Он с гордостью сказал: «Я выиграл две средних месячных зарплаты советского человека!». Мы поняли с Димой тогда, в чем состоят маленькие радости миллиардеров. Сейчас, я думаю, он тоже не прогадал – хотел купить маленькое надгробие Тамму. Я вижу, он его руками хватает, куда же денешься, надо дарить! Он уже собирался совсем было уходить, а после подарка счел это невежливым и решил остаться еще чайку попить. У меня сложилось впечатление, что Аксель Лебан чрезвычайно умен и влиятелен. Хотелось мне еще каждому подарить по Диминому рисуночку, но слишком много было народу, не та обстановка.

И еще состоялся один невероятно, на мой взгляд, важный визит, если, конечно, из этого выйдет что-нибудь путное. Перед самым разгромом в мастерской меня посетили три человека: директор Музея личных коллекций Длугач, замдиректор Козлов и научный сотрудник Трифонова. Дело в том, что сейчас при им. Музее Пушкина под руководством Антоновой отвоевано здание, принадлежавшее ранее Автоэкспорту. В этом здании собирались расположить 2300 работ, собранных скончавшимся на днях пушкинистом Зильберштейном. Эти люди начали говорить, что Сидур – это художник мирового уровня, классик и т. д., советское искусство без него немыслимо. Правительство подписало Музею Пушкина какой-то очень большой бюджет на расширение зданий и приобретение произведений. Теперь им принадлежит территория вокруг Пушкинского музея почти до самого Кремля со всеми находящимися на этой территории домиками и особнячками. Строить этот музейный комплекс будут поляки, а оформлять финны. Это будет Музей частных коллекций, в котором будут находиться экспонаты с конца XIX века до наших дней. В основном это, конечно, будут подарки, т. к. денег чрезвычайно мало. А если они и будут платить, то их цены ни в коем случае не смогут соответствовать мировому уровню. Они считают, что музей уже начнет функционировать через год-полтора. Ко мне они пришли с конкретным предложением – они выделяют под Сидура два зала в этом музее. Я спросила, сколько это метров. Они сказали, что во всяком случае побольше нашего подвала. А в дальнейшем, когда будут освоены домики и особнячки на терри-

тории прилегающей, то можно будет выделить Сидура и в отдельное здание. Условия их юридические таковы: у них нет запасников, поэтому все обязательно находится в постоянной экспозиции. Это оговорено в контракте. Самым привлекательным во всем этом мне показались два зала и постоянная экспозиция. Речь шла о ста работах примерно, если место будет большее, чем сто метров. В общем, мне понравилась эта идея. Миша пришел позже. Он сказал, что надо подумать. Ну это вполне выполнимо, у нас минимум год на размышления. Речь шла, в принципе, о согласии участвовать. Ну и, конечно, все надеются получить побольше и задаром. Советская власть привыкла или пренебрегать, или насильно хапать, или подарки получать. Но в данном случае для памяти художника тоже неплохо. Музей Пушкина – это один из лучших музеев мира. Попасть в него и полезно, и почетно даже задаром. В общем-то, это мечта почти каждого художника – попасть в музей столь высокого уровня и престижа. Что касается отбора работ в смысле цензуры, они сказали, что у них существует экспертный совет, который достаточно прогрессивен, но в нем верховодит директор Антонова. Она воспринимает все на эстетическом уровне, но не допускает эротики. Это единственный момент, где она что-то может отвергнуть. Так было с выставкой графики Дали. Тем не менее то, что осталось, все равно было очень сексуально.

Честно вам скажу, меня все это очень привлекло, особенно два зала и постоянная экспозиция, юридически закрепленные в условиях. Я бы пристроила сто Диминых работ в хорошее место. И тут же Перово, за которое мы так долго и безуспешно боремся, сильно для меня поблекло. Другое дело Миша, он считает, что быть хозяевами в своем музее лучше, чем иметь два зала в чужом, где (он советской власти не верит), во-первых, работы отдаются бесплатно, и с ними могут делать все, что хотят. Он не верит, что будет соблюдаться правило о постоянной экспозиции. В то же время музей Вадима Сидура на окраине неизбежно станет центром, куда люди будут идти не меньше, чем в центре города. К тому же Миша мыслит Димин музей лишь как главное место районного культурного центра, где мы будем хозяевами, а не кто-то чужой, где будут работать наши ребята, где будут проводиться вечера по литературе и поэзии, показываться фильмы, а если отвоюем пер-

вый этаж у «Цветов», то [будет] и учебное место со зрительным залом, кружками по истории искусства и т. д. Миша, разумеется, будет директором. В общем, мы поладили на том, что инерция пробивания Перова остается, а Пушкинский музей никуда не денется. Отказываться от него не надо. Тем более что работ очень много, вместе с пятидесятью годами, а уж если брать графику и живопись, то совсем много. Сейчас в Перово находится около 80-ти скульптур. По количеству это было очень много. Если даже в Музей Пушкина уйдет из подвала сто работ и в Перово сто, то в подвале останется еще триста одних только скульптур. В общем, работ так много, что можно будет открывать «Сидуровские места в Москве». Это, конечно, шутка, но время идет, и мы не знаем, что будет дальше, потому что каждый день приносит новости. Давно я вам не писала таких больших писем, дорогие мои. Но слишком много накопилось информации.

Крепко вас обнимаю, всем привет.

Юля

Москва, 7 июня 1988 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Час тому назад позвонила Дорис. Она сказала, что у вас очень плохая погода, тринадцать градусов и дождь. В это верится с трудом, потому что у нас жара стоит несусветная. Завтра обещают 35 градусов. Дорис очень огорчила сообщением о том, что Володя Войнович лежит с сердечным приступом в больнице и ему на днях будут делать операцию на сердце.

Ужасающая разруха в мастерской продолжается. Вздрыбленные полы, пробитые дыры в стенах и отвратительные новые трубы, которые тут же свариваются. Обнаженные прогнившие углы. Все великие Димины произведения собраны в кучу посреди мастерской. Если бы не ребята: Юра, Наташа, Вовка, Олег, Романыч и Вова Бродский, никогда нам с Мишей не осилить бы этого бедствия. Какое огромное количество добра мы вынуждены были выкинуть! Сколько металла, отличного дерева, ошкуренного и готового для работы, каменных блоков, глины и прочих драгоценностей ушло на помойку! Только сегодня работяги за два пол-литра вытащили четыре

мраморных и гранитных блока. Между Натальиной и Мишиной комнатой рухнула стена. Таким образом, получился еще один, довольно большой зал. Если эта наша катастрофа в итоге кончится, то мы планируем сделать в этом заднем зале экспозицию из скульптур 50-х годов. Пока что у нас минимальные потери: слегка побили три керамики. [...]

2 июня в Институте проблем управления, где работают Димины поклонники-ученые, состоялся вечер, где было выставлено девять Диминых скульптур: «Инвалид», «Пог. от любви», «Пог. от бомб», «Взывающий», «Пог. от насилия», «Оставшимся без погребения», «Пулеметчик», «Ева» («Женское начало»), «Мадонна с ребенком» («Женское начало»). Миша вел этот вечер. Сначала он рассказал Диминову биографию, потом показал слайд-фильм, сделанный ребятами из ИПУ. В итоге Миша будет говорить хорошо, но пока он делает много ошибок во всем: в Диминой биографии, в названии работ и в их интерпретации. Хотя мы с ним готовились к этому вечеру, он сильно волновался. Но я думаю, что в итоге он будет говорить хорошо и правильно. На бытовом и простом уровне все будет нормально. Но по существу Диминого творчества, я уверена, что на это способен только один человек в мире – это Карл Аймермахер. Хотя Марк Харитонов и искусствовед Маркин тоже неплохо понимают. Харитонova ты знаешь, а Маркин – это первый русский искусствовед в моей жизни, который понимает, чувствует, а главное – может написать. Сейчас ему еще заказали статью о выставке «Мир и война глазами художников», и я даже подарила ему каталог на немецком языке. Кроме того, ему заказали статью о Сидуре в издательстве «Советский художник» в какой-то сборник, где будет несколько скульпторов, включая Неизвестного. Я знаю, что туда войдут, кроме Димы и Неизвестного, еще Берлин и какой-то Евдокимов, о котором я слышу впервые. Кстати, скульптор Клыкков – это апологет русофильства. По-моему, того, что в нем есть, гораздо меньше того, чего в нем нет. Он всякий лауреат и теперь в связи со Свято-Даниловским монастырем должен делать там церковные врата. Он старательно копирует старое. То, что это копирование и ничего другого – слишком очевидно.

Поразительно интересна сейчас наша пресса. Я надеюсь, что ты находишь время читать то, что я очень тщательно читаю, отбираю и тебе посылаю. Нельзя сказать, что это абсо-

лютно свободная пресса. Но, по-моему, никогда еще в истории укрепившейся советской власти не было ничего подобного. Время целиком уходит на чтение интереснейшей публицистики. Изголодавшаяся публика поглощает информацию, как необходимую пищу для дальнейшего существования организма. Причем читают все: сторонники перестройки и ее противники. Кроме того, постоянно идет художественная проза в толстых журналах, тоже интересная, хотя она и уступает публицистике, за исключением наших великих гениев: Платонова, Гроссмана, Пастернака, Набокова и следующих помоложе. Естественно, в первый ряд входят также Ахматова, Цветаева, Зощенко и другие. Но публика так или иначе знакома с великими – чуть больше, чуть меньше. А публицистика – это каждодневное явление, которое забывает и потрясает своей повседневной реальностью, к которой причастен как бы каждый, и от этого испытываешь совершенно особый эффект ощущения сопричастности. Возможно, в нормальных условиях, если пресса действительно станет свободной, это войдет в какие-то рамки, и не будет оказывать столь сильнейшего значения, тогда искусство вновь займет свое главенствующее вечное место.

Я очень советую читать все вырезки, которые я посылаю (к сожалению, у меня нет физической возможности их комментировать), обязательно читайте также журнал «Огонёк» и, конечно, «Московские новости». Кстати, сейчас «МН» выходит также и на немецком языке. Безобразие, что до сих пор глушат «Немецкую волну», единственную в Европе! Я считаю, что ваше правительство должно заявить протест по этому поводу. «Немецкая волна» ничем не хуже Би-би-си и «Голоса Америки».

Сейчас по Москве усиленно курсируют слухи о еврейских погромах. Анонимные фашисты рассылают их по редакциям с приложением «черного списка», где указаны те лица, кого надо уничтожить в первую очередь. В Малаховке на столбах, где обычно народ вешает объявления об обмене квартирами, висел такой текст: «Евреи распустились, пора принимать меры». Уже некоторые владельцы дач якобы боятся сдавать дачи евреям. Эти слухи усиливаются еще и в связи с тысячелетием крещения Руси. В общем, погромщики, всегда готовые примкнуть, ждут своего часа. Но существенная разница в том, что теперь наша высшая власть не на их стороне, а раньше было

наоборот. За это погромщики, как говорят, включают их в свои черные списки. Черносотенцы призывают к «партизанской войне». Скорее всего, во всяком случае хочется на это надеяться, реально они не столь сильны и организованны, да и, возможно, не столь популярны. Многие помнят «борьбу с космополитизмом» и «врачей-отравителей». Но одного они добились – пока в нашей стране нет стабильной крепкой демократии, многие боятся, а некоторые даже впадают в панику.

По американскому 5-му (у меня) каналу смотрела без звука выступление Рейгана в ЦДЛ. Видела знакомых: Ф. Кузнецова, Ефремова, Табакова, Розова, Евтушенко, Бакланова. Рейган сумел очень обаять нашу публику, его супруга тоже. Во весь экран было, почему-то, всего три женщины.

Урсула должна переслать тебе кассету, где записана встреча писателей и историков, где присутствует Яковлев, а также завотделом культуры Воронов и кто-то еще. Очень интересно, а тебе для культурной политики просто необходимо. Также она пришлет кое-какие вырезки из газет.

Завтра должна меня посетить болгарская искусствоведка по имени Весела. Она прочла статью в «Народной культуре» у себя в Болгарии и знакома с искусствоведкой из журнала «Декоративное искусство», которая эту статью написала.

Ю.П. Маркин получил, кажется, согласие на монографию о Диме на четыре печатных листа (около 100 страниц) с большим количеством фотографий. Он также делает материал о Лембруке и немецких скульпторах начала века. Мечтает ради этого съездить по возможности в ФРГ. Из Западного Берлина должен приехать его знакомый искусствовед в июле, и он просил меня показать ему хотя бы то, что есть дома, из-за невозможности посетить мастерскую.

По Москве ходит книга Эрика Пешлера о советском искусстве. Эдик видел и говорит, что в «Штерне» все выглядит значительно лучше. Он просил, если это возможно, купить ему пленку «Кодак» за те две или три фотографии, которые напечатаны у Пешлера, потому что якобы другие фотографы что-то получили. Я сказала, что не могу ему этого обещать, хотя спрошу у Карла. [...]

У Виталия Пацюкова в новом Дворце молодежи на Фрунзенской улице 3-го числа открылась огромная выставка под названием «Лабиринт». Самыми старыми были Берлин с одной живописью и старой скульптурой «Евой», а также Сле-

пышев. Он смотрелся наиболее классично. Видела тех, кто сейчас считается лучшими из молодых: Ройтер, Дыбский, Филатов. Пригов там был со своими газетами, на которых латинским шрифтом написано Glasnost. Видела скульптуры Орлова, в них действительно что-то есть. Пацюков хорошо сделал экспозицию. Мне, пожалуй, в первый раз понравилась экспозиция выставки современных художников. Но произошел неожиданный инцидент. В шесть вечера все проходили свободно, а в семь почему-то выставку закрыли. Во-первых, там под зданием, обволакивающим со всех сторон станцию метро «Фрунзенская», загорелся мусор и начался небольшой пожар, который, к счастью, был довольно быстро устранен. Но уже иностранцев пускать перестали. Во-вторых, как сказал на другой день Слепышев, приехала специальная комиссия из МГК, увидела забавную картину, где на четырех треугольниках торчало по одной реалистической голове Горбачева, а также увидела эта комиссия много обнаженных, и выставку закрыли. Теперь не знаю, что с этой выставкой будет дальше.

Говорят, что у Олега Киселева успех с новым спектаклем «Глюки». Завтра состоится премьера в парковом театре в центре «Эрмитаж». Говорят, что интересно, но мы с ним теперь не дружим (мне пришлось выбрать между ним и Мишей, и я выбрала Мишу, потому что Мишу может хватить инфаркт, если я буду с Киселевым в нормальных отношениях). В среду будет повторение его спектакля «Контакт-шоу» по ТВ, но на этот раз уже по первой программе. [...]

И последняя тема. В нашем Перовском районе опять идет какая-то шурня уговаривают нас ехать на Аносова, 3, где обещают музей, культурный центр и что угодно, лишь бы мы согласились, а также 300 метров площади. Миша сказал, пусть оформляют официально и с письменными гарантиями, иначе мы не согласны, чтобы не было так же, как на Новогиреевской. Марта говорила с Трофимовой и та, вроде бы, согласна дать письменные заверения: Миша будет в любом случае заведовать, если не залом, то филиалом Музея Сидура, и еще четырех человек берут на постоянную работу: Юру, Наталью, Олега и Надежду Васильевну. Мы партийным не верим и без гарантий никуда не поедем. Трофимова сказала: «На Аносова нельзя делать выставочный зал, туда никто не поедет. А на Сидура в любое место пойдут».

1 июня в моей квартире был просмотрный кинозал. Марина Тарковская, сестра Андрея, попросилась посмотреть кассету с фильмом Тарковского «Жертвоприношение» и второй – документальный фильм о том, как делался этот фильм Тарковского в Швеции. Фильм очень хороший, но не оставляло чувство, что это шведский фильм. Такое впечатление, что мы посмотрели один из фильмов Бергмана. Зрелище утомительное. Смотрело шестнадцать человек. Муж Марины читал перевод, поэтому с текстом все было в порядке. Марина – подруга Марка Харитонов. Она хотела еще посмотреть «Ностальгию», главным образом, для какого-то Куницына, бывшего работника ЦК, т. к. он писал о Тарковском статью. Но Миша забрал на несколько дней видео, а Марине это надо было срочно, поэтому пришлось ей посмотреть где-то в другом месте. Когда-то мы пытались посмотреть «Ностальгию» у Миши дома. Но копия была чудовищно плоха, и мы не выдержали не только из-за качества, но еще и из-за того, что нам всем не очень понравился сам фильм. Такие фильмы должны быть очень хорошего качества, потому что слишком большое значение играют нюансы, мелкие детали, а они в плохом качестве начисто пропадают.

Послезавтра утром встречаюсь с Андреей и ее мамой. Буду вручать ей «Медаль им. Карла Аймермахера» за большие заслуги перед советским художником Вадимом Сидуром.

Меня начинает одолевать желание написать новое сочинение под названием «Белых стен свет» (это из Диминого стихотворения), но я не знаю, когда смогу взяться за его осуществление. Крепко вас обнимаю. Скучаю. Если увидите Митюшку, привет ему. Надеюсь на ваши письма до конца мая. [...]

Всем привет.

Юля

Москва, 13 июня 1988 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

[...] Вчера были в гостях у Бродских: Андрея с мамой, Саша с Ренатой и мы с Мишей. Все было очень хорошо. Алиса, конечно, тоже была с нами. Встретились специально в пять часов, чтобы Алиса могла вовремя лечь спать. Ели всякую вкус-

ную еду и говорили о том, как Вова и Рита поедут в вашу замечательную страну.

Вышла «Комсомольская правда» со статьей Андрея Амлинского 8 июня. Несмотря на то что статья была подвергнута цензуре, она все равно очень хорошая и восемнадцать миллионов читателей смогли прочесть о том, как искусство Вадима Сидура неуклонно освобождается из плена времени. 10 июня в той же газете в рубрике «Ав-то-ра!» уже было написано, что редакция получила много телефонных звонков от возмущенных читателей, которые требовали создания музея Сидура. Таким образом, редакция «Комсомольской правды» берет наше дело «под контроль», мы уже автоматически становимся их подопечными. В газете от 10 июня написано также, что «Комсомолка» открывает новый проект «Дар» под эгидой «Клуба социальных инициатив» для раскрытия талантов и помощи им. У них уже есть свой счет. И первым мероприятием будет именно создание музея Сидура. Я посылаю вам с Андреей «Комсомолку» от 8 июня, там же масса других вырезок из газет, буклет «Кадр», в котором говорится о фильме «Группа товарищей» и тексты Юнны и Маркина, предназначенные для публикаций в журналах «Искусство кино» и «Декоративное искусство». По-моему, оба текста замечательные.

В подвале царит ставший привычным кошмар. Трубы уже сварили, теперь должны перейти к отоплению. Я уверена, что вы успеете полюбоваться этим жутким зрелищем во время приезда в Москву. Тот Димин подвал, который существовал тридцать лет, ушел навсегда. Такого подвала больше не будет. После ремонта все будет по-другому. И ничего не поделаешь – в этом неизбежность течения жизни: прошло два года после Диминой смерти, а уж все другое: из-за перестановки другая квартира, другое Алабино, другой подвал. В Переделкино мы тоже постарались укрепить склон над оврагом, поставив решетку над склоном и, таким образом, несколько расширив территорию для обзора. Самое интересное, что на нашу могилу ходят неизвестные люди и оставляют там цветы.

В связи со статьей в «Комсомольской правде» зашевелились функционеры в горкоме партии и в главке. В день появления статьи мы собирались у меня дома после подвала, а Миша еще привез Марту, которая всей душой хочет откры-

вать наш музей в Перове и даже немного ревнует к Пушкинскому музею. Долго уговаривала Мишу не соглашаться, т. к. «они», по ее мнению, обязательно обманут. «Вещи ваши заберут задаром, а потом будут с ними делать, что хотят. А вы там не хозяева!» Подобные опасения высказывают очень многие люди, привыкшие к негативному опыту общения с советской властью. Поэтому Марта и Трофимова предлагают 300 метров на ул. Аносова (два зала), и чтобы мы там делали, что хотели, любой культурный центр! Однако не тут-то было. Главк рассердился не на шутку. Трофимова пообещала дать гарантии для постоянной экспозиции на Аносова, где будет филиал районного выставочного зала, расположенного на Новогиревской. Ее аргумент: «На Сидура куда угодно поедут, а на других не пойдут, если это будет далеко от метро». Улица Аносова расположена территориально ближе к центру, но от метро «Шоссе энтузиастов» нужно еще проехать минут пять на автобусе. Но автобусов, оказывается, несколько, а не один, как раньше информировал Миша, никогда не пользующийся городским транспортом. Итак, главк, поставленный Мартой в известность о том, что район собирается устраивать постоянную экспозицию Сидура на улице Аносова, выдал «возбужденную реакцию» в лице сотрудницы Кирюшовой и позднее небезызвестной Григорьевой, той самой, которая еще в 1985 году запретила упоминание имени Сидура на фотографической выставке Эдика на Малой Грузинской. Они говорили, что если район будет своевольничать и «партизанить», то их ждут суровые последствия. «Постоянная экспозиция – это значит музей! Решение о музее принимается Верховным Советом! У нас нет музея Фаворского, его давили, его травили!» – «Вы и давили, – сказала Марта, – вы и травили. Кто вам мешает делать музей Фаворского? Делайте! А мы в районе хотим сделать постоянную экспозицию Сидура». На что Кирюшова сказала, что Трофимову и Марту за такое поведение снимут с работы. Марта не испугалась. Дело в том, что горком, затюканный вопросами, связанными с выставкой Сидура, тоже обращается в райком за ответом, и в итоге какое-то решение, в любом случае, будет принято, т. к. надо давать ответы газетам и журналам: «Коммунист», «Литературная газета», «Комсомольская правда». К тому же отдельные граждане, получившие отписки вместо ответов, тоже не унимаются.

Вообще, перестройка движется полным ходом, что, в принципе, необыкновенно приятно, хотя пока еще нет ни настоящей гласности, ни настоящей демократии. Но даже то, что есть, заслуживает уважения и поддержки. Наше высшее руководство, несмотря на отчаянное сопротивление бюрократов, как высокопоставленных, так и средних и мелких, упорно гнет свою линию. Насколько это возможно, старается обходиться без насилия. Близок час, когда уже окончательно осудят не только таких чудовищ, как Сталина, Берия и прочих палачей, но заговорят, наконец, и о системе, порождающей подобных нелюдей. Эта кровавая утопия не русская, а общечеловеческая: Гитлер, Сталин, Иди Амин, Каддафи, Пол Пот – всё это одна шайка. Сюда же входят Мао Цзэдун и Ким Ир Сен. И обо всем этом уже написал Платонов до Орруэла. Когда мы с Димой прочли «Чевенгур», Дима сказал: «Теперь я понял, что такое Кампучия с красными кхмерами. Они убивали людей не оружием, а садовыми тяпками не из-за жестокости, а потому что берегли патроны. Зато чевенгурские коммунисты не жалели патронов, убивая буржуев и простреливая им горло, т. к. они считали, что именно в горле у буржуев находится главное – душа, которую необходимо уничтожить». Надеюсь, что скоро доберутся и до Ленина с его «революционным насилием» и разгоном «говорильни» – Учредительного собрания, первого русского послереволюционного парламента. Наверное, это произойдет еще не скоро, но теперь я уже верю, что произойдет обязательно.

Тысячелетие крещения Руси справляется пышно и уважительно. Высшее духовенство с суровыми начальственными лицами восседает рядом с Громыко и говорит так же, как он, тот же стиль, те же слова, но в отличие от Громыко они говорят, хоть и казенно, но гладко. А Громыко говорит с маразматическими интонациями. Не вижу я в этих церковниках ни веры, ни всепрощения, ни божьей благодати. А вижу существующую рядом с коммунистической недобрую немилосердную церковную партию. Но показали по ТВ женский монастырь, и там есть то, что должно быть в церкви – добро. Во всех остальных передачах на эту тему – одна театральная показуха. И только великое религиозное искусство: иконы и музыка напоминают, что когда-то во времена Андрея Рублева православная церковь была не только государственным учреждением, авторитарным и бюрократическим.

Еще одно интересное явление – наряду с антисемитскими листовками «Памяти» существуют и некоторые внешние проявления свобод, записанных в нашей Конституции. Ничего подобного никогда раньше не было. Позавчера, возвращаясь из ВТО (Всесоюзное театральное общество) на улице Горького, куда меня пригласил режиссер фильма о слепоглухонемых Альгис Арлаускас на свой творческий вечер, мы с Беатой остановились на площади Пушкина. И вот тут я, наконец, увидела что-то ранее не существовавшее на моей родине – многочисленные кружки беседующих людей. Мы подходили от одного кружка к другому и везде люди говорили в буквальном смысле слова обо всем. Милиции в форме практически не было видно, но кагэбистов в штатском было много, хотя они никому ни в чем не мешали. Я видела подобные группы скапливающихся людей в 1957 году. Тогда советские люди впервые увидели живых иностранцев, приехавших на Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Эти иностранцы тогда казались яркими бабочками по сравнению с нашей в основном серо-черной, плохо одетой массой. Но советские люди были любопытны, в основном они задавали иностранцам вопросы. Иностранцы были коммунистами или прокоммунистами, все они как один хвалили Советский Союз, и было приятно, что нас хвалят. Теперь совсем другая картина. Советские люди как какие-нибудь иностранцы открывают друг друга. Такое ощущение, что народ не знает никого, кроме себя отдельного. Это удивительно в стране господствующего уже 70 лет официального коллективизма. Люди жаждут говорить друг с другом, они жаждут контакта. Никому не нужна логика, никто не желает познать истину, но каждый хочет высказаться. На площади были русские, азиаты, армяне, евреи, антисемиты, кто-то еще. Мне сказали, что представитель общества «Память» уже ушел. Он говорил о необходимости национализма. Но почти каждый разговор сводился к тому, что в глубинке жрать нечего. Были сталинисты и перестройщики. Это было необыкновенно интересно.

«Почему иногда бывает такой всплеск ненависти к евреям?» – спрашивал один русский человек. «Потому что они не работают в колхозах», – отвечала ему русская женщина. «А в колхозах сейчас никто не работает», – вступает в разговор кто-то третий. Далее разговор становится беспорядочным. Говорят все

подряд, вернее, отпускают отдельные реплики: «Евреи, они маляры бывают, штукатуры. В литейке они работают». – «Но почему их считают виноватыми?» – допытывался все тот же человек. «Почему виноватые? Просто они смысленные очень, – простодушно отвечала его собеседница. – А кого вы во всем вините?» – «Себя», – сказал мужчина. «Вот, почитайте в “Дружбе народов” Рапопорта», – вступилась еще одна полная дама. «А зачем мне это читать?» – «Как это зачем! Надо это знать!». Молодой парень без ноги, чистенький, пьяненький, симпатичный: «А вот у нас в деревне под Ярославлем совсем ничего нет. Никаких продуктов!» – «Так и здесь колбаса по десять рублей кило и больше». – «Но у вас другая колбаса есть, а у нас никакой. Вот я инвалид, у меня одна нога. Бегал я, прыгал по молодости лет». – «Допрыгался!» – «Ага, допрыгался». – «Не насмехайся над ним. У него одна нога, а у тебя две». – «Но ему сервилату надо». – «А тебе сервилату не надо? Может, он хочет какой вареной колбасы поесть». – «Я за Сталина кровь проливал. И все за Сталина были. Да что бы с вами было без Ленина, без Сталина! А вон религия как пошла. Когда такое было?» – это еще один поддатый человек. «Но какой ценой все доставалось при Сталине, сколько людей погублено!» – «А я не верю! Не верю и все! Он не знал, его обманывали!» – «Что же он тридцать лет у власти был и все не знал!» – «Конечно, не знал!» – «Какая сейчас преступность, какая коррупция, ужас!» – «А вы думаете, что при Сталине преступности не было!» – «Чаю нет. Совсем нет чая!» – «При Сталине порядок был!» – «При Сталине голод был!» – «В сорок седьмом году голод везде был». – «Конечно, после войны!» – «А в Москве все было!» – «Но это только в Москве!».

Сотни людей вели подобные разговоры. И над всеми этими разговорами витала огромная потребность в общении. Люди перескакивали с одной темы на другую и страстно спешили высказаться о политике, об экономике, о национальном вопросе.

Одновременно имеются черносотенные тенденции на ТВ. 7 июня показали документальный фильм Олега Уралова, одного из начальников нового Госкино. Фильм о том, как ценности уходят за границу. Фильм очень противный по своей антисемитской подаче.

Сегодня мне позвонил Петер Кауфман. Сказал, что он в Москве со своей племянницей и в среду уже уезжает. Сказал

также, что он устраивает какую-то советскую выставку искусства в Лондоне. Если мы завтра с ним увидимся, то я надеюсь, он расскажет поподробнее.

Мы с Мишей отдали тексты Петры Келли и Герта Бастиана двум людям: одному журналисту из «Комсомольской правды» и Кремеру Илье Семеновичу, который только что вернулся из Вены. Я не надеюсь, что эти документы смогут быть преданы гласности, несмотря на весь существующий нынче у нас либерализм, но уверена, что кто-то «важный» с ними ознакомится. Я думаю, что Кремер покажет их кому надо. У него сейчас в «Московских новостях» лежит статья с проектом примирения с ФРГ. Подобные идеи носятся в воздухе на официальном уровне, но кто-то ужасно этому мешает. Я думаю, что это все те же лица: Лигачев, Громыко, Демичев, Чебриков и целая свора меньших функционеров, таких, как Зайцев и прочие.

Как там Митюшка? Наверное, ему настолько у вас понравится, что он не захочет возвращаться домой. Как себя чувствует Володя Войнович?

Сегодня вместе с Андреей и ее мамой были в Переделкино у Димы на могиле. Все очень красиво выглядит. Ходили также на могилу Зверева, Пастернака и Чуковского. Затем зашли в переделкинскую церковь. Андреиной маме было очень интересно.

Кристианс прислал мне фотографию Диминых бронзочек, ему принадлежащих. Всего у него три: маленькая «Отчаяние», эскиз надгробия (сидящий вариант Габаю), маленькая Тамму.

Андрей мне сказала, что если Удо подсказать, как написать письмо о денежной помощи на музей Сидура, то она думает, что он напишет.

Крепко вас обнимаю. Всем привет.

Юля

19.6.88

Дорогая Юля!

Я в последнее время не упражнялся и поэтому забыл, на каких местах лежат русские буквы на клавиатуре моего компьютера. Быстрее все-таки писать по-латински. Я опять бесконечно

спешу отреагировать на твое очень длинное подробное и хорошее письмо. Бедняжки, ремонт – это просто ужасно. Мы тебя полностью понимаем и очень жалеем. Мы еще прекрасно вспоминаем, когда мы переселились.

Вена нам довольно хорошо понравилась. В общем, там неплохо, ситуация в институте не хуже, чем у нас. Все остальное зависит от переговоров в министерстве культуры в Вене.

С Митей я говорил несколько раз по телефону. У него очень бодрое, как всегда, настроение. Он радовался тому, что я с тобой поговорил и что ты в курсе дела. Я поговорил и с Ольгой, и с Halstenberg'ом. [...]

Кстати говоря, Рая опять в больнице. У нее лечили метастазы в печени. Ее состояние очень серьезное, она теперь получает химиотерапию.

В Бохуме теперь Михаил Гробман, который живет в Израиле. Интересный художник. Завтра он у меня на лекции будет читать доклад о своем творчестве в шестидесятые годы. После этого доклада выступит в нашем семиотическом кружке Кома Иванов, который, в общем, очень много путешествует по всей Германии. Вчера вечером появился у нас московский критик искусства Вильям Мейланд и передал привет из Москвы. Он был у нас с женой. Они в Германии по личному приглашению. Они произвели на нас очень хорошее впечатление. Они довольно хорошо знали все о Сидуре, хотя не были знакомы с вами. Мне очень хотелось, чтобы вы когда-то познакомились с ними. Вообще, надо сказать, что в последнее время у нас довольно много русских. Выставка в Берне откроется завтра. Говорят, что каталог очень качественный. Мою статью особенно хвалили разные люди из-за компетентности и объективности. Не знаю, что скажут москвичи. Мы поедем в Берн к 20-му на два дня. Я прочту там доклад о Сидуре, а на следующий день продемонстрируем Димино кино. В Бремене уже открылась выставка с «Похищением Европы». Каталога я еще не видел. Позже выставка будет показана еще в Бонне в Wissenschaftszentrum.

Юля, я очень спешу. Обо всем остальном в следующем письме. Обнимаем

Гизела и Карл

Москва, 21 июня 1988 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Скорее всего, это предпоследнее письмо перед ежегодным летним перерывом. В следующий вторник мы отметим Димин день рождения и день его похорон. Два года пролетело, как одна минута, а событий произошло умопомрачительно много.

Вчера мы с Олесей Фокиной, той самой, которая написала очень неплохой сценарий про Диму, смотрели на ЦСДФ фильм Ольги Свибловой (сценарий) и Юзефа Пастернака (режиссер) «Черный квадрат», посвященный советскому современному искусству. Это хороший фильм, а главное, познавательный. Кроме своих художественных достоинств, он хорош еще и тем, что является как бы учебником, сделанным в необыкновенно занимательной форме, по всему советскому искусству от 60-х годов до наших дней. Огромное количество художников в огромном фильме (один час). Интересные хроники: сталинские и хрущевские. Про Диму есть маленький эпизод: панорама, «Гроб-женщина», «Железная леди», две его фотографии, звучат его стихи, им самим прочитанные («...людей не спасаем, бережем реликтовую рыбу»), Юнна в кадре говорит о нем в связи с общей ситуацией. Кроме всего прочего, а это главное, картина талантливая. Так лихо сделано, что даже очень глупому и ленивому ясно, что авангард и современное искусство неизбежно становятся классикой. У нас это называется ликбезом (ликвидацией безграмотности). В нашей стране, где так любят поучать, подобная неназойливая форма объяснения прекрасно выполняет свою роль. Я считаю, что для западных искусствоведов и славистов этот фильм просто бесценен. Поэтому мы уже договорились с Юзефом, что при первой возможности мы с Юрочкой переснимем его на видео с экрана и отправим тебе. Несмотря на плохое качество, тебе этот фильм будет совершенно необходим.

В министерстве культуры уже получили письмо Кристианса и по этому поводу позвонили в район. Там начали откровенно говорить, что не против открыть выставку, но боятся, что мы захапем это здание под музей. Вернее, они боятся того, что народ во второй раз не позволит закрыть выставку Сидура.

Очень понравился рассказ Давида. Его рассказ сразу напомнил мне деятельность в литературе и искусстве моих учеников. В этом возрасте очень многие ребята литературно, а

иногда и поэтически, невероятно талантливы. Но потом это уходит. Остаются немногие. Из тех, кто что-то сочинял в возрасте Давида, причем очень интересно, остались из моих: Юра, Вова, Женя Смагина. Миша, который очень здорово писал, начисто утратил свой дар, хотя статеечку написать может. В общем, Давид молодчина! Жду его следующих сочинений, если они будут.

Ребятки, при случае пришлите побыстрее лекарство для Тамары. Она потихоньку доходит.

Карлуша, пиши в латинской транскрипции, если тебе так легче, для меня это не представляет никаких проблем.

В мастерской затишье. У нас всегда так бывает. Рабочий класс приходит, всё разрушает, разруха приобретает стабильный застойный характер, а трудящиеся перебрасываются на «другой объект». И когда начальство вернет их обратно, никто не знает. Поэтому нам, как жертвам, надо или смириться и ждать, или умереть.

Ужасно огорчила Раина болезнь. Представляю, как им всем тяжело!

В день Диминого рождения открывается XIX партконференция, на которой будут решаться немыслимые демократические принципы. Поглядим, что из этого выйдет.

Когда увидите с Митюшкой, передайте ему от меня огромный привет. Надеюсь, что эта поездка принесла ему много удовольствия.

Как всегда посылаю всякие интересные газетные вырезки. Пресса по-прежнему крайне интересна, иногда потрясающе. Уже реабилитировали Зиновьева и Каменева, теперь Афанасьев добывается реабилитации Троцкого.

Крепко вас обнимаю. Пора бы тебе, Карлуша, письмо написать. Более того, если до 29-го письма не будет, значит уже только в сентябре. Всем привет.

Юля

23.6.1988

Дорогая Юля!

Постараюсь опять писать по-русски. Из Берна мы только вчера вернулись. На этот раз мы ездили на поезде. Иначе путешест-

вие довольно далекое и утомительное, хотя места, через которые оно ведет, весьма красивые. Но, как обычно, возвращаясь домой, чувствуешь, как будто ты отсутствовал почти две недели: за это время накопилось столько вещей, как будто тебя долго не было.

Доклад о Сидуре прошел очень удачно, все были довольны, первый раз поняли Сидура полностью и т. д. Присутствовал и von Tavel, и его сотрудники. При показе Диминого кино был и Владимир Тарасов из Трио Ганелина, которое должно было выступить вечером позже. Он, видно, был поражен.

В субботу мы заберем Митюшку. Он у нас будет пока только через викенд, потому что у него будет операция полипа в носу. На следующей неделе он будет у нас еще раз несколько дней.

Урсула переслала кассету. Огромное спасибо!

Опять оказывается, что мало времени. [...] Обнимаем

Карл

Москва, 28 июня 1988 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Пишу вам последнее летнее письмо. Завтра Беаточка, замечательная девочка, уезжает совсем в ФРГ.

У нас Димина годовщина. Ровно два года, как мы его похоронили, и одновременно день его рождения.

Надеюсь, что у вас все в порядке. Если увидите Митюшку, большой привет.

Крепко вас обнимаю.

Юля

P.S. Очень рада, что ты позвонил! Рада, что у Митюшки хорошее настроение. Хочу вас увидеть!

Москва, 4 августа 1988 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Пишу вам после длительного перерыва. [...]

Мне удалось недели две побыть в Алабино, чему я несказанно рада, потому что надо было вырваться из этой обстановки, которая остается очень неровной. Главное событие – это наше вылетание, на этот раз окончательное, из Перова. После почти годичной пустой, но выматывающей все силы борьбы, местные во главе с райкомовской начальницей Трофимовой посоветовали нам занять зальчик в библиотеке на ул. Аносова, причем без всякой гарантии, что мы там останемся. Мы справедливо сочли данное предложение за издевательство и решили удалиться. Очень жаль, что мы не сделали этого раньше. Нельзя Сидура выставлять в библиотеках, красных уголках и избах-читальнях. У нас сейчас очень плачевная ситуация: в подвале районный ремонт, но за который мы платим, т. к. иначе казенные рабочие собирались прийти только в будущем году. Вещи из Перова ребята везут в квартиру. Можете себе представить, что творится в квартире. В общем, полное революционное положение и разруха, как неизбежное следствие. К счастью, не текут реки крови. То же самое происходит во всей стране – некоторая духовная свобода при разрухе, неразберихе и отчаянном сопротивлении наследников Сталина во всех областях жизни. Но некровавый характер нашей революции – это очень положительный и совсем новый элемент в развитии советского государства.

Второе важное событие – отъезд к вам Бродских. После долгих мук ожидания и покупки билетов они, наконец, отъезжают поездом 21 августа, в Бохуме будут 23-го. Дорогие мои, я вам уже писала, что хочу, чтобы они там побыли с удовольствием. Для этого им нужны будут деньги. [...]

Спасибо вам за посылку. У меня теперь есть кассеты, журналы «Форум», очки для Романыча, дрель для Сергея, много буклетов Диминых выставок (очень хорошо!) Теперь необходим каталог Пешлера, один у нас уже есть, но нужен еще один.

Вы, очевидно, уже слышаны о потрясающем коммерческом успехе аукциона фирмы «Сотбис». Наверное, художники счастливы, но я считаю, что это разврат и гибель для настоящего искусства. Возможно, я ошибаюсь. Такие вопросы каждый решает для себя сам, но я считаю ненормальным, когда художники в своих мастерских показывают не работы, а слайды. Хотя я знаю, что многие думают совершенно по-другому.

Что касается меня, то я только тем и занимаюсь, что трачу деньги на сохранение Диминых вещей. Я уже дошла до того, что мы с Сергеем договариваемся на перевод в гальванопластику не только маленьких вещей, но и таких, как «После экспериментов», «Хула-хуп», «Победитель». В дальнейшем хочу перевести «Еву на венском стуле», «Материнство» из цикла «Препараты», «Структуры». Более того, мое безумие простирается на то, чтобы делать эти вещи в двух экземплярах. Разумеется, для этого мне понадобятся деньги, и я буду добывать их усиленно. Возможно, обращусь к вам за помощью. То есть, если вы не возражаете, продолжить тот опыт, который у нас уже был. Я знаю, что несмотря на всю Мишину энергию, мне нужно как можно больше сделать, пока я жива. Миша – молодец! Я очень и очень им довольна. Без него и без всех моих детей вокруг мне никогда бы не справиться.

По простой почте послали вам в виде эксперимента журналы «Сельская молодежь» и «Студенческий меридиан», а также несколько советских газет. В журналах публикации про Диму. Интересно, получили вы или нет.

Збышек Шмурло был в Москве с женой и с ребенком. Привез мне в подарок свой огромный диплом про Диму, за который он получил пять с плюсом. Сейчас мы договорились, чтобы перевести этот труд на русский язык за 400 рублей. Копию обязательно пришлем тебе.

Не знаю, писала ли я о том, что мы прекрасно встретились с Митюшкой. Он остался очень доволен своей поездкой, и особенно пребыванием у вас. Сейчас он в Литве, куда уезжает каждый год.

Мишин пожилой друг сказал, что Мишино письмо по поводу нашей ситуации в Перово находится у референта генсека. Письмо замминистра Казенина партсекретарю Трофимовой посылаю вам для архива.

Романыч очень просит патрон для дрели, где абразивные круги, но нужны обязательно рыжие. Хотя он их экономит, они все-таки кончаются.

Маркин получил заказ на монографию о Диме в Ленинграде. Кажется, это издательство «Художник РСФСР». Они должны ко мне приехать для знакомства.

Очень рада, что только что поговорила с тобой по телефону. Такие разговоры всегда вселяют бодрость и увеличивают силы для дальнейшего существования.

Очень нужно хорошее качество кассеты с Диминым фильмом для работы над новым советским фильмом. Мне бы тоже очень хотелось иметь кассету с хорошим профессиональным качеством.

Очень буду рада, если получу когда-нибудь компьютер. Но дело в том, что Бродские могли бы взять компьютер с собой, если он без принтера, т. к. принтеры в СССР не пускают. Но принтер мне совершенно необходим, иначе компьютер для меня теряет всякий смысл. Надо найти возможность привезти и то, и другое. Карлушенька, ты должен обдумать, как это сделать.

Архив с письмами Димы практически закончен. Все сделал Вова Воловников. Скоро он приступит к Диминым рукописям: дневникам, «Мифу», рукописям. То, что он делает, чрезвычайно важно. Один экземпляр для тебя.

Пожалуйста, отправьте по адресам прилагаемые Юннины письма.

Крепко, крепко вас всех обнимаю. Огромный привет Давиду. Соскучилась и немного жалко, что вы не приедете в сентябре. Но ничего, подождем.

Целую и люблю.

Юля

Москва, 4 октября 1988 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

[...] Огромное вам спасибо за лекарства! Я даже не ожидала, что мне сразу станет полегче. Нельзя сказать, что все прошло, но стало значительно лучше. Ты прав, Карлуша, «Тригастрил» – тоже очень хорошее лекарство, но я его экономлю, т. к. его поменьше (принимаю только после еды), а фосфалогеля много, поэтому я могу не ужиматься, и он тоже очень хорошо мне помогает. Вот уж никогда я не думала, что лекарство, предназначенное для Тамары Бреус, окажется мне столь необходимым тоже.

Последнее время мы живем под знаком поездки Бродских в ФРГ. Приятно смотреть на людей, сохранивших такую живую радость от жизненных удовольствий. Они все продолжают и продолжают восхищаться всеми вами и вашей страной. Мне

немного завидно такой чистой детской радости. У меня тоже такое было, но только совсем в ранней молодости, и это очень умиляло Диму. А сейчас у меня половина души умерла. Самое большое удовольствие испытываю, когда слушаю Димины записи классической музыки. Поэтому магнитофончик, который вы прислали, очень кстати. Я ложусь с ним спать, а поскольку сплю очень плохо, в принципе, музыка мне эту бессонницу скрашивает.

В мастерской разруха и застой. Нельзя сказать, что я этого не ожидала, но от этого не легче. Несмотря на перестройку, идиотизм и маразм нашей жизни мало снижаются. Огромное сопротивление всему и на всех уровнях, бессмысленные запросы, прямая откровенная уголовщина царят почти во всех сферах жизни. От провозглашения свободы сверху очень многие спешат удовлетворить свои сиюминутные потребности, т. к. в прочность и продолжительность демократии никто не верит.

Вместе с газетами посылаю вам набор открыток покойного художника Константина Васильева. Популярность его фашистского искусства не меньше, чем у Глазунова. Это искусство является одним из символов общества «Память». Переворот, произведенный Горбачевым, в общем, приятный факт, но опять же никакой демократии в этом поступке не было, а личная власть, которой Горбачев теперь обладает, носит несколько устрашающий характер. Хотя то, что он сделал, сделать было необходимо. Особенно меня радует падение старого негодяя Демичева, надеюсь, что его зам. Зайцев тоже полетит. Ходят слухи, что в ЦК вообще устранили Отдел культуры, а следовательно – и все чиновники, его обслуживающие.

Я мечтаю о книге про Диму, которую ты много лет тому назад собирался написать, мечтаю о «Памятнике погибшим от бомб», о шведской книге про «Мутации», которую никак не родят Анника с Ларсом. Очень хочу иметь фильм «Памятник современному состоянию» на видеокассете в хорошем качестве. Я не знаю, поедут ли наши киношники снимать Димины скульптуры в ФРГ, но тут фильм этот кто-то обязательно будем делать, и тогда такая кассета с профессиональным качеством будет бесценна! Пока что на ЦСДФ идет склока по поводу фильма. Так как очень многие административные деятели, да и, по-моему, режиссер тоже, не столько думают об искусстве,

сколько о выгодах, которые можно приобрести на его производстве. Поездка за границу одна из решающих приманок. Я считаю, что ты правильно сделал, отказавшись от сотрудничества с этой хамской организацией «Совинфильм». Не верю, что они могут сделать что-нибудь хорошее. Что касается денег, которые надо платить за книгу Анники и за видеокассету, то я целиком это приветствую. Прошу тебя, Карлуша, не обижаться за то, что я напоминаю о своих пожеланиях, но чем дольше я живу на этом свете, тем больше убеждаюсь в краткости нашего пребывания на земле. Дима был прав, когда спешил – то, чего он сам не сделал в искусстве, никто другой не сделает. И то, чего мы с тобой не сделаем после его смерти, никто за нас не сделает. Я прекрасно понимаю, как вы безумно заняты, да еще предстоит эта поездка в Вену – это тоже забирает часть жизни, подобная «перестройка». Но все-таки судьба нас связала и никуда нам друг от друга не деться.

Только что позвонил Нияз Абаджич. Он в Москве, гость советского ТВ. Привез свой старый фильм про Диму и завтра уже придет с кем-то из наших. Сказал, что надо вернуться к проекту «Памятника погибшим от бомб» в Белграде. Завтра я ему скажу, что предпочитаю видеть этот памятник в Вюрцбурге. Если они хотят ставить второй, то другое дело. Кстати, примите мои соболезнования по поводу кончины Штрауса, не так он был страшен, как у нас об этом всюду писали в застойные хорошие времена.

Позвонила мне Рая Орлова. По-моему, у нее довольно-таки бодрое настроение, чему я очень обрадовалась.

В Перове опять намечается Димина выставка. На этот раз не менее, чем на два месяца, но может быть, и на большее время останемся. Но полной определенности пока нет.

Еще одно желание меня одолевает все эти годы – увидеть напечатанными стихи Юрочки и рассказы Володи.

В прошлую среду Петер Кауфман устроил прием в кооперативном кафе на Таганке. Присутствовала масса высокопоставленных торговцев из СССР. На приеме мы познакомились с художником Вологжаниным, который быстро напился, орал дурным голосом и очень шокировал советских гостей. Кауфман устраивает ему выставку в какой-то лондонской галерее. На вид художник агрессивный и глупый, каковы его профессиональные достоинства – судить трудно. По-моему, Кауфман

сам был испуган его поведением. Очевидно, их связывает цена произведений Вологжанина. Миллионеры иногда многое терпят ради дешевого искусства.

Мне жаль, что ты не получил сценарий Олеси Фокиной и самиздатский журнал, где опубликовался Юрочка своими прекрасными стихами. [...]

Марк Ляховецкий просил отправить его негативы Хансу Шлегелю.

Маркин пишет статью об искусстве Третьего Рейха. Приводит сравнения с искусством соцреализма.

У меня дома побывали люди из Лондона: директор дочерней галереи при аукционе «Кристи» и еще двое. Один польского происхождения, директор балетной школы, другой весьма почтенный генеральный директор чего-то. Хотят брать пять Диминых скульптур для продажи. Приедут в конце октября. Говорят, что цены на «Сотбис» слишком велики. Посмотрим, что они нам предложат, а потом с Мишей будем решать.

Сегодня позвонил Клаус Беднарц. Возможно, мы увидимся с ним в четверг.

Кажется, на сегодня все. Огромные приветы и поцелуи от Бродских. Простите меня за просьбы. Крепко вас обнимаю и жду в Москве.

Юля

P.S. Митя благодарит Давида за подарки.

Сделала в гальванике «Хула-хуп» и «Носорога».

Москва, 17 октября 1988 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Как вы там поживаете? Давно не было ничего от вас слышно. Дорис говорит, что она часто позванивает вам по телефону, но никто не отвечает. Это означает, что вы или в отъезде, или же специально не подходите к телефону, т. к. очень устали от бесконечных разговоров.

На Свердловском фестивале неигрового кино наши знакомые получили премии. Главный приз был присужден фильму «Высший суд» режиссера из Латвии Герца Франка о смертной

казни. Первую премию присудили Юзефу Пастернаку за «Черный квадрат», а третью – Рубену Геворкяну за «Острова». Почетный диплом также получили Альгис Арлаускас за фильм «Прикосновение» про слепоглухонемых, тоже мой знакомый. Что касается «Группы товарищей», то Госкино, которое вместе с ЦСДФ этот фильм не любят, вообще не послали его на фестиваль.

Бы знаете, наверное, а может быть и нет, что Марта уговорила Мишу остаться в Перове. Сейчас он сделал там уже вторую выставку, где выставились Марина Ильичева, Наташа Нольде и другие. Самое смешное, что, кажется, мы тоже сможем сделать там Димину выставку, начиная с 25 ноября минимум на два месяца, а возможно, и на больший срок. У нас наверху продолжается кадровая лихорадка и рикошетом это отдается в каждом районе.

Возможно, в эту среду нам в подвал завезут доски, кирпич, цемент, стекло, краску и т. д. Тогда наш ремонт опять сдвинется с мертвой точки.

Я все время забываю вам напомнить про бедную полуслепую Миму Гребневу, которой очень нужны немецкие книжки с крупным шрифтом.

Еще год назад на выставке в Перове побывали некоторые ученые, родственники академиков Тамма, Энгельгардта и другие. Им очень понравился «Памятник оставшимся без погребения», «Формула скорби» и др. Они выражали платонические желание что-нибудь поставить. Как всегда у нас, от желаний до конкретности проходят километры и годы. Поэтому я их эмоции воспринимала очень сдержанно, т. к. знаю, что это такое. То же самое прохладное отношение вызывали призывы людей участвовать в конкурсах для «Памятника Победы», «Жертвам сталинских репрессий». Они приходили, отнимали уйму времени. В основном это были люди – или откровенные конъюнктурщики или же наивные до идиотизма. Надоели они мне чрезвычайно. На наших многотысячных конкурсах, где вперемешку участвуют профессионалы и любители, что-то приличное обязательно теряется и пропадает. И я так же, как и Дима, не поддавалась ни на какие соблазны «устроителей». Но сейчас произошло некоторое изменение и, кажется, дело приобретает более серьезный характер, хотя с первых же моментов мы столкнулись с почти с непреодоли-

мыми трудностями. Дочка академика Энгельгардта живет под Москвой на Николиной горе. Там был (и есть) первый советский дачный кооператив для членов правительства 30-х годов. Это место, где жили казненные впоследствии: Радек, Шляпников, Сокольников, Чайанов и многие другие. Минимум тридцать имен должно быть высечено на плитах, которые должны составлять вместе с «Оставшимися без погребения» единый мемориальный комплекс. Дети и внуки всех этих репрессированных довольно влиятельные люди, но сейчас, когда мы начали говорить конкретно, возникла масса препятствий всякого рода, в том числе и финансовых. Они с трудом могут наскрести 25 тыс., поэтому ни о каких гонорарах не может быть и речи. Мы с Мишей решили рассматривать эту работу как престижную, а не денежную. [...]

Вчера общались с Ренатой и Алисой.

Жизнь, в принципе, очень и очень грустная штука.

Крепко вас обнимаю.

Юля

Москва, 1 ноября 1988 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Пишу вам коротко, т. к. совсем нет ни на что времени. Ремонт в подвале сдвинулся с мертвой точки. [...] Главная новость — мы возобновляем выставку в Перове с небольшими изменениями и дополнениями.

Дело с установкой «Памятника оставшимся без погребения» потихоньку, очень медленно, движется вперед. Как дела в Вюрцбурге?

Еще одно событие, дошедшее, кажется, до конкретности. В сентябре у меня побывали директор и еще какие-то люди из одной лондонской галереи при аукционе «Кристи». Они закупают советское искусство, одиннадцати художников. Кажется, Дима единственный скульптор в этом списке. Они отобрали 14 работ. [...] (Но их галерея не аукцион, это коммерческое заведение). В четырех скульптурах мы им отказали, т. к. очень жалко пока отдавать. А 147 и 148 еще в 1965 году закупило министерство культуры (Кутузова!) Мы не знаем, куда делись эти работы, но помню, что ужасно радовались. Это была един-

ственная государственная закупка Диминых творческих работ за все время его членства в Союзе художников. Лемпорт очень завидовал. [...]

Галеристы передали через советских посредников, что хотят делать рекламу своей выставки-продажи, делая основной упор на Сидура. Они заказали сверхпрофессиональные слайды всех скульптур (уже сделано 9×12) и попросили список известных людей на Западе, Диминых друзей. Я передала им твой адрес и телефон. Я думаю, так будет лучше, т. к. вы сами на Западе, а я на Востоке. И еще существенный момент – финансовый. Они сказали, что хотят платить за каждую скульптуру от 5 до 12 тысяч фунтов стерлингов. Мы с Мишей считаем, что цены хорошие. Попросят биографические данные и т. д.

Только что позвонил Вова Бродский, сказал, что вы приедете по их приглашению. Замечательно! У нас будет рядом две квартиры – Марьяна может жить у них, а вы у меня. И вообще, возможны всякие варианты.

Меня вчера не было дома – мы с Романычем и Юрочкой скрепляли «Горло». Еще раньше зафиксировали очень хорошо «Гроб-девушку» – хотим выставить их в Перове.

ТВ в декабрьском «Литературно-художественном видеоканале» по 1-й программе собирается делать большой сюжет с участием Юрия Левитанского, который будет говорить не только о Димином художественном творчестве, но и о его стихах.

Обязательно пишите. Ты только что позвонил, но неудачно – я тебя слышала, а ты меня нет.

Словарь Срезневского постараемся достать, как только он выйдет из печати.

Крепко обнимаю. Привет от всех наших.

Юля

Москва, 8 ноября 1988 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Вчера ко мне заходила Рената с Алисой. Она сказала, что будто бы выслали вам уже приглашение. Что же касается жилья, то поскольку они на Рождество ожидают Ларису с подружкой и еще кого-то, то возможно найти рядом чью-то пустую кварти-

ру. Если же не получится, вы можете спокойно жить у Бродских и у меня. Марьяна – у Бродских, а вы с Гизелой у меня. Я думаю, что все вместе мы жилищную проблему уладим. Когда Дима был жив, было сложнее из-за его тяжелых болезней, сейчас все проще.

Вчера мы с Бродскими, с Эльфи Зигль и Вольфрамом из Бремена были в Театре на Таганке на творческом вечере Вени Смехова. Вы уже знаете, что Вениамин Смехов наш старинный друг, также, как и Таня Жукова. 4 декабря Веня будет в ФРГ. Они с женой вам позвонят. Я буду очень рада и благодарна, если вы с ними встретитесь и пообщаетесь.

Карлуша, ты обещал кассеты с хорошим качеством Диминых материалов. Первая программа ТВ делает сюжет в своей ежемесячной передаче «Литературно-художественный видеоканал». Редактор сказал мне, что во время прямого эфира звонили зрители и просили сделать передачу о Сидуре.

Выставка в Перове снова не состоится, т. к. секретарь райкома Трофимова запретила ее устраивать. На этот раз отговорка – в районе состоится партийная конференция. Непонятно, чем может помешать этой конференции выставка Сидура? Теперь ясно окончательно, что горком партии не против выставки, главк «за» (Беликов из главка сказал, что горком уже полгода, как дал свое согласие), министерство культуры тоже «за» (замминистра Казенин), «против» только местные партийные власти. Мы теперь всем говорим, что Трофимова не дает делать выставку. [...] Объясни, пожалуйста, что происходит в Оффенбурге?

Ремонт в мастерской движется. Нельзя сказать, что очень интенсивно, но хотя бы что-то делается. Работают трое мужиков. Все время требуют «лампадку», то есть пол-литра водки или коньяку. Договорились, что мы им ставим бутылку в конце каждого уикэнда. Работать они могут у нас только по субботам и воскресеньям. Алкогольный напор очень силен. Не страшно, если бы все ограничивалось одной бутылкой спиртного. Но нас предупредили, что Акимыч, главный из троих, ни в коем случае не должен напиваться, потому что тогда дела не будет. И сейчас от нас требуется большое психологическое искусство, чтобы удержать рабочий класс в рамках. Если за сегодня они закончат задние комнаты (у нас теперь сзади большой зал на 35 кв. метров, т. к. рухнули стены), мы за не-

делу должны будем перетащить все из большой комнаты туда, и работяги начнут приводить в порядок большую комнату. Я не верю, что этот ремонт когда-нибудь кончится. Ни за какие деньги нельзя найти людей, которые хотят работать. Наша система испортила и развратила народ почти безнадежно.

Рената сказала, что все советские известные художники продают свои работы за огромные деньги и чаще всего за валюту. [...]

Пока все новости. Крепко вас обнимаю. Привет всем и от всех.

Юля

Москва, 28 ноября 1988 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

3 декабря мы снова открываемся в Перово на Новогиреевской, 37. На этот раз намечается некоторый ажиотаж, т. к. «Комсомольская правда» берет организацию информации и рекламы в свои руки. В 13 часов будет пресс-конференция, а в 15 официальное открытие. По этому поводу в районе собирается совещание в райкоме партии у Трофимовой, где наш Миша будет присутствовать как ответственный за зал, хотя он не директор. Директором они назначили женщину 28 лет, очень слабо разбирающуюся как в искусстве, так и во всем остальном, но партийную. Женщина не злая, но чрезвычайно убогая. Наши стереотипы ставить убогих в начальники несколько не пострадали в период перестройки.

Мы ежедневно вкалываем в зале, делаем экспозицию в несколько расширенном виде. Будет около 120 скульптур и более 50 графики. По-моему, получается неплохо, но как всегда у нас, несколько перенасыщено. Когда приедете, увидите сами. Звонила Аллардтам, их нет в Москве.

Молодой архитектор Сергей Тимофеев сделал проект к «Памятнику оставшимся без погребения». Мне кажется, что неплохо. Но публика на Николиной горе весьма говнистая, поэтому мы решили чувствовать себя свободными. Мы с ними контракта не подписывали, поэтому на проекте не указали, что это репрессированным с Николиной горы.

Меня посетил молодой человек – Борис Уборевич-Боровский, потомок репрессированного командарма Уборевича из

группы Тухачевского и других. Он архитектор и входит в объединении «Мемориал» в экспертную комиссию по созданию памятника. Он сказал, что очень много людей пишут в комиссию пожелания поставить Сидура. Они даже вынесли этот пункт в итоговое решение. Я сказала, что не буду возражать, если из этого что-нибудь получится. Он спросил, не будет ли являться помехой факт установки «Взывающего» и «Пог. от насилия» в ФРГ. Я ответила, что нет, т. к. никто не откупал у меня авторского права на установку этих работ. Речь может идти только о приоритете. Я нисколько не жалею, а даже радуюсь, уверена, что Дима тоже бы радовался, что эти скульптуры уже установлены в ФРГ. В общем, сами мы никуда не лезем, но если к нам обращаются, то мы никому не отказываем. Для возможной установки в комплексе «Мемориал» существуют следующие скульптуры: «Взывающий», «Пог. от насилия», «Концлагерь», «Формула скорби», «Оставшимся без погребения». Я до сих пор, вспоминая об установленных в Германии Диминых работах, испытываю гордость и счастье. И как хорошо, что все это произошло при Диминой жизни!

Надеюсь, что вы уже оправились от своего гриппа. Мы же все по очереди гриппуем, простужаемся, хвораем, и это сильно затрудняет повседневную жизнь.

Карлуша, ты, наверное, будешь нас ругать, но мы не сможем следовать твоим советам, связанными с ценами на Димины скульптуры, которые уходят в лондонскую галерею. Дело в том, что представитель СТД Лена Уланова уехала в Италию, а договор мы будем подписывать с Олегом. Они называют себя Фирма «Индекс». Олег сказал, что в ценах они вынуждены идти на поводу у англичан, хотя в договоре можно сделать примечания по поводу цены той или иной скульптуры. Мы с Мишей поняли, что мы или участвуем в этой сделке или не участвуем. Так как мы еще ни разу ни в чем не участвовали, стоит попробовать. А попробовать мы можем сейчас, исходя только из их условий, а не диктуя наши. В общем, мы должны как можно скорее что-то решать.

Большое спасибо за намерение послать мне денег на гальванику.

ЦТ (1 программа) делает сейчас сюжет минут на 40. Очень нужны кассеты с Диминым фильмом и с материалами, снятыми в подвале.

Ремонт в подвале близится к завершению. Мужики, хоть сильно пьющие, но работают прилично. Но это будет уже другой подвал, отдаленно похожий на тот, когда в нем находился Дима.

Заходили ко мне Вильям Мейланд с женой и еще одним искусствоведем. Сказали, что в Центре международной торговли (Хаммера) в феврале будет что-то вроде аукциона не только живописи, но и скульптуры. Они попросили три скульптуры. Мы решили с Мишей: «Пам. совр. сост.», «Остав. без погреб.» (алюминий), «Инвалид» (обложка твоей книги). Цены мы должны указать сами, а мы, как всегда, не знаем, что сказать.

Пошлю вам «Юность» (№ 11), «Комсомольскую правду» за 23.11.88 и газеты.

Бродские никак не могут забыть вашу страну и всех вас. Продолжают рассказывать с первоначальным энтузиазмом как о каком-то сказочном государстве. Сейчас уже пошли укрупнения деталей. Вова не просто говорит о грушах на деревьях, но и о том, как эти груши тронуты пчелами и головокружительно истекают медом!

Крепко, крепко вас обнимаю. Все ждем вас в Москве.

Юля

Москва, 5 декабря 88 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Как всегда, счастлива, когда Карл звонит по телефону.

У нас дела идут неплохо, только дай бог здоровья, чтобы все это выдержать. Я не могла рассказать Карлуше в телефонном разговоре о весьма примечательном визите из ЦК КПСС. Получается так, что мы волею судьбы крутимся на самом высоком уровне, и, честно говоря, я до сих пор еще для себя не определила, хорошо это или плохо. Наверное, плохо – я уверена, что всегда лучше, когда нас минует «и барский гнев и барская любовь».

Дело в том, что 29 ноября в 9.45 утра меня разбудил телефонный звонок. Как вы знаете, я человек ночной – поздно ложусь и поздно встаю, хотя в последнее время приходится вставать рано из-за огромного количества неотложных дел.

Человек, который меня разбудил, сказал будничным голосом: «Юлия Львовна, с вами говорят из ЦК КПСС, Маслов Александр Викторович». Я спросонья отвечаю: «Слушаю вас». – «Юлия Львовна, где работы вашего мужа – дома или в мастерской?» – «А зачем вам?» – «Да вот, нужно для одного дела». – «Вы из ВХПО?» – «Ага, из ВХПО». – «Так они у вас там год валялись, сын на днях забрал!». Действительно, Миша недавно забрал все вещи из ВХПО, т. к. они там зазря прозябали с противными этикетками на каждой. «Юлия Львовна, а где у вас работы лучше, дома или в мастерской?» – «Понимаете, в мастерской капитальный ремонт, там вообще ужас что делается. Большинство работ на выставке, которую мы открыли 3 декабря, и кое-что дома». – «А где лучше, дома или на выставке?» Я немного подумала: «Пожалуй, на выставке». – «А можно там с вами увидеться». – «Можно. Давайте договоримся о времени». – «А давайте прямо сейчас». – «Сейчас! А почему это так важно?» В ответ какое-то уклончивое бурчание. В общем, говорю адрес и сообщаю, что раньше 12 часов там, на Новогиреевской, никого не будет, т. к. ключи у Олега Айбазова. – «Хорошо, значит встречаемся в 12».

Я знаю, что в это время Миша находится вместе с Мартой и зампредом Каменевым у секретаря райкома Трофимовой. Обсуждаются организационные вопросы по поводу открытия. Трофимова, которая только на днях запретила выставку собственной властью, неожиданно ее разрешила после вмешательства общественности и прессы («Комсомольская правда»). Пленку с интервью у нее в кабинете пришлю. Просьба не разглашать! Документы необыкновенной важности – корреспондент Андрей Амлинский берет интервью в райкоме у Трофимовой в присутствии Каменева и Марты). Из-за противодействия Трофимовой мы открылись не 29 ноября, а 3 декабря. Оказалось, что последнее препятствие происходило только из-за личного неприятия Трофимовой. Зампред Главного управления культуры О.В. Беликов сказал Мише в телефонном разговоре, что все за выставку: министерство культуры, главк и, главное, горком партии, который разрешил открыться еще полгода тому назад, против только район (Трофимова!).

Итак, продолжаю новеллу о встрече с товарищами из ЦК нашей партии. Приходится мне окончательно просыпаться, одеваться и вводить себя с большим трудом в рабочее состоя-

ние. Иду на рынок, т. к. жрать совсем нечего. Кое-что покупаю, включая творог для нашего вегетарианца Олега. А перед тем, как выхожу из дома, снова звонок – тов. Маслов никак не может запомнить, где мы делаем выставку, и я подробно ему объясняю, что надо ехать на шоссе Энтузиастов, а потом направо, где указатель на Новогиреевскую. Он наконец-то все понял, а в принципе, чувствуется, что большой путаник. Еще во время первого звонка слышу, как он сообщает кому-то: «Она говорит (это я), что выставку делают к 3-му декабря!».

Мне везет, и я прямо около рынка беру такси, хотя пурга, дорога плохая, машин мало. Приезжаю к залу в 11.50. Уже вижу рядом белую «Волгу» и несколько человек рядом чрезвычайно начальственного вида. Первая дверь открыта, вторая закрыта и виден свет. Я радуюсь, что кто-то на месте и ждать не придется. Вхожу в здание и тут же вваливается еще четыре мужика – все веселые и демократичные. «Здравствуйте, Юлия Львовна! А там никого нет». – «Не может быть. Свет на лестнице горит. Вы в звонок звонили?» – «Звонили, никто не идет».

Звоню изо всех сил в звонок несколько раз подряд. Одновременно наскоро знакомлюсь с господами. Одного быстро узнаю из-за частого мелькания по ТВ. Это замминистра иностранных дел Владимир Федорович Петровский. Начинаю волноваться, потому что действительно никто не открывает. Без трех минут двенадцать сзади появляется Олег, и я с облегчением вздыхаю. «Там кто-то есть у нас?» – «Не знаю».

Олег открывает дверь своими ключами. Мы громко вваливаемся и тут нам навстречу появляется женщина по имени Нафисет Довлетовна Хаткова. Ей 27 лет, она партийная, номенклатурный районный кадр, и Марта вынуждена была назначить ее директором выставочного зала вместо Миши, чтобы ублажить райком. Она – типичное подставное лицо, т. к. всем распоряжается Миша, а она очень неумело и нерасторопно выполняет Мишины указания. В высшей степени убогое существо, ни в чем ничего не понимает, закомплексована до крайности, и симпатичного в ней только одна экзотическая национальность, она адыгейка – дитя Кавказа. Мужа нет, но есть симпатичный сынок восьми лет по имени Руслан.

Нафисет не должна была находиться в зале в этот момент, но она там оказалась по собственной инициативе, и бодро по-

бежала открывать двери товарищам из ЦК. Но по дороге с ней случилось несчастье. Карл, очевидно, помнит средневековые лестницы нашего выставочного зала. Надо по ним ходить и бегать осторожно. Нафисет этого не учла и совершенно жутким образом грохнулась где-то посередине каменных ступенек. Стукнулась она копчиком, крестцом и еще головой. К счастью, сознания не потеряла, но встать очень долго не могла. Оттого она просто физически не могла сдвинуться с места.

Когда Олег открыл дверь, и мы поднялись по лестнице, Нафисет с лицом умопомрачительной бледности и растерянности оказалась на нашем пути. Она уже стояла, но не лежала. Все немного пошутили по поводу ее присутствия: «Ах, вот, кто здесь, оказывается, находится!» Но дальше шли прямо к цели.

Олег пошел оказывать ей необходимую помощь, а мы всей группой проследовали к экспонатам. Вокруг царил художественный бардак – то есть самый разгар работы над экспозицией, но скульптуры почти все уже стояли на станках. Из присутствующих не запомнила по имени только одного человека, который успел сообщить мне про Петровского. Остальные трое: Петровский, Маслов (очевидно, референт), Егорычев Виктор Васильевич из министерства культуры. Они сказали, что Горбачев едет в Нью-Йорк в ООН и хочет отвезти туда скульптуру Сидура, чтобы подарить ее президенту и, возможно, установить там где-нибудь во дворике. Я сказала: «Сколько вам надо работ?» – «Одну». Я сказала: «Если одну, то лучше всего брать “Взывающего”, т. к. это самый удачный символ для подобных целей, несмотря на то, что скульптура уже установлена в Дюссельдорфе. А почему в таком пожарном порядке?» – спросила потом я. – «Ну так получилось», – сказал Маслов.

Они прошли на второй этаж, где Маслов весело посмеялся в комнате «объектов», увидев «Гроб-девушку». Петровский сказал, что надо брать не одну, а несколько для выбора. Я посоветовала прихватить еще «От бомб» и «Пог. от насилия». Петровский внимательно огляделся и предложил еще добавить «Формулу скорби». Я сказала, чтобы он передал привет своей жене и дочери – они год назад были у нас в мастерской. Он промолчал, и мне показалось, что ему совсем не было при-

ятно услышать, эти мои слова. Наверное, они не любят, когда кто-либо касается их семейных отношений. Маслов сказал: «Можно ли увеличить “Взывающего”?» – «Это совсем не проблема, – сказала я. – Любой грамотный архитектор с этой задачей справится. Все скульптуры Сидура в ФРГ были увеличены без его участия и присутствия». – «А сколько это стоит?» – спросил Маслов. «Существует оценка министерства культуры. “Взывающий” – 10 т., “Пог. от насилия” – 8 т., “От бомб” – 7 т. и “Формула скорби” – 6 т.». Тут вступил в разговор Егорычев: «Дело в том, что каждая отливка, если не в одном экземпляре, должна стоить дешевле первой». – «У нас в стране не было ни одной закупки, – сказала я. – Практически, это первый экземпляр. К тому же Сидур каждую обрабатывал своими руками и все три штуки уникальны». Егорычев согласился, а Маслов сказал, что вообще все это не имеет никакого значения, т. к. закупать будет ЦК. [...] «Хорошо, Юлия Львовна, завтра мы вам дадим ответ и если одну возьмем, то остальные привезем сюда обратно». Они взяли скульптуры и пошли на выход. Дверь была закрыта изнутри Олегом, который в это время помогал очухаться Нафисет на втором этаже. Все дружно стали кричать: «Олег!» Наконец он появился с ключами и выпустил всю высокопоставленную компанию на улицу. Пока он шел с ключами, Егорычев сказал: «Юлия Львовна, как вы смотрите на такую идею – я нахожу в Москве место, где мы ставим в размере штук семь скульптур Сидура?» – «Как я могу на это смотреть! Я знаю, что это мечта для каждого скульптора». – «Значит, будем считать, что мы договорились. Я вам говорю это сейчас, поскольку кому-то еще может прийти в голову подобная идея». – «Договорились», – сказала я, зная, что это никого ни к чему не обязывает, особенно в советских условиях. Егорычев не Удо ван Метерен, а я – вдова Сидура, который не был ни академиком, ни Народным художником СССР. Даже в перестройку подобные проекты осуществляют такие замечательные ваятели, как Кербель, Цигаль или помельче сошки – Орехов, Комов, Рябичев и прочие застойные придворные соцреалистические перестраивающиеся монстры. «Вы не могли бы дать нам тексты, касающиеся Сидура», – сказал человек, чье имя я не запомнила. – «Сегодня нет, но к завтрашнему утру я вам все подготовлю». – «Ну что ж, – сказал Маслов, – сейчас прямо в Кремль и к Ми-

хаилу Сергеевичу». Я говорю: «Да что вы! Как я рада, что вы скульптуру Сидура везете прямо к Михаилу Сергеевичу!».

Вся эта беседа велась в полуюмористическом тоне. Естественно, меня она сильно возбудила, хотя по опыту я хорошо знаю, как осторожно и скептически надо относиться к таким сенсационным неожиданным ситуациям. Естественно, Олег, полумертвая Нафисет были в какой-то степени свидетелями всего происходящего, и все мы бурно обсуждали это событие. Потом позвонила Марта, сказала, что Миша уехал на ЦТ, и она тоже потряслась. Потом пошла работа: приехали Вовка, Юра, Наташа, позвонил Вова Бродский, он меня разыскивал, т. к. мы договорились ехать вместе в Перово.

Огорчился и обиделся на меня один дурачок Миша: «Я год пробиваю этот музей, и сейчас, когда эти люди появились, мне надо было хотя бы на них посмотреть, а ты меня не нашла! Не позвонила в отдел культуры и не передала, чтобы меня вызвали». Сначала мне были смешны эти заявления, а потом, когда Миша стал обижаться еще больше, меня его поведение рассердило, и нам пришлось выяснить с ним отношения. Я, к сожалению или к счастью, не могу таить в себе невысказанными претензии к близкому человеку. У меня обострились эти чувства после Диминой смерти, потому что он тоже не мог держать в себе невысказанное недовольство. Он обязательно все говорил, хотя шел при этом на бурный конфликт. Он был так устроен. Я с удивлением замечаю сейчас в себе эти же самые качества. И нам пришлось объясниться с Мишей очень жестко. Я не могу общаться с близким человеком нормально, если перестаю его любить и ему доверять. Я сказала, что он суетливый дурак, что надо быть свободным человеком и не психовать от невозможности знакомства с чиновниками даже на самом высоком уровне. В конце концов, как сказал Левитанский, и сейчас задают вопрос: «А кто был царь при Гомере?» И через много лет будут спрашивать: «А кто был царем при Сидуре?» Тем более я действительно почувствовала некоторую досаду от того, что Миша был занят на совещании у Трофимовой. Он очень готовился к этому совещанию. Говорил, что Трофимова вызывает его «на ковер» (выражение, означающее, что начальство вызывает подчиненного для ругани или для похвалы), говорил, что идет к Трофимовой мириться и т. д. Дело происходило после интервью Трофимовой Андрею Амлин-

скому для «Комсомольской правды», когда Трофимова вынуждена была разрешить нашу выставку, но всячески старалась «не потерять лицо». Ведь сейчас наши партийные власти – самые упорные сопротивленцы и саботажники. У Трофимовой действительно двойственное положение: она разрешила выставку год назад, она запретила ее по звонку сверху, она не захотела возобновлять ее в этом году, чтобы не иметь лишних хлопот, и она же вынуждена была ее разрешить под давлением общественного мнения. Велико же было Мишино разочарование, когда Трофимова на совещание не явилась. А Каменев и Марта быстро решили за полчаса все организационные вопросы. Поставили круглосуточный милицейский пост, решили вопрос о быстрой установке в зале сигнализации, договорились о пресс-конференции и об официальном открытии. Таким образом, Трофимова не собиралась Мишу ни ругать, ни хвалить, а просто не явилась на это совещание, где ей действительно нечего было делать, т. к. выставку она разрешила, а дальше не ее дело. (В Перовском районе она вроде члена Политбюро. Выше ее только первый секретарь райкома, новоизбранный товарищ Шанцев В.П.). И получилось, что «тетя Света», как Миша зовет Трофимову, не пришла, а он мог бы общаться по важному делу с начальством из ЦК, но из-за «бабы Юли» (это я), он остался в неведении. Эти смешные Мишины страдания из-за неустречи с двумя группами начальства – Трофимовой и командой Петровского, были бессмысленны.

На другой день мне позвонил Маслов в двенадцать часов дня. У меня была готова папка со всеми документами, касающимися Диминой жизни. Немецкие каталоги, подробная биография и т. д. То есть все было сделано, как мы договаривались.

«Юлия Львовна, в общем эта вещь носит камерный характер. Мы не сможем ее поставить. Мы все вам привезем обратно. А эту закупим через министерство культуры». – «Так вы все-таки одну берете?» – «Да, одну берем, обязательно берем». – ««Взывающего»?» – «Нет. Как она там называется. Памятник... памятник...» – ««Погибшим от насилия»?» – «Вот, вот». – «Можно вас попросить привезти работы не на выставку, а на Брянскую ко мне домой. У меня сейчас съемка, и я поеду значительно позже».

В течение часа шофер привез все четыре скульптуры. Моя папка с текстами и материалами про Диму никому не понадобилась. «Памятник пог. от насилия» тоже вернулся, значит, разговор велся непонятно зачем, скорее всего, просто так, чтобы что-то сказать. Раз вернули, значит я могу ее кому-то продать или подарить, не чувствуя при этом никаких обязательств. Значит, все было отвергнуто, но высказано об этом дипломатично, почти на западный манер, в чем ощущается уже большой прогресс для советских взаимоотношений с ненужными в данный момент гражданами. И последнее – этот безответственный весельчак Маслов направил шофера не на Брянскую, а на Брестскую, и тот, бедняга, добирался до меня около двух часов.

Так разочаровывающе закончилась эта бурная эпопея, связанная с советской партийной властью. И я радуюсь только одному, что мы выяснили с Мишей наши личные, дорогие нам обоим отношения и не осталось при этом никакого осадка.

Я попыталась проанализировать причины отвержения скульптуры. Если отринуть мысль, что он или она вообще ничего не видели, то наиболее простая причина – им не понравилось. Эти супруги, в общем, цивилизовались и, в принципе, люди обучаемые, но их художественный вкус, я уверена, остается на уровне Глазунова. Я помню, как в начале своего царствования генсек сказал в Болгарии, преподнося на каком-то заводе метровую статую Ленина в пальто, в брюках и ботинках: «Мы дарим вам бюст нашего замечательного мастера». Это уже второй прокол с искусством Вадима Сидура в проникновении в наши высшие эшелоны власти. Сами же они проявляют любопытство и интерес от того, что другие много об этом говорят, но их личный вкус начисто отвергает подобное искусство, т. к. они уже не рабочие и не крестьяне, но еще не интеллигентные люди. Как ни странно, Димино искусство воспринимается рабочими, крестьянами, интеллигентами, воспринимается даже мещанами, хотя и в меньшей степени. Вполне возможно, что я ошибаюсь в своих выводах. Но я теряюсь в догадках. Мне непонятно, зачем они вообще к нам обращаются. Наверное, кто-то там, довольно высоко, любит Димино искусство и старается внушить эту любовь царю. Но пока не получается. Первый раз работы завернули на уровне старого ЦК, на этот раз на уровне генсека. Я надеюсь, что

больше они к нам не полезут. Лишь бы хуже не было! Потому что «наша» публика ведет себя так же трогательно и взволнованно, как в прошлом году. Некоторые плачут, и меня это поражает!

3 декабря 88 г. пресс-конференция прошла нормально. Открытие совсем хорошо. Мы испугались большого числа людей, поэтому пускали только по приглашению. Были журналисты из ТАССа, «МН», «Комсомольской правды», «Известий» (Война), Всесоюзное радио, иновещательное радио. Многие не пришли (были какие-то немцы и австрийцы), потому что впервые за 34 года в Москве в это время давал пресс-конференцию китайский замминистра иностранных дел. Говорили, почему в СССР нет скульптур Сидура, а в ФРГ и США есть. Требовали поставить скульптуру Сидура в Перовском районе. Говорили о трактовке феномена Победы, когда есть у всех официальная победа, но нет боли и трагедии. Каменев пообещал подумать об установке скульптуры Сидура в Перовском районе. Мне задавали вопросы о том, как попадали работы за рубеж, почему именно в ФРГ и т. д. Мы отвечали на вопросы четверо: Каменев, Марта, Миша и я.

На открытии выступали: Смехов, Денисов, Левитанский, Маркин и другие. Было человек двести. Очень удачно подвезли небольшие каталоги (как в Оффенбурге примерно, но худшего качества). Народ был счастлив. ТБ снимало Левитанского для большого сюжета на Литературно-художественном видеоканале: рассказ Левитанского, Димины скульптуры, Димины стихи и т. д. Не менее, чем на сорок минут. Одновременно с утра снимала группа из Троицка, хозяйство Велихова. Это городок ученых. Они едут на месяц в США, в Сан-Франциско и Лос-Анджелес с видеофильмами о Советском Союзе. Я что-то сказала об «Эйнштейне». Говорили о Гитлере и Сталине (Война), об одинаковых вкусах злодеев и диктаторов. В буклет вошло много фотографий, вступительный текст составителей (не очень), текст Ноэми Гребневой, несмотря на сокращение, очень хороший.

В этот раз мы расширили выставку, выставили почти 130 скульптур. В «объекты» добавили «Гроб-девушку», «Горло» и стенд с фотографиями бохумских вещей, а также «Люди» и большое количество Диминых вещей. В другом зале специально покрасили стену белой краской. «Райской жизни» не

было, но повесили много акварелей 80-х годов, фломастерные рисунки и черно-белые. Из скульптур добавили 15 штук «Женского начала», «Хула-хуп» (гальваника), «Святое семейство» (гальваника), «Бабушку с внуком», «Носорога», «Связи» и много еще.

4 декабря был уже обычный рабочий день. Теперь у нас есть билеты и можем точно назвать число посетителей. У нас билеты по 20 копеек для всех, по 10 коп. для студентов, по 5 коп. для школьников. Художники (студенты худ. вузов и члены Союза) бесплатно. 4 декабря выставку посетило 1200 человек. Люди умоляли о каталогах. Когда мы с Мишей приехали, очередь стояла вдоль всей длинной лестницы. Некоторые приезжие уговорили нашу добрую Надежду Васильевну выслать им каталоги в другие города. У нее рядом почта, они оставили ей деньги. Каталоги появятся уже в среду. Я слышала разговоры, что люди специально придут с утра занимать очередь за каталогами. Я услышала и стала уговаривать народ не приходить с утра, т. к. выставка откроется только в 13 часов. У нас тираж 15000, выпущенный кооперативом «Авангард. XX век». А второй, государственный каталог, тоже тиражом 15000, появится в середине декабря. Он должен быть получше, хотя стоить будет 1 р. 68 коп. А этот кооперативный – 2 р. 40 коп.

Появилась пресса во вчерашних газетах об открытии выставки: «Комсомольская правда», «Московская правда», «Вечерняя Москва». На открытие пришла Эльфи, а потом, потолкавшись, уехала еще на какую-то пресс-конференцию.

Смотрители говорили, что зрители требуют меня – отвечать на вопросы. Честно говоря, меня поразила толпа на открытии нашей выставки 4 декабря! Я думаю, что буду приезжать беседовать с народом по средам и четвергам к вечеру, когда поток людей начинает спадать. Иначе невозможно, окружает толпа в 500 человек и не вздохнуть, ни охнуть.

Еще один интересный момент. «Тетя Света» на вернисаже не присутствовала – «заболела». И вообще никто из райкома не присутствовал. Но, оказывается, был человек из горкома партии по фамилии Медведев. Марта подвела его к Мише, и он сказал интересные слова. Он сказал, что сейчас люди говорят многие резкие вещи, пытаясь разделить общество по обе стороны баррикад. Но здесь у нас разговоры шли по существу, об искусстве. Выставка сделана прекрасно. «И вообще, – ска-

зал он Мише, – мы очень довольны работой культурного отдела Перовского района». На следующий день, вчера, вышла статья в «Московской правде»: «Жизнь и судьба Вадима Сидура» («Московская правда» – орган МГК), где речь шла о запрете вывоза произведений В. Сидура за рубеж и о создании музея.

Запрет на вывоз меня немного огорчает. Уже были вторые съемки для аукциона в феврале в Хаммеровском центре («Пам. совр. сост.» 15 тыс., «Оставш. без погребения», алюминий, 12 тыс., «Инвалид», 1962 г., 10 тыс.). Очень боюсь, что снова не разрешат.

Нам все-таки хочется кое-что продать, хотя, с другой стороны, лестно, что Сидура ценят также, как Рембрандта. Но тогда, сволочи (!), пусть сделают музей Вадима Сидура! И пусть Миша будет в нем директором.

Спешу сообщить вам, мои дорогие, что ремонт в мастерской закончен. Хорошие работяги, но пьянчуги, покинули наш подвал. Теперь это чистый, но чрезвычайно захламленный подвал, который потихонечку надо приводить в порядок. Миша провел этот ремонт сам с начала до конца. Надо сказать, что в наших условиях это что-то героическое, и я очень Мишей горжусь. С этой недели начнем постепенно приводить все в порядок.

Сегодня позвонил Рубен Геворкянц, сказал, что вернулся из Армении, где происходят невероятной важности события, едет в Амстердам, сдает картину. Потом приедет в Москву и начнет работать над фильмом про Диму. Он сказал, что объединение «Риск» при ЦСДФ ищет спонсора, чтобы снимать скульптуру в ФРГ. Думаю, что начнем в этом году.

Я кончаю это бесконечное письмо. Накопилось много событий. Я крепко вас обнимаю. И хочу видеть.

Юля

Москва, 11 декабря 1988 г.

Как всегда, делается приятное настроение после звонка Карла. Огромное спасибо за кассету с материалами из Диминого фильма, а также за новую материальную возможность переводить Димины скульптуры в гальванику.

Бы, конечно, знаете об ужасающем землетрясении в северной Армении. В этом трагическом событии есть один маленький радостный просвет и надежда. Впервые за семьдесят один год нечеловеческого антигуманного правления нашим государством правительство, а по его примеру и народ, ведут себя как нормальные граждане нормального цивилизованного современного государства. Милосердие и сострадание, наконец, обрели свой смысл в словах и делах. Прекратилось многолетнее замалчивание драматических событий, происходящих на советской земле. Глава государства находится там, где ему положено находиться в подобных ситуациях, то есть на месте катастрофы. Хочется верить, что прекратилась эра дезинформации людей, тотальная и преступная ложь, а также связанные с этим равнодушие и жестокость. Сегодня в нашем доме ходили активисты, собирали одежду для отправки в Армению. Официальное принятие помощи от других стран действует гораздо больше, чем все душещипательные разговоры о мире и дружбе между всеми народами мира. Наконец-то, закомплексованные, но переполненные имперским мышлением многие сверхдержавные жители начали чуть-чуть освобождаться от идиотизма своей исключительности («мы бедные, но зато мы самые сильные, нас все боятся»). Рушится еще один расхожий лживый стереотип – «мы всем помогаем». Теперь видно, как все помогают нам – быстро, умело и без трескучей брехни. По ТВ показывают сосредоточенных людей, великолепную технику и оборудование. У нас же, как обычно, люди есть, но не хватает лопат, отбойных молотков, тяжелых кранов. Люди становятся в цепочку и по конвейеру перекидывают камни, где погребены пострадавшие. Такая работа тоже необходима, но она все-таки была более уместна в прошлых веках, чем на пороге двадцать первого столетия. Сейчас особенно ясно видно, как смешна наша невероятная сверхъестественная военная мощь. Ни один самый совершенный танк не может заменить бесценного детского питания и медицинских инструментов. А за каждую живую собаку, отыскивающую людей под обломками рухнувших домов, надо уничтожать по тысяче мертвых ракет, предназначенных для умертвления пока еще живого.

Такие размышления, я надеюсь, возникают у многих, кто видит, что происходит рядом. Хотя глупость, дикость и подлость существуют как прежде. Наталья Нольде сейчас работа-

ет в школе и слышит суждения некоторых учителей: «Зачем помогать этим черномазым. Они там бастуют, а мы их спасаем». Когда Наталья возмутилась этому заявлению, многие замолчали, но посмотрели на нее с искренним удивлением. Эти люди, воспитанные на официальной пропаганде о дружбе и братстве всех народов СССР, считают, что начальству положено все это декларировать, но на самом деле: «Мы, русские, живем плохо, потому что процветают все эти жида, армяшки, чучмеки, татарва, хохлы, немчура, черномазые, косоглазые и т. д. Мы всех кормим!» Почему-то в России, где всегда плохо со жратвой, считают, что это потому, что вся еда уходит для прокорма других национальностей. В общем, мне кажется, что в нашей стране при объявленных ста процентах всеобщей грамотности, царит такое вопиющее невежество и бескультурие «в массах» (выражение тов. Ленина – «массы»), что аж дух захватывает!

И тем не менее странный парадокс имеет место – советских людей (всех сословий!) очень трогает искусство Вадима Сидура. Я не перестаю поражаться этому странному феномену. Я понимаю, почему нравится живопись Глазунова и Константина Васильева – на мой взгляд, кошмарны один и другой. Но почему так нравится Димина скульптура – не понимаю! Сегодня нас посетило 1500 человек. В двенадцать часов, во время открытия, была очередь за проспектами. Уже продана треть проспектов (даже больше), только с четверга они поступили в продажу (тираж 15 тысяч). Публика у нас в основном небогатая. Билет за 20 копеек (10 для студентов и 5 для школьников) считается нормальной ценой, а проспект за 2 р. 40 коп. – очень дорогим. Вчера слышала, как наша совершенно замечательная тетка-смотритель Надежда Васильевна беседовала с посетителями. Она продает билеты и проспекты. Один пожилой зритель сказал: «А для ветеранов войны почему билеты?». Надежда Васильевна громогласно ответила: «Если бы у нас по пять рублей были билеты, тогда бы вы чего говорили. А у нас по 20 копеек всем людям!». Вчера мы видели, как прошли работники министерства культуры по своим удостоверениям. Им, так же, как художникам и студентам художественных вузов, положено на выставки бесплатно.

У нас работают три пожилых женщины-смотрителя. Самая яркая из них – это Надежда Васильевна Комиссарова. Наша

любовь началась еще с прошлогодней Диминой выставки. Она не пытается разбираться в Димином искусстве, но его личность, его внешность по фотографиям, биография, а также вся наша команда от Миши, меня и до Натальи симпатичны ей чрезвычайно. У нее совершенно бесподобная речь, она человек малограмотный, но живой, веселый и чрезвычайно общительный. Ее истории, перемешанные матерными словами, заставляют нас буквально умирать со смеху.

На днях у нее случилось несчастье: «Жена загуляла, сын вернулся ко мне! Боюсь, как бы не удавился». Мы все начали ее утешать. Долго утешали. Был конец работы. «Надежда Васильевна, чайку попьем?» – «Да как же, Юлия Львовна! Я сейчас приду домой, а он у меня там висит!».

Сын Виктор, к счастью, не повесился. И вообще, оказалось, что с женой он «разбегается» уже второй раз. У Надежды Васильевны героическая биография. У нее есть медаль «За доблестный труд». Она 1930 года рождения. Родилась и жила в деревне, а в 50-е годы приехала в Москву, где работала на стройках и кондуктором в трамвае. Была три раза замужем. Медаль получила в возрасте 14 лет за спасение зерна в 1944 году. В деревне, где она жила, перевозили глубокой осенью зерно в мешках на лошадях по шаткому мосту через реку. Мост обломился и рухнул. Председатель колхоза должен был за это пойти под трибунал. Надежда Васильевна ныряла в ледяную воду и вытаскивала один за другим мешки с зерном. Всего вытащила сорок мешков. Но самое главное у Надежды Васильевны – она сочиняет стихи и даже целые поэмы. Этот дар проявился у нее в прошлом году после знакомства с нами. На эти стихи не знаешь, как реагировать, то ли плакать, то ли смеяться. Более всего поражает их неграмотная косноязычная искренность. «Мне бы классов побольше! – говорит Надежда Васильевна, – я бы еще не это написала!».

Ее основная тема – выставка Вадима Сидура. Она в рифму рассказывает, что происходит в нашем зале. Мы все ее одобрили и посоветовали написать что-нибудь о своей жизни. Она тут же выдала поэму о своих отношениях с последним мужем. Творчество Надежды Васильевны похоже на сочинения среднеазиатских акынов. Фантастическая орфография придает ее стихам особую прелесть. Хитрый Марик Харитонов поразился и стал просить: «Отдай мне эти стихи!» А я говорю: «Нет, Марик! Мы сами писатели, нам тоже пригодится».

На днях Надежда Васильевна на бегу, не имея под рукой бумаги, написала на коричневом пакете, в котором находился сахарный песок:

Сам Сидур лежит в могилки
И он не знает ничего
За то сын его доволен
Что такой папа у него.

Это не лучшее стихотворение Надежды Васильевны. Но, очевидно, желание сочинять так велико, что она решила все-таки зафиксировать тут же то, что ей пришло в голову. Она называет «стихом» каждое четверостишие. «Вот напишу шестнадцать стихов и принесу вам». Она внимательно читала в прошлом году «Книгу отзывов». В этом году не читает, потому что из-за продажи буклетов некогда это делать. Спросила как-то: «Что такое чувашки?» – «Это народ такой: чувашки, мордва». – «А почему в нашей книге написано: “Долой чувашки!”» – «Не может этого быть». – «Нет, не чувашки, а чинашки». Я, наконец, догадываюсь: «Долой чинушки!» – «Ага! А кто такие чинушки?» – «Так это же чиновники!» – «А кто такие чиновники?».

Надежда Васильевна не читала «Шинель» Гоголя и не знает о судьбе чиновника Акакия Акакиевича. Но зато она хорошо знает, кто такие советские бюрократы. Выучив слово «чиновник», Надежда Васильевна непрерывно употребляет его в стихах. Сегодня она позвонила специально, чтобы спросить: «Как называется доска, около которой я билеты продаю?» – «Это стенд». – «Стент? Мне для стихов нужно». Теперь в среду будет новое произведение. Завтра, послезавтра у нас на выставке выходной.

Я посвятила так много места Надежде Васильевне, потому что это совершенно неординарная личность. Мы с Мишей печатаем ее стихи и пришлем вам для знакомства.

Вчера утром мне позвонила Алла Максимовна Муравьева, жена Владимира Муравьева. Мы говорили с ней целый час. Они с Муравьевым были у нас на выставке, и она рассказывала о том, что выставка потрясла их обоих. Она сказала, что потрясение было не меньшим, чем посещение мастерской.

В этот вторник (13-го) мы посетим с Маркиным мастерскую Муравьева. Они до сих пор не видели твоей публикации

в бернском каталоге, но слышали о ней и, по-моему, им это приятно. Мечтаю вытащить Муравьева с чердака и для начала сделать его персональную выставку. Я говорю о нем всем журналистам, но им нужен человек с именем. Получается заколдованный круг – о нем не говорят, потому что у него нет имени, а имени нет, потому что никто о нем не говорит.

История с визитом товарищей из ЦК благополучно закончилась подарком генсека в ООН произведения «Древо жизни» (!) «старейшего советского скульптора» Аникушина. Во время церемонии дарения произведение походило на добротное дополнение к добротной мебели, что-то вроде чистенькой аккуратной вазы или сервиза. Это искусство никакое, но нейтрально и прилично. Своей пристойной банальностью оно не привлекало ничьего внимания и ни коим образом не выбивалось из дипломатического протокола. Перес де Куэльяр смотрел мимо подарка, т. к. думал о том, куда идти и что говорить дальше. Подарок настолько безлик, что есть ощущение, будто бы стертость и безликость – его главное достоинство. Безмолвный, но шумный маленький «Взывающий» Сидура мог бы внести опасный интерес в действие, которому по правилу заранее отведена малозначительная роль.

Один момент мне даже хотелось, чтобы высокое начальство заинтересовалось Диминым искусством. Нам с Мишей хотелось нахрапом, «за дурака» получить статус музея в Перове. Расчет был прост (на первый взгляд), Перово – отдаленный район столицы с полумиллионным населением. Районные власти хорошо относятся, зал принадлежит им. [...] В центре мы никогда ничего не получим, здесь уже получили. Союз художников и МОСХ могут плюнуть и не лезть, т. к. зал не их и очень далеко от центра. Можно было бы нам, хитрецам, получить статус районного (вроде как деревенского) музейчика, вроде «Музея боевой славы» (существуют такие жуткие конторы в некоторых районах Москвы). Но имя Сидура оказалось слишком громким, чтобы авантюра, задуманная для блага общества, удалась. Огромные симпатии Марты к Диминому творчеству, к Мише и ко всем нам, хорошее отношение Каменева и, как ни странно, терпимое отношение Трофимовой – все это заставило нас прокантоваться в Перове еще целый год. Разумеется, при помощи общественного мнения, а также кого-то «сверху». И вот мы снова открылись с формулировкой «ра-

ботать пока идет народ» (!). Миша при этом на какое-то время «приносится в жертву» (беспартийный, упрямый). Назначается в угоду райкому партийная бездарная Нафисет. Старый опытный бюрократ Марта лавирует в кафкианском «замке» с невероятной ловкостью. Мне кажется, что она сейчас больше меня хочет сделать в Перове Музей Сидура. Дело в том, что на Саянской улице действительно в 1989 г. сдается выставочный зал и тогда наше здание может сделаться филиалом этого зала. Они с Каменевым хотят перевести магазин «Цветы» (первый этаж) на соседнюю улицу, а все здание отдать под единый выставочный комплекс. Тогда Музей Сидура может оставаться постоянным во главе с Мишей. Нафисет переводится на Саянскую ул. Вместо «Цветов» делается зрительный зал, где проводятся разные культурные мероприятия. Есть также хорошо оборудованные подвалы. В общем, получается культурный центр, о котором много говорил Киселев, но все бросил в самом начале пути. Первое время Музей Сидура оправдывает себя даже финансово, как это происходит сейчас. Наилучшая посещаемость районных выставочных залов – двадцать человек в день, у нас 750 человек в среднем по будням. Когда искусство Сидура станет привычным, как в любом музее, притяжение к центру осуществится за счет различных культурных мероприятий на первом этаже (бывшие «Цветы»). Всякие интересные люди, а Марта и Каменев убедились, что в нашем окружении они существуют, посещают Перовский пролетарский район, в котором бурлит интересная культурная жизнь. Так рассуждает «герой перестройки», заведомо культуры Перовского райисполкома тов. Шабушкина М.В., которой по возрасту (55 лет) пора на пенсию, но ее не отпускают. Мне тоже всего этого хотелось, но сейчас, честно скажу, когда приблизилось столь высокое начальство, и я посмотрела на них вблизи, мне стало скучно. Эти политические люди паразитически неинтересны. Они суетливы и преследуют только немедленные ложно-значительные цели. Димино искусство вырвалось из всех замкнутых кругов, а начальство в меру своего прагматического интеллекта, пытается загнать свободный Димин дух обратно в сферу влияния своего политического круга. И они сами же этой свободы не выдерживают. К счастью, «старейший скульптор» Аникушин всегда выручит в трудную минуту. В общем, я хочу провести эту выставку

«пока идут люди», а потом вернуться в свой родной подвал, где нет больше выбитых окон, а в туалете установлен новый унитаз и нержавый бачок. Но я не скажу об этом Мише, ибо огорчу его беспредельно. Пусть все идет, как идет.

Сплетни из министерства культуры. Огорченный Андрей Амлинский рассказал, что в мин. культуры несколько дней назад будто бы состоялось какое-то совещание, где министр культуры Захаров говорил, что не позволит авангарду захватывать все позиции в искусстве. Речь шла о молодых. Потом он почему-то перешел на Сидура и даже в лицах очень отрицательно изображал его скульптуры (пытался изображать). К сожалению, никаких других подробностей узнать не удалось. Ольга Кучкина узнала об этом от молодого авангардиста Евгения Митты, а тот еще от кого-то. Это интересный факт, т. к. Захаров относился к Сидуру нейтрально, скорее даже положительно. Непонятно, чем вызвано подобное отношение – неудачей в ЦК или же чем-то еще? Я сказала Андрею, чтобы он не огорчался: мы пережили террор, застой, а теперь как-нибудь переживем и перестройку, главное – ничего у начальства не просить. Когда надо, они сами придут и все нам дадут. Мое отношение к предложению Егорычева из минкульты (парк Сидура, семь скульптур) было правильным.

Вчера в Перове встречались с ребятами, бывшими «афганцами» из клуба «Долг». Из Перовского района в Афганистане погибло 30 человек. Бывшие солдаты хотят поставить в Перове памятник своим погибшим. Их пришло человек двадцать. Один, кажется, без ноги. Ребята простые, грубоватые, понимают в искусстве слабо. Тем не менее заинтересовались «Пам. оставшимся без погребения». Их высказывания: «Этот памятник подходит, потому что главное – это для матерей». В то же время, если даже они согласятся ставить «Оставшимся без погребения», им хочется еще делать аллею и где-то отразить «афганскую» солдатскую атрибутику: панаму, бронежилет, автомат и т. д. Трафаретно называют себя «воины-интернационалисты». Грустно на это смотреть и слушать. Через неделю дадут ответ. Уверена, что они пойдут по более привычному пути установки подобных памятников. Хотя, кто знает. С ними были их девушки, похожие на героиню из знаменитого нашего фильма «Маленькая Вера». Девушки понимают в искусстве больше юношей.

Сегодня в Перове встречались с двумя товарищами: Яков Яковлевич Этингер из Института международной экономики (член оргкомитета «Мемориала») и Латышев, не помню имени-отчества, из Высшей партийной школы. Привела их Романычева подруга Татьяна (вспомни очки!), инструктор райкома Фрунзенского района. Сказали, что хотят предложить Сидура на Болотной площади – напротив знаменитый «Дом на набережной». Второй этап конкурса – закодированные проекты. Сидура закодировать нельзя, поэтому общественность предлагает ансамбль из пяти скульптур в открытом виде: «Взывающий», «Пог. от насилия», «Формула скорби», «Оставшимся без погребения», «Концлагерь». В четверг они выйдут с этим предложением. Мы с Мишей не возражаем.

Это последняя информация. Пишу от руки, потому что не могу по ночам стучать на машинке. Копий тоже не делаю. Удовлетворяю свою страсть к графоманству. К тому же набегают много разных новостей. Очень рада, что вам понравились Венья и Галя.

Крепко вас обнимаю. Привет друзьям.

Юля

P.S. Надо подумать о новой видеокамере, Hitachi стала часто барахлить, к тому же по качеству она сильно уступает «Панасонику». Мы убедились в этом во время последней съемки на вернисаже в Перове.

Москва, 19 декабря 1988 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

У Саши и Ренаты появился замечательный аппарат, по которому можно в любой момент позвонить куда угодно. Я надеюсь, что скоро каждый советский человек получит такую же возможность звонить по автомату за границу. И лимитировать телефонный треп будут только деньги.

Я подарила Аллардтам «Медаль Карла Аймермахера № 1». Теперь они полные кавалеры обеих наград. Сегодня мы снова увидимся на выставке Клауса Штека. А потом я поеду в подвал, где медленно, но неуклонно продвигается вперед наша перестройка. Что же касается гласности, то она уже давно

зарекомендовала себя в нашем подвале с лучшей стороны. Наш коллектив пока что очень сплоченный и дружный: Бродские, Юра, Наташа, Вовка, Романыч, а сейчас и Олег, всегда рядом. [...]

Был у меня Эрик Пешлер. [...] Сказал, что в конце января привезет макет книги о советской графике. Издатель испугался «Мутаций», поэтому пойдет ваша подборка и «Автопортрет». Интересно, какой?

История с подарком для ООН имела свое продолжение. Идиотизм и маразм нашей жизни беспредельны. Оказалось, что заявленное на весь мир произведение «нашего старейшего скульптора» Аникушина принадлежит совсем другому автору – Иулиану Рукавишникову. Произведение от этого не улучшилось, хотя Рукавишников как скульптор еще хуже Аникушина. Я представляю, какой бардак царит в «высших эшелонах» нашей власти, когда им все равно что дарить и кому дарить. Идет грызня у государственного корыта многих группировок, где в спешке сваливают в одну кучу и мусор, и бриллианты, при этом по невежеству и безответственности не могут запомнить, как что называется и кто что сделал. Я рада, что чистое имя Сидура выпало из этой недостойной свалки. Первым, кто сказал нам, что «Древо жизни» принадлежит Рукавишникову, был Саша Шумов. Мы все очень забавлялись. Я тоже, глядя на шедевр, подумала, что Аникушин в основном Пушкина лепит, а тут неожиданно отошел от темы. На другой день в программе «Время» в «Новостях культуры» сказали об открытии выставки Рукавишникова, произнесли все банальные похвалы и между прочим сообщили, что «Древо жизни» (показали эскиз) подарено в ООН. Таким образом, как бы извинились за свою предыдущую ошибку.

Рукавишников не только неинтересный художник, он еще и как человек дерьмо. Это он в 1972 году очень злобно выступал против Диминого памятника И.Е. Тамму, чем совершенно потряс Витю Гинзбурга и семью Игоря Евгеньевича. Сейчас на официальной ниве процветает его сын Александр Рукавишников. Он чуть способнее папочки, но в общем, тоже не бог весть что. Известен памятником на могиле Высоцкого, где кроме певца еще есть лошади (целых три).

Наш Миша расстался с Ирой. Теперь у него Галя. А мы продолжаем дружить с Ирой и Христиной. У нее с Мишей

тоже сохранились нормальные отношения. Новая Мишина подруга Галя, 32 года, двое детей двойняшек (мальчик и девочка) по 13 лет. По образованию химик, отец армянин, мать русская. Сейчас у нее в городе Спитаке погибли родственники с армянской стороны. В Мишу влюблена по уши.

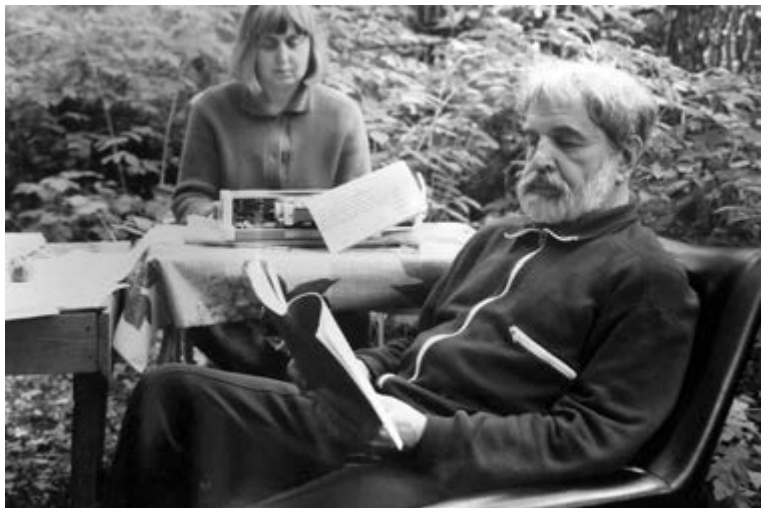
Обрываю письмо, т. к. не успеваю. Продолжение следует. Поздравляю вас с Рождеством. Привет всем друзьям. Обнимаю, целую.

Юля

P.S. Карлуша, не можешь ли ты замолвить словечко за Ренату фон Майдель в ДААД. Она очень хочет приехать в Москву.

Треблинка. Берлин. Фото: К. Аймермахер

Работа над романом «Памятник современному состоянию. Миф», вторая половина 1970-х годов. Фото: Г. Геннис

Наталья Нольде и Георгий Геннис, 1973. Фото: Юлия Сидур

Адам и Ева, 1976. Фото: Э. Гладков

1989

Москва, 3 января 1989 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Буду писать вам коротко, потому что как всегда нет времени. От всего сердца поздравляю с Новым годом и желаю здоровья!

Очень опечалила смерть Юлика Даниэля, хотя этого надо было ожидать каждую минуту, настолько он уже давно был тяжело болен. У меня есть дневниковые записи 72 или 73 года о том, как мы с Инной Бернштейн и ее дочкой Аней ездили к нему в ссылку в Калугу. А еще раньше, в конце 60-х, где-то записано о его совсем коротком посещении нашего Подвала, когда мы с Димой принимали школьников из Мишиного класса. Даниэль – человек совершенно прекрасный, и только очень преступная, разложившаяся уголовная власть могла преследовать такого человека.

Еще одна сенсация – появление большой тени из прошлого, Миши Скамейкина из Лондона, ныне американца. Я проявила малодушие и не смогла послать его к чертовой матери, как все время себе это представляла. Не хватило у меня сегодня на это душевных сил. В общем, завтра он прибывает.

Купили телевизор «Паназоник». Теперь хотим купить новое видео, т. к. «Нордменде» не подходит к «Паназонику», на него нельзя записывать с телевизора. Кроме видео хочу купить всякие необходимые шнуры и камеру, тоже «Паназоник М 7». Такая у Слепышева. Юра ее опробовал и сказал, что она намного лучше нашей «Хитачи». Тем более что «Хитачи» уже два раза ломалась, и мы хотим ее продать. К счастью все это есть в «Березке», где Рената пока может мне все это приобрести на серию «Д», а ты потом ей все оплатишь. Заранее тебя за все благодарю.

Из Парижа прибыл Слепышев, где он жил два месяца у маршана Мелинна. Он написал ему шесть больших полотен. Понавез массу вещей, из которых самая ценная – компьютер! Он купил этот компьютер в Западном Берлине за 6 тысяч марок. С принтером. Считается, что очень хороший. Во Франции таких не было. Ввозить компьютеры разрешается любые. Он заплатил за него на таможне 300 (триста) рублей. Как ты думаешь, не стоит ли мне привезти такой же компьютер? У нас с Мишей есть ощущение, что кто-то очень знающий дает Слепышеву советы, и до сих пор он покупал нужные вещи. Я только не совсем понимаю, как этот компьютер перевести на русский язык. Но говорят, что очень много советских программистов, которые справятся с этой задачей.

Что касается двух видео, то мы с Юрой уже много наснимали невероятно интересного материала, поэтому для монтажа нам необходима аппаратура и поэтому «Нордменде», у которого очень сильный сигнал, тоже нам пригодится. Митюшка вернется с каникул, и я отдам ему телевизор «Грундик», который очень люблю и мне жаль с ним расставаться. По качеству он мне нравится больше «Паназоника», но «Грундики» у нас в «Березке» нет. Цвет у «Грундика» более естественный.

Я увидела Муравьева в подлинниках. Это совершенно замечательный художник. Я даже думаю, что один из лучших среди живых. Я уверена, что еще предстоит его грандиозное открытие. Он якобы простоват с виду, но на самом деле чрезвычайно сложен и как художник и как человек. Внутренне он необыкновенно интересен, и вся его художественная патология, превратившаяся в норму, которую он внешне своими прибауточками как бы притушевывает, обязательно потрясет зрителя. Я не знаю, пришло ли для этого время или еще нет, но не сомневаюсь, что это обязательно произойдет. Сейчас думаем, как его показать и представить. Наша публика любит, чтобы ей все объяснили, вот мы и думаем, как объяснить. Я считаю, что иностранцам, которые хотят покупать искусство в Москве, надо поскорее покупать именно его. Художники худшие по качеству, но с именем, стоят сейчас безумно дорого, к тому же художники требуют валюту, а не рубли. Поэтому Муравьев, не избалованный вниманием и готовый в среднем продавать свои масляные картины за цены от 800 р. до 2,5 тыс. – огромное везение для коллекционеров.

Ремонт в подвале продолжается, но носит затяжной характер, как нудный осенний дождь: грязно и холодно!

Выставка идет. За 20 рабочих дней нас посетило 15 тысяч человек и продано 10 тысяч каталогов из 15 тысяч всего тиража. Дело в том, что если бы это было не кооперативное издание, то можно было бы продавать и в других местах, и тираж был бы уже продан, но мы имеем право продавать только на выставке. Многие рады, что такой проспект есть, а многие покупают, но недовольны качеством бумаги, полиграфии и малым количеством текста и фотографий и большой ценой – 2 р. 40 коп.

Со всех сторон поступают пожелания поставить Димины памятники на Поклонной горе и сталинским жертвам. Но все это носит очень эмоциональный и неконкретный характер. Одним из гипотетических конкурентов является Неизвестный. На собрании «Мемориала», как мне рассказали, выступал сын Хрущева и сказал, что не надо конкурса, потому что его друг Неизвестный сделает хороший памятник. Карякин тянет Неизвестного, Коротич, такой жуликоватый философ Шиферс и еще другие. Но мы прекрасно знаем, как наше художественное начальство не любит никого, ни Сидура, ни Неизвестного, а все бразды правления пока что остаются в их руках.

Кстати, на нашей выставке в связи с новогодними праздниками сильно поуменьшилось посетителей: 200–300 человек в день, все были заняты покупками продовольствия и вообще беготней по магазинам. Посмотрим, как у нас будет посещение в январе.

До сих пор не разрешают выпускать Сидура в Лондон, хотя Назаренко разрешили. Итак, из 11 художников не разрешают выпускать одного Диму. Одновременно какой-то другой аукцион в Центре международной торговли (Хаммеровский), где каталог составляет Вильям Мейланд, состоится, и Димины работы там будут: «Памятник совр. сост.», «Оставшимся без погребения» (алюминий), «Инвалид».

Крепко вас обнимаю, желаю здоровья и очень хочу повидаться.

Думаю, что Миша с его упорностью в итоге создаст Музей Вадима Сидура! Он иногда добивается потрясающих успехов!

Целую. Огромный привет от Бродских.

Юля

Москва, 17 января 1989 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Несмотря на то, что наша переписка приняла односторонний характер, то есть я пишу, а вы не отвечаете, я все-таки пишу, т. к. уверена, что у нас с вами всегда есть, что сказать друг другу. И надо радоваться, что имеется такое дорогое, но замечательное средство, как телефон – и связь восстанавливается!

Ремонт в мастерской длится уже девятый месяц, но только на днях закончена, наконец, работа, которую мы не могли сделать без специалистов. Теперь в коридорчике между большой и маленькой комнатой положен плиточный пол, и мы больше не мучаемся от постоянной и бесконечной цементной пыли. Теперь все уже зависит от нас. Мы повыкидывали массу добра, которое для всякого обычного человека считается мусором, а для Димы было драгоценным рабочим материалом. Но Димы больше нет, и мы решили оставить только пару ящиков металлических моторов, канализационных труб и прочих ценных отбросов, как пример драгоценного для художника материала. Теперь нам снова надо думать о станках и подставках и главное – о хорошей экспозиции. Вы будете очень удивлены, когда увидите, что теперь у нас сзади на месте маленьких комнат появился новый довольно большой зальчик, образовавшийся в результате рухнувших во время ремонта перегородок. Изменения в мастерской огромные, восстановить ту атмосферу, которая была при Диме, будет чрезвычайно трудно, вернее, даже невозможно, но наша задача сделать экспозицию интересной и обязательно теперь, когда у нас есть еще один зальчик, выставить также 50-е годы. Когда ты приедешь, мы еще раз обо всем посоветуемся.

Наша выставка в Перове проходит неплохо. Нас посетило 20 тысяч человек (сдали в райисполком 4 тыс. рублей за проданные билеты по 20 коп.). Из 15 тыс. каталогов осталось меньше трех тысяч. Правда, сейчас уже не столько людей, как в начале. Теперь в будние дни нас посещает по 200 человек, а в субботу и воскресенье по 500–600. Тем не менее это для выставочных залов, тем более районных, отдаленных от центра, считается очень много. Мы продолжаем приносить духовную и материальную пользу, поэтому формулировка «не закрывать, пока идут люди» прилежно выполняется. У нас

есть некоторые оптимистические основания предполагать, что в итоге мы там останемся навсегда, как главный объект культурного центра Перовского района (пока трудно сказать, когда именно, но в принципе). В общем, власти не против. Всем этим усиленно занимается Миша. На этом пути, конечно, будут проблемы: финансы, помещение (выселение магазина «Цветы» и перевод его в другое приличное помещение), а главное – стабильность в смысле свободы, хотя бы относительной, в советской культурной политике. Музей Вадима Сидура должен быть ядром культурного центра и ни в коем случае не превращаться в мертвый мемориал. Цель такая, чтобы вокруг музея все время бурлила жизнь: вечера литературные и поэтические, сменные выставки разных художников, лекции по современному искусству. Несмотря на то, что Перовский район не центральный, он может стать центральным, у нас так всегда – центр там, где что-то происходит интересное. Тем более что метро от нашего здания действительно близко, а это очень большая удача.

Уже в «Московской правде» и по ТВ в передаче «До и после шестнадцати» прозвучала мысль о том, что жертвам сталинских репрессий нужно поставить «Памятник оставшимся без погребения». Когда к нам обращаются конкретно, мы всегда выражаем полную готовность участвовать, но потом все опять куда-то улетучивается и ничего не остается кроме благих намерений. К тому же клуб бывших «афганцев» «Долг» из Перовского района (погибло из этого района тридцать ребят в Афганистане) тоже решил, что они хотели бы поставить этот памятник. Мы с Мишей решили, что отдадим тому, кто вперед определится. Ребята в Афганистане тоже не виноваты, что их погнали на смерть. Сейчас много инвалидов, чувствуют они себя довольно несчастными, одинокими и неприкаянными – жертвы преступного режима. Но не очень-то власть хочет оплачивать свои долги. И хотя Горбачев прекратил эту безобразную войну, в чем его большая заслуга, он все равно, как член бывшего правительства, несет за нее ответственность.

Мы все очень рады, Карлуша, твоему приезду 12 февраля. Тебя здесь многие ждут и кроме нас. А у нас в Перове 18 февраля состоится вечер, посвященный Диминой памяти. Мы хотим, чтобы на нем выступило несколько человек и ты, конечно! А во втором отделении собираемся показать видеофильм,

который сейчас монтирует Юрочка. Смонтировали уже на 4 минуты. По-моему, получается очень неплохо. Весь фильм должен длиться минут 45. В него войдут материалы из Диминого фильма, того, что ты прислал, а также Юрочкины съемки в мастерской, на кладбищах и в Алабино. Озвучим музыкой Баха, Моцарта, Вивальди, Диминым бормотанием (пением!), его стихами и текстами его интервью с тобой и со Шмидт-Хойером. Вы с Гизелой у нас проходите, как персонажи в Переделкино, а потом Карл в мастерской. Кое-какие фрагменты берем из фильма Клауса Беднарца. Качество нашего фильма не блестящее получается, но все равно, я думаю, он будет интересным. Уже договорились с Ренатой, что на днях пойдем покупать камеру «Паназоник» и кое-какие необходимые для работы шнуры. Дело в том, что мне удалось купить с рук совершенно новое японское видео «Акай» на 9 систем, поэтому пока, нам кажется, можно обойтись тем, что есть. Честно говоря, меня мало интересует просмотр фильмов – слишком мало хорошего и огромный мутный поток киномакулатуры, но свое делать нам с Юрочкой очень хочется.

Карлуша, надо учесть опыт Слепышева, который купил, возвращаясь из Парижа, много электронных предметов, но все они слишком хороши. Для наших условий они не подходят. Это касается и компьютера, который он купил в Берлине за 6 тысяч марок. Оказалось, дорого, не очень полезно, т. к. его подгонка и переделка под наши стандарты стоила еще кучу денег. Специалист по компьютерам, который все им исправлял и налаживал, написал очень точные данные того, что необходимо именно у нас. Он обратил внимание на то, чтобы были все указанные детали, т. к. иначе не будет полного комплекта и надо будет долго и мучительно что-то доставать и добавлять и каждый раз платить пошлину. Я прилагаю листок, где написано, какой именно компьютер нам нужен и какие к нему должны быть необходимые детали. Если ты такой компьютер купишь, то Миша может приехать тебя встретить в Шереметьево с деньгами для пошлины и сразу же погрузит все в машину.

Вчера (22 января) по Образовательной программе в передаче «Под знаком π » показали сюжет на 7 минут про Диму из фильма Нияза Абаджича, Дима там совсем молодой.

Я не дописала вам конец истории с визитом высокопоставленных товарищей из ЦК во главе с замминистра иностранных дел В.Ф. Петровским. На вернисаже Малевича я встретила его жену и дочку – Миру и Лену Петровских. Обе – чрезвычайно симпатичные женщины. С Леночкой мы довольно часто видимся, т. к. она является очень активным членом клуба авангардистов. Наш Юра у них в самиздате печатался в журнале «МДП». Они когда-то были в мастерской, уже после Диминой смерти, но я не знала, кто они такие, пока пришедшие с ними друзья мне не объяснили. Так вот они рассказали мне любопытные вещи: оказывается наш генсек смотрел «Взывающего», и он ему понравился! Он смотрел очень долго и внимательно, а потом сказал, что сейчас такую маленькую везти в ООН нельзя. Надо ее увеличить, привезти и поставить там на территории ООН, и будто бы он собирается это сделать в будущем году, когда поедет туда снова. Еще: будто бы А.Н. Яковлев смотрел немецкий каталог, подаренный Мире, и ему понравилась «Формула скорби», и он сказал, что хорошо бы ее сделать как памятник жертвам сталинских репрессий. Вот такие дела, друзья.

Главное, я всегда радуюсь, когда после таких визитов не становится хуже! Факт, что пока хуже не стало, что касается перспектив, то все весьма смутно.

Теперь Скамейкин. Скамейкин мне позвонил прямо из Шереметьево. Он сначала позвонил Юнне, и она ему дала мой телефон. Он начал говорить на «вы». Он стал говорить, что хочет пойти на Диминову выставку. Я сказала: «Здравствуй, Майк. Нам надо с тобой увидеться». Несмотря на мою уверенность, что я никогда с ним больше не увижусь, у меня ничего не получилось. Мы договорились, что после ЦДЛ, куда Майк должен был пойти с Юнной, он позвонит мне, и мы договоримся с ним о встрече в среду, 4 января. Но все получилось по-другому. То ли он снова «перепутал», то ли Юнне так было надо, но он без звонка появился вместе с ней после ЦДЛ. У меня было много народу, т. к. это был вторник, и, естественно, у нас не получилось никакого разговора. Майк выглядит неплохо, несмотря на прошедшие пятнадцать лет жизни. Чем-то он был похож на поблекшую бабочку. Он с гордостью сказал: «Теперь я, как и Карл, тоже профессор, в Корнельском университете».

Он привез с собой фолиант, посвященный Солженицыну, и подарил его мне. Я вряд ли смогу прочесть эту книгу на английском языке, хотя знаю, что пишет он хорошо. И вообще, мне очень портила настроение невозможность объясниться. На другой день, в среду, опять не получилось разговора, потому что мы поехали к нам на выставку, а потом к Кларе в гости, где был также Эдик со своей женой Женей. Майк даже не вспомнил о существовании Эдиковой жены Вали Каравановой, которая всячески демонстрировала ему свое дружелюбие пятнадцать лет назад. Он сказал: «Я вообще никогда не видел никакой жены у Эдика». – «Слышала бы тебя Валя, – сказала я, – с ней бы, наверное, инфаркт случился. Как вы тогда умильно тлюлююкали». И тут он начал что-то мучительно вспоминать, пока, наконец, вспомнил. И вспомнил.

Потом Майк исчез на несколько дней. Он сказал, что позвонит «послезавтра», но не позвонил. Я даже обрадовалась, т. к. не верю в выяснение отношений ни между супругами, которые уже потеряли всякую духовную близость, ни между друзьями, которые были очень близки много лет тому назад, а потом расстались на десятилетия в результате серьезной размолвки. И вдруг он неожиданно позвонил снова и пригласил меня на ужин. Он также пригласил Клару и Юнну. У Эдика он был в гостях, сидел у него до двух часов ночи, поэтому он его не пригласил, т. к. он с Эдиком увидится в мае, когда они с Женей приедут в США по приглашению одной подруги. Я сказала: «Майк, прежде, чем ужинать, нам нужно с тобой поговорить. Я хочу задать тебе кое-какие вопросы». Он сказал, что готов. Оказывается, Эдик его об этом уже каким-то образом предупредил. Клара тоже сказала, что она с ним поговорит. Но я очень хорошо знаю, что никому не охота вести неприятные разговоры. И Эдик и Клара только намекали ему, что «Юля хочет с тобой поговорить».

Майк пришел в воскресенье, 15 января. Меня удивило, что он так нервничает, я думала, что он самоуверен безгранично. Он спросил, надо ли ему взять блокнот. Я сказала, что необязательно. Оттого, что он довольно сильно и очевидно волновался, мне стало его жалко, поэтому старалась говорить предельно мягко. Я сказала, что нам необходимо объясниться не потому что это принесет какую-то пользу, а я должна это сделать перед Диминой памятью. Я точно знаю, что Дима или не

пустил бы его или обязательно все ему высказал. Я спросила, почему одним нашим знакомым он сказал, что когда-то с Сидуром дружил, а потом с ним разошелся (Марина Хазанова), другим говорит, что из-за нас он пострадал (обыск на таможене), а в то же время Юнне в Америке он сказал: «Я лучший друг Юли Сидур». Он начал говорить, что он не говорил, что из-за нас пострадал, что он написал большое письмо Копелеву, где многое объяснил. Мне хотелось его разоблачать, так как у меня была абсолютная ясность в этом вопросе. Мне не хотелось объяснять ему, что причем здесь письмо Копелеву, которого мы не читали. Между летом 73 года и статьей «Миша Скамейкин...» он тоже прислал нам с оказией совершенно великолепное письмо, где рассказал, как его обыскивали, забрали доверенность Лидии Корнеевны и все его записки, как он всех нас любит, уважает, поражается нашему мужеству, потому что мы живем в таком ужасном государстве. Это письмо нас очень утешило и подбодрило. Ведь мы видели, как КГБ открыто повсюду ходило за Майком, а значит и за нами всеми. Поэтому для нас естественным делом была реакция властей и репрессии, которые последовали. Мы считали себя виноватыми, живя в незаконном государстве и следуя понятиям его незаконной логики. Мне очень жаль, что время было такое опасное, что мы, прочитав это письмо, его потом уничтожили. При этом была Клара и еще один друг, который нам это письмо привез. И мы простили Майку все его глупости. Он сказал Диме, что может получить в «Посеве» гонорары за портрет Солженицына, если Дима даст ему доверенность. Дима очень уверенно отказался. Поэтому мы очень огорчились, когда накануне его отъезда, в гостях у Эдика, он показал нам доверенность, данную ему Лидией Корнеевной Чуковской на имя Жореса Медведева, чтобы тот получил ее гонорары за изданные на Западе книги. И я сказала, что Майка обязательно будут обыскивать и его товарища Тома Бредли тоже. На это он ответил, что положит доверенность «в каблук». Это было настолько глупое заявление, что мы все засмеялись. Тот, кто обыскивает, всегда лезет в каблуки в первую очередь. На таможене Майку залезли не только в каблук, но и, как он сам написал, «они обыскали каждую шву моей одежды». Его письмо еще раз подтверждало разговор Димы и Майка. Дима, предвидя грядущие большие неприятности, сказал: «Если с нами что-

нибудь случится, ты будешь нас защищать? Ты человек, находящийся близко к прессе, тебе это будет легче сделать, чем кому-нибудь другому. Мы можем на это рассчитывать?» – «Конечно! – воскликнул Майк. – Как ты можешь в этом сомневаться?!».

И его письма в августе 1973 года это подтверждали. Но после появления статьи «Миша Скамейкин.», когда мы напряженно слушали радио, оказалось, что Майк сказал только то, что он ни в чем не виноват, поэтому его выпустили из Советского Союза, иначе бы его не выпустили. Мы в Москве, честно говоря, были потрясены подобной реакцией и долго не могли очухаться. Нас нисколько не поразила статья, полная омерзительной лжи. Мы знали, что теперь нас начнут карать, что и последовало, включая Клару и Эдика, в статье не упомянутых. Но нас потрясло предательство Майка. Дима даже сказал, что если бы Майк вел себя как настоящий друг и порядочный человек, а именно: он бы сказал публично, что Вадим Сидур – замечательный художник и обвинение в том, что он «живет вдвоем с женой в трехкомнатной квартире», смехотворно, что Лидия Корнеевна – честная женщина и хорошая писательница и ничего нет предосудительного, что она попросила своего друга Жореса Медведева получить ее деньги, чтобы купить ей необходимые лекарства и очки, что Лев Копелев – фронтовик, просидевший 10 лет за гуманное отношение к мирному населению в Германии во время оккупации, тоже не совершил никакого противоправного действия, то он, Дима, обязательно стал бы диссидентом. И это Майк своим трусливым поведением избавил его от диссидентства. Мы тогда впервые поняли, что многим таким вот симпатичным и обаятельным западным людям нельзя верить, т. к. они очень сильно «гребут под себя», а остальное их уже не интересует. Бес «герои» статьи «Миша Скамейкин.» были предельно огорчены и подавлены и подавлены не от нормальной людоедской деятельности карающих властей, а от реакции Майка, заявившего на весь мир, что он ни в чем не виноват. Более того, многие у нас подумали, что это провокатор из КГБ (кстати, Юнна тогда подумала именно так). Ему было неприятно слышать некоторые детали: доверенность, как он говорит, дала ему сама Лидия Корнеевна, он ее не прятал ни в каблук, ни в чай, а положил в карман пиджака. В чай он запаковал свои записки,

откуда КГБ их благополучно достал. Еще у него отобрали маленькую иконку, которую ему подарила сестра одного знакомого. И вообще – все это недоразумение. Что даже в браке он страдал от «отсутствия коммуникаций», как он сказал. И что в нашем случае тоже было непонимание. Что жалко, что Димы уже нет, он бы ему все объяснил. Что утром перед отъездом он зашел к Синявским, а они дали ему и Тому Бредли только водки и салат, поэтому он себя очень плохо чувствовал. Он был сам удивлен, что мы молчим после статьи и ничего у него не просим (!?). Он боялся еще больше нас скомпрометировать, если бы стал за нас заступаться, а иначе бы он, конечно, все сделал. Что в Англии его тоже считали провокатором в Уокинге, где он жил. И главное, он, конечно, очень сожалеет, т. к. если бы ему все было ясно, он бы обязательно за нас заступился.

Я еще не напомнила ему про фотографии Солженицына, опубликованные на Западе впервые на обложках «Нью-Йорк Таймс» и т. д. И как он сказал нам, что его обманули, и он ничего за эти фотографии не получил. Я не стала это поминать, поскольку фотографии были опубликованы после его первого приезда в Москву, а главные события развернулись после второго пребывания. В общем, он меня ни в чем не убедил, но я решила считать его дураком, а не предателем и трусом. И он всячески подчеркивал, что если что и сделал не так, то не умышленно. Можно считать, что мы восстановили наши внешние нормальные отношения, но в душе мне трудно его простить. Потом, 16 января, мы ужинали в «Национале» с Кларой, Юнной, ее мужем Юрой и со мной. Оказалось, что это его день рождения, а на другой день этот 54-летний юноша поехал в Ленинград.

Геворкянц в связи с армянским землетрясением уговорил студию отдать выбитую Олесей Фокиной единицу на ЦСДФ для того, чтобы делать фильм об Армении. Он сам является директором Ереванской студии документального кино, но, пользуясь случаем, решил прихватить еще и работу на ЦСДФ. Олеся очень расстроена, т. к. наш фильм откладывается на неопределенные сроки.

Я получаю уже второе письмо от Петры и Герта: одно в защиту Левы, другое за реабилитацию Дубчека.

Были с Мишей в гостях у Шмидт-Хойера, познакомились с его новой женой Марией, она венгерского происхождения,

и там же была вдова Трифонова, вышедшая замуж за писателя Михаила Тураева.

Были с Бродскими в гостях у Джонатана Стила.

Звонила мне Наташа Абалакова, сказала, что твою статью перевели, но поскольку объем большой, просят не сто рублей, а двести. Я сказала, что это не проблема, пускай скорее несут статью. Наташа спросила, не могут ли после Парижа, куда их пригласили, потом съездить в Бохум и прочесть там пару лекций об авангарде? Я сказала, что об этом она сможет поговорить с тобой, когда ты будешь в Москве в феврале.

Министерство культуры и Третьяковская галерея добились своего – они запретили вывоз Сидура в Лондон под предлогом, что сами должны посмотреть и, возможно, что-то купить. Сами они до сих пор на выставку не приехали, а нам тоже все поломали.

Уже сделали в гальванике «Самомовоспроизводящуюся машину» и сейчас Сережа уже распилил на куски «После экспериментов». Будем делать ее в гальванике 2 штуки (3 тыс. за одну). Он готов делать и «Победителя». Ужасно хочет съездить хотя бы на недельку на Запад, чтобы только посмотреть. Я сказала, что в будущем посмотрим. Вообще-то, этот парень для меня бесценный! Благодаря ему, мы сможем сохранить многие обреченные на разрушение Димины скульптуры. Мечтаю перевести в металл «Барельефы на Библиейские темы». Они будут потрясающе смотреться.

Женя Хенкин едет с семьей в гости к Шапиро. Хочет повидаться с вами.

[...] Возможно, у нас будет еще один небольшой каталог, составленный Юрой и Наташей, сделанный по заказу отдела культуры. Он будет чуть более информативный, но стоит будет 55 коп. Тираж 15 тыс. Качество примерно такое же, как у кооперативщиков.

Звонили из Советского фонда культуры из отдела дарения. Предлагали, чтобы мы им что-нибудь подарили, а они бы нам тоже что-нибудь. Мы думаем, что еще успеем это сделать. Подарки у нас сейчас у знаменитых художников берут весьма охотно.

Кажется все новости за исключением политических, которые чрезвычайно интересны. Крепко вас обнимаю. Привет всем друзьям. Если привезешь компьютер, будет замечательно.

Юля

31 янв. 89 г.

Дорогие Карл и Гизела!

Времени нет, пишу коротко.

1). Позвонил Анатолий. Переделывает лэптоп на русский лад. Привези принтер. Большое спасибо.

2). Камеру еще не купили. [...]

3). Б подвале еще предстоит отремонтировать водопровод.

4). Делаем с Юрой кино. По-моему, получается неплохо. Обрадовались их с Вовой публикациям. Спасибо!

5). Кино о Диме на ЦСДФ упирается в невозможность найти спонсора. По-моему, эти режиссеры думают не об искусстве, а о заграничных поездках.

6). Выпустили новый каталог. По объему немного больше, по качеству такой же, но стоит 55 коп. (!), т. к. государственный. Пришлю при первой же возможности.

Отправьте, пожалуйста, прилагаемое письмо.

Крепко вас обнимаю. С нетерпением ждем в Москве.

Юля

P.S. Счастлива, что «Пог. от бомб» продвигается.

Москва, 7 марта 1989 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Каждый год 7 марта Дима отмечал этот день, как день своего рождения. В 1944 году он был ранен 7 марта и с тех пор считал себя заново родившимся. По этому исчислению он прожил вторую сорокадвухлетнюю жизнь. И я теперь ценю этот день больше, чем официальный женский праздник 8 марта.

Вчера, 6 марта, в Ленинграде открылась Димина выставка. Ленинградское ТВ сообщило в новостях «600 секунд»: «Не лишним будет узнать, что на Свердловской набережной открывается великолепная выставка очень своеобразного скульптора Вадима Сидура».

[...] Юрочка почти изучил компьютер, но говорит, что дискета с русской программой не работает. На большее его сообразительности не хватает и придется по твоему совету звать специалиста. Надеюсь, что можно будет в итоге довести эту симпатичную машину до нормального рабочего состояния на русской языковой основе.

В связи с тем, что вы пришлете приглашение нам с Бродскими только в апреле, я не уверена, что мы сможем приехать к вам в июле. Оформление сейчас длится очень долго в связи с огромным количеством уезжающих летом. Наши органы не справляются с таким потоком. Поэтому наш приезд обсудим особо, чтобы всем было удобно.

До смерти надоел ремонт в подвале. Без помощи Наташи, Юры и других мы бы с Мишей пропали.

Позвонил Марк Харитонов. У нас вышла книга Беккета – сборник «Изгнанник», на обложке Димины скульптуры. Я еще эту книгу не видела. Это издательство при «Иностранной литературе». И хотя они могли бы меня об этом предупредить заранее, я все равно этому очень рада.

Друзья мои, желаю вам хорошо отдохнуть во Франции. Огромный привет от Бродских и всех остальных друзей.

Крепко вас обнимаю!

Юля

P.S. Миша с Галей в Ленинграде, открывают выставку.

Bochum, den 8.3.1989

Юленька!

Вот только несколько слов. Мы уже по пути в отпуск. Сегодня мы у Гизелиной мамы, завтра поедем дальше в Сашин и Ренатинин дом в Южной Франции.

С издателем Ларсовой книги я договорился купить у него за цену по себестоимости 365 экземпляров. Всего-навсего за 8000 DM. Мне кажется, что это приемлемо, если издание, как он уверяет, будет на высоком качественном уровне, в твердом переплете, по-шведски и по-английски.

Обнимаем, сердечно

Карл и Гизела

Москва, 20 марта 1989 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Был у меня Логинов. Я дала ему твой текст о современном советском искусстве. Он уверял, что договорился об этом с Карлом.

Огромное спасибо за printer, шарошки, абразивные круги. Все очень хорошее. Но Романыч еще просил абразивные круги рыжего цвета, т. к. они лучше подходят для обработки алюминия. [...]

Приезжала редактор из Ленинградского издательства «Аврора». Они с Маркиным встретились у меня. Намерение очень серьезное сделать совершенно роскошную книгу тиражом как минимум 25 тыс. экз. Также были два фотографа. Они хотят тексты воспоминаний о Диме многих людей, включая Неизвестного (!). Я в этом не уверена, но им очень хочется.

Я помню, как Дима не смог ничего хорошего сказать об Эрнсте Эгеланду, хотя очень старался. Юрий Петрович взял текст Гизелы, очень доволен, но хотел бы также иметь текст Карла о Диме как человеке.

В начале апреля должно быть две ТВ-передачи о Диме: литдрама в Москве и «Пятое колесо» в Ленинграде.

В конце апреля в ФРГ будет находиться наш официально левый искусствовед, член-корр. Академии художеств Морозов Александр Ильич. Человек он капризный. На всякий случай Саша Шумов взял у меня твой адрес и телефон, чтобы передать ему.

В бюро скульптурной секции МОСХа пришло указание из секретариата разобрать письмо из главка по поводу: «О музее Сидура», чтобы секция дала свое заключение о возможности и целесообразности. Мне звонил скульптор Алексей Григорьев и сказал, что секция может дать положительный ответ, если МОСХ не должен будет нести хоть какие-либо материальные затраты. Я сказала, что эти проблемы будут решаться в районе и от МОСХа ничего не требуется. Григорьев сказал, что в таком случае они дадут ответ, где напишут, что, в принципе, они не возражают.

Гинзбурги вернулись из США (Пасадена), где пробыли три месяца.

Вторая книга, менее роскошная, но тоже хорошая, должна выйти в Москве в «Советском художнике».

Я, безусловно, согласна со всем, что ты написал по поводу шведской книги, сделанной Анникой и Ларсом. Хотелось бы поскорее увидеть эту книгу. Очень рада, что Анника скоро прибудет в Москву.

Кажется, все новости. Крепко вас обнимаю.

Юля

P.S. Первый раз в советской жизни по-настоящему готовимся к выборам.

Вышло эссе Солженицына «Жить не по лжи» в журнальчике «Век XX и мир».

«600 секунд». Ленинград. 9 марта 1989 г.:

«Возможно, злые языки, побывав на выставке Вадима Сидура, будут утверждать, что никогда не видели, чтобы сексуальная озабоченность была запечатлена столь монументально. Кому-то все представленное на этой выставке в салоне на Свердловской набережной покажется столь высоким, что выше не бывает. Скульптурное, графическое и живописное творчество этого мастера и должно вызывать бешеные споры и рождать самые непримиримые оценки. Не стоит, вероятно, делать выводы ни со слов знакомых, ни из этого короткого репортажа, стоит увидеть все это своими глазами и либо ужаснуться, либо просветлеть душой». Александр Невзоров. Репортаж с выставки на Свердловской набережной, 64».

Это второе объявление о Диминой выставке. Все, кто слышал эту информацию, очень недовольны, но публики поприбавилось. По 600 человек в день, для Ленинграда это очень много. Буклетов было напечатано только 1000 экз. Уже все распродано (1р. штука).

Москва, 28 марта 1989 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Надеюсь, что вы уже вернулись из Франции, где очень хорошо отдохнули.

У нас прошли выборы, в первый раз за всю историю советского государства, отдаленно напоминающие настоящие выборы. Ельцин – национальный герой! Апатичный и злобно-равнодушный советский народ пробудился. Многие партийные негодяи не прошли!

Я виделась с Войновичами. Мы были с Бродскими на его творческом вечере. Он обещал написать воспоминания о Диме для книги Юр. Маркина. Я попросила его переправить свой текст через тебя в Москву. Огромное количество людей едет за границу. Очень трудно достать билеты.

Наташа Абалакова и Анатолий Жигалов завтра едут в Париж.

Веня Смехов хочет, чтобы ты забрал у Кублицкого фото- пленку начала 70-х годов, где Окуджава, Смехов и кто-то еще. Крепко вас обнимаю.

Юля

Москва, 3 апреля 1989 г.

*(На открытке «Перовский выставочный зал.
Экспозиция работ Вадима Сидура»)*

Дорогие Карлуша и Гизела!

Теперь у нас тираж из 5 тысяч таких открыток, и мне доставляет особое удовольствие писать вам на них письма.

Мы все рады, что вы хорошо отдохнули во Франции. Мною, наконец, овладела мысль о поездке в ФРГ, и я к этому путешествию внутренне готовлюсь. Но очень бы хотелось не доставлять вам лишних хлопот. Боюсь, что этого не получится, т. к. три человека сразу – это довольно много. Интересно будет посмотреть на публикацию в Bildende Kunst. Это будет уже второй раз в ГДР. Журналистка Astrid Volpert летом приедет в Москву со своими родителями. У меня есть впечатление, что в ГДР тоже жизнь меняется к лучшему.

Карлуша, насчет компьютера ты не беспокойся. Мы с Анатолием созвонились, и он пообещал в скором времени забрать его вместе с принтером и научить «говорить по-русски». Он сказал, что собирается в ФРГ.

В Ленинграде наша выставка проходит довольно успешно. Уже несколько человек сказали, что там были большие очереди. Митюшка рассказал об одной знакомой его бабушки, которая простояла на выставку полтора часа, а потом заболела бронхитом.

Меня очень тронуло, что Луиза Ринзер написала статью про Диму. Когда статья выйдет, я обязательно напишу ей благодарственное письмо.

Мне бы очень хотелось, чтобы Копелев написал что-нибудь про Диму для книги Маркина. Володя Войнович согласился, и мы договорились, что он напишет, когда вернется, а потом перешлет тебе.

У меня сейчас с финансами очень неплохо. Я могу не волноваться в течение длительного времени – хватит и на жизнь,

и на отливки в гальванике. Другая беда – деньги есть, а купить нечего. Скульптуру больше не продаю. Исключение возможно только для музеев.

На днях у нас появились американцы: Joseph Walker и Татьяна Ретивова. Татьяна русского происхождения. Ее мать – Вера Спасская, та самая, которая ведет по «Голосу Америки» программу об искусстве. К нам они пришли после посещения Перово. У них в Нью-Йорке галерея на 420 кв. м. [...] Они хотят открывать Димино искусство в США и в Канаде. Хотят делать рекламу, печатать каталоги, буклеты, проспекты, открытки, а главное – иметь монопольное право для организации Диминовых выставок на Западе. Еще хотят продавать какие-то произведения в американские музеи. Мишу приглашают в Америку, но Миша тут же попросил, чтобы Галя тоже поехала с ним. Всю ночь мы сочиняли и писали договор, вернее, это делали Джо и Миша, а мы: Таня, Галя и я при этом присутствовали и падали от усталости. В итоге сочинили! Пока что речь идет об одном годе. За этот год американцы устраивают у себя в галерее средних размеров выставку (40–50 скульптур и графику), выпускают каталог. Мы должны к маю-июню подготовить им всю библиографию для ксерокопирования. Они говорят, что уже сделали выставку Родченко, которая прошла с большим успехом. Затем, если выставка пройдет успешно, они подготовят следующую, тоже с рекламой, и уже будут думать о доходах. Они говорили даже о выпуске маек (!) в рекламных целях. Но главный источник доходов подразумевается, по-моему, от отливок некоторых скульптур. Я не уверена, что все это нужно делать, но пока что мы ни в какую кабалу не влезли, т. к. контракт подписали только на год, а мы еще поглядим, что за этот год произойдет.

Я упорно рассказывала им о тебе и о твоей роли в нашей жизни. Они внимательно слушали, обещали обратиться, но, по-моему, их коммерческие цели не совсем совпадают с нашими. С удовлетворением слушали, когда я говорила, что ты никогда не имел никакой корысти от того, что открыл Сидура как художника, а наоборот, только потратил на это двадцать лет жизни и бесчисленно времени и здоровья. Они смотрели черную книгу, толстый каталог и что-то у себя в уме прикидывали. В общем, эти люди бизнесмены, а какие они в человеческом отношении – мы пока окончательно судить не можем.

На другой день мы были у Муравьева. Он произвел на них сильное впечатление, и Таня специально позвонила Мише и спросила, не может ли он также представлять интересы Муравьева. Миша сказал, что надо будет еще поговорить с Муравьевым, вернее, с его женой, т. к. сам В.П., по-моему, не очень-то много во всем этом понимает, также, кстати, как и я. Но кто понимает неплохо – это Миша! Надо было видеть, как скрупулезно он составлял совместный договор.

Дорогие мои, я так много места потратила на описание визита американцев, потому что подобное соглашение приходилось составлять впервые в жизни. Я не уверена, что из этого что-нибудь получится, да, может быть, оно и к лучшему.

Нас посетили слепоглухонемые дети с педагогами. Они трогали скульптуру и были чрезвычайно довольны. Мы провели с ними в Перове совершенно прекрасный день. Юра все заснял на видео.

Крепко вас обнимаю.

Юля

Москва, 11 апреля 1989 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

С Володей Войновичем мы сегодня не виделись, потому что вчера он очень устал после своего выступления в ЦДЛ. Сергей Стародубцев, режиссер фильма про Диму, поехал для встречи к Сарнову и звал меня с собой. Но я не могла пойти, т. к. уже договорилась о некоторых встречах в Перове.

Карлуша, я прошу вас с Гизелой об очень важном деле. Стародубцев и еще двое – оператор и звукооператор, едут в ФРГ. Они едут по своим делам, но заодно хотят снять Димины скульптуры в городах и в Бохумском музее. Итак, это тот вариант, о котором мы говорили год назад. Я же прошу о том, чтобы вы им помогли. Они едут всего на шесть дней. Я не знаю, в чем нужно будет оказывать помощь, в деньгах или в ночлеге, но думаю, что Сергей сам обратится к вам и скажет, как обстоят у них дела.

Наши власти ухудшили условия для советских туристов. С 1 апреля деньги на валюту меняются только в половинном размере.

Кстати, Олеся Фокина родила сына Константина.

Митюшка получил со своей матерью разрешение на поездку. Он сказал, что будет жить у вас, а его мать – у Бурихина. Вы, наверное, знаете, что Лена Варгафтик умерла.

В Москве сейчас Копелевы. Сегодня у Раи выпустили 6 литров жидкости из брюшной полости у Юлия Крелина в отделении. Вова Бродский беседовал с ними в больнице. Лева выглядит великолепно в свои 77 лет.

Камил Икрамов очень плох.

Все, что касается американского галериста – очень серьезно. Мы будем действовать по вашему совету осторожно и осмотрительно. Во всяком случае, речь не должна идти о монополии на выставки вообще за рубежом. Пусть сначала сделают выставку (одну!) в США, затем, может быть, в Канаде. Том Бредли, профессор-славист из Филадельфии, сказал, что он наведет справки об этой галерее и сообщит нам. И вообще, мы посмотрим, что выйдет из наших контактов через месяц, когда они приедут снова в Москву. Ты прав, когда говоришь, что Сидур вошел в историю современного искусства. Но в США его все-таки не знают, т. к. выставка гравюр в 1977 году на Аляске была слишком скромным знакомством. А чтобы коммерческие цели были более умеренными, мы с Мишей вообще считаем, что поначалу не надо ничего продавать из подлинников. А дальше будет видно.

Дочка Костакиса скупает в СССР все под метелку. Звонила нам с желанием что-то покупать. [...] Я сейчас новым людям ничего не продаю, исключение для старых покупателей, которые помогали в более трудные времена. Тем более что теперь финансовая нужда не столь велика, благодаря последним одесским покупателям, которых ты, Карлуша, видел.

Приходили представители из Госкино. Хотят закупить скульптуру, которую будут вручать как приз на Московских международных кинофестивалях. Им понравилась «Нике» из «Женского начала» и «Летающая тарелка (самка)».

В Ленинграде выставка проходит с большим успехом. Люди стояли в очереди по полтора-два часа. Передача по «Пятому колесу» хороша только как факт, но много ошибок, искажений, ненужных эффектов и плохо актер читал Димины стихи. Но были люди, которым эта передача понравилась даже в таком виде.

Завтра Сергей Давыдов принесет две гальванических «После экспериментов» (6 тыс.). «Виктор» очень портится, гипс

выкрашивается, очень глубокие трещины по всей скульптуре. Срочно надо приводить его в порядок. А Сергей устает от моих заказов, требует отдыха.

Потихоньку приводим мастерскую в приличный вид, хотя работы еще непечатый край.

Звонил человек, который сказал, что его родственник работает в Музее холокоста в Нью-Йорке. Хотят закупать работы Сидура.

Очень рада, что показали «Эйнштейна» в DFG и что Astrid прислала вам Bildende Kunst. Мы пока не видели. Но видели «Изгнанник» Беккета, где на обложке Димины скульптуры. Очень неплохо выглядит! [...]

Видела Эрнста Неизвестного рядом с «Древом жизни». Весь в перстнях и браслетах. Его искусство кажется мне примитивным, а слова – банальными. Самое большое впечатление производит его уголовный внешний вид.

Крепко, крепко вас обнимаю.

Юля

P.S.

11 апреля 1989 г.

Карлуша! Мне снова звонил Сергей Стародубцев. Он сказал, что ему сказали, если он хочет, чтобы с визой было поскорее, надо чтобы кто-нибудь «солидный» пригласил их. Он объяснил, что это на тебя не накладывает никакой ответственности. Только формальное приглашение. Что же касается помощи, то она, очевидно, может понадобиться, когда съемочная группа будет в ФРГ. Тут уже ты действуй, пожалуйста, так, как мы с тобой договорились, и в моральном плане и в материальном. Пошли, пожалуйста, телеграмму по адресу: Москва, Калашный переулок, 10, Совэкспортфильм: «Подтверждаю готовность пригласить съемочную группу Ростовской студии в составе трех человек во главе с Сергеем Стародубцевым. Прошу скоординировать сроки».

Москва, 18 апреля 1989 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Клаус Вашик пока не звонил. Приехала Анника, видеть ее очень приятно, но про книгу, выходящую в Швеции, она тол-

ком ничего не смогла рассказать. Не знает ни формат, ни объем, ни количество текста, ни количество иллюстраций. Сказала только, что ты, Карлуша, сделал свои добавления к макету и что печатать будут не в мае, а только в сентябре. Еще она сказала, что планируется выставка Димы на 1990 год.

Сегодня мы с Бродскими сфотографировались на заграничный паспорт. Надеемся, что успеем подать документы еще в апреле.

Первый секретарь райкома Перовского района подписал ребятам из клуба «Долг» согласие на установку «Памятника оставшимся без погребения». Теперь эта бумага уйдет в Моссовет. Там, как мы думаем, не должно быть протестов, только время.

Сотрудники ИПУ – Института проблем управления, тоже добились разрешения на установку у себя перед институтом скульптуры Сидура. Через неделю мы с ними встречаемся и уже решаем конкретно что ставить.

Начальство из Госкино приезжало специально в Перово. Хотят учредить призом Московского международного кинофестиваля «Летающую тарелку (самку)».

Наталья Нольде выставилась в городе Сумы на Украине. Сумский художественный музей приобрел у нее два рисунка для музея по 70 р. за штуку.

У нас приобрели гравюры из цикла «101» два музея: Саратовский и Русский музей в Ленинграде. Саратовский на 3,5 т., Русский музей на 900 р.

Потихоньку приводим в порядок мастерскую. Там делается неплохо. В Перове наверху у нас будет в одной комнате фото-выставка Лапина.

Посылаю копию депутатского запроса о постоянной экспозиции работ В.С.

Вот, кажется, основные новости. Крепко вас обнимаю.

Юля

Москва, 25 апреля 1989 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Сегодня у нас проходит внеочередной пленум ЦК. Все были сильно взволнованы по этому поводу. Ходили разные слухи

о том, что хотят скинуть Горбачева, свалив на него все неудачи, в том числе и «кровавое воскресенье» в Грузии. Но пока «Свобода» сказала, что он сам делает доклад на пленуме. Вечером все станет ясно. [...]

Сергей Давыдов забрал разрезанного «Виктора», чтобы сделать его в гальванике.

Вчера ездили с Мишей, Галей и Анникой в Алабино. Ехали на машине. Никто нам не мешал. Замечательно провели день. Гуляли по лесу по «Сидур-аллее» – Дима так назвал лесную дорожку напротив дома.

В Ленинград так и не смогли съездить, а теперь, наверное, уже не поедем.

Вчера видела по Московской программе ТВ Биргера и Леву Копелева.

Редактор из «Авроры» Ирина Геннадиевна Береговская обратится к тебе насчет книги о Сидуре. Она уже поговорила с Анникой. Сказала, что платить они могут только в рублях. Для этого откроют счет в Ленинграде на любого иностранного автора.

Компьютер, кажется, научился русскому языку. Теперь надо, чтобы мы тоже научились работать с компьютером.

Мастерская потихонечку приобретает нормальный вид, но работы еще очень, очень много.

Надежда Васильевна специально для тебя переписала свои последние стихи.

Крепко вас обнимаю. Всем привет.

Юля

Алабино, 9 мая 1989 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Пишу вам из Алабино. Мы с Бродскими приехали сюда еще позавчера. Тут уже находились Миша и Галя. Погода стоит необыкновенно прекрасная и мы отпраздновали сегодня Риточкин день рождения. Сегодня мы возвращаемся в Москву, и я отправлю вам это письмо.

3 мая мы сдали документы на поездку к вам в Киевский районный ОВИР, теперь надо ждать примерно два месяца.

Я сейчас часто общаюсь с Митюшкой. У него есть ключ от квартиры, и он приходит не только два раза в неделю, когда мы занимаемся, но и в другие дни. Его мать сказала, что сейчас она не собирается объединяться с Бурихиным, а только когда Митя закончит школу. Это совсем другое дело. Взрослый Митюшка будет уже менее зависим от Бурихина, если мамочка сольется в экстазе с этим замечательным поэтом. [...]

В маленьком журнальчике «Человек и природа» за апрель опубликовано два Диминых стихотворения.

В Перовском районе «Пам. оставш. без погребения» для погибших афганцев уже рассматривалась на уровне МГК.

Я уже писала, кажется, что «Виктор» переводится в гальванику, плитт уже готов. Мы делаем с Сергеем две скульптуры. В Ленинграде выставка закончилась. Все говорят, что прошла с большим успехом. Эта выставка принесла даже финансовый доход от продажи билетов и проспектов. Мы договорились, что нам 30 %. С 6.3 по 12.4 организаторы заплатили нам 3 т. и еще заплатят (что осталось с 13.4 по 2.5). На днях ребята из кооператива «XX век» привезут нам работы и деньги (только не знаем сколько). [...]

Слепышев собирается с семьей в Дюссельдорф. У него будут в ФРГ выставки в трех городах.

Крепко вас обнимаю. Привет от всех нас.

Юля

Москва, 23 мая 89 г.

На открытке с рисунком. Надпись: (Проба ксерокопирования одного из кооператоров)

Дорогие Карлуша и Гизела!

Очень приятно было поговорить вчера с Карлом по телефону. Я очень рада, что вы хорошо отдохнули в своем новом голландском домике. Теперь с нетерпением жду решения о создании института русской культуры. Очень хочется, чтобы такой институт был. Но советским он необходим не меньше, чем немцам.

У нас необыкновенно интенсивная общественная жизнь. Потрясающая активность на всех уровнях. Следователи Гдян и Иванов, оба избранные народными депутатами, открыто выступили против бывших и нынешних членов Политбюро: Со-

ломенцева, Романова и Лигачева. Это уже игра ва-банк, которая обязательно должна каким-то образом разрядиться. В общем, жизнь идет интересно, намного свободнее, чем раньше, но трудности тоже огромные – с продуктами и с товарами очень и очень плохо. Надеюсь, что это все-таки временное неудобство: во-первых, нам не привыкать к постоянным бытовым мучениям, а во-вторых, есть просвет, т. к. кооперативы плодятся как грибы. Надо сказать, что народ их не любит – наша система из кооперативов тоже делает себе подобные учреждения, но за большие деньги.

У нас в Перово, кажется, будет постоянная экспозиция Сидура, что означает предвестник будущего музея. Все это решается в ближайшие дни. Мы все чрезвычайно рады этому событию, и теперь обдумываем, как сделать так, чтобы наш музей не был только мемориалом. Но сделался бы живым и бурным современным культурным центром. А это очень непростая задача.

Димино имя постоянно мелькает в прессе, я эти упоминания больше не включаю в библиографию.

Саша Шумов и Иосиф Бакштейн должны на днях взять твои статьи. Сложности с фотографиями – Эдик уехал в США, негативов нет. У нас в Перове, в одной комнате наверху с 1 июня открывается фотовыставка Саши Лапина. Мы уже договорились, что он снимает и скульптуру.

Карлуша, спасибо за аудиокассеты, за Kodak, за все! Помнишь, ты обещал прислать ксероксы набросков, то ли негативы, для Маркина? У меня очень хорошо побывал Клаус Беднарц с Ниной. Я забыла его попросить, чтобы побыстрее переводили на видео Димин фильм. Снова прошу тебя об этом! «Памятник совр. сост.» хотят показать на Московском кинофестивале в разделе ПРОК – Профессиональное кино (фестиваль с 7 по 18 июля).

Никак не выходят Юрины и Вовины стихи и проза. Очередь на компьютер!

Стародубцев сделал хороший фильм «Котлован» о Платонове. Собирается в ФРГ в начале июня. Обязательно тебе позвоню.

Часто видимся с Анной и Вольффрамом. Анна уезжает в воскресенье. Она привезет тебе кое-какие материалы.

Я ошиблась, когда думала, что мы никогда не восстановим Димину атмосферу в подвале. Постепенно потихонечку эта атмосфера снова появляется и невероятно меня радует.

Бот, как будто и все новости. Крепко вас обнимаю. Привет от всех наших.

Юля

Москва, 12 июня 1989 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

У меня сложилось впечатление, что я очень давно вам не писала, а от вас тем более не было никаких новостей целую вечность.

Сразу же хочу напомнить о важном деле. Это друзья Бродских из Одессы: Юлик Вильдерман и Александр Штурман. Юлик уже в Италии, а Саша уже получил разрешение на выезд. Карлуша, ты помнишь, что они много у меня купили, благодаря чему я теперь не испытываю затруднений в рублях, надеюсь, на довольно длительный срок. Могу спокойно отливать Димину керамику (лишь бы были мастера), содержать Митюшку, Романыча, платить за все, поддерживать Мишу и приводить в порядок мастерскую. [...]

Я не нашла твоей статьи ни в № 5, ни в № 6 «Гутен тага».

Наш президент завтра отбывает в ФРГ. И хотя в его программе числится Дюссельдорф, я совсем не уверена, что он увидит «Взывающего». А жаль! Ему и его супруге это было бы очень полезно. И нам бы не повредило.

Я, наконец, могу признаться, что несмотря на весь мой скептицизм, этот человек меня восхищает. Он провел дирижерскую партию в только что закончившемся съезде как виртуоз высочайшего класса. Я поражаюсь изощренности его интеллекта, гибкости поведения, его хладнокровию и потрясающей целенаправленности. Из ежедневных воплей, криков, искренних проповедей, горячих призывов, лживого пустословия, честного, но косноязычного бормотания ему удалось в итоге создать довольно стройный, иногда красивый и всегда интереснейший спектакль, за которым наблюдала не только наша великая и несчастная страна, но и весь мир. Воистину историческое событие! Многочисленные народы огромной

империи делают первые неуверенные и неуклюжие шаги на пути к демократии. А по дороге все падают и разбиваются в кровь. Первый прекрасный опыт! Результаты не те, которых нам бы хотелось иметь, но я считаю, что результаты есть и очень даже положительные. Я считаю, что в этой мистерии было два героя: политик Горбачев и смешной интеллигентный Сахаров. Наша империя разваливается, льется кровь в Грузии, в Фергане, случаются ужасающие аварии, такие, как в Башкирии, выдаются карточки на продовольствие и товары (сахар, мыло, соль, спички), но, возможно, впервые за долгое время появилась надежда на действительные перемены к лучшему. И я желаю моей стране и самой себе всяческих успехов. Такого у нас не было никогда!

Сделали «Виктора» в гальванике. Отлично!

Крепко вас обнимаю. Передайте, пожалуйста, Леве Копелеву мое письмецо.

Юля

Москва, 4 июля 1989 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Это письмо последнее за лето. [...]

Итак, мы получили паспорта, а теперь под руководством Володи Бродского добиваемся обмена денег, визы в ФРГ и, главное – билетов. Все это делается у нас с большими сложностями, но все равно радостно, что советские люди становятся не хуже других, тех, кто проживает в нормальных странах.

Сегодня мы в последний раз встречаемся с Вольфрамом, который уезжает 11-го. Я попрошу его захватить для вас газеты и журналы со статьями Саши Шумова и Ю.П. Маркина.

Я надеюсь, что Сергей Стародубцев в итоге сделает неплохой фильм про Диму, но главное – я очень рада, что он заснял памятники в ФРГ. Если даже фильма по каким-либо причинам не будет, останется очень важный документальный материал.

Димин фильм «Памятник современному состоянию» будет показан на Московском фестивале (7.VII–18.VII) вне конкурса в рамках программы ПРОК (Профессиональное кино). Наше время – 9 июля с 15 ч. по 18 ч. в Киноцентре. Перед началом сеанса будет небольшая фотовыставка в фойе. Если захотят, то будет и обсуждение.

Продолжаем оборудовать мастерскую. Она неизбежно и неуклонно превращается в такую же мастерскую, какой она была при Диме. Продолжаю работать с Сергеем Давыдовым. Договорились, что будем спасать кукол, они катастрофически пропадают прямо на глазах.

Ирина Геннадиевна Береговская из издательства «Аврора» собирает книгу Ю.П. Маркина о Диме рекламировать на осенней международной книжной ярмарке в Москве. Для этого она собирается выпустить очень хорошего качества буклет.

Интересно, как идут дела с «Пам. пог. от бомб»?

Дорогие мои, крепко вас обнимаю, привет от всех друзей и с надеждой на скорую встречу.

Юля

17 окт. 89 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

[...] Майк Скэмвел прислал мне письмо, где снова пытается оправдаться, хотя я уже успокоилась и считаю, что мы нормально объяснились. У меня сейчас уже нет к нему претензий. Его аспирантка Нэнси Рис будет жить в Москве до конца июля.

Посылаю вам последние номера «Арг. и фактов», а также «Моск. художника».

У нас скоро будет готова афиша о постоянной экспозиции нашего музея.

Надеюсь, что через одну-две недели закончим приводить в порядок мастерскую.

Оказывается, в L'Humanité в апреле 89 г. была целая страница, посвященная Диме, а мы ничего об этом не знали.

У Натальи и Юры приняли заявку на книгу о Диминой книжной графике в издательстве «Книга».

Посылаю вам адрес Миши и Гали для приглашения. [...]

Кажется все. Привет от всех. Крепко обнимаю.

Юля

[...] P.S. Анкетные листы для приглашения в СССР надо взять в советском посольстве в Бонне. Надо сказать об этом Петре и Герту.

Москва, 31 окт. 1989 г.

Дорогие Карл и Гизела!

Что-то вы опять исчезли. Пора бы тебе, Карлуша, позвонить.

[...] Стародубцев должен был приехать сегодня со своей съемочной группой, но почему-то его до сих пор нет. Но многие документы: стихи, радиопередачи, Димины рисунки перед смертью он уже подготовил.

В Перово никак не договоримся насчет крыши. Из-за этого не можем делать постоянную экспозицию. Сейчас подсчитали билеты, с 3 декабря прошлого года по сегодняшний день у нас прошло 53 тысячи человек. Еще несколько тысяч бесплатных посетителей: работники мин. культуры, инвалиды, художники, студенты художественных вузов и т. д.

В мастерской потихонечку начинает вырисовываться то, к чему мы стремимся. Получается довольно красиво, хотя еще очень много работы.

Марк Ляховецкий показал готовый вариант своего фильма о Раскольникове. Мы были с Юрой и Наташей. Фильм нас разочаровал – грубо, безвкусно, каша, примитивная антисталинская агитка. Сейчас на это уже невозможно смотреть. Антисталинский застой! Есть очень хорошие куски, которые тонут в море штампов и пошлости. Они с Ирой – люди, безусловно, талантливые, но чем-то чрезвычайно невежественные. А в документальном кино на одном чувстве далеко не уедешь, нужна точность, добросовестность и вкус.

Вова Бродский мучается со своей поездкой в Берлин. Он собрал все документы, потратил массу сил и времени, но сейчас (когда все собрано!) ему заявили, что он не может ехать в Зап. Берлин, т. к. у него приглашение от гражданина ФРГ. В нашей стране, несмотря на перестройку, абсурд постоянный. Теперь ждут телекс из посольства в Берлине с отказом!

У нас вышла афиша о постоянной экспозиции. Пришлю по возможности.

21 октября в Перове прошел вечер Генриха Сапгира. Все вели себя чрезвычайно благообразно. Я смотрела этот вечер на видео. В зал не поехала, боялась, что не выдержу и скажу Генриху, что он говно. 18 ноября у нас состоится вечер Пригова, обязательно пойду.

Левочкина семья получила вызов в Израиль. У нас будет первый родственник-эмигрант. Митюшка уверяет, что его мать не уедет, пока он не закончит школу. Посмотрим.

Бы, наверное, знаете, что наши власти изменили курс доллара по отношению к рублю. Теперь один доллар меняют на 6 р. 26 коп., соответственно дают 3 DM и т. д. Иностранцам лучше, а нашим...

В Москве царит отъездная лихорадка: уезжают толпами – традиционно евреи, но еще прибавились армяне, немцы, украинцы. Многие предрекают голод и погромы.

Очень радуют долгожданные изменения в ГДР!

Надеюсь, вы получили от Беате мою статью для «Гутен таг». Я ей недовольна, особенно первой частью.

Не появлялись ли Анника и Ларс?

Как там Маркины? Если вы их увидите, то передайте большой привет.

Крепко, крепко вас обнимаю. Отзовитесь!

Юля

P.S. Только что позвонила Света Немчевская. Сказала, что 8 ноября утром выходит ее передача по ТВ, 1 прогр., под названием «Единение культур» на 35 минут. Говорит, что Карл там выглядит изумительно, и вообще передача очень хорошая.

Москва, 14 нояб. 1989 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Мне было приятно пообщаться вчера с Карлом по телефону. Много воодушевляющих новостей, из которых главная – это события в ГДР. Очень хочется, чтобы Германия стала единым процветающим европейским государством, и, конечно, открытым. По-моему, это вполне достижимая цель, хотя, очевидно, некоторые трудности на этом пути преодолеть придется.

В нашем царстве все в тысячу раз сложнее. «Память» митингует на Красной площади под присмотром полиции. Их лозунг – это встать на бой против развала социалистической империи, против Прибалтики и обязательно битва с «жидомасонским всемирным заговором». На Красную площадь не пускают никого. Тот факт, что там разглагольствует «Па-

мать», говорит об очень сильной руке на самом верху, которая это отвратительное движение пестует.

Вокруг все ругают власти и даже начинают с нежностью вспоминать застой. В основном недоволен средний класс, т. к. он наиболее активен. Увлечения психотерапевтом Кашпировским по своим масштабам чудовищны. Люди хотят излечиться, «словить кайф» и забыться. Он, действительно, что-то умеет, но в то же время многих, в том числе и меня, раздражает пошлость и неотесанность его облика, его речи, жуткая популярная музыка, под которую он проводит свои многомиллионные сеансы по ТВ. Второй, весьма интеллигентный утешитель – Алан Чумаков, разводит такую телебрехню, что уши вянут. Он заряжает воду, крем, лосьоны. Его спросили: «А газету вы можете зарядить?» Он ответил: «Конечно, могу». Потом он сказал, что вообще можно на него не смотреть и находиться в кухне, он со своей энергией проникнет и туда. Все это нынче поощряется властями. Массы же ждут чуда, а главное, чтобы не бунтовали. Анатолий Кашпировский во время сеанса так и говорит: «Помогите своей стране, сейчас очень трудное время».

Тем не менее жить очень интересно. По ТВ тоже показывают много интересного, особенно публицистики – иногда невозможно оторваться. Сессия Верховного Совета по понедельникам и вторникам захватывает сильнее самого увлекательного детектива. Горбачев и Лукьянов железно держат в руках весь парламент. Отдельные, совершенно прекрасные депутаты говорят замечательно, правдиво, ярко, честно. Но в итоге все происходит так, как этого хочет Михаил Сергеевич, хотя он даже не говорит, чего он хочет, а просто каким-то образом дает понять свои пристрастия. Этого уже достаточно, чтобы большинство всегда было на его стороне. 85 % этого съезда коммунисты, более половины из них аппаратчики. Как же они пойдут сами против себя?

Мы говорили по телефону с Юлей Маркиной. Она рассказывала о своих успехах хиромантии. Говорит, что они с Юр. Петровичем хорошо поработали и пожили у вас. У меня к вам просьба: не рассказывать знакомым, что Миша не родной Димин сын. Дима всем сказал, что Миша его родной сын, пусть так оно и будет.

Карлуша, я хочу написать Аннике письмо, где задам ей кое-какие вопросы. Дело в том, что у нас намечается в февра-

ле-марте 1990 г. выставка в Финляндии, вещи поедут из Москвы. Может быть, стоит это каким-то образом совместить? А может быть, и не стоит. Огромные поздравления и приветы Марианне с днем рождения!

Я прекрасно понимаю, как тяжело скрепить «Гроб-Арт» и все остальное, но уверена, что сделать это необходимо. Будучи скрепленными, они могут работать, а сейчас это неподвижная груда металла. Скульптура, которую Дима в итоге ценит больше всего, нетранспортабельна. То есть, если кто-то захочет выставить, тебе надо ее обязательно сопровождать, чтобы на месте складывать ее как мозаику, а потом бояться, чтобы она не развалилась и кого-нибудь не пришибла.

Что касается выставки в Швеции, то очень приятно, что она состоится. Но жаль, что такая убогонькая (10 скульптур и графика). Именно сейчас, когда в нашей стране нет препятствий для выставок за рубежом, хотелось бы это сделать более репрезентативно. Я, конечно, понимаю, что все упирается в финансы, особенно, когда «финансисты» – такие интеллектуалы, как Ларс и Анника, люди сверхдуховные, следовательно, совсем непрактичные. Но есть некоторые возможности у нас на достаточно официальном уровне.

Кстати, в министры культуры будет баллотироваться Коля Губенко с Таганки. Он талантливый режиссер, отличный актер и, по-моему, вообще очень толковый человек. Сейчас заменяет в Театре на Таганке Любимова.

Я вас крепко обнимаю. Очень хотелось бы повидаться. Привет от всех наших.

Юля

P.S. В литобъединении, где Юра состоит, был анонимный конкурс поэтов. Жюри присудило Юре третье место. Но у Юры нет публикаций и это большой минус, потому что у первого и второго места есть публикации. Как там дела? [...]

Москва, 28 ноября 1989 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Дела в мире идут неплохо. Последние события в Чехословакии очень радуют. Для нас с Димой это была тоже родная

страна. Наш Верховный Совет потихоньку набирает европейскую форму. Это уже не то недоверчивое и взъерошенное советское собрание. Наполовину – партийное чиновничество, наполовину – темпераментные народные избранники, это уже парламент! Вчера прибалты получили экономическую самостоятельность и в основном принят закон о печати. Думаю, что сильно продвинутся вперед законы о собственности и земле. Я все-таки надеюсь, что тяжелейшая экономическая ситуация нас не задушит окончательно и через год-полтора станет лучше. Что же касается духовной сферы, то тут дела протекают настолько бурно, что иногда делается жутко, хотя и смехотворно. Чрезвычайно интересен пленум правления Союза писателей РСФСР 13–14 нояб. 89 г. Белов, Распутин, Бондарев, Куняев, Глушкова – главные погромщики, уважаемые наставники «Памяти». Обязательно прочтите «Огонёк» № 48, 1989, стр. 6 – «Все заедино!»

У нас еще одно большое огорчение. Прекрасный телевизор, который мы с Бродскими привезли в муках из ФРГ, оказался черно-белым, т. к. работает только в системе Pal. На нем было написано Pal-Sekam – и на коробке и в инструкции, но никакого секама в нем нет. Сделать ничего нельзя – это говорят все электронщики. Меня только удивляет, что он довольно дорого стоит – 840 DM. За такую цену все телевизоры обязательно работают в Pal-Sekam Ost. Потом в них добавляют какой-то декодер на французский Sekam и он работает в СССР. Возможно, продавец сам был уверен, что в телевизоре есть Sekam – я не думаю, что он нас обманывал. Мне тоже очень обидно за Бродских, и я сожалею, что Вова уговорил меня не брать Multiprogramm. Он так убедительно убеждал, что за меньшие деньги будет хорошо работать. А я уже по опыту знаю, что иногда сэкономишь деньги, а потеряешь здоровья и нервов на большую сумму, тем более что деньги у нас были. Я думаю, Карлуша, что когда ты приедешь, мы купим им в «Березке» нормальный телевизор, который будет стоить значительно дороже, а этот черно-белый я заберу себе и потом буду думать, что с ним делать.

Из Spiegel пришло письмо (шло по нормальной почте около двух месяцев Avia!), где Аугштайн передает мне привет и надеется встретиться в ФРГ или в Москве.

В районной газетке, органе райкома Перовского р-на «Перовец» вышла статейка некой И. Пановой против нашего зала,

против «авангарда» и против того, чтобы ставили памятник Сидура погибшим афганцам. Там написано, что «на Руси» не так должно быть, а солдатам-афганцам надо поставить памятник студентов из Строгановского или Суриковского училища. В общем, я постараюсь послать вам эту статейку при случае.

Половина Перова у нас в ремонте. В подвале боремся с потопами уже около месяца. Засорился колодец во дворе. Приезжают аварийщики, пробивают засор, но говорят, что колодец должны прочистить местные слесаря. Местное начальство обещает, а потом ничего не делает, поэтому потопа у нас через два дня на третий. Особенно везет Стародубцеву, потопа всегда происходят, когда они с Султаном начинают там работать. Но мы почти закончили приводить в порядок второй зал, где 50-е годы. Сейчас в подвале находится с вариантами более 600 скульптур, не считая отливок, остальное в Перово.

Крепко вас обнимаю. Ждем Карлушу!

Юля

Памятник погибшим от любви. Оффенбург. Фото: К. Аймермахер

1982. Фото: Г. Геннис

В.Р. Келлерман («Романыч»), А. Бакиш, Юлия, 1991. Фото: Астрид Фольперт

Карл Аймермахер в Москве, 1998. Фото: Л. Иванова

*Дмитрий Сидур со своим сыном
Вадимом. Фото: Карл Аймермахер*

*Михаил Сидур, 80-е годы. Фото:
К. Аймермахер*

1987. Фото: Лидия Феглер

Галина Сидур (Мазий) и Наталья Нольде, 1996. Фото: К. Аймермахер

Александр Аллардт и Юлия, 1982. Фото: Карл Аймермахер

Вадим Сидур, Дорис Шенк, Генрих Белль, 1979. Фото: Э. Гладков. Фото: К. Аймермахер

1990

Москва, 9 января 1990 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Завтра похороню свою мать, и из кровных родственников останется у меня только брат, к которому я испытываю весьма приблизительные чувства. Всех моих двоюродных многочисленных родственников я вообще с трудом помню. Удивительно до чего точна формулировка: «Родные не по крови, а по духу». Я люблю Мишу, Митю и Леву как своих детей и внуков, а к настоящей родне – более чем равнодушна.

Заходила Сабина, отдала все материалы и деньги на видеокассеты. Рената фон Майдель уезжала, поэтому пока что кассет не купили, но теперь купим. Поскольку я записала практически весь II съезд народных депутатов, кассет у меня тоже осталось мало и надо будет закупать еще. Теперь буду постепенно с оказией посылать все эти интереснейшие материалы съезда к вам.

Как только получу приглашение из Швеции, начну оформлять документы на поездку. Если Arlette Meister пришлет приглашение, добавлю еще Францию.

Очень симпатично выглядит твой доклад «Головы современников» в отдельной брошюре.

Г.А. Белой я, конечно, позвоню. Текст о Камиле Икрамове напечатан: один Оле, один тебе, третий мне.

Чрезвычайно любопытно, как выглядит шведская книжка.

Была на выставке Биргера в ЦДХ. Общее впечатление весьма среднее, хотя есть отдельные приятные пейзажи, натюрморты и портреты. Слепышев, хотя и неприятный тип, как художник намного, намного сильнее, хотя МОСХ и не пускает его в ЦДХ, куда он так усиленно рвется. В этом смысле мы выгодно отличаемся от многих художников тем, что никуда не рвемся. Ремонтируем Перово и до какой-то степени плывем по течению.

Наконец-то дошла до меня статья в L'Humanité Сержа Лейрака от 11 апреля 1989 г. Очень неплохо написано.

В нашей стране из-за повседневных трудностей нарастает такая злоба, что ее можно потрогать руками. Дозированная гласность перестала приносить первоначальную радость. Бесплезность очень правильных и правдивых слов нарастает с каждым днем. Генсек, несмотря на свой интеллект и потрясающую изворотливость, раздражает даже своих сторонников все больше и больше. Распространяются слухи о его личной коррумпированности. Безыдейность и бездуховность у людей чудовищны! Православная церковь, очень импозантная внешне, была привлекательна в опале, сейчас в своем официальном обличье вызывает равнодушие. Сужу об этом по Митюшке, в Бога он верит, но никакого благоговения в нем нет. Кстати, его мамочка сейчас гостит у Бурихина. А Митя с бабкой возвращаются из Подмосковья завтра.

Отправь, пожалуйста, Деревянским картинку и толстый каталог. Привет Смеховым.

Огромный привет от Бродских. У них новая жизнь – Виталик и Верочка под боком. От всех этих дел у Вовы обострилась его язва.

Крепко вас обнимаю.

Юля

[...]

23 января 1990 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

1. Вышел журнал «Искусство» № 12, 1989 г. с вашей совместной статьей. Люди уже видели, я еще нет. Саша Шумов принесет на днях.

2. У Маркина вышла замечательная книга о Лембруке. Он подписал одну вам, другую для Музея Лембрука.

3. Оля Икрамова прислала документы для женитьбы Ани и Вольфрама. Передайте им, пожалуйста.

4. Сергей Стародубцев продолжает снимать. Вчера ЦТ, II пр., 21.30 показывало «Котлован».

5. Два дня подряд в субботу и воскресенье показывали отрывки про Диму из фильма Нияза Абаджича.

6. Книга Ларса и Анники очень симпатичная. Я напишу им письмо по этому поводу. Очень прошу прислать мне этой книги побольше.

7. Надеюсь, что мне сделают визу, и я успею в Упсалу на вернисаж. Я, разумеется, сообщу обо всем заранее. Может быть, смогу купить билет в Швецию за рубли.

8. Болею остаточным воспалением легких, и сейчас Рита с Вовой делают мне уколы антибиотиков. Не курю, чувствую себя лучше, хотя курить иногда очень хочется.

9. Отыскалась Саня Толкачева из Украины, которая спасла Диму от смерти в 1944 году, когда он, раненый, лежал у нее в хате. Это выяснил один днепропетровский журналист. Сане всего 72 года. Александра Васильевна Толкачева.

10. Издательство «Аврора» жаждет делать книгу про Сидура только в том случае, если будут заказы на Западе. Их интересуется валюта. Для своих читателей и зрителей, которым действительно эта книга нужна, им стараться неохота.

11. У Абалаковой и Жигалова сейчас идет выставка на Каширке. Выставка, наверное, интересная, но почему-то очень холодно и неудобно. [...]

12. Не пора ли напомнить Виоле Хальман о нашем существовании?

13. Карлуша, надо было начать письмо с вопроса, как ты себя чувствуешь? Лечиться очень не хочется, но нужно, знаю по себе.

14. В этом году я никого не поздравила с Новым годом. Пусть люди простят меня – у меня умерла мать, сама я болела и даже сейчас состояние бывает чрезвычайно депрессивное и скверное.

Крепко, крепко вас обнимаю! Надеюсь на скорую встречу.

Юля

P.S. Веня и Галя невероятно довольны своим пребыванием у вас. Больше всего им понравилось в Бохуме.

Москва, 12 февраля 90 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Вам позвонит Юзеф Пастернак, автор «Черного квадрата». Это очень толковый и талантливый человек. По-моему, у него

есть очень умные мысли и всякие идеи по поводу кино о советском современном искусстве. Я думаю, что вам интересно и плодотворно будет с ним пообщаться.

Я не уверена, что получу визу вовремя и поспею в Упсалу на вернисаж. Это станет окончательно ясно завтра. Значит, приеду позже.

Крепко вас обнимаю.

Юля

P.S. С Юзефом посылаю вам «Искусство» с вашей статьей, «Декоративное искусство» и «Юный художник» Шумова Саши. Он умирает от желания поехать в ФРГ.

Москва, 21 мая 1990 г.

Дорогие Карл и Гизела!

Я еще недели не прожила в Москве, а уже здешние события захлестнули меня со страшной силой. У нас в буквальном смысле царит политическое безумие. Все беспрерывно что-то страстно обсуждают, не забывая прибавить: «В этой стране ничего невозможно, здесь ничего хорошего не будет». Газеты и ТВ раскалены от напора мнений и суждений.

Апофеоз: вечер, посвященный радиостанции «Свобода» по Московской программе. Одновременно с экрана льется нудная, уже заштампованная поповщина, которая не имеет никакого отношения ни к вере в Бога, ни к религии вообще. Официальное православие почти заменило прежнюю партийную брехню. Благостные попы выглядят лицемерно, лживо и скучно.

Тем не менее жизнь продолжается: хмурые люди решительно идут куда-то по своим делам, компактные очереди все те же, толкотня и грубость нисколько не изменились. Приезжая от вас, с первых же минут начинаешь ощущать разницу в размерах и в цвете. Огромные дома, огромные улицы и плотный однотонный серый цвет, немного смягченный не очень щедрым солнечным сиянием и зелеными деревьями. В Москве холодно, вернее, опять похолодало.

Сегодня мы, очевидно, в последний раз встретились с Левочкой. 29 мая это советское семейство отбывает в государство Израиль и начинает там строить свое благополучие. Мы

вчетвером: Лева, Миша, Юра и я поехали сначала в Переделкино, а затем в Алабино. Юрочка всех нас пофотографировал на память. Лева удивил меня своим запущенным видом: одежда грязная, носки рваные до неприличия. Мне стоило большого труда убедить его выбросить эти носки, т. к. он сказал, что очень любит их и привык к ним. Это были подаренные вами когда-то белые тенниски. Я привезла им с Митей цветные очень красивые носочки, но тут раздобрилась и отдала свои беленькие, которые мне подарила Гизела. Лева их тут же надел.

Димины могила в Переделкино выглядит прекрасно – красиво, тихо. Скульптура стоит уже десять лет, с каждым годом она смотрится все более поэтичной и делается как бы частью природы. Слева от скульптуры, наконец, появились незабудки. Мы сажали их каждый год, но только в этом году они выросли. Мы посадили с правой стороны немецкие незабудки, тоже подарок Гизелы. Может быть, они зацветут через какое-то время. Снова мы были приятно поражены – у Димы на могиле в двух местах лежали цветы: в том месте, где руки у скульптуры, и на его плите. Такое впечатление, что кто-то довольно часто ходит к нему на могилу.

В Алабино все хорошо, только холодильник ревет как дикий зверь. Этому холодильнику больше тридцати лет и, очевидно, ему пора на покой, а он все трудится. Это наш старый раб и, наверное, он протестует, что мы не отправляем его на пенсию.

Вся моя родня очень обрадовалась моему возвращению. Они встречались довольно редко и были рады опять объединиться. Кстати, Ирочка сама дозвонилась Бродским из США.

...На этом месте раздался ваш телефонный звонок! Очень обрадовалась, спасибо!!! Поздравьте Анну Хартман с рождением сына.

Мне позвонила Оля Икрамова. Счастлива за дочку. Я ей все сказала про Жутовского.

Получила несколько писем за время моего отсутствия. Самые интересные с Украины. Владимир Петрович Платонов, журналист из Днепропетровска, пишет, что во всех инстанциях полная поддержка назвать одну из улиц города именем Вадима Сидура. Я думаю, что это будет сделано. Что же касается Сани Толкачевой, то ее письма чрезвычайно колоритные и я даже думаю, что стоит их вам послать для ксерокса, а потом

вернуть обратно. Потому что пересказать такие русско-украинские, лишенные какой-либо орфографии письма – совершенно невозможно. Кроме всякой лирики, она еще просит кое-что ей прислать. И я, конечно, могла бы ей все купить в Германии, хотя из-за ее грузности это не так просто. Мало того, что они ужасно бедны (70 р. пенсия в месяц), еще и ничего нет. Хуже всего с обувью, она пишет, что даже чулок, которых всегда было полно, теперь нет. Гизела, у меня к тебе просьба! В связи с тем, что вы все равно будете отправлять мне большую посылку, сходи, пожалуйста, в Uni-Center и купи там две пары обуви – одну пару светлую, другую темную (коричневую или черную или темно-синюю) сорокового размера (это немецкий размер). Ей нужны туфли, не кроссовки, а в таком духе, как у Марьяны, или как ты мне подарила, черненькие, в прошлом году. Еще нужны чулки, но я думаю, что у вас таких нет. Наши деревенские женщины носят плотные (у нас они называются «простые»), в рубчик, чулки. И еще, я думаю, хорошо бы купить ей шерстяную кофту (не пуловер), темную, 54 или 56 размера, это немецкий размер. Здесь, в Москве, сейчас этого достать невозможно. Может быть, я сумею тут, в Москве, купить для нее ткани, и она сама сошьет себе, как она пишет, «сарафаны». Гизела, если ты купишь хоть что-то из того, что я тебя прошу, можешь себе представить безмерную радость полуграмотной деревенской бабки, которая хотя бы в конце своей жизни получит немного удовольствия. И не обязательно обувь светлую и темную. Можно обе темные, только разного цвета, например, одну коричневую, другую серую. Денег мне для нее не жалко, пусть эта обувь будет хорошего качества.

У нас зарегистрирована новая политическая партия, вернее, восстанавливается старая антибольшевистская – партия кадетов, конституционных демократов. Мне эта партия наиболее симпатична. Во главе ее стояли Милюков и Набоков (отец писателя, убитый террористом, когда он закрыл Милюкова своей грудью). Мне эта партия очень нравится. Ее направление интеллигентское и либеральное.

Я уже рассказала по телефону о планах Митиной матери и Бурихина. Митюшка сказал, что Бурихину так нравится в России, что он даже не хочет уезжать, но жалко терять материальные ценности.

Занудная и неубедительная статья Вити Гинзбурга очень разочаровала: «Известия», 20 мая 90 г. Он защищает нашего президента, порицает Литву и демагогически призывает не митинговать, а идти расчищать строительные площадки. Призывы «надо работать» так всем надоели, что еще Гинзбургу не хватало присоединяться! Наша партия в лице Ленина, Сталина и прочих вождей так часто призвала людей работать, ничего или почти ничего им за это не давая, что подобные призывы звучат просто кощунственно. Как только наши люди действительно начинают работать свободно и для себя, им тут же чинят всяческие препятствия. И Гинзбург это прекрасно знает! стыдно ему защищать КПСС!

Эдику все еще оформляют документы на поездку в Германию.

Миша с Галей до сих пор не имеют ответа из ОВИРа.

Насчет покупки квартир в Москве у Тамары Бреус были абсолютно неправильные иллюзии. Пока что ничего не изменилось!

Вова Воловников спрашивает, что вы думаете насчет документов, касающихся истории России, которые раскопал его друг-архивариус. [...]

Романыч сделал тринадцать отливок из «Женского начала». Чрезвычайно доволен новыми патронами. Романыч – это клад, это мое сокровище!

Ну и, конечно, наши любимые Бродские. Говорят, что они очень хорошо провели время с Рюдигером и Инес. Готовятся в США. Виталик грустит, хотя по моему совету написал кое-какие стихи. По-моему, очень неплохо.

Самые ощутительные результаты выдает Миша. Он продвигает перовский ремонт с невероятными муками. Доброжелатели из района позвонили нам и сообщили, что некий человек по фамилии Попов, бывший милиционер, а ныне недавно избранный депутат райсовета и член клуба «Отечество» (филиал «Памяти»), грозил, что он поставит вопрос: почему отдали зал под постоянную экспозицию Сидура, вместо того, чтобы выставлять русских художников района, и что директор Сидур-младший специально затеял ремонт, чтобы не выставлять национальное искусство и т. д. Когда Миша сказал, что он хотел бы встретиться с Поповым в райсовете, тот отказался. Так что экономическая и идейная борьба ведется с неослабевающим накалом.

Еще одна новость – в свою квартиру я попадаю теперь через железную дверь, которая захлопывается за мной с тюремным грохотом. Не могу сказать, что чувствую себя от этого намного более защищенной.

Кажется все. Крепко, крепко вас обнимаю. Кончилась моя идиллическая жизнь у вас! Огромный привет Марьяне!

Юля

Зубы довольно сильно вакельн, надо подгонять!

Москва, 29 мая 1990 г.

Дорогие Карл и Гизела!

До чего же у нас закрученная жизнь! Все время нужно куда-то спешить. Всеобщий вопль по поводу повышения цен. Моссовет решил защищать москвичей – продукты и товары будут продаваться только по московской прописке. Таким образом власти хотят лишить миллионы советских приезжих-немосквичей возможности опустошать магазины. Не популярны как акция (повышение цен), так и реакция (недемократичная дискриминация советских граждан). До чего же народ хает Горбачева и правительство!

Надо сказать, действительно, выглядит наш президент неинтересно. В своей длинной, насквозь заштампованной речи произнес только одну живую фразу: «Прошу не устраивать панику!» Чем больше всё начальство – Горбачев, аппаратчики, всякие подхалимы и демагоги хотят повалить Ельцина, тем больше его обожает народ. Любовь к нему растет с каждой минутой. Людям кажется, что если его изберут президентом РСФСР, сразу же станет легко и красиво жить. [...]

Меня одолевает хирург Бураковский, требует, чтобы я согласилась дать ему «Взывающего» для установки перед новым зданием хирургического кардиоцентра. При этом он рассуждает следующим образом: «Мы с Димой должны вместе войти в историю! Ты знаешь, сколько Дима для меня сделал. Я хочу осуществить это перед смертью!» и т. д. В то же самое время скульптуру «Операция на сердце», которую Дима действительно сделал в его честь и ему посвященную, он устанавливать не хочет, т. к. эта скульптура страшна с обывательской

точки зрения и чересчур трагична. Я очень надеялась, что пока я буду за границей, он, как человек весьма необязательный, забудет об этом проекте. Однако, нет! Он меня обрабатывал с такой страстью, что мне жутко трудно от него отбиваться. Никакие аргументы на него не действуют: установлена уже в Дюссельдорфе, немедицинское звучание. «Нет, это призыв к милосердию! Пока я жив, я многое могу. Я могу организовать звонок из Президентского совета!».

Появилось еще одно обстоятельство – мне позвонил архитектор Анатолий Шайхет, человек из прошлого, приятель Лемпорта и Силиса. Он, очевидно, как архитектор, заинтересован в проекте у Бураковского. Он начал говорить мне, что было решено установить в интерьере скульптуру Лемпорта «Мать и дитя». Это очень старая работа в граните. Я ее помню. Но Бураковский сказал, что он подпишет договор на эту скульптуру только в том случае, если перед институтом будет стоять «Взывающий». Мне Бураковский ничего об этом вообще не сказал. Он, конечно, мог предположить мою негативную реакцию. Лемпорт, который везде Сидура всячески поливает, тем не менее хочет быть все время рядом. Скульптуры рядом ставить, в кино о Сидуре выступать с воспоминаниями. Его комплекс Сальери совершенно неистребим. Думаю, что Шайхет просто заинтересован в работе как архитектор, т. к. в этом проекте заложены огромные деньги и строительство уже практически закончено. Он сказал мне, что скульптура Лемпорта возилась на «Сотби». Там она никому не понравилась и теперь ее опять привезли в Москву, но хорошо бы ее пристроить к Бураковскому. Все эти разговоры Бураковского и Шайхета только еще раз убедили нас с Мишей, что лучше бы нам не иметь дело с этой компанией. К тому же Бураковский осчастливил: «Я приду с архитектором и с парой бутылок коньяка». Вы знаете, как я люблю выпить, а что еще хуже – надо будет лицезреть пьяного Бураковского! Мы с Мишей решили отбrehиваться изо всех сил, «Взывающего» не давать, как компромисс предложить любую скульптуру на тему «Мать и дитя» или что-нибудь еще.

Скоро я переведу в гальванику почти все модели 60-х годов. Давыдов работает как маленькая фабрика. Я сегодня сама потонировала три штуки: «Инвалида-качалку», эскиз «Из одного корня», «Сидящую» (руки площадкой). Получилось очень

неплохо. На этот раз после приезда я очень довольна моей командой. Романыч сделал почти все «Женское начало», Юра отпечатал много фотографий, Лапин старается изо всех сил – снимает скульптуру отлично! Наталья сделала макет книги Диминых стихов, набор в типографии уже готов. Вовка много и во всем помогает. Давыдов завалил гальванопластикой пол-мастерской. Саша Позин начал увеличивать «Памятник оставшимся без погребения». Миша приводит наш музей в порядок. Думаю, что ты, Карлуша, будешь доволен – один зал отводим для научной работы, собираем там все архивные материалы, ставим столы, и любой может там что-то почитать, поснимать и выписать.

На ВДНХ открывается павильон «Ожившие архивы». Они делают там выставку о советской истории, которую очень рекламировала программа «Взгляд». Чтобы оживить выставку, попросили у нас Димины скульптуры, больше десятка. Поскольку других художников они не хотят, мы решили согласиться, получится что-то вроде небольшой персональной выставки. Выставка будет работать с 8 июня по 15 июля. ВДНХ у нас, в принципе, место очень бойкое, народу много.

Завтра Левочка отбывает в Израиль!

Митюшка очень хорошо закончил восьмой класс, через несколько дней уезжает в подмосковный пансионат на Клязьму. Его мамочка отбудет в ФРГ с Бурихиным, но пока еще не навсегда.

Бродские едут в США, я уже грущу.

В магазины я не хожу специально, чтобы не испытывать отрицательных эмоций, хожу только на рынок. Цены, конечно, большие. Народ недоволен.

На днях был прием в вашем посольстве, вернее в резиденции. Бедно, скудно, но огромное количество знакомых. Если бы не Рената Аллардт, ни за что бы не пошла. Я очень скучаю на таких мероприятиях, но в итоге оказалось, что не зря сходила: поговорила с нашим народным депутатом СССР от Перовского района А.Е. Себенцовым. Пригласила их с женой на открытие нашей выставки. Они с женой были чрезвычайно любезны, он даже дал мне свой домашний телефон, чего депутаты, в принципе, не делают.

Никак не могу дозвониться Смеховым.

Кажется, это все главные новости. Крепко вас обнимаю.
Привет Марьяночке!

Юля

P.S. [...] Я подарила Аллардтам на прощание скульптуру № 383, «Мать и дитя» из «Женск. нач.», бронза.

К сожалению, я не могу найти две тетрадочки Диминых детских и юношеских дневников. Письма разложены, а дневники находятся в куче других тетрадей. Пока нет сил разбираться.

Москва, 5 июня 1990 г.

Дорогие Карл и Гизела!

Несмотря на то, что вы уехали в Голландию, я решила написать вам письмо. Вернетесь в Бохум, а дома – письмецо от меня!

Сначала о политике. У нас сейчас царит то, что на политическом языке называется «двоевластие». Размежевание между Горбачевым и Ельциным настолько очевидно, что только слепой этого не увидит. С избранием Ельцина президентом России, история наша еще раз очень круто куда-то повернула. Признаюсь, что мои личные симпатии, кстати, как и всех друзей вокруг, кроме Вовы Бродского, определено на стороне Ельцина. Но даже Вову Михаил Сергеевич начал огорчать – грозит приостановить еврейскую эмиграцию из СССР!

Горбачевское лицемерие и подмена правды правдоподобием, поверхностной благопристойностью прямо-таки тошнотворны. Его рассказы о том, какая Литва нехорошая, насквозь лживы. Интересно смотреть, как выдающийся политический деятель, так много сделавший для своей же собственной теории «перестройки», становится ее самым главным тормозом. Сейчас это единственный спаситель агонизирующей правящей партии. Во всех главных вопросах, которые сейчас имеются в мире, именно он стоит на абсолютно застойных позициях. Это германский вопрос – не допустить ее членства в НАТО, хотя все знают, что Варшавского пакта уже не существует, а дальше объединенная Германия уже сама разберется, как она поступит. Это Ближний Восток – опять заигрывает с арабами, непонятно зачем. И, наконец, главное – внутри страны: все

решения половинчатые – как бы сделать так, чтобы все изменить, ничего не меняя. И весь его президентский совет выглядит как кучка придворных подхалимов в так называемом «демократическом» обрамлении.

У Ельцина все выглядит по-другому, нет никакого внешнего блеска – одна только напряженная «черная» работа. Много дураков и людей чрезвычайно темных, но есть доверие людей и даже любовь к лидеру, которому эта власть досталась честно в результате почти нечеловеческой борьбы.

На этом политинформация об СССР кончается. Пустые магазины стали еще пустее – немосквичи ненавидят москвичей еще больше с тех пор, как стали продавать еду по паспортам. Новое моссветовское начальство очень симпатичное и интеллигентное. Это экономист Попов и историк Станкевич. Жаль, что им приходится принимать непопулярные меры. В Ленинграде глава Ленсовета – Собчак, блестящий и обаятельный лидер.

Вот так и живем. На рынке продовольствие есть, но за большие деньги: мясо – 20 р. кг., помидоры, огурцы, черешня – 10 р. кг., творог – 8 р., сыр – 15 р., масло – 18 р., растительное масло – 4 р. 1/2 литра, картошка – 5 р., сметана – 12 р. Процветают кооперативы по товарам: видео – 7 т., сапоги женские – 600 р., кроссовки – 300 р. и т. д.

Официально со всех сторон говорят о новых «рыночных» экономических отношениях. Однако пока все поняли, что на все будут повышены цены, поэтому опустошили все магазины, скупив те товары, считавшиеся недефицитными, такие, как: соль, спички и макаронные изделия, а также всякую мучную продукцию. Сахар уже год продают только по карточкам.

Ко мне обратился наедине Романыч. Он сказал, что в следующем году уходит на пенсию и смогу ли я обеспечить ему работу на будущее. Иначе он будет себе что-то искать. Я сказала, что гарантирую ему ближайшие три года. А в принципе, рассчитываю сотрудничать с ним постоянно, хотя мы все ходим под богом, и никто не знает, что может произойти с нами завтра, особенно под руководством Михаила Сергеевича, любимчика Запада.

Вы знаете, что Рената и Саша уезжают в самое ближайшее время. У меня одна надежда на Ренату – мне все-таки хочется получить посылку из Бохума. Саша приступает к работе в

Берлине в середине июня, а Рената уезжает окончательно в начале июля. [...] 24 июня они с Сашей устраивают прощальный вечер в Серебряном бору на посольской даче. Мы туда придем всей компанией.

Саня Толкачева продолжает писать мне очень трогательные письма. Готовлю ей всякие посылки.

Мише позвонили Слепышевы из Парижа. Они продлили свое пребывание еще на три месяца. Добиваются постоянной визы на поездки, не теряя советского гражданства. Слепышев продает свои картины в среднем за 4 т. долларов. Они снимают в Париже квартиру. Елена Викторовна лечится от давления. В общем, понемногу адаптируются. У меня такое впечатление, что Слепышев хочет купить себе квартиру, получить разрешение на жительство и жить в основном там, изредка приезжая в СССР.

У нас уже два дня подряд идут дожди.

2-го, в день своего рождения, Юнна была в гостях у Бродских. Спросила меня, что сказал Карл по ее поводу. Я сказала, что ты сделаешь все возможное, чтобы она смогла приехать в Бохумский университет. Ей было невероятно приятно. 20 июня она едет в США, где у нее четыре доклада по советской литературе, возвращается 20 июля.

Я нашла Димины дневники 1939–1945 годов. Постараюсь передать их Ренате, чтобы их отксерокопировать в Бохуме и вернуть обратно.

Юнна предложила мне издать мою прозу в издательстве «Пик». Я не уверена, что это нужно делать, но пока отговорила тем, чтобы отложить этот разговор до ее возвращения из США.

Артур Бекер позвонил из Киева, он проживет у меня несколько дней до приезда своей русской семьи.

Крепко вас обнимаю. Марьяночке громадный привет. [...]

Юля

Москва, 26 июня 1990 г.

Дорогие Карл и Гизела!

Так получилось, что я пишу вам это письмо в день Диминой смерти. Послезавтра мы поедем в Переделкино, потом вер-

немся на Брянскую. Четыре года прошло, а я мысленно постоянно с ним беседую. У меня такое впечатление, что наш диалог бесконечен. И я все время думаю: вот на это Дима так бы сказал, а на то вот – так бы. И мне безумно грустно, что приходится отвечать самой вместо него.

Мы снова сдвинулись с мертвой точки с ремонтом в Перово. Наконец есть все материалы и теперь нужно отлавливать рабочих, которые разбегаются мгновенно при малейшей остановке.

Еще сделали важное дело: составили одного из последних «Пророков», которого, к счастью, Миша щелкнул перед отъездом из Алабина в 1985 году. И еще составили с трудом «Шарманщика». Все распадается, куда-то девается, и я поняла, что пора скреплять. Иначе какие-то детали могут затеряться и вещи пропадут. В пятницу Романыч начнет их фиксировать.

Самым уязвимым остается «Современное распятие» – его скрепить невозможно.

Левочка прислал письмо из Израиля. Надежда там плачет, говорит, что Иерусалим похож на Нарофоминск. Доволен только один Лева. Обо всем этом нам сообщила мать Маркуса. Она же сообщила нам израильский адрес. [...] Я посылаю вам письмо для Левочки с просьбой отправить его в Израиль. Еще прошу вашего разрешения, чтобы он ответ прислал на Бохум, а вы мне в Москву уже как обычно. Так будет значительно быстрее, а главное – надежнее. С осени, я надеюсь, переписка опять станет регулярной.

Очень огорчает, Карлуша, твой радикулит и прочие осложнения. Тем более радостно, что ты понемножку выздоравливаешь.

Кстати, Шпильман не объявляется?

Гизела Хэнзель благополучно живет у Харитоновых. Завтра они с Таней едут в Ленинград. На той неделе мы увидимся. Мне кажется, что там все в полном порядке.

Давид, надо сказать, меня немного удивил. Но с другой стороны, все равно никто не проживет за него его жизнь. Основа у него очень хорошая, а дальше, как у нас говорят, он «перерастет».

Я желаю вам как следует отдохнуть в Голландии в вашем замечательном домике.

[...] Крепко-крепко вас обнимаю.

Юля

Москва, 31 июля 1990 г.

Дорогие Карл, Гизела и Давид!

В Москве неожиданно появился парень по имени Свен, приятель Уте Кепплер, и я решила использовать еще одну возможность отправить вам письмо. Свен – славист, но учится в Лондоне, хотя сам немец из Бонна. Будет у нас до ноября. Надеюсь, что вы все здоровы и Карлуша избавился, наконец, от своего радикулита. Очень хочется верить, что вы все замечательно отдохнули в вашем прелестном голландском именьеце.

В сентябре Саша и Таня Шумовы едут в Бохум к Георгу Копицу и Лизе.

[...]

Жаль, конечно, что деревянный ящик с компьютером и другими вещами стоит в посольстве. Винкельман сказал, что Карл придет и сам его заберет (!). Я была очень рада, что все маленькие ящички Рената мне смогла привезти. Теперь дарю налево и направо шведские книжки. Люди довольны.

Знаете ли вы новость – теперь любой советский гражданин, не только иностранный, может покупать за валюту на территории страны и не должен объяснять, где он эту валюту достал.

Была у меня в гостях Андрея. Теперь она генеральный директор своей фирмы. Она сказала, что банкир Кристианс упоминает в своей книге о Диме и, кажется, там даже есть фотография каких-то Диминых скульптур. Кстати, Винкельман был у меня на дне рождения с подружкой по имени Хельга. Эта Хельга учительница из Бонна. Она жила у Хорста две недели, два раза была у меня.

Сейчас я с Мишей и Галей езжу с субботы на воскресенье в Алабино. Там хорошо, но необыкновенно грустно. Раньше я могла там находиться одна. Теперь не могу.

Были мы с Бродскими на премьере «Самоубийцы» Эрдмана на Таганке. Пригласили нас Веня и Таня Жукова. Спектакль неплохой, но «необкатанный», сделанный немного наспех. Любимов сидел слева от меня на откидном стуле и дирижировал фонариком, чем меня отвлекал, мешал смотреть. Этот спектакль был еще интересен публикой в зале. Во-первых, огромная толпа перед театром. Воистину народ жаждет хлеба и зрелищ! Ни того, ни другого не хватает. Знаменитые наши люди, такие, как депутаты Афанасьев, Кома Иванов,

Карякин, Мурашов, Евтушенко и еще тьма других сновали во всех направлениях. Веня и Таня играют в спектакле довольно большие роли. Оба очень здорово играют.

В последний день перед отъездом в Таллин Веня записался в фильме у Стародубцева. Сергей сейчас в Москве, на днях начинает монтировать. Сегодня он хотел прийти, чтобы проконсультироваться со Свенем, как пограмотнее написать титры на немецком языке. У него очень плохо с личной жизнью, жена его бросила. Он снимал процесс над антисемитом-патриотом Смирновым-Осташвили, лидером «Памяти». Говорит, что волосы становятся дыбом от их заявлений. Они говорят, что евреев всех надо уничтожать, включая детей. Что эмигрантов можно отпускать только если за каждого дадут сто тысяч рублей, и очень сожалел, что Гитлер не решил «еврейский вопрос» окончательно. По статье, по которой судят Смирнова-Осташвили, положено от 5 т. рублей штрафа до 5 лет тюрьмы. Главное обвинение – это погром в ЦДЛ 18 января 1990 г.

Вы бы видели, что творится у каждого западного посольства! Кто-то едет, а кто-то уезжает навсегда. В основном, это евреи, армяне, немцы, прибалты и прочие. Но, например, в Израиль едет каждый четвертый русский.

Наконец мы вступили в пору безвластия. Это по Ленину называется «революционная ситуация», когда верхи не могут управлять по-старому. Ненависть царит такая густая, что ее можно потрогать рукой. Сейчас прибавились дикие очереди за сигаретами.

Мы тем не менее продолжаем работать. Мастерская снова забита. В связи с гальванопластикой у меня появилось до сотни новых скульптур. Все их надо более-менее пристроить – одни выставить, другие убрать, третьи потонировать.

Миша страдает из-за своего ремонта. Снова все застопорилось. Теперь уже подобрали почти все стройматериалы, на этот раз нет рабочих. Сделано в Перове очень много и довольно приятно. Но остались еще полы и лестницы. Я думаю, что раньше октября мы не откроемся.

Позвонила Мишина мать. Она со Слепышевым и Настей в Париже. Они переехали в другую квартиру, подешевле. [...] Судя по всему, возвращаться они не хотят. Они смогли продлить себе визу еще на три месяца. Слепышевская мечта – создать на Западе свой собственный музей и чтобы Миша был

там директором. Миша категорически отказался, сказав, что он уже директор музея Сидура и для него этого вполне достаточно. Настя, будто бы, устроилась на какие-то подготовительные курсы, чтобы потом поступить в художественное училище.

Бродские несколько обалделые, на вид совсем замученные, вернулись из Америки. Они виделись с Майком Риффом, встречались у него в офисе. Он произвел на них очень приятное впечатление. Бы, конечно, знаете, что Майк и Давид переехали в новую квартиру.

Кроме Анн Арбор, Вова и Рита съездили за последние деньги к Юлику Вильдерману в Сан-Франциско. Естественно, потрясены американской жизнью, но жить хотели бы в Германии.

Встречались мы с Андреей, «госпожой генеральным директором», она имеет довольно утомленный, но зато вдохновенный вид. Она посулила Бродским, что поручит своему папе поискать со своими связями какую-нибудь больницу, где они могли бы поработать годик-другой. Рита с Вовой загорелись, но я почему-то скептически отношусь к этой затее, хотя, честно говоря, наверное, во мне говорит эгоистическое желание видеть их рядом, а то уедут и, как говорится, с концами.

Как там Давид? Наверное, выше вас ростом. Интересно, увидятся они с Митей или нет?

Огромный привет Марьяночке. Крепко вас обнимаю.

Юля

Москва, 14 августа 1990 г.

Дорогие Карл и Гизела!

Как я рада, что ты позвонил, Карлуша! Мы на этот раз протелепатировали. Только я подумала, что вы давно не звоните, и в этот момент раздался звонок.

Как раз вчера получила письмо от Левочки. Честно говоря, не знаю, каким образом оно было отправлено. Оно было в советском конверте и отправлено в Москве. Левочка всем доволен, но учиться не хочет, что меня несколько не удивляет. Он и здесь не отличался большой тягой к регулярным знаниям. Зато, как он пишет, он «целыми днями бегаёт, лазит в пещеры.

играет в теннис». В общем, живет в свое удовольствие. Может быть, так и надо жить человеку без особых претензий, тем более ребенку!

В Москве появился очень милый парень Свен Шпихер. Он славист, сам он немец, но учился в Оксфорде, жил в Лондоне. Имя Карла хорошо знает. Считает, что ему лучше было бы учиться в Германии (в Констанце), чем в Англии. Он занимается Битовым. У нас пробудет до ноября. [...]

Меня очень огорчило Марьянино недомогание. Передайте ей мои самые горячие пожелания выздоровления, и я невероятно рада, что ей стало лучше!

Через Петру Келли мне прислали кое-какие документы и письмо от организаторов семинара Etora-Lanzarote через госп. Хельгу Шмидт, где спрашивали мое мнение по теме: «Zeitgeist – der Erde ist es egal, wer sie heilt»*. Поначалу я не совсем поняла, что от меня требуется. Но потом стала размышлять на эту тему и кое-что написала. Когда закончу, я вам обязательно свои записки пришлю. Их конгресс состоится 18–21 октября 1990. [...]

Письмо Анники (на компьютере!) я получила. Ее компьютер очень хорошо знает русский язык.

Мы продвинулись с памятником афганцам. Саша Позин сделал в Ленинграде одну фигуру, центральную, в гипсе, высота 4,12×83×71, две другие обещает закончить в начале сентября. Как раз сегодня Миша и архитектор Сергей Тимофеев должны встретиться с директором комбината по бронзовому литью.

Миша упорно двигает перовский ремонт. С невероятными муками дело продвигается вперед. Он бегаёт по крыше за каждой работягой и лично следит, как они покрывают крышу. Они уже один раз сделали крышу. Долго пыхтели и делали вид, что очень стараются, но при первом же хорошем дожде вся крыша потекла, как будто бы ремонта не было. А вся беда в том, что эти мужики получили от района деньги за свою похабную работу и вернуть их обратно для устранения их же собственного безобразия потребовалось несколько месяцев. Сейчас мы приступаем к полам, к «напольным покрытиям». Хочется верить, что это будет завершающий этап перовской

---

* Дух времени – Земле все равно, кто ее лечит.

ремонтной эпопеи. А тут еще подоспел выставочный зал на Саянской улице, где Миша автоматически тоже является директором. То здание, наконец, достроили. Именно благодаря новому залу мы сумели отстоять наше здание как постоянную экспозицию Диминых работ.

В мастерской тоже все постепенно приобретает божеский вид. Хотя, конечно, далеко еще до конца. Романыч набивает все новые и новые полки. Мы поняли, что для экономии места это наиболее рациональное решение.

Книжка с Димиными стихами должна появиться в скором времени. Мы уже видели оттиски. Получается неплохо. Тираж 30 тыс. Это за наш счет. Районное издательство пошло нам навстречу из дружеских отношений, т. к. заказы от частных лиц принимаются только со своей бумагой! Приходил ко мне Эдик с макетом своей книги о Диме. Книга, надо сказать, просто роскошная. Сделано профессионально и даже с любовью, чего не очень-то дожدهшься от бесстрастного Эдика. Я тут же прониклась к Эдику лучшими чувствами, как в прежние времена, и мне сразу же захотелось ему помогать. Посмотрим, действительно ли существует фирма Helikon в Берлине или же это очередная липа, называемая «совместным предприятием».

Если бы вы знали, дорогие мои, как я довольна пылесосом, который мы купили с Карлушей в Kortum'e! До чего легко и приятно с ним убираться. У меня еще никогда не было такого простого и удобного бытового прибора!

Милые мои, нас замучили комары! Они теперь не только кровопийствуют в Алабине, но и в Москве. Они повсюду – в квартире, в подвале, у Миши на Юго-Западе. Галка вскакивает по нескольку раз за ночь. Но меня спасла Ренаточка, подарила перед отъездом Elektroinsektenfrei и теперь я бережно расходую патрончики один за ночь. Купите, пожалуйста, в аптеке три таких приборчика: в Мишину квартиру, в подвал, у меня и в Алабино (не забудьте патрончики). Еще надо 5 штук электропереходников для Сов. Союза. Уже мы все, что я привезла, использовали. [...]

То, что ты рассказал про Шпильмана, очень интересно. Но боюсь, что ничего он нам не заплатит.

Новые сведения о Слепышевых. Они сумели продлить себе визу еще на год. Слепышев собирается делать какую-то большую продажную выставку, а после этого покупать квартиру во Франции. Если приедут в Москву, то очень ненадолго.

Не знаю, писала ли я вам о том, что теперь любой советский человек может покупать в «Березке» все, что он хочет, если у него есть валюта. Я иногда этим пользуюсь.

Стародубцев куда-то исчез, но он обязательно появится, и я скажу, чтобы он позвонил Сабине. Получили ли вы фильмы Сокурова от Ренаты?

Если Митюшка приехал, огромный ему привет. Пусть он привезет с собой антикомариные розетки, почтовые марки и штепсели.

Огромный привет Давиду. Пусть на будущий год приезжает в Москву. Наберется новых впечатлений от уходящей эпохи полного краха коммунистической системы.

Вас обоих и Марьяночку крепко-крепко обнимаю. Желая вам всем здоровья. С нетерпением жду в Москве.

Юля

Москва, 28 августа 1990 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Мы все живем сейчас в преддверии вашего приезда. Все время обсуждаем с Бродскими, где вам лучше жить: у них или у меня. У меня места больше, зато у них более удобно. Решили, что вы сами сделаете выбор. Жалко, что не будет с вами Марьяночки! Может, вам стоит приехать с ней? Одна неделя, может быть, не будет для нее слишком утомительна?

С продуктами у нас как во время войны, но появилась масса кооперативов, торгующих шашлыками, пирожками, чебуреками, даже хлебом, похожим на длинные французские батоны. К тому же некоторые граждане, имеющие валюту, могут посещать «Березки», весьма убогие по сравнению с немецкими самыми скромными магазинами, но по нашим условиям – роскошные. Прибавились еще дикие и скандальные очереди за сигаретами. От бытовых трудностей люди звереют все больше и больше. Я все время с удовлетворением думаю, что одежды, которую я купила в Германии, мне хватит года на два. Кооперативы торгуют барахлом, но только для молодых и очень плохого качества. Я купила у них пару обуви, которую поносила ровно один месяц, сейчас они даже на тапочки с трудом годятся. Мне удалось приодеть Мишу, Галю, а главное – Наталью! С ее габаритами это даже у вас не так легко сделать.

Звонила мне Галя Аксенова. Она приехала, а Веня сидит в Таллине на съемках. Галя очень сокрушалась, что вы с ними разминетесь в ФРГ. Они будут там, когда вы будете в Москве.

Возможно, что в сентябре мы уже получим начало тиража «Самой счастливой осени». Они обещают одну тысячу экз. на мелованной бумаге, остальной тираж – 29 т. на офсетной. Мы очень старались сделать ее красиво, а главное – я подобрала Димины рисунки под их типографские возможности, то есть – только штриховые пером, фотографии у них получаются ужасно. Все мы очень ждем эту книжечку.

Юра Геннис один за другим подписывает договора на переводы с французского. Это довольно приличный заработок, хотя и в деревянных рублях.

В Перово идет бесконечный ремонт. Кое-что стало выриваться. Думаю, что будет там очень неплохо. Наконец почти закончили здание на Саянской улице, где Мише, как директору, надо брать руководство над залом (400 кв. м). Этот зал будет районным выставочным, в отличие от нашего, который останется музеем Сидура. Поскольку новый зал входит в комплекс всего здания, где площадь больше тысячи метров, там тоже разгорелся скандал, т. к. хозяин кооператива, которому принадлежит все помещение, кроме выставочного зала, хотел зал тоже захватить. Честно говоря, мы бы этот зал отдали, если бы положение нашего музея было абсолютно закреплено. Но пока еще есть опасность, хоть и очень маленькая, надо брать Саянскую, как районный выставочный зал и выставлять там бездарных местных художников.

В мастерской мы привели все более-менее в порядок. Очень неплохо выглядит. Приедете, сами увидите. Я почти закончила переводить в гальванику 60-е годы. Недавно Сергей принес «Драку». Теперь на очереди эскизы «Структур», кое-какие из 50-х годов. А потом очень хочу перевести в гальванику гипсовые модели, которые на глазах разрушаются. Вчера неловкая Наталья свалила с полки металлические скульптуры на гипсовую большую «Мать с ребенком» и очень ее побила. Совершенно необходимо переводить в металл «Материнство» из цикла «Препараты». Для Сергея делать большие вещи тяжело из-за отсутствия места, надо искать еще кого-то. «Куклы Люды» тоже на очереди в гальванику. Чтобы их совсем не уничтожить, они у меня хранятся пока в мешке. Но я мечтаю

сделать их в гальванике, усадить двух на скамейке и одну в кресле-качалке. Часто думаю о бохумских «гробах» и прочем, которые когда-нибудь надо будет скрепить.

Слепышевы возвращаться не собираются. На днях «Свобода» рассказывала о газете «Русская мысль», где напечатали материал с названием «В Париже у Слепышева».

Теперь о семинаре Etoro-Lanzarote. Если сумею сегодня, я отошлю вам письмо госпожи Шмидт и мой текст. Я не знаю, почему они ко мне обратились, скорее всего, по совету Петры Келли. Но тема такая интересная, что мне захотелось высказаться. Писала я эти записки больше месяца с трудом. Нелегко писать о само собой разумеющихся вещах. Тем не менее мы с Димой всю жизнь перемалывали эти проблемы, и сейчас, когда его нет, я вроде бы как обязана была сделать это вместо него, продолжая наш бесконечный внутренний диалог. Только очень прошу вернуть мне письмо госпожи Шмидт после ксерокопирования. Очень прошу вас отослать ей мое письмо и мой текст. А как они там будут переводить, это уж я не знаю!

Не знаю, звонил Стародубцев Сабине или нет, но обещал позвонить. Мне не нравится название фильма о Сидуре «Распятие». Это слишком претенциозно, но пока что другого никак никто не придумает.

Что касается Эдика, я думаю, что прислать ему приглашение – недолго. Стоит нам еще разок всем собраться, посмотреть макет его книги и все обсудить. Я все время пытаюсь убедить Эдика не надеяться на коммерческий успех. Он соглашается на словах и не понимает главного – эта книга нужна у нас, а не на Западе! Но книга очень красивая – ничего не скажешь.

Погода сегодня стала лучше, без дождя. Возле метро, несмотря на грязь, протекает очень бурная жизнь. Вроде бы ничего нет, в то же время идет какая-то невероятная торговля. Масса цыганок охотится за дураками, чтобы им погадать. Гремит рок-музыка, включая советские блатные песни. Когда солнышко пригревает, все это выглядит даже весело.

Были мы в прошлую среду с Бродскими в гостях у Винкельмана. У него гостила его мать с подругой – две красивые старые дамы. Г-же Винкельман, кажется, 84 года, но она выглядит как огурчик! Они обе заходили в мастерскую после визита в Музей Льва Толстого, который находится рядом с мас-

терской. Хорста не было, он встречал начальство из Бонна. Старушек сопровождал его приятель, ученый-биолог Анатолий Мамцев. Хорст сказал, что он в сентябре собирается на три дня в ФРГ. Я не догадалась спросить, как тебе, Карл, забрать наш ящик (!). Думаю, что-нибудь придумаем.

Надеюсь со следующей недели продолжить работу с письмами, начатую в Германии. Привет и наилучшие пожелания Давиду. Очень рада, что Марьяночка чувствует себя viel besser!

Крепко вас обнимаю! Ждем в Москве.

Юля

Москва, 28 ноября 1990 г.

Дорогие Карл и Гизела!

Пишу вам после долгого перерыва. Отвратительная погода, отвратительное самочувствие, но воспоминание о вас согревает душу.

Нас постоянно все пугают всякими ужасами, которые непременно случаются с нашей распавшейся сверхдержавой. Пугают голодом, холодом и прочими катаклизмами. Мы, тем не менее, стараемся не поддаваться и продолжаем делать свое дело. В данный момент все помыслы связаны с вернисажем в Перово. Мы делаем новую экспозицию, которая, как и в первый раз, выглядит невероятно фундаментально. Нижний зал мы разбили на три отсека. В первом, в «яме», будут камни: «Головы слепых», «Голова мужчины», «Врач-стоматолог», «Люди», «Портрет Э. Неизвестного», мой портрет, «Тролли», «Инквизитор» – все это на правой стене на полках. В центре «ямы» будет сидеть огромная цементная «Сидящая». С другой стороны на станках будут стоять «Головы современников».

Во втором отсеке слева деревянные скульптуры: «Пророки» (головы), «Бабий Яр». Под разделяющей балкой мы соорудили новую стенку. На ней на полках будет «Праздник», «Женский хор», «Джаз». Внизу будут стоять две «Структуры». Справа на станках все главные памятники (модели), в середине – цементы. Heutige Situation, «Виктор», возможно, «После экспериментов». На стенах черно-белая графика (страшная). В третьем отсеке, за новой стенкой, все «объекты» и «Мутации» на стенах. На втором этаже большой зал будет функцио-

нирывать один. Там будет две стены цветных рисунков и живописи, много полок со скульптурой на тему «Женское начало», «Неосалон» и т. д. Над скульптурой будут висеть черно-белые рисунки (нежные). В мае всю экспозицию на втором этаже поменяем на военную. Будет выставка и графика только о войне. Далее будем каждый раз менять экспозиции по темам: «Семья», «Надгробия», «Библейская тема» и т. д.

Уже напечатано 6 тыс. экз. Диминых стихов. Те, кто эту книгу видели (их пока немного), в диком восторге. Я послала вам с Клаусом 5 штук. Также Вова купил вам «Литературную энциклопедию». Большое вам спасибо за все, что вы прислали: деньги, кассету с записью Давида. Стародубцев тоже очень пожалел, что этой кассетки не было раньше, когда шла работа над фильмом.

Клаус показал мне, как работать над текстом, поправил принтер. Но я все равно путаюсь. Один раз удалось зафиксировать глупый текст, а второй раз, когда написала что-то поумнее, не зафиксировалось.

Клаус так и не посетил В.О. Пliche. Она сейчас говорит уже не столь бескорыстно, как раньше. И хотя я ее понимаю, как человека чрезвычайно бедного, все-таки это уже не те условия: «Берите все и в любой момент!» Она сказала, что хотела бы завещать свои архивы Карлу, но чтобы сейчас ей платили бы рублей 100 в месяц. Но если ей платить не будут, она все равно готова все отдать. Во всех этих разговорах очень много эмоций, но первоначальное великодушие поубавилось. Я сказала ей, что в вашем университете нет денег для подобных целей и архивы вы не покупаете. Но в дар берете, чтобы помочь сохранить. Тогда она снова начала восклицать, что готова отдать все даром и т. д. Честно говоря, мне тяжело говорить с Велтой. Она меня утомляет, и я не уверена, что именно ваш институт нуждается в ее ценностях. Я думаю, что ты, Карлуша, сам должен решить, нужна вам Велта или нет.

Бродские живут только мыслями об отъезде. Поэтому к тем страстям, которыми нас пугают по ТВ и в очередях, они еще массу ужасов распространяют вокруг себя. Их можно понять, так ведут себя все эмигранты. Они должны быть уверены, что уезжают, потому что выхода нет. Моя компания живет по-другому: мы уверены, что выход есть, поэтому мы лично тоже обязаны этот выход искать и находить. Но тем не менее, все

мы живем, как всегда, сегодняшним днем, данной минутой. Если получается, стараемся этой минуте радоваться.

Девочку, с которой я посылаю это письмо, зовут Ильва Лен-найзен.

Посетили нас в Перово трое из Берлина из какого-то культурного центра. Запомнила только имя художницы Сары Хофнер. У нас в Перово стоял дикий грохот – заканчивали лестницу. Несмотря на это, берлинцы были в очень большом восторге от Диминого искусства. Они попросились к нам через МОСХ. Имя Сидура им что-то говорило, но они не знали об установленных в Германии скульптурах, о выставках. Очень им понравилась книга Карла. В общем, сказали, что хотят сотрудничать и вскоре появятся. На этот раз они пришли для знакомства.

Я уже говорила вам, что Стародубцев сделал потрясающий фильм под названием «Автопортрет в гробу.» С того раза, что мы смотрели его вместе, он улучшился раз в сто, т. к. появилась замечательная музыка Александра Бакши. Давид выглядит прекрасно и очень на месте.

Мы с Вовкой еще сейчас ходим на курсы немецкого языка. Очень симпатичная учительница, настоящая артистка. Рита к нам присоединилась. Не знаю, будет ли толк от этой учебы, так как мы в основном слушаем и веселимся – Майя Викторовна Иванникова нас потешает на немецком языке. Но, возможно, кое-что и запомним.

Эти новости главные. Все остальные прежние: склока на высшем уровне, пустые магазины, злые очереди, грязь, вонь, ненависть. Разудалое неестественное веселье.

Митюшка вполне определенно нацелен на отъезд. И все только зависит от того, как в Германии договорится и устроится его мамочка. [...]

Романыч – наша главная рабочая сила!

Миша почти физически падает от усталости, но вместе с Галкой они совершенно зверски курят и бросать не собираются.

Регулярно помогают Галины дети и племянник: Таня, Сережа и Роман. Сейчас в Перове масса неквалифицированного труда. Они здорово помогают.

На сию минуту это, кажется, все. Буду использовать возможность вам писать и далее. Крепко, крепко вас обнимаю. [...]

Юля

Москва, 10 декабря 1990 г.

Дорогие Карл и Гизела!

[...] Жизнь у нас довольно жуткая – средневековый быт на фоне рок-музыки, несущейся из уличных киосков. Ни одна проблема пока не решается, но очень много и с каждым днем все больше «нетерпеливых» поклонников диктатуры. Самый главный тормоз продвижения вперед – генсек Горбачев. Нобелевский лауреат очень забавно выглядит в своей агрессивной беспомощности. Он все время заискивает перед правыми и уступает только им, но они его все равно ненавидят.

В этой жизни мы нашей маленькой беспартийной группой продолжаем как вольтеровский Кандид «растить свой сад» в Перово. Если вы помните, последняя фотография бохумского каталога (в картотеке) называется «Сад Сидура». Какое-то дерзкое растение, подвальное порождение, вылезало наружу, большое, бледно-зеленое, упорно пробивалось вверх. Юрочка сфотографировал Диму на корточках перед этим чахлым цветком. Дима его тогда и назвал «Сад Сидура». Можно считать, что теперь мы расширили свой сад, перенесли его в Перово. Мне кажется, что наша новая экспозиция выглядит очень неплохо. Постараемся заснять вернисаж на видео и потом переслать вам.

Здоровье оставляет желать лучшего, чуть что – простужаюсь. Это очень действует мне на нервы, а главное – ослабляет физически. Вот и сейчас тоже – сижу в соплях, голова гудит, колено болит, а 15-го надо открываться!

Еще одна страшная вещь – вирус эмиграции! Вы бы посмотрели на Бродских! Только Виталик выглядит по-прежнему, Рита и Вова возбуждены до невозможности. Их можно понять – несмотря на более либеральные времена и возможность общаться в будущем, теряется все-таки слишком много. Конечно, они будут неплохо жить у вас. Они люди чрезвычайно энергичные и целеустремленные. Но все-таки не так молоды, к тому же что-то будет порвано навсегда и необратимо. Я уверена, что их ждет минимум один год тяжелые моральные испытания. Я поначалу попыталась их как-то робко отговорить, но из этого ничего не вышло. Нам всем тоже горько с ними расставаться. Оказывается, Ритина сестра в США тоже готовила им на всякий случай документы на выезд. Но их энергия неистощима. [...]

На советских книга «Самая счастливая осень» производит совершенно неизгладимое впечатление. Я бы даже сказала – некоторое потрясение! Сейчас отпечатано еще 5 тысяч экземпляров. Эти 5 тыс. выглядят намного скромнее – бумага похуже, но все равно неплохо. Забыла вас попросить: пожалуйста, отошлите одну книжку Аннике и Ларсу.

Вчера мне позвонил Геннадий Айги, наш известный поэт, по-моему, вы с ним знакомы. Он только что вернулся из Швеции, где постоянно общался с Бэкстремами. Тут я и вспомнила, что забыла послать книгу Аннике. Еще Айги предложил прийти к нам после своей поездки в Париж с каким-то издателем, которого он представляет как друга. Тот хочет издавать поэтические книжки очень малым тиражом по очень дорогой цене и очень хорошего качества с еще неопубликованными иллюстрациями. Айги очень хвалил Димины стихи, хотя знает далеко не все, а только те, что были опубликованы. Это, конечно, слишком мало, плюс некоторые цензурные недомолвки. Думаю, что наша книжка подействует на него еще сильнее.

В принципе, я немного побаиваюсь нового президентского указа о борьбе с порнографией и об «оздоровлении нравственности». Хотя эти указы никто не исполняет, но именно «за нравственность» бороться значительно легче, чем с экономической разрухой. Чем меньше еды, тем больше разговоров о «нравственности». Вы знаете, что Димино искусство всегда может попасть под любые «идеологические» указы, даже во времена ослабевшего тоталитаризма.

Еще один потенциальный эмигрант висит у меня на шее, это Сергей Давыдов. Люди, решившие уезжать, определенно теряют часть разума. За последние работы – три эскиза «Структур» (шесть штук), он отказался брать деньги. Это удивительно, т. к. он всегда деньги брал и довольно-таки большие. За эту работу он должен был взять минимум 3 тысячи рублей. Но он ничего не взял, несмотря на все мои уговоры. Он сказал, что у него не осталось ничего из материалов и, таким образом, он должен прекратить свою деятельность окончательно. Ему сказали, что все необходимые ему материалы «больше не производятся». Он все разводил руками: «Бронзовый порошок, купорос – это же не еда!» Теперь он вынужден жить не свойственной ему жизнью – ходить в кино, на концерты. И он постоянно говорит об эмиграции. Ходит вокруг

меня и умоляет, особенно после того, как узнал, что уезжают Бродские. Мне он сделал за эти годы более 90 скульптур. Сделал совершенно отлично. Он утверждает, что готов сделать любую работу, хотя он кандидат по химии, оттого и сумел наладить на территории одного сверхофициального советского скульптора Переяславца свое частное производство. За возможность работать в его мастерской, он время от времени бесплатно делает ему большие скульптуры – в основном портреты генералов и маршалов, ничем не отличающиеся от оригиналов. Он сказал, что искусство Сидура «его испортило». Теперь ему тяжело делать всякое говно, так как он не нуждается в зароботке. В то же время он так ненавидит нашу советскую действительность, что готов работать за границей кем угодно. Еще есть у него один смешной «недостаток» – он «не-еврей», то есть еврей только наполовину, кажется, по отцу, жена русская. И хотя он постоянно говорит, что он еврей, кажется, это обстоятельство может помешать для получения помощи от еврейской общины. В общем, я хочу посоветоваться с Мишей Блатовым, может ли этот человек, его жена и двенадцатилетний сын на что-то рассчитывать. В его порядочности я не сомневаюсь. Более того, если Миша в своей деятельности галериста будет когда-нибудь заниматься скульптурой, то знания и, главное, «умение» Давыдова за весьма скромное вознаграждение по сравнению с западными мастерами, ему было бы обеспечено. [...]

Я очень рада, что Митюшка не уезжает. Теперь он может спокойно учиться. Во всяком случае, я надеюсь, прекратится эта нервотрепка, связанная с возможным отъездом, от которой жизнь в предчувствии эмиграции становится совершенно невыносимой. [...]

У Мишиной машины полетели очередные тормозные колодки. Мы с нетерпением ждем известий от фирмы Lindex. От Мишиного дома до Перова 35 км, от меня – 20. Сейчас, когда я езжу в Перово почти ежедневно, это расстояние очень чувствуется. Бескрайние московские просторы чрезвычайно утомительны.

Вернисаж на этот раз у нас будет устроен несколько по-другому. Речей не будет, Миша произнесет сам свою речь минут на 10–15, потом осмотр, потом «буфет». Совместное предприятие «Дельфин», где генеральный директор Юрин

брат Сережа Геннис, оплачивает нам этот буфет: минеральная вода, соки, лимонад, бутерброды. Алкоголь запрещен в официальных учреждениях, к тому же его просто нет. Будут продаваться «Самая счастливая осень», «Посох» – стихи Габая (очень бедно изданная книжка), буклеты-рекламное объявление Эдиковой фирмы. Буклетик невероятно поганого качества, такие буклеты могут служить не рекламой, а антирекламой. Цены: «Самая счастливая осень» – 3 рубля, «Посох» Габая (друзья Габая во главе с Харитоновым издали 5 тыс. экз. за свои деньги) – 2 р., буклет Эдика – 50 коп. Готовится постер по портрету Солженицына. К открытию мы не успеем его издать, но сам портрет мы выставляем. Стоит все это: «Самая счастливая осень» – 11 тыс. рублей, «Посох» – 3 тыс. (?), буклеты – 250 р. (тираж 1250 шт.), портрет А.И. (цветной, тираж 1 тыс.) – себестоимость 1600 р.

Ужасное известие о катастрофе, в которую попал Петер Бауэр! Мне очень, очень жаль!

Меня ужасно беспокоит Стародубцев. Он на глазах спивается. Сейчас живет у нас в подвале и пьет в одиночку. Придется нам его выгонять. У него тяжелейшая обстановка дома. Его жена собирается с ним разводиться. Это очень эффектная женщина, сценаристка. Они прожили восемь лет, и он совсем не пил. А раньше у него уже были запои. У него есть взрослый сын от первого брака, который сейчас служит в армии. Он уже спьяну уронил «Взрыв» на «Памятник Лиле Тумаркиной». К счастью, «Взрыв» был в гальванике и не попортился, а от памятника Лиле он отбил кусок гипса. Но кино Стародубцев сделал отличное, процентов 60 хорошего за счет музыки Саши Бакши. Блестяще!

У меня сейчас живет Рената фон Майдель. Она жила у людей, у которых почему-то был только один ключ (!). Она должна была возвращаться рано, т. к. они рано ложились и уходить тоже рано, т. к. хозяйева уходили на работу ни свет, ни заря. У меня она возвращается то в 2 часа ночи, то в 3 часа, а уходит где-то в 10.30. Сейчас она поехала в Ленинград, затем в Тарту, уедет домой где-то числа 20 декабря. Она дала мне газету из Тарту Alma mater. Я там прочла статью Лотмана об искусстве. Прекрасно! Просто, красиво, убедительно. У Лотмана умерла жена.

Astrid Volpert. Она говорила, что кто-то обещал ей приглашение из Москвы, но не сделал. Я сказала, что могу это сделать. Но получается не так все быстро. Я сдала анкеты в ОВИР. Они говорят, что ответ будет только через месяц, хотя пока еще оформление идет по-старому, как из ГДР, то есть «упрощенно». Известия получим только в начале января.

Отдала Логинову три скульптуры для выставки в новой Третьяковской галерее. У него вид дьявола, а такой был красивый мальчик! Скульптуры, которые я ему дала следующие: «Раненый» (бронза), «Пам. совр. сост.» (бронза), «Взрыв» (медь, гальванопластика). Он говорит, что они откроются в декабре. Но я думаю, что они не успеют. И с каталогом не так все просто. Честно скажу, давать работы не хотелось, дело с ними иметь не хотелось, но жизнь так устроена, что иногда надо делать то, что не хочется. Этих работ в нашей экспозиции нет, за исключением большой «Пам. совр. сост.».

Карлуша, еще раз напоминаю о детали для неработающей дрели. Прилагаю данные, касающиеся этой детали.

Компьютер. Кое-что я уже делаю. Но нет в моих действиях ни стабильности, ни уверенности. Иначе это огромное письмо я бы прислала вам, набранное на компьютере.

[...] Крепко, крепко вас обнимаю. Поздравляю с наступающим Рождеством. Огромный привет Марьяночке, Давиду (в кино он прекрасен).

Юля

Москва, 18 декабря 1990 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Прежде всего поздравляю вас, Марьяночку и Давида с наступающим Рождеством и с Новым годом. Как всегда желаю вам крепкого здоровья. Чем больше живу, тем больше уверяюсь в известной истине – ничего нет дороже здоровья.

Главные события – вернисаж 15 декабря в Перово и отъезд Бродских чуть ли не на днях. Для меня лично их отъезд – большая трагедия и потеря. Тем не менее от всей души желаю им счастья. Эти люди умеют жить с удовольствием. Приятно смотреть, как они этим удовольствиям, простым и ясным, по-детски радуются. А меня, например, постоянно гложет не-

удовлетворенность – все время кажется, что ничего не сделано, а времени уже не осталось, сил не хватает. В общем, это все Димкино воспитание. Разница только в том, что здоровья у него совсем не было, а работоспособность была фантастической.

Вернисаж у нас прошел очень неплохо, даже с банкетом, «как в лучших домах Филадельфии», особенно по нынешнему голодному времени. Вчера позвонил Окуджава. К нам прийти не смог, но зато пригласил нас с Мишей к себе в Переделкино «пообщаться», просил подарить книжку. Дал новый телефон, но сказал, что он тайный и чтобы никому его не давать.

Юнна вернулась из США. Читала там лекции, говорит, что с большим успехом. Теперь хочет в Европу. Она была у Бродских, а у меня не было сил пойти с ней туда общаться. Я никак не отойду от устройства нашей новой экспозиции. Но я передала для нее книжку Диминых стихов. Вова с Ритой говорят, что она сильно восхищалась.

Очень здорово, что вы снимаете еще одну квартиру. Если бы у меня было много денег, я бы предпочла купить себе квартиру. Нам, советским, у которых никогда не было и до сих пор нет собственности, очень хочется иметь что-то свое. Я понимаю Марьяночку, которой сразу же захотелось в этой квартире поселиться, чтобы быть к вам поближе.

Сложности с поездкой за границу и, в частности, в ФРГ увеличиваются с каждым днем. Западные власти уже сейчас готовятся к либеральному закону Верх. Совета СССР о выезде и въезде. Перед посольством ФРГ толпятся многотысячные очереди только для входа на территорию посольства.

Насчет Давыдова и его семьи я написала Мише Блатову. Если он скажет, что это невозможно, значит ничего и не будет. Все наши знакомые немцы очень недовольны тем, что к вам едут советские эмигранты. Это недовольство настолько явственно отражается на их лицах, что они его едва сдерживают. Думаю, что если бы к нам ехали эмигранты в большом количестве в погоне за лучшей долей, наши бы реагировали точно так же. Но ничего подобного в обозримом будущем нашей несчастной стране не грозит. Самые благополучные из всей знакомой плеяды эмигрантов – это Бродские. По советским меркам у них было все и все-таки они уезжают. У других дела обстоят намного хуже, что называется – прозябание. Оттого они на Западе развивают такую активность.

У меня нет ни адреса, ни телефона Блатовых, пошлите им, пожалуйста, письмецо и картиночку.

Рената фон Майдель сказала, что Переслегина говорила, будто бы Карлуша должен быть в Москве в январе (?)

Послезавтра в гости заедет Кепплер.

[...] Но больше всего беспокоит бездействие в Вюрцбурге. Обидно, что там половина работы сделана, а на вторую половину денег не хватает. Но все-таки, думаю, поставят они этот памятник, не зря ведь столько сил потрачено!

Хочу послать вам еще некоторое количество Диминых стихов. Нужно подарить книжечку Лидии Феглер, Давиду, хорошо бы послать Майку Скэммелу.

У Юры Генниса свадьба 5 января. Инна беременна уже на третьем месяце. [...]

Программа «Время» очень тщательно снимала целый день, но в эфир материалы не дали. Появились две публикации, одна, совсем дурацкая, в «Московском комсомольце», и одна в «Московской правде».

На сей раз наша экспозиция выглядит более изысканно, чем предыдущая. В мае, думаю, сделаем новую экспозицию наверху. Выставим все, что касается войны: пулеметчиков, автоматчиков, раненых, взрыв и т. д. Пока что «Мутации» публике не шокируют, а что дальше будет, посмотрим. Все «Головы современников» можно крутить. «Народный депутат» Гинзбург с интересом смотрел на свой портрет, т. к. давно его не видел.

С нетерпением ждем с Мишей новую машину. Надеюсь, что в итоге мы ее получим.

Вот и все новости на сегодня. Крепко, крепко вас обнимаю.
Юля

P.S. Ты прав, Карл, что мы не додумали о фотосъемке на вернисаже.

Москва, 27 декабря 1990 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Мне очень хочется, чтобы эта моя попытка письма на компьютере увенчалась успехом. Прежде всего я поздравляю вас

всех с Новым годом и традиционно всем желаю здоровья. Особо поздравляю тебя, Карлуша, с днем рождения и тоже желаю только одного – крепкого, крепкого здоровья и бодрого настроения. Мне кажется, что в нашем возрасте – это самое главное. Гизелу я от тебя не отделяю, а Марьяночке и Давиду мои самые теплые и наилучшие пожелания.

Кстати, я совсем забыла поздравить с днем рождения Дорис, у нее тоже был день рождения 2 декабря! Поздравьте ее, пожалуйста, от меня и подарите ей книжку Диминых стихов. Давиду вы, конечно, тоже книжечку дадите, только вчера я видела его в кино на просмотре и мне было чрезвычайно приятно на него смотреть.

Мы несколько раз принимали у себя людей из Касселя. Это родители Ильвы Ленайзен, ее сестра и кузен. Люди очень милые, очень симпатичные. Они привезли большое количество подарков: детские вещи в огромном количестве, продукты и деньги. Мы все очень благодарны. Вова, Юра и Наташа были несколько смущены неожиданным приобретением в долларах, но в итоге, по-моему, довольны.

Теперь о Велте. Я поменяла ей на рубли доллары из расчета несколько больше, чем по официальному курсу. Вместо 5 руб. с копейками по курсу, я поменяла ей по 6 р. за доллар, получилось 3 тыс. рублей. Я сказала, как меня попросила г-жа Ленайзен, что это от людей из Касселя. Можете представить себе Велтину радость! Она сказала, что будет работать с еще большим энтузиазмом. И снова сказала, что сделает завещание своей библиотеки на Карла. Клаус Вашик ей не звонил. Велта сказала, что готова в любой момент посылать свои материалы к вам. Для этого только надо, чтобы кто-нибудь пришел и взял их у нее. [...]

Вчера вместе с Михаэлем и кассельцами были на просмотре фильма Сергея Стародубцева «Автопортрет в гробу, в кандалах и с саксофоном». Потом Михаэль уехал с Эдиком. Они уже встретились с Эдиком в мастерской, а потом вместе ездили снимать.

Олеся и Сергей сильно волновались, т. к. пригласили на просмотр в Дом кино (для своих) своего учителя Леонида Абрамовича Гуревича. Тот был в полном восторге, обнимал их обоих и целовал. По-моему, немцам тоже понравилось, хотя текст им был непонятен. Но потрясающая музыка Александра

Бакши. В общем, такое впечатление, что Дима сделал еще одно свое произведение!

Веня Смехов рассказал мне историю о том, как они сняли мерки с Миши Блатова и заказали ему в Большом театре новый фрак. Теперь этот фрак у Михаэля. Веня просит переслать его Мише, как новогодний подарок. Я тоже хочу передать с Михаэлем кое-что: газету «Моск. комсомолец» (дурацкая статья), «Крокодил», еще пять книжек Диминых стихов с просьбой разослать их по друзьям и знакомым, а также, если Михаэль не откажется, бутылочку коньяка для вас. Очень прошу отправить книжки Удо, Виоле, Шпильману, Кристиансу и, конечно, Дорис. Еще прошу вас отправить книжечку Левочке в Израиль.

У Юры Генниса свадьба 5 января. Ребеночек должен родиться примерно в июне.

К сожалению, вынуждена прекратить работать на компьютере, принтер сошел с ума! Крутится без остановки, рвет бумагу, печатает только начало и только латинским шрифтом. Вчерашние мои многочасовые усилия (сегодня 28 декабря) ни к чему не привели. Даже при хорошем варианте русская заглавная буква Б не пропечатывается. Но в памяти это письмо осталось почти целиком, а на бумагу, увы, не переходит!

Звонила Переслегина, затем Громова, спрашивали, приедешь ли в январе или нет. Судя по всему, ты находишься в больших сомнениях по этому поводу, так как не отвечаешь ни да, ни нет. Если приедешь, мы, как всегда, будем счастливы. А если приедешь с Гизелой, то еще лучше!

Детские вещи я распределила таким образом: дочке нашей уборщицы в Перово Лены (1,5 года), внучке Тамары Бреус (2 года), сыну Сережи Генниса (4 года), внучке Марты Васильевны (9 лет), Галиной дочке Татьяне (ей 14 лет, но она небольшого роста) и даже Митюшке досталась одна курточка. Самые крошечные вещички достались для Юриного и Инесиного будущего младенца.

Все маленькие «Структуры» уже отлиты в гальванике.

Мишин автомобиль продолжает «чихать и кашлять», с нетерпением ждем новой от фирмы Lindex. После 4 января начнем им звонить.

Жизнь в Москве утрюмая и одновременно шумная. Самое подходящее название – «Пир во время чумы». Ни один вопрос

не решается, все новое блокируется и саботируется. Горбачев, наконец, «определился» резко вправо, выбрал себе вице-президентом сугубого аппаратчика, убежденного коммуниста Янаева, зато потерял А.Н. Яковлева и Шеварднадзе. Хочет изо всех сил гальванизировать труп под названием Советский Союз. Если уж Римская и Британская империи распались, то советской сам бог велел развалиться. Нас всех это тоже касается. Ничего нельзя ни купить, ни продать законным путем. Это к вопросу о квартире. Закон о собственности есть, но собственности нет. Бродские по этому поводу могут рассказать подробности. За рубли ничего нельзя приобрести, кроме жратвы на рынке. Самые презираемые в стране деньги – это рубли. Ценятся они только пенсионерами. Например, для Велты 3 тыс. р. – большая подмога, она считает, что в течение двух лет будет нормально обеспечена самым необходимым.

Сейчас я пытаюсь решать одну проблему – перетащить Мишу с Галей к себе поближе. По-советски, это значит обмен квартиры – единственное в данном случае законное действие. Но сделать это чрезвычайно трудно. Очень хорошо понимаю Марьяночку, которая, узнав о новой вашей квартире в Бохуме, захотела жить к вам поближе.

Какое счастье, что Катя нашла в себе силы бросить своего мужа.

Вчера видела около «Березки» на Дорогомиловской большую очередь на улице. Это стоят люди с валютой. Государство все время стонет, что нет валюты. Люди хотят эту валюту обменять на еду за очень, надо сказать, высокие цены. Сейчас они повысились по сравнению с вашими раза в три-четыре. Блок сигарет, например, стоит 120 DM. Но самое интересное, что эту драгоценную валюту власть не в состоянии забрать у людей без диких очередей. К тому же, разрешив иметь валюту, до сих пор оставлена статья № 88, по которой вы не имеете права ее продавать и покупать, т. к. это прерогатива государства. В общем, с одной стороны, у нас паралич власти, т. е. произвол и беззаконие, с другой – вялотекущая тирания.

На фоне всего этого мрака наш перовский музей функционирует нормально: люди идут тонкой струйкой, книги покупают, в книгу отзывов пишут всякие добрые слова. Мы уверены, что после Нового года людей будет больше, т. к. многие еще «не расчихали».

Вышел сигнал книги И. Зверева «Защитник Седов» с Димиными иллюстрациями в издательстве «Советский писатель» 100 т. тиражом, с послесловием Сарнова. Мне вчера сообщила об этом Женя Зверева.

Карлуша, как там деталь для Романыча? В связи с новой экспозицией в подвале снова разгром, надо снова наводить порядок. У Натальи сегодня день рождения (38 лет), по этому поводу собираемся в мастерской.

Виталик Бродский ходит на курсы немецкого языка. У него все нормально. Ждет документы из ОВИРа. Михаэль уезжает 30-го.

Хочу еще написать Аннике и Левочке. Надеюсь, что вы уже отослали мое письмо Блатовым.

Еще раз желаю вам здоровья в 1991 году и крепко вас обнимаю.

Юля

P.S. Послала ли вам Рената фон Майдель книги и т. д.? Пошлите, пожалуйста, Аннике две книги стихов, вторую – для слависта Улави, ее друга.

Памятник погибшим от бомб. Вюрцбург. Фото: Г. Шульга

Открытие первой выставки Сидура в 1987г. в Комитете защиты мира. Стоят: Юлия, Михаил Сидур, Карл Аймермахер, Геннадий Айги, Юрий Васильев, Юнна Мориз. Сидят: Владимир Бродский, Тамара Бреус, Олег Киселев, Рива Бродская. Фото: Ф. Е. Еремينا

На квартире Льва Копелева (слева направо): Карл-Хайнц Корн, Владимир Бродский, Рива Бродская, Карл Аймермахер, Давид Рифф, Гизела Рифф, Юлия, Дмитрий Сидур, Лев Копелев, Бригитта Зегинайдер-Брюк, 1989.

Эдуард Гладков и Карл Аймермахер снимают скульптуры 1950-х годов, 1982. Фото: Г. Геннис

Георгий Геннис в Берлине, 1999. Фото: К. Аймермахер

Вадим Сидур и Владимир Воловников. Фото: Г. Геннис

1991

Москва, 8 января 1991 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

[...] Мы неуклонно движемся вправо. Теперь остается только поглядеть, насколько жестким будет Горбачев в роли диктатора. Во всяком случае, уже сейчас в Прибалтике развернулись десантные войска с самыми серьезными и грозными намерениями. ТВ с назначением на пост председателя Гостелерадио П. Кравченко с каждым днем становится все более отвратительным. Царит круглосуточная пошлая развлекаловка, перемежаемая старыми целомудренными фильмами о войне и хорошей жизни в колхозах-совхозах. Снова сменили обложку главной политической программы «Время». Снова звучит жизнеутверждающая музыка на фоне Кремля и собора Василия Блаженного. Роль партии заменило официальное православие. Такого количества попов давно мы не видывали! Второго канала на ТВ не отдали России, как это предполагалось, и о чем даже была договоренность между Ельциным и Горбачевым. Идет откровенное закручивание и завинчивание гаек. Демократы полностью проиграли во всем. Все это очень печально, т. к. новая диктатура, возможно, будет помягче прежней, но пессимизм, апатия и разруха так велики, что, пожалуй, страна наша не вылезет из этой «чернухи» в течение десятилетий. Можно понять людей, которые огромными массами «рвут когти» (убегают) из нашей проклятой богом сверхдержавы. Однако пресса пока держится. В общем, пока можно даже утверждать, что существует почти полная свобода слова. И это даже удивительно.

Миша сказал, что позвонили Слепышевы. Фирма «Ив Сен Лоран» сделала ему выставку, на которой была пресса, икра, шампанское – об этом рассказал присутствовавший на вернисаже Лапин. Но Слепышев чем-то недоволен. Сказал, что все должно решиться в ближайшие два месяца.

Очевидно, должны решиться какие-то финансовые проблемы. Слепышев хочет купить квартиру в Париже, а это, наверное, чересчур для него дорого. Хотя они живут там больше года, снимают квартиру и уезжать не собираются. Купил медицинские страховки для Елены Викторовны и Насти – теперь они обе лечатся. А сам Слепышев здоров как бык.

Юра с Инной поженились. [...] Если все будет нормально, младенец должен появиться примерно в июне.

После новой экспозиции в Перове, в мастерской опять царит разгром. Наконец-то впервые в жизни в мастерской стало посвободнее, в большом зале, а в комнате очень тесно. Делаю в гальванике «Влюбленные» («Сапог и туфелька»). Романыч хочет сделать и почти уже сделал к «Эйнштейну» моторчик, который сам медленно поворачивает скульптуру вокруг оси.

Постепенно у меня зреет желание написать что-то вроде «положительного романа» в знак протеста по отношению к тому, что происходит вокруг. Это, скорее всего, будет (если будет!) очень грустное сочинение с внутренней страстной убежденностью о необходимости положительности как принципа Любви и Надежды на фоне безграничного Отчаяния.

На днях у меня были Стародубцев, Саша Бакши с женой Людмилой. Сергей пришел выпивши, но так как у меня не добавил (я при виде его тут же объявила сухой закон), постепенно протрезвел и стал милым интеллигентным парнем. Мы обсуждали презентацию фильма «Автопортрет в гробу.» в Доме кино в марте. Бакши хочет еще несколько Диминых стихов положить на свою музыку. Его жена Люда – певица. Бедность у наших музыкантов фантастическая. У них нет даже двухкассетника, чтобы записать свою музыку! Но он сказал, что постепенно обязательно сделает кассету со своей музыкой для вас. Музыка в фильме великолепна!

Карлуша, Миша с Галей позвонили в фирму Lindex. Те сказали, что телекс они получили, а деньги и заказ еще нет. Не мог бы ты позвонить им и спросить, почему деньги еще не в Москве. Уже пошел третий месяц, как было уплачено за будущую машину и должно быть хоть какое-то движение в данном направлении.

Митюшка закончил четверть в числе трех самых лучших учеников в своем классе. В Москве сейчас гостит Бурихин.

Очень рада, что ты приезжаешь в Москву в феврале, жаль, что без Гизелы.

Крепко вас обоих обнимаю. Огромный привет Марьяночке!
Юля

P.S. Некоторые наши посетители в Перове говорят, что это первый в Москве настоящий музей современного искусства. В мае буду делать на втором этаже новую экспозицию, где будут антивоенные скульптуры и рисунки. Затем еще через полгода – «Семья, материнство», затем – «Религия и надгробия» и т. д.

Готовим выставку в Калининграде.

Москва, 12 января 1991 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Клаусу, я чувствую, до меня не добраться, поэтому я, как та гора, которая сама идет к Магомету, когда он не идет к ней. Он сам дал мне телефон Строгалова и Леры, чтобы я его там ловила, но когда я звоню, он с удивлением спрашивает: «Ах, ах, Юля, что случилось, что?!». Я говорю: «Ничего не случилось, просто ты сказал, чтобы я тебе позвонила, и мы бы договорились о встрече». – «Ах, ах, да, да!» В общем, мы, скорее всего, встретимся 14-го утром на открытии в ИМЛИ. Я возьму от него все, что вы мне послали, и хочу передать с ним это письмо, а также: «Другое искусство», новые фотографии Лапина, снятые в музее, и еще один журналчик «Социум», бывший «Проблемы мира и социализма». На обложке они поместили «Раненого», внутри (стр. 38) заставку из Диминой акварели из «Огонька» – выглядит ужасно, но главное – нигде не пишут, что используют произведения Сидура.

В связи с этим еще один любопытный случай: смотрю я как-то тупо в телевизор и вижу какой-то паршивый советский фильм о железнодорожниках уже перестроечного времени. И вдруг взгляд мой оживляется. Действие на экране происходит в диспетчерской, где железнодорожники обсуждают свои производственные проблемы, а на стене я вижу. «Влюбленные» – Диминая акварель. Я в ужасе начинаю соображать, как она туда попала, уж не украли ли ее. Бегу в другую комнату

и с облегчением убеждаюсь, что акварель на месте. После долгих размышлений соображаю, что это репродукция все той же акварели из «Огонька», где Юннина статья. Поскольку киношники всегда арендуют подлинное место для своих съемок, то есть это настоящая диспетчерская на настоящем вокзале, это говорит о вкусе и пристрастиях рабочего класса. Меня очень радует, что кто-то, украшая свой кабинет, не поленился сделать большую цветную репродукцию из иллюстрированного журнала. Велика тяга советского человека к искусству!

Лапин снял все интерьеры нашей новой экспозиции «Семья». Как только будет готово, я вам тут же с кем-нибудь пришло.

На днях мне звонил Ваня Соколов. Очень сожалел, что он из-за болезни не встретился с Катей во время ее пребывания в Москве. Я думаю, что вы с ним скоро увидите.

Попробовала вам позвонить по коду (Арнольд разузнал и позвонил по твоему совету), пока не получается, не соединяет. Но Арнольд выразил желание дать у себя в «Новом времени» информацию о вашем сотрудничестве с ИМЛИ. Я дала Клаусу телефон Арнольда и сказала, что он сидит на службе с 10 до 21 часа. Но боюсь, что Клаус забудет. А жаль!

Вчера окончательно договорились (Миша подписал договор) о выставке в Новосибирске, в государственной картинной галерее. Они привезли макет афиши. Они делают за свой счет проспект и набор из 20 открыток. К счастью, работ у нас хватает на несколько выставок.

Завтра приезжает Astrid Volpert и будем, наверное, договариваться насчет всех выставок в Германии (Берлин, Потсдам, Бремен). Нам бы очень хотелось, чтобы везде было указано, что работы берутся из Музея Сидура в Москве.

Парадоксальная вещь, но сейчас так получилось, что удаленность нашего Музея от центра играет даже некоторую положительную роль. Поскольку союзные учреждения рушатся, а республиканские никак не укрепятся, районные, то есть самые маленькие и незаметные, более или менее существуют. Мы пока нормально существуем, бывает около ста человек в неделю, но мечтаем перейти в российское подчинение. Кстати, 29 ноября у нас проводится вечер Севы Некрасова. Мы уже начали рассылать приглашения.

На этой неделе приводили в порядок Димин фильм. Мы убедились, что видео- и киноэкранны создают абсолютно разное

впечатление. Конечно, мы бы не смогли обойтись без профессионала. Люди из НИКФИ, которые напросились к нам делать голограммы, прислали к нам механика. Он притащил в музей трехметровый экран и институтский проектор на 16 мм. Наша собственная техника оказалась в слишком плачевном состоянии, чтобы можно было ей пользоваться. Один день был потрачен на установку экрана. Участвовали, кроме механика, Романыч и Юра. Придумали довольно остроумное решение – экран со второго этажа будет на веревке спускаться вниз над ямой на первом этаже, после просмотра так же вкручиваться обратно. Проектор будет стоять примерно около новой стенки, отделяющей часть зала от «объектов». Таким образом, публика будет располагаться где всегда, включая ступеньки. Механик Николай вчера прогнал перед нами Димин фильм. Пленка непрерывно рвалась, поскольку сильно пересохла от неправильного хранения. Но механик обещал, что все приведет в порядок, и сам будет обеспечивать показ во время просмотра. Он исправил те места, где изображение шло справа налево и что осталось в фильме у Стародубцева. Меня это ужасно раздражает. Димин фильм произвел на меня сильнейшее впечатление, чем дальше уходит время, тем сильнее это кино действует. Ребята (голограммщики) пообещали нам сделать субтитры – у них в кинофотоинституте это возможно. Теперь ведем деликатные разговоры о покупке экрана и проектора. Надеюсь, что эта операция увенчается успехом.

«Памятник оставшимся без погребения». Если мы доберемся до конца этого мероприятия и не ляжем сами под этот памятник, будет просто чудо. Когда я присутствую при телефонных переговорах Миши со строителями, мне хочется то плакать, то смеяться. Бесплатный театр абсурда! И все по-советски: сначала ничего не делали, теперь застой прерывается авралом и штурмовщиной. Честно говоря, я не верю, что мы официально откроемся в этом году, хотя сделать это необходимо, т. к. с нового года цены взлетят невообразимо и у «афганцев» просто не будет денег. Ценовой беспредел существует и сейчас. Цены повышены дико, а товаров все равно нет. На днях удалось купить сто (!!) кг сахара по коммерческой цене 12 р. за 1 кг (гос. цена 92 коп.). Сахар был раскуплен за полтора дня. Почему так много купили? Объясняю. Я сахар не ем вообще (в чистом виде). Но Галина семья, где

пять человек, включая троих детей, где пекут всякие пироги, торты и варят варенье, потребляет очень много, до 8 кг в месяц. К тому же у нас везде и всюду пьют чай и кофе обязательно с сахаром. Поэтому кроме Галиной семьи сахар нужен для Миши с Галей, для музея, для мастерской, мне домой для гостей (для тех же Миши с Галей) и для Алабина. Этих ста кг хватит примерно на 10 месяцев. Мы уже все изнемогаем, хотим, чтобы отпустили, к чертовой матери, цены и также отпустили зарплату, приватизацию и т. д. Может быть, только тогда людям выгодно будет не только воровать, но и производить.

Как вы догадались, я, естественно, посещаю «Березки», потому что купить такие вещи, как масло, сыр, молоко, кое-какую крупу без длительного и унижительного стояния в очередях (когда продукты имеются), просто невозможно. В этих «Березках» теперь тоже очереди. Кроме немецкого магазина в ресторане «Пекин», есть аптека, и главное, нельзя покупать товара менее, чем на 100 марок. Пачка масла 250 г. там стоит 2.70 DM, то ли еще больше. Но зато там нет очередей. Раз в месяц мы с Мишей ездим туда и кое-что закупаем. Очень напоминает по рассказам то положение, которое было в Польше, как рассказывал два года назад Суханек. Но в нашей стране, отягощенной еще большими ужасами, чем Польша, еще труднее.

Позавчера ночью вдруг позвонил из Америки Эдик Гладков. Он будет в США еще полтора месяца. Он сказал, что договорился с каким-то агентом, который хочет издавать его альбом про Диму, но для лучшей реализации нужно устроить выставку, где бы эту книгу можно было бы продавать. Эдик спрашивал, когда будут выставки в Европе. Он сказал, что его «агент» позвонит тебе. Посмотрим, как он будет звонить. До сих пор никто никогда из Америки тебе не звонил.

Я смутно помню что-то про «Нового философа», но про цену совершенно забыла.

Я очень благодарю вас за Брассанса и за DM. [...] Возможно, когда буду оформляться к вам в гости, билет тоже придется покупать за валюту. Мы с вами вместе должны решить, когда наиболее удобно для вас, чтобы я приехала. В крайнем случае, я могу пожить и без вас и делать ту работу, которую Карл мне даст. А вы можете куда-то съездить, а потом вернуться. Интересно, сколько стоит полечиться от бронхита, столько же, сколько зубы?

13-го, среда. Приехала Астрид из Свердловска. Кое-что рассказала о планах на ближайшее будущее. Если хотя бы частично что-то из этого получится, будет неплохо.

На сегодня все. Крепко вас обнимаю.

Юля

Алабино, 15 января 1991 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Человеческие жертвоприношения продолжают. Еще одна кровавая прелюдия в Литве перед мировым кошмаром в Персидском заливе. Прибалтика – не Ближний Восток, где убийство, ежедневное и постоянное, является рутинным экзистенциальным бытием. Это были самые благополучные и культурные страны в нашей безобразной империи. И только одна маленькая польза вытекает из всех этих жутких событий – подлинное лицо любимого Западом благодетеля, новоиспеченного лауреата Нобелевской премии мира. Отставка Шеварднадзе предварила последующие события поистине с какой-то чудовищной быстротой. Гражданская война набирает силу. Как вчера сообщил один из злодеев в Прибалтике, убитый четырехлетний ребенок должен был спать в тот момент, когда его убивали. Следовательно, он сам виноват в своей смерти. Сейчас на очереди находятся Латвия и Эстония, затем Россия. Ельцин сказал, что готов ко всему, так как слухи о заговоре ходят все более и более упорные.

И над всем этим Саддам Хусейн на белом коне на другом конце света. Сам дьявол, нарядно экипированный, сообщает всему остальному миру о начале нового Апокалипсиса.

Но несмотря на то, что «кровь детей текла как кровь детей.», по словам Пабло Неруды, жизнь продолжается, ужасное мгновение не останавливается, людской муравейник, подчиняясь инстинктивным импульсам предопределенности, шуршит, двигается в разных направлениях.

Вот и мы с Мишей и с Галей, пользуясь нашими музейными выходными в понедельник и вторник, сбежали в Алабино. Пишу вам это письмо под Баховские «Страсти по Матфею», гляжу в окно, где идет снег и красавица-сорока прыгает по дереву, презирая все человеческие мерзости во всем мире вместе взятые.

После новой экспозиции в Перово, в мастерской осталось большое разорение. Сейчас потихонечку приводим все в порядок. Посещение музея идет по нарастающей в течение недели. В среду народу совсем мало – до десяти человек в день, в четверг – до 20, в пятницу – до 30, в субботу и в воскресенье – от сорока до шестидесяти человек. Приходил какой-то шведский ученый, который видел «Эйнштейна» в США. Книги тоже продаются до ста штук в неделю. Как только у нас будет полностью готов тираж, договоримся с книготоргом, который берет себе от продажи двадцать пять процентов, но продает в центральных магазинах Москвы. Нам должны допечатать еще 24 тысячи.

Сейчас готовимся к февральской выставке в Калининграде, куда поедет человек от Сережи Генниса, Юриного брата. С. Геннис директор совместного предприятия «Дельфин-СПИН». Калининградцы вели переговоры о выставке в своем государственном музее уже в течение нескольких лет. Кажется, сейчас это приобрело реальность. Поедут те же вещи, которые выставлялись в Ленинграде. Они так и лежат в ящиках в мастерской.

Звонили мне Бродские из уличного автомата. Нервничают из-за Виталика. И Виталик, и я написали им письма, послали через вас. Возможно, Виталик сегодня получит паспорт в ОВИРе.

Выставка шестидесятников в Третьяковской галерее, говорят, хорошая. Она будет еще долго, у меня пока не было времени туда сходить, но я собираюсь. На скульптурах В.С. написана какая-то чушь в названиях: например, на «Пам. совр. сост.» – «Девушка-мутантка!» Ира Алпатова обещала исправить. Каталога у них нет.

Крепко вас обнимаю.

Юля

23 июля 1991 г., Москва

Дорогие Карлуша и Гизела!

Мы только что вернулись из мастерской, где наблюдали великий разгром в связи с вернувшейся из Калининграда выставкой. В пятницу будем весь этот бардак убирать.

[...] Я невероятно счастлива, что набрали денег для «Пам. пог. от бомб» в Вюрцбурге. Это, действительно, великое дело!

С Катей живем первый день очень хорошо. Завтра она поедет гулять с Вовой, а послезавтра в первый раз поедем к учителю. Сегодня надеялись помыться в мастерской, где горячая вода была еще вчера, но сегодня ее тоже отключили. Будем устраиваться как в 19-м веке. Вова пообещал заняться Катиным билетом на поезд.

Карлушенька, компьютер барахлит в программе. Она не держится в памяти. Парень, пришедший от Клауса, сказал, что «украдет» для меня «хорошую» программу. Принтер исправен. Этот парень переключил его, и теперь он не жует бумагу.

Насчет рисунков я уже поговорила с Лапиным. Когда ты пришлешь указания, как оформлять негативы или отпечатки, мы начнем эту работу. Кстати, Лапин запросил у меня повышения зарплаты в два и в три раза. Это меня несколько обескуражило. Теперь он хочет за негатив 50 р., а за отпечаток 3 р. (раньше – 25 и 1). Деньги, хотя и «деревянные», уходят стремительно. Дикое подорожание всего, а главное – расходы: Митюшка, Романыч, Давыдов, Лапин. Я собрала для тебя две пачки Лапинских фотографий. По-моему, они неплохие.

Я посылаю вам «рыбу» официального письма из Бремена для организации выставки. Никаких препятствий быть не должно.

Я еще не писала вам про дни памяти Димы. Я считаю, что Саша Бакши, Марк Пекарский и Люда Бакши (певица) сделали и сыграли совершенно отличную музыку! И пока были только фрагменты, это все равно очень здорово. Называется спектакль «Никто не воскреснет. Вадим Сидур. Музыкальная мистерия». Главный во всем этом – Саша Бакши. Те музыканты, которые у нас были, очень оценили. Главный режиссер культурного центра им. Мейерхольда Валерий Фокин, посмотрев, сразу же сказал, что он будет ставить целый спектакль, и уже в ноябре намечается премьера.

Я уже говорила тебе по телефону, что Велта приготовила к 1 июля тридцать ящиков различных документов своей библиографической деятельности. Теперь она живет с этими ящиками и готова потерпеть еще какое-то время. У нее там есть, оказывается, целые собрания сочинений, которые она прилагает к своей библиографии. Например, полное собрание сочинений Алексея Толстого и т. д.

Большое спасибо за лекарства! [...]

Юрин сын, Николай Георгиевич Геннис, благополучно подрастает.

Из-за советского разгильдяйства работяги уже два дня не начинают рыть фундамент для «Пам. оставшимся без погребения».

О поездке в ФРГ. Поверьте, что у меня для этого нет физических и моральных сил. Стараться, пробиваться, унижаться в ОВИРе, потом упрашивать в посольстве у вас сделать визу – нет у меня для этого достаточного энтузиазма. Веня и Галя – другое дело. У некоторых артистов везде друзья и знакомые, везде блат. А я не умею.

Что касается Мишиных возможностей, то они у него есть, когда речь идет о служебных поездках. Димины поклонники из какого-то СП тогда помогли с оформлением по поводу Etoya-Lanzarote. А сами Миша и Галя ждали свои паспорта более трех месяцев, больше, чем все остальные. Ваши в немецком посольстве, как все рассказывают, свирепствуют так же, как советские бюрократы. Об этом даже писали в советской прессе. [...] В итоге я соберусь с духом и пойду оформляться, но сейчас не в состоянии. Нужно менять экспозицию в Перове, готовить выставку в Новосибирск, готовиться (уже начали) к борьбе за статус городского музея. Я не сомневаюсь, что мы этого добьемся. Кроме Миши и Гали вокруг нас крутятся и помогают Галины дети Сережа, Таня, а также ее племянник Роман. Он уже сдал два экзамена в МПГУ на исторический факультет, завтра сдает последний – сочинение. Пока что идет блестяще, но конкурс тоже большой.

«Старые» помощники тоже есть, но уже не то, что было раньше. У всех своя жизнь: у Юры – семья, Вова уезжает в ФРГ, Наталья теперь – начальство у себя на работе и больше занята. Романыч регулярно работает два раза в неделю. Я мечтаю приехать к вам с ним и скрепить «Объекты», но он не может оставить свою старенькую маму.

Я скучаю по вас, уже настроилась, что вы прибудете в июле, а вот не получилось. Героическая Катя помылась холодной водой, включая голову! Я в восхищении!!!

Меня очень радуют и предстоящая выставка в Бремене и установка «Пог. от бомб» в Вюрцбурге и «Взывающего» для Гамбурга.

На днях случилась еще одна неприятность. Два дня назад мы с Мишей вынуждены были все бросить и срочно отпра-

виться в Алабино. У наших соседей слева выгорел до тла их каменный дом. Ужасное зрелище в ужасающей близости от нас. Пожар случился от неисправности в люстре. Загорелись провода, и большое счастье, что бабка, ее внучка и правнучка – все остались живы, успели выскочить, хотя несчастье случилось в 1 час ночи. Теперь стоит каменный остов, и все выглядит как в фильмах о войне. Даже старуха сидела рядом с пепелищем, опустив голову, как в кино. Нам сильно повезло, что наш дом уцелел, хотя на половине участка стоят деревья с абсолютно пожухлыми листьями. Женщина, которая к нам ходит присматривать, сказала, что до наших ставней невозможно было дотронуться, такие они были горячие. Мне жаль наполовину обуглившуюся березу. На нашем участке поломали забор, сломали ворота, обрезают провода и, естественно, нет света. Все это вынуждены были сделать, когда тушили пожар. Мы легко отделались, т. к. ветер дул в нашу сторону и если бы у соседей дом был деревянный, а не каменный, пожарище перенеслось бы и к нам. Но из-за каменной коробки получилось что-то вроде гигантской печки.

Кажется, это все основные события произошедшие за не очень длинное время. Очень жалею, что нет больше возможности иметь письменный контакт, как раньше. Огромный привет Давиду, Марьяночке. Всех вас крепко, крепко обнимаю!

Юля

8.8.1991

Дорогая Юля!

Компьютер у меня опять работает и печатает нормально.

Огромное тебе спасибо за твое письмо, которое, как всегда, было очень информативным и вообще нас очень обрадовало. Жаль, что мы не пишем тебе, хотя ты пишешь письма нам. В последние годы я совсем перестал писать письма неофициального характера, т. е. семейные. Дело в том, что постоянная спешка с одной стороны, и, как следствие – нет достаточного внутреннего спокойствия, с другой стороны. В последнее время я почти полностью перешел к тому, что даже официальных писем не пишу, а вместо них говорю только по телефону. Но всё это тебе прекрасно известно, хотя трудно поддерживать «переписку» только в одну сторону.

Митя приехал, но позвонил как раз когда мы были в Берлине. Но с Игорем я уже поговорил по телефону. [...]

На днях мне сообщили, что Шпильман выполнит свое обещание, которое он дал уже несколько лет тому назад. Речь идет о 402. Мне тоже сказали, что вещи Сидура будут выставлены постоянно на третьем этаже. Это абсолютное исключение и противоречит концепции музея. Я, конечно, рад, что, таким образом, выполняется в конце концов Димина мечта о «комнатке-уголке» в Бохумском музее. Кроме того, мы хотим в связи с этим по возможности скреплять Димины вещи. Но проблема обычно в том, что или у меня, или у сотрудников музея времени мало или просто нет. Но ввиду предстоящей выставки в Бремене все равно придется до этой выставки все сделать. Конечно, самое оптимальное решение было бы – твой с Романычем приезд. Если бы была на самом деле такая возможность, я бы был счастлив. Кроме того, мы тебя очень любим и, конечно, хотели бы, чтобы ты была рядом с нами.

Перово. Было бы великолепно, если бы в конце концов сделали из «постоянной выставки» музей. Боюсь, что это пока не сбудется. Каждый более или менее занят собой и своими проблемами. Мне кажется, что вероятность, что кто-то займется этим делом, повышается значительно, если вы смогли бы найти настоящего болельщика, у которого и репутация, и надежда на то, что своей помощью он сможет как-то прославиться. Было бы редким случаем, если бы вам удалось заинтересовать в этом такого человека.

Поскольку Клаус Вашик во время своего пребывания будет в контакте с людьми из непосредственного окружения, а может быть, даже с самим Ельциным, он от себя предложил затронуть этот вопрос как просьбу с моей стороны, как человека, который много лет заботился о сохранении наследия Сидура. Я уверен, что ты с такой идеей согласна. Как «жест-привет» мы хотим передать Ельцину экземпляр Бохумского каталога. Посмотрим, что будет.

Если будет возможным перевести Перово в настоящий музей, то обязательно возникнет вопрос, кому будут принадлежать выставленные в этом музее вещи. Я уверен, что несомненно есть несколько вариантов. Например: 1. После твоей смерти выставленные вещи перейдут в собственность той организации, которая поддерживает музей. 2. Половину вещей

ты передашь музею как подарок, с условием, что они там будут выставлены. Если это условие отпадает, ты их получишь обратно. Эти произведения показываются вместе с произведениями, которые тебе принадлежат и которые могут быть заменены при перемене экспозиций. 3. (вариант = второму) часть вещей ты можешь дарить сразу за то, что музею удастся закрепить мастерскую навсегда за тобой или за Мишей (см. ниже). В этом случае музей, конечно, должен договориться с Союзом художников и т. д. и т. п. Конечно, можно придумать еще совсем другие варианты. Важно, чтобы любой вариант был бы выгодным взаимно.

В связи с глубокими переменами и предстоящими еще более глубокими переменами в СССР, которые отразятся для вас как раз на уровне разных еще существующих организаций (например, Союза художников), вопрос мастерской, очень может быть, опять поднимется. Кроме того, не надо выпускать из вида, что Слепышевы уже давным-давно отсутствуют. Хотелось бы, чтобы мастерская была более тесно связана или с тобой, или с Мишей.

Компьютер. Я очень надеюсь, что во время пребывания Клауса все вопросы будут решены окончательно. Тогда, может быть, при участии Валерии (из группы Переслегиной) ты смогла бы привести в порядок архив (я имею в виду всевозможные письменные документы). Но письма наши и дневники я пока не дал бы – это наше с тобой дело. И при первой возможности я скажу тебе, как обработать эти материалы. Вообще, у тебя нет части копий ваших писем мне. Обязательно сравнивать всё то, что у меня и у тебя.

Чтобы повысить значение Перова, я со стороны нашего Института русской и советской культуры хотел бы заключить более подробное соглашение о всех архивных делах. В принципе, это именно то, что Миша хотел с Шпильманом. Такое соглашение дало бы формальную возможность, чтобы, предполагая твое разрешение, систематически можно было привлечь сотрудников Перова к архивным работам. Таким образом, значительно повысилось бы значение Перова, поскольку речь идет о наследии и о сотрудничестве с иностранным университетским институтом. Проект такого соглашения можно придумать еще в присутствии Клауса. Здесь я, если это покажется целесообразным, смог бы в крайнем случае переделать

такое соглашение. Поскольку Гизела и я собираемся в связи с открытием нашего компьютерного центра приехать в Москву в октябре, мы могли бы более детально поговорить обо всем.

Лапин. Конечно, он недешево работает. В крайнем случае я должен тебе послать деньги. Что касается пересъемки рисунков, то необязательно оплачивать фотографа-профессионала. Это было бы то же самое, как передать профессору переписать дурацкие административные документы. Поэтому надо искать какого-то Акакия Акакиевича, который аккуратно проведет такую чисто техническую работу. Что касается Лапинских цен, то надеюсь, что он даст на самом деле и негативы с тем, чтобы ты могла делать с ними, что хочешь. Так он хотя бы поступал при Диме, когда он переснимал рисунки. Кроме того, цены у него приличные, потому что он снимает не своей, а твоей камерой.

Имей в виду, что если Лапин будет снимать рисунки, то это дорого. И он будет брать их домой или даже передаст другому, чтобы самому не делать эту дурацкую техническую работу (я знаю, о чем идет речь, поскольку я сам её проделал, как ты знаешь).

Может быть, стоило бы, чтобы я привез фотоаппарат и кто-то из ребят переснял все рисунки. Станок с лампами еще есть (тот, который я еще купил тогда и который находится в мастерской). В крайнем случае надо купить новый, если можно – большой. В крайнем случае я должен привести такой. Такой станок может купить у профессионалов Перовский музей для архивных работ.

Рисунки. Есть два варианта общего характера, но сперва надо купить еще папки самого разного формата в достаточном количестве. [...]

Юленька, Алпатова мне сказала по телефону, что скоро выйдет из печати двухтомная документация по выставке «Другое искусство». Она очень дорогая. Не забудьте купить. Я получу бесплатный экземпляр и потрачу гонорар за статью на добавочный экземпляр. Не забудьте купить седьмой номер «Декор. искусства» со статьей о «головах» Сидура. Это моя с Гизелой статья, т. е. ч. 1 (другая была в «Искусстве»).

Очень надеюсь, что «Антология литературно-политических документов» (Громова) скоро выйдет из печати.

Огромное тебе, Юля, спасибо, что ты так тщательно заботишься о Кате.

Обнимаем, целуем тебя. Не хвориай, приезжай сюда, у нас тоже весело и неплохо.

Карл и Гизела

Москва, 27 августа 1991 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Потрясающие события, происшедшие в нашей стране, по моему, повлияли на весь мир. Хорошо, что у меня так много приемников. Катя слушала радио почти с таким же интересом, как и я. Ей, можно сказать, повезло, потому что, если исходить из нашей истории, подобные события – это сплошные ужасы. Но на этот раз все закончилось благополучно. Я даже могу предположить, что Горбачев на самом деле вернулся в другую страну – нищую, обделенную, но свободную!

Белый дом России находится от нашей Брянской довольно близко, и в ночь на 21 августа мы с Катей слышали выстрелы и сильно переживали.

Конец этой эпопеи абсолютно нетипичен для нашей разваливающейся на куски империи. Все знают из Пушкина: «Нет ничего страшнее русского бунта, бессмысленного и беспощадного». Но на этот раз получилось по-другому. Значит пришло время.

Второе событие тоже для нас очень важное – это установка «Пам. оставшимся без погребения». Сегодня нам удалось «ткнуть» все три фигуры в землю (в фундамент). Завтра надо будет их «подгонять», т. к. пока все криво и косо. Я из-за этого нервничаю. Архитектор на Кипре. Миша как безумный целыми днями организывает то кран, то цемент, то грузовик. Мы с Сашей Позиним смотрим во все глаза, но установить сегодня как следует не смогли. Если завтра нормально установим, закроем памятник досками и начнется весьма грандиозное предприятие с площадкой вокруг. Архитектор возвращается 13 сентября. Очень забавно получается – одни памятники сносятся, другие ставятся. Дело в том, что наши заказчики – это «афганцы», молодые люди, простые, грубоватые ребята, но, в принципе, очень симпатичные. Один из них сегодня так лихо вскарабкался на верх скульптуры, чтобы освободить крюк крана от троса, что мы все невероятно восхи-

щались. И все это происходило под проливным дождем. Все они во время переворота несли добровольную службу в Белом доме и хвастаются, что состоят в команде у вице-президента Руцкого Александра Владимировича, чрезвычайно обаятельного человека.

Катя. Мы с ней неплохо жили. Она очень хорошая, очень деликатная и умная девочка. Но очень молодая, что, с одной стороны, великое счастье, а с другой стороны – «разброс и шатание». В начале своего пребывания ей хотелось играть в бильярд, и я сама не знала, что в нашей стране подобное возможно для девушки. Однако сын Нади Рухмановой Саша тоже любит бильярд, и они с Катей ездили в Серебряный бор в какой-то клуб довольно часто, пока Саша не уехал отдыхать. Еще Катя сказала, что она хотела бы поехать на заработки на виноградники в Испанию. Что касается учебы, то она совсем не была уверена, что будет ее продолжать в этом году. В конце пребывания, мне показалось, у нее появились сомнения в том, чтобы не ходить в школу. Но чтобы твердо идти учиться, этого тоже нет. Галя Белая сказала, что в Российском государственном университете она занимает какой-то пост, и Катя могла бы туда поступить, но вроде бы для этого необходимо иметь аттестат зрелости. Мне кажется, что Катя сделала кое-какие успехи в рисовании. Сначала я посчитала, что у нее нет никаких способностей, но потом она нарисовала картинку из жизни бильярдистов и очень выразительного кота, и мое мнение о ее способностях изменилось. К тому же она рисовала часто, читала толстые умные книги (Hesse, Simone de Beauvoir). И вообще, Катя производит очень положительное впечатление. Как пишут в школьных сочинениях, «у нее глубокий и богатый внутренний мир». Внушает уважение ее самостоятельность и независимость суждений. В то же время она привезла с собой большого плюшевого бегемота, что тоже невероятно мило.

Ходят разговоры, что неплохо было бы вместо Дзержинского, около Лубянки, поставить «Пог. от насилия» или «Взывающего». Тот факт, что они уже стоят в Германии, никого не смущает.

Ты ничего не написал о Бремене.

Что касается Перова, то всё, что ты пишешь, правильно. Но немного похоже на те отношения, которые могли бы иметь место у вас. У нас это по-другому. Хотя по существу верно.

Чиновники из бывшего главка по культуре, который теперь называется Комитетом по культуре при Моссовете, попросили Мишу написать докладную записку «о музейных нуждах». Но наш опытный «аппаратчик» Марта посоветовала Мише пока не высылать ее, т. к. сейчас не до нас. Каменев сказал, что приведет в музей префекта нашего округа. Нашу Марту избрали несколько месяцев назад в партийное бюро района, и теперь она опасается репрессий, то есть увольнения с работы за ее принадлежность к партии. Если будут к ней цепляться, решили с Мишей написать письмо в ее защиту.

Велта сказала, что она готова ждать вашего приезда в октябре и не хочет отдавать свои архивы на хранение в ИМЛИ. Кажется, Кузнецов и другие «писатели земли русской» сильно облажались, присягнув на верность переворотчикам. Такое впечатление, что Союзу писателей наступает конец. Наша Юнна выступала в разгар событий по радио «Эхо Москвы» и очень красиво разоблачала поганую хунту под названием ГКЧП.

Алпатовой звоню каждый день, ее нет дома.

Громова хотела приехать, пообщаться с Катей, но не приехала и не позвонила. Думаю, что до сих пор не написала письмо. [...]

Один из тех длинных ножей, которые я привезла и подарила Гале, сломался в серединке. Гизела, наверное, была права, когда говорила, что у этих ножей не такое хорошее качество. Они выглядят лучше, чем действуют. Если вам не трудно, привезите мне нож, примерно около 30 см., т. к. свой я подарила Гале. [...]

Пока Романыч ухаживает за своей старенькой мамой (86 лет), он никуда не сможет отлучиться. Но он сказал мне с тяжелым вздохом: «Я уверен, что она не переживет этот год».

Мы выпустили в нашей типографии (районной) четыре пригласительных билета с рисунками из Диминых поздравлений. Я их прилагаю. Мишина дружба с типографом убогой нашей типографии кое-что значит. Рисунки смотрятся неплохо, но плохо разрезаны и кое-где залезают вверх и не достают до низа. Но качество приличное. Выпустили мы пять цветных постеров. Оплатил Юрин брат Сережа Геннис. Бумага неплохая, но цвет очень сильно уступает подлинникам. Опять же никакого сравнения ни с «Красным Христом», ни с «Юлей с

кошкой». Но те, кто не знает, радуются этим картинкам. Присылаю их с Катей.

Огромное спасибо за вещи для Юриного и Инессиного младенца.

Завтра не сможем проводить Катю на вокзал из-за установки нашего памятника. Толя и Надя Рухмановы сказали, что проводят ее. Может быть, Вовка тоже подъедет.

Нам бы, конечно, хотелось открыть «Оставшимся без погребения» в этом году. Но боюсь, что не получится. Тогда открытие будет весной будущего года.

Крепко вас обнимаю. Жду в октябре. Привет от Миши и Гали.

Юля

Москва, 12 октября 1991 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Клаус до меня так и не добрался, поэтому постараюсь завтра отослать это письмо с Уте Кепплер или с Ренатой фон Майдель, которые на днях возвращаются в Германию.

Несмотря на царящие у нас революционные бардак и безумие, жить все-таки надо, т. к. никуда не денешься. В Москве сейчас прекрасная погода – золотое бабье лето, поэтому я особенно себя плохо чувствую. Осеннее солнце обостряет мою тоску и общее депрессивное состояние. После Диминой смерти прошло пять лет, но для меня ничего не утихло. Мне все время страшно хочется с ним поговорить. Дима, пожалуй, единственный из нашего окружения, кто своей физической жизнью и творчеством абсолютно вписался в советскую эпоху. Он родился в 1924 году, когда советская власть окончательно победила, и умер в начале перестройки, как бы закрыв своей смертью совершенно фантастический по сюрреалистической действительности исторический период. И вся жизнь его была сплошным преодолением. До последней минуты надо было преодолевать различные испытания, из которых почти каждое было на грани смертельной опасности. Все время шла борьба за физическое выживание и за духовную свободу. Он в итоге вышел победителем из этой борьбы, но заплатил слишком дорого – отдал жизнь. Вот такие мысли посещают

меня беспрерывно, диалог наш бесконечен, а сумасшедшее осеннее солнце только все это усугубляет. И первое, что я делаю с утра – раскрываю чуть-чуть, а потом тут же задергиваю обратно занавески.

Насчет Велты Пliche хочу тебе посоветовать с ней не связываться. Сейчас для этого очень удобный момент. Она хотела работать за те деньги два года, которые еще не истекли. Причем со своей работой она в буквальном смысле слова навязалась. Не мне судить, но думаю, что ее работа – не очень большая ценность, а вклеивание в книги газетных вырезок и чернильные записи в книгах, на мой взгляд, вообще варварство. Если вы будете с ней продолжать, у вас будет постоянный источник для конфликтов, у нее всегда было гипертрофированное отношение к своей личности на грани патологии, но главным образом – это плохой характер. С возрастом, естественно, все усугубилось. Я знала об этом еще с молодости. Но она все-таки поймала меня, когда пришла на Димины похороны. Она человек чрезвычайно прилипчивый, поэтому говоря о своем бескорыстии, она все-таки заставила меня искать для нее помощи. Очень сожалею, что втянула тебя, Карлуша, в это дело. Не советую вступать с ней ни в какие денежные отношения. Это даже опасно. Она из людей, которые ищут «правду». Кроме благородных правдоискателей, к несчастью, очень многие «ищут правду» в своих иногда странных параноидальных целях. Она рассказала мне, как писала Ельцину, но он ей не ответил – теперь она его за это не любит. Журнал «Огонёк» не опубликовал ее письмо, она за это его больше не читает. Так же недовольна она газетой «Известия». Я все это принимала к сведению, но все-таки не удержалась и вступила с ней в отношения. Меня напугало сообщение Леры Кудрявцевой, что Велта после долгих разговоров о том, что не хочет иметь с вами дело, тем не менее взяла у нее телефон. И я очень боюсь, что она от вас так просто не отвяжется. Все-таки устроить безобразный скандал «на международном уровне» только за то, что ты сказал о наличии у вас книг Толстого и Аксакова и поэтому можно их не посылать. На мой взгляд, это почти шизофрения, но скорее всего – очень скверный и очень склочный характер.

Завтра устанавливают «Формулу скорби» в Пушкине в память о расстрелянных пятнадцати тысячах евреев в 1941 году.

Мы так сильно все устали, что не смогли поехать на открытие. Миша послал поздравительную телеграмму по их просьбе, а я еще раньше написала текст для проспекта. Я обязательно пришлю вам все материалы. Мы, конечно, поедem в Царское село, но через какое-то время, а сейчас нет для этого никаких сил.

Мы уже подготовили программу поэтических вечеров в музее. Афиши пришлю. Наконец, перевели строителям какие-то деньги, и они начали совершенно грандиозное рытье вокруг «Пам. оставшимся без погребения». Скульптура была обшита досками, чтобы народ не глазел на нее до официального открытия. Но эти доски пробыли на месте дня три, на четвертый их украли. Публика, которая там разгуливает, иногда очень недовольна. Раздаются возгласы: «Зачем нам это нужно?», «Бездарность», «Был веселый сквер, а теперь такой мрак». В основном одолевали тех рабочих, которые там работают. Иногда в перепалку вступают «афганцы». Я даже немного опасаюсь, чтобы там не возникла какая-нибудь потасовка. Афганцы достаточно агрессивные ребята и защищают свой памятник очень темпераментно. В общем, все продолжается. Почему-то недовольных всегда больше, чем довольных. Я вспоминаю, что когда мы устанавливали «Структуры», тоже было много недовольных. Но есть люди, их немного, которым памятник очень нравится. Разговоры такие: «Вот раньше на Западе ставили, а теперь и у нас», «Все памятники рушат, а у нас наоборот ставят». Саша Позин решил сделать фактуру, «как у Мура». Ему, конечно, хотелось сделать так же, как у Мура, полированную зеленую бронзу, похожую на малахит. У Мура действительно очень красиво, но у Саши получилась псивая тускло-зеленая поверхность, которую обязательно надо будет исправить. В понедельник встречаемся с архитектором Сергеем Тимофеевым и начнем обсуждать надписи, шрифты и т. д. Если бог даст, деньги заплатят, то, может быть, мы откроем и в этом году. Но я почему-то в этом сомневаюсь. В понедельник же, наконец (!), начинаем делать новую экспозицию на втором этаже. На этот раз это будет тема «Материнство».

Романыч намекнул мне, что вынужден будет искать себе еще одну работу для заработка. Я сказала, что буду платить ему пятьсот рублей в месяц (раньше 350). Его подруга, про-

фессиональный партработник, после путча осталась без работы, и Романыч говорит, что она сейчас полностью находится на его иждивении. В связи с повышением цен деньги летят стремительно. И ходят всякие слухи о новой денежной реформе.

Лапин снял в музее все «Объекты» и ранние камни. Обязательно пришлю, когда будет готово. Что касается фотографирования рисунков, о чем ты писал, то поскольку это не творческая работа, Наталья обещалась прислать более дешевого фотографа со своей работы.

Не помню, писала ли я вам или нет, что в советских музеях, в Саратове и в Хабаровске, есть с 1988 г. «Формула скорби» (9 т. р.) и несколько гравюр (Хабаровск). В Русском музее в Ленинграде несколько гравюр (900 р.). Теперь на закупку в Калининград взяли «Моющую ногу» («Неосалон») и одну большую акварель из цикла «Красавица» (8 и 15 т. р.). Деньги по нынешним временам небольшие, но не для музея, они очень просили. Мы им дали, так как они очень постарались с выставкой, и теперь в перспективе хотят сделать специальный зал Сидура.

Эдик Гладков не сумел никуда пристроить свой роскошный макет из-за его огромной стоимости. Теперь он поехал на два месяца работать в Америку. Макет взял с собой «на всякий случай».

Митюшку утвердили в списках на поездку в Америку. Едет 15 детей и два педагога. Жить будут по семьям где-то под Бостоном в течение месяца.

Потом дети из американских семей приедут в Москву и будут жить у советских детей в семьях. Уезжает он 19 ноября. Конечно, позвонит Давиду.

Теперь об Алпатовой. Выставка до сих пор в Петербурге. Я спросила: «Ира, почему все-таки статья Карла не пошла? Вы же ему точно обещали?» – «Ах, это очень сложно объяснить». Видела я и Алика Логинова. Спросила его: «Почему же вы статью Аймермахера выбросили?» – «Я тут не при чем. Это редакция!» В общем, Карлуша, мне очень жаль, что ты с ними связался. Если бы ты знал, как мне не хотелось ничего им давать, тем более что у нас есть свой музей! И только из-за тебя я дала им скульптуры. Думаю, что ты прав и вполне возможно, что там был Талочкин, который изо всех сил интриговал.

Но это ни в коем случае не оправдывает ни Алпатову, ни Логинову, ни тем более Жутовского, который был их духовным руководителем. Но мне не хочется, чтобы ты из-за этого огорчался. Я думаю, что каждый из нас – вы с Гизелой и я – лучше знаем обстановку в наших странах. Вы лучше знаете, как у вас. А я, честно говоря, никогда не доверяла ни Логинову, который обманывал Слепышева, ни Жутовскому, у которого находятся, говорят, две краденые Димины скульптуры, ну и Алпатовой за то, что она их подружка. Какое они оказывали давление, когда мы им были нужны! И ни разу даже не позвонили после того, как все получили! В общем, как говорится, «век живи, век учись». Огорчаться не стоит, чтобы не портить себе здоровье, но просто надо сделать соответствующие выводы.

У нас появились люди через архитектора Штутмана, которые делают голограммы. Они уговорили нас с Мишей дать им несколько скульптур на условиях, что от каждой скульптуры они дадут нам по две голограммы. Получается, надо сказать, очень неплохо. Полное ощущение настоящей скульптуры, но необходима специальная подсветка. Одну голограмму «Мать с дочкой» (1963) они с нашего согласия продали на благотворительном аукционе для афганцев-инвалидов. Когда сказали по ТВ: «Голограмма художника Сидура», началось некоторое оживление. Первоначальная цена была 1000 рублей. В итоге продали ее за четыре тысячи. Вторую голограмму они делают по «Взывающему».

Насчет фестиваля в Екатеринбурге (б. Свердловск) я ошиблась. Это критики дали нашему фильму «Автопортрет в гробу.» четвертое место. А от жюри получили мы первое место (!) среди полнометражных фильмов. Это объяснили мне Стародубцев и приехавшая оттуда Олеся. Порядок был таков: Гран-при получил фильм какого-то казахского режиссера «Повелитель мух», и еще было по две премии I и II за полнометражные фильмы и I и II за короткометражные. Grand-prix 5 тыс. рублей, обе первые по 3 тыс. и обе вторые по 1 тыс. Олеся говорит, что наш фильм встречали очень хорошо. Одним из главных людей на этом фестивале был Наш Schlegel, он был в жюри. Олеся там выступила с «твоей» инициативой, но от себя – поставить на Лубянке «Пам. пог. от насилия», что было встречено бурными аплодисментами. Но вы знаете, ка-

кие километры пролегают от идеи до ее воплощения! Олеся сказала, что там начали приглашать фильм в Бонн, Лейпциг и Нюон в Швейцарии.

Хорошо будет, что ты в итоге заберешь мои рисунки у Блатова. Они ведь даны ему под честное слово без всякого договора. Поэтому я считаю, что они у него достаточно долго пролежали.

Приехал Веня, уставший и охрипший. Рассказывал о своих успехах в Германии. Но я абсолютно согласна с тобой, что успехов надо добиваться в своей стране, особенно теперь, когда для этого больше возможностей, чем раньше. Театр их, хоть и функционирует, но находится на последнем издыхании. Оба его руководителя: один сбежал на Запад, другой подался в министры, не собираются спасать свое детище. Артисты тоже хватают момент (Веня). Но, как говорится, бог им судья.

Если девочки возьмут, отправлю с ними тебе кое-какие газеты и кассету с Р.М. Горбачевой о путчевом эпизоде.

Если приедете, хочу попросить вас, если не трудно, привезти кухонный ножик (примерно 30 см), две пары плотных колготок, поскольку чулок, у вас не существует, для Сани – самый большой размер, и кассеты с записями Georges Brassens. Хотелось бы иметь этих кассет побольше, если в Германии есть, конечно. Дело в том, что у Миши ограбили машину и вытащили кассеты, которые он возил с собой. Я слушала их в Алабине. Но это были Мишины кассеты, и я не успела их у него забрать. Он, хоть и любит Брассанса, но не так, как я, и не успел мне их отдать. Вот такие дела. [...]

Огромный привет Марьяночке. Крепко, крепко вас обнимаю. Скучаю. Очень хочу повидаться.

Юля

Москва, 27 октября 1991 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Пользуюсь тем, что Ренаточка уезжает во вторник, и посылаю кое-что. Завтра же на бегу встречаюсь с человеком по имени Геннадий Кульбицкий из ТАСС. Он сказал, что у него для меня посылка от вас.

Я снова подхватила простуду и сижу теперь в соплях. Кашляю, как обычно.

Наконец сделали новую экспозицию – на тему «Семья». По-моему, получилось неплохо. По этому поводу я написала статейку. Присылаю вам. Около «Оставш. без погребения» огромная яма. Два прекрасных месяца с изумительной погодой почти не работали, теперь снег, дождь, холод – работа кипит. Это вполне по-советски. Халтурит архитектор Тимофеев, это огорчает. Соблазняет заграница. Когда мы корячились, устанавливали фигуры, он был на Кипре. Теперь, когда делают площадку, он в Братиславе. А имя его, как архитектора, будет написано на памятнике, не говоря о деньгах.

Эти говнюки из «Другого искусства» (Логинов) сказали, что каталог тебе «не положен» бесплатно. Мы с Мишей были совершенно потрясены столь неслыханной наглостью. Конечно, от Талочкина трудно было ожидать хорошего отношения, но Алпатова, Логинов и Жутовский, которые уговаривали тебя участвовать в их деле, мягко говоря, удивляют. Каталог я вам посылаю, сделан он нормально, но отравляет хамское отношение, ошибок тоже достаточно, сами увидите.

Скоро будут готовы фотографии установки фигур («Без погребения»), пришлю. Из Питера обещали прислать «Формулу скорби». Лапин, мне кажется, неплохо снимал в музее «Объекты», посылаю. В стране у нас бардак и безумие. Удивительно, что все-таки ценой невероятных усилий иногда удается что-то сделать.

Звонила Громова. Сказала, что ты уже знаешь – первый том готов, а второй набирают. [...] Всё ли вы получили из того, что я вам послала, включая письмо?

Надеюсь, что вы здоровы. Очень хочу с вами повидаться и пообщаться. Есть о чем поговорить. Сейчас готовим Димин фильм «Пам. совр. состоянию» для показа в музее. Это целое предприятие с технической точки зрения. Бакши дописывает «мистерию». Режиссер Фокин никак не сделает спектакль по Достоевскому, после которого должен заняться нашим. Но 28 декабря на музыкальном фестивале в Музее им. Глинки будет день Сидура – музыкальная мистерия и кино «Автопортрет в гробу...». 26-го – день Губайдуллиной, 28-го – азиатских композиторов.

Огромный привет Марьяночке. Как поживает Катя? Ей привет! Крепко, крепко обнимаю.

Юля

P.S. Позвонила Г. Белая, спросила, нет ли возражений по поводу ее приезда 20 ноября.

Москва, 9 декабря 1991 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

18 декабря Оля Икрамова едет в Германию, и я с радостью использую возможность передать вам кое-что. Советской почте как раньше не верила, так и в обозримом будущем доверять не собираюсь, хотя со вчерашнего дня СССР официально больше не существует, как «геополитическая реальность», а также «как субъект международного права». Вы бы видели, как беденький Горбачев из себя вон выходил, пытаюсь путем запугивания убедить Украину остаться в осточертевшем всем Союзе Советских Социалистических Республик. Трагическое непонимание президента, что наступает время конца любой империи, даже такой замечательной тирании, как наша! Если уж Российская империя, просуществовавшая семьсот-восемьсот лет развалилась, то уж наша за 74 года впала в полный и абсолютный маразм. Теперь пошли новые лозунги – «единая и неделимая Россия». Из-за этого чуть не устроили бойню на Кавказе среди чеченцев. Сколько же у нас сейчас нового большевизма и идиотизма! А главное – все время бряцают оружием и угрожают. Югославия – позор Европы, очень боюсь, что это может быть и нашим ближайшим будущим!

Но пока жизнь продолжается. Государство обанкротилось, тучи нищих, то ли действительно убогих, то ли просто хитрых. В очередях одни старухи убивают других. Злоба у людей сконцентрирована в единый ком, чреватый мощным взрывом. На этом фоне громко орут фашисты: Жириновский, Невзоров и другие, с каждым днем все громче и наглее. За все надо платить, за свободу тоже. Комплекс неполноценности, юдофобство и ксенофобия – все это крепчает день ото дня. Тем не менее, я лично, просвет вижу и на лучшее надеюсь. Мы как вольтеровский Кандид продолжаем растить свой маленький сад в этом лучшем из миров».

Заканчиваем «Памятник оставшимся без погребения». Вокруг памятника будут четыре блока с надписями: «Воинам-москвичам, погибшим в Афганистане», «Вадим Сидур. Памятник оставшимся без погребения», «1979–1989», «Проект архитектора С. Тимофеева, 1991 г.» [Нарисована схема расположения памятника и блоков].

Я уже писала вам, что Саша Позин, насмотревшись на Мура, покрыл скульптуру какой-то странной зеленью, жухлой, тусклой и некрасивой. У Мура же поверхность скульптур действительно напоминает малахит. Саша попросту перемудрил. Ему хотелось сделать лучше, пооригинальнее. Но не получилось. Он утверждает, что сначала было красиво, а потом прошел «кислотный» дождь и все испортилось. Как бы там ни было, но эта фактура никак нас не устраивала: она разбивала форму, растворялась в воздухе, а главное, сбивала ощущение скорби, которое является главным в этом произведении. Даже «афганцы», которые не шибко разбираются в нюансах, почувствовали что-то не то, и попросили сделать «потемнее». В общем, в течение трех дней мы занимались тем, что исправляли фактуру. Саша жил у меня, и с утра, как только светало, мы отправлялись в Перово, брали с собой пожрать, переодевались в музей, брали лестницы, инструменты и направлялись к памятнику, благо недалеко и ходить. На второй день присоединилась к нам Аня Нольде, Наталья родственница, которая работает у нас сейчас в музее вместо Инессы. Сейчас темнеет в три часа дня, и нам было очень важно использовать светлое время. Рядом работали облицовщики-гранитчики. Они делали свое дело, мы – свое. Наше присутствие их сковывало, и они почти не матерились. Главная работа заключалась в том, чтобы металлической щеткой снять ядовитую анилиновую зелень и закрыть «лысые» ярко-медные проплешины. Саша лазил по верхам как акробат (лестница была маловата), Анюта ковырялась внизу, а я бегала вокруг них и давала ЦУ («ценные указания»). В итоге нам до какой-то степени удалось добиться эффекта «волшебной лампы Алладина», но не до конца. Вблизи кое-где поверхность выглядит просто драгоценной, когда зелень деликатно проступает сквозь металл. Но мы с Аней обязательно, как станет теплее, хотим докончить эту работу, т. к. кое-где мы уже сами напортачили – сзади, на спине у центральной фигуры перетерли шкуркой и теперь надо это при-

крывать. Но в общем скульптура очень сильно, на мой взгляд, изменилась в лучшую сторону. Ребята-афганцы установили новые сроки открытия, поскольку все сместилось из-за строителей. Новый срок пока держится в тайне. Если сказать, что открытие назначено на 15 февраля (день вывода советских войск из Афганистана), то облицовщики снова перестанут шевелиться.

Посылаю вам книжку на английском языке «Формула скорби» – это о городе Пушкине (быв. Царское Село) и о памятнике. Самого установленного памятника пока нет, только на одной фотографии незаконченная модель. Саша сказал, что когда у ЛенТАССа будут готовы фотографии установленной скульптуры, они нам обязательно пришлют. Тогда я вам пошлю «Формулу скорби» и моменты установки «Пам. оставш. без погребения». К сожалению, проспектиков о «Формуле скорби» только две штуки – один на русском, другой на английском языке. Пожалуйста, сделайте ксерокс с этой книжечки и пошлите ее Майклу Риффу для архива.

Огромное спасибо за чулки для Сани Толкачевой. Две пары отдам Галиной матери. Оказалось, что ей тоже необходимо. Большое спасибо г-же Карпинской за тапочки, чрезвычайно симпатичные тапочки.

В музее прошел вечер Севы Некрасова. Теперь мы продаем его книгу. Пришло по нынешним временам довольно много людей, около 50 человек. Я посылаю вам его книжку. Сам Некрасов не мог скрыть зависти, расхаживая по нашему музею: «Да как вам это удалось? Да как же это у вас так получилось?» Он, в принципе, человек желчный, поэтому зависти скрыть почти не мог.

Теперь о произведении Саши Бакши на тему Сидура. Фокин, режиссер, который должен был финансировать музыкальную мистерию, поставил спектакль «Бесноватая» по «Идиоту» Достоевского. Мы с Галкой еле высидели. Я, честно говоря, давно не видела ничего более бездарного. Но основное в Фокине – это то, что он менеджер и организывает Центр им. Мейерхольда. Летом он свой Центр открывает каким-то грандиозным фестивалем. Музыкальный спектакль Бакши и Пекарского (ансамбль ударных инструментов) пройдет в рамках этого фестиваля. Я всячески надеюсь, что наше мероприятие обойдется без творческого участия Фокина. Саша уже

практически написал музыку. Премьера пройдет 29 декабря в музее им. Глинки. В связи с тем, что драматического спектакля (к счастью), скорее всего, не будет, спектакль остается только музыкальным, концертным и меняет название: «Музыкальные мистификации. Вадим Сидур. Никто не воскреснет». Посмотрим, что из всего этого выйдет.

По ТВ, 1 программа, вчера (9 дек.) показали сюжет о нашем музее в рамках АТВ («Авторское телевидение»). Немного смешно: посещение сумасшедших. Автор сказал, что раньше Сидур тоже считался сумасшедшим в своем творчестве. Потом показывали молодых и очень симпатичных сумасшедших, организовавших фонд «Душа человека». Показывали наш музей, работы Сидура, делая почему-то самый большой упор на «Младенце в мышеловке», читали стихи Сидура, потом свои стихи и т. д.

Спасибо за деньги, очень выручают. Мои траты сейчас приняли прямо-таки фантастический характер. Но то ли еще будет!

Что касается выставки в городах Германии, я считаю, что ты прав, когда говоришь, что все: Астрид, Раев и госпожа Рутлоф должны встретиться или поговорить по телефону, чтобы совместно решить финансовую проблему. Сейчас очень бы хотелось сделать более представительную выставку и менее камерную, чем раньше. Честно говоря, милая выставка в Швеции меня разочаровала. Такие выставочки хорошо устраивать на дому, в галерейках, а не в музее. Поэтому, если мы сделаем в Германии более представительную выставку, было бы очень неплохо. Что касается оформления для вывоза из СССР работ, то, учитывая советскую неповоротливость, сознательные препятствия или просто бюрократические сложности, нужны документы из ФРГ. Если они будут на руках (чем раньше, тем лучше), можно будет всего добиться и даже в назначенные сроки. Если же работы все равно поедут из Москвы и главным образом – «объекты», то я не вижу целесообразности в том, чтобы вы мучились с отправкой на выставки скульптур 60-х годов: памятников и т. д. Хотя, если мы не будем успевать к июню в Берлин, тогда другое дело.

Саша Бакши хочет вместе с ансамблем Марка Пекарского «озвучить» Димино кино. Они хотят, сидя в яме во время фильма, играть. Для этого Дом кино, который состоит в совет-

ско-швейцарской фирме по озвучиванию старых немых фильмов, дает им возможность репетировать в течение полугода в своем помещении. Озвучить фильм современной музыкой – это была давняя Димины мечта. Для этого он подкатывался к Шнитке, потом как-то горячо убеждал знакомых Уте Кепплер, молодых и, по ее словам, «авангардных» музыкантов написать музыку к своему фильму. Утины знакомые кивали головами. Естественно, из этого ничего не вышло. Но сейчас, мне кажется, эта мечта может осуществиться. Те фрагменты, которые прозвучали у нас в музее, на мой взгляд, великолепны. Особенно здорово на стихи «Ию, Леда, Даная». [...]

Вчера (11 дек.) встретились вечером в нашем музее с Сергеем Ивановичем Чуприниным. Приятный, интеллигентный человек. Оказывается, дружит со Стародубцевым и с Бакши. Сам он тоже из Ростова. Видел фильм «Автопортрет в гробу.». Про «Миф» узнал от Бакши, когда смотрел спектакль Фокина. Сначала мы дружно обругали никчемный, бессмысленный спектакль Фокина, а потом стали говорить о делах издательских. Я, надо сказать, [...] выписала из толстых журналов на будущий год только «Знамя». Он кажется мне наиболее интересным. Но, в принципе, я вижу очень четкую тенденцию – чем лучше люди будут жить, тем меньше они будут читать. Рыночная экономика обязательно все поставит на свои места. Тиражи катастрофически падают. «Знамя» тоже потеряло половину от своих 500 тысяч подписчиков. «Лучше» жить будут нескоро, но даже у нас уже книжный рынок переполнен всякой популярной белибердой. Мне кажется, что через какое-то время толстые журналы перемерут тихой, естественной смертью из-за отсутствия подписчиков. Или же, поскольку толстые журналы – это русская традиция, тиражи будут мизерными, цены огромными и небольшое количество читателей будет читать их в библиотеках. Чупринин проявил живейший интерес к «Мифу» как к факту «историко-культурной ценности». Об остальном мы будем говорить с ним после прочтения книги. Есть ощущение, что редакция в связи с вышеизложенными трудностями, стремится находить что-то интересное («сенсационное») для удержания подписчиков. В основном везде процветает «политика» или, как говорит Галя Белая, «чернуха» и «порнуха». Если наши отношения укрепятся, я обязательно предложу ему рассказы Гизелы. Они, в принципе, печатают иностранцев.

Лапин сейчас делает серию открыток с Диминых скульптур для Новосибирска.

Очень радует, что для «Пог. от бомб» собрали 40 тыс. DM! Пошлите, пожалуйста, Дорис мое поздравление с ее днем рождения 2 декабря.

Крепко вас обнимаю. Огромный привет Марьяночке. Всех вас поздравляю с Рождеством!

Юля

Памятник погибшим от насилия. Кассель. Фото: К. Аймермахер

Бамменталь под Гайдельбергом. Первое посещение Германии в 1989 г.: Гизела Рифф, Юлия, Рива Бродская, Владимир Бродский. Фото: К. Ай-мермахер

Юлия, Петра Келли, Герт Бастиан под Бонном, 1989. Фото: К. Аймермахер

Гизела Рифф, Дмитрий Сидур и Юлия в «Москва-Сити», 1998. Фото: К. Аймермахер

Юлия, 1941

Юлия в своей Московской квартире, 1998. Фото: Т. Мартин-Лиано

Юлия, 1982

Юлия в своей Московской квартире, конец 1980-х. Фото: Э. Гладков

1992

Москва, 4 января 1992 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

Это еще одна попытка написать вам письмо на компьютере. Мишин школьный товарищ, который сам работает только с компьютером, сделал мне какую-то примитивную редакторскую программу, где можно только набирать и печатать. Никаких других, более сложных операций делать нельзя, потому что этот компьютер недостаточно совместим с IBM. Но я буду очень рада, если смогу печатать, т. к. совсем отвыкла работать на пишущей машинке.

Прежде всего я хочу поздравить Карла с уже прошедшим днем рождения (сегодня 4 января 1992 г.), а Гизелу с будущим событием 20 января. Я уверена, что мое письмо не дойдет до вас раньше этой даты. Желаю вам, как всегда, здоровья и хорошего настроения.

Я надеюсь, что Клаус Беднарц позвонит вам, а также пришлет журнал Vestnik. [...] Он зашел ко мне за два дня до отъезда, показал свой материал и подарил кассетку. Все хорошо, кроме одного – памятник плохо показан! Его оператор снимал, снимал, а нормально снять не сумел. Ни одного общего плана не сделал! Эту передачу видели Андрея и Дорис, обе мне позвонили.

Сейчас мы заканчиваем рубить буквы. К сожалению, это делается прямо на месте, а это тяжело, потому что погода мешает: холод, ветер, снегопады. Но две с половиной надписи уже сделаны.

В связи с тем, что сейчас накопилась масса неотложных дел, я, дорогие мои, не смогу поехать в Германию раньше, чем после 15 февраля, хотя и очень по вас скучаю. Хочется повидаться! Но оформление уже начинаю. Мне позвонили Саша с Ренатой из Берлина как раз в день Карлушиного торжества. Я попыталась дозвониться, но у меня ничего не получилось.

Вы, конечно, знаете, что у нас освободили цены. То есть разрешается называть любую цену на товар. Но что же мы видим? Цены огромные, а товара как не было, так и нет. Это говорит только о том, что экономика у нас больна практически неизлечимо. И утешает только одно – экономическая болезнь не может быть неизлечимой. К счастью, другие страны в той или иной степени переболели и все-таки выздоровели. У нас в стране самая извращенная и тяжелая форма этой болезни. Но я ни минуты не сомневаюсь, что наши люди обязательно справятся с этой напастью, только прошу прощения за банальности, нужно мужество и терпение. Всё это я сказала в интервью с Клаусом. Но он этот кусок выбросил, исходя из своей «печальной» концепции, когда главными «экспертами» становятся г-да эмигранты Биргер и Копелев. Они, безусловно, правы. Но мы, кто здесь живет и пытается хоть что-то сделать в меру своих слабых возможностей, тоже правы. И не надо нас хоронить раньше времени. На днях я беседовала с Левитанским, слушала, как он целый час проклинал свою страну. И я все время вспоминала, как он сказал 21 августа, что все кончено, путчисты победили. [...]

В его словах сквозила тайная удовлетворенность собственной «мудростью». Дело было утром, и я горячо убеждала его, что еще ничего не потеряно, и всё только начинается. Конечно, Белый дом могли бы взять, залив кровью и сам дом и всё вокруг. Но даже это ни в коем случае не означало бы «их» победу.

«Мой Ельцин», как ты говоришь, безусловно, имеет много недостатков, как любой живой человек, если он не мумия. Но я все-таки не вижу оснований для недоверия ему как лидеру. Во всяком случае, он все время пытается что-то делать положительное. А то, что не всегда и не сразу все получается за те полгода, что он у власти, то ни у кого другого вообще бы ничего не получилось.

Сейчас выпускаем набор открыток скульптур, приуроченных к открытию выставки в Новосибирске. Художественная галерея сама это дело финансирует. Лапин сделал очень красивый макет, а как все получится после типографии, посмотрим. Лапин предложил также, чтобы какая-то московская фирма сделала каталог для Бремена, утверждая, что это будет значительно дешевле. Я же считаю, что у вас все будет сделано лучше, а главное вовремя. В дешевизну я не верю. Это

только так говорится поначалу. Что вы думаете по этому поводу?

Звонил мне Сергей Иванович Чупринин. Он очень хвалил «Миф», называл его «совершенно замечательной рукописью». Только сказал, что она слишком большая. Он предлагает умеренно сократить ее, чтобы она уместилась в двух книжках журнала. Но потом он уже сейчас предлагает издать «Миф» полностью отдельно с иллюстрациями и чтобы, как я поняла, «Знамя» имело бы при этом какие-то преимущества. В общем, он уехал в командировку. После 8-го возвращается, и мы с ним встречаемся уже для конкретной работы.

На днях разговаривала с Громовой. Она сказала, что твоя антология, первая часть, находится на уровне верстки. Есть подтверждения для тиража в 5 тыс. экз. Насчет второй части пока еще некоторые неясности. Очень жаловалась на тяжелые издательские дела.

Митюшка уехал отдыхать на Клязьму. Бурихин пасется у них. Митюшка сказал, что ему сейчас выгоднее жить в Москве из-за колоссальной разницы в рублях и в марках. Митюшка решил через год после окончания школы поступать в МГУ на юридический факультет.

Кажется, я написала вам обо всех более или менее важных новостях. Крепко, крепко вас обнимаю. Огромный привет и наилучшие пожелания Марьяночке. [...]

Юля

Москва, 15 января 1992 г.

Дорогие Карлуша и Гизела!

В связи с тем, что сегодня мы встречаемся с г-ном Нойбертом, хочу передать с ним это письмо и несколько документов.

Вы прекрасно знаете, какая у нас в стране ситуация. Она очень плохая. «Мой Ельцин» чрезвычайно меня огорчает и даже возмущает. К счастью, на днях в Конституционном суде не прошла его «богатая», а главное «новая» со сталинских времен идея о слиянии МВД и КГБ в единую чудовищную карательную организацию. Вот теперь мы поглядим, насколько глава всех демократических сил справится с собственной огромной властью и доверием большинства (пока!) народа. Что же касается его саратовских излиятий и откровений по

поводу немцев Поволжья, то слушать все это было не только противно, но и стыдно. Раньше он свое имперское хамство сдерживал, а теперь, как говорится, разгулялся.

Я только вчера поняла, что выставку в Бремене практически организуешь ты, Карлуша: то есть, пишешь от их имени официальное письмо и сам делаешь макет каталога. Это меняет дело – то, что я писала о предложении Лапина, естественным образом отпадает. Еще одно обстоятельство надо учесть: люди, которые будут заниматься оформлением выставки для вывоза за рубеж, остались те же самые. Это те, кто не давал разрешения на вывоз твоего «наследства». Относятся они к нам чрезвычайно плохо, как и раньше. Они сейчас, хоть и колебались, но у власти остались. Мешать нам они обязательно будут. Недавно они попытались втянуть Мишу в свои интриги против Марты. Миша, конечно отказался. Чиновница Кирюшова из бывшего главка, не поленилась приехать в музей и уговаривала его уйти из-под власти Марты, чтобы непосредственно подчиняться главку, ныне комитету по культуре при Моссовете. Она аргументировала это тем, что все директора выставочных залов не ладят с зав. отделами культуры в своих районах. У нас, одних во всей Москве, по-другому.

Мы, конечно, все оформим, но строить препятствия они нам обязательно будут, поэтому на все нужно время. У нас же в связи с переменой власти бюрократия не только не уменьшилась, а в некоторых случаях даже увеличилась.

Интересно, что продал Блатов и за сколько? [...]

Вчера по радио сообщили, что наш музей сменил экспозицию и что 15 февраля состоится открытие «Памятника оставшимся без погребения», установленного в память погибшим в Афганистане воинам-москвичам.

При нынешней ужасающей экономической ситуации вообще удивительно, что наш музей кто-то еще посещает. Центральные концертные и выставочные залы жалуются, что к ним никто не ходит. Даже знаменитый зал им. Чайковского, где выступают всякие лауреаты, пустует. Как говорит наша бывшая смотрительница Надежда Васильевна: «Народ нынче весь в очередях стоит». Мы привели в порядок Димин фильм, и теперь думаем устроить просмотр в музее. Только хотим, чтобы немного упали морозы. Сегодня минус 20 градусов. [...]

Чупринин пока не звонил.

Можно было бы еще о многом написать. Но, к сожалению, нет времени.

Крепко, крепко вас всех обнимаю. Огромный привет Марьяночке!

Юля

9.2.1992

Дорогая Юля!

Наш вчерашний телефонный разговор нас очень огорчил. Правда, мы знаем о фашистских выступлениях у вас в последнее время, но когда слышишь о них так непосредственно, всё звучит совсем по-другому, чем если только читаешь о них и не можешь определить степень достоверности сообщаемого. Слава богу, что твое здоровье не вызвало то неважное чувство. Сегодня Герд Руге передал об этих двух демонстрациях в Москве за и против Ельцина. Картины угрожающие.

Юля, я тебе pošлю новое, официальное, приглашение. [...]

Выставку в Бремене мы целеустремленно подготавливаем. Теперь все твердо, хотя предоставили им только 30000 DM на все расходы. Насчет других мест, еще не известно, где можно провести выставки. Поэтому ожидать, что другие учреждения будут финансово поддерживать печатание каталога, нет основания. [...]

Привези Димино кино на видео, которое у тебя есть. Фольперт хочет его показать в Берлине. Я знаю, что версия, которую мы тебе послали, не оптимальная. Но в любом случае привези. Все заинтересованы в том, чтобы серьезно представить Сидура, его творчество, его мир. Поэтому не надо нигде по возможности никогда халтурить.

Юля, позвони Золотусскому (Игорь Петрович, 130-01-18) и скажи ему, что я получил его письмо. Я постараюсь его пригласить. Я ему еще напишу.

Из Берлина я обязательно тебе позвоню, чтобы узнать, когда ты приедешь в Берлин и где приземляются самолеты из Москвы. Держись, береги здоровье.

Крепко, крепко тебя обнимаем. Передай специальный привет Митюшке. Мы очень довольны, что он выбрал юридический факультет, как мы ему посоветовали. Я абсолютно уверен, что он со своей свежей головой отлично справится именно на этом факультете.

До встречи в Берлине!

Семейная могила в Переделкино. Фото: Э. Гладков

Прощание с Юлией Сидур, 2006. Фото: Л. Иванова

Эфрей Л. Нельский, Юлин брат, 2006. Фото: Л. Иванова

Петербургский скульптор Александр Позин, Галина Сидур (Мазий), 2006. Фото: Л. Иванова

Михаил и Дмитрий Сидур, 2006. Фото: Л. Иванова

Георгий Геннис, Давид Рифф, 2006. Фото: Л. Иванова

Георгий Геннис, Наталья Нольде

«НАМ ВДВОЕМ НИКОГДА НЕ БЫВАЕТ СКУЧНО...»*

Вместе они прожили четверть века. Он скончался в 1986-м, она ушла через 20 лет, которые посвятила прежде всего сохранению творческого наследия мастера, его памяти. Юлия Сидур и сама была человеком разносторонне одаренным. Ее талантливая проза увидела свет (пока еще далеко не в полном объеме) лишь в последнее время, хотя писать она начала вскоре после того, как судьба свела ее, совсем юную девушку, с фронтовиком Вадимом Сидуром.

В свои тридцать с небольшим он, вспоминала Юлия, производил впечатление зрелого, сложившегося человека. Позади были фронт, тяжелейшее ранение (он чудом остался жив), впереди – поиск своего пути в искусстве. И осознание того, что времени в запасе, скорее всего, немного. Впоследствии он признавался, что ему в жизни повезло, у него были крепкие тылы, а это не последнее дело для художника, человека, по его выражению, «одинокое вдвойне». Ибо он не только обречен оставаться, как и любой из нас, один на один с неразрешимыми вопросами бытия, но и постоянно ощущать тяжесть ответственности за воплощение данного ему дара.

Себя Юлия называла подмастерьем и в автобиографии скромно отметила: с 1972-го (в тот год она оставила преподавание) по 1986-й работала «неквалифицированным помощником собственного мужа». Имелась в виду работа в его подвальной мастерской, помощь в обработке скульптурных моделей, перетаскивании увесистых отливок и найденного на свалках металлолома, который также нередко становился исходным материалом. Все это Сидуру, инвалиду войны, вдобавок сердечнику со стажем (он и умер от третьего инфаркта), в одиночку было бы просто не под силу.

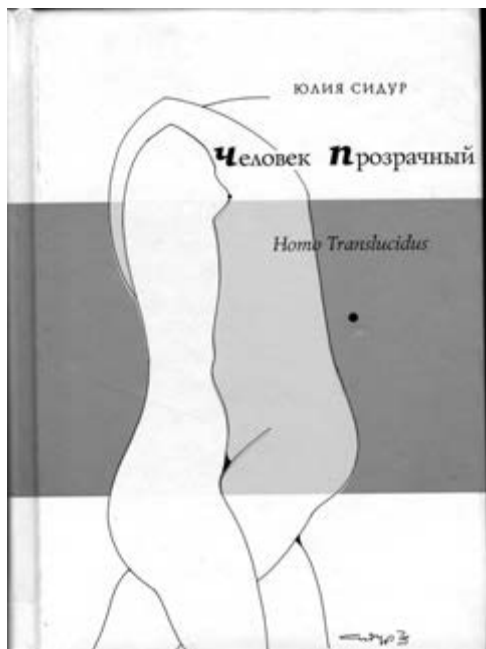
* Текст опубликован в «Новой газете» 7 сентября 2006 г. под названием «Она помогала дару».

Юлия Сидур. «Роза Террестриэл». М., 2003

Юлия Сидур. «Пришелец и пенсионерка». М., 2005

Юлия Сидур. «Человек прозрачный. Homo Translucidus». М., 2006

Сотни скульптур, тысячи графических листов, проза и стихи – он не знал простое. Работать так напряженно и с такой самоотдачей вряд ли было бы возможно, не будь рядом человека духовно близкого, способного оценить то, что большинству пока еще не очень понятно или вовсе не воспринимается как искусство.

«Нам с Юлей вдвоем никогда не бывает скучно», – сказал как-то Сидур, когда речь зашла о чем-то очередном «разбившемся о быт» браке. Они же продолжали быть интересны друг другу и после долгих лет супружества. Их любовь не иссякала, она питала творчество. Образ жены угадывается в многочисленных рисунках мастера, она – героиня его автобиографической прозы «Памятник современному состоянию. Миф», а также адресат стихов из книги «Самая счастливая осень».

Но остались и ее яркие свидетельства и той любви, и той эпохи. «Подвальная» жизнь непризнанного скульптора, события, которые происходили там, в глубине, под спудом унылого советского единообразия, нашли отражение в серии романов и повестей Юлии Сидур. Это, в частности, «Художник и старая учительница» и «Двое на черной лужайке», которые она считала наиболее удачными из относительно ранних своих вещей. Они пока не опубликованы. Напечатана (в середине 1990-х в журнале «Октябрь») повесть «Пастораль на грязной воде», где основные персонажи, действующие и в прежних произведениях, оказываются после смерти главного героя в новой ситуации радикальной общественной встряски.

К первым же литературным опытам относится повесть «Я – классный руководитель», которую Юлия Сидур предложила в 1965-м редакции журнала «Юность». Но там попросили отобразить роль комсомольской организации, с чем автор не справился, и потому его выход к читателю задержался на десятилетия. Повесть была написана на основе личных впечатлений молодой тогда учительницы.

Юлия Сидур преподавала французский в спецшколе № 18 на улице Достоевского. Непривычный для того времени дух свободомыслия, сильный учительский состав (прежде всего по гуманитарным дисциплинам) выгодно отличали эту школу от многих других, похожих скорее на казармы.

Педагогика была ее призванием в не меньшей степени, чем литература. От нее не раз приходилось слышать по поводу той или иной незадавшейся биографии: «Если бы этим человеком

заниматься с детства, то углы можно было бы сгладить...». И в самом деле, в профессии ей многое удавалось. Быть учителем, другом и доверительным советчиком. После того как она ушла из школы, у нее надолго сохранились теплые отношения со многими учениками. А некоторые, как авторы этих строк, потом «спустились» в подвал Сидура, позволявший забыть о гнетущей – сверху – серости.

Когда скульптора не стало, все дружеские обязательства взяла на себя Юлия. Она говорила: «Будь у меня много денег, я бы, конечно, издала альбом Сидура, ну и, разумеется, помогала бы друзьям». Что она и так при любой возможности делала.

В поздних своих вещах «Пришелец и пенсионерка», «Роза Террестриэл», «Человек прозрачный» (спасибо издательству «Время») Юлиа Сидур, кажется, попыталась соединить педагогику с литературой, не впадая при этом в назидательность. Все эти произведения, в которых автор сплавляет элементы фантастики (в то же время ее отчасти пародируя) с психологическим реализмом, очень свежим и достоверным, так вот, эти произведения в некотором смысле представляют собой «романы воспитания чувств». Особенно два последних, знаменующих новый этап в развитии Юлии Сидур-прозаика.

Она пытается вернуть понятиям «любовь», «дружба», «милосердие» их первоначальный смысл. Герои волей обстоятельств попадают в такие условия, что должны преодолевать себя, свое несовершенство либо ради любви (как в «Розе Террестриэл»), либо ради спасения других (как в «Человеке прозрачном»). Через надломы и надрывы они проходят нелегкий путь к эмоциональной и духовной зрелости. В «Человеке прозрачном» (книга поступила на прилавки магазинов за несколько месяцев до кончины Юлии Сидур) герой пишет в своем манифесте: «Человек прозрачный презирает человечество за войны, насилие и ненависть друг к другу. Но жалеет каждого отдельного человека и помогает ему из последних своих сил»...

В компьютере остались наброски нового романа. В архиве – еще не до конца приведенные в порядок дневниковые записи, хроника 60-х – начала 70-х годов: ценный исторический и человеческий документ ушедшей эпохи. Отпущенного срока не хватило, чтобы эту работу завершить...

ВЫРАЖЕНИЕ БЛАГОДАРНОСТИ

Наша благодарность Владимиру Воловникову, который подготовил письма, вошедшие в этот том, Андрею фон Кнооп, чья финансовая помощь сделала возможным настоящее издание, а также всем фотографам, предоставившим материалы из своих архивов.

Юлия Сидур умерла 13 августа 2006 года в своей берлинской квартире.

Приезд в Берлин, намеченный на ноябрь–декабрь 2005 года, она неоднократно откладывала – хотела завершить редактуру своей последней книги «Человек прозрачный. Homo translucidus» – и в результате приехала в Берлин лишь в конце января 2006-го. Вскоре после этого врачи диагностировали у неё довольно запущенный рак, избавиться от которого, как представлялось Юлии, еще можно было с помощью хирургической операции. Некоторое время после нее она чувствовала себя относительно неплохо и самостоятельно передвигалась, однако очень скоро самочувствие резко ухудшилось, и ей стало ясно, что положение безвыходно. Теперь она уже не могла вставать с постели... Принимала только самых близких друзей и получала из самых разных стран многочисленные письма со словами поддержки и сочувствия, по телефону ей звонили ее московские друзья. Облегчить состояние Юлии день и ночь помогали все те, кто входил, если можно так выразиться, в ее «расширенную семью», – друзья-врачи Рива и Володя Бродские, доктор Бауэр, профессор Харносс, доктор Перлова-Грифф, профессор Бломер, доктор Дагиг, Рената и Александр Аллардт, а также друзья и медсестры Аннетте Бок, Диана Кузмина, Роземари Штиль, Ангела Грубер, Катрин Бурке и Йоланта Гайдински. Всем им огромное спасибо за помощь и прежде всего – за теплую и очень человечную, наполненную состраданием и живым участием атмосферу, которой была окружена Юлия Сидур в последние месяцы и дни своей жизни. Она умерла со счастливым выражением на лице и сказанной по-немецки фразой на губах: «Interessante Erfahrung...»

Карл Аймермахер, Гизела Рифф-Аймермахер

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Аймермахер (Eimermacher) Карл (р. 1938) – славист, историк литературы, искусствовед, профессор. Познакомился с В. Сидуром и Юлией в октябре 1970 г. во время своего пребывания в Москве. Сыграл важную роль в том, что творчество В. Сидура стало известно на Западе. Организатор его многочисленных выставок, участник установки почти всех его скульптур в Германии, автор многих статей и книг о В. Сидуре, а также исследований по истории неофициального советского искусства. Основатель и первый директор Института русской и советской культуры им. Ю.М. Лотмана Рурского университета (г. Бохум). Кроме того, известен как яркий фотограф и художник-авангардист.

Аймермахер (Eimermacher) Катя (р. 1970) – младшая дочь Карла Аймермахера.

Алларт (Allardt) Александр (р. 1938) – дипломат, в описываемое время пресс-аташе посольства ФРГ в Москве. Позже сотрудник Федерального ведомства информации в Берлине.

Алларт (Allardt) Рената (р. 1954) – в описываемое время сотрудница посольства ФРГ в Москве.

Амлинский Андрей Владимирович (р. 1962) – журналист, поэт, рекламист.

Афанасьев Юрий Николаевич (р. 1934) – политик, историк, ректор московского Историко-архивного института (в 1986–1991), основатель и ректор РГГУ (1991–2003).

Бакши Александр Моисеевич (р. 1952) – композитор. Автор, в частности, «Сидур-мистерии» для сопрано, синтезатора и восьми ударных (1992).

Бастиян (Bastian) Герт (1923–1992) – участник Второй мировой войны, генерал-майор Бундесвера (в отставке с 1980 г.), депутат Бундестага от партии Зеленых (1983–1987), основатель европейской политической группы «Генералы за мир» (1981).

Беднарц (Bednarz) Клаус (р. 1942) – авторитетный немецкий журналист, телеведущий. Корреспондент государственных радио- и телевизионных

программ ARD и WDR в Москве в 1977–1982 гг. Автор нескольких книг и телефильмов об СССР и России, других странах. Автор, в частности, документального фильма *Mein Moskau* («Моя Москва», 1982), в котором есть сюжет о В. Сидуре.

Берлин Леонид Львович (1925–2001) – скульптор, живописец, график. Автор около двадцати установленных памятников, оформил четыре станции Московского метрополитена. В 1999 г. в Музее Вадима Сидура прошла персональная выставка Л.Л. Берлина «Железный мир».

Бёлль (Böll) Генрих (1917–1985) – прозаик, переводчик, лауреат Нобелевской премии по литературе 1972 года. Летом 1979 г. во время пребывания в Москве вместе с женой Аннамари, сыном Раймондом и женой сына Гайд посетил мастерскую В. Сидура.

Биргер Борис Георгиевич (1923–2001) – художник-нонконформист, участник Великой Отечественной войны, член МОССХ с 1954 г. (в 1968–1974 гг. исключен из союза), его произведения неоднократно подвергались официальной критике. С 1990 г. жил в ФРГ.

Бойс (Boys) Йозеф (1921–1986) – немецкий художник, один из главных теоретиков постмодернизма.

Брилинг Наталья (р. 1959) – окончила факультет истории и теории искусства исторического факультета МГУ (1987). В 1989–1994 гг. сотрудник Общества поощрения современного искусства «А-Я». Сотрудничала в журнале «Декоративное искусство СССР». Участвовала в подготовке и проведении ряда художественных выставок. Автор работ о неофициальном советском искусстве.

Бродский Владимир Ефимович (р. 1939) – хирург-травматолог, в описываемое время работал в 71-й московской городской больнице. Долгие годы дружил с В. Сидуром и Юлией.

Бродская Рива (Рита) Шмулевна (р. 1945) – врач-терапевт, жена В.Е. Бродского. С 1990 г. они живут и работают в ФРГ.

Бураковский Владимир Иванович (1922–1994) – кардиохирург, директор НИИ сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева (1966–1994), академик АМН СССР (1978). Герой Социалистического Труда (1982). Лауреат Ленинской (1976) и Государственной (1973) премий. Дружил с В. Сидуром еще с 1950-х гг.

Бурихин Игорь Николаевич (р. 1943) – художник, поэт и переводчик. С 1978 г. жил в Германии, затем снова в Москве.

Бэкстрём (Bäckström) Анника (р. 1927) – шведская славистка, литературовед, переводчица.

Бэкстрём (Bäckström) Ларс – шведский писатель, муж Анники Бэкстрём.

Ваксберг Аркадий Иосифович (1927–2011) – юрист, прозаик, сценарист, драматург, публицист.

Ваншенкин Константин Яковлевич (1925–2012) – поэт. Лауреат Государственной премии (1985). Друг Вадима и Юлии с 1950-х гг.

Васильев Константин Алексеевич (1942–1976) – живописец, график. Автор произведений на мифологические сюжеты, героические темы славянского, русского и скандинавского эпосов, о Великой Отечественной войне, а также портретов.

Велихов Евгений Павлович (р. 1935) – физик-теоретик. С 1961 г. сотрудник Института атомной энергии им. И.В. Курчатова, с 1988 г. его директор, с 1992 г. президент. Действительный член АН СССР (1974). Вице-президент АН СССР (РАН) в 1978–1996 гг. Лауреат Ленинской (1984) и Государственной (1977) премий. Герой Социалистического Труда (1985).

Витте (Witte) Георг (р. 1952) – германист и славист, специалист по русской литературе, переводчик. В описываемое время аспирант К. Аймермахера. В 1984–1985 гг. находился на стажировке в Москве. В 1987 г. стал доктором, а в 1992 г. – профессором. Автор, в частности, статей по неофициальному советскому искусству и литературе, составитель антологий (некоторые выполнены совместно с Сабиной Хенсен под общим псевдонимом Günter Hirt und Sascha Wonders).

Вознесенский Андрей Андреевич (1933–2010) – поэт, прозаик, художник.

Война Владимир – журналист. Работал в еженедельнике «За рубежом», издательстве «Мысль», журнале «США: экономика, политика, идеология». С 1991 г. постоянно проживает в США, печатается в российской и американской периодике.

Воловников Владимир Григорьевич (р. 1954) – историк, ученик В. Сидура и Юлии.

Галлай Марк Лазаревич (1914–1998) – летчик-испытатель, писатель. Участник Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза (1957). Друг Вадима и Юлии с 1950-х гг.

Геннис Георгий Гельмутович (р. 1954) – поэт, прозаик, переводчик, редактор, ученик В. Сидура и Юлии.

Геншер (Genscher) Ганс-Дитрих (р. 1927) – политический деятель, председатель СВДП (в 1974–1985), министр иностранных дел ФРГ (в 1974–1992).

Гинзбург Виталий Лазаревич (1916–2009) – физик-теоретик, действительный член (с 1966) АН СССР (РАН), сотрудник Физического института АН, иностранный член Лондонского Королевского общества и Академии наук США, лауреат Сталинской (1953) и Ленинской (1966) премий. Лауреат Нобелевской премии по физике 2003 года за решающий вклад в объяснение феномена сверхпроводимости. Народный депутат СССР (в 1989–1991). Подружившись с В. Сидуром (их знакомство состоялось в 1965 г.) и полюбив его произведения, В.Л. Гинзбург старался привести в его мастерскую и своих коллег-физиков. Именно он познакомил В. Сидура с американскими физиками из Батавии и ему принадлежала инициатива подарка советской Академией наук в Америку «Портрета Альберта Эйнштейна» в 1976 г.

Гинзбург (Ермакова) Нина Ивановна – физик-экспериментатор, жена В.Л. Гинзбурга.

Гладков Эдуард Николаевич (р. 1939) – профессиональный фотограф. Знакомство В. Сидура с Э. Гладковым состоялось в 1964 г. Автор, в частности, огромного количества фотографий произведений В. Сидура, а также его портретов. Эти снимки составляли основу почти всех каталогов В. Сидура. В 1998 г. выпустил в Москве фотоальбом «И создал Гроб-Арт».

Глазунов Илья Сергеевич (р. 1930) – живописец и график. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1973), Народный художник СССР (1980), академик АХ РФ (2000 г.), лауреат Государственной премии РФ (1997). Известен также крайне ортодоксальными, злобными высказываниями об авангардном искусстве.

Горбачев Михаил Сергеевич (р. 1931) – Генеральный секретарь ЦК КПСС (в 1985–1991), президент СССР (в 1990–1991), председатель Президиума Верховного Совета СССР (в 1988–1989)

Гребнева Нозми (Мима) Моисеевна (р. 1923) – художница, прозаик, автор, в частности, эссе «Язык скульптур Вадима Сидура» (1984 г.). Жена поэта и переводчика Наума Исаевича Гребнева (1921–1988).

Губенко Николай Николаевич (р. 1941) – актер театра и кино. В 1964–1968 гг. и с 1983 г. актер Театра на Таганке. В 1987–1989 гг. главный режиссер театра. С 1992 г. главный режиссер театра «Содружество актеров Таганки». В 1989–1991 гг. министр культуры СССР.

Демичев Петр Нилович (1918–2010) – партийный и государственный деятель. Член ЦК КПСС в 1961–1989 гг., секретарь ЦК в 1961–1974 гг., кандидат в члены Политбюро ЦК в 1964–1988 гг., министр культуры СССР в 1974–1986 гг., первый заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР в 1986–1988 гг. В описываемое время на посту секретаря ЦК КПСС курировал вопросы идеологии и культуры.

Денисов Эдисон Васильевич (1929–1996) – композитор.

Евтушенко Евгений Александрович (р. 1932) – поэт, публицист, сценарист, автор мемуаров. Был дружен с Н. Силисом, В. Лемпортом, В. Сидуром и Юлией в 1950-х – начале 1960-х гг.

Ельцин Борис Николаевич (1931–2007) – член ЦК КПСС (1981–1990), первый секретарь МГК КПСС (1985–1987), секретарь ЦК КПСС (1985–1990), кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС (1986–1988), президент РСФСР (с июля 1991), президент Российской Федерации (с декабря 1991 по декабрь 1999).

Жукова (Киртбая) Татьяна Ивановна (р. 1939) – давняя подруга Вадима и Юлии Сидур, актриса Театра на Таганке, позже ведущая актриса театра «Содружество актеров Таганки».

Зайцев Евгений Владимирович (р. 1925) – член КПСС с 1947 г. В начале карьеры находился на комсомольской работе, затем – на партийной. С 1963 г. инструктор Идеологического отдела ЦК КПСС. В 1964–1965 гг. зав. сектором школ в этом отделе. В 1965–1966 гг. зав. сектором Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР. В 1966–1967 гг. инструктор Отдела культуры ЦК. В 1967–1983 гг. первый заместитель министра культуры РСФСР. В 1983–1985 гг. заместитель министра культуры СССР. В 1985–1986 гг. первый заместитель министра культуры СССР. В 1986–1988 гг. первый зам. заведующего Отделом культуры ЦК КПСС.

Захаров Василий Георгиевич (р. 1934) – министр культуры СССР в 1986–1989 гг., заместитель председателя Совета Министров РСФСР в 1989–1990 гг.

Зверев Анатолий Тимофеевич (1931–1986) – живописец и график.

Зигль (Siegl) Эльфи (р. 1947) – журналистка. С 1981 г. в качестве корреспондента западноберлинской радиостанции RIAS и нескольких газет работала в Москве. С 1992 г. по начало 2000-х гг. корреспондент газеты FAZ («Франкфуртер Альгемайне цайтунг») в Москве.

Иванов Вячеслав Всеволодович (домашнее имя *Кома*, р. 1929) – филолог, теоретик искусства, историк культуры, семиотик, профессор МГУ, в настоящее время преподает в Стэнфордском университете в США.

Икрамов Камил Акмалевич (1927–1989) – писатель, сценарист. Друг Вадима и Юлии с 1950-х гг.

Искандер Фазиль Абдулович (р. 1929) – прозаик, поэт, сценарист.

Кабакوف Илья Иосифович (р. 1933) – художник, график, сценограф, книжный иллюстратор. Член Московского объединенного комитета проф-

союза художников-графиков. С 1988 г. живет и работает в США. Личное знакомство В. Сидура и И. Кабакова состоялось в 1985 г. Они с удовольствием побывали тогда друг у друга в мастерских (В. Сидур чужие мастерские посещал крайне редко). 20 апреля 1986 г., в самый канун «перестройки» и незадолго до смерти В. Сидура, оба они оказались персонажами погромной статьи о современном искусстве, помещенной в «Московской правде»: А. Степанов. «Путешествие от “А” до “Я”. От неофициального искусства к проповеди антисоветчины».

Кастль (Kastl) Йорг (р. 1922) – дипломат. Посол ФРГ в Москве в 1983–1986 гг. Ранее занимал высокие посты в западногерманских посольствах в Асунсьоне, Бразилиа, Буэнос-Айресе, Вашингтоне, Париже и т. д., а также был пресс-аташе МИД, референтом по делам Восточной Европы МИД ФРГ, заместителем генерального секретаря НАТО по политическим вопросам и т. п.

Келлерман Владимир Романович (1930–2001) – врач, хирург-травматолог, работал в 71-й городской клинической больнице Москвы. Друг и коллега В.Е. Бродского, познакомившего его с Юлией.

Келли (Kelly) Петра (1947–1992) – политический деятель, пацифистка, одна из основателей и сопредседателей партии Зеленых (в 1979), депутат Бундестага (с 1983).

Кепплер (Kerpler) Уте (р. 1961) – в описываемое время студентка, находившаяся на стажировке в Институте русского языка им. А.С. Пушкина в Москве.

Кепплер (Kerpler) Эрхард (1930–2010) – западногерманский профессор, занимается проблемами геофизики Земли и земной атмосферы в Институте им. Макса Планка в г. Линдау (Гессен). Неоднократно, участвуя в совместных научных проектах с советскими учеными, приезжал в Москву и всегда посещал мастерскую В. Сидура. Отец Уте Кепплер.

Киселев Олег Григорьевич (р. 1944) – актер и режиссер, друг и ученик В. Сидура (впервые оказался в его мастерской в 1964 г., приехав в Москву из Новосибирска). В 1960-х – начале 1970-х гг. актер Театра на Таганке. Одно время занимался на Высших режиссерских курсах ВГИКа у Р.А. Быкова, но диплом не получил. Затем работал бригадиром могильщиков на Ваганьковском кладбище в Москве. В начале 1980-х гг. организовал небольшую театр-студию пантомимы – Театр пластической импровизации, где стал руководителем, режиссером, а также играл сам. Выступления этого театра имели большой успех и были отмечены Первой премией на Всесоюзном конкурсе в 1987 г. (Об этом театре говорится в настоящей переписке). С 1989 г. жил в Монреале, где успешно вел свою студию, ставил спектакли. В августе 2003 г. принял участие в Единбургском театральном фестивале с постановкой «Елизаветы Бам»

Д. Хармса. В последнее время живет в Торонто. Работает над документальным фильмом о В. Сидуре.

фон Кнооп (von Knoop) Андрея (урожд. Херманн, р. 1946) – изучала славистику, историю и экономику в университетах Кёльна и Вены (докторская степень в 1973 г.). В течение многих лет работала в Москве, представляя ряд крупных западногерманских банков (Дойче банк, Дрезднер банк, Коммерц банк). С 1993 г. по 2007 г. уполномоченный представитель Объединения торгово-промышленных палат Германии в Российской Федерации. Одновременно в 1995–2007 гг. председатель правления Союза немецкой экономики в Российской Федерации, ныне его почетный президент.

Копелев Лев Зиновьевич (1912–1997) – ученый-германист, литератор, переводчик, общественный деятель. С 1980 г. жил и работал в ФРГ. Давний друг Вадима и Юлии.

Крелин (Крейндлин) Юлий Зусманович (1929–2006) – хирург, писатель. Работал в московской городской 71-й больнице. Друг и коллега В.Е. Бродского. Член СП СССР (с 1969).

Кристианс (Christians) Фридрих Вильгельм (1922–2004) – юрист, крупный финансовый деятель. В 1976–1987 гг. председатель правления *Deutsche Bank*.

Кузнецов Феликс Феодосьевич (р. 1931) – литературный критик, литературовед. В 1977–1987 гг. первый секретарь МОСП. В 1987–2005 гг. директор ИМЛИ АН СССР (РАН). Член-кор. АН СССР (1987).

Кухинке (Kuchinke) Норберт (1940–2013) – в конце 1970-х–начале 1980-х гг. корреспондент в Москве еженедельника *Spiegel*, затем *Stern*. Во время пребывания в Советском Союзе охотно и много посещал мастерские художников, вообще знакомился с деятелями искусства, например – кино (даже снялся в 1979 г. в роли иностранца в популярном фильме Г. Данелия «Осенний марафон»). Увлёкся изучением и собирательством икон, поездками по монастырям и т. п. Автор нескольких книг (изданных в 1990-е гг.) и телевизионного фильма о русском православии (SDR, 1987).

Лалин Александр Иосифович (1945–2012) – профессиональный фотограф. Много снимал в мастерской В. Сидура в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Левитанский Юрий Давыдович (1922–1996) – поэт, переводчик. Фронтвик. Давний близкий друг В. Сидура. В 1970 г. в издательстве «Советский писатель» вышел один из лучших сборников стихотворений Ю. Левитанского «Кинематограф», который иллюстрировал В. Сидур.

фон Лёнейзен (von Lohneysen) Ильва (р. 1970) – в описываемое время студентка, проходившая стажировку в Москве.

Лемпорт Владимир Сергеевич (1922–2001) – скульптор, график, участник Великой Отечественной войны, член МОССХ с 1956 г. Товарищ В. Сидура по Московскому высшему художественно-промышленному училищу (МВХПУ, быв. Строгановское). По окончании училища в 1953 г. В. Сидур и В. Лемпорт образовали творческий коллектив, в который чуть позже В. Сидур позвал и Н. Силиса, они продолжали несколько лет работать вместе, свой коллектив они назвали «ЛеСС» («ЛеСиС»). В 1961 г. совместное творчество прекратилось.

Лигачев Егор Кузьмич (р. 1920) – ортодоксальный деятель КПСС, один из её идеологов. Член ЦК КПСС в 1976–1990 гг., секретарь ЦК в 1983–1990 гг., член Политбюро ЦК в 1985–1990 гг. Курировал художественную литературу.

Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906–1999) – филолог, литературовед, историк литературы, действительный член АН СССР (с 1970), председатель правления Советского фонда культуры (1986–1993). Герой Социалистического Труда (1986), лауреат Сталинской (1952) и Государственной (1969) премий.

Любимов Юрий Петрович (р. 1917) – актер театра и кино, режиссер-новатор, театральный педагог, основатель (в 1964) и руководитель (до 2011) московского Театра на Таганке.

Людвиг (Ludwig) Петер (1925–1996) – известный в Германии фабрикант шоколада, крупный коллекционер произведений искусства и меценат. В 1976 г. подарил г. Кёльну значительную часть своей коллекции, которая с тех пор находится в музее его имени.

Ляховецкий Марк (1941–2010) – кинорежиссер. Создатель студии «Мир» (в 1991). Автор более 50 документальных и научно-популярных фильмов.

фон Майдель (von Maydell) Рената (р. 1965) – славистка, переводчица, в описываемое время студентка, проходившая стажировку в Институте русского языка им. А.С. Пушкина в Москве.

Майер-Ландрут (Meyer-Landruth) Андреас (р. 1929) – дипломат, в 1970–1980 гг. возглавлял в МИД отдел, занимающийся отношениями с СССР и социалистическими странами. Посол ФРГ в СССР в 1980–1983 и 1987–1989 гг. В 1983–1987 гг. статс-секретарь МИД в Бонне. В 1994 г. глава Ведомства федерального президента. Затем по 2000 г. глава представительства концерна Daimler Benz AG в Москве.

Марголина Ирина Рафаиловна (р. 1953) – киносценарист, кинорежиссер. Жена М.П. Ляховецкого.

Маркин Юрий Петрович – доктор искусствоведения, историк искусства, специализирующийся на изучении новейшего изобразительного искусства Германии. Сотрудник НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской АХ. Автор монографий «Эрнст Барлах. Пластические произведения» (М., 1976), «Вильгельм Лембрук. Скульптура, графика, живопись, поэзия» (совместно с Ю.В. Бушевой. М., 1987), «Искусство Третьего рейха» (М., 2012) и др. В конце 1980-х гг. уделил в своих исследованиях внимание творчеству В. Сидура.

ван Метерен (van Meeteren) Удо (р. 1926) – меценат, постоянно и щедро покровительствующий науке и искусству в Германии, основатель в 1980 г. для этих целей своего специального фонда – Stiftung van Meeteren (ежегодно выделяющего ученым и художникам 600 тыс. евро).

Мигдал Аркадий Бенедиктович (1911–1991) – физик-теоретик, действительный член АН СССР (1966 г.). Друг Вадима и Юлии в 1950-х – 1960-х гг.

Мориц Юнна Петровна (р. 1937) – поэтесса, публицист, давняя подруга Вадима и Юлии Сидур. Автор, в частности, стихотворения «Мастерская», посвященного В. Сидуру (1964). Одной из первых написала о В. Сидуре в широкой прессе на родине (статья «Взывающий» в журнале Огонёк, 1987 г., речь о ней идет в переписке). Эта статья была переведена также для советских журналов, выходящих на немецком, норвежском, французском и шведском языках. По инициативе Ю.П. Мориц была организована первая официальная персональная выставка В. Сидура в Москве – в Советском Комитете защиты мира в мае 1987 г.

Мур (Moore) Генри (1898–1986) – британский художник и скульптор, автор монументальных фигуративных скульптур.

Муравьев Владимир Пантелеймонович (1924–2006) – живописец, график, книжный иллюстратор. Член МОСХ (с 1973).

Неизвестный Эрнст Иосифович (р. 1925) – скульптор, график, книжный иллюстратор, участник Великой Отечественной войны, член МОССХ (с 1955). В 1976–1989 гг. жил в эмиграции в Швейцарии и США, затем снова в Москве. Давний знакомый Вадима и Юлии, одно время их сосед по квартире в 1950-х – начале 1960-х гг.

Никонов Павел Федорович (р. 1930) – живописец, график. Действительный член АХ, член Президиума АХ. Народный художник РФ (1994). Активист МОССХ.

Нольде Наталья Львовна (р. 1953) – художник, полиграфист, преподаватель, ученица Юлии и В. Сидура, автор работ о его творчестве.

Окуджава Булат Шалвович (1924–1997) – поэт, прозаик, сценарист, бард. Друг Вадима и Юлии с 1950-х гг.

Орехов Юрий Григорьевич (1927–2001) – скульптор. Товарищ В. Сидура по Московскому высшему художественно-промышленному училищу (МВХПУ, быв. Строгановское). Действительный член АХ (1995). Лауреат Ленинской (1984) и Государственной (1982) премий. Народный художник РСФСР (1988). Активист МОССХ.

Орлова Раиса Давыдовна (1918–1989) – писательница, литературовед, правозащитница, жена Л.З. Копелева, вместе с ним с 1980 г. жила в ФРГ.

Пекарский Марк Ильич (р. 1940) – музыкант, педагог, организатор оркестра ударных инструментов (в 1976 г.). Исполнитель, среди прочего, «Сидур-мистерии» композитора А. Бакши.

Пешлер (Peschler) Эрик (1922–2005) – писатель, драматург, журналист, редактор. В начале 1960-х гг. пять лет прожил в Москве. Написал об этом времени книгу *Privat in Moskau. Begegnungen mit Kunst und Künstlern* (Дюссельдорф–Вена, 1966). В 1970-х гг. корреспондент Швейцарского телевидения в Москве. В 1988 г. опубликовал в Берне еще одну книгу о московских художниках: *Künstler in Moskau, die neue Avantgarde*, в которой одна из глав посвящена В. Сидуру и даны фотографии его мастерской и произведений.

Позин Александр Владиславович (р. 1957) – скульптор, живет и работает в Санкт-Петербурге.

Ринзер (Rinser) Луизе (1911–2002) – писательница, педагог. До 1939 г. работала учительницей в баварской школе, в 1944 г. по доносу была арестована Гестапо. После войны занялась литературской деятельностью – автор тринадцати романов, огромного числа рассказов для детей и взрослых, статей, автобиографических сочинений, лауреат многих литературных премий

Рифф (Riff) Давид (р. 1975) – искусствовед, художник, сын Гизелы Рифф-Аймермахер.

Рифф-Аймермахер (Riff-Eimermacher) Гизела (р. 1944) – славистка, богемистка, писательница, жена Карла Аймермахера.

Савостюк Олег Михайлович (р. 1927) – художник-плакатист, Народный художник РСФСР (1980), действительный член Российской АХ, профессор Государственного академического художественного института им. В.И. Сурикова (с 1982). Активист МОССХ.

Сагдеев Рюальд Зиннурович (р. 1932) – физик, действительный член АН СССР (1968). С 1973 г. директор Института космических исследований АН СССР. Член Международной академии астронавтики (1978). Лауреат Ленинской премии (1986).

Сапгир Генрих Вениаминович (1928–1999) – поэт-шестидесятник, давний знакомый В. Сидура и Юлии. В 1950-х–1960-х гг. он часто бывал в мастерской и, будучи незаурядным артистом и чтецом, с удовольствием и помногу читал свои стихи. О В. Сидуре он в 1997 г. писал так: «Вадим Сидур всегда для меня был, прежде всего, скульптором – художником необычайной силы и мысли с отсветом гениальности. Много раз я спускался в его подвал и созерцал там рождение глиняных женщин и чугунных пророков. Оказывается, Вадим Сидур писал еще стихи и прозу. Об этом я узнал только после его смерти. Это был человек Возрождения и – настоящий поэт».

Сахаров Андрей Дмитриевич (1921–1989) – физик, действительный член АН СССР (1953 г.), лауреат Ленинской (1956) и Сталинской (1953) премий, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Нобелевской премии мира 1975 года. С конца 1960-х гг. один из лидеров правозащитного движения в СССР.

Сидур (Мазий) Галина Артемьевна (1956–2009) – жена Михаила Сидура.

Сидур Дмитрий Вадимович (р. 1975) – адвокат, сын Вадима Сидура.

Сидур Лев Михайлович (р. 1979) – сын Михаила Сидура.

Сидур Михаил Вадимович (1955–2010) – переводчик, искусствовед. Организатор и директор Московского государственного музея Вадима Сидура. Сын В.А. Сидура. Автор монографии о его жизни и творчестве.

Силис Николай Андреевич (р. 1928) – скульптор, график, член МОССХ с 1956 г. Товарищ В. Сидура по Московскому высшему художественно-промышленному училищу (МВХПУ, быв. Строгановское). Н. Силис был с В. Сидуром в одной группе. По окончании училища в 1953 г. В. Сидур и В. Лемпорт образовали творческий коллектив, в который чуть позже В. Сидур позвал и Н. Силиса, они продолжали несколько лет работать вместе, свой коллектив они назвали «ЛеСС» («ЛеСиС»). В 1961 г. совместное творчество прекратилось.

Скэмелл (Scammell) Майкл (р. 1935) – английский литературовед, переводчик и журналист. Автор, в частности, тысячестраничной монографии об А.И. Солженицыне (Solzhenitsyn: A Biography. New York, 1984). Среди своих московских знакомых имел прозвище Миша Скамейкин. Главный герой разносной статьи И. Юрченко в «Советской России» 12 января 1974 г. «Миша Скамейкин из Лондона», в которой, среди прочего, шла речь и о В. Сидуре.

Слепышев Анатолий Степанович (р. 1932) – живописец, график. Член МОССХ (с 1967). Заслуженный художник Российской Федерации (2000), член-корр. Российской АХ (2001).

Смехов Вениамин Борисович (р. 1940) – актер театра и кино, режиссер, сценарист, поэт, прозаик, автор книг о театре и воспоминаний. С 1965 г. играл в Театре на Таганке, из которого ушел в 1983 г. после отъезда Ю.П. Любимова. С Вадимом и Юлией дружил с 1968 г. В документальном фильме С. Стародубцева (режиссер) и О. Фокиной (автор сценария) о В. Сидуре «Автопортрет в гробу, в кандалах и с саксофоном» (1991) читал текст за кадром. В своей книге «Театр моей памяти» (М., 2001) посвятил В. Сидуру отдельную главу.

Соколова Татьяна Михайловна (р. 1930) – график, скульптор. В 1953 г. окончила МВХПУ (быв. Строгановское училище), где вместе с В. Сидуром училась в мастерской Г.И. Мотовилова, а также у С.Л. Рабиновича. Член МОССХ (с 1954). Заслуженный художник РСФСР (1980). Действительный член Российской АХ (1999).

Стародубцев Сергей Митрофанович (1946–1993) – режиссер-кинодокументалист. В 1971–1991 гг. режиссер Ростовской-на-Дону студии кинохроники. Руководил ТО «Зеркало».

Стил (Steele) Джонатан (р. 1931) – журналист и публицист. Заместитель редактора отдела международной информации газеты The Guardian. В 1988–1994 гг. шеф московского бюро газеты.

Талочкин Леонид Прохорович (1936–2002) – коллекционер современного искусства. В декабре 1990 г. в Третьяковской галерее, а затем в Русском музее состоялась выставка «Другое искусство», одним из организаторов которой был Л.П. Талочкин. Он же был одним из составителей двухтомного каталога этой выставки. В 2002 г. его собрание стало основой музея «Другое искусство» при РГГУ.

Тамойко Юрий Владимирович (р. 1946) – искусствовед. Куратор ряда художественных выставок, автор работ по современному искусству.

Фокина Олеся Юрьевна (р. 1954) – режиссер. В 1978–1987 гг. работала корреспондентом молодежной редакции ЦТ, автор и соведущая программы «12-й этаж». С 1990 г. работает в документальном кино.

Харитонов Марк Сергеевич (р. 1937) – прозаик, поэт и переводчик. Работал в школе, газете, издательстве. С 1969 г. – профессиональный литератор. Лауреат первой в России Букеровской премии (1992). В каталоге бохумской выставки В. Сидура (1984) опубликован по-немецки его очерк «Наблюдая работы Вадима Сидура». В 1987 г. написал одно из лучших эссе о В. Сидуре «Заложник времени», помещенное в его сбор-

нике «Способ существования. Эссе». М., 1998. (Ранее напечатано в 1991 г. в № 3 журнала «Нева» под названием «Вернусь с того света», а также по-немецки в каталоге бременской выставки 1992 г.).

Шабушкина Марта Васильевна (р. 1933) – в описываемое время заведующая отделом культуры Перовского райисполкома Москвы.

Шеварднадзе Эдуард Амвросиевич (р. 1928) – партийный и государственный деятель. В описываемое время член ЦК КПСС (1976–1991), член Политбюро ЦК КПСС (1985–1990), министр иностранных дел СССР (1985–1990 и ноябрь–декабрь 1991).

Шенк (Schenk) Дорис (р. 1937) – в описываемое время советник по науке посольства ФРГ в Москве. Позже референт Восточно-европейского отдела Немецкого научно-исследовательского общества (DFG). Много сделала для развития культурных и научных связей между ФРГ и Россией.

Шмурло (Szmurlo) Збигнев Томаш – искусствовед, организатор выставки гравюр и графики В. Сидура, а также фотографий Э. Гладкова в галерее Uni-art в Эльблонге (Польша). Автор двух статей о В. Сидуре: *W pracowni rze biazar* в гданьском *Dzinnik Baltycki* (8.01.1986) и *Vadim Sidur* в журнале *Galeria El* (1986, № 11/12). Его магистерская работа, защищенная и изданная в Гданьске (1988), также была посвящена творчеству В. Сидура.

Шнитке Альфред Гарриевич (1934–1998) – композитор.

Шпильман (Spielmann) Петер (р. 1932) – искусствовед, чешский эмигрант, директор Бохумского музея в 1972–1997 гг. В 1985–2002 гг. в музее работало научное общество по культуре Восточной Европы «Восток-Запад», одними из членов-учредителей которого являлись П. Шпильман и К. Аймермахер.

Шрамайер (Schrameyer) Клаус (р. 1934) – дипломат. В 1985–1988 гг. атташе по культуре посольства ФРГ в Москве. В 1990–1996 гг. постоянный представитель ФРГ в Болгарии (София). В 1996–1999 гг. посол ФРГ в Македонии (Скопье).

Шульц (Schulz) Марьяна – мать Гизелы Рифф-Аймермахер, теща Карла Аймермахера.

Эфрос Анатолий (Натан) Васильевич (1925–1987) – театральный режиссер. В 1954–1963 гг. режиссер-постановщик московского Центрального детского театра, в 1963–1967 гг. – Театра им. Ленинского комсомола, в 1967–1984 гг. – Театра на Малой Бронной, в 1984–1987 гг. – Театра на Таганке.

Яковлев Александр Николаевич (1923–2005) – политический и общественный деятель, один из главных идеологов перестройки. Участник Великой Отечественной войны. Член и секретарь ЦК КПСС (1986–1990), член Политбюро ЦК КПСС (1987–1990).

Яковлев Егор Владимирович (1930–2005) – журналист. С 1986 г. заместитель председателя правления АПН и главный редактор газеты «Московские новости». В 1991–1992 гг. председатель Всесоюзной телерадиокомпании (ВТРК), в 1993–2002 гг. издатель «Общей газеты».

Янкилевский Владимир Борисович (р. 1938) – живописец, график, книжный иллюстратор, автор ассамбляжей.

Яспер (Jasper) Беате (р. 1965) – славистка, переводчица, преподаватель, в описываемое время студентка, проходившая стажировку в Москве.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Абаджич Нияз – 28, 333, 369, 403
Абалакова Н. – 375, 379, 404
Айбазов О. – 224, 236, 257, 307, 313,
317, 342–346, 360
Айги Г.Н. – 428
Аймермахер Бэрбель – 95
Аймермахер Катя – 19, 95, 281, 436,
443, 448, 449, 453–455, 457, 464
Аксенова Г.Г. – 359, 404, 422
Алексеева Л.А. – 188
Алиев Г. – 106
Аллардт Александр – 27, 33, 110, 130,
146, 168, 234, 243, 246, 272, 306,
318, 360, 412, 413, 474, 487, 488
Аллардт Ренате – 8, 27, 130, 138, 146,
234, 243, 246, 257, 273, 305, 306,
318, 336, 337, 339, 360, 364, 369,
411–414, 416, 421, 474, 487, 488
Алпатовая И. – 447, 453, 456, 460, 461,
463
Амлинский А.В. – 305, 308, 319, 342,
346, 358, 488
Андреева Н.А. – 285
Андронов Н.И. – 205
Аникушин М.К. – 356, 357, 360,
Антипов Ф.Н. – 142
Антонова И.А. – 212, 311, 312
Арлаускас А.И. – 276, 322, 335
Асламазов Л. – 88, 134, 156, 192, 202
Астафьев В.П. – 98, 99, 143, 197
Аугштайн Рудольф – 396
Афанасьев Ю.Н. – 197, 283, 327, 416,
488
Ахмадулина Б.А. – 266

Б

- Бажанов Л.А. – 171, 176, 264
Бакланов Г.Я. – 283, 316
Бакши А.М. – 426, 430, 435, 441, 448,
463, 466–468, 488

- Бакши Л. – 441, 448
Бакштейн И. – 388
Бар Эгон – 218
Барабаш Ю.Я. – 132
Барнет А. – 220
Бастиян Герг – 111, 113, 122, 125,
135, 138, 142, 144, 147–150, 154,
158, 159, 161, 162, 187, 214, 222,
228, 243, 258, 277, 279, 324, 374,
391, 471, 488
Бауэр Петер – 66, 77, 89, 94, 102, 119,
430, 487
Бахнов В.Е. – 216
Беднарц Клаус – 27, 28, 31, 60, 62, 63,
66, 77, 89, 95, 110, 114, 118, 119,
123, 126, 184, 191, 194, 236, 243,
249, 259, 269, 270, 274, 276, 281,
369, 388, 474, 475, 488
Белая Г.А. – 455, 464, 469
Беликов О.В. – 252, 253, 257, 260,
291, 294, 298, 338, 342
Бёлль Генрих – 57, 58
Белов В.И. – 99, 167, 190, 197, 241,
396
Бельде Клаус – 303, 334
Беляев А.А. – 132
Берлин Л.Л. – 39–42, 48, 54, 68, 74,
77, 85, 99, 157, 179, 230, 314, 316,
386, 402
Бернштейн И.А. – 279, 364
Биргер Б.Г. – 58, 119, 172, 204, 218,
231, 258, 475, 489
Блатов М. – 429, 432, 433, 435, 437,
462, 477
Богатырь С. – 157
Бойко А. – 104, 107, 121
Бойс Йозеф – 148, 176, 179
Болдин В.И. – 132
Бондарев Ю.В. – 197, 241, 396
Боровик Г.А. – 212, 213, 239, 277,
295, 298
Бочан А. – 140
Брансон Луиза – 87

Брассанс Жорж – 445, 462
 Брах Вернер – 280
 Брацун Н.И. – 50, 51
 Бредли Том – 372, 374, 383
 Брежнев Л.И. – 160, 205, 241, 242
 Бреус Т. – 88, 92, 139, 156, 202, 327, 331, 408, 435
 Брилинг Н. – 163, 169–172, 178, 215, 221, 223, 231, 234, 251, 264, 267, 272, 273, 275, 277, 280, 489
 Бриль И.М. – 68, 83
 Бродская Р.Ш. – 24, 43, 132, 148, 149, 199, 224, 228, 270, 274, 277, 282, 284, 306, 310, – 318, 319, 329, 331, 334, 338, 341, 360, 366, 375, 377, 379, 385, 386, 389, 396, 403, 408, 411, 412, 414, 418, 421, 425–427, 429, 431, 432, 436, 447, 470, 487, 489
 Бродский В.Е. – 19, 22, 24, 43, 57, 81, 98, 104, 120, 132, 133, 142, 148, 149, 156, 177, 192, 194, 202, 212, 219, 224, 228, 258, 264, 270, 274, 277, 282, 284, 306, 307, 313, 318, 319, 329, 331, 334, 337, 338, 341, 346, 360, 366, 375, 377, 379, 383, 385, 386, 389, 390, 392, 396, 403, 408, 411, 412, 414, 418, 421, 425, 427, 429, 431, 432, 436, 447, 470, 487, 489
 Бродский И.А. – 240, 284
 Брусиловский А. – 83, 135
 Брускин Г. – 157, 270
 Буковский В.К. – 265
 Булатов Э.В. – 220, 296, 303
 Бураковский В.И. – 13, 56, 65, 259, 409, 410, 489
 Бурихин И.Н. – 58, 382, 387, 403, 407, 411, 441, 451, 476, 489
 Бурлацкий Ф.М. – 272
 Бэкстрём Анника – 27, 31, 34, 36, 71, 89, 94, 137, 139, 152, 158, 164, 240, 277, 284, 296, 332, 333, 378, 384, 386, 393–395, 404, 419, 428, 437, 489
 Бэкстрём Ларс – 27, 31, 36, 82, 89, 138, 332, 377, 378, 393, 395, 404, 428, 489
 Бютнер Готфрид – 27, 67, 123, 135, 138

В

Вайль К. – 214
 Ваксберг А.И. – 144, 210–213, 490

Вальраф Гюнтер – 149, 158
 Ваншенкин К.Я. – 63, 65, 490
 Варгафтик Е. – 58, 284, 383
 Васильев А.А. – 243, 283
 Васильев К.А. – 288–290, 292, 332, 353, 490
 Вашик Клаус – 129, 131, 384, 425, 434, 442, 443, 448, 451, 452
 Вейсберг В.Г. – 69, 78, 150, 171, 172
 Велихов Е.П. – 13, 62, 63, 65, 68, 132, 135, 144, 259, 263, 272, 349, 490
 Вик Ханс-Георг – 33, 36, 38
 Викторов В.Л. – 191, 192
 Вильдеоман Ю. – 389
 Винкельман Хорст – 416, 423, 424
 Витте Георг 129, 268, 491
 Вознесенский А.А. – 135, 197, 259, 266
 Война В. – 174, 179, 188, 199, 210, 222, 224, 304, 349, 491
 Войнович В.Н. – 119, 313, 324, 379, 380, 382
 Волков С. – 103
 Воловников В.Г. – 16, 19, 21, 43, 53, 57, 58, 75, 90, 91, 99, 101, 102, 121, 125, 133, 177, 192, 194, 199, 202, 212, 219, 240, 270, 297, 313, 307, 327, 331, 333, 346, 360, 376, 388, 408, 411, 425, 426, 434, 448, 449, 457, 487, 490
 Воловникова Л.Г. – 43
 Высоцкий В.С. – 107, 266
 Вьян Борис – 177, 178

Г

Галлай М.Л. – 63, 65
 Гельштейн Г.Г. – 42, 56
 Геннис Г.Г. – 19, 32, 37, 43, 46, 53, 57, 58, 60, 64, 74, 75, 86, 87, 91, 92, 94, 95, 99, 101, 102, 106, 111, 114, 120, 121, 125, 127, 132, 133, 147, 149, 152, 153, 156, 158, 163, 164, 168, 173, 177, 189, 192, 194, 199, 200, 202, 212, 219, 221, 224, 227, 230, 233, 236, 240, 241, 248, 254, 257, 276, 281, 297, 298, 307, 313, 317, 326, 327, 333, 334, 337, 346, 360, 364, 365, 369, 370, 375–377, 382, 388, 391, 392, 395, 406, 411, 422, 427, 433–435, 441, 444, 447, 449, 456, 457, 483, 491

Геннис И.Н. – 433, 435, 441, 457, 465

Геннис С.Г. – 430, 435, 447, 456

Геншер Ганс-Дитрих – 26

Гинзбург В.Л. – 13, 43, 62, 63, 68, 93,
126, 141, 143, 144, 150, 151, 156,
172, 173, 185, 188, 191, 199, 205,
206, 209, 213, 215, 218, 253, 254,
259, 260, 272, 304, 378, 408, 433,
491

Гинзбург Н.И. – 62, 65, 150, 178, 203,
205, 206, 248, 260, 378, 491

Гладков Э.Н. – 19, 49, 58, 90, 95, 106,
130, 145, 187, 189, 203, 213, 219,
220, 248, 265, 294, 309, 316, 320,
371–373, 388, 420, 423, 430, 434,
445, 460, 491

Глазунов И.С. – 41, 49, 205, 288, 332,
348, 353

Голомшток И.Н. – 31

Горбачев М.С. – 12, 13, 56, 106, 121,
123, 129, 130, 132, 135, 139, 142,
144, 146, 150, 153, 160, 161, 167,
183, 185–187, 189, 197, 203, 205,
210, 218, 239, 263, 275, 277, 278,
287, 294, 294, 295, 301, 306, 317,
332, 344, 346, 368, 386, 389, 390,
394, 409, 412, 427, 440, 453, 464,
491

Горбачева Р.М. – 119, 143, 266, 462

Гребнев А.Б. – 265

Гребнев Н.И. – 264

Гребнева Н.М. – 264, 296, 336, 491

Григорьев А.С. – 68, 108, 209, 378

Гробман М.Я. – 325

Гроза Е. – 120, 371

Громько А.А. – 230, 257, 298, 321,
324

Гроссман В.С. – 121, 124, 126, 138,
315

Грубер Вильфрид – 45, 487

Губайдуллина С. – 173, 463

Губенко Н.Н. – 172, 211, 291, 395

Гульдберг Й. – 176

Д

Давыдов С. – 233, 251, 305, 329, 330,
375, 383, 384, 386, 387, 391, 411,
422, 428, 429, 432, 448

Даниэль Ю. – 364

Дедков И.А. – 278, 292, 294

Демидова А.С. – 172

Демичев П.Н. 230, 257, 324, 332, 491

Денисов Э.В. – 65, 172, 173, 177, 178,
182, 349, 492

Деннингхаус Виктор – 129–131, 153,
154, 161, 162, 167, 181, 183

Дидерихс Марио – 175, 176

Дикман Х. – 102

Додж Нортон – 165, 190

Додор Дашко – 59, 87, 122

Е

Евтушенко Е.А. – 135, 197, 240, 266,
316, 417

Егорычев В.В. – 344, 345, 358

Ельцин Б.Н. – 210, 241, 244, 245, 246,
256, 266, 379, 409, 412, 413, 446,
451, 475, 476, 478

Ж

Желтов Ю. – 270

Жигалов А. – 379, 404

Жириновский В.В. – 464

Жукова Т.И. – 107, 125, 128, 136, 142,
211, 233, 338, 416, 492

Журавлева Т.Н. – 125, 134

Жутовский Б.И. – 264, 406, 461, 463

З

Зайцев Е.В. – 49, 50, 113, 120, 121,
123, 128, 257, 301, 308, 324, 332,
492

Зайцева В. – 49

Захаров В.Г. – 145, 291, 292, 358, 492

Зверев А.Т. – 120, 171, 277

Зверев И.Ю. – 179, 210, 216, 437

Зверева Е.А. – 437

Зигль Эльфи – 36, 38, 58, 144, 145,
147, 148, 154, 162, 175, 181, 338,
350, 492

Золотусский И.П. – 478

И

Иванов В.В. – 43, 122, 129, 130, 146,
325, 416

Икрамов К.А. – 63, 65, 383, 402

Икрамова А.К. – 288, 403

Икрамова О. – 406, 464

Ильичева М. – 335

Инфанте Ф. – 284

Искандер Ф.А. – 63, 65

К

- Кабаков И.И. – 25, 83, 102, 105, 113, 114, 135, 140, 141, 144–146, 150, 157, 164, 172, 204, 213, 214, 220, 249, 264, 270, 303, 492
- Каменев В. – 229, 238, 291, 297, 301, 342, 347, 349, 356, 357, 456
- Камшалов А.И. – 265
- Карелиц О. – 108
- Карякин Ю.Ф. – 417
- Кастль Йорг – 27, 28, 32, 34, 37, 45, 58, 60, 96, 108, 119, 161, 169, 172, 177, 180, 493
- Кашировский А.М. – 394
- Квицинский Ю.А. – 167
- Келлерман В.Р. – 54, 57, 74, 77–79, 89, 95, 100, 107, 108, 114, 124, 127, 132, 137, 139, 142, 161, 191, 192, 194, 199, 200, 203, 219, 224, 231, 307, 313, 329, 337, 359, 360, 378, 389, 408, 411, 413, 415, 420, 426, 437, 441, 444, 448, 451, 456, 459, 460, 493
- Келли Петра – 111, 113, 120–122, 125, 135, 138, 142, 144, 147–150, 154, 158, 159, 162, 187, 214, 216, 222, 228, 243, 258, 277, 279, 324, 374, 391, 419, 423, 471, 493
- Кепплер Уте – 22, 55, 58, 68, 81, 82, 90–92, 94, 97, 176, 178, 240, 277, 416, 457, 468, 493
- Кепплер Эрхард – 88, 164, 433, 493
- Киселев О.Г. – 19, 38, 105, 108, 135, 136, 142, 144, 161, 166, 175–178, 182, 190, 199, 219, 221, 223, 225, 227, 241, 243, 254, 271, 300, 317, 357, 493
- Клыков В.М. – 155
- Кнооп Андрея, фон – 8, 27, 48, 53, 54, 59, 61–63, 78, 81, 82, 146, 203, 280, 281, 296, 306, 310, 318, 324, 416, 418, 474, 487, 494
- Козлов Г.А. – 208, 306
- Козлов И. – 108, 175
- Колейчук А. – 230
- Колодзей Т. – 172, 243
- Комиссарова Н.В. – 276, 317, 350, 353–355, 386, 435, 477
- Копелев Л.З. – 25, 27, 80, 97, 98, 112, 146, 152, 164, 187, 203, 205, 258, 274, 279, 283, 374, 380, 383, 386, 390, 475, 494

- Королев Ю.К. – 102, 150, 221, 233
- Коротич В.А. – 245, 271, 283, 299, 366
- Краснопевцев Д.М. – 170
- Крегер Татьяна – 75, 81, 90, 102, 310
- Крейцер М. – 101, 111
- Крелин Ю.З. – 65, 254, 383, 494
- Кремер И.С. – 180, 288, 294, 301, 324
- Кристианс Фридрих Вильгельм – 131, 140, 310, 324, 326, 416, 435
- Крымова Н.А. – 172
- Кудрявцева В.Ю. – 131, 452, 458
- Кузнецов Ф.Ф. – 131, 167, 183, 316, 456
- Куняев С.Ю. – 266, 396
- Кухинке Норберт – 69, 165, 271
- Кучкина О.А. – 358

Л

- Ламбсдорф Хаген – 79, 231
- Лапин А.И. – 121, 190, 200, 385, 388, 411, 440, 443, 448, 453, 460, 463, 469, 475, 477, 495
- Лебан Аксель – 310, 311
- Левитанский Ю.Д. – 63, 65, 68, 70, 193, 197, 198, 253
- Лейрак Серж – 403
- Лемпорт В.С. – 15, 34, 39, 47, 51, 52, 115, 210, 221, 230, 250, 251, 337, 410, 495
- Лёнейзен Ильва, фон – 426, 434, 494
- Ленин В.И. – 293, 323, 348, 353, 408, 417
- Лернер Ю. – 276
- Лигачев Е.К. – 106, 143, 210, 241, 275, 294, 324, 388
- Лихачев Д.С. – 105, 110, 113, 114, 120–122, 125, 127, 134, 135, 145, 148, 153, 154, 161, 162, 167, 174, 187, 188, 197, 206, 221, 263, 293,
- Логинов О. – 171, 185, 189, 377, 431, 460, 461, 463
- Лозовская К.И. – 187, 188, 371–374
- Лотман Ю.М. – 430
- Лукиянов А.И. – 394
- Лунина Л. – 162, 174, 179
- Лушников М. – 145
- Любимов Ю.П. – 80, 107, 128, 136, 211, 291, 395, 416
- Людвиг Петер – 103, 140, 204, 286, 298, 303
- Ляховецкий М. – 8, 217, 219, 228, 231, 241, 243, 247, 248, 250, 254,

255, 257, 258, 260, 265, 270, 277,
279, 280, 283, 310, 392, 495

М

Майдель Рената, фон – 21, 22, 58, 82,
90–92, 94, 97, 277, 361, 402, 430,
433, 437, 457, 462

Майер-Ландрут Андреас – 26–30, 37,
180

Майстер Ульрих – 176

Максимов В.Е. – 205

Марголина И.Р. – 219

Маркин Ю.П. – 280, 293, 295, 305,
308, 314, 316, 319, 330, 334, 349, 355,
378–380, 388, 390, 391, 393, 403, 496

Марченко А.Т. – 148

Маслеша Ведрана – 59

Маслеша Свето – 59

Маяковский В.В. – 242, 250, 251

Медведев Ж.А. – 372, 373

Медведев Ю.Д. – 172

Мейланд В. – 325, 341, 366

ван Метерен Удо – 28, 29, 35, 61, 101,
140, 224, 227, 292, 293, 296, 310,
311, 324, 345, 435, 497

Мигдал А.Б. – 65, 135, 191, 192

Мирный П. – 216

Михалков С.В. – 197

Мориц Ю.П. – 13, 63, 65, 167, 211–
213, 216, 218, 219, 224, 228, 233,
253, 259, 265, 266, 283, 304, 305,
308, 319, 326, 331, 370–374, 414,
432, 443, 456, 497

Морозов А.И. – 162, 174, 179, 180,
378

Мотовилов Г.И. – 51

Мур Генри – 192, 220, 459, 465

Муравьев В.П. – 221, 355, 356, 365,
382, 496

Муравьева А.М. – 355

Мэжельман Райнер – 61, 131

Н

Нагибин Ю.М. – 128

Наннен Генри – 235, 240, 298, 302

Невзоров А.Г. – 379, 464

Неизвестный Э.И. – 40, 165, 181, 190,
204, 205, 213, 230, 314, 366, 378,
384, 496

Некрасов В.Н. – 284, 443, 466

Немчевская С. – 393

Никольский Ю.В. – 195, 196

Никонов П.Ф. – 48, 205, 287, 309, 496

Нольде Н.Л. – 19, 111, 192, 199, 219,
224, 227, 230, 233, 254, 276, 298, 307,
313, 317, 335, 346, 352, 353, 354, 360,
375, 377, 385, 391, 392, 421, 422, 434,
437, 449, 460, 465, 483, 496

Нуйкин А. – 280

О

Огнев В.Ф. – 167

Окуджава Б.Ш. – 63, 65, 259, 380, 432

Орехов Ю.Г. – 50, 51, 53, 54, 67–72,
74, 76, 80, 84–86, 90, 93, 99, 113,
120, 155, 160, 196, 209, 345, 496

Орлова Р.Д. – 25, 27, 58, 146, 267,
270, 274, 279, 325, 327, 333, 383

П

Палиевский П.В. – 131

Пастернак Ю. – 228, 247, 283, 326,
336, 404, 405

Пацюков В.В. – 102, 172, 185, 316

Пекарский М.И. – 448, 466, 467, 497

Петерс Ханс Альберт – 101, 103, 109,
111, 130

Петров А. – 270

Петровская Е.В. – 370

Петровский В.Ф. – 343, 344, 370

Пешлер Эрик – 130, 157, 200, 221,
256, 270, 271, 282, 302–304, 316,
360

Пивоваров В.Д. – 75

Плайтген Фриц – 184

Платонов А.П. – 321

Пliche В.О. – 425, 434, 436, 448, 458

Позин А.В. – 88, 107, 108, 134, 156, 159,
192, 202, 411, 419, 454, 459, 465, 466

Покровский А.В. – 65

Польская Л. – 156, 254

Полянский В.К. – 99

Понто Йорген – 140

Попов И. – 113

Пригов Д.А. – 157, 317, 392

Проскурин П.Л. – 266, 275

Пушкин А.С. – 101, 454

Р

Распопов Г. – 39, 41, 42, 47, 48, 68

Распутин В.Г. – 167, 190, 197, 241, 396

Расторгуев А. – 163
 Рейган Рональд – 287, 292, 301, 306,
 308, 316
 Ретивова Т. – 381
 Ринзер Луизе – 61, 380
 Рифф Давид – 19, 30, 57, 60, 82, 91,
 95, 105, 121, 140, 165, 193, 223, 326,
 327, 331, 334, 415, 418, 421, 424–
 426, 431, 434, 450, 460
 Рифф Майкл – 91, 105, 193, 418, 466
 Рождественский Р.И. – 266
 Розов В.С. – 172
 Розовский М.Г. – 135
 Рублев Г. – 47, 48
 Рукавишников А.И. – 361
 Рукавишников И.А. – 361
 Рухманов А.А. – 457
 Рухманова Н. – 455, 457
 Руцкой А.В. – 455
 Рыжков Н.И. – 106

С

Савостюк О.М. – 67, 72, 103, 145,
 150, 155, 160, 309
 Сагдеев Р.З. – 13, 65, 66, 68, 93, 100,
 113, 125, 126, 132, 159, 160, 168,
 180, 203, 259, 263, 272
 Салахов Т.Т. – 103, 131, 150
 Сапгир Г.В. – 83, 135, 392
 Сарнов Б.М. – 303, 382, 437
 Сахаров А.Д. – 112, 154, 215, 263, 390
 Сахно Хелен, фон – 167
 Свешников Б.П. – 214
 Свиблова О.Л. – 213, 283, 326
 Селютина Л.С. – 142
 Семенов В.С. – 159, 168
 Сидур (Мазий) Г.А. – 18, 361, 381,
 386, 391, 408, 416, 420, 421, 426,
 435, 436, 441, 444–446, 449, 457,
 466
 Сидур Д.В. – 19, 30, 59, 63, 72, 81,
 105, 121, 132, 158, 224, 234, 251,
 283, 306, 309, 324, 325, 327, 328,
 330, 334, 365, 380, 387, 389, 393,
 402, 403, 406, 411, 418, 421, 426,
 429, 435, 448, 451, 460, 471, 478,
 498
 Сидур Л.М. – 25, 49, 59, 63, 72, 81,
 121, 132, 169, 180, 234, 393, 402,
 405, 406, 411, 415, 418, 435, 437

Силис Н.А. – 15, 34, 39, 47, 51, 115,
 210, 221, 230, 410
 Синявский А.Д. – 374
 Скэмвел Майкл 38, 166, 187, 188,
 259, 364, 370–373, 391, 434
 Славкин В.И. – 135
 Слепышев А.С. – 113, 150, 181, 204,
 249, 264, 298, 316, 317, 364, 365,
 369, 387, 413, 417, 420, 423, 440,
 441, 452, 461
 Смагина Е.Б. – 327
 Смехов В.Б. – 142, 235, 272, 291, 292,
 298, 338, 349, 359, 380, 403, 404,
 411, 416, 417, 422, 435, 462
 Смирнов-Осташвили К.В. – 417
 Соболев Ю.А. – 227
 Соколов И.Г. – 443
 Соколова Т.М. – 50
 Солженицын А.И. – 187, 188, 371,
 372, 374, 379
 Соостер Ю. – 213
 Спасская В. – 140, 381
 Спивак М. – 88
 Сталин И.В. – 239, 252, 279, 321, 323,
 329, 349, 408,
 Стародубцев С.М. – 382, 384, 388,
 390, 392, 397, 403, 417, 421, 423,
 426, 430, 434, 441, 444, 461, 468
 Стил Джонатан – 28, 60, 306, 375
 Суворов А. – 276
 Сукоян Т. – 149
 Сундуков А. – 104, 157
 Суровцева Е. – 104, 108
 Сьюард Дэбби – 87, 100

Т

Табенкин И.Л. – 104
 Табенкин Л.И. – 104, 157
 Талочкин Л.П. – 264, 267, 275, 277,
 460, 463, 494
 Тамойко Ю.В. – 107, 111, 114, 121,
 127, 128, 140, 141, 157, 170, 171,
 175, 202
 Тарасов В.П. – 328
 Тарковская М.А. – 318
 Тарковский А.А. – 188, 242, 318
 Тимофеев С. – 339, 419, 459, 463, 465
 Толкачева А.В. – 19, 404, 406, 407,
 413, 462, 467
 Толстой И.Н. – 284

Торнау Р. – 136, 142
 Трифонова О.Р. – 135
 Трофимова С.А. – 246, 253, 280, 288–
 291, 299, 301, 304, 305, 317, 320,
 329, 330, 338, 339, 342, 346, 347,
 356
 Туманов О.А. – 58

У

Успенская И. – 227, 230, 309, 361

Ф

Фалин В.М. – 159, 160, 167, 180, 210,
 218
 Фельцман В. – 214
 Филатов Л.А. – 142
 Фигут Рольф – 97
 Фляйшер Михаил – 138, 158
 Фокин В. – 448, 463
 Фокина О.Ю. – 270, 294, 300, 308,
 310, 326, 334, 374, 382, 434, 461,
 462, 466, 468, 499
 Фольперг Астрид – 380, 431. – 443,
 446, 467, 478
 Фридман К. – 310
 Фрэнз И.И. – 300

Х

Хаммер Арманд – 293
 Харитонов М.С. – 201, 255, 256, 264,
 269, 272, 277, 283, 295, 302, 303,
 308, 314, 318, 354, 377, 415, 430,
 499
 Хаткова Н.Д. – 343, 344, 346, 357
 Хенкин Е. – 375
 Хенри Петер – 101, 105
 Хорошилов П.В. – 287
 Хоффман-Вертер Матиас – 71, 73
 Хрушев Н.С. – 97, 205
 Худенко И.Н. – 241, 242

Ч

Чаковский А.Б. – 106, 254
 Черниченко Ю.Д. – 167
 Чуйков И.С. – 83, 157
 Чуковская Л.К. – 187, 372, 373
 Чумак А.В. – 394
 Чупринин С.И. – 468, 476, 477

Ш

Шабушкина М.В. – 226, 229, 232, 233,
 237–239, 244–246, 253, 255, 271,
 288, 291, 294, 297, 299, 301, 317,
 319, 320, 335, 342, 346, 347, 249,
 350, 356, 357, 456, 477, 499
 Шайхет А. – 410
 Шанцев В.П. – 347
 Шатон Юрий – 27, 97, 160
 Шатров М.Ф. – 271
 Шауро В.Ф. – 132
 Шварцман М.М. – 150
 Шеварднадзе Э.А. – 147, 210, 259,
 436, 446
 Шевелев М. – 179, 210
 Шевченко Т.Г. – 216
 Шелковский И.С. – 67
 Шемякин М.М. – 204, 240
 Шенк Дорис – 27, 33, 36, 58, 76, 79,
 82, 99, 110, 119, 126, 138, 146, 159,
 164, 168, 177, 183, 201, 203, 204,
 240, 243, 252, 258, 313, 334, 435,
 469, 474, 499
 Шилов А.М. – 288
 Шлегель Ханс – 334
 Шмурло Збигнев Томаш – 49, 73, 74,
 98, 124, 126, 149, 152, 158, 164, 193,
 330, 500
 Шнитке А.Г. – 45, 65, 79, 80, 86, 87,
 99, 100, 172, 173, 177, 182, 468
 Шпильман Петер 119, 173, 204, 245,
 256, 260, 283, 415, 420, 435, 451,
 452, 500
 Шрамайер Клаус – 37, 45, 54, 64, 65,
 79, 82, 83, 86, 101, 102, 105, 119,
 123, 134, 145, 153, 161, 162, 185,
 214, 221, 282–284, 500
 Штейнберг Э.А. – 25, 109, 121, 130,
 157, 214, 249, 270
 Штурман А. – 389
 Штутман Л.И. – 119, 181, 191, 203,
 461
 Шульга Грета – 156, 157, 178, 183,
 204, 218
 Шульц Марьяна – 337, 338, 377, 395,
 407, 409, 412, 414, 418, 419, 421,
 424, 431, 432, 434, 442, 450, 462,
 464, 469, 476, 478, 500
 Шумов А. – 111, 114, 121, 127, 128,
 140, 141, 146, 149, 151, 155, 157,
 171, 180, 189, 219, 228, 236, 240,

248, 251, 255, 256, 268, 275, 279,
361, 378, 388, 390, 403, 405, 416

Шункова Е.В. – 70, 74, 76, 77, 80, 83–
86, 89, 90, 113, 156, 181, 195, 414,
417, 441

Шухман Бригитта – 114

Э

Эгелинг Вольфрам – 61, 388, 390, 403

Эдельман Г.С. – 269

Эйдельман Н.Я. – 98

Эйнштейн А. – 259

Энгельбрехт Уве – 54, 55, 79

Этингер Я.Я. – 359

Эфрос А.В. – 107, 135, 136, 172, 211,
242, 291, 292

Я

Яблонская М.Н. – 157, 162, 170, 171

Яковлев А.Н. – 68, 89, 93, 100, 113,
121, 123, 126, 132, 180, 210, 253,
299, 316, 370, 436, 501

Яковлев В.И. – 168

Яковлев Е.В. – 160, 174, 179, 210, 501

Яковлева О.М. – 172

Ямщиков С.В. – 162

Янкилевский В.Б. – 84, 150, 157, 264,
270, 284, 303, 501

Ярузельский Войцех – 301

Яспер Беате – 15, 266, 277, 304, 322,
328, 393, 501

Юлия Сидур – Карл Аймермахер
«ВРЕМЯ НОВЫХ НАДЕЖД...»
Переписка 1986–1992
Обработка текста Владимира Воловникова

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

ISBN 591022258-9

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 13.05.2014
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 32,0
Тираж 700 экз. Зак.